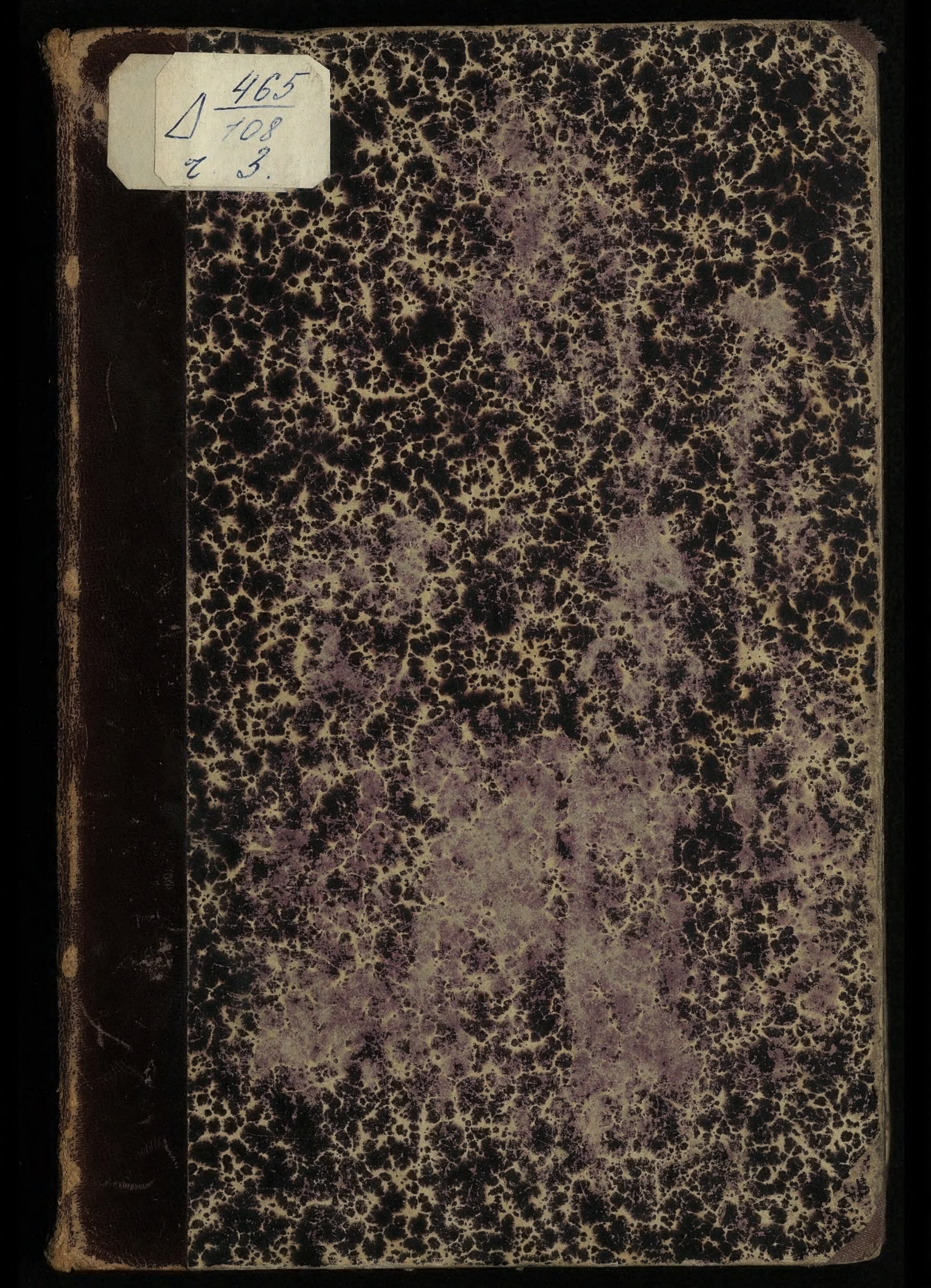

Д 465/108
т. 3.

10 планов

ВСЕОБЩАЯ ВОЕННАЯ ИСТОРІЯ ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

От начала 2-й пунической войны до начала войны Юлія Цезаря въ Галліи

(218 г. — 58 г. до Р. Х.).

СОСТАВИЛЪ

Князь Н. С. Голицынъ,

Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенантъ, Членъ Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,

по мойкѣ № 5.

1874.

2014080252

Les faits passés sont bons pour nourrir l'imagination et meubler la mémoire: c'est un répertoire d'idées que le jugement doit épurer.

Frédéric II.

La tactique, les évolutions, la science de l'officier du génie, de l'officier d'artillerie peuvent s'apprendre dans des traités; — mais la connaissance de la grande tactique ne s'acquiert que *par l'expérience et par l'étude de l'histoire* des campagnes de *tous les grands capitaines.*

Napoléon I.

Faites la guerre offensive comme Alexandre, Annibal, César, Gustave-Adolphe, Turenne, le prince Eugéne et Frédéric; — lisez, relisez l'histoire de leurs 88 campagnes, modelez-vous sur eux, — c'est le seul moyen de devenir grand capitaine et de surprendre le secret de l'art: votre génie, ainsi éclairé, vous fera rejeter des maximes opposées à celles de ces grands hommes.

Napoléon I.

Wissenschaftliches Streben und wissenschaftliche Erfahrung bilden den Feldherrn, nicht bloss eigene Erfahrung; — denn welches Menschenleben ist thatenreich genug, um sie im vollen Maasse zu gewähren? — und *wer hatte je Uebung* in der schweren Kunst des Feldherrn, *ehe er zu dieser* erhabenen Stelle gelangte? — sondern *Bereicherung* des eigenen Wissens durch fremde Erfahrung, durch *Kenntniss* und Würdigung früherer Nachforschungen, durch Vergleiche berühmter Kriegsthaten und folgenreicher Ereignisse aus der Kriegsgeschichte.

Erzherzog Karl.

Les faits passés sont bons pour nourrir l'imagination et meubler la mémoire, c'est un répertoire d'idées que le jugement doit épurer.

Frédéric II.

La tactique, les évolutions, la science de l'officier du génie, de l'officier d'artillerie peuvent s'apprendre dans des traités; — mais la connaissance de la grande tactique ne s'acquiert que par l'expérience et par l'étude de l'histoire des campagnes de tous les grands capitaines.

Napoléon I.

Faites la guerre offensive comme Alexandre, Annibal, César, Gustave-Adolphe, Turenne, le prince Eugène et Frédéric; — lisez, relisez l'histoire de leurs 88 campagnes, modelez-vous sur eux, — c'est le seul moyen de devenir grand capitaine et de surprendre le secret de l'art: votre génie, ainsi éclairé, vous fera rejeter des maximes opposées à celles de ces grands hommes.

Napoléon I.

Wissenschaftliches Streben und wissenschaftliche Erfahrung bilden den Feldherrn, nicht bloss eigene Erfahrung; — denn welches Menschenleben ist thatenreich genug, um sie im vollen Maasse zu gewähren? — und wer hatte je Uebung in der schweren Kunst des Feldherrn, ehe er zu dieser erhabenen Stelle gelangte? — sondern Bereicherung des eigenen Wissens durch fremde Erfahrung, durch Kenntniss und Würdigung früherer Nachforschungen, durch Vergleiche berühmter Kriegsthaten und folgenreicher Ereignisse aus der Kriegsgeschichte.

Erzherzog Karl.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая III часть всеобщей военной исторіи древнихъ временъ заключаетъ въ себѣ изложеніе войнъ римлянъ отъ начала 2-й пунической войны въ 218-мъ году до Р. Х.—до начала войны Юлія Цезаря въ Галліи въ 58-мъ году до Р. Х. Этотъ 160-лѣтній періодъ времени, вмѣстѣ съ непосредственно слѣдующимъ за нимъ, 29-лѣтнимъ періодомъ войнъ Юлія Цезаря и послѣ его смерти до Августа или образованія римской имперіи въ 30 году до Р. Х. (который составитъ содержаніе IV части), есть самый важный, *занимательный* и поучительный изъ всей *военной* исторіи древнихъ временъ. Необыкновенно важныя, въ отношеніи къ военной исторіи и къ военному искуству, войны: 2-я пуническая, послѣдовавшія за нею и междуусобныя послѣднихъ временъ римской республики, особенно же походы двухъ великихъ полководцевъ древности—Аннибала и Юлія Цезаря, цѣлыхъ девятнадцать вѣковъ со времени ихъ всегда возбуждали и никогда не перестанутъ возбуждать справедливыя вниманіе и удивленіе потомства вообще и военныхъ людей въ особенности, и для послѣднихъ преимущественно никогда не могли и не могутъ оставаться чуждыми ближайшихъ изслѣдованія и изученія. Со времени ихъ и до нашихъ дней они удостоились изслѣдованія, изложенія и критическаго разбора на всѣхъ языкахъ

древнихъ и новѣйшихъ образованныхъ народовъ, и военная литтература ихъ необыкновенно обширна и богата. У насъ въ Россіи, къ сожалѣнію, доселѣ не имѣется на русскомъ языкѣ, не только самостоятельныхъ, оригинальныхъ военныхъ сочиненій о нихъ, но даже и новѣйшихъ, хорошихъ переводовъ такихъ иностранныхъ сочиненій о нихъ, которыя по всей справедливости признаются классическими. Настоящее изданіе, хотя и не въ обширныхъ размѣрахъ, имѣетъ цѣлію восполнить этотъ ощутительный недостатокъ въ нашей отечественной военной литтературѣ—и счастливымъ счелъ бы себя составитель, еслибы этотъ первый опытъ его удовлетворилъ хотя отчасти цѣли его и возбудилъ у насъ въ Россіи усердіе къ изслѣдованію и изученію предмета содержанія его и къ болѣе обстоятельному изложенію онаго.

По причинѣ, указанной мною въ предисловіи къ II части всеобщей военной исторіи древнихъ временъ (утратѣ рукописи), изложеніе всей 2-й пунической войны составлено мною нынѣ совершенно вновь и съ особенною тщательностью и даже подробностью, на основаніи главныхъ и лучшихъ источниковъ и пособій, какъ древнихъ (особенно Полибія и Тита Ливія), такъ и новѣйшихъ (особенно генераловъ Водонкура и Лоссау).

Слѣдующія же шесть главъ (XXX — XXXV) были составлены мною еще въ 1838—47 годахъ, но нынѣ тщательно пересмотрѣны, исправлены и пополнены.

IV часть всеобщей военной исторіи древнихъ временъ (отъ начала войны Юлія Цезаря въ Галліи до Августа) уже приготовлена къ печати и будетъ издана въ непродолжительномъ времени.

Особенныя обстоятельства составленія и изданія II, III и IV частей всеобщей военной исторіи древнихъ временъ заставили меня раздѣлить изложеніе III періода оной (отъ Александра В.

до Августа) на три части (см. предисловіе къ II части). Между тѣмъ весь этотъ занимательный и поучительный періодъ, по политическому и военному характеру входящихъ въ него войнъ римлянъ, естественнымъ образомъ раздѣляется на двѣ неравныя половины: 1-я—отъ смерти Александра В. и начала войнъ римлянъ съ самнитянами—до начала римскихъ междуусобныхъ войнъ (главы XVIII—XXX)—190 лѣтъ (323—133),—а 2-я—отъ начала этихъ послѣднихъ войнъ до Августа или образованія римской имперіи (главы XXXI—XXXV и *слѣдующія за ними*)—103 года *(133—30)*. Поэтому нынѣ мною приняты мѣры для того, чтобы означенныя II, III и IV части могли быть, по желанію (при переплетѣ), соединены въ двѣ части до и отъ начала римскихъ междуусобныхъ войнъ, какъ означено выше. Съ этою именно цѣлію мною приложены особенные заглавные листы къ 1-й половинѣ III части (до междуусобныхъ войнъ) и къ 2-й половинѣ ея (отъ начала этихъ войнъ до Августа). Такимъ образомъ изложеніе войнъ отъ смерти Александра В. до начала римскихъ междуусобныхъ войнъ составитъ II часть *и 1-ю половину* III *періода, а изложеніе римскихъ* междуусобныхъ войнъ отъ *начала* ихъ до Августа составитъ III часть и 2-ю половину III періода.

Затѣмъ изложеніе войнъ римской имперіи отъ начала ея до разрушенія западной части оной—я нахожу возможнымъ издать, не въ двухъ частяхъ, какъ предполагалъ прежде (см. предисловіе II части), но въ одной V-й, которою и будетъ заключена всеобщая военная исторія древнихъ временъ.

Къ настоящей III части приложены небольшіе: карта перехода Аннибала черезъ Альпы и планы главныхъ сраженій 2-й пунической войны и двухъ сраженій при Кинокефалахъ и Пиднѣ. Карты же древнихъ: Азіи, Африки, Европы, Греціи и Италіи, для общаго обзора войнъ, походовъ и военныхъ движеній и дѣйствій,

уже приложены къ I и II частямъ всеобщей военной исторіи древнихъ временъ. Онѣ достаточны для этой цѣли, хотя, безъ сомнѣнія, желательно было бы, чтобъ онѣ были составлены въ нѣсколько большемъ масштабѣ; но, къ сожалѣнію, это пока невозможно.

Князь Н. Голицынъ.

Февраль 1874 года.

ВСЕОБЩАЯ

ВОЕННАЯ ИСТОРІЯ

ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

ОТЪ НАЧАЛА 2-Й ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ ДО НАЧАЛА РИМСКИХЪ МЕЖДУУСОБНЫХЪ ВОЙНЪ

(218 г. — 133 г. до Р. Х.).

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ОТДѢЛЕНІЯ III ПЕРІОДА ВСЕОБЩЕЙ ВОЕННОЙ ИСТОРІИ ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ ОТЪ НАЧАЛА 2-й ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ ДО НАЧАЛА РИМСКИХЪ МЕЖДУУСОБНЫХЪ ВОЙНЪ (*218 г. — 133 г. до Р. Х.*).

СТРАН.

СТРАН.

ВАЖНѢЙШІЯ ИСПРАВЛЕНІЯ

КОТОРЫЯ НЕОБХОДИМО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ИМѢТЬ ВЪ ВИДУ.

Въ текстѣ:

СТРАН.	СТРОКИ.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
34	9-я снизу	2 были за Monte-Viso,	3 были за Monte-Viso,
67—69, 71—73, —75	въ заглавіяхъ	Дѣйствія въ Кампаніи.	Дѣйствія въ Кампаніи, Самніѣ и Апуліи.
159	въ заглавіи	Сраженія при Аскулѣ (210 г.	209 г.—Сраженія при Аскулѣ.
161	въ заглавіи	Взятіе Тарента римлянами.	209 г.—Взятіе Тарента римлянами.
163	въ заглавіи	Дѣйствія въ Испаніи.	209 г.—Дѣйствія въ Испаніи.
165	въ заглавіи	208 г. Бездѣйствія въ Италіи.	208 г. — Бездѣйствіе въ Италіи.
166	10-я снизу	ни этимъ послѣднимъ,	ни этому послѣднему,
188	11-я сверху	(Sevilla veta),	(Sevilla veja),
193	въ заглавіи	206 г.—Покореніе римлянами.	206 г.—Покореніе римлянами Испаніи.
201	въ заглавіи	204 г.—Дѣйствія въ Испаніи.	201 г.—Дѣйствія въ Италіи.
207	18-я сверху	(холодныя воды,	(теплыя воды,
208	14-я снизу	около 4-хъ миль	около 4-хъ римскихъ миль
212	15-я »	вскорѣ	въ 192 г.
210	6-я »	онъ Аннибалъ)	онъ (Аннибалъ)
253	8-я сверху	при Ѳермопилахъ	при Киноскефалахъ
276—277	Между этими двумя страницами должны быть помѣщены приложенные въ началѣ книги: заглавный листъ и оглавленіе Втораго Отдѣленія III періода и III части Всеобщей Военной Исторіи древнихъ временъ (133 г.—30 г. до Р. Х.), дабы это отдѣленіе могло составить особенную книгу—III-ю часть означенной исторіи.		
293	2-я-3-я снизу	vineae musculi	vineae, musculi
300	въ заглавіи	§ 113.	§ 213.
327	2-я сверху	Корбона	Карбона
341	4-я снизу въ заглавіи IV	-ю междуусобною	1-ю междуусобною
339	въ заглавіи	336 (страница)	339.
380	8-я снизу	но ни всегда	но не всегда

СПИСОКЪ

КАРТЪ И ПЛАНОВЪ СРАЖЕНІЙ, ПРИЛОЖЕННЫХЪ КЪ НАСТОЯЩЕЙ ЧАСТИ.

Примѣчаніе. На картѣ перехода Аннибала черезъ Альпы, по ошибкѣ, означенъ путь этого перехода черезъ Малый Сенъ-Бернардъ, вмѣсто пути черезъ Монъ-Сенисъ, означеннаго въ текстѣ. Но этотъ послѣдній легко можетъ быть означенъ на картѣ краской, по указанію текста.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ВТОРАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА (218—202).

I. События, предшествовавшія войнѣ и произведшія ее. — § 152. Взаимныя отношенія Рима и Карѳагена; — война наемниковъ. — § 153. Планъ Амилькара; — завоеваніе Испаніи карѳагенянами (236—221). — § 154. Аннибалъ до 221 г. — § 155. — Аннибалъ съ 221-го года; — планъ его. — § 156. Дѣйствія Аннибала въ Испаніи; — осада, взятіе и разрушеніе имъ Сагунта (221—219). — § 157. Объявленіе войны и приготовленія къ ней съ обѣихъ сторонъ.

Древніе источники: Полибій (книги I, II и III), — Діодоръ (отрывки), Титъ Ливій (книги XX, XXI и XXVII), — Аппіанъ и Флоръ; — новѣйшія историческія пособія: военныя: Vaudoncourt, Kausler, Lossau, Liskenne et Sauvan: Bibliothèque histor. et milit. ч. 2-я, Bernewitz, и пр.;—общія: Montesquieu, Heeren, Becker, Bötticher, Лоренцъ и пр., указанные въ ч. I въ Введеніи и въ ч. II гл. XX.

I.

Событія, предшествовавшія войнѣ и произведшія ее.

§ 152.

Взаимныя отношенія Рима и Карѳагена;—война наемниковъ.

Дабы составить себѣ надлежащее понятіе о взаимныхъ отношеніяхъ Рима и Карѳагена въ продолженіе 23 лѣтъ между 1-ю и 2-ю пуническими войнами, необходимо: во 1-хъ принять въ соображеніе, въ общей совокупности, все, что было изложено Ч. II. въ §§ 119—120—123—129—130 и 140—151,—и во 2-хъ войти въ разсмотрѣніе тѣхъ обстоятельствъ и событій, которыя послѣдовали за 1-ою войною, предшествовали 2-й и произвели ее.

Политическое соперничество Рима и Карѳагена—двухъ сосѣднихъ

*

и могущественнѣйшихъ, но существенно отличныхъ одна отъ другой, республикъ древности — уже въ продолженіе первой войны между ними превратилось во взаимныя вражду, ожесточеніе и ненависть, которыя постепенно усиливались все болѣе и болѣе, особенно со стороны Карѳагена — и не безъ причины. Римъ, слѣдуя обычной своей политикѣ (ч. II гл. XX § 129) — ослаблять побѣжденнаго сильнаго врага до послѣдней крайности, безъ всякаго милосердія, поступилъ и продолжалъ поступать въ отношеніи къ Карѳагену не только сурово и жестоко, но и съ явною несправедливостью, признавая всѣ средства пригодными и позволительными для достиженія собственныхъ своихъ цѣлей. Первый примѣръ *того онъ явилъ* въ предписаніи Карѳагену крайне тяжкихъ и унизительныхъ условій мира въ 241 году, а второй — вскорѣ послѣ того.

По заключеніи мира, Амилькаръ сложилъ съ себя начальствованіе надъ карѳагенскою арміей въ Сициліи и поручилъ полководцу Гистону распустить состоявшихъ въ этой арміи наемниковъ. Такъ какъ слѣдовавшее имъ жалованье составляло весьма значительную сумму денегъ, финансы же Карѳагена были крайне истощены, то Гистонъ и сталъ переправлять наемниковъ въ Африку по частямъ, дабы правительство могло имѣть время и возможность пріискать средства удовлетворить ихъ тоже по частямъ.

Но корыстолюбивые наемники предъявили такія требованія, которыя далеко превзошли ожиданія и расчеты карѳагенскаго правительства, а именно — они потребовали уплаты жалованья, слѣдовавшаго не только имъ, но и убитымъ въ Сициліи товарищамъ ихъ, и вознагражденія за всѣхъ павшихъ тамъ лошадей ихъ, а въ случаѣ отказа грозили взять и разграбить богатый, торговый городъ Карѳагенъ. Когда же устрашенное тѣмъ правительство согласилось на ихъ требованія, тогда они, внявъ коварнымъ внушеніямъ кампанца Спендія и африканца Маѳоса, что правительство только замышляетъ обмануть ихъ, взбунтовались и положили разграбленіемъ города Карѳагена удовлетворить себя самимъ. Въ этой страшной опасности, правительство могло противупоставить имъ только около 10 т. національныхъ карѳагенскихъ и африканскихъ войскъ, но начальствованіе надъ ними, по зависти и козням

нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ карѳагенскихъ родовъ, ввѣрило не Амилькару, а Ганнону. Ганнонъ же дѣйствовалъ такъ неискусно и неудачно, что мятежники вскорѣ осадили городъ Карѳагенъ и къ нимъ уже присоединились подвластные карѳагенянамъ африканцы (ливіо-финикіяне). Тогда только, когда опасность достигла уже высшей степени, начальствованіе надъ карѳагенской арміей было ввѣрено Амилькару. Онъ тотчасъ же обнаружилъ все свое искуство тѣмъ, что умѣлъ и успѣлъ раздѣлить соединенныя силы мятежниковъ и сталъ безъ пощады разбивать и истреблять ихъ по частямъ. По счастію, въ этомъ помогалъ ему и Іеронъ, царь сиракузскій, вѣрно понимая, по словамъ Полибія, что Сиракузы будутъ сохранять свою независимость только до тѣхъ поръ, пока между Римомъ и Карѳагеномъ будетъ равновѣсіе. Въ 237 г. Амилькаръ, взятіемъ Туниса, въ которомъ Маѳосъ искалъ послѣдняго убѣжища и спасенія, совершенно кончилъ эту опасную для Карѳагена войну и тѣмъ снискалъ себѣ славу спасителя своего отечества, благодарность своихъ соотечественниковъ и значительно усилилъ вліяніе свое и рода и приверженцевъ своихъ на государственныя дѣла.

Между тѣмъ Римъ недостойнымъ образомъ воспользовался стѣсненнымъ и опаснымъ внутреннимъ положеніемъ Карѳагена. Наемники его, находившіеся на островѣ Сардиніи, тоже взбунтовались и—когда карѳагеняне стали принимать мѣры для усмиренія ихъ—обратились къ Риму съ просьбой принять ихъ подъ свои покровительство и защиту. И Римъ не устыдился согласиться на это, подобно тому, какъ въ 264 г. не устыдился принять подъ свою защиту мамертинскихъ разбойниковъ! Онъ объявилъ вооруженія Карѳагена—нарушеніемъ мира, завладѣлъ навсегда Сардиніей, и Карѳагенъ, и безъ того уже истощенный, для отклоненія новой, невозможной для него войны, былъ вынужденъ согласиться на уплату Риму еще 1200 талантовъ! Тогда вражда Карѳагена противъ Рима превратилась уже въ непримиримую ненависть и въ жажду отмщенія ему, общія всей карѳагенской націи и особенно Амилькару, роду и приверженцамъ его. Эти чувства возрасли до такой степени, что имъ пожертвованы были всѣ основныя правила государственной политики, надолго ставшей выраженіемъ политики Амилькара Барки и его рода. Противная имъ

партія Ганнона и его рода и приверженцевъ, раздѣляя эти чувства, не менѣе ревностно старалась однако о сохраненіи мира съ Римомъ. Впрочемъ и Амилькаръ, какъ ни желалъ новой войны съ Римомъ, однако, въ высокой государственной мудрости своей, желалъ предпринять ее лишь тогда, когда доставитъ Карѳагену необходимыя для нея силы, средства и способы. Съ этою цѣлію онъ составилъ и предложилъ карѳагенскому правительству замѣчательный планъ—вознаградить Карѳагенъ за утрату Сициліи, Сардиніи, Корсики и прочихъ острововъ—завоеваніемъ Испаніи.

§ 153.

Планъ Амилькара;—завоеваніе Испаніи карѳагенянами (236—221).

Завоеваніе Испаніи представляло столько же несомнѣнныхъ, очевидныхъ выгодъ, сколько вмѣстѣ съ тѣмъ было трудно. Выгоды его заключались въ томъ, что Испанія была щедро надѣлена отъ природы всякаго рода естественными богатствами: многими большими и судоходными рѣками, обширными и отличными лѣсами, полезными для сооруженія флота, и неисчерпаемыми минеральными богатствами въ горахъ, особенно серебряными рудниками, славившимися своимъ обиліемъ; населена же она была чрезвычайно воинственными и храбрыми племенами. Естественныя богатства Испаніи могли доставить Карѳагену обильныя средства и способы, народонаселеніе же ея—отличныя войска въ составѣ его армій. Но, съ другой стороны, и мѣстность—рѣки, лѣса и горы, и народонаселеніе Испаніи представляли такія затрудненія для одолѣнія ихъ, завоеванія этой страны и прочнаго утвержденія въ ней, что въ Карѳагенѣ никто и никогда дотолѣ не отваживался даже помышлять объ этомъ предпріятіи. Амилькаръ первый замыслилъ его, справедливо сознавая себя способнымъ исполнить его и—втайнѣ, негласно, лишь для самого себя—не для одного только вознагражденія Карѳагена за его утраты, но и съ цѣлію, болѣе отдаленною и глубокою—завоевавъ Испанію и прочно утвердившись въ ней, образовать изъ нея превосходное основаніе дѣйствій для веденія войны противъ Рима на сухомъ пути, въ самой Италіи, въ самомъ средоточіи его могущества, и вмѣстѣ съ тѣмъ образовать въ Испаніи отличное, закаленное въ бояхъ и вполнѣ преданное ему,

Амилькару, войско, главную силу котораго составляли бы воинственные и храбрые испанцы и страшные римлянамъ, ненавидѣвшіе ихъ, сосѣдственные галлы. Планъ, какъ видно, достойный Амилькара, столько же, сколько самъ Амилькаръ былъ достоинъ такого плана. И первыя, главныя выгоды этого плана были до того очевидны, а вліяніе Амилькара и довѣріе къ нему правительства и народа столь сильны, что, не смотря на все противудѣйствіе Ганнона и его рода и партіи, правительство не могло не согласиться на предложеніе Амилькара и довѣрило ему исполненіе онаго, убѣжденное, что, въ случаѣ удачи, оно дѣйствительно принесетъ Карѳагену гораздо болѣе выгодъ, нежели еслибъ онъ удержалъ за собою Сицилію, и Сардинію, и Корсику, и всѣ другіе острова. А народъ карѳагенскій, исполненный непримиримой ненависти къ римлянамъ, съ своей стороны подкрѣпилъ согласіе правительства полнымъ одобреніемъ.

Превосходный планъ Амилькара былъ и исполненъ имъ (хотя, по случаю смерти его, и не вполнѣ) уже съ самаго начала весьма замѣчательнымъ образомъ. Такъ какъ Карѳагенъ уже не имѣлъ достаточнаго флота для перевоза арміи въ Испанію и притомъ сама благоразумная осторожность требовала избѣжанія этого, дабы не возбудить вниманія и противудѣйствія со стороны Рима, то Амилькаръ положилъ провести свое войско отъ предѣловъ карѳагенскихъ сухимъ путемъ чрезъ степи Африки къ Геркулесовымъ столбамъ (нынѣ *Гибралтарскій проливъ*) и переправиться черезъ него на перевозныхъ судахъ въ городъ Гадесъ (нынѣ Кадиксъ) въ Испаніи. Для совершенія этого труднаго похода заручившись вѣрностью, преданностью и повиновеніемъ ему, Амилькару, карѳагенскаго войска, частію деньгами, частію добычей, онъ въ 236 году благополучно совершилъ и походъ чрезъ Африку, и переправу въ Гадесъ. Начавъ отсюда, онъ 9 лѣтъ времени (236—227) велъ войну въ Испаніи съ такими искуствомъ и успѣхомъ, что частію кроткимъ обращеніемъ и мудрыми переговорами, большею же частію силою оружія умѣлъ и успѣлъ покорить значительную часть южной Испаніи и уже утвердить въ ней власть Карѳагена на прочномъ основаніи. Въ 227 г. онъ, по Аппіану, палъ въ бою съ испанцами, а по Діодору утонулъ въ рѣкѣ, и войско его было до того предано ему и его роду,

что провозгласило предводителемъ своимъ зятя его, Аздрубала, а карѳагенское правительство не могло не утвердить этого избранія. Аздрубалъ искусно и удачно продолжалъ начатое Амилькаромъ и, дѣйствуя болѣе мѣрами кроткими и искусными переговорами, нежели силою оружія, успѣлъ, по словамъ Діодора, привлечь къ себѣ испанскія племена до такой степени, что они добровольно избрали его своимъ стратигомъ-автократоромъ *или* вождемъ-царемъ. По словамъ того же историка, силы Аздрубала въ Испаніи простирались уже до 60 т. чел. пѣхоты, 8 т. чел. конницы и 200 слоновъ. Онъ значительно увеличилъ еще владѣнія Карѳагена въ Испаніи и на восточномъ берегу ея основалъ главный городъ, который назвалъ Новымъ Карѳагеномъ (нынѣ Картахена въ Мурсіи). На томъ же берегу находились многія, торговыя и богатыя, греческія поселенія, которыя извлекали большія выгоды изъ торговли съ испанцами. Значительнѣйшимъ и сильнѣйшимъ изъ этихъ поселеній былъ городъ Сагунтъ или Закинѳъ, поселеніе острова Закинѳа въ Греціи, на правой сторонѣ р. нижняго Ибера (нынѣ Эбро), недалеко отъ устья его. Съ утвержденіемъ карѳагенянъ въ Испаніи, греческія поселенія въ ней не только лишились многихъ прежнихъ выгодъ своихъ отъ торговли съ испанцами, но даже стали опасаться за свою независимость, и потому обратились съ просьбой о покровительствѣ и защитѣ къ Риму. Послѣдній, уже давно, зорко и ревниво слѣдившій за успѣхами карѳагенянъ въ Испаніи, съ радостью воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ положить имъ наконецъ преграду, принялъ Сагунтъ подъ свое покровительство и потребовалъ отъ Аздрубала, чтобы р. Иберъ была назначена предѣломъ карѳагенскихъ владѣній въ Испаніи. Аздрубалъ, не признавая еще владычества Карѳагена въ этой странѣ достаточно прочнымъ для того, чтобы начать войну съ Римомъ, былъ принужденъ заключить съ нимъ договоръ, по которому призналъ Сагунтъ подъ покровительствомъ Рима, а р. Иберъ границей карѳагенскихъ владѣній, и всякое непріязненное дѣйствіе карѳагенянъ противъ перваго и переходъ войскъ ихъ черезъ послѣдній должны были соотвѣтствовать нарушенію мира между Римомъ и Карѳагеномъ — еще новое и насильственное вмѣшательство перваго въ дѣла послѣдняго! Вскорѣ послѣ того, въ 221 г. Аздрубалъ былъ

убитъ однимъ испанцемъ изъ личной мести, и все карѳагенское войско въ Испаніи немедленно и единодушно избрало на его мѣсто своимъ полководцемъ сына Амилькара, Аннибала, хотя ему было тогда только 24 года отъ роду, а карѳагенское правительство, не смотря на сопротивленіе Ганнона и его партіи, утвердило выборъ войска.

§ 154.

Аннибалъ до 221 года.

Аннибалъ, одинъ изъ четырехъ сыновей Амилькара Барки, родился въ 245 г. *) и съ самыхъ раннихъ лѣтъ обнаружилъ необыкновенныя способности ума и качества души и получилъ самое тщательное греческое образованіе. Воспитаніемъ его руководилъ самъ отецъ его, сознававшій его великія способности и безъ ума любившій его. Въ основаніе воспитанія его онъ положилъ тѣ же чувства, которыя одушевляли его самого—пламенную любовь къ отечеству и непримиримую вражду къ Риму. Это подтверждается собственными словами Аннибала, сказанными имъ Антіоху сирійскому и приведенными Полибіемъ (кн. III гл. III): «Когда отецъ мой собирался отправиться съ арміей въ Испанію, мнѣ было только 9 лѣтъ; я находился возлѣ жертвенника въ то время, когда отецъ мой приносилъ жертву Юпитеру. Послѣ возліяній и другихъ предписанныхъ обрядовъ, Амилькаръ, удаливъ всѣхъ жрецовъ, велѣлъ мнѣ приблизиться и, лаская меня, спросилъ: не пожелалъ-ли бы я сопутствовать ему въ армію? Я отвѣчалъ ему, съ свойственною моему возрасту живостью, что не только ничего такъ не желаю, но даже убѣдительно прошу дозволить мнѣ это. Тогда онъ взялъ меня за руку, подвелъ къ жертвеннику и приказалъ поклясться надъ жертвами, что я никогда не буду другомъ римлянъ.» Затѣмъ онъ взялъ его съ собою въ армію и въ Испанію, но, по инымъ, чрезъ нѣсколько времени отослалъ его обратно въ Карѳагенъ для

*) Рожденіе его неправильно показывается иными въ 247-мъ, а другими въ 246 годахъ. По собственнымъ его словамъ, сказаннымъ Антіоху сирійскому и приведеннымъ Полибіемъ (кн. III, гл. III, см. выше), ему было 9 лѣтъ, когда отецъ его отправлялся въ 236 году въ Испанію. Слѣдовательно онъ родился въ 245 году, и въ 221 г. ему было 24 года, а въ продолженіи 2-й пунической войны съ 218 по 202-й г.—27-43 года отъ роду.

продолженія его воспитанія и образованія учеными греками, а по другимъ свѣдѣніямъ—Аннибалъ воротился въ Карѳагенъ уже по смерти Амилькара, въ 227 году. Но первое вѣроятнѣе послѣдняго, во 1-хъ потому, что Аннибалъ въ Испаніи не могъ надлежащимъ образомъ продолжать своего воспитанія и образованія, и во 2-хъ потому что, какъ извѣстно, Аздрубалъ, достойно цѣня способности Аннибала, зная, сколько онъ могъ быть полезнымъ ему и желая способствовать какъ пріобрѣтенію имъ военной опытности, такъ и его отличію и возвышенію, вызвалъ его въ 224 году (когда ему былъ 21 годъ отъ роду и слѣдовательно воспитаніе и образованіе его уже были довершены) въ Испанію. Партія Ганнона всячески старалась воспрепятствовать отправленію Аннибала; но сильнѣйшая партія Барцинская превозмогла—и Аннибалъ прибылъ въ Испанію. Аздрубалъ тотчасъ ввѣрилъ ему начальствованіе надъ всею конницею (можетъ быть потому, между прочимъ, что Аннибалъ обладалъ большими ловкостью и искуствомъ въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, владѣніи оружіемъ и верховой ѣздѣ и былъ отличный всадникъ и наѣздникъ). Здѣсь приведемъ слова такого свидѣтеля, котораго уже никакимъ образомъ нельзя подозрѣвать въ пристрастіи къ Аннибалу, а именно—Тита Ливія. «Съ самаго начала»—говоритъ онъ—«Аннибалъ обратилъ на себя взоры и снискалъ любовь цѣлаго войска. Съ особеннымъ участіемъ взирали на него старые, заслуженные воины, находившіе въ его чертахъ разительное сходство съ его отцомъ, ихъ любимымъ полководцемъ. Но вскорѣ личныя качества его еще болѣе привязали къ нему сердца всѣхъ. Дѣйствительно, никто и никогда не соединялъ въ такой степени, въ характерѣ своемъ, умѣнія повиноваться и начальствовать, а потому трудно было бы рѣшить, кто болѣе любилъ его, полководецъ или войско? Его, предпочтительно предъ прочими, избиралъ Аздрубалъ каждый разъ, когда нужно было привести въ исполненіе какое-либо предпріятіе, требовавшее особенныхъ рѣшимости и отважности. Войска же никому не оказывали такого довѣрія, какое имѣли къ нему, когда онъ предводительствовалъ ими. Никто не превосходилъ его неустрашимостью, когда предстояла опасность, ни присутствіемъ духа въ самой опасности. Никакіе труды не могли одолѣть тѣлесныхъ силъ его и твер-

дости его духа. Онъ одинаково переносилъ и холодъ, и зной. Необыкновенно умѣренный и воздержный въ пищѣ и питіи, онъ ѣлъ и пилъ въ такой лишь мѣрѣ, которой требовала самая строгая необходимость. Онъ трудился и отдыхалъ и днемъ и ночью безъ различія, посвящая сну только свободное отъ занятій время и не ища для сна ни тишины, ни спокойнаго ложа. Нерѣдко войска видали его спавшимъ на голой землѣ, въ плащѣ простаго воина, между стражами и часовыми. Отъ равныхъ себѣ онъ отличался не роскошью одежды, но добротою оружія и коней, и былъ въ одно и то же время и лучшимъ пѣшимъ и лучшимъ коннымъ воиномъ въ войскѣ. Наконецъ, онъ всегда первый шелъ въ бой и послѣдній возвращался изъ него» *). «Аннибалъ прослужилъ подъ начальствомъ Аздрубала въ Испаніи три года (224—221), въ продолженіи которыхъ тщательно старался образоватъ себя по примѣру искуснѣйшихъ военныхъ людей въ арміи и лично упражняться во всемъ томъ, что образуетъ великаго полководца».

§ 155.

Аннибалъ съ 221 года; планъ его.

Едва Аннибалъ былъ провозглашенъ и утвержденъ въ званіи главнаго предводителя карѳагенской арміи въ Испаніи, какъ немедленно положилъ, явно и гласно — довершить завоеваніе Испаніи, но втайнѣ, негласно — исполнить затѣмъ планъ, наслѣдованный

---

*) Затѣмъ Титъ Ливій уже измѣняетъ своему безпристрастію и, въ противуположность военнымъ добродѣтелямъ Аннибала, изображаетъ его, будто бы, пороки: безчеловѣчную жестокость, коварство, отсутствіе всякаго уваженія къ справедливости и ко всему, что только есть наиболѣе священнаго для человѣка, всякаго страха къ богамъ, всякаго уваженія къ святости клятвъ, всякаго религіознаго чувства! Но это изображеніе мнимыхъ Аннибаловыхъ пороковъ римскимъ историкомъ, проистекая лишь изъ глубокой ненависти римлянъ къ Аннибалу, столько же ложно и несправедливо, сколько напротивъ вѣрны и несомнѣнны высокія качества его души и его военныя добродѣтели, въ которыхъ не могли отказывать ему даже жестокіе враги его. Ни Полибій, ни Плутархъ, часто имѣвшій случай говорить объ Аннибалѣ, не приписываютъ ему ни одного изъ пороковъ, упоминаемыхъ Титомъ Ливіемъ, да и самое изложеніе событій симъ послѣднимъ явно опровергаетъ дѣйствительность и даже возможность этихъ пороковъ, какъ будетъ доказано въ своемъ мѣстѣ, ниже.

имъ отъ Амилькара и Аздрубала, который они, за преждевременною смертью своею, не успѣли привести въ исполненіе, а именно— прочно утвердясь въ Испаніи и опираясь на нее, перейти съ арміей черезъ р. Иберъ, Пиренеи, р. Роданъ (нынѣ Рона) и Альпы, и чрезъ земли трансальпинскихъ и цизальпинскихъ галловъ внести наступательную войну въ Италію и напасть на Римъ въ самомъ средоточіи его владычества и могущества! Планъ, справедливо всегда и всѣхъ поражавшій своими необъятными громадностью, величіемъ, геніяльностью, но и трудностью, и отважностью! Что этотъ планъ былъ первоначально составленъ еще Амилькаромъ и отъ него унаслѣдованъ и Аздрубаломъ, и Аннибаломъ, но приведенъ въ исполненіе лишь послѣднимъ, на то есть свидѣтельства исторіи и древнихъ историковъ, особенно Полибія. Послѣдній, разбирая истинныя причины Аннибаловой (т. е. 2-й пунической) войны (кн. III гл. II и III), сначала опровергаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ историковъ Аннибала, будто первою причиною войны была осада Аннибаломъ Сагунта, а второю— переходъ его съ арміей черезъ р. Иберъ, въ противность договору Аздрубала съ Римомъ. Полибій справедливо говоритъ, что, по его мнѣнію, то и другое только послужило началомъ войны, но вовсе не было причиною ея. Точно также онъ опровергаетъ мнѣніе римскаго историка Фабія, будто причинами войны были скупость и неограниченное честолюбіе Аздрубала, оскорбленіе, нанесенное Сагунту, тайное намѣреніе Аздрубала, а потомъ и Аннибала, образовать изъ кареагенскихъ владѣній въ Африкѣ и Испаніи монархію (!) въ свою пользу, въ противность желаніямъ и намѣреніямъ кареагенскихъ правительства и народа, изъ которыхъ, будто бы, никто не одобрялъ ни разрушенія Сагунта, ни войны, предпринятой противъ Рима Аннибаломъ! Справедливо и вѣрно опровергая нелѣпость такого мнѣнія Фабія, источникомъ которой была ненависть Рима къ Кареагену и Аннибалу, Полибій, съ своей стороны, полагаетъ, что причинъ войны было три: первая—ненависть Амилькара къ Риму и твердое намѣреніе его отмстить послѣднему, вторая—новый, несправедливый и недостойный поступокъ Рима противъ Кареагена, т. е. завладѣніе Сардиніей и принужденіе Кареагена уплатить еще 1200 талантовъ,

въ 237 году, и наконецъ третья—завоеваніе Испаніи Амилькаромъ (продолженное Аздрубаломъ и довершенное Аннибаломъ). Къ этому Полибій прибавляетъ, что хотя Амилькаръ умеръ за 10 лѣтъ (правильнѣе за 9 лѣтъ—227-218 г.) до войны, однако легко можно доказать, что онъ былъ главнымъ виновникомъ ея и въ доказательство приводитъ упомянутыя выше (§ 154) слова Аннибала Антіоху сирійскому. «Нельзя не сознаться»—прибавляетъ Полибій—«что это свидѣтельство ненависти Амилькара къ Риму и всѣхъ замысловъ, составленныхъ имъ противъ римлянъ—точно, вѣрно и не подлежитъ возраженію. Но эта ненависть его обнаруживается еще болѣе въ томъ, что онъ сдѣлалъ впослѣдствіи» *(т. е. по смерти своей)*, «ибо онъ возстановилъ противъ римлянъ двухъ враговъ: зятя своего, Аздрубала, и сына своего, Аннибала, притомъ такихъ, что затѣмъ ему уже нельзя было сдѣлать ничего болѣе, для обнаруженія ненависти своей къ римлянамъ во всей ея силѣ. Аздрубалъ умеръ прежде, нежели успѣлъ привести планъ его въ исполненіе, но Аннибалъ нашелъ впослѣдствіи случай явно предаться той враждѣ противъ римлянъ, которую завѣщалъ ему отецъ».

Сужденіе Полибія безспорно вѣрно и не подлежитъ сомнѣнію. Сличая его сжатое и краткое повѣствованіе съ болѣе подробнымъ, обстоятельнымъ изложеніемъ Тита Ливія и пополняя одно другимъ, при пособіи *осторожной и строгой критики и тщательныхъ изслѣдованій*, историческіе писатели новыхъ и новѣйшихъ временъ пришли къ тому единогласному заключенію, что планъ второй пунической войны (какъ ее называли римляне) или Аннибаловой (какъ ее называлъ Полибій и другіе греки), приведенный въ исполненіе Аннибаломъ, былъ составленъ еще Амилькаромъ и, за смертію его, переданъ Аздрубалу. Въ настоящее время это уже есть истина, не подлежащая сомнѣнію и нетребующая доказательствъ.

Громадность, трудность и смѣлость этого плана столько же очевидны, сколько и выгоды и преимущества его въ случаѣ удачи. Прежде нежели внести войну въ самую средину Италіи, необходимо было довершить завоеваніе Испаніи, прочно и надежно утвердиться въ ней, сдѣлать всѣ необходимыя военныя приготовленія къ походу

изъ нея сухимъ путемъ въ Италію и затѣмъ преодолѣть громадныя препятствія со стороны природы—два величайшихъ горныхъ хребта, Пиренеевъ и особенно Альповъ, и со стороны жителей—воинственныхъ и храбрыхъ галловъ между Пиренеями, Альпами и сѣверною Италіей, препятствія, которыя въ тѣ времена справедливо считались и дѣйствительно были непреодолимыми для арміи со всѣми ея принадлежностями—конницей, вьючными животными и тяжестями, а для карѳагенской арміи, въ которой обыкновенно были и слоны—и тѣмъ болѣе. Но и по удачномъ преодолѣніи всѣхъ этихъ препятствій, необходимо было еще установить прочныя и надежныя сообщенія наступательной арміи, чрезъ пройденное, огромное пространство края, съ главнымъ основаніемъ дѣйствій—Испаніей, ибо только изъ нея карѳагенская армія могла получать подкрѣпленія, средства и способы, необходимые для веденія войны въ Италіи. На полученіе же ихъ изъ Карѳагена не было никакой надежды, какъ потому, что главный источникъ силъ, средствъ и способовъ для веденія войны въ Италіи уже имѣлъ находиться въ карѳагенскихъ владѣніяхъ не въ Африкѣ, а въ Испаніи, такъ и потому, что Карѳагенъ былъ истощенъ 1-ю пуническою войною и лишонъ большей части своего флота, и господство на морѣ уже вполнѣ принадлежало Риму.

По всѣмъ этимъ причинамъ, внесеніе войны изъ Испаніи чрезъ Галлію въ Италію несомнѣнно и безусловно требовало предварительныхъ: глубокаго соображенія, вѣрнаго разсчета, тщательнаго приготовленія и надежнаго обезпеченія прочнымъ утвержденіемъ въ Испаніи, оставленіемъ въ ней части арміи и развѣданіемъ путей въ Галлію и Италію, свойствъ и способовъ края и расположенія жителей на этихъ путяхъ, а затѣмъ—самаго исполненія съ особенными: силою воли, мужествомъ, твердостью, энергіей, рѣшительностью и искуствомъ, для того, чтобы оно увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Но за то, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, оно могло обѣщать огромныя выгоды и преимущества въ наступательной войнѣ противъ Рима, съ той стороны, откуда онъ никакъ не могъ ожидать и дѣйствительно не ожидалъ ея—въ самой Италіи и въ самомъ средоточіи его могущества, безъ сомнѣнія—и при тѣхъ необходимыхъ условіяхъ нравственной

силы и высокаго искуства, которыя упомянуты выше. На сколько соотвѣтствовалъ Аннибалъ этой великой, но трудной задачѣ и какъ онъ ее исполнилъ отъ начала до конца—будетъ изложено ниже.

§ 156.

Дѣйствія Аннибала въ Испаніи;—осада, взятіе и разрушеніе имъ Сагунта (221—219).

Прежде всего Аннибалъ положилъ, какъ было сказано, довершить завоеваніе Испаніи и прочное утвержденіе въ ней. Онъ совершилъ это въ два похода (221—220), хотя и съ большими усиліями. Прежде всего онъ обратился противъ племени олькадовъ на р. Таго (близъ нынѣшняго города Толедо). Онъ осадилъ главный городъ ихъ Алѳею (по другимъ Картеію, около нынѣшняго города Окканы) съ такою энергіей и силой, что вскорѣ взялъ его. Устрашеные тѣмъ прочіе города олькадовъ добровольно покорились ему. Взявъ съ нихъ значительный денежный выкупъ (или, какъ говоритъ Полибій, перепродавъ ихъ жителямъ) и пріобрѣтя тѣмъ большія денежныя средства, онъ воротился съ арміей на зиму въ Новый Карѳагенъ. Щедрый для своихъ войскъ, наградивъ ихъ деньгами, обѣщавъ имъ и впредь награды и тщательно озаботившись снабженіемъ ихъ всѣмъ нужнымъ, онъ тѣмъ еще болѣе привлекъ къ себѣ ихъ любовь и преданность. Въ слѣдующемъ году (220) лѣтомъ онъ обратился противъ племени ваккеянъ, обитавшихъ близъ р. Дуро (нынѣ Дуеро), и сразу взялъ ихъ города Эрмантику или Салмантику (нынѣ Саламанка) и Арбокалу (нынѣ Тордесильясъ на р. Дуеро), изъ которыхъ послѣдній оказалъ упорное сопротивленіе. Во время осады Арбокалы, бѣжавшіе изъ Салмантики жители соединились съ бѣжавшими же олькадами и съ обитавшими къ западу отъ послѣднихъ карпезіянами или карпетанцами и въ числѣ до 100 т. чел. напали на Аннибала въ то время, когда онъ шелъ отъ Арбокалы къ р. Тагу. Въ этомъ случаѣ Аннибалъ явилъ себя прозорливымъ, смѣлымъ и рѣшительнымъ полководцемъ. Признавъ неблагоразумнымъ и опаснымъ — либо въ виду непріятеля переходить черезъ р. Тагъ, либо самому первому напасть на превосходнаго числомъ непріятеля, который могъ подавить его, онъ

занялъ сильную мѣстностью позицію, показывая видъ, что хочетъ оставаться и обороняться на ней. Но въ слѣдующую ночь онъ перешелъ за р. Тагъ и занялъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея другую крѣпкую позицію. Непріятель принялъ это за признакъ боязни со стороны Аннибала и началъ по частямъ переходить черезъ р. Тагъ въ бродъ. Но Аннибалъ въ это самое время напалъ на него съ главными силами съ фронта, а частію конницы, переправленною за р. Тагъ—съ тыла, и нанесъ союзнымъ испанцамъ полное и совершенное пораженіе и огромный уронъ. Эта побѣда доставила ему возможность продолжать и одержать дальнѣйшіе успѣхи. Онъ покорилъ нетолько карпетанцевъ и турдитанцевъ (въ нынѣшнихъ Андалузіи и Эстрамадурѣ, между устьями Гуадіаны и Гуадалкивира), но и всѣ племена по правую сторону р. Ибера. Затѣмъ на зиму онъ воротился въ Новый Карѳагенъ.

Наконецъ, въ 219 г. Аннибалъ призналъ, что уже настали и время и возможность произвесть явный разрывъ съ Римомъ. Случай къ тому не замедлилъ представиться. На восточномъ берегу Испаніи оставались независимыми только греческія поселенія и главное между ними—Сагунтъ. Они состояли подъ покровительствомъ Рима, со времени договора его съ Аздрубаломъ, хотя и не утвержденнаго римскимъ сенатомъ. Предвидя угрожавшую имъ со стороны Аннибала опасность, они послали въ Римъ просить помощи. Въ Римѣ, вмѣсто того, чтобы немедленно послать въ помощь имъ войско, сенатъ долго совѣщался и наконецъ положилъ отправить въ Испанію пословъ, чтобъ удостовѣриться въ положеніи дѣлъ и убѣдить Аннибала — въ точности исполнять условія договора, который былъ заключенъ съ Аздрубаломъ. Полибій говоритъ (кн. III гл. IV), что «Аннибалъ принялъ римскихъ пословъ въ Новомъ Карѳагенѣ и сказалъ имъ, что между сагунтянами недавно произошелъ мятежъ, что они призвали римлянъ въ посредники и что римляне несправедливо приговорили къ смерти нѣкоторыхъ изъ градоправителей Сагунта; что онъ, Аннибалъ, не оставитъ этой несправедливости ненаказанною и что карѳагеняне всегда имѣли въ обычаѣ защищать невинно угнетенныхъ». «А между тѣмъ»—прибавляетъ Полибій—«Аннибалъ послалъ въ Карѳагенъ сказать сенату, какъ онъ намѣренъ

былъ поступить съ сагунтянами, которые, гордясь союзомъ съ римлянами, дурно поступали съ нѣкоторыми изъ подданныхъ карѳагенской республики». «Словомъ»—заключаетъ Полибій—«Аннибалъ не разсуждалъ, но только повиновался ослѣплявшимъ его гнѣву и раздраженію. Вмѣсто истинныхъ побудительныхъ причинъ его дѣйствій, онъ ссылался на пустые предлоги—обыкновенное заблужденіе тѣхъ, которые, мало заботясь о справедливости, повинуются только голосу обуявшихъ ихъ страстей, отчего и произошло то, что, скрывъ истинную причину своихъ дѣйствій и приводя другую, ни на чемъ неоснованную, онъ былъ признанъ зачинщикомъ войны, противной не только здравому разсудку, но и всѣмъ законамъ справедливости». При всей добросовѣстности Полибія, нельзя не узнать въ этихъ словахъ друга Сципіоновъ и римлянъ и ни тѣни справедливости. Полибій повторилъ то, что говорили римляне, ненавидѣвшіе и карѳагенянъ, и Аннибала. По другимъ свѣдѣніямъ, заслуживающимъ гораздо большаго довѣрія и согласнымъ съ характеромъ, побужденіями и видами Аннибала, послѣдній, уже твердо рѣшившійся начать войну противъ Рима, воспользовался какъ-разъ представившимся ему случаемъ къ тому, а именно: распрей, возникшей между сагунтянами и пограничнымъ съ ними испанскимъ племенемъ, состоявшимъ въ подданствѣ Карѳагена,—происшедшимъ въ то же время и, вѣроятно, вслѣдствіе той же причины, мятежомъ въ Сагунтѣ и оскорбленіемъ при этомъ карѳагенянъ сагунтянами, словомъ—не пустыми предлогами, а достаточно справедливыми причинами. Объявлять же римскимъ посламъ истинныя побудительныя причины своихъ дѣйствій было бы съ его стороны слишкомъ нелѣпо. Притомъ, нужно сказать еще, что, по другимъ свѣдѣніямъ, римскіе послы явились къ Аннибалу не въ Новомъ Карѳагенѣ, а уже подъ Сагунтомъ, во время осады, и Аннибалъ вовсе не принялъ ихъ, почему они и отправились въ Карѳагенъ, гдѣ карѳагеняне съ намѣреніемъ затянули переговоры съ ними, сказали имъ, что сагунтяне сами подали поводъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ противъ нихъ, а впрочемъ дали имъ уклончивый отвѣтъ, такъ что они воротились въ Римъ ни съ чѣмъ.

А между тѣмъ Аннибалъ вступилъ съ сильною арміей во владѣнія Сагунта и осадилъ этотъ обширный и многолюдный городъ, распо-

ложенный на возвышенномъ берегу моря, съ трехъ сторонъ, изъ которыхъ съ одной, съ главными силами—противъ той части города, которая была расположена въ глубокой лощинѣ. Но здѣсь городскія стѣны были гораздо выше, нежели въ прочихъ мѣстахъ, и осадныя машины дѣйствовали безъ особеннаго успѣха. Осажденные же оборонялись чрезвычайно упорно и производили частыя и сильныя вылазки, при одной изъ которыхъ Аннибалъ былъ тяжело раненъ въ бою и принужденъ, по этой причинѣ и по большому урону своихъ войскъ, превратить осаду на время въ обложеніе. Получивъ нѣкоторое облегченіе отъ раны, онъ возобновилъ осаду еще дѣятельнѣе и сильнѣе прежняго и на многихъ мѣстахъ поставилъ тараны и черепахи для прикрытія рабочихъ. Не взирая на упорное сопротивленіе осажденныхъ, часть ихъ стѣны и три башни были разрушены, и осаждавшіе произвели приступъ. Но осажденные упорно защищались въ проломахъ, съ особеннымъ успѣхомъ дѣйствуя фалариками или зажигательными стрѣлами. Послѣ продолжительнаго и кровопролитнаго боя въ проломахъ, карѳагеняне были принуждены отступить съ большимъ урономъ, а осажденные поспѣшно исправили проломы. Въ это именно время и прибыли двое пословъ римскаго сената, но Аннибалъ не принялъ ихъ и они отправились въ Карѳагенъ, а оттуда, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, воротились въ Римъ. Тогда уже римскому сенату во всякомъ случаѣ слѣдовало немедленно послать войско на помощь Сагунту, который Римъ принялъ подъ свое покровительство; но сенатъ не сдѣлалъ этого, а продолжалъ безполезно совѣщаться о томъ, какъ ему въ этомъ случаѣ поступить. А между тѣмъ Аннибалъ настойчиво и дѣятельно продолжалъ осаду, построилъ высокую подвижную башню, вооружилъ ее стрѣлками и метательными орудіями, придвинулъ къ городской стѣнѣ, согналъ съ послѣдней оборонявшихъ ее, произвелъ подкопъ подъ стѣною и обрушилъ значительную часть ея. Тогда корѳагенскія войска ворвались въ городъ, но были остановлены въ немъ новыми укрѣпленіями. Положивъ удержаться на этомъ мѣстѣ, Аннибалъ приказалъ обнести его валомъ, и метательными орудіями сталъ сильно разрушать городъ. Но осажденные продолжали упорно обороняться и за каждою разрушенною преградой немедленно воздвигали новую. Однако карѳагеня-

не подвигались и оттѣсняли ихъ все болѣе и болѣе къ цитадели, отъ римлянъ же помощь не являлась, и ослабленные, утомленные жители Сагунта уже сильно страдали отъ голода, болѣзней и смертности. Сагунтъ уже былъ близокъ къ паденію, когда возстаніе оретанянъ и карпетанцевъ (въ нынѣшней Кастиліи) принудило Аннибала съ частію арміи двинуться противъ нихъ, для усмиренія ихъ, оставивъ Магарбала, сына Имильконова, съ другою частью арміи, продолжать осаду Сагунта. Усмиривъ мятежниковъ и воротясь къ Сагунту въ скоромъ времени, онъ нашелъ, что осаждавшіе сдѣлали новый проломъ въ послѣдней стѣнѣ, произвелъ общій приступъ и отбросилъ осажденныхъ въ цитадель. Одинъ изъ осажденныхъ вышелъ изъ цитадели и самъ отъ себя предложилъ сдать ее на капитуляцію, но не рѣшился принять тяжкихъ условій Аннибала. Тогда Аннибалъ вторично произвелъ общій приступъ къ цитадели и овладѣлъ ею, не смотря на упорнѣйшее сопротивленіе осажденныхъ, ни за что не хотѣвшихъ сдаваться и отвергавшихъ всѣ предложенія Аннибала. Не видя никакихъ средствъ къ своему спасенію, знатнѣйшіе изъ нихъ сложили на костеръ всю общественную казну и всѣ свои драгоцѣнности и сами сгорѣли вмѣстѣ съ ними. Въ то-же время обрушилась давно разрушаемая большая башня и кароагенскія войска ворвались чрезъ образовавшійся оттого проломъ, въ пылу ожесточенія распространяя кругомъ смерть и разрушеніе. Жители заперлись въ домахъ, зажгли ихъ, сгорѣли въ нихъ—и Сагунтъ, послѣ 8-ми мѣсячной осады, былъ взятъ и совершенно сожженъ и разрушенъ.

Осада и оборона его приносятъ большую честь и Аннибалу съ его войскомъ, и осажденнымъ, но очень мало чести римлянамъ, которые, принявъ сагунтянъ, какъ принимали и мамертинцевъ и многихъ другихъ, подъ свою защиту, не прислали Сагунту помощи войскомъ и тѣмъ сдѣлались виновными въ жестокой участи его и покрыли себя большимъ стыдомъ. Но паденіе Сагунта имѣло для нихъ, кромѣ того, еще большее значеніе, послуживъ явнымъ поводомъ къ разрыву съ Кароагеномъ и къ началу 2-й пунической войны, весьма неблагопріятнымъ для нихъ.

*

§ 157.

Объявленіе войны и приготовленія къ ней съ обѣихъ сторонъ.

По смыслу договора между Римомъ и Аздрубаломъ, осада, взятіе и разрушеніе Сагунта Аннибаломъ было уже явнымъ разрывомъ мира между Римомъ и Карѳагеномъ. Выше было уже объяснено, что Аннибалъ втайнѣ именно это и имѣлъ въ виду, слѣдовательно былъ первымъ и главнымъ зачинщикомъ войны. Но обвинять его въ этомъ невозможно по всѣмъ причинамъ, уже достаточно объясненнымъ выше. Съ своей точки зрѣнія, онъ былъ совершенно правъ. Но формальное объявленіе войны послѣдовало не съ его стороны. Какъ только вѣсть о взятіи и разрушеніи Сагунта достигла Рима, тогда и только тогда сенатъ римскій пересталъ совѣщаться о возможности войны, и, видя, что она уже неизбѣжна, все-таки, для соблюденія установленныхъ формальностей, отправилъ въ Карѳагенъ 5 знатныхъ пословъ спросить карѳагенскій сенатъ, съ согласія-ли его или нѣтъ, Аннибалъ разрушилъ Сагунтъ, и въ первомъ случаѣ объявить войну, а во второмъ требовать выдачи Аннибала. Въ карѳагенскомъ сенатѣ произошли по этому случаю жаркія пренія: Ганнонъ и его партія, разумѣется, поддерживали требованія римскихъ пословъ и предостерегали отъ несправедливо начатой войны; но гораздо сильнѣйшая партія Барцинская, опираясь на чувства и мнѣнія большинства націи, объявила себя рѣшительно въ пользу войны. Римскимъ посламъ не высказали этого явно и гласно, а давали такіе же уклончивые отвѣты, что и первому посольству. Тогда одинъ изъ пословъ, Квинтъ Фабій Веррукозъ, выведенный изъ терпѣнія продолжительными обоюдными преніями, объявилъ карѳагенскому сенату (по словамъ Полибія), что принесъ имъ на груди подъ своей тогой два жребія: войну или миръ, и спрашивалъ: который изъ нихъ ему угодно будетъ, чтобъ онъ вынулъ? «Какой тебѣ будетъ угодно»—единогласно отвѣчалъ сенатъ. Фабій возразилъ, что онъ вынетъ войну, и весь сенатъ въ одинъ голосъ отвѣчалъ: «Принимаемъ ее»! «Итакъ— война»! отвѣчалъ Фабій—и съ этимъ словомъ римскіе послы вышли изъ сената и отправились въ Испанію, гдѣ сначала успѣли вооружить противъ карѳагенянъ племя бергузіянъ (близъ нынѣшн. Бала-

гера въ Каталоніи) и нѣкоторыя другія племена на лѣвой сторонѣ р. Ибера. Но волціяне или вольцы (близъ нынѣшн. Аинсы къ сѣв. отъ Лериды) не захотѣли даже слушать ихъ и прогнали ихъ отъ себя, а, по ихъ примѣру, и другія племена Испаніи, послѣ паденія Сагунта еще болѣе непріязненныя Риму, рѣшительно стали противъ него на сторону Карѳагена—обстоятельство чрезвычайно благопріятное для Аннибала въ самомъ началѣ его труднаго предпріятія. Дабы еще болѣе привязать ихъ къ себѣ, Аннибалъ, расположившій армію свою на зиму 219-18 гг. въ Новомъ Карѳагенѣ, позволилъ испанскимъ вспомогательнымъ войскамъ провести зиму у себя на родинѣ.

И такъ миръ былъ прерванъ Аннибаломъ, а война формально объявлена римлянами или, если угодно, ими и карѳагенянами въ одно время. Разсмотримъ теперь политическія цѣли и военные: силы, средства, способы, приготовленія и планы съ обѣихъ сторонъ, начавъ съ Рима.

И здѣсь, прежде всего, слѣдуетъ выразить невольное изумленіе по поводу дѣйствій римскаго сената въ послѣдніе годы передъ объявленіемъ войны. Кажется, что обычная мудрость этого, дотолѣ столь мудраго, римскаго сената какими-то судьбами подверглась совершеннымъ помраченію и слѣпотѣ и онъ дѣлалъ *только непостижимыя и непростительныя ошибки за ошибками*. При его зоркой, ревнивой наблюдательности за всѣмъ, что касалось Карѳагена и его отношеній къ Риму, сенатъ римскій непостижимымъ образомъ не могъ проникнуть въ истинную цѣль побужденій и дѣйствій Амилькара, Аздрубала и Аннибала въ Испаніи, не могъ догадаться, для чего имъ нужна была Испанія,—для преграждения имъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ ней принялъ недостойныя его полумѣры заключеніемъ договора съ Аздрубаломъ, и, убѣжденный въ неминуемости новой войны, не дѣлалъ ничего для отвращенія ея или по крайней мѣрѣ для приготовленія себѣ залоговъ наибольшихъ и вѣрнѣйшихъ успѣховъ въ ней, а напротивъ дѣлалъ все для ускоренія ея и еще большаго раздраженія и ожесточенія Карѳагена, несправедливымъ отнятіемъ у него Сардиніи среди мира и наложеніемъ на него новой контрибуціи въ 1200 талантовъ. Принявъ подъ свои покровительство и защиту

Сагунтъ и другія греческія поселенія въ Испаніи, онъ не оказалъ имъ ни того, ни другой во-время, и какъ бы не желая и даже опасаясь новой войны, вмѣсто отправленія войскъ—два раза совершенно безполезно отправлялъ къ Аннибалу и въ Карѳагенъ пословъ своихъ терять время въ пустыхъ и безплодныхъ переговорахъ. Наконецъ—что всего важнѣе—когда война уже была неизбѣжна и даже объявлена, онъ и не подозрѣвалъ, съ какой стороны ему будетъ угрожать страшная опасность. Въ странномъ ослѣпленіи своемъ, онъ былъ убѣжденъ, что театромъ новой войны будетъ по-прежнему—Сицилія и вновь — Испанія. Это видно изъ первыхъ военныхъ распоряженій его по объявленіи войны. Въ 218 году произведенъ былъ наборъ 6-ти римскихъ легіоновъ, каждый въ 4,000 чел. пѣхоты и въ 300 чел. конницы, всего 24,000 ч. пѣхоты и 1,800 чел. конницы; союзники выставили 44,000 чел. пѣхоты и 4,000 чел. конницы, что составляло всего-на-все 68,000 чел. пѣхоты, 5,800 чел. конницы и 73,800 чел. всѣхъ вообще войскъ. Кромѣ того былъ снаряженъ флотъ изъ 220 квинкверемъ (въ 5 рядовъ веселъ) и 20 легкихъ морскихъ судовъ. Эти силы были распредѣлены и получили назначеніе слѣдующаго рода: одинъ изъ консуловъ, Тиб. Семпроній Лонгъ, съ 2-мя римскими легіонами, 17,800 чел. союзныхъ войскъ (16,000 ч. пѣхоты и 1,800 чел. конницы), 160 квинкверемами и 12 легкими судами, получилъ назначеніе переправиться въ Сицилію и оттуда въ Африку. Другой консулъ, П. Корнелій Сципіонъ, съ 2 римскими легіонами, 14,000 чел. пѣхоты и 1,200 чел. конницы союзниковъ, 60 квинкверемами и 8 легкими судами, получилъ назначеніе переправиться въ Испанію и противудѣйствовать въ ней Аннибалу. Наконецъ преторъ Л. Манлій, съ такими же силами, что и Сципіонъ, но только съ 1,000 чел. конницы, былъ посланъ въ цизальпинскую Галлію, для содержанія ея въ повиновеніи и порядкѣ. И такъ изъ 73,800 чел. войскъ, 26,400 съ Семпроніемъ были посланы въ Сицилію и Африку, 23,800 съ Сципіономъ въ Испанію и 23,600 съ Манліемъ въ цизальпинскую Галлію. «Это распредѣленіе силъ показываетъ»—говоритъ генералъ Водонкуръ—«какъ римляне ошибались на-счетъ Аннибала и какъ мало имъ извѣстны были его средства. Они не сомнѣвались въ его намѣреніи напасть на нихъ самихъ въ

Италіи, *) и не сдѣлали ничего, что было нужно для удержанія его. Усыпленные своимъ торжествомъ надъ Карѳагеномъ въ 1-й войнѣ съ нимъ и послѣ нея, презирая побѣжденныхъ ими карѳагенянъ, они не считали нужнымъ дѣлать необыкновенныхъ усилій для новой войны съ ними. Они и не подозрѣвали даже, что Аннибалъ имѣлъ и силы, и твердость духа, необходимыя для исполненія замышленнаго имъ предпріятія. Они задумали произвесть диверсію въ Африкѣ, но эта диверсія могла быть дѣйствительною только при условіи спокойствія Италіи. Они послали Сципіона напасть на Аннибала въ Испаніи, но дали ему только 22,000 чел. пѣхоты и 1,800 чел. конницы» **). Словомъ—и въ числѣ, и въ составѣ, и въ распредѣленіи военныхъ силъ Рима передъ началомъ войны не видно никакой особенной мудрости, а послѣдующія событія докажутъ даже, что оно было крайне ошибочно. Между тѣмъ, по исчисленію Полибія (уже приведенному ч. II-й въ главѣ XX § 123), римляне въ это самое время могли располагать въ Италіи вооруженными силами, простиравшимися до 700,000 чел. пѣхоты и 70,000 чел. конницы. А они выставили только $^1/_{10}$ часть ихъ, что доказываетъ еще разъ, что они въ своемъ ослѣпленіи и не подозрѣвали, что имъ угрожало.

Обратимся теперь къ Аннибалу и посмотримъ, какія онъ сдѣлалъ распоряженія съ своей стороны. Еще въ 219 году, по расположеніи своей арміи на зиму въ Новомъ Карѳагенѣ, онъ началъ принимать всѣ мѣры для успѣха исполненія своего предпріятія въ 218 году. Прежде всего онъ послалъ довѣренныхъ людей по тому пути, которымъ намѣренъ былъ слѣдовать отъ Новаго Карѳагена къ Пиренеямъ и Альпамъ чрезъ земли трансальпинскихъ галловъ, съ приказаніемъ развѣдать пути чрезъ горы и расположеніе галльскихъ племенъ и ихъ вождей. Посланные имъ люди, воротясь, передали ему, что галлы обнаруживаютъ подозрительность, горы необычайно высоки, а пути

*) Едва-ли, какъ будетъ усмотрѣно ниже.

**) При этомъ Водонкуръ замѣчаетъ, что полный составъ всѣхъ римскихъ армій былъ несогласенъ съ общепринятыми у римлянъ правилами (по одному легіону союзниковъ на одинъ легіонъ римскій и слѣдовательно всего 6 первыхъ на 6 послѣднихъ), и потому полагаетъ, что тутъ должна быть какая-нибудь ошибка въ текстѣ древнихъ историковъ, что подтверждается и послѣдующими событіями.

чрезъ нихъ чрезвычайно трудны. Но это нимало не устрашило Аннибала и не отклонило его отъ твердаго его намѣренія. Онъ принялъ мѣры для обезпеченія не только Испаніи, но и Африки, и мудро назначилъ дли первой цѣли часть африканскихъ войскъ, а для второй часть испанскихъ, а именно: въ Африку онъ отправилъ 13,850 чел. пѣхоты и 1,200 чел. конницы испанскихъ войскъ и 900 балеарскихъ стрѣлковъ; въ Испаніи онъ оставилъ брата своего, Аздрубала, съ 12,650 чел. пѣхоты (11,850 африканцевъ, 300 лигурійцевъ и 500 балеарскихъ стрѣлковъ), съ 2,550 чел. конницы (450 ливіо-финикіянъ и африканцевъ, 300 испанцевъ-илергетовъ и 1,800 нумидійцевъ или мавританцевъ), а всего съ 15,200 чел. войскъ, 21 слономъ и 50 морскими судами, большею частію въ 5 рядовъ веселъ. Наконецъ для похода въ Италію, подъ личнымъ своимъ предводительствомъ, онъ назначилъ армію числомъ около 90,000 чел. пѣхоты и 12,000 чел. конницы, какъ африканскихъ, такъ и испанскихъ и другихъ европейскихъ войскъ. При арміи находились также 37 слоновъ, вьючныя животныя и тяжести. Вся эта армія къ концу зимы была собрана при Новомъ Карѳагенѣ и готова къ походу.

Сопоставляя взаимное распредѣленіе силъ съ обѣихъ сторонъ, можно еще болѣе убѣдиться въ ошибочности его со стороны римлянъ. Въ то время, какъ большее число войскъ ихъ — 26,400 — было назначено въ Сицилію и Африку, 23,800 имѣли назначеніе переправиться въ Испанію, гдѣ долженъ былъ оставаться Аздрубалъ съ 15,200 чел. войскъ, и только 23,600 посланы были въ цизальпинскую Галлію, куда долженъ былъ направиться Аннибалъ съ главною частью своихъ войскъ, болѣе 100,000 чел. Слѣдовательно римляне, раздѣливъ свои силы на три части, бо́льшую направляли въ Африку, а меньшую въ цизальпинскую Галлію! Дальнѣйшее изложеніе покажетъ, какія послѣдствія должны были произойти изъ этого.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

ВТОРАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА (218 — 202).

§ 158. 1-й походъ 218 г.—Походъ Аннибала отъ Новаго Кареагена до р. Родана.—§ 159. Мѣры римлянъ.—§ 160. Возстание цизальпинскихъ галловъ; переходъ Аннибала черезъ р. Роданъ;—конный бой при р. Роданѣ.—§ 161. Походъ Аннибала отъ р. Родана до Альповъ;—отплытіе Корнелія Сципіона въ Италію, а Кнея Сципіона въ Испанію. — § 162. Переходъ Аннибала черезъ Альпы.—§ 163. Дѣйствія Аннибала и Корнелія Сципіона въ цизальпинской Галліи; — бой при р. Тицинѣ; — отступленіе Сципіона за р. Треббію. — § 164. Присоединеніе Семпронія къ Корнелію Сципіону;—сраженіе при р. Треббіи.—§ 165. Зимнія дѣйствія Аннибала и Корнелія Сципіона въ цизальпинской Галліи.—§ 166. Дѣйствія Кнея Сципіона въ Испаніи.

Источники и историческія пособія — указанные въ гл. XXIV.

II.

Первая половина войны до сраженія при Каннахъ включительно (218—216).

§ 158.

1-й походъ 218 года.

Походъ Аннибала отъ Новаго Кареагена до р. Родана.

Въ концѣ весны 218 года (въ концѣ мая) Аннибалъ двинулся съ предводительствуемою имъ арміею отъ Новаго Кареагена чрезъ Этониссу (нынѣ Лумбеисъ, къ ю. з. отъ Валенсіи) къ р. Иберу, черезъ который перешелъ 3-мя колоннами, покорилъ илергетовъ (въ Аррагоніи, между Эбро и Сегрой), баргузіянъ (близъ Балагера), авзетанянъ (близъ Вича и Хироны) и другія племена, обитавшія у подошвы Пиренеевъ. Покоривъ ихъ не безъ труда и усилій, онъ

оставилъ, для управленія ими, Ганнона съ 10,000 чел. пѣхоты и 1,000 чел. конницы, и продолжалъ походъ къ Пиренеямъ. На этомъ походѣ, около 3 т. карпетанянъ, устрашенныхъ трудностью и опасностью предпріятія Аннибала, бѣжали изъ арміи. Опасаясь, чтобы мѣры строгости не ожесточили другихъ испанцевъ, Аннибалъ показалъ видъ, будто самъ позволилъ карпетанянамъ удалиться, и распустилъ еще около 7 т. чел., изъявившихъ желаніе воротиться, чѣмъ хотѣлъ снискать себѣ расположеніе испанцевъ и обнадежить своихъ воиновъ, что имъ впредь легко можно будетъ получать увольненіе изъ арміи.

Продолжая походъ далѣе къ Пиренеямъ, онъ прибылъ въ Иллиберисъ (нынѣ Эльне, Elne), гдѣ узналъ, что аквитанскіе галлы собрались въ Русцино (нынѣ Перпиньянъ), чтобы преградить ему путь. Въ это время армія его состояла уже только изъ 50 т. чел. пѣхоты и 9 т. чел. конницы. Опасаясь замедленія своего похода, онъ успѣлъ переговорами и деньгами склонить галловъ къ мирному пропуску его чрезъ ихъ земли и продолжалъ походъ къ устьямъ р. Родана.

Путь, пройденный имъ отъ Новаго Карѳагена до предѣловъ Галліи, Полибій опредѣляетъ слѣдующими разстояніями: отъ Новаго Карѳагена до р. Ибера — 2,200 римскихъ стадій (около 55 нѣм. миль или 385 верстъ) и отъ р. Ибера до Эмпорія, небольшаго приморскаго городка на границѣ Испаніи и Галліи — 1,600 стадій (около 40 миль или 280 верстъ), всего 3,800 стадій (около 95 миль или 665 верстъ). Но во сколько сутокъ Аннибалъ прошелъ это пространство, свѣдѣній не имѣется. На этомъ походѣ армія его уже уменьшилась почти на половину (изъ 100 т.—59 т.) и была довольно надежна, хотя, и за удаленіемъ около 10 т. карпетанцевъ и другихъ недовольныхъ, въ ней были, можетъ быть, и еще такіе же, которые охотно ушли бы, если-бы могли. Изъ этого легко можно заключить, что Аннибалу необходимо было имѣть много силы и твердости духа и воли, равно и тщательнаго наблюденія, чтобы держать такую армію въ повиновеніи и порядкѣ и вести ее чрезвычайно дальнимъ и труднымъ походомъ чрезъ высокія горы, неудободоступными путями, чрезъ земли непріязненно расположенныхъ галльскихъ племенъ. Хотя до насъ и не дошло никакихъ другихъ свѣдѣній по этому предмету, кромѣ приведенныхъ выше, но не можетъ быть

сомнѣнія, что только вліяніе великой личности Аннибала держало армію его въ полныхъ довѣріи и повиновеніи ему.

§ 159.

Мѣры римлянъ.

Между тѣмъ въ Римѣ получено было изъ города Массиліи (нынѣ Марсель), въ Галліи, извѣстіе, что Аннибалъ перешелъ черезъ р. Иберъ и идетъ къ Родану. Казалось, что теперь, когда уже не было никакого сомнѣнія въ истинныхъ намѣреніяхъ Аннибала, римлянамъ слѣдовало бы направить противъ него въ цизальпинскую Галлію главныя свои силы, оставивъ только часть ихъ для охраненія Сициліи, Сардиніи и Корсики, и вовсе не посылая, совершенно напрасно, войскъ ни въ Африку, ни въ Испанію. Но, какъ сказано выше, римскій сенатъ былъ постигнутъ непостижимымъ ослѣпленіемъ и даже, по свидѣтельству самого Тита Ливія, безпокойствомъ и страхомъ. Казалось, что внезапная, непредвидѣнная имъ опасность поразила его до того, что лишила способности спокойно и здраво разсуждать и внушала только страхъ. Подъ вліяніемъ этого, онъ не только ничего не измѣнилъ въ прежнихъ своихъ распоряженіяхъ, но и приказалъ Семпронію, Сципіону и Манлію немедленно отправиться въ назначенныя имъ области, а въ цизальпинской Галліи — оградить стѣнами римскія поселенія Плаценцію и Кремону, и всѣмъ римскимъ поселенцамъ (до 6 т.) собраться въ нихъ.

Дѣйствительно, Риму угрожала большая опасность: въ Италію шелъ такой полководецъ, какъ Аннибалъ, съ арміей, пріобрѣтшей большую опытность въ продолженіи 18-ти лѣтней, суровой войны въ Испаніи противъ воинственныхъ и храбрыхъ племенъ, съ арміей, всегда побѣдоносной и сильно одушевленной одержанными ею побѣдами и взятіемъ и разрушеніемъ могущественнаго Сагунта. Между тѣмъ римляне могли противупоставить ей только новонабранныя войска, а войны въ Сардиніи, Корсикѣ, Илліріи, Истріи, Лигуріи и цизальпинской Галліи, по свойствамъ своимъ, скорѣе разстроили римскія войска, нежели доставили имъ большія опытность и пользу. Поэтому дѣйствительно было чего опасаться, но это именно и должно было побудить римскій сенатъ къ принятію, въ чрезвычай-

ныхъ обстоятельствахъ, и сообразныхъ съ ними чрезвычайныхъ мѣръ, однако онъ ничего этого не сдѣлалъ.

§ 160.

Возстаніе цизальпинскихъ галловъ; — переходъ Аннибала черезъ р. Роданъ; — конный бой при р. Роданѣ.

Вскорѣ опасность для римлянъ стала возрастать все болѣе и болѣе. Первымъ проявленіемъ ея было возстаніе цизальпинскихъ галловъ. Боіи, свѣдавъ о переходѣ Аннибала черезъ Пиренеи, пропускѣ его аквитанскими галлами и движеніи его къ р. Родану, и вѣроятно втайнѣ возбужденные имъ и ожидая вскорѣ помощи отъ него, возстали, увлекли за собою инсубровъ и напали на римскихъ поселенцевъ Плаценціи. Находившіеся тамъ римскіе коммисары спаслись въ Мутину (нынѣ Модена) и были осаждены въ ней боіями и инсубрами. Преторъ Манлій, находившійся въ это время, какъ кажется, еще на границахъ Лигуріи, двинулся съ своею арміей чрезъ Парму къ Мутинѣ. Недовольно благоразумный и осторожный, онъ, поспѣшая къ Мутинѣ, избралъ кратчайшую дорогу, но пролегавшую черезъ густые лѣса около Плаценціи, и едва вступилъ въ нихъ, какъ, идя безъ предосторожностей, попалъ въ засаду и былъ такъ жестоко пораженъ галлами, что едва отступилъ на лѣсную поляну, гдѣ занялъ укрѣпленный лагерь. Галлы не атаковали его снова и удалились, а онъ продолжалъ походъ тѣми же лѣсами, но былъ опять атакованъ и побитъ въ нихъ галлами и принужденъ съ урономъ выйти изъ лѣсовъ и отступить къ Танеду (нынѣ Тенедо близъ Пармы), гдѣ укрѣпился и былъ осажденъ галлами. Въ Римѣ тотчасъ было приказано второму претору Аттилію идти поспѣшно на помощь Манлію, съ однимъ римскимъ легіономъ и 5 т. союзниковъ (всего 9,300 чел.) изъ арміи Сципіона. Узнавъ о движеніи Аттилія, галлы сняли осады Мутины и Танеда.

Сципіонъ же, поспѣшно набравъ новый римскій легіонъ, сѣлъ съ своими войсками въ Остіи на суда и вдоль береговъ лигурійскаго моря прибылъ на 5-я сутки къ Массиліи, высадился въ крайнемъ восточномъ устьѣ Родана, расположился на лѣвомъ его берегу лагеремъ и узналъ, что Аннибалъ уже перешелъ черезъ Пиренеи, чему

КАРТА
къ переходу
АННИБАЛА
черезъ АЛЬПЫ
Лугдунъ (Ліонъ)
Віенна (Віеннъ)
Бергузія (Бургуэнъ)
Кончидъ
Конфланъ
Монмельянъ
Даранта́зія
Эпоредія (Ивреа)
Медіоланъ (Миланъ)
Новарія (Новарра)
Верцеллы (Верселли)
Тицинъ (Павія)
Кулароили Граціанополь (Греноблъ)
Тегна (Тенъ)
Валенція (Валансъ)
Августа Тавриновъ (Туринъ)
Брингантіо (Бріансонъ)
Эбродунъ (Амбрёнъ)
Монтелимаръ
Сегустеро (Систеронъ)
Динія (Диньи)
Араузіо (Оранжъ)
Рокеморъ
Авеніо (Авиньонъ)
Немаузъ (Нимъ)
Тараско (Тараскона)
Арелате (Арль)
Кастелланъ
Генуя
Рэтія
Инсубры
Галлія
Цизальпинская
Транзальпинская
Аллоброги
Вторая Нарбонская
Приморскія Альпы
Лигурійское море
Картографическое Заведеніе А. Ильина

никакъ не хотѣлъ вѣрить. Полагая, что Аннибалъ еще далеко и не скоро прибудетъ къ Родану, онъ остался въ своемъ лагерѣ, только выславъ вверхъ по лѣвому берегу Родана 300 чел. римской конницы и 200 чел. галльской на жалованьи жителей Массиліи. Это было, съ его стороны, важною ошибкой: вмѣсто отправленія 500 чел. конницы для развѣданія, ему умѣстнѣе было бы самому двинуться впередъ за р. Роданъ, такъ какъ цѣлію его долженствовало быть преграждение Аннибалу пути въ Италію.

Между тѣмъ Аннибалъ, склонивъ и нарбонскихъ галловъ, какъ и аквитанскихъ, частію переговорами и деньгами, частію угрозами, пропустить его, безпрепятственно дошелъ чрезъ нынѣшніе города Нарбонну и Нимъ до р. Родана, въ 4-хъ суткахъ пути отъ устья его, въ земляхъ галльскаго племени вольковъ (volcae arecomici), близъ нынѣшняго гор. Рокемора (Roquemaure), къ с. отъ Авиньона, пройдя отъ Пиренеевъ до этого мѣста, по Полибію, всего 1,600 стадій (около 40 миль или 280 верстъ). Найдя, что въ этомъ мѣстѣ было удобно переправиться черезъ Роданъ, онъ переговорами и деньгами склонилъ галловъ-вольковъ доставить ему для этого всѣ свои суда и лодки и помочь его войскамъ въ постройкѣ новыхъ. Между тѣмъ галлы-кавары, жившіе на лѣвомъ берегу Родана, собрались на немъ противъ Аннибала, дабы не пропустить его черезъ рѣку. Но Аннибалъ послалъ Ганнона, сына Бомилькарова, съ отрядомъ войскъ, большею частію испанскихъ, ночью, на разстояніе однихъ сутокъ вверхъ по правому берегу Родана, гдѣ на серединѣ рѣки былъ островъ, съ приказаніемъ перейти тамъ черезъ рѣку и скрытно, ночью же, двинувшись внизъ по лѣвому берегу ея, напасть на каваровъ съ тыла, подавъ Аннибалу условленный сигналъ зажженіемъ большаго костра съ большимъ дымомъ. Все это было исполнено въ точности и имѣло полный успѣхъ: Аннибалъ, какъ только увидалъ дымъ костра, немедленно началъ переправу — и кавары, атакованные имъ съ фронта, а Ганнономъ съ тыла, были разбиты и разсѣялись. Затѣмъ Аннибалъ довершилъ переправу своей арміи со всѣми ея тяжестями, вьючными животными и слонами (что́ описано у Полибія и Тита Ливія съ большими подробностями), расположился на лѣвомъ берегу, противъ мѣста переправы, лагеремъ и, узнавъ, что при устьяхъ

Родана находится римская армія (Сципіона), выслалъ для развѣданія о ней, внизъ по лѣвому берегу Родана, 500 чел. нумидійской конницы. Такимъ образомъ въ одно и то-же время, на встрѣчу одни другимъ, шли по 500 чел. конницы съ обѣихъ сторонъ. Они встрѣтились недалеко отъ лагеря Аннибала (какъ полагаютъ — около нынѣшняго Сорга, Sorgues) и немедленно вступили въ упорный бой, въ которомъ римляне потеряли 140, а нумидійцы 200 человѣкъ, но наконецъ послѣдніе были опрокинуты, а римская конница приблизилась къ лагерю Аннибала, высмотрѣла его и воротилась къ своей арміи.

Положеніе Аннибала послѣ переправы черезъ Роданъ было довольно трудное: главною цѣлію его было — какъ можно скорѣе перейти черезъ Альпы и вступить въ Италію, а между тѣмъ время уже было къ концу лѣта, со стороны Альповъ находились галлы, а со стороны моря римская армія, и куда бы онъ ни обратился, онъ имѣлъ бы въ тылу за собою либо римлянъ, либо галловъ, и даже могъ бы подвергнуться одновременному нападенію ихъ съ фронта и съ тыла. Но, дорожа временемъ и твердо намѣренный не сражаться съ римскою арміей прежде, нежели достигнетъ Италіи и потому всячески избѣгать ея и удалиться отъ нея, онъ рѣшился—идти къ Альпамъ и въ этомъ и обстоятельства, и сами римляне много способствовали ему.

Во 1-хъ бойи прислали къ нему пословъ съ извѣстіемъ, что цизальпинскіе галлы возстали противъ римлянъ, что послѣдніе находятся въ такомъ положеніи, что не могутъ и помышлять о направленіи противъ него къ Альпамъ единственной арміи (Манлія и Аттилія), которую имѣли въ цизальпинской Галліи; при этомъ жители послѣдней просили Аннибала скорѣе прибыть въ ихъ страну, обширную, богатую всѣми дарами природы и обитаемую народами, ненавидѣвшими римлянъ и расположенными къ карѳагенянамъ, отъ которыхъ надѣялись получить помощь. Черезъ этихъ же пословъ Аннибалъ, безъ сомнѣнія, получилъ и надлежащія свѣдѣнія о путяхъ и проходахъ черезъ Альпы въ цизальпинскую Галлію и о галльскихъ племенахъ, обитавшихъ на этомъ пространствѣ. Передавъ все это своимъ войскамъ, Аннибалъ одушевилъ ихъ мужествомъ и твердостью къ предпринятію и совершенію перехода черезъ Альпы въ

цизальпинскую Галлію, такъ что они были вполнѣ расположены къ преодолѣнію всѣхъ трудностей и опасностей его.

Во 2-хъ со стороны римлянъ обстоятельства благопріятствовали Аннибалу тѣмъ, что, кромѣ ошибочнаго распредѣленія римлянами своихъ силъ, Манлій, по собственной своей винѣ, былъ разбитъ цизальпинскими галлами, что принудило усилить его половиною арміи Корнелія Сципіона, который съ остальною половиной уже не въ состояніи былъ, съ увѣренностью въ успѣхѣ, удержать Аннибала на Роданѣ или воспрепятствовать движенію его къ Альпамъ и черезъ нихъ. И хотя Сципіонъ, по возвращеніи своей конницы, немедленно двинулся со всѣми своими войсками къ тому мѣсту, гдѣ конница его высмотрѣла лагерь Аннибала, но прибылъ туда уже на 3-й день послѣ выступленія Аннибала къ Альпамъ, и увѣренный, что Аннибалъ употребитъ очень много времени на переходъ черезъ Альпы, а онъ, Сципіонъ, успѣетъ гораздо скорѣе его воротиться въ Италію и преградить ему путь при выходѣ изъ Альповъ, воротился въ свой лагерь при устьѣ Родана и отсюда положилъ послать брата своего, Кнеія Сципіона, съ наибольшею частію войскъ моремъ въ Испанію, самому же съ наименьшею частью воротиться моремъ же въ Италію—новая и важная ошибка его. Все это доказываетъ, что Корнелій Сципіонъ, какъ и римскій сенатъ, хотя и сознавалъ трудность и опасность положенія Рима и Италіи, но не въ надлежащихъ ясности и мѣрѣ и неправильно, слишкомъ надѣясь на себя, преувеличивая трудность предпріятія Аннибала, считая его даже невозможнымъ и главное—не имѣя истиннаго понятія о характерѣ и искуствѣ Аннибала. Отъ начала до конца, всѣ распоряженія его были ошибочны: вмѣсто того, чтобы самому со всѣми войсками двинуться за Роданъ противъ Аннибала, онъ послалъ только 500 чел. конницы для развѣданія, а по возвращеніи ея, хотя и двинулся противъ Аннибала, но узнавъ, что онъ уже пошелъ къ Альпамъ, воротился къ морю и положилъ послать брата своего въ Испанію, а самому воротиться въ Италію. Такимъ образомъ вообще римляне, вмѣсто того, чтобы главныя свои силы направить немедленно и съ фронта, и съ тыла противъ Аннибала и развѣ только часть силъ въ Испанію, въ самую критическую для нихъ минуту не-

благоразумно и неосторожно раздробили свои силы, вездѣ были слабы, особенно противъ Аннибала, и какъ будто сами нарочно открывали ему путь въ Италію. Наибольшая же вина въ данное время, именно на Роданѣ, падаетъ на долю Корнелія Сципіона, который, подобно римскому сенату, также находился и дѣйствовалъ въ состояніи какого-то непостижимаго ослѣпленія. А послѣдствія этого были чрезвычайно важны.

§ 161.

Походъ Аннибала отъ Родана до Альповъ;—отплытіе Корнелія Сципіона въ Италію, а Кнея Сципіона въ Испанію.

И такъ, въ одно и то же время, Корнелій Сципіонъ отправился моремъ въ Пизу, Кней Сципіонъ моремъ на флотѣ въ Испанію, а Аннибалъ двинулся къ Альпамъ. Но по какому направленію и пути? Отсюда, хотя и не съ самаго начала, возникаетъ большое разногласіе со стороны новѣйшихъ писателей, старавшихся опредѣлить направленіе и путь похода Аннибала къ Альпамъ и черезъ Альпы въ Италію, основываясь на показаніяхъ Полибія и Тита Ливія. И хотя оба эти историка болѣе или менѣе согласны между собою въ своихъ показаніяхъ, но трудность удовлетворительнаго разрѣшенія вопроса, какимъ именно путемъ Аннибалъ прошелъ черезъ Альпы, заключалась въ томъ, что въ эпоху, когда онъ совершилъ этотъ переходъ, все пространство пройденнаго имъ края между Роданомъ и Тициномъ или по крайней мѣрѣ верхнимъ Падомъ (По), обитаемое независимыми племенами транзальпинскихъ галловъ, было вовсе неизвѣстно римлянамъ. Полибій, родившійся въ 202 (по другимъ въ 204) году, лично посѣтилъ всѣ пути перехода Аннибала черезъ Альпы—уже лѣтъ 30 или болѣе послѣ того, однако могъ еще отъ старожиловъ получить нужныя указанія, и описываетъ всѣ мѣста съ большими точностью и вѣрностью. Титъ-Ливій же родился почти полтора вѣка позже (въ 59 г. по Р. Х.), заимствовалъ свои свѣдѣнія изъ Полибія, но самъ не посѣщалъ пути, пройденнаго Аннибаломъ, хотя въ его время пути черезъ Альпы были уже гораздо болѣе извѣстны римлянамъ. Но и тотъ и другой, въ эпоху событія, которое они имѣли описывать, находя мѣстность эту весьма малоизвѣстною, страны и племена—безъ

имени, опредѣленныхъ границъ, не имѣя возможности означать мѣстности иначе, какъ характеромъ ихъ, нерѣдко общимъ многимъ частямъ этихъ горъ, по необходимости должны были оставить намъ много неопредѣлительности на счетъ пути, которымъ слѣдовалъ Аннибалъ, и особенно того пункта горнаго хребта Альповъ, черезъ который онъ проникъ въ Италію. Поэтому многіе новѣйшіе писатели XVIII и XIX вѣковъ посвятили свои труды спеціальнымъ ученымъ изслѣдованіямъ для разъясненія означенной неопредѣлительности и разрѣшенія трудно разрѣшимаго вопроса, упомянутаго выше. И хотя труды ихъ разъяснили весьма многое и одни болѣе, другіе менѣе вѣроподобно указали путь слѣдованія Аннибала, за всѣмъ тѣмъ, въ строгомъ смыслѣ, вопросъ этотъ и до сихъ поръ остается и навсегда, кажется, долженъ остаться неразрѣшеннымъ: ибо кому когда возможно будетъ положительно утверждать, что Аннибалъ дѣйствительно прошелъ по такому, а не по иному пути? И хотя, собственно въ военно-историческомъ отношеніи, вопросъ этотъ и не составляетъ особенной важности, такъ какъ достаточно знать, что Аннибалъ перешелъ черезъ Альпы и совершилъ этотъ переходъ съ неимовѣрными затрудненіями, смѣлостью, но и осторожностью, твердостью и рѣшительностью, и какое вліяніе это имѣло на его армію, ея походъ и послѣдующія военныя дѣйствія, однако и за всѣмъ тѣмъ нельзя во 1-хъ не сдѣлать различія между болѣе или менѣе близкими или дальними, легкими или трудными, путями и пунктами перехода Аннибала черезъ Альпы и во 2-хъ не разсмотрѣть для того вкратцѣ главныя существующія на этотъ счетъ мнѣнія.

Руководствомъ въ этомъ могутъ послужить, изъ числа всѣхъ посвященныхъ этому предмѣту сочиненій, преимущественно два: одно — Histoire critique du passage des Alpes par Annibal etc., par J. L. Larauza, ancien maitre de conférences à l'école normale, 8° Paris 1826, а другое — D-r Zander: Der Heereszug Hannibals über die Alpen, Hamburg 1823 и 1828, — въ которыхъ собраны и критически разобраны всѣ результаты новѣйшихъ изслѣдованій. Изъ нихъ первое особенно замѣчательно тѣмъ, что авторъ его употребилъ на это самыя тщательныя критическія изслѣдованія текстовъ Полибія, Тита Ливія и всѣхъ новѣйшихъ писателей, и провѣ-

рилъ ихъ лично самымъ строгимъ образомъ на всѣхъ путяхъ чрезъ Альпы. Слѣдствіемъ этого было то, что онъ раздѣлилъ вообще на три системы тѣ части Альповъ, черезъ которыя долженъ былъ перейти Аннибалъ: 1-я Альповъ пеннинскихъ, 2-я Альповъ греческихъ и 3-я Альповъ коттическихъ (cottiennes ou maritimes), т. е. прибрежныхъ или приморскихъ. Черезъ послѣднія путь Аннибала направляютъ: черезъ **Monte-Viso**—Marquis de Saint-Simon (1770 г.) (*), abbé Denina (1790—92 и 1805) и Reichhartd;—черезъ **Mont-Gènevre**: одни—Honoré Bouche (1664), Folard (1728), Dutems (1788), Vaudoncourt (1812) и comte de Fortia d'Urban (1821)—черезъ Col de Sestrières и долину Pragelas, а другіе—d'Anville, Gibbon (1796) и Letronne (1819)—чрезъ долину d'Oulx et d'Exiles до Susa и Rivoli;—черезъ **Mont Cénis**: Simler, Mann (1770), Grosley (1764), Graf von Stolberg (1794) и Saussure,—а Albanis Beaumont (1806)—черезъ долины Viú и Lanzo къ с. в. отъ Mont Cénis;—черезъ **греческія Альпы** и именно черезъ **Малый Сенъ-Бернардъ** (Centronis jugum): римскій историкъ Coelius Antipater, Fergusson (1783), генералъ Melville (1812), Deluc (1818), который разсмотрѣлъ этотъ вопросъ лучше всѣхъ, и Larenaudière, который принялъ съ нѣкоторымъ измѣненіемъ мнѣніе Делюка;—и наконецъ черезъ **пеннинскія Альпы** и именно черезъ **Большой Сенъ-Бернардъ**: Плиній старшій, le pére Ménestrier (іезуитъ) (1697), Chrètien de Lorges (1789), Cluvier, Bourrit, Whitaker (1794), de Landine и de Rivaz (1813).

И такъ изъ 29 писателей, 2 были за Monte Viso, 8 за Mont Genèvre, 6 за Mont Cénis, 5 за Малый Сенъ-Бернардъ и 8 за Большой Сенъ-Бернардъ, но съ наибольшими: согласіемъ съ Полибіемъ и Титомъ Ливіемъ, основательностью и вѣроподобностью — тѣ 6, которые объявляютъ себя за Mont Cènis, почему мы и будемъ руководствоваться преимущественно ими, раздѣливъ весь путь Аннибала на 3 части: 1) отъ Рокемора или правильнѣе Монфокона (Montfaucon) на лѣвомъ берегу Родана или Роны—до входа въ Альпы, 2) отъ входа въ Альпы—до вы-

*) Въ скобкахъ означены годы изданія сочиненій этихъ писателей.

хода изъ нихъ,—и 3) отъ выхода изъ Альповъ до Турина, и означая каждый путь нынѣшними мѣстными названіями, въ своемъ мѣстѣ, по порядку времени и изложенія.

И такъ Аннибалъ, простоявъ три дня въ лагерѣ при Монфоконѣ, двинулся оттуда вверхъ по лѣвому берегу Роны до впаденія въ нее р. Изеры (Isère, древняя р. Изара), куда и прибылъ на 4-я сутки похода чрезъ Оранжъ, Монтелимаръ и Валансъ. При этомъ вся пѣхота шла впереди, за нею всѣ тяжести и вьючныя животныя, а самъ Аннибалъ съ слонами и конницей въ хвостѣ, для прикрытія движенія со стороны арміи Сципіона. Отъ Монфокона до устья р. Изеры онъ прошелъ 600 римскихъ стадій (около $77\frac{1}{2}$ верстъ) въ 4 сутокъ, съ небольшимъ по 19 верстъ въ сутки, безпрепятственно.

Прибывъ къ сліянію р. р. Роны и Изеры, образовавшему такъ-называемый у Полибія и Тита Ливія островъ аллоброговъ, по имени обитавшихъ на Изерѣ племенъ галловъ, Аннибалъ нашелъ тутъ двухъ братьевъ, споровшихъ о господствѣ надъ аллоброгами. Разсудивъ ихъ между собою по мнѣнію большинства народа и старѣйшинъ его и по строгой справедливости, онъ принялъ сторону старшаго брата, по имени Бранка, ввелъ его во владѣніе и тѣмъ снискалъ себѣ въ немъ признательнаго и полезнаго союзника, который снабдилъ его продовольствіемъ, теплою одеждой и всѣмъ нужнымъ для перехода черезъ Альпы и вызвался проводить его до входа въ нихъ.

Затѣмъ Аннибалъ продолжалъ походъ вверхъ по лѣвому берегу р. Изеры, черезъ земли трикастиновъ, воконтіевъ и трикоріевъ (принадлежащихъ къ общему племени аллоброговъ), чрезъ нынѣшнія Сенъ-Назеръ, Гренобль и Жіеръ до Монмеліана и впаденія р. Арки въ р. Изеръ съ лѣвой стороны. Въ продолженіе 10-ти дней этого похода онъ прошелъ 800 стадій (около 100 съ небольшимъ верстъ, уже по 10-ти верстъ въ сутки), не будучи тревожимъ галльскими племенами, потому-ли, что былъ сопровождаемъ Бранкомъ, или потому, что галлы не смѣли нападать на него на мѣстности, еще мало гористой и довольно открытой.

§ 162.

Переходъ Аннибала черезъ Альпы.

Пройдя 800 стадій вверхъ по лѣвому берегу р. Изеры, въ меньшемъ или большемъ разстояніи отъ него, онъ повернулъ, параллельно изгибу его съ с.-в. на ю.-з., нѣсколько вправо, къ первому ущелью, ведшему уже въ главный хребетъ Альповъ. Въ эти времена Бранкъ, сопровождавшій его, возвратился назадъ, а обитавшіе въ этихъ мѣстахъ галлы того же главнаго племени аллоброговъ заняли высоты, господствовавшія надъ ущельемъ, черезъ которое ему нужно было проходить. Аннибалъ остановился въ лагерѣ противъ ущелья и выслалъ находившихся при немъ галловъ впередъ для развѣданія его мѣстности и непріятеля. Воротясь, они сообщили ему, что непріятель занималъ высоты надъ ущельемъ только днемъ, на ночь же возвращался въ близъ лежавшій городъ свой. Тогда Аннибалъ на слѣдующій день рано утромъ перенесъ свой лагерь къ самому входу въ ущелье; ночью же, оставивъ въ лагерѣ *огни*, самъ съ отборными войсками двинулся впередъ въ ущелье, за нимъ послѣдовали остальныя войска и въ хвостѣ ихъ тяжести, слоны и наконецъ конница. Аннибалъ съ передовыми войсками ночью же занялъ высоты надъ ущельемъ, а аллоброги, воротясь поутру и найдя ихъ занятыми, изъ боковыхъ ущелій напали на хвостъ Аннибаловой арміи, тяжести и конницу, и привели ихъ въ такіе безпорядокъ и разстройство, что Аннибалъ былъ принужденъ съ войсками, занимавшими высоты спуститься внизъ для отраженія галловъ. Смявъ однихъ и обративъ въ бѣгство другихъ, онъ провелъ всю армію чрезъ ущелье и двинулся прямо къ ближайшему городу галловъ, брошенному ими, завладѣлъ въ немъ множествомъ лошадей, скота и продовольствія, и далъ тутъ своей арміи одни сутки отдыха. Этотъ первый бой съ галлами при входѣ въ Альпы (нынѣ между Croix d'Aiguebelle и Argentil, близъ сліянія р. Аркъ съ р. Изеръ) стоилъ ему однако довольно значительной потери въ людяхъ, лошадяхъ, вьючныхъ животныхъ и тяжестяхъ, и по свойству мѣстности едва не сдѣлался весьма опаснымъ для его арміи. Притомъ онъ задержалъ его на четверо сутокъ (въ томъ числѣ 1 сутки отдыха). Это было уже около конца октября.

На 5-я сутки отъ входа въ Альпы, Аннибалъ двинулся впередъ

и три дня шелъ безъ препятствій со стороны мѣстности и непріятеля, слѣдуя вверхъ то по лѣвой, то по правой сторонѣ р. Аркъ, въ меньшемъ или большемъ разстояніи отъ нея, чрезъ тѣ мѣста, гдѣ нынѣ находятся Saint-Jean de Maurienne, Saint-Michel, Lassaussaye, Modane и Villaraudin. Въ этихъ мѣстахъ находятся глубокія долины съ богатыми лугами и растительностью, въ которыхъ Аннибалъ и расположилъ армію на ночь лагеремъ и имѣлъ обильныя пастбища для лошадей и скота.

На 7-я сутки на встрѣчу Аннибалу вышли многочисленныя толпы туземцовъ, съ зелеными вѣтвями и вѣнками, въ знакъ мира, и объявили, что не желая ни ему, ни себѣ отъ него зла, желаютъ мира съ нимъ и предлагаютъ заложниковъ. Аннибалъ не довѣрялъ имъ, однако согласился, но принялъ предосторожности. Туземцы дали ему заложниковъ, скота и повели армію его далѣе на 7-я и 8-я сутки.

Но на 8-я сутки тѣ галлы, которые напали на Аннибала въ первомъ ущельѣ, снова собрались и бросились вслѣдъ за нимъ и напали на него съ тыла и съ горъ сверху въ то самое время, когда армія его проходила чрезъ узкое и глубокое ущелье, труднодоступное и съ пропастями по сторонамъ. Армія Аннибала могла бы тутъ подвергнуться величайшей опасности, еслибы Аннибалъ не принялъ заранѣе предосторожности послать конницу съ тяжестями въ головѣ, а пѣхоту въ хвостѣ; послѣдняя и приняла на себя ударъ галловъ и воспрепятствовала нанесенію арміи гораздо бóльшаго урона. Тѣмъ не менѣе галлы, низвергая сверху ущелья огромные каменья, распространили въ арміи Аннибала такіе безпорядокъ и страхъ, что Аннибалъ былъ принужденъ цѣлую ночь провесть съ половиною войскъ на одномъ бѣломъ (по словамъ Полибія) холмѣ, для обезпеченія прохода конницы съ тяжестями.

Это мѣсто соотвѣтствуетъ ущелью между нынѣшними Thermignon и Lans-le-Bourg, на правомъ, обрывистомъ берегу р. Аркъ, образуемомъ огромными, совершенно обнаженными скалами, противъ которыхъ, на лѣвомъ берегу р. Аркъ, находится скала бѣлаго гипса, называемая жителями le rocher blanc или le plan de roche blanche или le rocher du plan de la Bormette, и вершина которой образуетъ совершенно обнаженное, бѣлаго цвѣта пла-

тò, снизу поросшее соснами. Она могла служить Аннибалу крѣпкою и надежною позиціей, съ которой онъ могъ обезпечивать отъ галловъ, стрѣлками и пращниками, прохожденіе своей конницы съ тяжестями.

На 9-я сутки галлы удалились и Аннибалъ продолжалъ подниматься къ перевалу черезъ Mont-Cénis, слѣдуя—по прежнему долиною р. Аркъ. На этомъ походѣ, галлы нападали на него уже не массами, а отдѣльными толпами, въ выгодныхъ для нихъ мѣстахъ, то спереди то сзади, при чемъ всегда успѣвали выхватывать часть тяжестей. Въ этихъ обстоятельствахъ слоны были очень полезны, потому что, наводя страхъ на галловъ, принуждали ихъ бѣжать отъ нихъ. Въ серединѣ или къ концу 9-го дня похода армія Аннибала достигла наконецъ вершины Mont-Cènis (нынѣ нѣсколько далѣе chalet de la Meut), входъ на которую со стороны Савоіи—одинъ изъ самыхъ легкихъ и наименѣе опасныхъ во всѣхъ Альпахъ. Разстояніе отъ Lans-le-Bourg до вершины армія Аннибала могла пройти около 18 римскихъ миль (или 18 съ небольшимъ верстъ). Тутъ Аннибалъ расположилъ армію лагеремъ и далъ ей 2 дня отдыха (10-я и 11-я сутки). Мѣсто лагеря ея, безъ сомнѣнія, было не на самой вершинѣ, но на находящейся пониже ея равнинѣ, довольно длинной и широкой, покрытой лугами, имѣющей по серединѣ озеро съ отличною водою и весьма умѣренную, даже въ глубокую осень, температуру воздуха. Такимъ образомъ она во всѣхъ отношеніяхъ представляла большія удобства для расположенія на ней арміи Аннибала лагеремъ. По словамъ Полибія, онъ расположился тутъ въ эпоху заката плеядъ, что въ его время соотвѣтствовало 26-му октября нов. ст.

Полибій говоритъ далѣе, что Аннибалъ, замѣтивъ уныніе, распространившееся между большею частію его воиновъ, смущенныхъ мыслію о претерпѣнныхъ и ожидаемыхъ ими трудахъ и лишеніяхъ, указалъ имъ равнины на берегахъ р. Пада, напомнилъ имъ доброе расположеніе обитавшихъ тамъ галловъ, указалъ даже направленіе, въ которомъ находился Римъ, и тѣмъ ободрилъ ихъ до нѣкоторой степени. Дѣйствительно, ниже того мѣста, гдѣ былъ расположенъ лагерь Аннибала, на полускатѣ есть возвышенный выступъ, откуда

тѣмъ, которые слѣдуютъ изъ Савоіи, въ ясную погоду открывается равнина Сузы и даже вдали Туринъ. Этотъ выступъ, какъ полагаютъ нѣкоторые, находится на горѣ Saint-Martin, впереди Малаго Монъ-Сениса, и представляетъ видъ вдоль Сузской долины на Туринъ. Между тѣмъ ни съ Большаго, ни съ Малаго Сенъ-Бернарда не видно ни равнинъ Италіи, ни какихъ либо другихъ—еще одно изъ многихъ доказательствъ, что Аннибалъ перешелъ черезъ Монъ-Сенисъ.

На 12-я сутки Аннибалъ началъ спускаться съ Монъ-Сениса, безъ сопротивленія со стороны туземцовъ, исключая нѣсколькихъ хищниковъ, скрытно старавшихся захватить нѣкоторыя изъ тяжестей. Но чрезвычайно трудная, крутая и обрывистая мѣстность и выпавшій глубокій снѣгъ были причиной большей потери Аннибаломъ людей и животныхъ, нежели въ продолженіе всего похода дотолѣ въ горахъ. Вскорѣ армія пришла къ такому мѣсту, гдѣ, по случаю недавняго обвала земли и слишкомъ узкаго прохода, надъ краемъ глубокой и узкой пропасти, на днѣ которой текла рѣка, ни слонамъ, ни вьючнымъ животнымъ невозможно было идти далѣе. Аннибалъ хотѣлъ, но не могъ обойти этого мѣста, былъ принужденъ остановиться тутъ и приказалъ войскамъ расчищать путь, который былъ бы удобенъ для прохода слоновъ и вьюковъ. А когда это было исполнено, онъ выслалъ впередъ всю конницу и всѣхъ вьючныхъ животныхъ пастись на такихъ мѣстахъ ниже, гдѣ еще не было снѣга. Только на 3-й день послѣ того, т. е. на 15-я сутки вся армія съ слонами успѣла постепенно спуститься съ этихъ мѣстъ на равнины р. Пада, въ земли инсубровъ. Здѣсь у него оставалось уже только 12 т. чел. африканской пѣхоты, около 8 т. испанской и 6 т. чел. конницы, «какъ» — прибавляетъ Полибій—«онъ самъ означилъ въ надписи, вырѣзанной на колоннѣ въ Луциніѣ» (передъ удаленіемъ своимъ изъ Италіи въ Африку, см. ниже гл. XXVIII § 190).

Таково вкратцѣ повѣствованіе Полибія о спускѣ Аннибала съ Альповъ въ долину р. Пада. По новѣйшимъ объясненіямъ спуска его съ Монъ-Сениса, онъ былъ остановленъ на нынѣшнемъ пути отъ Grand-Croix къ plaine St.-Nicolas и la Ferrière, расположилъ армію на plaine St.-Nicolas и приказалъ возстановить удобную для

прохода слоновъ и вьючныхъ животныхъ обвалившуюся дорогу на краю узкой и глубокой пропасти, на днѣ которой течетъ рѣчка Cénise, послѣ того что, какъ вѣроятно, пытался обойти этотъ обвалъ, спустившись въ пропасть, что ему не удалось и стоило гибели многихъ людей, лошадей, вьючныхъ животныхъ и слоновъ. Разработка пути продолжалась 2 сутокъ (12-я и 13-я); на 13-я онъ отправилъ лошадей конницы и всѣхъ вьючныхъ животныхъ пастись на томъ мѣстѣ ниже, которое нынѣ находится между селеніемъ Novalese и городомъ Сузой и даже въ глубокой долинѣ Сузы, гдѣ снѣгу не было, но были пастбищные луга. На 14-я сутки онъ провелъ, по достаточно разработанной уже дорогѣ, слоновъ и самъ со всею остальною арміей слѣдовалъ за ними до мѣста расположенія конницы и вьюковъ. На 15-я же сутки онъ со всею арміей двинулся уже отъ Сузы далѣе внизъ по теченію р. Доріи (Dorea) къ Риволи, находящемуся уже при выходѣ изъ Альповъ на равнины, въ 8-ми миляхъ отъ Турина. Долина, въ которой лежитъ Суза, сначала стѣснена еще высокими горами, но постепенно расширяется и послѣдними горами суть: направо—Mont St.-Michel или Monte Picheriano, а слѣва, далѣе—Mont Musinet. По спускѣ же съ высотъ, на которыхъ находится городъ Риволи, начинаются уже равнины вплоть до Турина и далѣе. У Риволи Аннибалъ расположилъ армію лагеремъ и далъ ей отдыхъ. У подошвы Альповъ въ этомъ мѣстѣ начинались уже земли цизальпинскихъ галловъ и именно племени тавриновъ, главный городъ которыхъ (во времена римской имперіи названный Augusta Taurinorum) находился тамъ, гдѣ нынѣ Туринъ.

Такъ совершилъ Аннибалъ знаменитый переходъ свой черезъ Альпы, по описанному выше пути черезъ Монъ-Сенисъ, въ пользу котораго, въ сравненіи съ другими путями, говорятъ весьма многія и вѣскія доказательства, главными между которыми можно указать слѣдующія: 1) по этому пути, на каждомъ шагу находимъ Полибія и Тита Ливія въ полномъ согласіи между собою и съ мѣстностью, тексты ихъ взаимно поясняются безъ труда и усилія, разъясняютъ и мѣста, черезъ которыя пролегаетъ этотъ путь, и всѣ происходившія на немъ случаи, всѣ обстоятельства перехода Аннибала черезъ Аль-

пы возстановляются на этомъ пути вполнѣ удовлетворительно, а разстоянія вездѣ въ строгой точности соотвѣтствуютъ указываемымъ Полибіемъ; 2) весь путь этотъ по долинамъ р. р. Роны, Изеры, Арки и Доріи, только съ переваломъ между двумя послѣдними, самый естественный и вѣроподобный, въ такую эпоху, когда въ Альпахъ и по обѣимъ сторонамъ ихъ не существовало еще никакихъ искуственныхъ дорогъ, проложенныхъ римлянами только гораздо позже, по завоеваніи Галліи,—и наконецъ 3) этотъ путь, постоянно слѣдующій вверхъ по теченію рѣкъ до ихъ истоковъ, былъ древнѣйшій, служившій, безъ сомнѣнія, съ отдаленныхъ временъ для сообщеній дикихъ и полудикихъ народовъ, обитавшихъ по ту и другую сторону Альповъ, а равно и для набѣговъ и нашествій трансальпинскихъ галловъ на Италію. Всѣхъ этихъ преимуществъ не представляетъ ни одинъ изъ трехъ другихъ путей черезъ Альпы, ни черезъ Монте-Визо, ни черезъ Монъ-Женевръ, ни въ особенности черезъ Большой и Малый Сенъ-Бернардъ. Не разсматривая ихъ въ подробности, укажемъ только пункты направленія ихъ, для возможности сравненія съ путемъ чрезъ Монъ-Сенисъ:

1) Путь чрезъ Монте-Визо направляется отъ мѣста переправы Аннибала черезъ Рону вверхъ по долинѣ р. Aigues, впадающей близъ этого мѣста въ Рону съ лѣвой стороны, отъ истоковъ р. Aigues переходитъ черезъ горный перевалъ въ долину р. Durance и черезъ Gap, Chorges, Embrun и Montdauphin лѣвыми притоками р. Durance выходитъ на Монте-Визо, оттуда спускается къ истокамъ р. По и направляется къ Пиньеролю или къ Турину.

2) Путь черезъ Mont-Génevre или отъ Montdauphin къ истоку р. Durance, оттуда черезъ la Vachette и Cezanne къ Пиньеролю или къ Сузѣ, или отъ Гренобля вверхъ по долинѣ р. Drac до ея истока и оттуда чрезъ Gap и далѣе, какъ указано выше, либо наконецъ отъ Гренобля чрезъ Vizille, Bourg d'Oysans, Pied du Lautaret, la Vachette и далѣе, какъ указано выше.

3) Путь черезъ Малый Сенъ-Бернардъ—отъ устья р. Изеры вверхъ по лѣвому берегу р. Роны до Vienne, а оттуда чрезъ Bourgoin, St. Genix, Yenne, le Bourget, Chambèry и Montmeillan,

вверхъ по правому берегу р. Изеры, чрезъ Conflans, Moustiers, Малый Сенъ-Бернардъ, Aoste, Bard и Jvrée къ Турину.

И наконецъ 4) самый дальный и трудный путь чрезъ Большой Сенъ-Бернардъ—отъ Vienne вверхъ по лѣвому берегу р. Роны до Женевскаго озера, вдоль южнаго берега его до Villeneuve, а оттуда вверхъ по лѣвому берегу р. Роны до Martigny, Branchies и Большой Сенъ-Бернардъ къ Aoste и далѣе, какъ указано выше.

Не говоря уже о всѣхъ вообще свойствахъ и достоинствахъ этихъ путей, особенно двухъ послѣднихъ, достаточно прослѣдить ихъ по подробной картѣ, чтобы удостовѣриться въ бо́льшихъ или меньшихъ неудобствахъ ихъ сравнительно съ путемъ чрезъ Монъ-Сенисъ.

Неизлишнимъ признано было войти здѣсь въ нѣкоторыя подробности касательно всѣхъ этихъ путей, съ одной стороны—для того, чтобы уяснить по возможности переходъ Аннибала черезъ Альпы, а съ другой стороны потому, что въ новѣйшихъ военно-историческихъ сочиненіяхъ пути этого перехода показаны различно (напримѣръ у Водонкура по долинамъ р. р. Роны, Дромы, праваго притока Дюрансы и самой этой послѣдней чрезъ Монъ-Женевръ,—у Лоссау — чрезъ Малый Сенъ-Бернардъ по пути, указанному выше, и пр.), болѣе или менѣе подробно или кратко, либо только съ оговоркой, что вопросъ этотъ изслѣдованъ многими, но не разрѣшенъ вполнѣ никѣмъ, и что сводъ этихъ изслѣдованій можно найти въ указываемыхъ сочиненіяхъ.

Обратимся теперь къ общимъ результатамъ всего перехода Аннибала черезъ Альпы, въ отношеніи къ пройденному имъ разстоянію, къ времени и къ урону и оставшимся силамъ его арміи.

Выше было сказано, что онъ предпринялъ походъ изъ Новаго Карѳагена позднею весною (безъ сомнѣнія по вскрытіи рѣкъ и съ началомъ подножнаго корма), съ арміею, силы которой простирались до 102 т. войскъ, изъ числа которыхъ онъ оставилъ 11 т. съ Ганнономъ въ Испаніи на лѣвой сторонѣ р. Ибера. По переходѣ черезъ Пиренеи (вѣроятно въ началѣ лѣта), въ арміи его уже было только 50 т. чел. пѣхоты и 9 т. чел. конницы. Походъ отъ Пиренеевъ къ Родану, отъ Родана къ Альпамъ и черезъ

Альпы въ Италію до Риволи онъ совершилъ въ теченіе лѣта и 1-й половины осени, ибо перешелъ черезъ вершину Альповъ въ концѣ октября и спустился съ нихъ въ началѣ ноября. Въ Риволи, у подошвы Альповъ, въ арміи его оставалось уже только 20 т. чел. пѣхоты и 6 т. чел. конницы въ строю, слѣдовательно въ продолженіе всего похода отъ Новаго Карѳагена до Италіи число пѣхоты его уменьшилось на 70 т., а конницы лишь на 6 т. (послѣдняя убыль служитъ доказательствомъ, какъ онъ особенно сберегалъ свою конницу). Отъ перехода же черезъ Роданъ до вступленія въ Италію онъ потерялъ до 30 т. чел. пѣхоты и 3 т. чел. конницы, а по свидѣтельству римскаго историка Цинція Алимента, приводимому Титомъ Ливіемъ, всего до 36 т. войскъ.

Въ отношеніи къ пройденному имъ разстоянію, слѣдуетъ сказать, что, по исчисленію Полибія, онъ прошелъ отъ Новаго Карѳагена до р. Ибера — 2,200 римскихъ стадій или 275 римскихъ миль (болѣе 275 верстъ), отъ р. Ибера до Эмпорія на границахъ Испаніи и Галліи—1,600 стадій или 200 миль (болѣе 200 верстъ), отъ Эмпорія до р. Родана—столько же, отъ р. Родана до Альповъ—1,400 стадій или 175 миль (болѣе 175 верстъ) и отъ входа въ Альпы до выхода изъ нихъ 1,200 стадій или 150 миль (болѣе 150 верстъ), а всего 8,000 стадій или 1,000 римскихъ миль (болѣе 1,000 верстъ) въ 6 мѣсяцовъ (считая отъ мая до ноября).

Касательно самаго перехода черезъ Альпы, слѣдуетъ сказать, что въ отношеніи трудности, опасности и урона онъ представляетъ три послѣдовательныя степени: 1-ю, наименьшую — отъ р. Родана до входа въ Альпы, 2-ю, бóльшую — отъ входа въ Альпы до вершины ихъ и 3-ю, наибольшую — отъ вершины ихъ до подошвы. Отъ Родана до Альповъ походъ его не представлялъ особенныхъ трудностей, опасности и урона, но восхожденіе на Альпы—гораздо болѣе, а спускъ съ нихъ на равнины Италіи—всего болѣе. По свидѣтельству Полибія и Тита Ливія, на одномъ короткомъ спускѣ съ Альповъ, на разстояніи, составлявшемъ $^1/_3$ разстоянія отъ входа въ Альпы до ихъ вершины и въ теченіи только 4-хъ сутокъ, Аннибалъ претерпѣлъ несравненно болѣе трудности, опасности и урона, хотя и не сражался съ галлами, нежели при подъемѣ на Альпы, составлявшемъ $^2/_3$ раз-

постоянія, въ теченіи 11 сутокъ, хотя онъ на этомъ послѣднемъ походѣ два раза сражался съ галлами. Это произошло во 1-хъ оттого, что всѣ вообще всходы на Альпы со стороны Франціи и Савоіи гораздо длиннѣе и болѣе покаты, чѣмъ спуски ихъ къ сторонѣ Піемонта въ Италіи, гдѣ они несравненно короче и круче, почти отвѣсны и пересѣчены высокими горами и глубокими долинами *),— и во 2-хъ оттого, что Аннибалъ совершилъ восхожденіе на Альпы, перевалъ черезъ нихъ и спускъ съ нихъ уже въ концѣ октября и началѣ ноября, когда въ Альпахъ уже выпадаетъ много свѣжаго снѣга, который днемъ таетъ, а ночью замерзаетъ. Аннибалъ избѣжалъ бы трудностей отъ этой послѣдней причины, еслибы могъ перейти черезъ Альпы мѣсяцомъ ранѣе, но, какъ изъ вышеизложеннаго легко усмотрѣть, это было для него невозможно.

Въ общемъ выводѣ о походѣ его изъ Испаніи въ Италію слѣдуетъ сказать, что онъ стоилъ ему много времени и труда, и былъ сопряженъ съ большими опасностями и урономъ въ людяхъ, лошадяхъ, вьючныхъ животныхъ и слонахъ (изъ 37-ми которыхъ осталось меньше половины) и явился въ Италію лишь съ 26 т. войскъ, изнуренныхъ дальнимъ и труднымъ походомъ, едва-ли не упавшихъ духомъ, особенно въ виду того, что война съ римлянами еще не начиналась, а только теперь должна была начаться, и какая война, и съ какимъ государствомъ?—которое, какъ мы видѣли, могло, въ случаѣ надобности, выставить до 800 т. войскъ! Что же значила передъ этимъ горсть 26 т. войскъ Аннибала? И еслибы Аннибалъ былъ человѣкъ и полководецъ обыкновенный, то все его предпріятіе можно было бы назвать чистымъ безуміемъ. Но потому именно, что Аннибалъ былъ не только необыкновенный, но и великій человѣкъ и полководецъ, заранѣе все предусмотрѣвшій, сообразившій и расчитавшій, предпріятіе его и

---

*) Такъ, напримѣръ, если изобразить путь, пройденный Аннибаломъ отъ входа въ Альпы со стороны Монмельяна, черезъ Монъ-Сенисъ, до Риволи, въ профили, то представится треугольникъ, одинъ бокъ котораго, отъ Монмельяна до Монъ-Сениса (высота котораго французскими учеными показывается въ 982 туаза надъ поверхностью Средиземнаго моря), составитъ $^2/_3$ всего разстоянія отъ Монмельяна до Риволи, съ возвышеніемъ довольно пологимъ, а другой бокъ, отъ вершины Монъ-Сениса до Риволи—только $^1/_3$ всего разстоянія и со скатомъ къ Италіи весьма крутымъ, почти отвѣснымъ.

составляетъ одинъ изъ величайшихъ подвиговъ, не только древности, но и всѣхъ временъ, имѣло начало и послѣдствія необычайныя и всегда и для всѣхъ, особенно для военныхъ людей, будетъ предметомъ, достойнымъ удивленія и изученія.

§ 163.

Дѣйствія Аннибала и Корнелія Сципіона въ цизальпинской Галліи;—бой при р. Тицинѣ;—отступленіе Сципіона за р. Треббію.

Аннибалъ, спустившись съ Альповъ на равнины, далъ своей арміи два дня отдыха въ земляхъ тавриновъ (у нынѣшняго Риволи). Таврины были въ войнѣ съ инсубрами, союзными съ Аннибаломъ, который и старался примирить ихъ и привлечь тавриновъ къ себѣ, но тщетно. Поэтому онъ двинулся къ главному городу ихъ (нынѣ Туринъ), обложилъ его и на третій день взялъ съ боя приступомъ, при чемъ, въ наказаніе и для примѣра, истребилъ всѣхъ жителей города. Это навело такой страхъ на тавриновъ и сосѣднія племена, что они покорились Аннибалу.

Возбудивъ возстаніе цизальпинскихъ галловъ, онъ съ перваго же шага хотѣлъ поддержать и наградить тѣхъ изъ нихъ, которые были въ союзѣ съ нимъ, строго наказать тѣхъ, которые осмѣливались быть противъ него, и тѣмъ показать разницу между дѣйствіями его и римлянъ. Послѣдніе не помогли во-время Сагунту, были виновниками разрушенія его и тѣмъ охладили къ себѣ союзниковъ своихъ. Для усмиренія возставшихъ инсубровъ и боіевъ они приняли слабыя мѣры, которыя имѣли неудачу, Сципіона безполезно послали къ Массиліи, а Семпронія столь же безполезно въ Сицилію. Сенатъ же римскій былъ въ страхѣ и оцѣпенѣніи, не производилъ новыхъ наборовъ и не принималъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ противъ грозившей опасности, чѣмъ держалъ всѣ народы Италіи въ недоумѣніи и колебаніи. Все это не могло не быть извѣстнымъ Аннибалу черезъ цизальпинскихъ галловъ, и онъ былъ слишкомъ искусенъ, чтобы не воспользоваться тѣмъ какъ можно скорѣе и, двинувшись впередъ, поддержать цизальпинскихъ галловъ, возбудить всеобщее и рѣшительное возстаніе между ними, воспользоваться всѣми ихъ силами, средствами и способами, лишить оныхъ ближайшую римскую

армію (Манлія и Аттилія) и отбросить ее изъ цизальпинской Галліи рѣшительнымъ ударомъ. Но прежде нежели двинуться для этого впередъ, ему необходимо было обезпечить себя съ тыла, чего онъ и достигъ взятіемъ главнаго города тавриновъ, истребленіемъ его жителей и принужденіемъ тавриновъ и сосѣднихъ племенъ къ покорности.

Достигнувъ этого, онъ двинулся внизъ по лѣвой сторонѣ р. Пада и вскорѣ узналъ, что Сципіонъ уже воротился въ Италію и идетъ съ арміей къ р. Паду, чему сначала никакъ не хотѣлъ вѣрить.

Между тѣмъ Сципіонъ дѣйствительно, изъ своего лагеря близъ Массиліи отправивъ брата своего Кнеія Сципіона съ войскомъ моремъ въ Испанію, самъ моремъ же вдоль береговъ отплылъ въ Этрурію, высадился въ Пизѣ, принялъ начальствованіе надъ войсками Манлія и Аттилія, новонабранными, неопытными и устрашенными вслѣдствіе претерпѣнныхъ ими неудачъ, и усиленными переходами двинулся къ р. Паду, по направленію къ Павіи близъ устья р. Тицина, дабы напасть на Аннибала при самомъ выходѣ его изъ Альповъ, прежде нежели армія его могла бы отдохнуть отъ трудовъ перехода черезъ нихъ. Но на походѣ къ р. Паду онъ съ изумленіемъ узналъ, что Аннибалъ уже перешелъ черезъ Альпы и точно также никакъ не хотѣлъ вѣрить этому, какъ и Аннибалъ—его скорому возвращенію въ Италію и движенію къ р. Паду. Переправясь черезъ эту рѣку нѣсколько ниже устья р. Тицина, Сципіонъ расположился лагеремъ близъ Павіи и старался одушевить свои войска необходимостью и несомнѣнностью побѣды надъ Аннибаломъ. Между тѣмъ побѣда надъ нимъ вовсе не была несомнѣнна, потому что выгоды были не на сторонѣ Сципіона. Войскъ у него было только 18 т. чел. пѣхоты и 1,800 чел. конницы, и вмѣсто того, чтобы расположиться и ждать Аннибала на правомъ берегу Пада, онъ ошибочно перешелъ на лѣвую его сторону, гдѣ на обширныхъ равнинахъ ничтожная числомъ конница его не могла съ надеждой на успѣхъ дѣйствовать противъ конницы Аннибала (которая, какъ мы видѣли, состояла изъ 6 т. чел.). Эта рѣшимость Сципіона идти противъ Аннибала, съ цѣлію вступить съ нимъ въ бой въ открытыхъ равнинахъ, съ слабою конницей, была слишкомъ отважна и далеко не благоразумна.

Аннибалъ, съ своей стороны, двигаясь по лѣвой сторонѣ р. Пада, употребилъ, по словамъ Полибія, слѣдующее средство для убѣжденія своихъ войскъ въ томъ, что имъ оставалось только побѣдить или умереть. Онъ собралъ передъ ними плѣнныхъ галловъ, взятыхъ въ Альпахъ, приказалъ заключить ихъ въ оковы и бить, а потомъ, разложивъ передъ ними драгоцѣнныя одежды, оружіе и т. п., спросилъ плѣнниковъ, кто изъ нихъ желаетъ сражаться между собою для полученія этихъ драгоцѣнностей и съ ними свободы. Всѣ вызвались на это и по жребію были назначены изъ нихъ тѣ, которые должны были сражаться. Войска Аннибала, пожалѣвъ неучаствовавшихъ въ бою и падшихъ въ немъ, поздравили побѣдителей, а Аннибалъ представилъ имъ, что ихъ положеніе совершенно то же и что и имъ также остается только побѣдить или умереть, и этимъ, говоритъ Полибій, чрезвычайно поднялъ духъ въ нихъ.

Приблизясь къ р. Тицину, онъ расположился лагеремъ въ земляхъ инсубровъ, при Виктумиліи (близъ нынѣшней Новары), и выслалъ Магарбала съ 800 чел. нумидійской конницы для разоренія земель союзныхъ съ римлянами галловъ, но съ приказаніемъ по возможности щадить ихъ, для привлеченія ихъ на свою сторону.

Между тѣмъ Сципіонъ построилъ (близъ нынѣшней Павіи) мостъ черезъ р. Тицинъ, прикрылъ его укрѣпленіемъ и расположился впереди лагеремъ, а на другой день двинулся вверхъ по правому берегу Тицина, выславъ впередъ часть своей конницы для развѣдыванія. Въ то же время Аннибалъ двинулся внизъ по правому берегу Тицина. И онъ и Сципіонъ, узнавъ отъ высланной ими конницы о движеніи ихъ одного противъ другаго, на слѣдующій день лично произвели рекогносцировку, Аннибалъ со всею своей конницей, а Сципіонъ съ конницей и пѣшими велитами, оставивъ каждый пѣхоту свою сзади въ лагеряхъ. По сближеніи ихъ, оба построили свои войска въ боевой порядокъ: Сципіонъ—правымъ флангомъ къ Тицину, имѣя велитовъ и галльскую конницу впереди въ 1-й линіи, а римскую и союзную конницу позади во 2-й, Аннибалъ же—лѣвымъ флангомъ къ Тицину, поставивъ въ одну линію карѳагенскую тяжелую конницу въ серединѣ, а легкую нумидійскую по флангамъ, такъ что линія фронта его была длиннѣе римской. Римскіе велиты открыли

бой, но видя, что карѳагенская конница двигается противъ нихъ въ порядкѣ, бѣгомъ отступили за свою конницу сквозь ея промежутки. Затѣмъ произошелъ упорный конный бой, въ которомъ обѣ стороны нѣсколько разъ атаковали одна другую. Но нумидійская конница охватила оба фланга римской и напала на нее и велитовъ съ обоихъ фланговъ и съ тыла. Велиты бросились въ промежутки своей конницы и тѣмъ стѣснили и смѣшали ее, и вскорѣ римская конница, атакованная спереди, съ боковъ и сзади, была приведена въ совершенное разстройство, увеличившееся еще вслѣдствіе того, что Сципіонъ былъ тяжело раненъ и едва былъ спасенъ 17-ти лѣтнимъ сыномъ своимъ (впослѣдствіи знаменитымъ Сципіономъ младшимъ африканскимъ). Большая часть римской конницы разсѣялась и бѣжала въ свой лагерь назади, а остальная отступила туда, прикрывая раненаго Сципіона. Римляне понесли большой уронъ, но карѳагеняне еще большій. Аннибалъ не преслѣдовалъ римскую конницу, вѣроятно потому, что ожидалъ подкрѣпленія оной римскою пѣхотой и не хотѣлъ съ одною своею конницей вступать въ общую битву и подвергнуться случайностямъ ея.

Сципіонъ, слишкомъ поздно убѣдившись въ числительномъ превосходствѣ карѳагенской конницы на удобныхъ для ея дѣйствій равнинахъ и сдѣлавъ большую ошибку тѣмъ, что не двинулъ свою пѣхоту за конницей, на этотъ разъ благоразумно перешелъ, обратно, не только за р. Тицинъ, но и за р. Падъ и отступилъ ко входу въ горы на правомъ берегу его, черезъ которыя Аннибалу слѣдовало идти въ Италію. А Аннибалъ, узнавъ объ отступленіи Сципіона, двинулся вслѣдъ за нимъ, но не могъ перейти черезъ р. Падъ по мосту, который Сципіонъ развелъ, и двинулся вверхъ по лѣвому берегу Пада, перешелъ черезъ него (близъ нынѣшняго Камбіо) по построенному имъ, Аннибаломъ, мосту и выслалъ Магона съ конницей впередъ, для развѣданія объ арміи Сципіона, а самъ съ арміей остановился въ лагерѣ. Тутъ союзные съ римлянами галлы лѣвой стороны Пада прислали ему пословъ съ предложеніемъ союза, войскъ и продовольствія.

Сципіонъ, отступивъ за р. Треббію, расположился на правомъ берегу ея, у подошвы высокихъ горъ (близъ нын. Нивіано), на гористой и пересѣченной мѣстности, неудобной для дѣйствій карѳагенской конницы. Нумидійская конница преслѣдовала его до Треббіи.

ПЛАНЪ
БОЯ
при Р. ТИЦИНѢ
въ 218 г. до Р.Х.

2ª позиція Аннибала

2ª позиція Сципіона

2ª позиція Аннибала

лѣвое крыло Сципіона (1ª позиція)

правое крыло Аннибала

(1ª позиція)

тяжелая конница

нумидійская конница

Позиціи и движенія противуположныхъ были такія же

§ 164.

Присоединеніе Семпронія къ Корнелію Сципіону;—сраженіе при р. Треббіи.

Между тѣмъ римскій сенатъ наконецъ приказалъ Семпронію съ его арміей присоединиться къ арміи Сципіона. Семпроній, отправивъ свою армію Адріатическимъ моремъ въ Аримпній (Римини), оставилъ въ Сициліи претора Марка Эмилія съ 50 большими судами, Помпонія послалъ въ Калабрію, для защиты береговъ Италіи, а самъ съ 10-ю судами также отправился въ Аримпній и отсюда немедленно двинулся съ своей арміей усиленными переходами къ р. Треббіи, гдѣ и соединился съ арміей Сципіона.

Аннибалъ съ своей стороны двинулся внизъ по правой сторонѣ Пада и расположился на правомъ берегу праваго притока его, р. Тидоне, вблизи отъ р. Треббіи. Тутъ лигурійцы предложили ему присоединиться къ нему и снабдить его продовольствіемъ. Не смотря на это, Аннибалъ видѣлъ необходимость имѣть въ тылу за собою какой-нибудь крѣпкій и надежный складочный пунктъ и для этого хотѣлъ осадить и взять Кластидій (нынѣ Кастеджіо), гдѣ у римлянъ были большіе магазины. Но онъ овладѣлъ имъ и безъ осады, подкупивъ римскаго начальника этого города, а съ взятыми при этомъ римскими плѣнниками поступилъ великодушно. Затѣмъ, видя, что галлы-анаманы, обитавшіе между р. р. Падомъ и Треббіей, не присоединяются къ нему и не препятствуютъ римлянамъ добывать себѣ изъ ихъ земель продовольствіе, и имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду завлечь слишкомъ пылкаго и неосторожнаго Семпронія въ общую битву, Аннибалъ послалъ 2 т. чел. пѣхоты и 1 т. чел. конницы разорять земли анамановъ. Послѣдніе просили помощи консуловъ. Сципіонъ, уже наученный опытомъ, совѣтовалъ не помогать имъ и утомлять Аннибала медленіемъ и выжиданіемъ. Но Семпроній былъ совсѣмъ другаго мнѣнія, настоялъ на томъ, чтобы помочь анаманамъ и выслалъ большую часть конницы и 1 т. стрѣлковъ для нападенія на кароагенянъ, разорявшихъ и грабившихъ земли анамановъ. Кароагеняне были разбиты, но, получивъ подкрѣпленія, въ свою очередь разбили римлянъ. Тогда самъ Семпроній вышелъ изъ лагеря со всею конницей и легкою пѣхотой и прогналъ кароагенянъ. Однако Аннибалъ не двинулся впередъ изъ своего лагеря, безъ сомнѣнія для того, чтобы еще

болѣе увеличить пылкость и самоувѣренность Семпронія, и не ошибся. Семпроній, гордясь одержаннымъ успѣхомъ, сталъ помышлять о скорѣйшемъ вступленіи въ общую битву съ арміей Аннибала. Тщетно Сципіонъ отговаривалъ его отъ этого: Семпроній, опасаясь быть предупрежденъ выздоровленіемъ Сципіона или скорымъ выборомъ новыхъ консуловъ, положилъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ для одержанія побѣды надъ Аннибаломъ.

Послѣдній желалъ этого столько же, сколько и Семпроній, какъ потому, что лучшій изъ двухъ консуловъ, Сципіонъ, былъ раненъ, а другой былъ слишкомъ пылокъ и неостороженъ, войска же ихъ не имѣли боевой опытности, такъ и потому, что справедливо признавалъ крайне невыгоднымъ для себя оставаться въ бездѣйствіи. Зная очень хорошо свойства и обоихъ консуловъ, и ихъ войскъ, и галловъ, легкомысленныхъ и непостоянныхъ, увѣдомляемый галльскими лазутчиками о всемъ, что происходило въ римскомъ лагерѣ, и хорошо изучивъ мѣстность между обѣими арміями—открытую равнину, *на правой* сторонѣ которой протекалъ ручей въ глубокомъ оврагѣ, поросшемъ густымъ и колючимъ кустарникомъ, онъ расположилъ въ немъ, въ ближайшемъ разстояніи отъ римскаго лагеря, въ засадѣ, младшаго брата своего, Магона, съ 1 т. чел. пѣхоты и 1 т. чел. конницы. А на слѣдующій день на разсвѣтѣ онъ выслалъ за Треббію нумидійскую конницу тревожить римлянъ и велѣлъ всей своей арміи приготовиться къ бою.

При первомъ извѣстіи о нападеніи нумидійцевъ Семпроній тотчасъ выслалъ противъ нихъ всю конницу, за нею 6,000 чел. пѣхоты и наконецъ самъ вышелъ изъ лагеря со всѣми остальными войсками, ничего передъ тѣмъ не ѣвшими. Это было въ самомъ началѣ зимы, шелъ снѣгъ и вода въ Треббіи отъ дождей поднялась высоко. Римскія войска сначала съ большою пылкостью преслѣдовали нумидійцевъ, которые, притворно отступая съ боемъ, заманивали ихъ за собою. Но когда римляне перешли черезъ Треббію въ бродъ по грудь, то отъ холода и голода такъ ослабѣли, что едва могли держать оружіе въ рукахъ.

Тогда Аннибалъ выслалъ впередъ около 8,000 балеарскихъ стрѣлковъ и легкой пѣхоты, чтобы заслонить остальную армію свою,

ПЛАНЪ
СРАЖЕНІЯ при р. ТРЕБІИ
въ 218 г. до Р.Х.
АА римляне
ББ-карѳагеняне
Лагерь Аннибала
Лагерь римскихъ армій
р. Требія
р. Падъ

съ которою двинулся за ними и въ которой всѣ войска успѣли подкрѣпить себя пищей. Въ нѣкоторомъ разстояніи впереди своего лагеря, онъ построилъ 20,000 чел. своей пѣхоты фалангой въ одну линію, въ серединѣ которой поставилъ галловъ, по обѣимъ сторонамъ ихъ африканцевъ, а на флангахъ испанцевъ. Конницу же свою, числомъ (вмѣстѣ съ вспомогательною галльскою) до 10,000 чел., онъ поставилъ по-ровну на флангахъ, но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ правѣе и лѣвѣе, дабы она не находилась противъ римской пѣхоты, но могла охватить римскую конницу. Впереди промежутковъ же между пѣхотой и конницей онъ поставилъ слоновъ. Все это было глубоко соображено и вѣрно расчитано.

Между тѣмъ Семпроній отозвалъ назадъ свою конницу и построилъ обѣ римскія арміи (16,000 чел. римской и 20,000 чел. союзной пѣхоты и 4,000 чел. римской и союзной конницы, всего 40,000 войскъ) обыкновеннымъ строемъ въ 3 линіи, съ велитами впереди и конницей по флангамъ.

Бой передовыхъ легкихъ войскъ былъ столько же выгоденъ для карѳагенскихъ, сколько невыгоденъ для римскихъ. Аннибалъ, отозвавъ свои, поставилъ ихъ позади слоновъ, между тяжелой пѣхотой и конницей. Велиты же отступили за тріаріевъ, а принципы, вступивъ въ промежутки гастатовъ, образовали съ ними одну линію, въ видѣ фаланги, числомъ въ 20,000 или 21,000 чел. Но фланги этой линіи, встрѣтивъ слоновъ, понуждаемыхъ сзади легкою пѣхотой, не могли подвигаться впередъ. Въ это время фланговая карѳагенская конница ударила съ фронта и обоихъ фланговъ противъ римской и, легко и скоро опрокинувъ ее, частію преслѣдовала ее, а частію съ нумидійцами напала на римскую пѣхоту съ фланговъ и тыла, въ то самое время, когда обѣ линіи тяжелой пѣхоты съ обѣихъ сторонъ пришли въ столкновеніе и середина римской линіи принудила середину карѳагенской отступить. Но фланги римскихъ линій, атакованные съ фронта и тыла слонами, легкой пѣхотой и конницей Аннибала, были оттвинуты назадъ, между тѣмъ какъ середина римскихъ линій двигалась впередъ, отчего вся римская боевая линія образовала строй въ видѣ клина, вершина или голова котораго прорвала наконецъ середину карѳагенской линіи, гдѣ находились галлы

и африканцы, и нанесла тѣмъ и другимъ сильное пораженіе и большой уронъ. Но, этимъ самымъ уже отрѣзанная отъ своихъ фланговъ, она отступила, въ числѣ около 10,000 чел., къ Плаценціи. Фланги же римскихъ армій, совершенно окруженные и отдѣленные одинъ отъ другаго слонами, легкой пѣхотой, конницей и, изъ засады, войсками Магона, пришли въ величайшій безпорядокъ и были почти совсѣмъ истреблены. Часть ихъ успѣла пробиться, но погибла въ Треббіи, или въ бѣгствѣ была истреблена слонами и конницей карѳагенской; немногіе только успѣли присоединиться къ войскамъ, отступившимъ къ Плаценціи, или спастись въ свой лагерь. Карѳагеняне преслѣдовали римлянъ только до Треббіи. Побѣда Аннибалла была полная и совершенная, а уронъ его арміи болѣе значителенъ между галлами, нежели между африканцами, испанцами и другими войсками. Но вся армія Аннибала сильно пострадала отъ сырости и холода и потеряла отъ того много людей и лошадей; слоновъ же осталось уже очень мало. Сципіонъ, съ лагерною стражей и остатками армій, въ ту же ночь отступилъ въ Плаценцію, гдѣ и соединился съ Семпроніемъ и его войсками. Затѣмъ Семпроній лично отправился въ Римъ, а войска остались подъ начальствомъ Сципіона.

§ 165.

Зимнія дѣйствія Аннибала и Корнелія Сципіона въ цизальпинской Галліи.

Сципіонъ оставался въ строго-оборонительномъ положеніи, тщательно избѣгая всякаго боя съ Аннибаломъ и совершенно предоставилъ въ его власть окрестную страну. Аннибалъ, казалось бы, долженъ былъ и могъ бы нанести вторичный и рѣшительный ударъ римскимъ арміямъ, находившимся въ Плаценціи, или въ бою въ открытомъ полѣ, или осадой либо обложеніемъ Плаценціи принудивъ ихъ положить оружіе. Но онъ очень хорошо зналъ осторожный характеръ и образъ дѣйствій Сципіона и что не заманитъ и не вовлечетъ его, какъ Семпронія, въ бой. Осадъ ни онъ, ни войско его не любили, да притомъ онъ и не имѣлъ при себѣ нужныхъ осадныхъ машинъ и орудій. Обложеніе потребовало бы много времени и было бы для него не только неполезно, но и вредно во многихъ отношеніяхъ, а между тѣмъ онъ былъ почти увѣренъ, что Сципіонъ будетъ

держаться въ Плаценціи до тѣхъ поръ, пока не прибудутъ новаго набора арміи. Сверхъ того Аннибалъ, все предусматривавшій, расчитывавшій и взвѣшивавшій, видѣлъ ясно, что хотя и превосходилъ Сципіона въ конницѣ, но уступалъ ему въ пѣхотѣ, и наконецъ, что ему, Аннибалу, слѣдовало тщательно заботиться о продовольствованіи своей арміи и особенно благоразумно и осторожно дѣйствовать въ отношеніи къ союзникамъ своимъ, цизальпинскимъ галламъ, между которыми легко могло возникнуть неудовольствіе на войну въ ихъ странѣ—войну, тяжесть которой они должны были нести безъ особенныхъ выгодъ для себя. Но съ другой стороны Аннибалъ сознавалъ также, что ему нетолько нельзя было оставаться въ бездѣйствіи, но и напротивъ слѣдовало сколько можно болѣе и лучше пользоваться одержанною имъ побѣдой. Поэтому всѣ дальнѣйшія зимнія дѣйствія его противъ Сципіона и въ отношеніи союзныхъ цизальпинскихъ галловъ были основаны на этихъ соображеніяхъ, а именно—всячески и какъ можно болѣе вредить Сципіону и его союзникамъ въ краю, и привлекать къ себѣ и удерживать на своей сторонѣ цизальпинскихъ галловъ. Съ этою цѣлію онъ сталъ разорять своею нумидійскою конницей всѣ окрестности Плаценціи, такъ что Сципіону наконецъ можно было пріобрѣтать продовольствіе не иначе, какъ по р. Паду. Сверхъ того Аннибалъ этимъ отрѣзалъ Сципіону сообщенія съ Этруріей, откуда онъ долженъ былъ и могъ ждать подкрѣпленій и подвозовъ. Дабы лишить Сципіона средствъ получать продовольствіе по р. Паду, онъ положилъ внезапнымъ ночнымъ нападеніемъ овладѣть небольшимъ укрѣпленнымъ городкомъ Эмпоріемъ (Emporium Placentiorum), находившимся на правомъ берегу Пада, нѣсколько къ с. отъ Плаценціи. Ночью онъ двинулся къ нему съ конницей и легкой пѣхотой; но римскіе стражи подняли тревогу и такой громкій крикъ, который былъ услышанъ въ Плаценціи, и Сципіонъ немедленно двинулся съ конницей къ Эмпорію, благоразумно приказавъ слѣдовать за собою пѣхотѣ въ боевомъ порядкѣ. Въ происшедшемъ конномъ бою, Аннибалъ былъ раненъ, а конница его опрокинута и прогнана. Получивъ облегченіе отъ раны, Аннибалъ, дабы вознаградить себя за неудачу предпріятія противъ Эмпорія, положилъ взять укрѣпленное и занятое римлянами мѣстечко Викумвію, на грани-

цѣ земель галловъ-анамановъ и Лигуріи, для обезпеченія сообщеній своихъ съ этою послѣднею. Окрестные жители, искавшіе убѣжища въ Викумвіи, вышли на встрѣчу Аннибалу, но были разбиты имъ и опрокинуты въ Викумвію, гдѣ распространили такой страхъ, что она на слѣдующій день сдалась Аннибалу. Дабы устрашить римскіе гарнизоны другихъ городовъ, Аннибалъ истребилъ римскій гарнизонъ Викумвіи, а самый этотъ городокъ предалъ своимъ войскамъ на разграбленіе. Затѣмъ въ остальное время зимы Аннибалъ далъ своимъ войскамъ отдыхъ, а между тѣмъ всячески старался укрѣпить союзъ свой съ цизальпинскими галлами, всѣми мѣрами привлекать ихъ и довѣріе и расположеніе ихъ къ себѣ, пріобрѣтать новыхъ союзниковъ, обезпечивать способы продовольствованія своей арміи и принимать всѣ необходимыя мѣры для открытія дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій съ первою, раннею весною.

Но еще въ самомъ концѣ зимы (въ февралѣ 217 года), по уменьшеніи холода, онъ двинулся со всею арміею вверхъ по долинѣ Треббіи, съ тѣмъ чтобы чрезъ отрогъ Аппенниновъ, отдѣлявшій Лигурію отъ Этруріи, вступить въ послѣднюю, миромъ или силой привлечь ее на свою сторону и предупредить въ ней римскія арміи новаго набора. Но при всходѣ на этотъ горный отрогъ онъ былъ застигнутъ такою страшною бурей, какой не претерпѣвалъ даже въ Альпахъ, съ величайшимъ трудомъ взошелъ на горы, далѣе же идти никакъ не могъ, былъ принужденъ воротиться и, потерявъ много людей, лошадей, вьючныхъ животныхъ и еще 7 слоновъ изъ остававшихся у него, расположился лагеремъ недалеко отъ Плаценціи.

Сюда между тѣмъ уже воротился изъ Рима Семпроній. По своему пылкому, но неблагоразумному характеру, не наученный опытомъ сраженія при р. Треббіи, онъ двинулся противъ Аннибала, первый напалъ на него въ открытомъ полѣ, оттѣснилъ его до самаго его лагеря и даже атаковалъ его въ немъ, но, послѣ упорнаго съ обѣихъ сторонъ боя, подалъ сигналъ къ отступленію. Аннибалъ двинулъ за нимъ изъ своего лагеря всю свою пѣхоту въ серединѣ съ фронта, а конницу противъ обоихъ фланговъ его. Происшедшій вслѣдствіе того жестокій и кровопролитный бой былъ прекращенъ только наступленіемъ ночи и стоилъ обѣимъ сторонамъ равнаго урона (до

600 чел. пѣхоты и 300 чел. конницы съ каждой стороны), но весьма чувствительнаго для римлямъ тѣмъ, что у нихъ были убиты многіе римскіе всадники, 5 военныхъ трибуновъ и 3 префекта союзниковъ.

Послѣ этого, Аннибалъ и Семпроній заняли зимнія квартиры, первый—въ Лигуріи, а послѣдній—въ Луккѣ и окрестностяхъ. Лигурійцы присоединились къ Аннибалу и въ знакъ вѣрности выдали ему взятыхъ ими въ плѣнъ 2-хъ квесторовъ, 2-хъ военныхъ трибуновъ и 5 всадниковъ римскихъ, почти все сыновей римскихъ сенаторовъ.

§ 166.

Дѣйствія Кнеія Сципіона въ Испаніи.

Между тѣмъ какъ это происходило въ сѣверной Италіи, Кнеій Сципіонъ, высадившись въ Испаніи близъ Пиренеевъ, частію миролюбно, частію силой оружія, покорилъ испанскія племена близъ моря и Пиренеевъ и двинулся къ Иберу, разбилъ при Циссѣ Ганнона, хотѣвшаго преградить ему путь, взялъ его и испанскаго вождя Индибилиса въ плѣнъ и пошелъ далѣе. Но Аздрубалъ съ 9 т. войскъ перешелъ черезъ Иберъ, произвелъ внезапное нападеніе на высадившихся съ римскаго флота на берегъ, гребцовъ и воиновъ, большую часть ихъ истребилъ, а остальную прогналъ на ихъ суда и затѣмъ расположился на зиму въ Новомъ Карѳагенѣ, а Кнеій Сципіонъ близъ нынѣшней Таррагоны.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

ВТОРАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА (218—202).

(Продолженіе).

§ 167. 2-й походъ 217-го года. — Приготовленія римлянъ и Аннибала.— § 168. Переходъ Аннибала черезъ болота рѣки Арна.—§ 169. Сраженіе при Тразименскомъ озерѣ.—§ 170. Фабій—диктаторъ;—движеніе Аннибала въ Апулію и Кампанію;—дѣйствія его и Фабія;—дѣла при тѣснинахъ горы Галликанской и при Герунiѣ.—§ 171. Дѣйствія на морѣ, въ Африкѣ и въ Испаніи.—§ 172. 3-й походъ 216-го года.—Приготовленія римлянъ и Аннибала.—§ 173. Взятіе Аннибаломъ замка Каннъ; — сраженіе при Каннахъ.—§ 174. Мѣры римлянъ и Аннибала;—возстаніе въ Италіи.—§ 175. Дѣйствія Аннибала и римлянъ въ Кампаніи;—1-й бой при Нолѣ;—Аннибалъ зимою въ Капуѣ.—§ 176. Дѣйствія въ Испаніи;—положеніе обѣихъ сторонъ въ концѣ 216 г.

Источники и историческія пособія—указанныя въ главахъ XXIV и XXV.

II.

Первая половина войны до сраженія при Каннахъ включительно (218—216).

§ 167.

2-й походъ 217-го года.

Приготовленія римлянъ и Аннибала.

Въ февралѣ 217-го года, въ Римѣ, одинъ изъ двухъ вновь избранныхъ консуловъ, Фламиній, былъ, какъ нарочно, самаго дурнаго нрава. Гордый, самонадѣянный и, подобно Семпронію, неблагоразумно пылкій и неосторожный, онъ началъ съ того, что возбудилъ неудольствіе, и сената, уже недовольнаго его первымъ передъ тѣмъ консульствомъ, и народа. Онъ не захотѣлъ ждать установленнаго вре-

мени вступленія своего въ должность и отправился въ Ариминій, не исполнивъ никакихъ религіозныхъ обрядовъ, требуемыхъ закономъ, и приказавъ Семпронію, съ бывшею его арміею, назначенною по жребію Фламинію, ждать его въ Ариминіѣ. Сенатъ послалъ вслѣдъ за нимъ требованіе воротиться въ Римъ, но Фламиній не послушался и, присоединивъ къ своей арміи (бывшей Семпроніевой) 2 легіона Аттилія, назначенные другому консулу, Сервилію, перешелъ черезъ Аппеннины и вступилъ въ Этрурію. Между тѣмъ Сервилій остался въ Римѣ, для устройства новонабранныхъ войскъ и отправленія продовольствія въ Ариминій и Этрурію; въ мартѣ же онъ отправился съ 2-мя новонабранными легіонами въ Ариминій.

Аннибалъ съ своей стороны всѣми мѣрами старался отвлечь отъ Рима союзниковъ его въ Италіи на свою сторону. Съ плѣнниками ихъ онъ обращался самымъ кроткимъ и ласковымъ образомъ, внушалъ имъ, что перешелъ черезъ Альпы и преодолѣлъ столько трудовъ и опасностей не для покоренія и не для разоренія ихъ, а напротивъ для освобожденія отъ римскаго ига и возвращенія имъ земель и городовъ, свободы и правъ, которыхъ римляне лишили ихъ, и что поэтому собственныя выгоды ихъ требовали присоединенія ихъ къ нему противъ общаго врага, и затѣмъ онъ отпускалъ ихъ безъ выкупа на свою родину. Такимъ образомъ союзники Рима въ Италіи уже вездѣ склонялись на его сторону и были удерживаемы еще только отдаленностью его и близостью римскихъ армій. Онъ употреблялъ также всѣ возможныя мѣры для удержанія на своей сторонѣ цизальпинскихъ галловъ, которые уже начали колебаться, недовольные тѣмъ, что несли на себѣ тяжесть войны, происходившей въ ихъ странѣ, но не доставлявшей имъ никакихъ выгодъ (т. е. добычи отъ грабежа), а потому они понуждали Аннибала скорѣе идти впередъ, для перенесенія войны далѣе въ собственныя земли Рима. Даже было сдѣлано нѣсколько покушеній на жизнь Аннибала, такъ что онъ, въ избѣжаніе угрожавшей ему лично опасности, прибѣгалъ къ ежедневнымъ переодѣваніямъ въ разныя одежды, къ ношенію париковъ изъ разнаго цвѣта волосъ и т. п.

По всѣмъ этимъ и многимъ другимъ причинамъ, онъ положилъ самою раннею весною двинуться въ Этрурію, куда, какъ зналъ, уже

прибылъ Фламиній и расположился при Аррецій (н. Ареццо). По предварительно и тщательно собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, изъ Лигуріи въ Этрурію вели два пути, одинъ—главный, удобный и извѣстный римлянамъ, но кружный и дальній, чрезъ Бононію (н. Болонья), Мутину (н. Модена) и подвластныя Риму земли, а другой—чрезъ Парму и Апуа (н. Понтремоли), берегомъ моря и вверхъ по правому берегу р. Арна, болѣе близкій и менѣе извѣстный или даже неизвѣстный римлянамъ, но весьма трудный по причинѣ разливовъ этой рѣки, образовавшихъ болота. На первомъ изъ этихъ путей, выходившемъ къ Аррецію, въ мѣстности гористой и пересѣченной, Фламиній могъ на каждомъ шагу задерживать Аннибала своей пѣхотой, безъ возможности Аннибалу съ пользой употреблять свою конницу. Кромѣ того Аннибалъ зналъ, что Сервилій вскорѣ долженъ былъ прибыть съ 2-мя легіонами въ Ариминій и, двинувшись вслѣдъ за нимъ, могъ напасть на него съ тыла въ то время, когда Фламиній нападетъ на него съ фронта, а потому Аннибалъ не поколебался избрать второй путь въ обходъ Фламинія слѣва, тѣмъ болѣе что, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, разливъ и болота р. Арна имѣли твердое дно.

§ 168.

Переходъ Аннибала черезъ болота р. Арна.

Въ началѣ марта Аннибалъ выступилъ въ этомъ направленіи въ походъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди шли испанскія и африканскія войска и между ними тяжести, дабы въ походѣ имѣть все нужное подъ рукою; за ними въ срединѣ слѣдовали вспомогательныя галльскія войска, какъ менѣе надежныя, и наконецъ въ хвостѣ вся конница, подъ начальствомъ Аннибалова брата Магона, которому Аннибалъ приказалъ напирать на галловъ и понуждать ихъ къ движенію впередъ. Испанскія и африканскія войска прошли черезъ разливъ безъ особеннаго труда, какъ потому, что проходили первыми, такъ и потому, что были старыя, привыкшія къ военнымъ трудамъ войска. Но слѣдовавшіе за ними галлы шли уже съ гораздо бо́льшимъ трудомъ, по разбитой передними войсками и тяжестями нижней почвѣ, и понесли большія потери отъ утомленія и лишеній.

Впрочемъ и вся армія вообще чрезвычайно потерпѣла отъ этого похода, въ продолженіе 4-хъ дней и 3-хъ ночей, по водѣ, изрѣдка только отдыхая на тяжестяхъ или на трупахъ павшихъ животныхъ. Самъ Аннибалъ, ѣхавшій на единственномъ, оставшемся у него слонѣ, едва могъ выбраться на немъ и лишился одного глаза отъ воспаленія его, котораго не могъ въ это время надлежащимъ образомъ лечить. Наконецъ, пройдя черезъ разливъ, съ потерей множества людей и лошадей, онъ расположилъ армію лагеремъ близъ нынѣшней Флоренціи.

Переходъ его черезъ разливъ р. Арна былъ, послѣ перехода его черезъ Альпы, вторымъ случаемъ, въ которомъ Аннибалъ, при всей заботливости своей объ арміи и ея войскахъ, не колебался избирать трудные и опасные пути, если только они вели къ успѣшнѣйшему достиженію первенствующей, важнѣйшей, предположенной имъ цѣли— нанесенію Риму наивозможно бо̀льшаго вреда. Имѣя эту великую для себя цѣль постоянно въ виду, онъ не колебался въ выборѣ средствъ достиженія ея, хотя бы съ бо̀льшимъ или меньшимъ пожертвованіемъ войскъ своихъ, въ сраженіяхъ или походныхъ трудахъ, и въ этомъ былъ, подобно Александру В., совершенно правъ, не для большей славы, но для наибольшаго успѣха избирая иногда средства, сопряженныя съ огромными трудами, опасностями и пожертвованіями.

Первою заботой его по переходѣ черезъ разливъ было собрать обстоятельныя и вѣрныя свѣдѣнія о краѣ, о его жителяхъ и способахъ и о непріятелѣ. Изъ этихъ свѣдѣній оказалось, что жители края были склонны къ возстанію противъ римлянъ и присоединенію къ Аннибалу, край былъ однимъ изъ богатѣйшихъ въ Италіи, изобилуя хлѣбомъ и скотомъ, а Фламиній былъ нрава яраго, крайне тщеславный, самолюбивый, самонадѣянный и невѣжественный. Изъ этого Аннибалъ заключилъ, что ему нетрудно будетъ вовлечь Фламинія въ сраженіе, раздраживъ его ярость или самолюбіе. Вслѣдствіе того, онъ двинулся вверхъ по лѣвому берегу р. Арна и потомъ по высотамъ вдоль клузійскихъ болотъ (нынѣ la Chiana), оставивъ армію Фламинія при Аррецiѣ влѣво отъ себя и разоряя край на пути.

Фламиній, въ высшей степени раздраженный этимъ, собралъ военный совѣтъ и предложилъ немедленно идти вслѣдъ за Анниба-

ломъ и вступить съ нимъ въ рѣшительный бой. Тщетно члены военнаго совѣта представляли ему, что осторожность требовала прежде дождаться присоединенія Сервилія, а пока—направить вслѣдъ за Аннибаломъ только конницу и легкую пѣхоту, для воспрепятствованія разоренія края. Фламиній, еще болѣе раздраженный, вышелъ изъ военнаго совѣта, подалъ сигналъ къ выступленію и къ бою и двинулся къ Кортонѣ. Частные начальники войскъ были недовольны этимъ, но войска, напротивъ, имѣя полное довѣріе къ Фламинію и сочувствуя ему, шли какъ на вѣрную побѣду. Вѣроятно по этой причинѣ, армія Фламинія (37,000 чел. пѣхоты и 3,600 чел. конницы) шла въ обыкновенномъ до этихъ поръ походномъ порядкѣ, безъ особенныхъ предосторожностей впереди и по сторонамъ.

Полибій и Титъ-Ливій упрекаютъ Фламинія въ томъ, что онъ не послушался мнѣнія военнаго совѣта и не остался при Арреціѣ. Но генералъ Водонкуръ, не оправдывая Фламинія, не соглашается однако вполнѣ съ упреками Полибія и Тита-Ливія, для чего разбираетъ въ подробности взаимныя положеніе и движенія Аннибала и Фламинія. Первый, говоритъ онъ, могъ обогнуть конецъ клузійскихъ болотъ только при Клузіѣ (н. Chiusa), откуда въ Римъ вели два пути, одинъ прямо чрезъ Вульсиній и Сутрій, чрезъ лѣса и горы циминійскаго горнаго хребта, а другой, болѣе употребительный—влѣво черезъ тѣснины между Кортоной и Тразименскимъ озеромъ (н. Lago di Perugia) и чрезъ города Перузію, Тудеръ и Амерію. Аннибалъ избралъ этотъ послѣдній путь, болѣе соотвѣтствовавшій намѣренію его идти ближе къ Фламинію и тѣмъ вовлечь его въ бой. И дѣйствительно, по свидѣтельству Полибія и Тита-Ливія, онъ шелъ очень медленно—не болѣе 10 римскихъ миль (нѣсколько болѣе 10 верстъ) въ сутки, часто располагаясь лагеремъ, дабы болѣе и болѣе раздражать Фламинія. Послѣдній, съ своей стороны—говоритъ Водонкуръ—зная, что Аннибалъ находится въ Этруріи, откуда перешелъ къ Флоренціи и двинулся вверхъ по р. Арну и вдоль клузійскихъ болотъ, разоряя земли римскихъ союзниковъ и направляясь къ Риму, впереди котораго не было никакихъ войскъ,—безъ сомнѣнія, долженъ былъ бы предварить римскій сенатъ, дабы онъ собралъ войска для обороны подступовъ къ Риму, а самъ—идти вслѣдъ за

Аннибаломъ, не вступая съ нимъ въ бой и не заботясь о соединеніи съ Сервиліемъ, которому нужнѣе было оставаться въ Аримнніѣ, для удержанія въ повиновеніи цизальпинскихъ галловъ. Но Фламинію во всякомъ случаѣ слѣдовало предупредить Аннибала въ тѣснинахъ Тразименскаго озера и, преградивъ ему этотъ путь, принудить его идти по другому, болѣе трудному. Еслибы же Фламиній не успѣлъ занять тѣснинъ прежде Аннибала, то ему слѣдовало по-крайней мѣрѣ остановиться въ наблюдательномъ положеніи при Кортонѣ. У него было 37,000 чел. пѣхоты и 3,600 чел. конницы, съ которыми онъ могъ препятствовать Аннибалу предпринимать что-либо важное, безпрестанно тревожа и задерживая его съ тыла. Поэтому, говоритъ Водонкуръ, вина Фламинія состояла не въ томъ, что онъ покинулъ свое расположеніе при Арреціѣ и двинулся за Аннибаломъ, а въ томъ, что онъ безразсудно, какъ Семпроній, положилъ во что-бы ни стало и гдѣ-бы ни было непремѣнно вступить съ Аннибаломъ въ бой. Но въ такомъ случаѣ ему слѣдовало бы по крайней мѣрѣ идти со всѣми возможными предосторожностями, и спереди и особенно съ боковъ, имѣя уже передъ собою два примѣра—боя при Тицинѣ и сраженія при Треббіи. Но для всего этого прежде всего необходимо было, чтобы на мѣстѣ Фламинія былъ благоразумный, осторожный и искусный полководецъ; Фламиній же, въ своемъ безразсудствѣ, вовсе не былъ способенъ исполнить то, что слѣдовало бы, и какъ бы самъ добровольно шелъ на явную гибель.

Аннибалъ, напротивъ, явилъ здѣсь, какъ и съ самаго вступленія своего въ Италію, во всемъ и на каждомъ шагу, высокую степень искуства въ соображеніи и исполненіи. Вступленіе его въ Лигурію и изъ нея въ Этрурію, избранный имъ путь и всѣ мѣста расположенія его лагерями достойны величайшей похвалы. Движеніемъ и дѣйствіями своими въ Лигуріи и Этруріи онъ обезпечилъ тылъ и сообщенія свои чрезъ Альпы съ Испаніей и Карѳагеномъ и могъ смѣло идти впередъ къ Риму. А что касается Фламинія, то зная его характеръ и неспособность, онъ не только не опасался его, но съ тою именно цѣлію и двигался медленно въ принятомъ направленіи, разоряя край, дабы вовлечь своего безразсуднаго противника въ

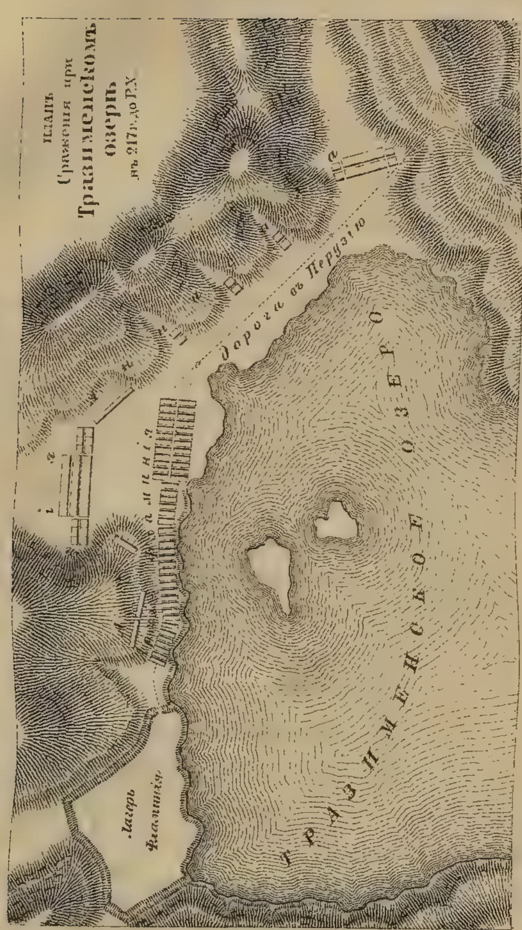
бой въ такомъ мѣстѣ, гдѣ имѣлъ полную увѣренность разбить его. А для этого, и медленнымъ движеніемъ своимъ, и разореніемъ края, онъ все болѣе и болѣе раздражалъ его и побуждалъ къ бою.

§ 169.

Сраженіе при Тразименскомъ озерѣ.

Вступивъ въ тѣснины Тразименскаго озера, онъ узналъ, что Фламиній идетъ за нимъ—и немедленно положилъ тутъ же, въ этихъ самыхъ тѣснинахъ, устроить небывалую, безпримѣрную до того засаду, расположивъ въ ней не отрядъ войскъ, а—всю свою армію. Мѣстность на сѣверномъ берегу озера какъ-разъ вполнѣ благопріятствовала этому. Дорога изъ Арреція, спустясь чрезъ лощину между горъ къ озеру, поворачивала налѣво вдоль сѣвернаго берега его, по узкой тѣснинѣ между нимъ и горами, расширявшейся нѣсколько далѣе, гдѣ находилась довольно широкая лощина съ протекавшимъ по ней въ озеро ручьемъ, а за этой лощиной дорога снова вступала въ тѣснину между горами и озеромъ, и наконецъ, на восточномъ берегу озера, перейдя ручей въ другой лощинѣ, поднималась на горы, направляясь къ Перузіи. Во второй изъ этихъ лощинъ Аннибалъ расположился самъ съ лучшими своими войсками, испанскими и африканскими, въ первой лощинѣ поставилъ галльскія войска и конницу, а балеарскихъ стрѣлковъ и легкую пѣхоту—скрытно на высотахъ надъ тѣсниной, между обѣими лощинами.

Фламиній, прибывъ къ сѣверному берегу озера, расположился лагеремъ и на слѣдующій день на разсвѣтѣ двинулся вдоль берега, въ обыкновенномъ походномъ порядкѣ, безъ малѣйшихъ предосторожностей, не развѣдавъ тѣснины и пути ни впереди, ни слѣва, имѣя въ виду только одно — какъ бы скорѣе настигнуть Аннибала. Солнце еще не всходило, когда онъ совершенно вступилъ въ тѣснину одною колонной съ узкимъ фронтомъ, и въ полусвѣтѣ не замѣтивъ Аннибаловыхъ войскъ, искусно скрытыхъ въ засадѣ, приказалъ во второй лощинѣ вздвоить походную колонну, дабы идти болѣе широкимъ фронтомъ. Въ это самое время Аннибалъ подалъ сигналъ къ общему нападенію и двинулъ испанскія и африканскія войска противъ головы римской колонны; въ то же время


планъ
Сраженія при
Тразименскомъ
озерѣ
въ 217 г. до Р.Х.
дорога въ Перузію
Тразименское озеро
Лагерь Фламинія

телеи Итали:

канскія войска противъ головы римской колонны; въ то же время

галльскія войска и конница стремительно напали на нее во флангъ и въ тылъ, а балеарскіе стрѣлки и легкая пѣхота стали поражать ее въ тѣснинѣ сверху. Все это произошло въ одинъ мигъ и съ чрезвычайными стремительностью и силой. Атакованныя совершенно врасплохъ, римскія войска пришли въ величайшій безпорядокъ, усилившійся еще отъ внезапно наступившаго густаго тумана, въ которомъ они не могли различать ни непріятельскихъ, ни даже своихъ войскъ. Они едва успѣли вооружиться и были принуждены сражаться гдѣ находились, безъ всякаго строя и порядка, отдѣльными толпами, и множество изъ нихъ сразу же были убиты безъ всякой защиты. Фламиній и частные начальники тщетно старались построить войска въ какой нибудь порядокъ: легіоны, когорты, манипулы, велиты, принципы, гастаты, тріаріи, конница, тяжести— все перемѣшалось; но имѣя съ трехъ сторонъ непріятеля, а съ четвертой, позади себя, озеро и не видя никакого спасенія, римскія войска около трехъ часовъ времени сражались съ ожесточеніемъ отчаянія. Въ этомъ кровопролитномъ побоищѣ, Фламиній, самъ отчаянно-храбро сражавшійся, былъ окруженъ и убитъ галлами и тѣла его не могли отыскать подъ цѣлой грудой убитыхъ. Наконецъ, подавленные, истребляемые порознь, римляне были окончательно разбиты на-голову. Тѣ изъ нихъ, которые находились въ самыхъ узкихъ мѣстахъ тѣснины, утонули въ озерѣ или умертвили себя сами; около 10,000 чел., не болѣе, успѣли кое-какъ разсѣяться по разнымъ дорогамъ и бѣжать въ Римъ, а около 6,000 чел., бывшихъ въ головѣ колонны—пробиться на гору и отступить къ Перузіи; всѣ остальные же были истреблены. Но и 6,000 ушедшихъ къ Перузіи не спаслись: Аннибалъ послалъ за ними Магарбала съ тяжелой конницей, за которою отправилъ испанцевъ съ легкой конницей, и на слѣдующее утро эти 6,000 римскихъ войскъ положили оружіе, съ единственнымъ условіемъ—сохраненія имъ жизни. Но Аннибалъ уничтожилъ договоръ, заключенный Магарбаломъ, объявивъ, что послѣдній не получилъ на то полномочія, и римскихъ воиновъ объявилъ военноплѣнными, а союзнымъ даровалъ свободу и отпустилъ домой, снова повторивъ, что пришелъ не для угнетенія, а для освобожденія жителей Италіи.

Побѣда Аннибала и пораженіе римской арміи были столь полныя и совершенныя, что военная исторія древнихъ временъ—когда битвы обыкновенно оканчивались огромнымъ урономъ побѣжденныхъ,—едва-ли представляетъ другой подобный примѣръ. Изъ 40,600 чел. войскъ въ строю (не считая нестроевыхъ), римская армія, за исключеніемъ около 10,000 чел. разсѣявшихся и спасшихся, потеряла болѣе 15,000 чел. убитыми и около 15,000 плѣнными! Уронъ же Аннибаловой арміи не превышалъ 1,500 чел. Это было въ полномъ смыслѣ слова побоище и избіеніе римской арміи и страшный, подобный громовому, ударъ, нанесенный ненавистному для Аннибала и кареагенянъ Риму, далеко превзошедшій два первые, при Тицинѣ и Треббіи!

Послѣ сраженія, Аннибалъ расположилъ свою армію, для отдыха, по квартирамъ.

Въ Римѣ первыя вѣсти о сраженіи произвели крайнюю тревогу въ народѣ, который толпами собрался противъ сената. Скрывать истину было невозможно—и едва преторъ Помпоній съ высоты каеедры произнесъ: «Мы проиграли большое сраженіе», какъ ужасъ и скорбь сдѣлались всеобщими. Одинъ сенатъ не забылъ своего долга: преторы держали его въ полномъ сборѣ нѣсколько дней сряду, съ утра до вечера. Въ это время получено было извѣстіе о новомъ несчастіи: Семпроній послалъ Фламинію пропретора Центенія съ 4,000 чел. конницы, въ подкрѣпленіе противъ превосходной числомъ конницы Аннибала. Послѣдній, узнавъ о томъ, выслалъ на встрѣчу Центенію Магарбала съ частію конницы и съ легкой пѣхотой. Центеній въ бою съ ними потерялъ половину своей конницы, а остальная на другой день была взята въ плѣнъ. Тогда уже сенатъ былъ принужденъ принять чрезвычайныя и рѣшительныя мѣры для защиты не только римскихъ областей, но и самаго Рима. По законамъ оставалось только одно средство—избраніе диктатора. Но диктатора долженъ былъ предложить одинъ изъ консуловъ, а одинъ изъ нихъ былъ убитъ, другой—въ отсутствіи. Поэтому сенатъ рѣшилъ диктатора избрать народу, но, изъ уваженія къ закону, для ненарушенія его—съ званіемъ продиктатора. Выборъ народа палъ на Квинта Фабія Максима Веррукоза, а онъ избралъ въ магистра или на-

чальника конницы Минуція Руфа. Фабій былъ пожилой человѣкъ, уже неразъ прежде отличавшійся военными подвигами и соединявшій мужество и рѣшимость съ мудростью, прозорливостью и осторожностью.

§ 170.

Фабій—диктаторъ;—движеніе Аннибала въ Апулію и Кампанію;—дѣйствія его и Фабія;—дѣла при тѣснинахъ горы Галликанской и при Геруніѣ.

Первою мѣрой Фабія и Минуція было приказать укрѣплять Римъ, разставить стражи и разрушить мосты. Затѣмъ Фабій, условясь съ сенатомъ касательно военныхъ дѣйствій и нужныхъ для того силъ, приказалъ Минуцію набрать 2 легіона, назначивъ имъ сборное мѣсто въ Тибурѣ (н. Тиволи), а сельскимъ жителямъ объявить, чтобы они, по приближеніи Аннибала, сожгли свои дома и хлѣбъ на поляхъ и удалились въ укрѣпленные города. Затѣмъ Фабій лично отправился въ Окрикулъ (н. Otricoli), на лѣвомъ притокѣ Тибра, къ с. отъ Рима, для принятія начальствованія надъ прибывшею уже туда арміей Сервилія, который, имѣвъ нѣсколько неважныхъ дѣлъ съ возставшими галлами и взявъ у нихъ незначущій городъ, при вѣсти о пораженіи Фламинія при Тразименскомъ озерѣ поспѣшно двинулся къ Риму. Фабій приказалъ ему оборонять съ флотомъ берега Италіи и преслѣдовать кареагенскую эскадру, прикрывавшую транспортъ, назначенный въ Испанію, самъ же съ легіонами Сервилія воротился въ Тибуръ и, присоединивъ къ себѣ 2 легіона новаго набора, двинулся въ сѣверную или даунійскую Апулію (Apulia Daunia), куда въ это время направился Аннибалъ.

Послѣдній, давъ своей арміи отдыхъ, двинулся чрезъ Умбрію къ Сполецію (н. Spoletto), на который произвелъ нападеніе, но былъ отбитъ и направился въ Пиценъ, опустошая все на пути огнемъ и мечомъ. Дойдя до Атріи (н. Adria, близъ берега Адріатическаго моря) въ южномъ Пиценѣ, въ странѣ обильной продовольствіемъ, онъ снова далъ своей арміи болѣе продолжительный отдыхъ, въ которомъ она крайне нуждалась послѣ годоваго, почти безпрерывнаго и труднаго похода отъ Новаго Кареагена. Люди были поражены накожною болѣзнію въ родѣ коросты или парши, лошади были изморены и сбиты, а раненые требовали леченія. Аннибалъ пособилъ всему этому

сколько могъ лучше и, пользуясь близостью моря, въ первый разъ послалъ въ Карѳагенъ извѣстіе о всемъ, что совершилъ, и тѣмъ произвелъ въ Карѳагенѣ величайшую радость. Затѣмъ, поправивъ свою армію, онъ двинулся въ даунійскую Апулію и, разоривъ земли обитавшихъ на пути племенъ, расположился лагеремъ въ окрестностяхъ Луцеріи и Арпи.

Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, что онъ удалился отъ цизальпинской Галліи въ Апулію. Ни Полибій, ни Титъ Ливій не объясняютъ причинъ того. Но нѣтъ сомнѣнія, что такой великій полководецъ, какъ Аннибалъ, сдѣлалъ это не безъ важныхъ причинъ. Весьма вѣроятно, что возбудивъ полное возстаніе цизальпинскихъ галловъ, онъ постоянно имѣлъ въ виду возбудить къ нему и всѣ народы и племена средней и южной Италіи, сообразно съ чѣмъ и дѣйствовалъ, какъ было означено выше, и имѣлъ въ этомъ большой успѣхъ. Послѣ побѣды при Тразименскомъ озерѣ онъ, безъ сомнѣнія, не считалъ еще своевременнымъ и благоразумнымъ идти прямо къ Риму, гдѣ могъ быть спереди и сзади стѣсненъ и даже окруженъ римскими арміями; оставаться же въ Этруріи и Умбріи было невозможно. Поэтому ему и оставалось только со всѣхъ сторонъ обойти Римъ, возстановить противъ него всѣ подвластные ему народы Италіи, отнять тѣмъ у него средства къ оборонѣ, а между тѣмъ сблизиться съ моремъ и открыть сообщенія съ Карѳагеномъ, а можетъ быть и съ Греціей.

Фабій, прибывъ въ даунійскую Апулію, расположился лагеремъ въ разстояніи около 6 миль (болѣе 6 верстъ) отъ лагеря Аннибала. Послѣдній на другой же день двинулся противъ него, какъ бы вызывая его на бой въ открытомъ полѣ. Но Фабій не тронулся изъ своего лагеря, что̀ сначала удивило Аннибала, а потомъ убѣдило его, что Фабій — не Семпроній и не Фламиній. Однако, желая испытать его, онъ началъ разорять вокругъ земли римскихъ союзниковъ, часто перемѣняя мѣста своихъ лагерей, быстро двигаясь отъ одного къ другому и устроивая войскамъ Фабія засады. Но Фабій ограничивался тѣмъ, что слѣдовалъ за движеніями Аннибала издали, по высотамъ, не слишкомъ близко, въ избѣжаніе боя, и не слишкомъ далеко, дабы не выпускать его изъ виду. Войска свои онъ держалъ по-

стоянно въ лагеряхъ, не выпуская ихъ на фуражировки, въ которыхъ и не нуждался, получая все нужное съ тыла за собою. Въ лагеряхъ его соблюдалась строжайшая дисциплина и въ точности исполнялась лагерная служба. Еслиже Аннибаловы фуражиры подходили слишкомъ близко, то конница и легкая пѣхота Фабіевы прогоняли ихъ съ урономъ. Чѣмъ Аннибалу Фабій наносилъ вредъ, а въ своей арміи возстановлялъ по немногу довѣріе ея къ самой себѣ.

Такой благоразумный и осторожный образъ дѣйствій Фабія, вполнѣ сообразный съ обстоятельствами, справедливо возбуждалъ удивленіе и похвалу древнихъ и новѣйшихъ историковъ. Важными причинами его были во 1-хъ численная сила его арміи — только 36,000 чел. пѣхоты и 3,600 чел. конницы, и во 2-хъ составъ ихъ вполнѣ изъ новонабранныхъ, еще неопытныхъ войскъ, между тѣмъ какъ армія Аннибала состояла изъ старыхъ войскъ, закаленныхъ въ трудахъ и бояхъ, и которымъ не оставалось ни отступленія, ни надежды на подкрѣпленіе, а только побѣда или смерть. Поэтому Фабію необходимо было и свои войска мало по малу пріучать къ трудамъ и боямъ. Но этотъ образъ дѣйствій Фабія не нравился ни Аннибалу, ясно видѣвшему намѣреніе погубить его армію безъ боя, ни Минуцію Руфу, характеромъ очень походившему на Семпронія и Фламинія и потому называвшему осторожность Фабія лѣностью и трусостью и безпрестанно провозглашавшему, что съ непріятелемъ слѣдовало какъ можно скорѣе вступить въ бой.

Между тѣмъ Аннибалъ, всячески стараясь принудить Фабія къ бою, двинулся въ Самній, разорилъ земли города Беневента и взялъ хорошо-укрѣпленный городъ Телезію и въ немъ большую добычу. Но Фабій только послѣдовалъ и наблюдалъ за нимъ, постоянно избѣгая боя. Это побудило наконецъ Аннибала двинуться въ Кампанію — богатѣйшую и обильнѣйшую изъ областей Италіи, обѣщавшую ему огромную добычу и продовольствіе на зиму. Этимъ онъ надѣялся или принудить наконецъ Фабія къ бою, или же, въ противномъ случаѣ, побудить нѣкоторые союзные съ Римомъ города присоединиться къ нему, Аннибалу. Соображенія его были вполнѣ вѣрны и хотя Кампанія была съ трехъ сторонъ окружена горами, черезъ которыя было только три прохода для входа и выхода, но тѣмъ важнѣйшіе успѣхи

*

надѣялся пріобрѣсть вслѣдствіе этого Аннибалъ. А потому, вступивъ изъ Самнія въ Кампанію чрезъ тѣснины горы Эрибана или Галликанской (mons Eribanus aut Gallicanus), онъ спустился на такъ-называемыя коллатинскія поля или равнины и расположился лагеремъ на правой сторонѣ р. Вултурна, ниже нынѣшней Капуи. Укрѣпивъ свой лагерь, онъ послалъ Магарбала съ нумидійскою конницей разорить земли города Фалерна и весь край до Синуессы.

Фабій удивился смѣлости Аннибала, но тѣмъ болѣе еще утвердился въ принятомъ имъ образѣ дѣйствій: двинувшись за Аннибаломъ по горнымъ высотамъ въ земли Фалерна, онъ расположился лагеремъ у подошвы горъ въ неудободоступной мѣстности, гдѣ и оставался въ бездѣйствіи, только наблюдая за Аннибаломъ, но не препятствуя ему разорять край. Это усилило неудовольствіе его арміи и особенно Минуція, да и въ Римѣ всѣ были недовольны этимъ и даже сенатъ неодобрялъ образа дѣйствій Фабія. Не смотря на все это, Фабій положилъ не отступать отъ него, и въ этомъ нельзя не воздать полной справедливости и похвалы ему и его вполнѣ основательному и мудрому образу дѣйствій: онъ совершенно вѣрно оцѣнилъ взаимное относительное положеніе свое и Аннибала. Въ образѣ же дѣйствій послѣдняго особенно поражаетъ то, что онъ, имѣя главною цѣлію возстановить противъ Рима союзниковъ его, а армію Фабія принудить къ бою на равнинахъ, страшно разорялъ земли первыхъ и тѣмъ, разумѣется, не возбуждалъ ихъ противъ Рима и не привлекалъ ихъ къ себѣ, а напротивъ, и самъ себя лишалъ средствъ продовольствованія, и Фабія никакъ не успѣвалъ этимъ принудить, какъ Семпронія и Фламинія, къ бою на равнинахъ, нападать же на него въ его лагеряхъ на горахъ не признавалъ возможнымъ и полезнымъ. Слѣдовательно онъ не достигалъ ни той, ни другой цѣли и чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ съ бо́льшимъ вредомъ для себя и съ большею пользой для Фабія. Послѣдній же понималъ это очень хорошо и въ образѣ дѣйствій своемъ и Аннибала видѣлъ вѣрнѣйшее средство погубить послѣдняго. Поэтому его образъ дѣйствій приноситъ ему большую честь и заслуживаетъ полной похвалы, между тѣмъ какъ образъ дѣйствій Аннибала, объясняемый только желаніемъ вовлечь Фабія въ бой, остается, со стороны такого великаго полководца, нѣсколько непонятнымъ

и даже страннымъ, тѣмъ болѣе, что Аннибалъ уже изъ самыхъ первыхъ дѣйствій противъ него Фабія могъ заключить и дѣйствительно заключилъ, что противъ него уже не Семпроній или Фламиній. Въ Кампаніи онъ былъ замкнутъ, какъ въ западнѣ, окружавшими эту область съ трехъ сторонъ горами, только съ тремя входами и выходами; Фабій же, расположеніемъ своимъ при выходѣ изъ горъ въ Кампанію, близъ Фалерна, удобно могъ преградить Аннибалу тотъ проходъ черезъ горы, которымъ онъ вступилъ въ Кампанію, и дѣйствительно исполнилъ это, занявъ новый лагерь близъ горнаго прохода черезъ гору Галликанскую и оставаясь въ немъ лѣтомъ, пока Аннибалъ продолжалъ разорять западную Кампанію.

Послѣдній, видя наконецъ, что не успѣваетъ этимъ принудить Фабія къ бою на равнинахъ Кампаніи, положилъ вывесть изъ нея собранныя имъ въ ней продовольствіе и добычу въ тѣ мѣста южной Италіи, гдѣ хотѣлъ провесть зиму. Фабій, узнавъ о томъ, послалъ Минуція съ сильнымъ отрядомъ войскъ занять горныя тѣснины на Аппіевой дорогѣ къ Риму, между Террациной (Terracina) и Фунди (Fondi), а другой отрядъ въ 4 т. войскъ — занять горныя тѣснины горы Галликанской, усилилъ гарнизонъ Казилина, а самъ съ главными силами расположился въ лагерѣ близъ горныхъ высотъ между Калеа (Calvi) и горою Галликанскою, выславъ Гостилія Манцина съ 400 чел. конницы для развѣдыванія. Словомъ — онъ преградилъ Аннибалу выходъ изъ Кампаніи на сѣверѣ частію силъ Минуція, а на югѣ главными силами подъ личнымъ своимъ начальствомъ.

Гостилій, приверженецъ Минуція и боя съ Аннибаломъ, напалъ на встрѣченныхъ имъ нумидійцевъ и преслѣдовалъ ихъ до кареагенскаго лагеря. Но вышедшая изъ него вся Аннибалова конница въ свою очередь опрокинула и преслѣдовала Гостилія. Послѣдній наконецъ остановился, вступилъ въ бой, былъ окруженъ, разбитъ и убитъ, а остатки его отряда спаслись въ лагерь Фабія. Это дѣло, хотя и неважное, могло бы, кажется, послужить подтвержденіямъ принятаго Фабіемъ образа дѣйствій: но ни Минуцій, ни Фабіева армія не убѣдились этимъ и продожали желать и даже требовать боя. Фабій не обращалъ на это вниманія, а только расположился ближе къ Аннибалу, но по-прежнему въ горахъ. На слѣдующій день Аннибалъ

построилъ свою армію противъ него на равнинѣ въ боевой порядокъ и выслалъ впередъ свою легкую конницу завязать бой съ арміей Фабія, построившеюся также въ боевой порядокъ передъ самымъ своимъ лагеремъ. Но Фабій отразилъ нумидійцевъ и не двинулся съ мѣста, такъ что Аннибалъ былъ принужденъ снова безъ успѣха и съ урономъ воротиться въ свой лагерь. Не имѣя возможности ни оставаться въ разоренной имъ котловинѣ Кампаніи, ни силою пройти черезъ занятыя Фабіемъ горныя тѣснины горы Галликанской, онъ прибѣгнулъ къ слѣдующей военной хитрости: приказалъ выбрать, изъ взятаго въ добычу скота, 2 т. самыхъ сильныхъ воловъ, привязать къ ихъ рогамъ хворосту и другихъ горючихъ веществъ и около 3-й стражи ночи (между полуночью и 3-хъ часовъ утра) зажечь послѣднія и гнать воловъ, въ сопровожденіи легкой пѣхоты, къ одной высотѣ противъ тѣснинъ. Легкая пѣхота должна была разсыпаться на право и на лѣво, съ громкимъ крикомъ занять вершину высоты и напасть на занимавшія ее римскія стражи. А самъ онъ двинулся вслѣдъ за легкою пѣхотой, имѣя впереди африканскую пѣхоту, за нею конницу съ тяжестями и добычей, а въ хвостѣ испанскую и галльскую пѣхоту. Римскія стражи на высотѣ, увидавъ приближавшіеся огни, въ темнотѣ приняли ихъ за всю карѳагенскую армію и двинулись-было на встрѣчу ей, но увидавъ воловъ съ огнями на рогахъ, пришли въ страхъ и даже не отступили на прежнее свое мѣсто на высотѣ, а вступили въ частный бой съ карѳагенскою легкою пѣхотой, чему однако помѣшали бросившіеся между ними волы. Это продолжалось до самаго разсвѣта. Фабій, услыхавъ шумъ, увидавъ огни и опасаясь какой-нибудь военной хитрости, поставилъ всю свою армію подъ оружіе, но не вывелъ ее изъ лагеря. А Аннибалъ, пользуясь тѣмъ, успѣлъ еще за-свѣтло провести всю свою армію черезъ горныя тѣснины безпрепятственно, хотя и не безъ труда. На разсвѣтѣ бой завязался уже на горныхъ высотахъ, но Аннибалъ, подкрѣпивъ свою передовую пѣхоту испанскою, принудилъ войска Фабія отступить въ свой лагерь съ урономъ около 1 т. чел., между тѣмъ какъ войска Аннибала не понесли почти никакого урона. Выйдя изъ горъ, Аннибалъ расположился у подошвы ихъ, близъ Алифы, въ Самніѣ, а Фабій — противъ него въ сильной мѣстности на горахъ.

Это распространило страхъ между союзниками Рима, которые уже отчаявались въ надеждѣ избавиться наконецъ отъ Аннибала, громко роптали противъ Фабія и сильно упрекали его. А Аннибалъ, показывая видъ, будто идетъ къ Риму чрезъ восточный Лацій, двинулся въ земли пелигновъ, въ сѣверномъ Самніѣ, и сталъ разорять ихъ. Фабій слѣдовалъ вдоль горъ за его движеніемъ, становясь всегда между нимъ и Римомъ. Вскорѣ Аннибалъ, узнавъ отъ своихъ лазутчиковъ, что въ окрестностяхъ Луцеріи (Lucera) и Геріо или Герунія (Dragonara), двухъ городовъ въ сѣверной, даунійской Апуліи, остаются большіе запасы пшеницы и что городъ Геруній весьма удобенъ для учрежденія въ немъ складовъ продовольствія на зиму, перемѣнилъ направленіе и черезъ земли френтановъ, въ восточномъ Самніѣ, двинулся къ Герунію, лежавшему у подошвы горы Либурна, къ сѣверу отъ Луцеріи. Не успѣвъ склонить жителей Герунія переговорами и обѣщаніями къ сдачѣ ему города, онъ въ скоромъ времени взялъ его приступомъ, жителей его истребилъ, а городъ разрушилъ, оставивъ только стѣны его и тѣ дома, которые занялъ подъ склады продовольствія. Армію же свою онъ расположилъ подъ стѣнами Герунія въ сильно-укрѣпленномъ лагерѣ.

Фабій, послѣдовавшій за Аннибаломъ съ боку, горами, расположился противъ него близъ Ларина (Larino), на правой сторонѣ р. Тиферна (Biferno), также въ сильно-укрѣпленномъ лагерѣ. Затѣмъ, отправляясь въ Римъ для исполненія религіозныхъ обрядовъ, онъ сдалъ начальствованіе арміей Минуцію, поручивъ ему ничего не предпринимать въ его отсутствіи и дѣйствовать какъ онъ, Фабій, дѣйствовалъ, а не какъ Семпроній и Фламиній, доказывая это тѣмъ, что побѣдамъ Аннибала уже былъ положенъ предѣлъ и тѣмъ уже была изглажена память претерпѣнныхъ неудачъ.

Но въ Римѣ общественное мнѣніе, друзьями Минуція и врагами Фабія крайне возбужденное противъ послѣдняго и даже раздѣляемое сенатомъ, было совсѣмъ иного рода. Два обстоятельства усилили это еще болѣе: во 1-хъ то, что Аннибалъ приказалъ щадить отъ разоренія помѣстья Фабія, что бросало на послѣдняго тѣнь измѣнника, и во 2-хъ то, что Фабій, по бывшимъ въ 1-й пунической войнѣ примѣрамъ, заключилъ съ Аннибаломъ договоръ о размѣнѣ плѣн-

ныхъ, по которому за каждаго военноплѣннаго, въ случаѣ невозможности обмѣнить его, платилось по $2\frac{1}{2}$ фунта серебра, и такимъ образомъ Фабій получилъ 247 римскихъ плѣнниковъ болѣе, нежели сколько выдалъ карѳагенскихъ. Сенатъ не утвердилъ этого договора и отказалъ въ выдачѣ Фабію изъ государственной казны издержанныхъ имъ денегъ. Тогда Фабій продалъ свое имѣніе, пощаженное Аннибаломъ, и изъ вырученныхъ денегъ внесъ передержку въ государственную казну. Но этотъ благородный поступокъ его не образумилъ ни сената, ни друзей Минуція и враговъ Фабія, а Минуцій, подкрѣпляемый этимъ, только и помышлялъ о боѣ съ Аннибаломъ и уже сошелъ съ горъ къ подошвѣ ихъ и занялъ новый лагерь ближе къ Аннибалу.

Аннибалу все это было очень хорошо извѣстно и онъ не преминулъ воспользоваться тѣмъ при первомъ удобномъ случаѣ, который и не замедлилъ представиться.

Признавая недостаточными для своей арміи на зиму тѣхъ запасовъ продовольствія, которыя онъ собралъ въ Кампаніи и Самніѣ, а особенно нуждаясь въ фуражѣ, котораго въ окрестномъ краѣ было въ изобиліи, онъ ежедневно высылалъ $^2/_3$ своей арміи на фуражировку въ тылу своего лагеря, а самъ въ тоже время выдвигался передъ лагеремъ съ легкою пѣхотой, дабы развѣдывать о непріятелѣ и прикрывать лагерь и фуражировъ своихъ. Узнавъ же, что Минуцій сошелъ съ горъ и приблизился къ нему, онъ двинулся съ $^2/_3$ своей арміи также впередъ и расположился въ недальнемъ разстояніи отъ Герунія, лагеремъ на высотѣ, а остальную $^1/_3$ арміи выслалъ по-прежнему на фуражировку. Дабы заманить Минуція въ бой, онъ выслалъ ночью 2 т. чел. конницы занять одну высоту между двумя лагерями, господствовавшую надъ римскимъ. На разсвѣтѣ Минуцій напалъ на эту конницу своею легкою пѣхотой, прогналъ ее, занялъ высоту и расположилъ на ней всю свою армію въ лагерѣ. Аннибалъ, надѣясь на скорый бой, нѣсколько дней сряду держалъ всю свою армію въ сборѣ въ лагерѣ, но видя, что Минуцій не выходитъ изъ своего лагеря, снова выслалъ бо́льшую часть своей арміи на фуражировку. Тогда Минуцій выступилъ со всею своею арміей изъ лагеря и двинулся прямо противъ лагеря Аннибала. Приблизясь къ нему, онъ

построилъ тяжелую пѣхоту въ боевой порядокъ, а легкую съ конницей выслалъ противъ Аннибаловыхъ фуражировъ отдѣльными отрядами, запретивъ брать плѣнныхъ. Атакованные врасплохъ, Аннибаловы фуражиры были частію истреблены, частію же спаслись въ свой лагерь. А между тѣмъ, римская тяжелая пѣхота дошла до такой дерзости, что даже начала вырывать тынъ, ограждавшій валъ Аннибалова лагеря. Аннибалъ не могъ выйти изъ него ни противъ римлянъ, ни на помощь своимъ фуражирамъ, и былъ принужденъ защищаться, какъ могъ, въ своемъ лагерѣ, до тѣхъ поръ, пока неприбыли 4 т. фуражировъ, которыхъ успѣли собрать въ лагерѣ при Геруніѣ. Это дало ему наконецъ возможность выйти изъ своего лагеря и построиться впереди его въ боевой порядокъ. Тогда Минуцій отступилъ, довольный тѣмъ, что нанесъ неуязвимому дотолѣ Аннибалу чувствительный уронъ, и даже держалъ его, въ его лагерѣ, въ осадѣ. Аннибалъ же, отдавая Минуцію справедливость, что онъ дѣйствовалъ искусно, и озабочиваясь сохраненіемъ Герунія, призналъ за лучшее отступить въ прежній свой лагерь при немъ. А какъ только онъ отступилъ, Минуцій немедленно расположился лагеремъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ предъ тѣмъ Аннибалъ, и съ тѣхъ поръ римскія войска ходили на фуражировку смѣло и отважно, а кареагенскія съ большими предосторожностями.

Вѣсти объ этомъ, понятнымъ образомъ, произвели въ Римѣ величайшую радость и еще болѣе утвердили общее ложное мнѣніе, что до тѣхъ поръ только одна робость Фабія (такъ называли его мудрую осторожность) была виною неодержанія никакихъ успѣховъ надъ Аннибаломъ; Минуція же всѣ въ Римѣ превозносили до небесъ. Народный трибунъ Цецилій Метеллъ даже всенародно обвинилъ Фабія въ намѣреніи продлить войну для продленія своей власти и въ заключеніе предложилъ, чтобы Фабія не отпускали изъ Рима въ армію до тѣхъ поръ, пока онъ не назначитъ консула вмѣсто убитаго Фламинія, и чтобы изданъ былъ законъ объ уравненіи власти диктатора и магистра конницы.

Фабій оправдалъ себя очень разумно и просто, сказавъ, что сомнѣвается въ важности побѣды, одержанной Минуціемъ, и если это было и справедливо, то опасается болѣе удачи, нежели неудачи, что пре-

терпѣнныя неудачи произошли только отъ неосторожности полководцевъ, что въ тогдашнихъ обстоятельствахъ было болѣе славы въ сохраненіи арміи безъ позора, нежели въ погубленіи многихъ тысячъ людей, наконецъ, что доколѣ онъ сохранитъ званіе диктатора, магистръ конницы отдастъ ему отчетъ въ томъ, что вступилъ въ бой противно его приказаніямъ, а онъ, Фабій, докажетъ, что хорошій полководецъ надѣется болѣе на осторожность, нежели на счастіе и удачу.

Но сенатъ раздѣлялъ мнѣніе народа, и Фабій, не желая присутствіемъ своимъ оправдать законъ, противный государственнымъ учрежденіямъ, тотчасъ собралъ народныя комиціи и, по избраніи въ консулы (во 2-й разъ) Аттилія Регула, отправился въ армію наканунѣ голосованія новаго закона. На другой день, предложенный народу и, въ угоду ему, поддержанный Теренціемъ Варрономъ (плебеемъ, сыномъ достаточнаго мясника, бывшимъ въ предъидущемъ году преторомъ) законъ объ уравненіи власти диктатора и его магистра конницы, извѣстный подъ названіемъ Метеллова закона (lex Metella) и неслыханный дотолѣ въ римской республикѣ, былъ голосованъ и принятъ большинствомъ голосовъ.

Фабій получилъ извѣстіе объ этомъ на пути въ армію и предоставилъ времени рѣшить между нимъ и римскимъ правительствомъ и народомъ, друзьями Минуція и врагами его, Фабія. Минуцій же такъ возгордился, что гласно объявлялъ твердое намѣреніе свое слѣдовать своему образу дѣйствій и предложилъ Фабію или начальствовать арміею поочередно, или же раздѣлить ее между собою пополамъ. Фабій отвѣчалъ, что новый законъ раздѣлилъ его власть, но не отнялъ ее у него, и потому избралъ второй способъ, желая лучше сохранить половину арміи, нежели погубить всю. Вслѣдствіе того, 2-й и 3-й римскіе легіоны, съ половиною пѣхоты, конницы, вспомогательныхъ и союзныхъ войскъ достались по жребію Фабію, а 1-й и 4-й римскіе легіоны, также съ другою половиною войскъ — Минуцію, который тотчасъ же отдѣлился отъ Фабія и расположился впереди его въ отдѣльномъ лагерѣ.

Аннибалъ былъ въ восторгѣ отъ всего этого и основалъ на этомъ свой планъ. Онъ положилъ занять одну высоту между собою и Ми-

нуціемъ, выгодную для обоихъ, но такъ чтобы это послужило поводомъ къ общему бою. А между тѣмъ онъ хотѣлъ устроить засаду въ одной изъ лощинъ, открытой вокругъ равнины, куда и помѣстилъ ночью 5 т. чел. пѣхоты и 500 чел. конницы, а чтобы скрыть это, на разсвѣтѣ занялъ высоту легкою пѣхотой. Минуцій выслалъ противъ нея свою легкую пѣхоту, а за нею конницу, и вскорѣ двинулся самъ съ легіонами въ боевомъ порядкѣ. По восходѣ солнца, римляне, обративъ все вниманіе на высоту, не замѣтили засады, находившейся вправо отъ нихъ, и атаковали легкую пѣхоту Аннибала на высотѣ. Аннибалъ же постепенно подкрѣплялъ свою легкую пѣхоту тяжелою, самъ послѣдовалъ за нею съ конницей, и такимъ образомъ бой мало по малу сдѣлался общимъ. Римскіе велиты были опрокинуты на легіоны, которые пришли въ разстройство; однако легіоны снова устроились и бой завязался по всей линіи. Въ это время, по данному Аннибаломъ сигналу, войска, бывшія въ засадѣ, ринулись во флангъ и въ тылъ арміи Минуція, которая, атакованная со всѣхъ сторонъ, была близка къ гибели: еще минута — и она была бы разбита на-голову. Но Фабій, слѣдившій за ходомъ боя, нимало не медля вывелъ свою армію изъ лагеря и въ боевомъ порядкѣ двинулся на помощь Минуцію, направляясь къ правому флангу его. Принявъ его на себя, онъ въ полномъ порядкѣ двинулся противъ Аннибала. Но послѣдній, довольствуясь одержаннымъ успѣхомъ и не намѣреваясь продолжать бой съ свѣжею арміей Фабія, приказалъ отступать, сказавъ при этомъ, по словамъ иныхъ: «Наконецъ-то гроза, долго ходившая по горамъ, разразилась дождемъ!» Фабій и Минуцій также отступили въ свои лагери. Уронъ Минуція былъ довольно большой, особенно въ легіонахъ.

Послѣ боя, Минуцій собралъ свои войска и сказавъ, что общая ихъ неосторожность была виною ихъ несчастія, убѣдилъ ихъ подчиниться болѣе искусному и способному полководцу. Затѣмъ онъ вывелъ свою армію изъ ея лагеря, присоединился къ арміи Фабія, сложилъ съ себя власть, данную ему народомъ, и просилъ Фабія простить ему и его войскамъ и снова принять ихъ подъ свое начальство. Фабій похвалилъ его, какъ онъ того вполнѣ заслуживалъ, за этотъ благородный поступокъ и оставилъ его по-прежнему магистромъ конницы. Величіе души Фабія произвело чрезвычайно выгодное для

него впечатлѣніе и на умы въ Римѣ, и на Аннибала. Въ Римѣ это расположило народъ снова въ пользу Фабія, а въ Аннибалѣ возбудило большое уваженіе къ нему.

Укрѣпивъ высоту, на которой произошло сраженіе и соединивъ ее коммуникаціонными линіями съ своимъ укрѣпленнымъ лагеремъ при Геруніѣ, Аннибалъ расположилъ тутъ свою армію на зимнихъ квартирахъ.

§ 171.

Дѣйствія на морѣ, въ Африкѣ и Испаніи.

Между тѣмъ Сервилій, прогнавъ кареагенскія эскадры, произвелъ высадку на берега Африки, но вскорѣ потерпѣлъ въ бою неудачу, стоившую ему около 1 т. чел. урона и принудившую его воротиться въ Италію. Фабій, срокъ диктаторства котораго приближался, приказалъ Сервилію, вмѣстѣ съ другимъ консуломъ Аттиліемъ, прибыть въ армію и принять начальствованіе надъ нею. Они расположили армію на зиму въ деревянныхъ шалашахъ, тамъ же, гдѣ она находилась, и продолжали дѣйствовать по плану Фабія, нападая на фуражировъ Аннибала и безпрестанно тревожа его армію.

Въ Испаніи кареагенскій флотъ, подъ начальствомъ Аздрубала, былъ разбитъ Кнеіемъ Сципіономъ при устьѣ Ибера, съ потерей 31 изъ своихъ судовъ. Другой кареагенскій флотъ, получившій приказаніе направиться къ Пизѣ, для подкрѣпленія Аннибала въ Италіи, былъ принужденъ Кнеіемъ Сципіономъ искать убѣжища у береговъ Сардиніи, а потомъ въ Кареагенѣ. Въ подкрѣпленіе Кнеію Сципіону былъ посланъ братъ его, Публій Корнелій Сципіонъ съ 20-ю судами, и оба они заняли близъ Сагунта лагерь, изъ котораго удачно производили и распространяли свои завоеванія внутри Испаніи. Помощью предательства одного испанца, они захватили тѣхъ испанскихъ заложниковъ, которыхъ Аннибалъ взялъ изъ важнѣйшихъ городовъ Испаніи, въ знакъ вѣрности ихъ. Сципіоны поступили съ ними весьма великодушно, что побудило многіе испанскіе города отложиться отъ Кареагена.

§ 172.

3-й походъ 216-го года.

Приготовленія римлянъ и Аннибала.

На 216 годъ въ Римѣ были выбраны въ консулы: Теренцій Варронъ, имѣвшій за себя почти весь народъ, и Эмилій Павелъ, выставленный и поддержанный аристократіей. Послѣ выбора консуловъ, сенатъ приказалъ произвесть наборъ 10 т. чел., для пополненія каждаго изъ 5-ти находившихся на службѣ легіоновъ до числа 5 т. челов. пѣхоты (вмѣсто 4,200) и 300 чел. конницы (вмѣсто 200) противъ предъидущаго года. Сверхъ того были набраны 4 новые римскіе легіона той же силы, а союзники выставили всего 9 легіоновъ такого же числа пѣхоты и двойнаго числа конницы. Такимъ образомъ всѣхъ войскъ было 9 римскихъ и 9 союзныхъ, всего 18 легіоновъ и въ нихъ: пѣхоты римской 45 т., союзной 45 т., всего 90 т., конницы римской 2700, союзной 5400, всего 8100, а всего 98,100 чел. — силы, которыхъ дотолѣ никогда еще не выставляли римляне въ такомъ числѣ. Сенатъ пришелъ наконецъ къ убѣжденію, что необходимо было употребить чрезвычайное напряженіе силъ для одолѣнія грознаго врага, напавшаго на республику въ самомъ средоточіи ея владѣній, и для того набрать 8 консульскихъ легіоновъ, вмѣсто обыкновенныхъ 4-хъ, дабы по крайней мѣрѣ огромнымъ превосходствомъ силъ подавить Аннибала. Но при этомъ сенатъ сдѣлалъ большую ошибку въ образованіи слишкомъ малаго числа конницы (8,100 чел.) противъ конницы Аннибала (до 10 т.), притомъ старой, боевой и отличной, въ числѣ которой было до 2 т. чел. превосходной нумидійской легкой конницы, между тѣмъ какъ конница римская и союзная была наибольшею частію (болѣе 5 т.) новаго набора, неопытная и далеко уступавшая карѳагенской. Такимъ образомъ конница была слабою стороною въ составѣ римскихъ армій. Іеронъ, царь сиракузскій, прислалъ 1 т. стрѣлковъ и пращниковъ, 300 т. мѣръ пшеницы и 20 т. мѣръ ячменя, съ совѣтомъ произвесть диверсію въ Африкѣ. Сенатъ исполнилъ это только на половину, прибавивъ 25 квинкверемъ къ

флоту пропретора Отацилія въ Сициліи и разрѣшивъ ему переправиться въ Африку, если онъ признаетъ это полезнымъ. Въ Италіи консулы соединили подъ своимъ начальствомъ 4 легіона, находившіеся при Геруніѣ, и 4 вновь набранные, а преторъ Постумій былъ посланъ съ однимъ римскимъ и однимъ союзнымъ легіонами въ цизальпинскую Галлію. Обоимъ Сципіонамъ въ Испаніи было продолжено начальствованіе на годъ и посланы нужныя подкрѣпленія, для усиленнаго веденія войны.

Новые консулы, передъ отправленіемъ своимъ изъ Рима въ армію, говорили народу совершенно отлично одинъ отъ другаго и тѣмъ уже какъ бы предрекали будущія событія. Грубый и запальчивый Варронъ обвинялъ аристократію въ привлеченіи Аннибала въ Италію, гдѣ онъ долженъ былъ оставаться еще долго, если арміи будутъ ввѣрять такимъ людямъ, какъ Фабій; но что онъ, Варронъ, кончитъ войну разомъ, блистательною побѣдой, въ тотъ самый день, когда увидитъ непріятеля! Эмилій Павелъ, напротивъ, говорилъ съ достоинствомъ, мудро и правдиво: «удивляюсь, что полководецъ, не видавшій еще ни своей, ни непріятельской армій, ни ихъ расположенія, и незнакомый съ мѣстными обстоятельствами, можетъ, еще не выходя изъ Рима, начертать планъ похода и предсказать день вступленія своего въ битву. Что касается меня, то будучи убѣжденъ, что не люди управляютъ событіями, а событія людьми, я не предреку ничего заранѣе; я убѣжденъ, что дѣйствія, управляемыя мудростью и размышленіемъ, всегда счастливы, безумная же отважность можетъ имѣть послѣдствіемъ только несчастіе». Историки говорятъ, что Фабій при этомъ случаѣ убѣждалъ Эмилія Павла въ необходимости не отступать отъ того образа дѣйствій, которымъ онъ, Фабій, руководствовался, на что Эмилій Павелъ отвѣчалъ ему, что если уже диктаторъ не устоялъ противъ козней своего магистра конницы, то тѣмъ труднѣе консулу противиться своему сотоварищу;—«я самъ»—прибавилъ онъ—«едва избѣгнулъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, возбужденной противъ меня грозы; желаю, чтобы все шло какъ можно лучше, но если должно случиться какое нибудь несчастіе, то предпочитаю лучше пасть подъ ударами непріятеля, нежели снова предать голову мою ярости моихъ согражданъ». Эти слова Варрона и

Эмилія Павла достаточно рисуютъ каждаго изъ нихъ и полезны для уразумѣнія послѣдующихъ событій.

Послѣ набора новыхъ легіоновъ, новонабранныя войска, пѣхота и конница, принесли не обыкновенную, а новую присягу — не предаваться бѣгству и не покидать рядовъ, развѣ только для того, чтобы брать или просить оружія, поражать непріятеля или спасать согражданъ. Эту новую присягу также слѣдуетъ имѣть въ виду при разсмотрѣніи послѣдующихъ событій.

Между тѣмъ Аннибалъ оставался въ своемъ зимнемъ расположеніи при Геруніѣ не только до начала весны, но даже до мая мѣсяца, когда въ Апуліи уже начиналъ созрѣвать хлѣбъ на поляхъ — бездѣйствіе, необъясняемое достаточно ни Полибіемъ, ни Титомъ Ливіемъ, и для насъ остающееся непонятнымъ и страннымъ, какъ и многое другое въ этомъ походѣ со стороны Аннибала. Армія его въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ зимы успѣла, кажется, достаточно отдохнуть, оправиться и собрать нужное продовольствіе. Ждалъ-ли Аннибалъ жатвы? или какого-либо благопріятнаго для него оборота дѣлъ въ южной Италіи? Извѣстно только, что всѣ запасы продовольствія, собранныя имъ въ Геруніѣ, были потреблены, а окрестный край уже не могъ доставлять ему новыхъ, потому что римскій сенатъ приказалъ сельскимъ жителямъ свозить свои запасы въ города, а что оставалось затѣмъ, было забрано войсками съ той и съ другой стороны, вслѣдствіе чего Аннибалу уже невозможно было оставаться при Геруніѣ — по недостатку продовольствія и необходимо было перемѣнить мѣсто расположенія для пріобрѣтенія его. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Аннибалъ не хотѣлъ и выходить изъ Апуліи, въ которой былъ увѣренъ, что найдетъ болѣе, нежели въ иныхъ областяхъ, средствъ для продовольствованія арміи. А потому онъ положилъ двинуться къ разрушенному въ предъидущемъ году городу Каннамъ, къ югу отъ равнинъ Апуліи, на правомъ берегу р. Ауфида (н. Офанто). Въ замкѣ (или цитадели) этого бывшаго города, оставшемся во власти римлянъ, послѣдними были собраны всѣ запасы продовольствія окрестнаго края.

§ 173.

Взятіе Аннибаломъ замка Каннъ;—сраженіе при Каннахъ.

Имѣя въ виду завладѣть этими запасами и принудить римлянъ къ сраженію, Аннибалъ быстро двинулся къ замку Каннъ, взялъ его внезапнымъ нападеніемъ и приступомъ съ боя и расположился возлѣ него лагеремъ. Этимъ онъ лишилъ римлянъ крѣпкаго опорнаго и складочнаго пункта въ этомъ краю и всѣхъ запасовъ продовольствія въ немъ, и, пріобрѣтя эти выгоды въ свою пользу, достигалъ другой своей цѣли—возможности принудить римлянъ къ сраженію, чего не могъ бы достигнуть, оставаясь въ южной Апуліи. Быстрое же движеніе его къ замку Каннъ имѣло цѣлію предупредить усиленіе гарнизона его изъ римскихъ армій близъ Герунія и поставить эти арміи, имѣвшія относительно слабѣйшую числомъ конницу, въ невозможность слѣдовать чрезъ открытыя равнины Апуліи за Аннибаломъ, имѣвшимъ болѣе сильную и лучшую конницу. Поэтому движеніе его отъ Герунія къ Каннамъ, и по соображенію, и по исполненію, заслуживаетъ полныхъ вниманія и одобренія.

Совершенно противное слѣдуетъ сказать о дѣйствіяхъ проконсуловъ Сервилія и Регула, временно, до прибытія новыхъ консуловъ, начальствовавшихъ римскими арміями близъ Герунія. Они не приняли никакихъ мѣръ, ни для надлежащаго обезпеченія своихъ складовъ въ замкѣ Каннъ, усиленіемъ его укрѣпленій и гарнизона, ни для открытія во-время движенія къ нему Аннибала, тѣмъ болѣе что, для движенія за нимъ, имъ необходимо было, для избѣжанія боя съ нимъ на равнинахъ, идти дальнимъ обходомъ вдоль подошвы горъ. Безпечность ихъ простиралась до того, что они убѣдились въ опасности, грозившей ихъ складамъ, лишь тогда, когда получили извѣстіе о взятіи ихъ Аннибаломъ. А затѣмъ, не зная, что предпринять, они нѣсколько разъ посылали въ Римъ спрашивать у сената, что имъ дѣлать, представляя, что имъ нельзя было ни оставаться на мѣстѣ въ краю, уже истощенномъ, ни приблизиться къ Аннибалу, безъ опасенія быть принужденными вступить съ нимъ въ сраженіе, котораго велѣно было избѣгать (какъ будто между этими двумя крайностями они не могли придумать никакихъ другихъ

средствъ, какъ, напримѣръ, подобно Фабію, немедленно расположиться въ виду Аннибала въ неприступномъ лагерѣ въ горахъ). Сенатъ рѣшилъ, что не оставалось ничего болѣе, какъ вступить съ Аннибаломъ въ сраженіе (въ противность мудрому правилу Фабія), однако приказалъ проконсуламъ не вступать въ него до прибытія новыхъ консуловъ и легіоновъ. При этомъ и сенатъ, и народъ, въ большинствѣ, справедливо возлагали надежды свои на Эмилія Павла.

По прибытіи консуловъ и легіоновъ въ лагерь арміи близъ Герунія, консулы прежде всего занялись сліяніемъ новыхъ легіоновъ съ прежними и устройствомъ арміи. А затѣмъ Эмилій Павелъ употребилъ всѣ возможные доводы для наибольшаго одушевленія войскъ и представленія имъ, что теперь настало время загладить вѣрною побѣдой всѣ прежнія неудачи, бывшія лишь слѣдствіемъ ошибокъ. На слѣдующій день оба консула съ арміями (силы которыхъ простирались до 80 т. чел. пѣхоты и 7,200 чел. конницы въ строю) двинулись къ Канузію (н. Canosa) и, прибывъ туда на 2-й день, расположились лагеремъ позади этого города, на правомъ берегу р. Ауфида, въ 6-ти рим. миляхъ (болѣе 6-ти верстъ) отъ лагеря Аннибала позади замка Каннъ. Эмилій Павелъ, видя, что окрестныя, открытыя равнины были выгодны для Аннибала, но невыгодны для римлянъ, полагалъ завлечь Аннибала на мѣстность, болѣе удобную для дѣйствій римской пѣхоты, нежели для карѳагенской конницы. Но Варронъ, столько же безразсудный, сколько неспособный и невѣжественный, былъ совершенно другаго мнѣнія, слѣдствіемъ чего было не только взаимное несогласіе обоихъ консуловъ, но и ссора ихъ. Варронъ презрительно укорялъ Эмилія Павла медлительностью Фабія, а Эмилій Павелъ напоминалъ Варрону безразсудную отважность Семпронія и Фламинія. Разумѣется, ничего хорошаго отъ этого ожидать было нельзя.

На другой же день послѣ прибытія консуловъ къ Канузію, Варронъ, начальствуя въ свою очередь арміями, захотѣлъ приблизиться къ лагерю Аннибала. Послѣдній тотчасъ двинулся противъ него съ легкою пѣхотой (8 т.) и конницей (10 т.) и атаковалъ ими римскія войска на походѣ, какъ только они прошли мимо Канузія. Первое столкновеніе было очень сильное и привело передовыя римскія

войска въ нѣкоторое разстройство. Но Варронъ подкрѣпилъ ихъ шедшими сзади нѣсколькими когортами экстраординарныхъ войскъ, и всѣ они вмѣстѣ (всего около 7 т. конницы, 19 т. велитовъ и 12 т. тяжелой пѣхоты=38 т.) стремительно атаковали легкую пѣхоту и конницу Аннибала. Бой продолжался до вечера и былъ выгоденъ для римлянъ, но невыгоденъ для Аннибала, противъ его ожиданія: онъ опасался даже, чтобы это не произвело дурнаго впечатлѣнія на его армію. Нельзя не сознаться, что въ этомъ передовомъ бою неспособный Варронъ распорядился лучше Аннибала, какъ оно ни можетъ показаться страннымъ, а именно тѣмъ, что подкрѣпилъ и поддержалъ свои передовыя конныя и пѣшія легкія войска тяжелою пѣхотой, между тѣмъ какъ Аннибалъ не имѣлъ тяжелой пѣхоты за своею конницей, для поддержанія ея, и слѣдовательно имѣлъ эти невыгоды и превосходство силъ противъ себя.

На другой день очередь начальствованія принадлежала Эмилію Павлу. Положеніе его было довольно трудное: онъ одинаково и справедливо признавалъ невыгоднымъ, и оставаться на томъ мѣстѣ, гдѣ окончился передовой бой и римскія арміи расположились на ночь лагеремъ, и отступить назадъ на мѣстность, болѣе выгодную для пѣхоты. Между этими двумя крайностями онъ избралъ середину, дабы хоть сколько нибудь улучшить расположеніе армій и, прикрывая собственныхъ фуражировъ, безпокоить непріятельскихъ, а именно $^2/_3$ войскъ армій онъ оставилъ тамъ, гдѣ онѣ находились, а $^1/_3$ расположилъ на другомъ берегу р. Ауфида, около 1300 шаговъ отъ большаго лагеря и нѣсколько далѣе отъ лагеря Аннибала. Такимъ раздѣленіемъ двухъ армій на двѣ части онъ, можетъ быть, хотѣлъ, въ случаѣ неудачи большей части, спасти по крайней мѣрѣ хоть меньшую. Аннибалъ, съ своей стороны, видя, что наконецъ настало время столь сильно желаемой и давно ожидаемой имъ битвы, и имѣя въ виду изгладить между своими войсками неблагопріятное впечатлѣніе боя предъидущаго дня, собралъ ихъ и, по свидѣтельству Полибія, произнесъ передъ ними очень убѣдительную рѣчь, въ которой особенно указалъ имъ на всѣ выгоды мѣстности для нихъ и невыгоды ея для римлянъ, обѣщавшія несомнѣнную побѣду первымъ, и представилъ имъ на видъ всѣ выгоды уже одержанныхъ ими передъ тѣмъ побѣдъ

и особенно той, которую они одержатъ теперь, и этимъ чрезвычайно ободрилъ и одушевилъ свои войска. Хотя произнесеніе такого рода рѣчей полководцами своимъ войскамъ передъ сраженіями и было въ общемъ употребленіи въ древности, однако за достовѣрность ихъ, разумѣется, ручаться нельзя. Но смыслъ рѣчей, произнесенныхъ и Аннибаломъ въ это время, и Эмиліемъ Павломъ ранѣе, не противурѣчатъ вѣроятности и въ этомъ только отношеніи и слѣдуетъ упомянуть о нихъ.

Послѣ того Аннибалъ приказалъ сильно укрѣпить свой лагерь, а на другой день — войскамъ подкрѣпить свои силы пищей и изготовиться къ бою, и, выведя всю свою армію изъ лагеря, построилъ ее впереди его, правымъ флангомъ къ р. Ауфиду, въ боевой порядокъ, какъ бы вызывая римлянъ на бой. Но Эмилій Павелъ не вышелъ изъ своего большаго лагеря и ограничился только тѣмъ, что сильно укрѣпилъ оба лагеря и обезпечилъ стражами сообщенія и подвозы продовольствія въ тылу. Аннибалъ, простоявъ нѣсколько времени въ боевомъ порядкѣ и видя, что римляне не выходятъ изъ своихъ лагерей, воротился въ собственный, только выславъ нумидійскую конницу за р. Ауфидъ, тревожить войска малаго римскаго лагеря и препятствовать имъ водить лошадей къ Ауфиду на водопой. Нумидійцы не только исполнили это, но даже приблизились къ самому лагерю и дерзко нападали на стражей и часовыхъ его.

Варронъ, а съ нимъ и всѣ римскія войска, были внѣ себя отъ такой дерзости и горѣли нетерпѣніемъ вступить въ бой. И потому на слѣдующій день Варронъ, будучи очереднымъ главноначальствующимъ, уже на разсвѣтѣ подалъ сигналъ къ бою, не сказавъ ни слова о томъ Эмилію Павлу, и перевелъ всѣ войска изъ большаго лагеря на другую сторону Ауфида, гдѣ признавалъ мѣстность болѣе удобною для того, чтобы развернуть всѣ свои силы. Переведя войска черезъ Ауфидъ, онъ построилъ ихъ въ боевой порядокъ и присоединилъ къ нимъ всѣ войска изъ малаго лагеря. Правую фланговую римскую конницу (2,400 чел.) онъ примкнулъ къ лѣвому берегу Ауфида, построивъ ее въ одну линію. Въ серединѣ онъ поставилъ римскіе легіоны на право, а союзные на лѣво, не въ обыкновенномъ строѣ, но построивъ манипулы въ 10 чел. во фронтѣ и въ 16 чел.

въ глубину, для того, чтобы придать многочисленной римской пѣхотѣ болѣе глубины, а впрочемъ расположилъ манипулы въ 3 линіи, въ шахматномъ порядкѣ. Пѣхоты въ строю, въ боевомъ порядкѣ, было всего 15 легіоновъ, потому что 16-й легіонъ съ пѣхотой экстраординарныхъ войскъ (всего около 11 т. чел.) былъ оставленъ въ большомъ лагерѣ, для нападенія, во время боя, на лагерь Аннибала. Конница экстраординарныхъ и союзныхъ войскъ (всего 4.800 чел.) была поставлена на лѣвомъ флангѣ въ одну линію, не примыкая слѣва ни къ какому естественному препятствію. Вся легкая пѣхота, имѣя стрѣлковъ и пращниковъ царя Іерона въ серединѣ, была поставлена довольно далеко впереди фронта арміи въ одну линію. Варронъ принялъ начальствованіе надъ лѣвымъ крыломъ, Эмилій Павелъ надъ правымъ, а проконсулъ Сервилій надъ серединой.

Между тѣмъ Аннибалъ, какъ только увидалъ движеніе римлянъ за Ауфидъ, немедленно выслалъ туда же балеарскихъ пращниковъ и стрѣлковъ и всю свою легкую пѣхоту, съ приказаніемъ расположиться противъ римской арміи и заслонить отъ нея построеніе и расположеніе собственной. Переведя послѣднюю 2-мя колоннами черезъ Ауфидъ, онъ построилъ ее позади своей легкой пѣхоты въ боевой порядокъ въ одну линію, а именно: всю испанскую и галльскую конницу (8 т. чел.)—на лѣвомъ крылѣ, лѣвымъ флангомъ къ Ауфиду, $^2/_3$ въ 1-й и $^1/_3$ во 2-й линіи,—нумидійскую конницу (2 т. чел.)—на правомъ крылѣ, отдѣльными частями передъ фронтомъ всего лѣваго крыла римлянъ, и наконецъ всю тяжелую пѣхоту свою (около 32 т. чел.)—африканскую, самую лучшую, по флангамъ, фалангой въ 16 чел. глубины и по отдѣленіямъ въ 1 т. чел. каждое, вооруживъ ее римскимъ оружіемъ, взятымъ у римлянъ въ предшествовавшихъ сраженіяхъ,—испанскую же и галльскую—въ серединѣ между африканскою, особыми отдѣленіями, испанскими и галльскими попеременно, но глубиною только въ 10 чел. Легкой же пѣхотѣ онъ приказалъ, по обычному сигналу, отступить за 1-ю линію и построиться во 2-й за серединой и обоими крылами. Самъ онъ съ братомъ своимъ Магономъ взялъ на себя начальствованіе пѣхотой, Ганнонъ—правымъ, а Аздрубалъ—лѣвымъ крыломъ.

ПЛАНЪ
СРАЖЕНІЕ при КАННАХЪ
въ 216 г. до Р.Х.
А А – римляне
Б Б – карѳагеняне
1й римскій лагерь
большой
Римскій лагерь
малый
Р. Ауфидъ (нынѣ Офанто)
нынѣ Кассано
Канузій (нынѣ Каноза)
развалины Каннъ
Лагерь Аннибала

Причинами и цѣлію означеннаго здѣсь построенія Аннибаломъ своей арміи въ боевой порядокъ были слѣдующія:

Поспѣшность, съ которою римляне строились къ бою, тотчасъ обнаружила Аннибалу все ихъ построеніе, съ которымъ онъ и сообразовалъ собственное. Примѣръ происшедшаго передъ тѣмъ передоваго боя заставилъ его опасаться, чтобы римская конница не была снова поддержана частію римской пѣхоты, почему онъ и поставилъ всю свою лучшую конницу, испанскую и галльскую, на лѣвомъ крылѣ и притомъ большею частію въ 1-й линіи, а меньшею во 2-й, такъ какъ р. Ауфидъ мѣшала построить ее въ одну линію, дабы охватить римскую право-фланговую конницу. Нумидійскую же конницу на правомъ крылѣ, хотя и слабѣйшую числомъ, онъ считалъ достаточною для противудѣйствія лѣво-фланговой римской конницѣ, и притомъ надѣялся еще во-время покончить на своемъ лѣвомъ крылѣ, чтобы поспѣть, въ случаѣ надобности, на помощь правому. Что же касается пѣхоты въ серединѣ, то причиной и цѣлію означеннаго выше порядка построенія ея была задуманная имъ хитрость. Примѣръ сраженія на р. Треббіи, гдѣ прорваніе середины его арміи серединою римской послужило къ совершенному пораженію всей римской арміи, побудилъ его и теперь завлечь середину римской арміи въ клещи или щипцы середины собственной арміи, но такъ, чтобы середина римской арміи не могла, какъ на р. Треббіи, прорваться, а напротивъ могла быть остановлена спереди и охвачена съ боковъ. Вотъ для чего онъ и поставилъ испанскую и галльскую пѣхоту, какъ слабѣйшую, въ серединѣ, въ 10 ч. глубины, а африканскую, какъ лучшую, по флангамъ, въ 16 ч. глубины, легкой же пѣхотѣ своей назначилъ построиться потомъ во 2-й линіи за тяжелой пѣхотой и конницей.

Окончивъ построеніе своей арміи, онъ двинулся впередъ съ серединою своей пѣхоты, испанской и галльской, клиномъ впередъ, съ уступами назадъ къ линіи африканской пѣхоты. Бой съ обѣихъ сторонъ начали легкія войска и продолжали съ равными упорствомъ и успѣхомъ. Между тѣмъ Аннибалъ приказалъ Аздрубалу атаковать правую фланговую римскую конницу. Ударъ обѣихъ фланговыхъ конницъ былъ чрезвычайно сильный, а рукопашный бой—упорный. Многіе изъ римскихъ всадниковъ спѣшились и сражались пѣшими, что

подало Аннибалу поводъ сказать, что «по немъ это было все равно, какъ еслибы ему выдали этихъ всадниковъ связанными по рукамъ и по ногамъ.» Однако наконецъ римская конница была подавлена превосходною числомъ и добротою испанскою и галльскою конницей, разбита, опрокинута, преслѣдована и почти вся истреблена безъ пощады. Эмилій Павелъ, довольно тяжело раненый, съ трудомъ спасся и сталъ въ головѣ пѣхоты. Въ то же время нумидійцы, наѣздничая передъ лѣвымъ римскимъ крыломъ, удерживали его передъ собою.

Между тѣмъ легкая пѣхота съ обѣихъ сторонъ, прекративъ бой, отступила бѣгомъ, римская сквозь промежутки 1-й и 2-й линій въ промежутки 3-й (тріаріевъ), а карѳагенская—за 1-ю линію во 2-ю. Манипулы принциповъ вступили въ промежутки манипулъ гастатовъ и тѣ и другія въ одной линіи, въ строѣ фаланги, послѣдуемыя 2-ю линіей тріаріевъ и велитовъ, двинулись впередъ. Вскорѣ середина 1-й линіи встрѣтила голову клина 1-й линіи Аннибала и произвела сильный ударъ противъ нея. Испанская и галльская пѣхота, храбрая, но плохо вооруженная, сначала выдержала ударъ, не разстроивъ своихъ рядовъ, но вскорѣ была принуждена уступить напору римлянъ, а эти послѣдніе, вслѣдствіе самой стремительности своего напора, въ свою очередь образовали строй въ видѣ клина, проникавшій все болѣе и далѣе въ строй карѳагенской пѣхоты, принимавшій видъ клещей или щипцовъ. Въ одно и то же время тріаріи и велиты надвинулись на принциповъ и гастатовъ, испанская и галльская пѣхота продолжала отступать уступами изъ середины назадъ, а африканская пѣхота на флангахъ, напротивъ, наступать. При этомъ римскіе легіонеры начали стѣсняться косвенно отъ фланговъ къ серединѣ, вытѣсняя послѣднюю впередъ, причемъ ряды начали разстроиваться.

Между тѣмъ Аздрубалъ, довершивъ пораженіе правой фланговой римской конницы, поскакалъ съ своею конницей позади линіи римской пѣхоты въ тылъ лѣвой фланговой конницы. Послѣдняя, угрожаемая спереди нумидійцами, а сзади Аздрубаломъ, обратилась въ бѣгство и разсѣялась по равнинѣ, а съ нею бѣжалъ и столь храбрый до боя Варронъ. Аздрубалъ, пославъ нумидійцевъ для преслѣдованія бѣжавшихъ, самъ устремился на помощь своей пѣхотѣ. Голова клина римскаго центра, между тѣмъ, подвигаясь все далѣе и далѣе,

наконецъ боками своими сблизилась съ линіей африканской пѣхоты. Тогда Аннибалъ вздвоилъ ряды отступавшихъ испанцевъ и галловъ стоявшею сзади нихъ легкою пѣхотой, дабы остановить наступленіе клина римлянъ, а африканская пѣхота въ то же время захожденіемъ на право и на лѣво атаковала римскій клинъ съ обѣихъ сторонъ и прорвала его фланги. Съ другой стороны Аздрубалъ, раздѣливъ свою конницу на части, атаковалъ римскую пѣхоту съ тыла и съ обоихъ фланговъ сквозь промежутки африканской пѣхоты. Римскіе легіонеры, стѣсненные до такой степени, что едва могли защищаться своимъ оружіемъ, совершенно смѣшавшіе свои ряды, атакованные со всѣхъ сторонъ, уже не могли противупоставить непріятелю правильнаго строя и были принуждены сражаться порознь. Тщетно Эмилій Павелъ старался устроить римскія войска: въ страшной рукопашной свалкѣ, онъ палъ, отчаянно сражаясь, славною смертію героя. Послѣ того бой превратился уже просто въ поголовное избіеніе римлянъ.

Между тѣмъ 11 т. римскихъ войскъ, оставленныхъ въ большомъ лагерѣ, атаковали лагерь Аннибала. Но послѣдній имѣлъ предосторожность сильно укрѣпить лагерь и занять его сильной стражей, которая сражалась такъ упорно, что удержала атаковавшихъ до конца сраженія. А тогда Аннибалъ двинулся на помощь ей съ частію своей арміи. При этомъ римляне потеряли до 2 т. чел. въ атакѣ лагеря, остальные же были опрокинуты въ свой лагерь и на другой день взяты въ немъ въ плѣнъ.

Пораженіе 87-ми тысячной римской арміи было еще рѣшительнѣе и полнѣе, нежели пораженіе арміи Фламинія при Тразименскомъ озерѣ. Болѣе 40 т. чел. пѣхоты и 4 т. чел. конницы римскихъ было убито, въ томъ числѣ консулъ Эмилій Павелъ, проконсулъ Сервилій, квесторы Аттилій и Бибакулъ, бывшій магистръ конницы Фабія Минуцій, множество консульскихъ лицъ, бывшихъ преторовъ и эдиловъ, 21 военный трибунъ и 80 сенаторовъ, служившихъ въ арміи волонтерами. Около 300 союзныхъ всадниковъ и 70 римскихъ спаслись съ Варрономъ въ Венозу, 2 т. разсѣялись по полямъ и на другой день были захвачены въ плѣнъ нумидійцами, 360 чел. были взяты въ плѣнъ въ сраженіи. Изъ пѣхоты 10 т. спаслись въ большой лагерь и 7 т. въ малый, отъ 10 до 12 т. разсѣялись во всѣ сторо-

ны и успѣли избѣжать преслѣдованія карѳагенянъ, а 3 т. были взяты въ плѣнъ. Словомъ—огромная 87-ми тысячная римская армія была мгновенно истреблена однимъ, подобнымъ громовому„ ударомъ, какъ будто ея и не существовало!

Уронъ карѳагенянъ простирался лишь до 4 т. испанцевъ и галловъ, 1500 африканцевъ и 200 чел. конницы, всего 5.700 чел.

Превосходнымъ соображеніямъ, распоряженіямъ и дѣйствіямъ Аннибала, въ сраженіи при Каннахъ, совершенную противуположность составляютъ многія грубыя ошибки Варрона и его помощниковъ (исключая Эмилія Павла). Главными изъ нихъ были: 1) принявъ личное начальствованіе надъ лѣвымъ крыломъ, Варронъ хотѣлъ, по видимому, съ нимъ произвесть главный рѣшительный ударъ, но ничего этого не сдѣлалъ, не опрокинулъ нумидійцевъ, оставался передъ ними въ бездѣйствіи и, угрожаемый атакой Аздрубала, постыдно бѣжалъ; 2) онъ не подкрѣпилъ право-фланговой римской конницы легіонною пѣхотою и тѣмъ допустилъ пораженіе ея лѣво-фланговою конницею Аннибала; 3) совершенно ошибочно построилъ легіонную пѣхоту въ строѣ фаланги, увеличивъ глубину манипулъ и введя манипулы принциповъ въ промежутки манипулъ гастатовъ, а велитовъ въ промежутки тріаріевъ, чѣмъ совершенно лишилъ легіонную пѣхоту ломкости строя, удободвижимости и свободы дѣйствій, — и 4) не взялъ на себя личнаго начальствованія надъ огромною массой легіонной пѣхоты, отчего она была почти совершенно предоставлена сама себѣ и, когда Эмилій Павелъ прибылъ къ ней, уже была въ величайшихъ безпорядкѣ и разстройствѣ.

Изъ 17 т. римскихъ войскъ, спасшихся въ большой и малый лагери, большая часть была безъ оружія и начальниковъ и имѣла множество раненыхъ. Находившіеся въ большомъ лагерѣ предложили бывшимъ въ маломъ присоединиться къ нимъ и вмѣстѣ отступить въ Канузій (н. Canosa), къ ю. отъ Каннъ. Предложеніе это было отвергнуто большинствомъ войскъ малаго лагеря, но 600 чел. храбрѣйшихъ, подъ предводительствомъ военнаго трибуна Семпронія Тудитана, ночью успѣли пройти сквозь нумидійцевъ, перейти черезъ р. Ауфидъ и, соединясь въ большомъ лагерѣ съ 3.500 чел. пѣхоты

и 200 всадниками, также изъ храбрѣйшихъ, благополучно ушли въ Канузій.

На другой день послѣ сраженія, Аннибалъ, послѣ погребенія убитыхъ (въ томъ числѣ, съ особенными почестями, тѣла Эмилія Павла), атаковалъ малый лагерь. Оставшіяся въ немъ римскія войска сдались на условіи денежнаго выкупа. Ихъ примѣру послѣдовали и войска, оставшіяся въ большомъ лагерѣ.

Тогда-то, какъ говорятъ историки, высшіе начальники карѳагенской арміи, поздравляя Аннибала съ побѣдой, совѣтовали ему (особенно Магарбалъ) идти прямо къ Риму. Но Аннибалъ отвѣчалъ на это, по инымъ—отказомъ, а по другимъ—уклончиво, говоря, что это слѣдуетъ прежде обдумать. Полибій ничего объ этомъ не упоминаетъ, но Титъ-Ливій и Плутархъ говорятъ, будто Магарбалъ, одинъ изъ высшихъ начальниковъ конницы, смѣлый, рѣшительный, лихой наѣздникъ, совѣтовалъ Аннибалу тотчасъ итди прямо къ Риму, и когда Аннибалъ отвѣчалъ ему, что объ этомъ нужно еще подумать, пылкій Магарбалъ будто бы возразилъ: «ты умѣешь побѣждать, но не умѣешь пользоваться побѣдой». Эти слова Магарбала, подлинныя-ли они или вымышленныя, дошли до поздняго потомства, обратились въ поговорку и послужили поводомъ къ жаркимъ преніямъ, строгимъ обвиненіямъ и усердной защитѣ Аннибала. Всѣ историки обвиняютъ его въ отказѣ идти къ Риму, но неосновательно и несправедливо. Римляне, дѣйствительно, лишились 16-ти легіоновъ, но никто изъ ихъ союзниковъ еще не отложился отъ нихъ явно, Римъ былъ охраняемъ сильнымъ гарнизономъ, а много-ли стоило римлянамъ въ самомъ непродолжительномъ времени набрать новую, многочисленную армію?—Объ овладѣніи Римомъ посредствомъ внезапнаго нападенія, открытаго приступа, обложенія или осады, нельзя было и помышлять разсудительно. Движеніе прямо къ Риму могло бы быть отличнымъ набѣгомъ или партизанскимъ дѣйствіемъ для Магарбала, но ни въ какомъ случаѣ не было бы основательно соображеннымъ и правильно исполненнымъ (тѣмъ, что Наполеонъ I разумѣетъ подъ методическимъ) дѣйствіемъ такого полководца, какъ Аннибалъ, въ такой войнѣ, какъ эта, съ такою арміей, какъ его, въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ находился, и противъ

такихъ враговъ, какъ Римъ и римляне. Совѣтовать идти прямо къ Риму могли—Магарбалъ и древніе историки, но исполнить этого никакъ не могъ—Аннибалъ. Ему, послѣ сраженія при Каннахъ, необходимо было прежде возстановить противъ Рима всѣхъ его союзниковъ и всѣ народы въ Италіи, и тогда только, совершенно уединивъ Римъ, сокрушить его, какъ онъ, Аннибалъ, сокрушилъ его арміи при Треббіи, Тразименскомъ озерѣ и Каннахъ. Вотъ мысль, вполнѣ достойная Аннибала — и кто отважится сказать, что онъ былъ неправъ?—Объ этомъ будетъ еще говорено ниже; здѣсь же, въ заключеніе, слѣдуетъ упомянуть объ участи римскихъ войскъ, спасшихся послѣ сраженія при Каннахъ.

4,300 изъ нихъ, какъ означено выше, спаслись въ Канузій. При нихъ, кромѣ Семпронія, было еще 4 военныхъ трибуна: Фабій (сынъ бывшаго диктатора), Публицій Бибулъ, Корнилій Сципіонъ (въ послѣдствіи знаменитый Сципіонъ младшій африканскій) и Аппій Клавдій. Начальствованіе было ввѣрено Сципіону и Аппію Клавдію. Пока они совѣщались, что дѣлать, ихъ увѣдомили, что большое число молодыхъ воиновъ, имѣя въ головѣ Цецилія Метелла, отчаяваясь въ спасеніи республики, намѣревались бѣжать изъ Италіи. Сципіонъ съ членами военнаго совѣта немедленно отправился къ нимъ и, съ мечомъ въ рукѣ, заставилъ ихъ поклясться, что они не покинутъ отечества въ опасности. Между тѣмъ около 4,000 чел., разсѣявшихся въ разныя стороны, собрались въ Венузіи (н. Venosa), къ ю. з. отъ Канузія. Сюда прибылъ, какъ бѣглецъ, и виновникъ всего бѣдствія—Варронъ. Узнавъ о томъ, Сципіонъ и Аппій Клавдій послали къ нему за приказаніями. Варронъ самъ отправился къ нимъ съ спасшимися въ Венузію 4,000 чел. и, собравъ въ Канузіѣ уже до 14,000 чел., принялъ мѣры для образованія изъ нихъ небольшой консульской арміи. Страннымъ кажется, что онъ избралъ для этого Канузій, въ виду Аннибала, а не Венузію, болѣе отдаленную отъ него. Но не слѣдуетъ забывать, что это былъ—Варронъ.

§ 174.

Мѣры римлянъ и Аннибала; — возстанiе въ Италiи.

Вѣсть о страшномъ Каннскомъ побоищѣ, убiенiи Емилiя Павла, истребленiи огромной армiи—повергло Римъ въ ужасъ. Не было болѣе ни полководца, ни армiи, Аннибалъ владѣлъ Апулiей, Самнiемъ, почти всей Италiей.... Одинъ сенатъ римскiй не упалъ духомъ, а, напротивъ, въ этихъ именно трудныхъ и опасныхъ обстоятельствахъ снова воспрянулъ отъ усыпленiя и явилъ всю твердость, все мужество, всю мудрость, которыя неразъ являлъ въ подобныхъ обстоятельствахъ прежде. При первой вѣсти о бѣдствiи, преторы Фурiй и Помпонiй собрали сенатъ для совѣщанiя о принятiи необходимыхъ мѣръ. Бывшiй диктаторъ Фабiй первый предложилъ прежде всего послать часть конницы по Аппiевой дорогѣ для развѣданiя, гдѣ находились Варронъ съ остаткомъ армiи и особенно Аннибалъ, и затѣмъ, чтобы сенаторы озаботились возстановленiемъ спокойствiя въ городѣ и приказанiемъ отправлять всѣхъ вѣстниковъ изъ армiи къ однимъ преторамъ и выслушивать ихъ только въ сенатѣ. Мнѣнiе Фабiя было принято и исполнено и вскорѣ получены извѣстiя отъ Варрона изъ Канузiя. Тогда скорбь и унынiе уже сдѣлались общими въ цѣломъ Римѣ. Однако сенатъ и тутъ ограничилъ продолжительность всенароднаго траура только 30 днями. Но вслѣдъ затѣмъ получено было новое тревожное извѣстiе отъ Отацилiя, пропретора Сицилiи, что одинъ карѳагенскiй флотъ разоряетъ владѣнiя царя Iерона, а другой собирается у Эгатскихъ острововъ, для нападенiя на Лилибей и римскiя владѣнiя въ Сицилiи, почему Отацилiй просилъ прислать другой флотъ въ подкрѣпленiе находившемуся въ его распоряженiи.

Вслѣдствiе того сенатъ приказалъ претору Марцеллу, находившемуся въ Остiи съ флотомъ, назначеннымъ въ Сицилiю, послать часть войскъ въ Римъ, самому съ однимъ легiономъ идти въ Канузiй и принять въ немъ начальствованiе надъ армiей, а товарищу его, претору Фурiю—отправиться съ флотомъ въ Сицилiю. Варрону было предложено, сдавъ начальствованiе Марцеллу, прибыть въ Римъ.

Марцеллъ, пославъ въ Римъ 1,500 морскихъ новобранцевъ, а одинъ морской легіонъ въ Кампанію, самъ отправился въ Канузій, а Фурій съ флотомъ въ Сицилію.

Въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ и необходимости образованія новой арміи, сенатъ собственнымъ распоряженіемъ назначилъ диктатора—Юнія Пера, который избралъ своимъ магистромъ конницы Тиберія Семпронія Гракха. Оба они немедленно произвели наборъ 4-хъ легіоновъ и 1,000 всадниковъ, послали уполномоченныхъ для набора войскъ у союзниковъ, приказали приготовить всѣхъ родовъ оружіе, имѣвшееся въ запасѣ и взятое у непріятелей, наконецъ—приняли чрезвычайную мѣру—купили 8,000 самыхъ сильныхъ рабовъ, добровольно согласившихся идти въ военную службу, съ обѣщаніемъ дать имъ потомъ свободу, вооружили ихъ и включили въ ряды арміи—первый подобнаго рода примѣръ у римлянъ.

Между тѣмъ Аннибалъ, съ своей стороны, изъ числа всѣхъ плѣнныхъ, взятыхъ имъ въ сраженіи при Каннахъ и послѣ него, союзниковъ римскихъ отпустилъ безъ выкупа, а съ римлянами поступилъ очень кротко и великодушно и предложилъ имъ выкупиться за опредѣленную плату, на что они съ радостью согласились и получили позволеніе Аннибала послать 10 выборныхъ отъ себя въ Римъ, съ клятвою, что они воротятся. Аннибалъ послалъ съ ними знатнаго кароагенянина Кароалона, для переговоровъ о мирѣ, еслибы римляне оказали склонность къ тому.

По приближеніи ихъ къ Риму, сенатъ, объявивъ Кароалону, чтобы онъ удалился изъ владѣній республики, выборныхъ отъ плѣнныхъ принялъ внѣ города. По выслушаніи ихъ, мнѣнія раздѣлились, впрочемъ только касательно того, изъ какого источника произвесть выкупъ. Но одинъ изъ сенаторовъ, Манлій Торкватъ, заявилъ, что римскіе воины, неисполнившіе своей присяги и предпочетшіе постыдный плѣнъ славной смерти, недостойны выкупа—и сенатъ отвергнулъ просьбу плѣнныхъ, тѣмъ болѣе, что вовсе не желалъ истощать казну государственную для обогащенія Аннибала.

Но истребленіе римской арміи при Каннахъ было еще не единственнымъ бѣдствіемъ для Рима: послѣдствія его были еще страшнѣе и опаснѣе. Вѣсть о побѣдѣ Аннибала облетѣла всю Италію—и, одни за

другими, возстали противъ Рима ателланы, калатины, гирпины, почти вся Апулія, самнитяне, бруттійцы (исключая жителей Петеліи), луканцы (исключая греческихъ приморскихъ городовъ), метапонтяне, кротонцы, локряне и вся цизальпинская Галлія. Однако никто изъ союзниковъ Рима не отложился еще отъ Рима и мужество гражданъ его было таково, что когда Варронъ приближался къ Риму, весь сенатъ и всѣ высшіе сановники города вышли ему на встрѣчу, благодаря его за то, что онъ не отчаялся въ спасеніи отечества! (политическая комедія, совершенно въ духѣ римскаго сената, см. объ этомъ ч. II § 127 стран. 121 и § 129 стран. 144 и выноску).

§ 175.

Дѣйствія Аннибала и римлянъ въ Кампаніи;—1-й бой при Нолѣ;—Аннибалъ зимою въ Капуѣ.

Между тѣмъ Аннибалъ, по взятіи и разрушеніи обоихъ римскихъ лагерей при Каннахъ, двинулся въ Самній, а оттуда въ земли гирпиновъ, гдѣ посредствомъ измѣны овладѣлъ городомъ Компсой, поставилъ въ него гарнизонъ, сложилъ въ немъ свои тяжести и добычу и раздѣлилъ свою армію на двѣ части. Съ одною онъ послалъ брата своего, Магона, въ Бруттій, занять въ немъ города, которые покорятся добровольно, а остальные взять силой. Самъ же онъ съ другою частью арміи прошелъ черезъ Кампанію къ Неаполю, дабы овладѣть имъ и пріобрѣсть морской портъ. Приближаясь къ Неаполю, онъ поставилъ сильный отрядъ нумидійцевъ въ засаду, въ одной глубокой лощинѣ, а другой отрядъ нумидійцевъ послалъ въ безпорядкѣ къ самымъ городскимъ воротамъ. Высланная изъ города конница опрокинула этихъ нумидійцевъ, которые навели ее на засаду, и, атакованная изъ нея, она была опрокинута съ урономъ и разсѣялась. Но подступивъ затѣмъ къ самому городу, Аннибалъ нашелъ, что онъ былъ сильно укрѣпленъ и безъ осады взятъ быть не могъ, почему Аннибалъ и отказался отъ намѣренія взять его и двинулся къ Капуѣ.

Этотъ обширный, многолюдный и богатый главный городъ Кампаніи уже послѣ сраженія при Тразименскомъ озерѣ помышлялъ объ отложеніи отъ Рима. А послѣ сраженія при Каннахъ онъ готовъ

былъ немедленно присоединиться къ Аннибалу, но опасался пожертвовать 300 всадниковъ своихъ, находившихся въ римской арміи въ Сициліи. Поэтому жители его и особенно управлявшій городомъ, приверженецъ Аннибала, Пакувій Калавій, прибѣгли къ хитрости, отправивъ сначала пословъ къ Варрону въ Венузію, чтобы вывѣдать положеніе дѣлъ. Малодушный Варронъ просилъ въ помощь Риму отъ Капуи 30,000 чел. пѣхоты, 4,000 чел. конницы, продовольствія и денегъ. Послы, воротясь, передали, что Римъ не въ состояніи сопротивляться Аннибалу и слѣдовательно настало время Капуѣ, при содѣйствіи Аннибала, пріобрѣсть господство надъ Италіей. Но старѣйшины города уговорили отправить еще пословъ въ Римъ съ предложеніемъ — одного изъ консуловъ избирать между гражданами Капуи. Разумѣется, что это предложеніе было отвергнуто сенатомъ съ негодованіемъ — и капуанскіе послы, изгнанные изъ Рима, прямо оттуда отправились къ Аннибалу и заключили съ нимъ договоръ, въ силу котораго Аннибалъ могъ ввести свои войска въ Капую, но обязался сохранить этому городу законы и управленіе его и не принуждать жителей къ военной службѣ, а они обязались выдать ему 300 римскихъ всадниковъ, для обмѣна на 300 капуанскихъ всадниковъ въ Сициліи. По заключеніи этого договора, капуанцы предали смерти римскій гарнизонъ и всѣхъ римлянъ и ихъ союзниковъ, находившихся въ Капуѣ. На другой день Аннибалъ въѣхалъ въ городъ съ небольшимъ числомъ войскъ и, подтвердивъ свой договоръ, далъ капуанцамъ самыя щедрыя обѣщанія согласно съ ихъ желаніями.

Магонъ, исполнивъ въ Бруттіи данное ему порученіе, былъ отправленъ оттуда Аннибаломъ въ Кареагенъ съ отчетомъ о дѣйствіяхъ и успѣхахъ послѣдняго въ Италіи и съ просьбой прислать ему войскъ, денегъ и продовольствія. Ганнонъ возсталъ противъ этого, но сенатъ кареагенскій положилъ послать Аннибалу 4,000 нумидійцевъ, 40 слоновъ и значительную сумму денегъ, въ Испанію же послать съ Магономъ уполномоченнаго для набора 20,000 чел. пѣхоты и 4,000 чел. конницы для армій въ Испаніи и Италіи, что однако было исполнено очень медленно.

Въ Римѣ диктаторъ Юній, присоединивъ къ 2-мъ городскимъ

легіонамъ, набраннымъ консулами въ началѣ года, новонабранныхъ рабовъ, когорты пиценовъ и сеннонскихъ галловъ, даже преступниковъ, содержавшихся въ тюрьмахъ за уголовныя преступленія или за долги и согласившихся службой въ войскѣ освободиться отъ казни или заключенія, вооружилъ 6,000 чел. этихъ войскъ оружіемъ, нѣкогда взятымъ у галловъ, оставилъ достаточный гарнизонъ въ Римѣ и двинулся въ Кампанію съ 25-тысячною, довольно хорошо устроенною и вооруженною арміею.

Между тѣмъ Аннибалъ, еще разъ произведя изъ Капуи неудачную попытку овладѣть Неаполемъ, двинулся къ городу Нола, гдѣ народъ былъ за него, но сенатъ послалъ просить помощи Марцелла, находившагося въ то время около Казилина. Марцеллъ двинулся обходомъ чрезъ горы, минуя Капую, къ Нолѣ, а Аннибалъ снова пошелъ къ Неаполю, но узнавъ, что туда вошелъ призванный жителями на помощь римскій префектъ Юній Силланъ съ отрядомъ войскъ, осадилъ городъ Нуцерію (н. Nocera), къ ю. в. отъ Нолы и Неаполя. Голодъ скоро принудилъ жителей Нуцеріи сдаться на условіи дарованія имъ жизни. Они спаслись въ Неаполь, Нолу и города Кампаніи, а Аннибалъ отдалъ Нуцерію на разграбленіе войскамъ своимъ и затѣмъ сжегъ ее и разрушилъ ея стѣны.

Марцеллъ, прибывъ въ Нолу, имѣлъ за себя только одинъ сенатъ этого города, народъ же былъ на сторонѣ Аннибала. Въ главѣ народа стоялъ молодой человѣкъ, по имени Банцій, служившій въ римскихъ арміяхъ и, тяжело раненый въ сраженіи при Каннахъ, излеченный и облагодѣтельствованный Аннибаломъ. Марцеллъ, вызвавъ его къ себѣ, совершенно привлекъ его на свою сторону ласками, щедрыми и почетными наградами и обѣщаніемъ еще бо̀льшихъ.

Между тѣмъ Аннибалъ воротился къ Нолѣ и Марцеллъ безпрестанно тревожилъ его частными нападеніями изъ города. Вскорѣ сенаторы увѣдомили его, что вожди народной партіи были въ тайныхъ сношеніяхъ съ Аннибаломъ и положили, въ то время, когда армія Марцелла будетъ построена впереди городскихъ стѣнъ, разграбить тяжести ея и затворить городскія ворота. Тогда Марцеллъ, для предупрежденія угрожавшей ему опасности, рѣшился отважиться на бой и потому на слѣдующее утро построилъ свою

армію въ городѣ, близъ трехъ воротъ къ сторонѣ непріятеля, а тяжести за нею, всѣхъ нестроевыхъ же и неспособныхъ сражаться поставилъ на городскія стѣны для охраненія ихъ. Близъ среднихъ воротъ онъ поставилъ римскіе легіоны и римскую конницу, а близъ двухъ другихъ воротъ—новые легіоны, конницу союзниковъ и легкую пѣхоту. Къ тяжестямъ онъ приставилъ стражу, для охраненія ихъ отъ грабежа, а городскимъ жителямъ запретилъ, подъ страхомъ строжайшаго наказанія, приближаться къ городскимъ стѣнамъ, словомъ—всѣ мѣры его были очень благоразумны и соединены съ хитростью.

Аннибалъ, простоявъ большую часть дня въ боевомъ порядкѣ впереди своего лагеря и удивляясь, что римская армія не выходитъ и что на городскихъ стѣнахъ не видно войскъ, подумалъ, что тайныя сношенія его открыты и что Марцеллъ въ страхѣ не смѣетъ выйти изъ города, и потому рѣшился атаковать городъ открытою силой. Взявъ изъ своего лагеря нужныя орудія и машины, онъ двинулъ къ городу тяжелую пѣхоту въ колоннахъ по отдѣленіямъ фаланги, прикрывъ ея спереди легкою пѣхотой, а конница слѣдовала за тяжелою пѣхотой. Когда голова колонны ея уже приблизилась къ городской стѣнѣ, Марцеллъ подалъ сигналъ къ атакѣ и вывелъ всѣ свои войска, пѣхоту впереди, изъ всѣхъ воротъ разомъ. Самъ лично въ центрѣ онъ построилъ Каннскіе легіоны по когортамъ въ 2 линіи и, легко опрокинувъ легкія войска Аннибала, стремительно и сильно атаковалъ голову его тяжелой пѣхоты, а между тѣмъ римская конница, опередивъ оба фланга, атаковала съ обѣихъ сторонъ конницу Аннибала, двигавшуюся справа и слѣва впередъ. Все это привело армію Аннибала въ большой безпорядокъ, тѣмъ болѣе, что тяжелая пѣхота его была затруднена орудіями и машинами, которыя несла или везла. Однако старыя и опытныя войска Аннибала скоро оправились и устроились, а Аннибалъ, развернувъ колонны, построилъ ихъ въ боевой порядокъ. Уже бой готовился уравновѣситься, какъ вдругъ явились обѣ фланговыя части арміи Марцелла и атаковали двигавшуюся впередъ тяжелую пѣхоту Аннибала своими легкими войсками и конницей съ обоихъ фланговъ. Атакованная одновременно съ фронта и фланговъ, армія Аннибала пришла въ

такой безпорядокъ, что Аннибалъ уже не могъ возстановить бой въ свою пользу и былъ принужденъ отступить, съ урономъ до 2,800 чел., между тѣмъ какъ римляне потеряли не болѣе 800 чел. Такимъ образомъ хитрый Аннибалъ былъ впервые побѣжденъ не менѣе его хитрымъ Марцелломъ, хитрость одолѣла хитрость и римляне впервые побѣдили побѣдоноснаго Аннибала, а это, въ то время и въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, было чрезвычайно важно. Вся честь этого принадлежала Марцеллу, доказавшему, что онъ былъ не изъ числа обыкновенныхъ полководцевъ, что̀ послѣдствія подтвердили вполнѣ.

Аннибалъ, потерявъ надежду завладѣть Нолой, расположился лагеремъ противъ города Ацерры (н. Azerra), къ с.-в. отъ Нолы. По удаленіи его, Марцеллъ, воротясь съ арміей въ Нолу, затворилъ за собою городскія ворота и, казнивъ 70 главныхъ приверженцевъ Аннибала, передалъ власть въ городѣ сенату, бывшему вѣрнымъ Риму, и двинулся къ Суессулѣ (нынѣ Sestola), недалеко къ с. отъ Ацерры.

Аннибалъ потребовалъ сдачи этого города, и, получивъ отказъ, осадилъ его. Но жители, не надѣясь устоять, общими силами произвели вылазку и, пробившись сквозь недоконченную еще и дурно охранявшуюся циркумвалаціонную линію Аннибала, удалились въ вѣрные римлянамъ города Кампаніи. Аннибалъ сжегъ и разрушилъ Ацерру и, узнавъ, что диктаторъ Юній шелъ съ новыми легіонами къ Казилину близъ Капуи, двинулся туда же, чтобы предупредить Юнія. Онъ надѣялся, что городокъ Казилинъ не былъ занятъ и будетъ сданъ ему расположенными въ его пользу кампанцами, но ошибся: онъ былъ случайно занятъ 1,000 или 1,500 чел. римскихъ и пренестинскихъ, перузіанскихъ и другихъ союзныхъ войскъ, опоздавшихъ къ сраженію при Каннахъ и потомъ къ сбору войскъ въ Римѣ, и потому бросившихся въ Казилинъ. Здѣсь, видя, что жители намѣрены передаться Аннибалу, они ночью перерѣзали ихъ и рѣшились держаться въ Казилинѣ до послѣдней крайности. Аннибалъ, не успѣвъ сразу овладѣть Казилиномъ, два раза пытался взять его силой, но гарнизонъ оборонялся такъ храбро и упорно, что Аннибалъ былъ принужденъ отступить съ урономъ и затѣмъ осадить Казилинъ. Однако гарнизонъ продолжалъ обороняться такъ упорно и искусно, что наконецъ Аннибалъ былъ принужденъ превратить осаду въ обло-

женіе и, оставивъ часть своей арміи для занятія циркумвалаціонной линіи, съ главными силами воротился въ Капую.

Здѣсь онъ провелъ зиму—и всѣ историки единогласно, Титъ Ливій первый въ главѣ ихъ, обвиняютъ его въ этомъ, говоря, будто пребываніе его зимою въ Капуѣ развратило и нравственно ослабило, даже погубило его армію. Эти обвиненія его были приняты и всѣми новѣйшими историками на-слово, безъ удостовѣренія въ справедливости ихъ. А въ этомъ именно отношеніи обвиненія эти и слабы до крайности, ибо болѣе или менѣе неосновательны, невѣрны и несправедливы. И могло-ли быть иначе, когда они никакого другаго основанія не имѣли, кромѣ предубѣжденія римлянъ и ненависти ихъ къ Карѳагену и особенно къ Аннибалу.

Со времени расположенія его на зимнихъ квартирахъ въ Капуѣ, счастіе, какъ увидимъ ниже, стало измѣнять ему; но чтобы причиной тому была именно зимовка въ Капуѣ—это есть римское и притомъ недобросовѣстное и нелѣпое измышленіе. Непомѣрная гордость римлянъ была до того унижена и оскорблена громадными пораженіями, которыя Аннибалъ нанесъ имъ, дотолѣ побѣдоноснымъ и непобѣдимымъ, что они не знали, какъ довольно клеветать на него. Для нихъ это было легче, нежели сознаться въ собственныхъ своихъ, въ продолженіи цѣлыхъ трехъ лѣтъ, грубѣйшихъ ошибкахъ, достаточно указанныхъ выше и изъ которыхъ главными были тѣ, что они такому полководцу, какъ Аннибалъ, постоянно противупоставляли самыхъ безумныхъ и неспособныхъ изъ своихъ согражданъ, какъ Семпроній, Фламиній и особенно Варронъ, благоразумныхъ же, какъ Корнелій Сципіонъ и Эмилій Павелъ, не умѣли цѣнить, а мудраго Фабія даже всячески унижали и оскорбляли. Побѣдивъ всѣ народы Италіи порознь и въ 1-й пунической войнѣ карѳагенянъ своимъ отличнымъ военнымъ устройствомъ, настойчивостью и энергіею своихъ дѣйствій гораздо болѣе, нежели искуствомъ, они претерпѣвали только пораженіе за пораженіемъ, какъ только очутились лицомъ къ лицу противъ такого великаго полководца, какъ Аннибалъ. А Титъ Ливій, въ увлеченіи своей національной гордости, еще дерзалъ спрашивать, что было-бы, еслибы Александръ В., покоривъ Востокъ, обратилъ свое оружіе на Западъ и встрѣтилъ римлянъ, предводитель-

ствуемыхъ Папиріемъ Курсоромъ! По-истинѣ гордость, доходившая до безумія! Но возвращаясь къ означеннымъ выше обвиненіямъ Аннибала, слѣдуетъ сказать, что какъ бы ни была утомлена Аннибалова армія трехъ-лѣтними, безпрерывными, трудными походами и военными дѣйствіями и какъ бы ни было роскошно зимнее пребываніе ея послѣ того въ такомъ богатомъ городѣ, какъ Капуа, но послѣдующіе 12-лѣтніе, не въ примѣръ труднѣйшіе и опаснѣйшіе, военные подвиги ея въ Италіи могутъ, кажется, служить лучшимъ доказательствомъ, что она не изнѣжилась и не развратилась въ Капуѣ, нежели всѣ недобросовѣстныя увѣренія въ противномъ, измышленныя римлянами и повторяемыя новѣйшими историками. Военные люди—справедливо говоритъ генералъ Водонкуръ—слишкомъ хорошо знаютъ, что армія, хорошо дисциплинированная и предводительствуемая, не изнѣживается и не развращается роскошными зимними квартирами и что нѣтъ никакой надобности губить ее зимой безпрестаннымъ расположеніемъ въ лагеряхъ, для того, чтобы поддержать въ ней дисциплину, мужество и храбрость войскъ.

Въ исходѣ зимы (уже въ 215 году) Аннибалъ вывелъ свою армію изъ зимнихъ квартиръ въ Капуѣ и окрестностяхъ ея и воротился съ нею къ Казилину, все еще обложенному и гарнизонъ котораго уже сильно страдалъ отъ голода. Римская армія диктатора Юнія въ это время была расположена между Казилиномъ и Калатіей (н. Cajazzo); но за отсутствіемъ Юнія, отправившагося въ Римъ, магистръ конницы его, Семпроній, не смѣлъ ввести въ Казилинъ транспортъ съ продовольствіемъ, не вступивъ въ бой съ Аннибаломъ, что было строго запрещено ему Юніемъ. Съ другой стороны Марцеллъ въ Нолѣ, удерживаемый сенатомъ его и возвышеніемъ воды въ Вултурнѣ, не могъ удалиться изъ Нолы и предпринять что-либо въ соглашеніи съ Семпроніемъ. Такимъ образомъ гарнизонъ Казилина, не получая помощи и доведенный голодомъ до самой послѣдней крайности, наконецъ былъ вынужденъ предложить сдаться Аннибалу. Аннибалъ сначала и слышать не хотѣлъ о капитуляціи на условіяхъ, но потомъ смягчился и согласился на выпускъ гарнизона за денежный выкупъ—и гарнизонъ, ослабленный на половину, удалился въ Кумы, на берегу моря къ з. отъ Неаполя.

*

Между тѣмъ въ Римѣ было получено отъ пропретора Отацилія изъ Сициліи извѣстіе, что преторъ Фурій воротился изъ Африки въ Лилибей тяжело-раненымъ и что какъ онъ, такъ и Отацилій крайне нуждались въ деньгахъ, продовольствіи и всякаго рода военныхъ запасахъ. О томъ же самомъ извѣщалъ и пропреторъ Маммула изъ Сардиніи. Сенатъ отвѣчалъ имъ, что не въ состояніи ничѣмъ помочь имъ и предоставлялъ имъ самимъ пріискать мѣры для содержанія своихъ армій и флотовъ. А потому Отацилій обратился къ царю Іерону, а Маммула къ нѣкоторымъ городамъ Сардиніи, съ просьбой о помощи, которую и получили отъ нихъ.

Затѣмъ римскій сенатъ призвалъ Варрона въ Римъ, для назначенія другаго диктатора, который пополнилъ бы значительную, послѣ сраженія при Каннахъ, убыль сенаторовъ. Варронъ назначилъ диктаторомъ своего магистра конницы, Фабія Бутео, а этотъ послѣдній избралъ, съ согласія сената и народа, 177 новыхъ сенаторовъ и затѣмъ сложилъ съ себя званіе диктатора, а Варронъ воротился къ своей арміи. Такимъ образомъ, до новыхъ выборовъ, начальствованіе римскими арміями въ полѣ было раздѣлено между консуломъ Варрономъ и преторомъ Марцелломъ.

§. 176.

Дѣйствія въ Испаніи.—Положеніе обѣихъ сторонъ въ концѣ 216 года.

Между тѣмъ, какъ это происходило въ Италіи, Сициліи, Сардиніи и Африкѣ, Аздрубалъ въ Испаніи получилъ приказаніе карѳагенскаго сената двинуться съ своею арміей въ Италію на соединеніе съ Аннибаломъ. Слухъ объ этомъ произвелъ большую тревогу между испанцами, которые, страшась римлянъ по удаленіи Аздрубала, помышляли уже о заключеніи мира съ ними. Аздрубалъ увѣдомилъ о томъ сенатъ, представляя, что для удержанія Испаніи за собою, въ случаѣ удаленія его въ Италію, необходимо было прислать въ Испанію другую армію. Вслѣдствіе того сенатъ послалъ въ Испанію Имилькона съ войсками. Соединясь съ Аздрубаломъ, Имильконъ сообщилъ ему приказаніе сената передать ему, Имилькону, управленіе Испаніей, а самому идти въ Италію. Аздрубалъ собралъ съ испанцевъ большую сумму денегъ, дабы ими купить себѣ проходъ черезъ Галлію, и двинулся

къ рѣкѣ Иберу. Узнавъ объ этомъ, Кней и Корнелій Сципіоны соединили свои войска и, перейдя на правую сторону р. Ибера, осадили городъ Иберу (н. Tortosa), дабы этимъ привлечь на себя Аздрубала. Послѣдній дѣйствительно двинулся противъ нихъ, но, въ происшедшемъ вслѣдствіе того сраженіи, покинутый своими вспомогательными испанскими войсками, былъ разбитъ на-голову, съ большимъ для него урономъ, остатки его арміи разсѣялись, самъ онъ едва спасся съ немногими, а лагерь его былъ взятъ и разграбленъ побѣдителями. Эта побѣда имѣла важнымъ послѣдствіемъ то, что многія, еще колебавшіяся племена Испаніи тотчасъ же отложились отъ Кароагена, а Аздрубалъ не только былъ вынужденъ отказаться отъ надежды перейти въ Италію, но даже едва видѣлъ возможность удержаться въ Испаніи. Виновникомъ же этого былъ онъ самъ, потому что не понялъ хитрости Сципіоновъ и не продолжалъ движенія въ Италію, предоставивъ Имилькону удерживать Сципіоновъ, или, по крайней мѣрѣ, въ соединеніи съ нимъ не вступилъ въ бой съ Сципіонами. Кромѣ того, и распоряженія его въ бою были ошибочны.

Такимъ образомъ въ концѣ 216 года, по прошествіи трехъ лѣтъ со времени начала войны, обѣ воевавшія стороны находились въ слѣдующемъ относительномъ положеніи:

Аннибалъ, первый начавшій войну смѣлымъ движеніемъ черезъ Иберъ, Пиренеи, Роданъ и Альпы въ сѣверную Италію и далѣе черезъ Падъ до самой южной части ея, въ одномъ бою и въ трехъ сраженіяхъ уничтожившій 5 римскихъ армій, нанесшій тѣмъ Риму четыре жестокіе удара, возстановившій противъ него почти всю Италію,—послѣ рѣшительнаго сраженія при Каннахъ не двинулся прямо противъ Рима, но занялся взятіемъ небольшихъ городковъ въ Кампаніи, отчасти силой, отчасти обложеніемъ, отчасти осадой, для которой однако не имѣлъ необходимыхъ осадныхъ машинъ и орудій. Въ этихъ, повидимому, неважныхъ дѣйствіяхъ уходило время, а оно между тѣмъ было драгоцѣннымъ для обѣихъ сторонъ, римлянамъ—чтобы собрать, устроить и пріучить къ войнѣ свои новыя арміи, а Аннибалу—чтобы воспрепятствовать имъ въ томъ и наносить имъ, одинъ за другимъ, новые удары. Проведя въ этихъ дѣйствіяхъ все время отъ сраженія при Каннахъ до начала зимы, Аннибалъ осаж-

далъ небольшой городокъ Казилинъ, а самъ съ главными силами своей арміи расположился на зиму въ Капуѣ, которую нѣкоторые писатели сравниваютъ съ древними Содомомъ и Гоморрой. Ужели правду сказалъ Магарбалъ, что Аннибалъ умѣлъ побѣждать, но не умѣлъ пользоваться своими побѣдами? Ужели Капуа была дѣйствительно Каннами для его арміи (Capuam Hannibali Cannas fuisse, по выраженію римлянъ? Отвѣтомъ на это можетъ служить—одно имя Аннибала. Тотъ, который не колебался привэсть въ исполненіе великое предпріятіе, задуманное Амількаромъ и неисполненное, по случаю смерти, ни имъ, ни зятемъ его, Аздрубаломъ, тотъ, который въ три года времени поставилъ грозный дотолѣ Римъ на край гибели, могъ-ли не довершить ея и заняться неважными дѣйствіями противъ нѣкоторыхъ городковъ—безъ достаточно основательныхъ причинъ? Очевидность этого не требуетъ доказательствъ. Все, что кажется неяснымъ, темнымъ, загадочнымъ, непонятнымъ, даже страннымъ въ дѣйствіяхъ Аннибала послѣ сраженія при Каннахъ, тотчасъ уясняется и становится понятнымъ, какъ только будутъ сличены дѣйствія и взаимное относительное положеніе правительствъ Карѳагена и Рима, и этимъ тотчасъ же устранится всякая смѣлая до дерзости попытка не только обвинять, но даже осуждать такого великаго человѣка и полководца, какъ Аннибалъ.

Въ дѣйствіяхъ обоихъ правительствъ именно и заключается вся разгадка этой загадки, надъ разрѣшеніемъ которой такъ затруднялись, болѣе или менѣе, историки, повторяя только слова Магарбала или Тита Ливія и другихъ римскихъ историковъ.

Стоитъ только сличить одновременныя дѣйствія правительствъ Карѳагена и Рима—и все сдѣлается яснымъ. Не нужно забывать, что Аннибалъ былъ не царемъ или полновластнымъ и независимымъ монархомъ Карѳагена, а только полномочнымъ, но все-таки зависимымъ отъ его правительства полководцемъ. Онъ устроилъ себѣ основаніе дѣйствій въ Испаніи, но главнымъ для него все-таки была Африка: оттуда, и именно изъ Карѳагена, онъ долженъ былъ получать и высшія разрѣшенія, и подкрѣпленія войсками, и помощь деньгами, продовольствіемъ и всѣмъ необходимымъ для продолженія войны, съ своими старыми, боевыми, но таявшими, какъ снѣгъ, вой-

сками (стòитъ только припомнить три года безпрерывныхъ трудовъ, боевыхъ дѣйствій и лишеній со времени начала похода отъ Новаго Карѳагена до конца 216 года). А что̀ было и дѣлало карѳагенское правительство для поддержанія Аннибала? Раздираемое политическими партіями, Барцинскою и Ганноновою, въ большинствѣ оно только радовалось успѣхамъ Аннибала, а въ меньшинствѣ противудѣйствовало имъ и Аннибалу лично, и въ общемъ результатѣ помогало ему такъ, что эту помощь нельзя и назвать помощью. 12 т. чел. пѣхоты, 1,500 чел. конницы, 20 слоновъ и 1 т. талантовъ серебра (около 1 милліона рублей), посланные съ Магономъ Аннибалу въ Италію, приказаніе Аздрубалу идти на соединеніе съ нимъ въ Италіи и отправленіе Имилькона съ арміей и флотомъ въ Испанію—такую-ли помощь долженъ былъ подать Аннибалу, послѣ сраженія при Каннахъ, карѳагенскій сенатъ? Да и могъ-ли онъ подать иную, и по преобладавшему духу карѳагенской республики и ея правительства, и по тому разложенію, которому въ это самое время стало подвергаться внутреннее, политическое и военное, устройство Карѳагена, какъ уже было объяснено ч. II въ гл. XIX § 120? Въ самую рѣшительную эпоху войны, начатой Аннибаломъ съ разрѣшенія правительства и съ одобренія народа карѳагенскихъ, первое не поддерживало Аннибала, какъ слѣдовало, ни войсками, ни флотомъ, ни средствами, ни способами, и какъ бы совершенно предоставило его собственной своей судьбѣ и тѣмъ заранѣе готовило ему и Карѳагену неминуемую гибель.

Такъ-ли дѣйствовало, съ другой стороны, правительство Рима? Правда, въ три года войны и въ нѣсколько лѣтъ передъ нею оно впало въ какое-то несвойственное ему и непонятное помраченіе ума и ослабленіе воли, и только дѣлало ошибки, одну грубѣе другой, которыми искусно пользовался Аннибалъ. Но четыре жестокіе удара, нанесенные ему послѣднимъ, какъ бы пробудили его отъ сна, просвѣтили его умственно, укрѣпили его нравственно и, по мѣрѣ того, какъ правительство карѳагенское болѣе и болѣе падало въ этомъ отношеніи, римское, напротивъ, возвышалось все болѣе и болѣе. Начало и твердое основаніе тому было положено—избраніемъ Фабія и введеніемъ послѣднимъ мудраго его образа дѣйствій. Еще одну,

послѣднюю ошибку сдѣлало оно избраніемъ безразсуднаго и неспособнаго Варрона въ консулы, что имѣло слѣдствіемъ страшное пораженіе при Каннахъ и всѣ послѣдствія его. Но эта ошибка уже была послѣднею и послѣ нея всѣ дѣйствія римскаго правительства становятся безукоризненными и клонятся къ одной цѣли — торжеству Рима и гибели Аннибала въ Италіи и владычества Кароагена въ Испаніи и Африкѣ.

Сопоставивъ все это вмѣстѣ, увидимъ ясно, что виною всего былъ вовсе не Аннибалъ, а кароагенское правительство, дѣйствовавшее въ высшей степени неразумно и недостойно, между тѣмъ какъ римское правительство, напротивъ, дѣйствовало постоянно все съ большею и большею мудростью. А придя къ этому заключенію, никто, полагаемъ, не дерзнетъ обвинять Аннибала или покрайней мѣрѣ недоумѣвать, почему онъ не сдѣлалъ того либо другаго, а дѣлалъ, что и какъ онъ признавалъ нужнымъ, полезнымъ и возможнымъ. Будь на его мѣстѣ, положимъ, Александръ В., полновластный монархъ Македоніи, Греціи и Востока, нѣтъ сомнѣнія, кажется, что онъ послѣ сраженія при Каннахъ прямо пошелъ бы къ Риму и разомъ подавилъ бы его и покончилъ бы съ нимъ. Но Аннибалъ былъ, хотя и такой же великій человѣкъ и полководецъ, какъ Александръ В., но не независимый ни отъ кого монархъ, а вполнѣ зависимый отъ своего правительства полководецъ. Судить же о томъ, что, будто бы, могъ и долженъ былъ дѣлать Аннибалъ по теперешнимъ военнымъ понятіямъ, есть большая ошибка, чтобы не сказать болѣе, со стороны многихъ, притомъ весьма почтенныхъ, военныхъ и невоенныхъ писателей. А къ такого рода ошибкамъ въ сужденіяхъ о военныхъ дѣйствіяхъ полководцевъ древнихъ временъ всегда приводитъ и будетъ приводить невольное, но неблагоразумное увлеченіе судить по теперешнимъ военнымъ понятіямъ. Вотъ почему нельзя не отдать полной справедливости генералу Водонкуру, который весьма осторожно обсуждаетъ положеніе и дѣйствія Аннибала и не только не беретъ на себя смѣлость обвинять его, но и вполнѣ входитъ въ его положеніе и воздаетъ ему должныя справедливость, честь, одобреніе и похвалу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

ВТОРАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА (218—202).

(Продолженіе).

§ 177. Переворотъ войны въ пользу Рима;—образъ веденія оной.—§ 178. 4-й походъ 215-го года. — Пораженія Постумія; — распредѣленіе римскихъ армій и планъ дѣйствій римлянъ;—успѣхи римлянъ и неудачи Аннибала и кароагенянъ;—2-й бой при Нолѣ.—§ 179. 5-й походъ 214-го года.—Распредѣленіе римскихъ армій;—дѣйствія въ Кампаніи;—сраженіе при Беневентѣ;—3-й бой при Нолѣ;—взятіе Казилина римлянами;—союзъ Сиракузъ съ Кароагеномъ.—§ 180. 6-й походъ 213-го года.—Распредѣленіе римскихъ армій;—бездѣйствіе въ Италіи и Испаніи;—осада Сиракузъ Марцелломъ.—§ 181. 7-й походъ 212-года.—Распредѣленіе римскихъ армій;—взятіе Тарента Аннибаломъ;—2-е сраженіе при Беневентѣ;—1-е сраженіе при Гердонеѣ;—обложеніе Капуи и взятіе Сиракузъ римлянами;—неудачи римлянъ въ Испаніи.—§ 182. 8-й походъ 211-го года.—Распредѣленіе римскихъ армій;—сраженіе при Капуѣ;—движеніе Аннибала къ Риму;—взятіе Капуи римлянами;—дѣйствія въ Испаніи и Сициліи.—§ 183. 9-й походъ 210-го года.—Распредѣленіе римскихъ армій;—измѣненіе образа дѣйствій Аннибала;—2-е сраженіе при Гердонеѣ;—сраженіе при Нумистрѣ;—взятіе Новаго Кароагена Сципіономъ.—§ 184. 10-й походъ 209-го года.—Распредѣленіе римскихъ армій;—сраженія при Аскулѣ;—взятіе Тарента римлянами;—дѣйствія въ Испаніи.

Древніе источники и новѣйшія историческія пособія—указанные въ главѣ XXIV.

III.

Вторая половина войны (215—202).

§ 177.

Переворотъ войны въ пользу Рима;—образъ веденія оной.

Послѣ сраженія при Каннахъ, война уже начала принимать оборотъ въ пользу Рима. Главными причинами того, уже отчасти объ-

ясненными выше (§ 176), были: во 1-хъ и особенно то, что партія Ганнона въ Кареагенѣ, постоянно и всячески старавшаяся лишить противную ей Барцинскую партію народнаго довѣрія, успѣла наконецъ достигнуть этого именно въ самую важную эпоху войны—послѣ сраженія при Каннахъ,—и во 2-хъ, съ другой стороны, напротивъ, то, что римляне, наученные горькимъ для нихъ опытомъ первыхъ трехъ лѣтъ войны, благоразумно отказались отъ первоначальнаго образа веденія ея въ эти три года и приняли мудрую систему Фабія, которой и слѣдовали уже неотступно.

Слѣдствіями той и другой причинъ были:

Со стороны Кареагена—то, что правительство его помогало Аннибалу и Аздрубалу и поддерживало ихъ въ Италіи и Испаніи, крайне недостаточно, неудовлетворительно, вяло, медленно и слабо, отчего военныя силы и средства Аннибала и Аздрубала постоянно уменьшались и хотя пополнялись силами и средствами тѣхъ странъ, въ которыхъ находились Аннибалъ и Аздрубалъ, но съ большимъ трудомъ и не въ тѣхъ мѣрахъ и условіяхъ, какія были бы необходимы для продолженія войны съ силою, настойчивостью и успѣхомъ. Армія Аннибала все болѣе и болѣе наполнялась туземцами Италіи, отложившимися отъ Рима, и получала разноплеменный составъ, затруднявшій поддержаніе въ ней строгости дисциплины и единства духа, тѣмъ болѣе, что туземцы Италіи, Галліи и Испаніи, въ составѣ ея, имѣли въ виду собственные свои интересы гораздо болѣе, нежели интересы Кареагена. Принятая же римлянами система веденія войны не позволяла Аннибалу удовлетворять желаніямъ своихъ союзниковъ въ Италіи и ихъ вспомогательныхъ войскъ, какъ прежде, одерживаніемъ одной побѣды за другою надъ римлянами, а напротивъ нерѣдко подвергала его самого бо̀льшимъ или меньшимъ пораженіямъ. А это, въ соединеніи съ тѣмъ, что бремя войны, веденной Аннибаломъ въ Италіи, въ интересахъ Кареагена, всею тяжестью ложилось на союзниковъ его въ этой странѣ, болѣе и болѣе охлаждало ихъ къ нему.

Со стороны римлянъ же, напротивъ, пораженіе при Каннахъ подѣйствовало на нихъ, не только не вредно, но въ высшей степени полезно, пробудивъ ихъ отъ прежнихъ усыпленія, безпечности и не-

благоразумія и возбудивъ въ нихъ ту необыкновенную, нравственную энергію, къ которой Римъ былъ такъ способенъ и которую всегда оказывалъ прежде въ трудныхъ и опасныхъ обстоятельствахъ. Принявъ Фабіеву систему веденія войны, они уже тщательно уклонялись отъ боя съ Аннибаломъ въ обстоятельствахъ, выгодныхъ для него, но невыгодныхъ для нихъ, и вступали съ нимъ въ бой, только когда имѣли вѣрную надежду на успѣхъ. А въ такихъ случаяхъ, при всемъ превосходствѣ военныхъ дарованій и искуства самого Аннибала лично, войска римскія стояли выше его войскъ въ отношеніи тактическихъ: устройства и образа дѣйствій и нравственнаго одушевленія, да притомъ и предводительствуемы были уже не такими людьми, какъ Семпроній, Фламиній и Варронъ прежде, но все болѣе или менѣе способными и искусными полководцами, въ главѣ которыхъ стояли Фабій и Марцеллъ.

Такимъ образомъ и характеръ войны, и образъ веденія ея уже измѣнились совершенно. Изъ наступательной со стороны Аннибала и оборонительной со стороны римлянъ дотолѣ, она обратилась въ наступательно-оборонительную съ обѣихъ сторонъ, соединенную съ расположеніемъ въ сильныхъ мѣстностью лагеряхъ, съ маневрированіемъ противъ фланговъ и сообщеній противника, съ стремленіемъ къ овладѣнію важными, полезными и нужными мѣстными пунктами или городами, съ обложеніями или осадами послѣднихъ и, въ случаяхъ, означенныхъ выше, съ частными боями или и съ большими, общими сраженіями, успѣхъ въ которыхъ рѣшала сила, управляемая искуствомъ. Все это, вмѣстѣ взятое, придаетъ второй половинѣ войны особенный военный интересъ, большій еще, нежели въ первой половинѣ войны, потому что тутъ-то именно высокія военныя дарованія и искуство Аннибала и являются въ большемъ еще блескѣ.

§ 178.

4-й походъ 215-го года.

Пораженіе Постумія;—распредѣленіе римскихъ армій и планъ дѣйствій римлянъ;—успѣхи римлянъ и неудачи Аннибала и карѳагенянъ;—2-й бой при Нолѣ.

Съ наступленіемъ времени выборовъ въ Римѣ, сенатъ вызвалъ диктатора Юнія, его магистра конницы Семпронія Гракха и претора

Марцелла. По указанію Юнія, въ консулы были выбраны Семпроній Гракхъ и находившійся въ цизальпинской Галліи преторъ Постумій. Затѣмъ Юній, оставивъ Семпронія Гракха въ Римѣ, воротился въ свою армію, находившуюся въ лагерѣ при Теанѣ (н. Teano), къ с.-з. отъ Капуи.

Но вскорѣ послѣ того въ Римѣ было получено извѣстіе, что Постумій, съ 25-тысячною арміею своею (2 римскихъ и 2 союзныхъ легіона) въ цизальпинской Галліи подвергнулъ себя, въ лѣсу подъ названіемъ Litana Silva, внезапному нападенію боіевъ и былъ убитъ, а вся армія его разбита и истреблена. Это извѣстіе снова повергло Римъ въ уныніе и страхъ, но Семпроній Гракхъ успокоилъ сенатъ и народъ и, по его мнѣнію, положено было: 1) прекратить войну съ цизальпинскими галлами и вести ее только противъ Аннибала,— и 2) привесть въ точную извѣстность римскія силы, обращенныя противъ послѣдняго. Вслѣдствіе того, самому Семпронію была ввѣрена армія бывшаго диктатора Юнія; изъ арміи Марцелла всѣ войска, участвовавшія въ сраженіи при Каннахъ, въ наказаніе были посланы въ Сицилію, съ обязанностью служить въ ней до самаго конца войны; всѣ наиболѣе сильные воины изъ арміи Юнія были посланы также въ Сицилію дослуживать свои сроки; 2 легіона, бывшіе въ Сициліи, были отозваны въ Италію; консулу, который имѣлъ быть выбранъ вмѣсто Постумія, были назначены 2 городскіе легіона города Рима, съ присоединеніемъ къ нимъ нужнаго числа союзныхъ войскъ, и наконецъ Варрону было продолжено начальствованіе надъ его арміей, оставленной въ томъ же составѣ.

Въ мартѣ Семпроній вступилъ въ должность, преторъ Аппій былъ посланъ въ Сицилію, преторъ Муцій въ Сардинію, Марцеллу была сохранена власть проконсула (вмѣсто Постумія) и затѣмъ было положено, чтобы Семпроній немедленно собралъ городскіе легіоны въ Калесѣ (н. Calvi), къ с.-з. отъ Капуи, и послалъ ихъ съ Марцелломъ въ его укрѣпленный лагерь близъ Суессулы (нынѣ Sestola), къ ю.-в. отъ Капуи; чтобы Аппій отправился въ Сицилію съ назначенными туда каннскими легіонами и, наконецъ, чтобы сицилійскіе легіоны воротились въ Римъ.

Это распредѣленіе римскихъ армій уже было гораздо лучше, пе-

жели въ предшествовавшемъ году. Въ основу ему было положено мудрое намѣреніе сената дѣйствовать противъ Аннибала тѣмъ же способомъ, какимъ сенатъ дѣйствовалъ послѣ сраженія при Каннахъ, именно—раздѣлить свои силы для отторженія отъ Аннибала привлеченныхъ имъ къ себѣ въ Италіи союзниковъ, а для этого занимать Луканію и Бруттій и постоянно угрожать имъ частями силъ и окружать Аннибала арміями такъ, чтобы препятствовать направленію имъ новыхъ отрядовъ по близости къ Риму, словомъ—чтобы отвсюду стѣснять Аннибала. При этомъ Нола съ одной стороны и укрѣпленный лагерь Марцелла близъ Суессулы служили весьма хорошими опорными пунктами, равно какъ и Канузій, державшій въ повиновеніи Апулію, прикрывавшій Тарентъ и Брундузій и удержаніемъ котораго Варронъ оказалъ единственную услугу своему отечеству. Въ лагерѣ близъ Суессулы былъ поставленъ Марцеллъ съ 2-мя легіонами, Семпроній съ 2-мя легіонами въ Теанѣ, а Варронъ оставленъ въ Канузіѣ, окружая Аннибала такимъ образомъ съ трехъ сторонъ.

Вскорѣ на мѣсто убитаго Постумія былъ избранъ въ консулы Марцеллъ, но авгуры или, лучше сказать, аристократы, не хотѣвшіе, чтобы оба консула были изъ плебеевъ, объявили религіозную неправильность выбора Марцелла и послѣдній самъ отказался отъ консульства, а на его мѣсто былъ избранъ бывшій диктаторъ Фабій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, распредѣленіе армій было измѣнено такъ, что легіоны Юнія, бывшіе въ Теанѣ, ввѣрены Фабію, а 2 легіона волоновъ (рабовъ и преступниковъ) и 2 легіона союзниковъ (25 т. чел.)— Семпронію въ Синуессѣ. Преторъ Валерій былъ посланъ въ Апулію принять начальствованіе надъ арміей Варрона, легіоны котораго, по смѣнѣ ихъ легіонами изъ Сициліи, Валерій долженъ былъ употребить для обороны береговъ отъ Тарента до Брундузія, вмѣстѣ съ 25-ю морскими судами. Претору Фульвію было назначено съ 25-ю же судами оборонять берега (западные) Лація и Тирреніи. Пропреторъ Отацилій съ своимъ флотомъ былъ отосланъ въ Сицилію. Марцеллу было сохранено званіе проконсула и ввѣрены 2 легіона въ Суессулѣ. Наконецъ Варрону было поручено набрать войска въ Пиценѣ, для охраненія этой области.

Въ это время Филиппъ, царь македонскій, отправилъ къ Аннибалу пословъ для заключенія съ нимъ союза, съ цѣлію обоюднаго вспоможенія (см. ч. II § 118 стр. 47). Послы его, успѣвъ высадиться къ ю. отъ Кротоны и пройти черезъ римскіе отряды въ Апуліи, объявляя, что присланы заключить союзъ съ Римомъ, отправились прямо къ Аннибалу, заключили съ нимъ наступательный и оборонительный союзъ и съ 3-мя старшими кароагенскими военачальниками, посланными съ ними Аннибаломъ, отправились назадъ. Но на морѣ они были перехвачены римлянами и принуждены выдать имъ договоръ и письма Аннибала, которые и были отосланы римскому сенату. Филиппъ прислалъ другое посольство, которое имѣло лучшій успѣхъ, но тогда лѣто уже было на исходѣ и Филиппъ въ этомъ году не могъ ничего предпринять. Римляне же приняли противъ него мѣры, означенныя тамъ же, гдѣ показано выше (ч. II § 118 стр. 48).

Между тѣмъ въ Кампаніи капуанцы очень желали привлечь на свою сторону жителей города Кумъ, вѣрныхъ римлянамъ, и, испытавъ всѣ средства для того, наконецъ прибѣгли къ хитрости: они пригласили сенаторовъ кумскихъ въ городъ Гамы (н. Cuarto), къ с.-в. отъ Кумъ, на религіозный праздникъ, во время котораго намѣревались отрядомъ своихъ войскъ внезапно овладѣть Кумами. Жители послѣдняго, подозрѣвая въ этомъ хитрость, согласились, но предварили Семпронія, перешедшаго въ это время изъ лагеря близъ Синуессы въ другой близъ Литерна (н. Patria, къ с. отъ Кумъ. Семпроній наканунѣ праздника ввечеру приблизился къ Кумамъ, а близъ Гамъ скрытно расположились 14 т. капуанскихъ войскъ, съ тѣмъ, чтобы во 2-ю стражу ночи, во время религіозныхъ обрядовъ въ Гамахъ, внезапно напасть на Кумы и овладѣть ими врасплохъ. Но Семпроній въ это самое время двинулся отъ Кумъ въ Гамамъ и въ полночь самъ внезапно напалъ на лагерь капуанскаго отряда, изъ котораго около 2 т. были убиты, а остальные убѣжали въ Капую. Семпроній, потерявъ не болѣе 100 чел., взялъ и разграбилъ лагерь капуанцевъ и тотчасъ же воротился къ Кумамъ, дабы не быть атаковану Аннибаломъ, расположеннымъ въ это время въ лагерѣ на горѣ Тифатѣ, къ в. близъ Капуи.

Аннибалъ на другой же день двинулся къ Кумамъ и осадилъ въ

немъ Семпронія. Оба построили по башнѣ, осадной и оборонительной, и придвинули ихъ къ городской стѣнѣ. Но Семпроній успѣлъ зажечь Аннибалову башню и въ то же время произвелъ вылазку, такъ искусно соображенную и исполненную, что нанесъ Аннибалу уронъ въ 1,300 чел. убитыми и 50 чел. плѣнными. На другой день Аннибалъ построилъ свою армію передъ городомъ въ боевой порядокъ, вызывая Семпронія на бой, но видя, что онъ не выходитъ, снялъ осаду и воротился въ свой лагерь на горѣ Тифатѣ, безъ успѣха въ своемъ предпріятіи противъ небольшаго городка Кумъ, но съ урономъ, весьма чувствительнымъ для его арміи.

Въ то же время одинъ изъ легатовъ Марцелла, Семпроній Лонгъ, напалъ близъ Грумента въ Луканіи (н. Saponara въ Калабріи) на Аннибалова военачальника Ганнона и разбилъ его, нанеся ему уронъ болѣе нежели въ 2 т. чел. и взявъ 42 значка или знамя. Ганнонъ съ остатками своего отряда отступилъ въ Бруттій.

А преторъ Валерій изъ Луцеріи вступилъ въ земли гирпиновъ, взялъ у нихъ 3 города и болѣе 1 т. плѣнныхъ, изъ числа которыхъ, трехъ главныхъ зачинщиковъ возстанія казнилъ, и воротился въ Луцерію.

Такимъ образомъ начало этого 4-го (1-го послѣ сраженія при Каннахъ) похода уже были не въ пользу Аннибала. Продолженіе и окончаніе его были не болѣе удачны.

Римскій сенатъ, узнавъ о договорѣ Филиппа съ Аннибаломъ, выслалъ къ берегамъ Македоніи и Эпира Валерія Левина съ войсками Варрона на 50 судахъ, для наблюденія за Филиппомъ.

Фабій перешелъ черезъ р. Вултурнъ, соединился съ Семпроніемъ, оба вмѣстѣ взяли города Компултерію, Требулу (н. Trentola) и Сатикулу (н. Caserta vecchia) въ Кампаніи, впустившіе карѳагенскіе гарнизоны, и въ нихъ множество плѣнныхъ. Затѣмъ Фабій двинулся къ Суессулѣ, Марцелла послалъ въ Нолу, а Семпроній воротился въ Кумы.

Между тѣмъ Магонъ, братъ Аннибала, уже былъ готовъ отправиться изъ Карѳагена моремъ на 60 судахъ, съ 12 т. чел. пѣхоты, 1,500 чел. конницы, 20 слонами и 1,000 талантами серебра, въ Бруттій на соединеніе съ Аннибаломъ, когда старѣйшины жителей

Сардиніи прислали просить кареагенскій сенатъ объ изгнаніи изъ Сардиніи слабыхъ римскихъ гарнизоновъ и обратномъ завладѣніи островомъ. Вслѣдствіе того Магонъ былъ посланъ, вмѣсто Италіи, въ Испанію, Аздрубалъ (не братъ Аннибала, а другой) съ новымъ войскомъ въ Сардинію, а Бомилькаръ, вмѣсто Магона, съ подкрѣпленіями и деньгами Аннибалу—въ Бруттій. Но пропреторъ Манлій Торкватъ съ 22 т. чел. пѣхоты и 1,200 чел. конницы, присланный изъ Италіи, разбилъ возставшихъ сардинцевъ и потомъ вторично—соединенныя войска ихъ и Аздрубала, нанеся имъ уронъ въ 12 т. ч. убитыми и 3,700 чел. плѣнными, и снова покорилъ Сардинію.

Въ то же время Отацилій съ 50 судами отправился разорять берега Африки, но узнавъ о прибытіи Аздрубала въ Сардинію, направился туда и, встрѣтивъ въ морѣ возвращавшуюся оттуда кареагенскую эскадру, разбилъ ее, взялъ у нея 7 судовъ, а остальныя разсѣялъ. А кареагенскій сенатъ, воспользовавшись удаленіемъ Отацилія, отправилъ въ Италію, вмѣсто Магона, Бомилькара съ подкрѣпленіями и деньгами, назначенными Аннибалу. Бомилькаръ безъ препятствія высадился въ Локрахъ, въ южномъ Бруттіѣ, и соединясь съ Ганнономъ, отступившимъ изъ Луканіи (см. выше), передалъ ему подкрѣпленія и деньги.

Между тѣмъ какъ это происходило на морѣ, въ Сардиніи и Бруттіѣ, Марцеллъ изъ Нолы производилъ набѣги въ земли гирпиновъ и каудійскихъ самнитянъ и разорялъ ихъ огнемъ и мечомъ. Гирпины и самнитяне просили защиты Аннибала и онъ двинулся изъ своего лагеря на горѣ Тифатѣ къ Нолѣ и расположился противъ нея лагеремъ съ сѣвера. Здѣсь присоединился къ нему Ганнонъ съ подкрѣпленіями и деньгами. Аннибалъ, желая отнять у римлянъ Нолу и владѣть самому этимъ важнымъ и нужнымъ ему городомъ, но не успѣвъ склонить жителей онаго принять его сторону, положилъ взять этотъ городъ приступомъ. Но въ то самое время, когда онъ двинулъ противъ него свою армію, Марцеллъ точно такъ же, какъ въ 1-мъ боѣ при этомъ городѣ, вышелъ изъ него со всею своею арміею, атаковалъ Аннибала и уже привелъ передовыя войска его въ разстройство и безпорядокъ; однако армія Аннибала скоро устроилась и бой сдѣлался общимъ, но былъ прекращенъ внезапно разразив-

шеюся сильною грозою. На третій день Марцеллъ, воспользовавшись тѣмъ, что Аннибалъ выслалъ сильный отрядъ на фуражировку, вышелъ изъ города и построился въ боевой порядокъ, вызывая Аннибала на бой. Аннибалъ принялъ его: фуражиры его немедленно воротились, а вооруженные жители Нолы присоединились къ Марцеллу, который поставилъ ихъ въ резервъ. Римляне атаковали первые и весьма сильно, а карѳагеняне оборонялись очень упорно, и побѣда долго колебалась, но наконецъ карѳагеняне были сломлены и опрокинуты въ свой лагерь, потерявъ до 5 т. чел. убитыми, 600 чел. плѣнными, 6 слоновъ и 19 значковъ или знаменъ. Марцеллъ отступилъ въ Нолу, потерявъ не болѣе 1 т. чел. А на 3-й день послѣ того 1,272 испанскихъ и нумидійскихъ всадниковъ передались римлянамъ и въ послѣдствіи служили имъ вѣрно, за что по окончаніи войны были награждены землями въ ихъ странахъ и въ Сициліи.

И такъ счастіе рѣшительно стало измѣнять Аннибалу! Отославъ Ганнона съ его войсками обратно въ Бруттій, онъ удалился изъ Кампаніи въ Апулію и расположился въ сѣверной части ея, въ Арпи, на зимнихъ квартирахъ.

По удаленіи его изъ Кампаніи, Фабій перевезъ изъ Нолы и Неаполя въ лагерь при Суессулѣ большіе запасы продовольствія, оставилъ въ этомъ лагерѣ сильный отрядъ войскъ, а самъ съ главными силами двинулся къ Капуѣ и сталъ разорять ея окрестности. Капуанцы выслали противъ него 6 т. своихъ войскъ, изъ которыхъ плохая пѣхота не отваживалась вступать въ бой съ нимъ, но довольно хорошая конница безпрестанно тревожила его частными нападеніями. Фабій, разоривъ земли Капуи, воротился въ свой лагерь при Суессулѣ и расположился въ немъ на зиму, приказавъ Марцеллу оставить въ Нолѣ только необходимое для ея защиты число войскъ, а остальныхъ распустить. Семпроній изъ Кумъ перешелъ въ Луцерію, въ Апуліи, для наблюденія зимою за Аннибаломъ, пославъ претора Валерія съ его легіонами въ Брундузій для охраненія земель саллентинцевъ и приготовленія всего нужнаго для войны съ Филиппомъ македонскимъ въ слѣдующемъ году.

Между тѣмъ въ Бруттіѣ Имильконъ, одинъ изъ военноначальниковъ Аннибала, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцовъ трудной осады и упор-

ной обороны Петеліи, принудилъ этотъ городъ, а послѣ него и городъ Консенцію (н. Cosenza) сдаться. Ганнонъ осадилъ Регій, а Амилькаръ Локры. Послѣдній принудилъ локрянъ сдать городъ на капитуляцію и заключить наступательный и оборонительный союзъ съ Аннибаломъ. Бруттійцы, обманувшіеся въ надеждѣ пріобрѣтенія добычи въ Регіѣ и Локрахъ, собрали 15 т. войскъ, въ намѣреніи осадить, взять и разграбить богатый греческій городъ Кротону (н. Cortona) на берегу моря, но послали спросить согласія Аннибала, который отослалъ ихъ къ Ганнону, а Ганнонъ не далъ имъ никакого отвѣта. Тогда бруттійцы сами двинулись къ Кротону и были впущены въ него народною партіей, расположенною къ Аннибалу, сенатъ же и аристократы удалились во внутреннюю крѣпость и, осажденные въ ней, оборонялись такъ упорно, что бруттійцы призвали на помощь Ганнона. Осажденные сдали крѣпость только потому, что локряне предложили имъ убѣжище у себя.

Въ Апуліи Семпроній и Аннибалъ зимою вели малую войну, успѣхъ въ которой былъ почти всегда на сторонѣ римлянъ, съ большою пользою для ихъ войскъ. Въ концѣ года Фабій, по приказанію сената, укрѣпилъ Путеоли (н. Pozzuoli) близъ Неаполя, важный хлѣбный рынокъ, и поставилъ въ него гарнизонъ.

Въ Испаніи оба Сципіона продолжали дѣлать успѣхи, но просили сенатъ прислать имъ одежды, продовольствія и денегъ, въ которыхъ имѣли недостатокъ. Истощеніе государственной казны побудило сенатъ предоставить это частной поставкѣ, которую и взяли на себя частныя лица изъ патріотизма. Получивъ нужное, Сципіоны снабдили продовольствіемъ Иллитургію (н. Andujar въ Jaen), осаждаемую Аздрубаломъ, Магономъ и Амилькаромъ, сыномъ Бомилькара. Затѣмъ, вступивъ въ бой съ этими послѣдними, они разбили ихъ на-голову и послѣ того въ другой разъ близъ города Индибиля (н. Tragguera близъ Тортосы въ Валенсіи). Эти два пораженія стоили карѳагенянамъ потери до 30,000 чел. убитыми, 6,000 плѣнными, 101 знамени и 14 слоновъ.

Такимъ образомъ вообще, уже на слѣдующій годъ послѣ сраженія при Каннахъ, успѣхъ и перевѣсъ въ войнѣ перешли на сторону римлянъ и не противъ одного Аннибала, и не въ одной Италіи, но

и противъ всѣхъ карѳагенскихъ полководцевъ, въ Сардиніи, Испаніи и на морѣ.

§ 179.

5-й походъ 214 года.

Распредѣленіе римскихъ армій;—дѣйствія въ Кампаніи;—сраженіе при Беневентѣ;—3-й бой при Нолѣ;—взятіе Казилина римлянами;—союзъ Сиракузъ съ Карѳагеномъ.

Въ Римѣ на этотъ годъ были выбраны: въ консулы — Фабій и Марцеллъ, а въ преторы — Фульвій Флаккъ, Отацилій Крассъ, Фабій Максимъ (сынъ консула) и Корнелій Лентулъ.

Затѣмъ арміи были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: проконсула Семпронія—въ Апуліи, Варрона—въ Пиценѣ, Муція—въ Сардиніи, пропретора Валерія—въ Брундузіѣ, Помпонія — въ цизальпинской Галліи, претора Корнелія — въ Сициліи, а Отацилію ввѣренъ флотъ у береговъ ея. Вскорѣ послѣ того сенатъ постановилъ вооружить 20 легіоновъ, назначивъ по 2 каждому консулу, (Фабію прежніе, а Марцеллу новые), Корнелію—въ Сициліи и Муцію въ Сардиніи—по 2 легіона, уже находившихся тамъ, Помпонію въ Ариминіѣ, въ цизальпинской Галліи—2 новыхъ легіона, Семпронію—2 прежнихъ, претору Фабію—2 легіона Марка Валерія, а этому—1 легіонъ Публія Валерія, Варрону—1 его легіонъ въ Пиценѣ, Сципіонамъ—2 ихъ легіона въ Испаніи и наконецъ 2 новаго набора городскіе легіона—для охраненія Рима. Изъ числа этихъ 20 легіоновъ, 14 были прежнихъ, а 6 имѣли быть набраны вновь, всѣ же вмѣстѣ должны были составить до 100,000 чел. пѣхоты и до 18,000 чел. конницы, всего до 118,000 чел. Флотъ было положено усилить до числа 150 судовъ, въ томъ числѣ 100 новыхъ. Новымъ закономъ было постановлено, чтобы всѣ частныя лица, имѣвшія отъ 50,000 до 1 милліона и болѣе ассовъ собственности, выставили отъ одного до 7-ми гребцовъ на флотъ каждый. Вотъ какія силы выставилъ въ этомъ году Римъ противъ Карѳагена вообще и противъ Аннибала въ частности!

Изъ дальнѣйшаго изложенія будетъ усмотрѣно, что въ этомъ и слѣдующихъ годахъ главною цѣлію римскихъ полководцевъ было

*

постоянно окружать Аннибала двумя или тремя арміями, утомлять и ослаблять его безпрестанными передвиженіями и дѣйствіями малой войны, а въ сраженіе съ нимъ вступать только съ увѣренностью въ побѣдѣ. Четыре римскія арміи, по крайней мѣрѣ, всегда были въ полѣ въ собственной Италіи—въ Кампаніи и Апуліи, и между тѣмъ какъ однѣ изъ нихъ наблюдали за Аннибаломъ и слѣдили за его движеніями, другія дѣйствовали противъ его полководцевъ и постепенно отторгали отъ нихъ покоренныя ими земли. Въ Кампаніи же собственно главною цѣлію римлянъ было завладѣть Капуей и, лишивъ Аннибала этого важнаго для него, опорнаго пункта въ этой области, вытѣснить его изъ нея.

Аннибалъ, съ своей стороны, не получая своевременно и въ надлежащей мѣрѣ помощи изъ Карѳагена,—который по своей ложной торговой политикѣ считалъ болѣе важнымъ и нужнымъ удерживать за собою Испанію, нежели поддерживать Аннибала въ Италіи,—былъ почти совершенно предоставленъ въ ней собственнымъ силамъ, средствамъ и способамъ, постепенно умалявшимся, и удерживаясь въ Италіи только силой и превосходствомъ высокихъ дарованій своихъ. Онъ сосредоточилъ свои военныя дѣйствія въ Кампаніи, Апуліи, Калабріи, Луканіи и Бруттіѣ, именно съ цѣлію сближенія съ Карѳагеномъ и постояннаго угрожанія Риму, но окруженный римскими арміями, силою никогда не менѣе 80,000 войскъ, принужденъ былъ употреблять всѣ пособія своего искуства для того, чтобы не быть подавлену ими.

Жители Капуи, устрашенные силами римлянъ, призвали Аннибала на помощь. Аннибалъ, и самъ опасавшійся за Капую, перешелъ изъ Арпи въ прежній свой лагерь на горѣ Тифатѣ близъ Капуи. Затѣмъ, оставивъ въ немъ нумидійцевъ и испанцевъ, съ остальными войсками онъ расположился близъ озера авернскаго (н. Lago d'Averno), между Кумъ и Путеоли (Pozzuoli), въ намѣреніи овладѣть этимъ послѣднимъ городомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ Ганнону идти изъ Бруттія въ Кампанію.

Консулъ Фабій, узнавъ объ этомъ, приказалъ сыну своему, претору Фабію, занять въ Луцеріи мѣсто Семпронія, который получилъ назначеніе стать въ Беневентѣ, для наблюденія за непріятелемъ и для

удержанія Ганнона. Самъ же консулъ Фабій остался въ лагерѣ при Нолѣ, для стѣсненія Капуи, а въ Нолѣ былъ римскій гарнизонъ.

По прибытіи Аннибала къ аверноскому озеру, нѣсколько молодыхъ аристократовъ Тарента просили его приблизиться къ этому городу, обѣщая, что жители онаго впустятъ его. Аннибалъ принялъ эту просьбу тѣмъ охотнѣе, что хотя и обладалъ уже морскими портами въ Локрахъ и Кротонѣ, однако считалъ очень важнымъ и необходимымъ обладать также и портами въ Тарентѣ или Брундузіѣ, для приготовленія Филиппу македонскому мѣста высадки и опорнаго пункта въ южной Италіи.

Между тѣмъ, разоривъ земли Кумъ до мизенскаго мыса, онъ расположился лагеремъ близъ Путеоли, гдѣ было 6,000 чел. римскаго гарнизона. Но найдя этотъ городъ слишкомъ хорошо укрѣпленнымъ и охраняемымъ, онъ пошелъ разорять окрестности Неаполя. Близость его къ Нолѣ побудила приверженцевъ его въ ней просить его приблизиться къ этому городу. Но Марцеллъ, узнавъ объ этомъ, немедленно перешелъ изъ Калеса (Calvi) чрезъ р. Вультурнъ въ Суессулу и оттуда съ 6,000 чел. пѣхоты и 300 чел. конницы отборныхъ войскъ поспѣшилъ предупредить Аннибала въ Нолѣ.

Въ то же время Семпроній, прибывъ къ Беневенту и узнавъ, что Ганнонъ въ то же время прибылъ по близости на лѣвый берегъ р. Калора (н. Calore), лѣваго притока р. Вультурна, расположился лагеремъ въ одной милѣ (болѣе версты) отъ лагеря Ганнона. Два изъ четырехъ его легіоновъ состояли изъ волоновъ, которымъ была обѣщана, но еще не дана свобода. Волоны, дотолѣ исполнявшіе свои обязанности усердно и исправно, роптали, но Семпроній, съ разрѣшенія сената и Марцелла, обѣщалъ имъ свободу, если они исполнятъ, какъ слѣдовало, свой долгъ въ сраженіи съ Ганнономъ и принесутъ ему по непріятельской головѣ каждый. Волоны, съ своей стороны, съ восторгомъ обѣщали ему завоевать себѣ свободу и Семпроній на слѣдующее же утро вышелъ изъ своего лагеря и построилъ свою армію въ боевой порядокъ. Ганнонъ, съ своей стороны, сдѣлалъ то же съ своими 17,000 чел. пѣхоты (большею частію бруттійцевъ и луканцевъ) и 1,200 чел. конницы (почти все нумидійцевъ и мавританцевъ). Первое столкновеніе было очень

сильное и успѣхъ въ продолженіи цѣлыхъ четырехъ часовъ равный. Между тѣмъ волоны, занятые отсѣченіемъ головъ раненымъ или убитымъ непріятельскимъ воинамъ, почти не могли уже сражаться. Тогда Семпроній объявилъ имъ, что они уже снискали себѣ свободу и потому, не занимаясь болѣе отсѣченіемъ головъ, шли бы въ бой, который и возобновился съ новою силой. Въ то же время римская конница получила приказаніе атаковать на флангахъ. Но нумидійцы сражались такъ храбро и упорно, что побѣда все-таки не склонялась еще на сторону римлянъ. Тогда Семпроній снова объявилъ волонамъ, что они не получатъ свободы, если не разобьютъ непріятеля. Эта угроза такъ подѣйствовала на нихъ, что они, вмѣстѣ со всѣми прочими войсками римской арміи, произвели такой отчаянный, дружный и сильный ударъ, что наконецъ сломили армію Ганнона, опрокинули ее въ ея лагерь и вторглись въ него вмѣстѣ съ нею. Здѣсь бой продолжался съ ожесточеніемъ, но римскіе плѣнники, бывшіе въ лагерѣ, вооружась чѣмъ могли, напали на карѳагенянъ съ тыла и почти вся армія Ганнона была истреблена, а самъ Ганнонъ едва спасся съ 2,000 чел. Римляне потеряли около 2,000 чел. Лагерь Ганнона былъ отданъ римскимъ войскамъ на разграбленіе, но скотъ, найденный въ немъ, сохраненъ для возвращенія владѣльцамъ его.

Семпроній, воротясь въ свой лагерь, даровалъ свободу всѣмъ волонамъ, даже и тѣмъ, которые сражались хуже другихъ и не участвовали въ атакѣ и взятіи лагеря Ганнона, наказавъ послѣднихъ только тѣмъ, что приказалъ имъ, во все время своей службы, ѣсть стоя. Затѣмъ Семпроній воротился въ Беневентъ, гдѣ былъ принятъ, какъ побѣдитель, а войска его щедро угощены жителями.

По поводу сраженія и побѣды при Беневентѣ слѣдуетъ отдать полную справедливость и честь, консулу Фабію—за направленіе Семпронія къ этому городу, а Семпронію—за рѣшимость его вступить въ бой съ Ганнономъ и за его распоряженія до, во время и послѣ сраженія. За то и результаты его были чрезвычайно выгодны для римлянъ и невыгодны для Аннибала, разрушивъ совершенно планъ дѣйствій послѣдняго. Лишенный содѣйствія Ганнона, онъ долженъ былъ ограничиться охраненіемъ Капуи и стараніемъ овладѣть Нолой—

одними собственными силами, ибо эти два города въ Кампаніи имѣли одинаковую, большую важность и для него, и для римлянъ.

Дѣйствительно, между тѣмъ, какъ Семпроній шелъ и дѣйствовалъ противъ Ганнона, Аннибалъ изъ окрестностей Неаполя подступилъ къ Нолѣ и расположился лагеремъ къ з. отъ нея. Марцеллъ немедленно притянулъ къ себѣ изъ Суессулы остальную свою армію и ночью послалъ своего легата Клавдія Нерона съ отборною конницей обойти Аннибала и атаковать его съ тыла въ то время, когда самъ атакуетъ его съ фронта. На слѣдующее утро онъ вышелъ изъ Нолы, атаковалъ Аннибала и уже оттѣснилъ его армію, но, не видя атаки Клавдія Нерона въ тылу Аннибала, не рѣшился продолжать свою атаку далѣе и отступилъ, потерявъ около 400 чел. и нанеся Аннибалу уронъ до 2 т. чел. Къ вечеру Клавдій Неронъ воротился безъ всякихъ успѣха и пользы, не видавъ непріятеля—неизвѣстно по какой причинѣ. На другой день Марцеллъ снова вышелъ изъ Нолы, вызывая Аннибала на бой, но Аннибалъ не вышелъ изъ своего лагеря и, не надѣясь болѣе овладѣть Нолой, послѣ троекратнаго, невыгоднаго для него боя при этомъ городѣ, двинулся къ Таренту.

Въ Римѣ между тѣмъ цензоры приняли строгія мѣры противъ тѣхъ, которые не исполнили своего долга въ сраженіи при Каннахъ и послѣ него, а сенатъ приказалъ, сверхъ того, всадникамъ изъ числа ихъ служить до конца войны въ Сициліи пѣшими (только для одного Варрона было сдѣлано исключеніе изъ этихъ строгихъ мѣръ, которыхъ онъ болѣе всѣхъ заслуживалъ!). Граждане Рима, въ порывѣ патріотизма, приняли на себя многія издержки, необходимыя для веденія войны и которымъ казна государственная была не въ состояніи удовлетворить. А въ арміяхъ всадники и центуріоны отказались отъ полученія жалованья.

Между тѣмъ консулъ Фабій расположился лагеремъ противъ Казилина, которымъ хотѣлъ овладѣть. Въ Казилинѣ было 2 т. капуанскихъ и 700 чел. карѳагенскихъ войскъ въ гарнизонѣ. Старѣйшій изъ правителей Капуи началъ набирать войска, для нападенія на Фабія и спасенія Казилина. Фабій просилъ Марцелла присоединиться къ нему или прислать ему Семпронія, вступившаго въ Луканію. Марцеллъ, для выигранія времени, оставилъ 2 т. чел. войскъ

для усиленія гарнизона Нолы, а самъ съ остальными войсками своими прибылъ къ Казилину и вмѣстѣ съ Фабіемъ, но съ двухъ разныхъ сторонъ и изъ двухъ отдѣльныхъ лагерей, осадилъ этотъ городъ. Осажденные оборонялись такъ упорно, что Фабій уже хотѣлъ снять осаду, но Марцеллъ уговорилъ его продолжать оную. Доведенный наконецъ до крайности, гарнизонъ сдался Фабію на капитуляцію и уже началъ выходить изъ города, но Марцеллъ овладѣлъ городскими воротами и, какъ бы не зная ничего о капитуляціи, заключенной съ Фабіемъ, напалъ на гарнизонъ и частію истребилъ его, частію взялъ въ плѣнъ. Около 50 вышедшихъ первыми были отосланы Фабіемъ въ Капую, а остальные въ Римъ.

Взятіе Казилина было вторымъ, выгоднымъ для римлянъ, результатомъ побѣды при Беневентѣ, доставивъ римлянамъ средство осадить и взять Капую при первомъ удобномъ случаѣ.

По взятіи Казилина, Марцеллъ воротился къ Нолѣ и Суессулѣ, а Фабій пошелъ въ Самній, сталъ разорять его, взялъ въ немъ города: Телезію (Telese), Компсу (Conza) въ земляхъ гирпиновъ и Эцы (Troja) въ Апуліи, захватилъ богатую добычу въ деньгахъ и скотѣ, и истребилъ или взялъ въ плѣнъ до 25 т. чел., въ томъ числѣ 370 бѣглыхъ римскихъ воиновъ, которыхъ отослалъ въ Римъ, гдѣ они были казнены. Семпроній, двинувшись вслѣдъ за Ганнономъ въ Луканію, набралъ въ ней нѣсколько когортъ, которымъ поручилъ разорять край, гдѣ находился Ганнонъ. Но послѣдній разбилъ ихъ и отступилъ отъ Семпронія въ Бруттій. Семпроній же взялъ Бланду (н. Maratеo) въ Луканіи, а преторъ Фабій—Аккуу (Accadia) въ Апуліи.

Затѣмъ римскія арміи расположились на зимнихъ квартирахъ: консулъ Фабій—въ Суессулѣ, Марцеллъ—въ Нолѣ, Семпроній—въ Луканіи, а преторъ Фабій—въ окрестностяхъ Гердонеи (Ordona) въ Апуліи.

Аннибалъ же, прибывъ къ Таренту, нашелъ его уже занятымъ римскими войсками М. Ливія, легата претора М. Валерія, посланнаго этимъ послѣднимъ. Аннибалъ, простоявъ нѣсколько дней въ виду Тарента, отложилъ до другаго, болѣе удобнаго времени намѣреніе свое овладѣть имъ и расположился на зиму въ лагерѣ при

Салапіи (Salpi) въ Апуліи, куда собралъ продовольственные запасы изъ Метапонта (нынѣ Torre a mare di Metaponto) и Гераклеи въ Луканіи. Нумидійскую же и мавританскую конницу онъ послалъ, для пополненія лошадьми, въ земли саллентинцевъ и въ апулійскіе лѣса.

Въ Сициліи царь Іеронъ умеръ, а 15-ти лѣтній внукъ и преемникъ его, Іеронимъ, положилъ отложиться отъ Рима и вступить въ переговоры съ Аннибаломъ, но былъ убитъ заговорщиками. Республиканская партія, завладѣвъ въ Сиракузахъ властью, положила держаться союза съ Римомъ, но была низложена партіей приверженцевъ Карѳагена, которая объявила себя противъ Рима и открыла военныя дѣйствія противъ римскихъ войскъ въ Сициліи. Примѣру Сиракузъ послѣдовали многіе города Сициліи. Это побудило римскій сенатъ послать туда Марцелла съ 2-мя его легіонами.

Филиппъ македонскій, двинувшійся въ Италію и на пути осадившій Аполлонію, былъ разбитъ преторомъ Маркомъ Валеріемъ Невіемъ и принужденъ сжечь свой флотъ и сухимъ путемъ отступить въ Македонію (см. ч. II гл. XVIII § 118 стр. 47).

Въ Испаніи Публій Корнелій Сципіонъ перешелъ черезъ р. Иберъ, дабы поддержать новыхъ союзниковъ римлянъ, угрожаемыхъ Аздрубаломъ и Магономъ. Сначала онъ претерпѣлъ пораженіе близъ Валеріи или Castrum altum (н. Valera, близъ Valverde, въ Куенсѣ), что принудило его отступить въ горы (н. Sierra de Alcaras), гдѣ къ нему присоединился Кней Сципіонъ, между тѣмъ какъ къ Аздрубалу и Магону въ то же время присоединился Аздрубалъ, сынъ Гискона, однако сраженія между ними не произошло. Между тѣмъ городъ Кастулонъ (н. Castro близъ Linares, на р. Гуадалквивирѣ, въ Хаенѣ) объявилъ себя въ пользу римлянъ, а карѳагеняне, въ вознагражденіе себя за то, осадили Илитургисъ (н. Andujar, ниже на р. Гуадалквивирѣ). Но Кней Сципіонъ успѣлъ войти съ однимъ легіономъ въ этотъ городъ и принудилъ карѳагенянъ снять осаду его, прогналъ ихъ также отъ Бигерры (около Iniesta въ Куенсѣ) и принудилъ отступить къ Мундѣ (н. Monda, близъ Малаги), куда послѣдовалъ за ними, разбилъ ихъ тамъ въ большомъ сраженіи и истребилъ бы всю ихъ армію, если-бы полученная имъ рана не побудила легатовъ его отступить. Вскорѣ послѣ того Кней Сципіонъ снова

разбилъ кареагенянъ въ другомъ сраженіи, такъ что вообще кареагеняне понесли въ этомъ году въ Испаніи уронъ до 36 т. чел. убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ и множество знаменъ. Затѣмъ Сципіоны овладѣли разрушеннымъ Сагунтомъ, въ которомъ былъ лишь слабый кареагенскій гарнизонъ, и, призвавъ въ него остатки бывшихъ жителей его, начали возстановлять его. Турдетанцевъ же (племя въ н. Севильѣ), которые особенно содѣйствовали взятію Аннибаломъ Сагунта, они наказали обращеніемъ въ рабство и разрушеніемъ ихъ городовъ.

И такъ, и въ этомъ году успѣхъ въ войнѣ вездѣ былъ на сторонѣ Рима.

§ 180.

6-й походъ 213-го года.

Распредѣленіе римскихъ армій;—бездѣйствіе въ Италіи и Испаніи;—осада Сиракузъ Марцелломъ.

Въ Римѣ на этотъ годъ были выбраны: въ консулы—преторъ Квинтъ Фабій (сынъ бывшаго диктатора, а потомъ консула) и Семпроній Гракхъ, а въ преторы—Аттилій Регулъ, Семпроній Тудитанъ, Фульвій Центуманъ и Эмилій Лепидъ. Консуламъ было поручено вести войну противъ Аннибала, Фабію—съ 2-мя легіонами его отца, а Семпронію—съ 2-мя легіонами волоновъ, претору Эмилію—въ Луцеріи, въ Апуліи, съ 2-мя бывшими легіонами Фабія, претору Семпронію—въ Ариминѣ, въ цизальпинской Галліи, съ 2-мя легіонами Помпонія, Фульвію—въ Суессулѣ, съ 2 городскими легіонами, проконсулу Марцеллу—въ Сициліи, съ его 2-мя легіонами, а пропретору Корнелію, съ его 2-мя прежними легіонами—въ старой римской провинціи Сициліи. Отацилію было сохранено начальствованіе флотомъ; пропреторъ Маркъ Валерій съ 1 легіономъ остался въ Греціи, Варронъ также съ 1 легіономъ въ Пиценѣ, а пропреторъ Муцій съ своими двумя легіонами въ Сардиніи. Сверхъ того были набраны еще 2 городскіе легіона и 20 т. союзныхъ войскъ, такъ что Римъ имѣлъ въ этомъ году всего 22 легіона (въ томъ числѣ 2 легіона въ Испаніи), что составляло около 110 т. чел. пѣхоты и

около 20 т. чел. конницы. Изъ этихъ 22 легіоновъ, 13 были въ Италіи, гдѣ положено дѣйствовать такъ же, какъ и въ предъидущемъ году, и консулу Семпронію продолжать войну въ Луканіи, а консулу Фабію, имѣя при себѣ легатомъ отца своего, перейти въ Апулію. Изъ 13-ти легіоновъ въ Италіи, 2 охраняли Римъ, 2 были въ цизальпинской Галліи, 1 въ Пиценѣ, а 8 противъ Аннибала, именно 2 въ Гердонеѣ, 2 въ Луцеріи, 2 противъ Ганнона и 2 противъ Капуи.

Первымъ дѣйствіемъ было взятіе консуломъ Фабіемъ города Арпи или Аргирипны, въ Апуліи, къ с. отъ Гердонеи, посредствомъ внезапнаго нападенія ночью во время грозы. Гарнизонъ (5 т. карѳагенскихъ и 3 т. городскихъ войскъ) началъ-было защищаться внутри города, но городскія войска и 1 т. испанскихъ перешли на сторону римлянъ, а карѳагенскимъ былъ данъ свободный выходъ въ Салапію.

Въ Кампаніи 120 капуанскихъ всадниковъ сдались претору Фульвію въ Суессулѣ, на условіи, чтобы имъ были возвращены ихъ земли, въ случаѣ взятія римлянами Капуи.

Аннибалъ, проведя все лѣто передъ Тарентомъ безъ всякой возможности овладѣть имъ, ограничился только взятіемъ нѣсколькихъ городовъ и мѣстечекъ въ земляхъ саллентинцевъ. Консулъ Семпроній также провелъ все время въ неважныхъ дѣйствіяхъ и стычкахъ и взятіи нѣсколькихъ городковъ въ Луканіи. Въ Бруттіи римляне начали находить приверженцевъ, а два города, Ѳурій и Консенція, передались имъ. Другіе города послѣдовали бы ихъ примѣру, еслибы одинъ префектъ союзниковъ, съ толпою рабовъ и сельскихъ жителей, не вздумалъ разорять ихъ земли; но Ганнонъ разбилъ и разсѣялъ эту толпу. Такимъ образомъ въ Италіи этотъ годъ прошелъ въ бездѣйствіи съ обѣихъ сторонъ.

Въ Испаніи также не произошло ничего замѣчательнаго, исключая того, что Сципіоны, узнавъ объ объявленіи Карѳагену войны Сифаксомъ, царемъ массесилійскихъ нумидійцевъ, предложили ему союзъ. Сифаксъ заключилъ съ ними договоръ и послалъ его на утвержденіе проконсуловъ, а подвластнымъ ему нумидійцамъ въ карѳагенскихъ арміяхъ приказалъ перейти въ службу римлянъ. Целтиберяне тоже заключили союзъ съ римлянами и присоединили къ

нимъ вспомогательныя войска свои, бывшія въ кареагенскихъ арміяхъ.

Но за то въ Сициліи произошли весьма важныя и замѣчательныя дѣйствія, а именно—знаменитая осада Сиракузъ Марцелломъ.

Когда Аннибалъ, перейдя черезъ Альпы, вступилъ въ Италію, кареагеняне пытались снова утвердиться въ Сициліи, но неудачно и уже не дѣлали подобнаго рода покушеній до тѣхъ поръ, пока Аннибалъ, уже находясь въ средней и южной Италіи, не сталъ стараться объ отвлеченіи Сициліи отъ союза съ Римомъ. Но это не имѣло никакого успѣха, доколѣ живъ былъ Іеронъ, царь сиракузскій, постоянный въ продолженіи 50 лѣтъ и вѣрный союзникъ Рима, и въ счастіи, и въ несчастіи. Но все измѣнилось съ смертію его въ 215 году: наслѣдовавшій ему, 15-ти лѣтній, безумный внукъ его Іеронимъ, именно въ то самое время, когда обстоятельства требовали зрѣлаго ума и сильной воли со стороны царя сиракузскаго, имѣвшаго вліяніе на всю Сицилію,—въ противность мудрой политикѣ своего дѣда, вступилъ въ сношенія съ Аннибаломъ. Хотя въ 214 году онъ былъ убитъ заговорщиками, но въ Сиракузахъ произошелъ политическій пореворотъ, городъ этотъ снова объявилъ себя республикой и верховную власть въ немъ захватили, съ помощью черни, Аннибаловы послы, братья Эпикидъ и Иппократъ, которые постоянно дѣйствовали, разумѣется, какъ враги Рима. Вся Сицилія пришла въ страшное волненіе и въ этихъ-то обстоятельствахъ, въ 213 г., въ нее былъ посланъ Марцеллъ съ 2 легіонами и флотомъ Отацилія. Марцеллъ заключилъ съ Сиракузами миръ и призналъ ихъ республикой, при тѣхъ же владѣніяхъ, какія имѣлъ Іеронъ. Но Эпикидъ, посланный въ городъ Леонтины въ качествѣ градоначальника, нарушилъ миръ съ римлянами. Марцеллъ потребовалъ выдачи его и Иппократа, но послѣдній бѣжалъ къ брату своему въ Леонтины, гдѣ оба укрѣпились и отказали въ повиновеніи правительству Сиракузъ. Отсюда противъ нихъ были посланы войска, которыя, вмѣстѣ съ римскими, должны были покорить Леонтины. Но сиракузскія войска на походѣ туда узнали, будто Марцеллъ уже взялъ Леонтины и вырѣзалъ въ нихъ все мужское населеніе, что была ложь, распущенная Эпикидомъ и Иппократомъ, для возбужденія сиракузянъ

противъ римлянъ. Прибывшіе изъ Леонтинъ къ войскамъ Эпикидъ и Иппократъ не только подтвердили эту ложь, но и жалобно умоляли о защитѣ. Тогда сиракузскія войска взбунтовались, начальники ихъ, спасая свою жизнь, бѣжали, а Эпикидъ и Иппократъ, въ главѣ мятежныхъ сиракузскихъ войскъ, двинулись къ Сиракузамъ, были впущены въ нихъ единомышленниками и, предавъ смерти или изгнавъ всѣхъ принадлежавшихъ къ противной партіи, захватили верховную власть. Такъ какъ она перешла уже въ руки отъявленныхъ враговъ Рима, то Марцеллъ, овладѣвъ Леонтинами, двинулся немедленно къ Сиракузамъ, съ цѣлію осадить ихъ съ сухаго пути и моря. Подступивъ къ городу, онъ расположился сначала близъ храма Юпитера Олимпійскаго и вскорѣ осадилъ городъ съ сухаго пути, со стороны эксапильскихъ воротъ—римскими и союзными войсками подъ начальствомъ проконсула Аппія Клавдія, а съ моря, со стороны Ахрадины—самъ съ 60-ю судами флота.

Раздѣленіе и мѣстное положеніе Сиракузъ уже были описаны въ ч. I. гл. VIII § 57, при изложеніи осады этого города аѳинскими полководцами Никіемъ, Ламахомъ, Эвримедономъ и Демосѳеномъ, въ 414—413 годахъ. А въ ч. II гл. XVIII §§ 116 и 117 стр. 14-15 и 33 было сказано, что развитію и успѣхамъ поліорцетики чрезвычайно способствовали, послѣ смерти Александра В., между прочимъ, развитіе же и успѣхи математическихъ и техническихъ наукъ въ Греціи и между греками повсюду вообще. Со временъ же Димитрія Поліорцета и осады имъ Родоса въ 305 году, эти науки сдѣлали между греками еще бо́льшіе успѣхи, такъ какъ въ греко-азіятскихъ государствахъ была признана чрезвычайная важность этихъ наукъ для развитія промышленности, торговли, судоходства, а также осады и обороны городовъ. Средоточіемъ разработки этихъ наукъ сдѣлалась Александрія въ Египтѣ, и тамъ было и оттуда происходило всегда множество отличныхъ математиковъ, механиковъ, строителей машинъ, орудій, судовъ, крѣпостей и пр. Сиракузы, какъ государство морское и торговое, не могло не принимать также участія въ новыхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, и Іеронъ отправилъ въ Александрію, для изученія ихъ, родственника своего, Архимеда. Послѣдній, одаренный необыкновенными способностями къ означеннымъ выше наукамъ, не только

изучилъ ихъ до глубины, но и пополнилъ собственными своими открытіями и изобрѣтеніями и приспособилъ ихъ къ оборонѣ Сиракузъ. Въ томъ, что̀ говорятъ объ этомъ Титъ Ливій, Плутархъ и другіе древніе историки, нѣтъ сомнѣнія, очень много преувеличенія и краснорѣчія, безъ спеціальнаго знанія дѣла, такъ что изъ ихъ разсказовъ трудно составить себѣ достаточно ясное понятіе о средствахъ, употребленныхъ Архимедомъ при оборонѣ Сиракузъ. Такъ, напримѣръ, Плутархъ говоритъ, что Архимедъ, еще по приказанію Іерона, изготовилъ множество осадныхъ и оборонительныхъ машинъ и орудій, которыя оставались безъ употребленія, до тѣхъ поръ, пока самъ Архимедъ не приспособилъ ихъ и не употребилъ въ дѣйствіе для обороны Сиракузъ противъ Марцелла. По словамъ Плутарха, Архимедъ металъ изъ своихъ машинъ и орудій огромнѣйшіе и тяжелѣйшіе камни такъ мѣтко, что каждый разъ попадалъ въ цѣль, и такими огромными количествами снарядовъ, что еще въ большомъ отдаленіи разстроивалъ осадныя работы римлянъ и дѣйствія судовъ ихъ на морѣ. На послѣднія Архимедъ, будто бы, опускалъ съ городскихъ стѣнъ машины съ крючьями, на-подобіе желѣзныхъ рукъ, которыя поднимали суда на воздухъ и бросали ихъ обратно въ море дномъ къ верху или разбивали ихъ о скалистые берега. Зонара говоритъ даже, будто Архимедъ, посредствомъ зажигательныхъ стеколъ, произвелъ пожаръ на римскомъ флотѣ. Все это и тому подобное могло быть возможнымъ, но достовѣрнымъ признано быть не можетъ. Какъ бы то ни было впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнію, что Архимедъ, своими механическими изобрѣтеніями и оборонительными машинами, орудіями и дѣйствіями уничтожалъ всѣ осадныя работы, машины и орудія римлянъ, и со стороны моря, и особенно съ сухаго пути, гдѣ, по словамъ Плутарха, наводилъ на римлянъ такой страхъ, что они трепетали при одной видѣ каждаго куска дерева, выдававшагося со стѣнъ, считая это за новую машину великаго математика. Поэтому Марцеллъ и былъ наконецъ принужденъ превратить осаду въ обложеніе. Но прежде необходимо изложить вкратцѣ постепенный ходъ осады и обороны Сиракузъ въ 213 году.

Марцеллъ, намѣреваясь взять городъ приступомъ, устроилъ, кромѣ множества разныхъ осадныхъ машинъ и орудій, самбуку изъ 8-ми

морскихъ судовъ или галеръ, на которыхъ была помѣщена высокая деревянная башня, превышавшая городскія стѣны. Но Архимедъ, не допустивъ самбуку до стѣнъ, разрушилъ ее дѣйствіемъ баллистъ, а на сухомъ пути, въ то же время — черепахи, подвижныя галлереи и другіе крытые ходы римлянъ. Когда же Марцеллъ и Аппій Клавдій, полагая, что машины Архимеда, по величинѣ своей, могли разрушительно дѣйствовать только издали, подвели войска свои къ самымъ городскимъ стѣнамъ, тогда Архимедъ осыпалъ ихъ такимъ градомъ стрѣлъ, бревенъ и каменьевъ, что устрашенныя римскія войска отступили въ разстройствѣ, безпорядкѣ и съ большимъ урономъ, и тогда-то, послѣ 8-ми мѣсячныхъ, тщетныхъ усилій взять Сиракузы осадой (значитъ уже въ началѣ 212-го года), Марцеллъ превратилъ осаду въ обложеніе съ сухаго пути и моря, и, оставивъ Аппія Клавдія съ половиною арміи и съ флотомъ противъ Сиракузъ, самъ съ другою половиною арміи двинулся во внутренность Сициліи, дабы наказать города ея, передавшіеся карѳагенянамъ.

§ 181.

7-й походъ 212 года.

Распредѣленіе римскихъ армій; — взятіе Тарента Аннибаломъ; — 2-е сраженіе при Беневентѣ; — 1-е сраженіе при Гердонеѣ; — обложеніе Капуи и взятіе Сиракузъ римлянами; — неудачи римлянъ въ Испаніи.

Въ Римѣ, по случаю отсутствія консуловъ, избранъ былъ диктаторъ Клавдій Цento, который избралъ въ магистры конницы Квинта Фульвія Флакка. Затѣмъ въ консулы были избраны этотъ самый Квинтъ Фульвій Флакъ и находившійся въ Сициліи, при обложеніи Сиракузъ, Аппій Клавдій, а въ преторы: Кнеій Фульвій Флаккъ, Клавдій Неронъ, Юній Силанъ и Корнелій Силла. Публій Сципіонъ, сынъ Публія Корнелія Сципіона, находившійся въ Испаніи и извѣстный въ послѣдствіи подъ названіемъ Сципіона младшаго африканскаго, былъ назначенъ эдиломъ (первое начало его политическаго поприща).

Римскія арміи были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: оба консула были противупоставлены самому Аннибалу, одинъ — съ 2-мя легіонами бывшаго консула Фабія, а другой — съ 2-мя легіонами бывшаго

претора Фульвія;—преторъ Кней Фульвій, братъ консула, назначенъ въ Апулію, съ 2-мя легіонами Эмилія, находившагося въ Луцеріи;—Клавдію Нерону было поручено занимать лагерь при Суессулѣ, съ 2-мя легіонами, которые Варронъ имѣлъ въ Пиценѣ; — тому и другому было разрѣшено пополнить свои легіоны новыми наборами; — преторъ Юній былъ посланъ въ Этрурію, не совсѣмъ надежную, съ 2-мя городскими легіонами предъидущаго года, находившимися въ лагерѣ при Суессулѣ; — преторъ Силла остался въ Римѣ;—всѣ остальные полководцы предъидущаго года сохранили свои мѣста и войска, а именно: проконсулъ Семпроній—въ Луканіи, пропреторъ Семпроній—въ Ариминіѣ, пропреторъ Лентулъ—въ Лилибеѣ, въ Сициліи, проконсулъ Марцеллъ — при обложеніи Сиракузъ, пропреторы Отацилій — надъ флотомъ у Сициліи, Муцій—въ Сардиніи, Маркъ Валерій—въ Греціи и оба Сципіона—въ Испаніи. Съ наборомъ 2 новыхъ городскихъ легіоновъ, Римъ выставилъ въ этомъ году всего 25 легіоновъ (около 125 т. чел. пѣхоты и 22.500 чел. конницы, всего 147,500 войскъ).

Консулы, встрѣчая затрудненія въ новыхъ наборахъ, потому что число молодыхъ людей свыше 17-ти лѣтъ очень уменьшилось, предложили сенату, а сенатъ согласился и постановилъ: произвесть чрезвычайный наборъ ниже 17-ти лѣтъ, потому что во 1-хъ римскія арміи въ 6 лѣтъ войны понесли большія потери въ людяхъ и во 2-хъ уже не могли пополняться ни изъ цизальпинской Галліи, ни изъ Самнія, ни изъ всей южной Италіи (вотъ что въ 6 лѣтъ произвелъ Аннибалъ, но еще только на половину!).

Въ этомъ году римляне имѣли въ Италіи 16 легіоновъ — болѣе 100 т. войскъ противъ Аннибала, имѣвшаго не болѣе 80 т. войскъ, на половину составленныхъ изъ племенъ Италіи, отложившихся отъ Рима, и войска которыхъ Аннибалъ употреблялъ только въ ихъ земляхъ, слѣдовательно только съ 40 т. войскъ, не болѣе, передвигался по южной Италіи, среди 100 т. римскихъ войскъ, со всѣхъ сторонъ окружавшихъ его, слѣдившихъ за нимъ, но не отваживавшихся атаковать его всѣ вмѣстѣ разомъ.

За всѣмъ тѣмъ, римскій сенатъ и въ этомъ году распредѣлилъ арміи и составилъ планъ дѣйствій очень хорошо. Рѣшено было оса-

дить Капую, для чего было назначено до 60 т. войскъ обоихъ консуловъ и Клавдія Нерона, затѣмъ въ Луканіи у Семпронія противъ Ганнона было до 20 т. и въ Апуліи у претора Фульвія до 18 т. войскъ.

Дѣйствія въ этомъ году были открыты взятіемъ, наконецъ, Тарента Аннибаломъ, посредствомъ предательства и внезапнаго нападенія. Поводомъ къ тому послужила казнь въ Римѣ заложниковъ Тарента, бѣжавшихъ изъ Рима, но перехваченныхъ. Казнь ихъ раздражила тарентинцевъ и рѣшила отложеніе ихъ отъ Рима. Въ Тарентѣ составился заговоръ, заговорщики тайно сговорились съ Аннибаломъ, который стоялъ лагеремъ переходахъ въ трехъ (60 римскихъ миль или около 65 верстъ) отъ Тарента, заключили съ нимъ обоюдувыгодный договоръ и условились съ нимъ во времени и способѣ передачи ему города. Съ той и съ другой стороны были употреблены разныя хитрости, дабы не только не возбудить подозрѣній римскаго гарнизона, но и усыпить его бдительность. Между прочимъ Аннибалъ съ своей стороны распустилъ слухъ, что онъ нездоровъ, а потомъ—опасно боленъ. Наканунѣ условленнаго дня, онъ приблизился къ Таренту на 15 миль (болѣе 15 верстъ) съ такими предосторожностями, что это казалось только обыкновеннымъ наступленіемъ передовыхъ легкихъ войскъ. Онъ взялъ съ собою 10 т. отборныхъ войскъ пѣхоты и конницы, а впередъ мили на 4 выслалъ около 80 нумидійцевъ, съ приказаніемъ разсыпаться по полямъ и задерживать или убивать всѣхъ встрѣчныхъ сельскихъ жителей, дабы тѣмъ прикрыть движеніе самого Аннибала. Начальникъ римскаго гарнизона въ Тарентѣ, принявъ нумидійцевъ за обыкновенныхъ фуражировъ, выслалъ противъ нихъ для развѣданія небольшую часть войскъ, которыя донесли, что армія Аннибала не перемѣнила своего расположенія. Ночью же Аннибалъ скрытно приблизился къ однимъ изъ воротъ города; заговорщики, вырѣзавъ римскую стражу оныхъ, передали ихъ Аннибалу, который, оставивъ внѣ воротъ 2 т. своей конницы, съ пѣхотой двинулся на рыночную площадь, откуда направилъ 2 т. чел. своей галльской пѣхоты тремя отрядами въ главныя улицы города, съ приказаніемъ убивать всѣхъ встрѣчныхъ римлянъ, но не трогать городскихъ жителей, для чего каждому отряду придалъ по нѣскольку человѣкъ изъ заговорщиковъ. Римскій гарнизонъ и начальникъ его, услыхавъ

шумъ и догадавшись, что непріятель въ городѣ, бросились во внутренній замокъ (или цитадель) и успѣли запереться въ немъ, потерявъ многихъ изъ своихъ убитыми въ темнотѣ ночи.

Это взятіе Тарента Аннибаломъ изложено здѣсь съ нѣкоторыми подробностями, во 1-хъ какъ одинъ изъ множества примѣровъ военныхъ хитростей, употреблявшихся для овладѣнія непріятельскими городами въ древнія времена вообще и Аннибаломъ въ особенности, — и во 2-хъ какъ доказательство хитрости Аннибала и оплошности начальника римскаго гарнизона, при всемъ томъ, что городская, какъ и лагерная служба у римлянъ производилась обыкновенно очень строго (см. ч. II, гл. XX, § 128, стр. 139).

И такъ Аннибалъ завладѣлъ Тарентомъ, но не могъ взять замка (или цитадели) его, а безъ него и портъ его, особенно важный для Аннибала, не былъ въ его власти, слѣдовательно это было для него полу-успѣхъ или даже неудача: пока римляне владѣли замкомъ, всѣ выгоды были на ихъ сторонѣ, а всѣ невыгоды на сторонѣ Аннибала. Первые, имѣя въ замкѣ опорный пунктъ, могли осадить Тарентъ съ сухаго пути и моря, а это могло принудить Аннибала сосредоточить къ Таренту главныя свои силы, покинувъ прочія области южной Италіи, и либо потерять много времени, либо подвергнуться случайностямъ сраженія.

Но римскій сенатъ не уклонился отъ главной, предположенной имъ цѣли—непремѣнно взять Капую и ограничился только усиленіемъ гарнизона тарентскаго замка, что для сената было вполнѣ возможно, такъ какъ и море, и портъ Тарента были для него открыты.

Аннибалъ сначала хотѣлъ-было взять замокъ приступомъ, но обозрѣвъ чрезвычайно сильное мѣстностью и укрѣпленіями положеніе его, ограничился стѣсненіемъ его со стороны города, приказавъ устроить между нимъ и городомъ контръ-валаціонную линію. Отразивъ вылазку римскаго гарнизона, довершивъ укрѣпленную линію и оставивъ для занятія и обороны ея достаточное число войскъ, съ остальными войсками онъ удалился изъ Тарента и расположилъ всю свою армію лагеремъ въ 5-ти миляхъ отъ города. Вскорѣ онъ попытался взять замокъ осадой, но римскій гарнизонъ, усиленный подкрѣпленіями, произвелъ сильную вылазку и сжегъ всѣ его осадныя ма-

шины. Тогда Аннибалъ отказался отъ намѣренія взять замокъ осадой и, обезпечивъ отъ него Тарентъ съ сухаго пути, убѣдилъ тарентинцевъ обложить замокъ и съ моря, и научилъ ихъ, какъ перевезть свою эскадру сухимъ путемъ на повозкахъ и саняхъ черезъ улицы города на рейдъ. Тарентинцы исполнили это съ успѣхомъ и черезъ нѣсколько дней эскадра ихъ стала на якорь противъ замка. Тогда Аннибалъ воротился въ свой прежній лагерь, въ трехъ переходахъ отъ Тарента, и расположился въ немъ съ арміей на зиму.

Между тѣмъ консулы соединили свои арміи и двинулись въ Самній, по видимому для покоренія этой области, но въ дѣйствительности для угроженія Капуѣ. Капуанцы и кампанцы, предвидя опасность, грозившую Капуѣ, и видя постоянное разореніе своего края, звали Аннибала на помощь. Аннибалъ, не желая прерыватъ предпріятія своего противъ Тарента, приказалъ Ганнону съ его арміей идти изъ Бруттія къ Капуѣ, для снабженія оной продовольствіемъ.

Ганнонъ двинулся немедленно и, удачно миновавъ римскія арміи, расположился въ выгодной мѣстности въ 3-хъ миляхъ отъ Беневента, гдѣ приказалъ всѣмъ союзнымъ окрестнымъ жителямъ свозить къ нему въ лагерь запасы хлѣба, а капуанцамъ назначилъ, когда имъ выслать къ нему сколько можно болѣе повозокъ и вьючныхъ животныхъ. Но безпечные капуанцы выслали ихъ только 400. Ганнонъ, упрекнувъ ихъ за то, приказалъ выслать всѣ перевозочныя средства, какія только они могли собрать.

Между тѣмъ жители Беневента уже успѣли дать знать о всемъ консуламъ, которые рѣшили, чтобы Фульвій съ своею арміей немедленно двинулся противъ Ганнона. Прибывъ къ Беневенту и узнавъ, что Ганнонъ съ частью своей арміи отправился на фуражировку, а въ лагерь его прибыло до 2 т. капуанскихъ повозокъ, Фульвій рѣшился немедленно воспользоваться тѣмъ и атаковать лагерь Ганнона. Около 4-й стражи слѣдующей ночи (передъ разсвѣтомъ), оставивъ всѣ свои тяжести въ Беневентѣ, онъ двинулся прямо къ лагерю Ганнона и, не смотря на расположеніе его на неудободоступныхъ высотахъ, атаковалъ его при восхожденіи солнца. Войска съ обѣихъ сторонъ дрались съ ожесточеніемъ, но карѳагеняне отразили первыя атаки римлянъ съ большимъ для послѣднихъ урономъ. Однако это

не ослабило упорства римлянъ и они, съ необыкновеннымъ напряженіемъ силъ, но и съ большимъ урономъ для себя, достигли наконецъ самаго рва лагеря. Фульвій, опасаясь еще бо́льшаго кровопролитія, уже хотѣлъ подать сигналъ къ отступленію; но римскія войска такъ увлеклись пыломъ боя, особенно когда одинъ начальникъ союзной когорты и за нимъ одинъ 1-й центуріонъ (примипилъ) принциповъ бросили въ непріятельскій лагерь свои знамена, что одинъ цѣлый легіонъ взялъ приступомъ часть вала и главныя ворота и вломился въ лагерь. Тогда Фульвій одушевилъ и остальныя войска не покидать легіона, проникшаго въ лагерь—и они также мигомъ взошли въ него черезъ валъ. Затѣмъ бой внутри лагеря превратился уже въ избіеніе кареагенянъ: до 6 т. изъ нихъ были убиты, а 7 т., со всѣми капуанцами и ихъ повозками и вьючными животными, взяты въ плѣнъ. Затѣмъ Фульвій приказалъ разрушить взятый лагерь и воротился въ Беневентъ, гдѣ черезъ два дня къ нему присоединился другой консулъ, Аппій Клавдій. Ганнонъ же съ своими фуражирами спасся въ Бруттій.

Дѣйствія обоихъ консуловъ вообще заслуживаютъ большой похвалы. Движеніе ихъ въ Самній было очень разумною диверсіей, для отвлеченія вниманія Аннибала отъ Кампаніи и приготовленій въ ней къ осадѣ Капуи. Въ то время, когда консулы угрожали сѣверной, а преторъ Кней Фульвій южной Апуліи, въ Кампаніи былъ укрѣпленъ замокъ Вултурнъ, при устьѣ р. Вултурна, и въ немъ и въ Казилинѣ были собраны большіе запасы продовольствія для армій, которыя должны были осаждать Капую. Этого нельзя было бы сдѣлать, еслибы Аннибалъ былъ въ Кампаніи, а потому консулы и старались отвлекать его отъ нея, но не удаляясь сами отъ Беневента, важнаго для нихъ на случай осады Капуи и потому еще, что Аннибалъ могъ бы при Беневентѣ стать между ихъ двумя арміями и арміей Семпронія въ Луканіи и либо разбить послѣдняго, либо принудить его очистить Луканію. Поэтому и рѣшимость ихъ идти противъ Ганнона къ Беневенту, а Фульвія—немедленно атаковать лагерь Ганнона, была совершенно правильная, дѣйствія же Фульвія и особенно его войскъ при атакѣ и взятіи лагеря приносятъ имъ большую честь.

Пораженіе Ганноновой арміи, въ то время, когда Аннибалъ былъ

удержанъ до зимы при Тарентѣ, имѣло весьма важныя и выгодныя для римлянъ послѣдствія. Послѣ этого осада и взятіе Капуи почти не подлежали уже сомнѣнію, а съ паденіемъ Капуи, вся Кампанія уже имѣла быть потерянною для Аннибала. Послѣдній, подступивъ вначалѣ къ Таренту съ непремѣннымъ намѣреніемъ овладѣть имъ, безъ сомнѣнія былъ увѣренъ, что, пока не удалится отъ Тарента, и римскія арміи не перемѣнятъ своего расположенія и что поэтому Ганнону можно будетъ искусно пройти между ними и снабдить Капую продовольствіемъ. И Ганнонъ, дѣйствительно, искусно исполнилъ начало своего порученія и удачно довершилъ бы его, еслибы не непростительныя безпечность и неисполнительность капуанцевъ, которыя были причинами неудачи Ганнона и успѣха римлянъ, въ соединеніи съ отсутствіемъ Ганнона изъ лагеря и рѣшительными: атакой этого лагеря и взятіемъ его приступомъ съ боя римскими войсками. Такимъ образомъ сами обстоятельства сложились столь-же выгодно для римлянъ, сколько невыгодно для Аннибала, не смотря на то, что соображенія и распоряженія его были совершенно правильны и вѣрны.

Между тѣмъ капуанцы, узнавъ о пораженіи Ганноновой арміи при Беневентѣ, снова и усиленно просили Аннибала скорѣе прибыть на помощь имъ. Аннибалъ, хотя и расположился уже на зимнихъ квартирахъ, однако немедленно двинулся въ Кампанію. А пока онъ шелъ туда, легатъ Сервилій, посланный преторомъ Корнеліемъ въ Этрурію для закупки хлѣба, благополучно ввелъ въ замокъ Тарента, съ моря, транспортъ съ продовольствіемъ, не смотря на то, что на рейдѣ была тарентинская эскадра. Но въ Луканіи римляне лишились двухъ городовъ, Метапонта и Ѳурія, изъ которыхъ первый, по удаленіи римскаго гарнизона, передался Аннибалу, а вторымъ овладѣлъ Ганнонъ, при содѣйствіи жителей, разбивъ вышедшій на встрѣчу ему слабый римскій гарнизонъ.

Консулы, послѣ сраженія при Беневентѣ, имѣя уже противъ себя только одну армію Аннибала, силою не свыше 40 т. войскъ, между тѣмъ какъ въ ихъ распоряженіи было до 60 т., положили немедленно воспользоваться тѣмъ для овладѣнія, наконецъ, Капуей. А потому они приказали Семпронію оставить въ сѣверной Луканіи всю свою

тяжелую пѣхоту въ лагерѣ, а самому съ легкою пѣхотой и конницей перейти къ Беневенту. Семпроній уже хотѣлъ двинуться туда, какъ былъ измѣннически убитъ однимъ приверженцемъ Аннибала, обѣщавшимъ Ганнону выдать ему Семпронія. Это была большая потеря для римлянъ, такъ какъ исторія изображаетъ Семпронія справедливымъ, добрымъ, способнымъ, храбрымъ и первымъ, послѣ Марцелла, одержавшимъ успѣхи надъ Аннибаломъ.

Въ это время консулы вступили уже въ капуанскія земли и начали разорятъ ихъ, но, какъ видно, не приняли при этомъ надлежащихъ мѣръ предосторожности и, атакованные капуанцами, поддерживавшими карѳагенскую конницу подъ начальствомъ Магона, потерпѣли пораженіе, съ урономъ 1,500 чел. Они стали осторожнѣе, однако остались передъ Капуей.

Аннибалъ же, пройдя чрезъ Апулію, расположился близъ Беневента, а на третій день, не сомнѣваясь въ побѣдѣ надъ арміей консуловъ, уже потерпѣвшей пораженіе, вызвалъ на бой близъ Капуи консуловъ, которые и приняли его вызовъ. Первое столкновеніе было невыгодно для нихъ; чтобы избавиться отъ многочисленной легкой конницы Аннибала, они приказали своей конницѣ атаковать ее. Но въ это время на флангѣ обѣихъ армій показались войска (то были легіоны Гракха, ведомые квесторомъ Корнеліемъ) — и полководцы, недоумѣвая, что это значило, подали въ одно и то же время, каждый съ свой стороны, сигналы къ отступленію. Затѣмъ консулы, дабы удалить Аннибала отъ Капуи, разлучились: Фульвій пошелъ къ городу Кумы, а Аппій въ Луканію. Аннибалъ пошелъ за Аппіемъ. Но послѣдній, постоянно избѣгая столкновенія съ нимъ, заставилъ его проходить за собою въ ту и другую стороны и, утомивъ его, вдругъ, когда Аннибалъ наконецъ остановился, быстро обратился снова къ Капуѣ.

Обманутый имъ, Аннибалъ скоро нашелъ случай вознаградить себя за безполезныя передвиженія.

Нѣкто Центеній Пенула, совершившій нѣсколько походовъ въ званіи примипила, отличившійся въ сраженіяхъ и, уволенный отъ службы, находившійся въ Римѣ, просилъ сенатъ позволить ему набрать 3 т. волонтеровъ, съ которыми обѣщалъ оказать республикѣ

большія услуги и употребить противъ Аннибала такія же военныя хитрости, которыми онъ столько разъ обманывалъ римскихъ полководцевъ. Сенатъ легковѣрно повѣрилъ этому безразсудному хвастовству и далъ Центенію 8 т. римскихъ и союзныхъ войскъ. Центеній двинулся съ ними въ Луканію, куда прибылъ уже съ увеличившимся вдвое (16 т.) числомъ войскъ, въ то самое время, когда Аннибалъ, слѣдуя за Аппіемъ, остановился. Центеній тотчасъ же предложилъ ему бой, а Аннибалъ принялъ его, не сомнѣваясь въ побѣдѣ надъ такими полководцемъ и арміей. Хотя первая атака Центенія была отражена, но бой продолжался почти два часа и продолжился бы, можетъ быть, и еще долѣе, еслибы Центеній, увлекаемый воспоминаніемъ прежнихъ своихъ подвиговъ и особенно желаніемъ не пережить стыда пораженія, вслѣдствіе собственнаго неблагоразумія, не бросался въ самыя опасныя мѣста боя и не былъ наконецъ убитъ въ рядахъ непріятеля. А тогда небольшая армія его, приведенная въ безпорядокъ и разстройство и охваченная конницей Аннибала, была истреблена, за исключеніемъ около 1 т. чел., успѣвшихъ спастись.

Затѣмъ Аннибалъ вѣроятно двинулся бы опять къ Капуѣ, еслибы ему не представился удобный случай одержать новую побѣду. Посланные жителями Апуліи люди увѣдомили его, что преторъ Фульвій и его войска, обремененныя добычей, уже не наблюдали прежней предосторожности и строгой дисциплины. Аннибалъ немедленно двинулся противъ нихъ къ Гердонеѣ (н. Ordona), которую они осадили, и расположился лагеремъ недалеко отъ ихъ лагеря. Узнавъ о его прибытіи, войска Фульвія едва не вышли изъ своего лагеря для нападенія на Аннибала и были удержаны только обѣщаніемъ боя на слѣдующее утро. Аннибалъ, съ своей стороны, узнавъ о такомъ безпорядкѣ, въ слѣдующую же ночь поставилъ 3,000 чел. легкой пѣхоты въ засаду позади сельскихъ построекъ, загородей и въ кустарникахъ, Магону съ 2,000 нумидійцевъ приказалъ занять во время боя пути, по которымъ римляне могли бы бѣжать въ свой лагерь, а самъ рано утромъ построилъ свою армію впереди своего лагеря. Фульвій также вывелъ свою армію и построилъ ее противъ Аннибаловой, но весьма поспѣшно и съ большимъ безпорядкомъ, вслѣдствіе самоволія войскъ. Желая сравнять длину своего фронта съ длиною

Аннибалова, онъ уменьшилъ глубину его и построилъ 1-й римскій и 2-й союзный легіоны по когортамъ въ одну линію, за ними—остальную пѣхоту тѣмъ же образомъ, всю свою конницу—пополамъ на флангахъ, а легкую пѣхоту разсыпалъ передъ фронтомъ. Аннибалъ же, не смотря на отряженіе войскъ въ засаду и съ Магономъ, бывшій все еще сильнѣе Фульвія, построилъ свою армію по обыкновенію: тяжелую пѣхоту фалангой въ 16 чел. глубины—въ серединѣ, тяжелую конницу — пополамъ на флангахъ, а легкую пѣхоту — передъ фронтомъ. Римляне едва выдержали первый ударъ: Фульвій, невѣжественный и безразсудно-отважный, какъ Центеній, но не такой же храбрый, видя дурной оборотъ боя, бѣжалъ съ 200 чел. конницы, а армія его, атакованная со всѣхъ сторонъ Аннибаломъ и войсками изъ засады и въ тылу, была истреблена, за исключеніемъ не болѣе 2,000 ч., успѣвшихъ спастись.

Этими двумя рѣшительными побѣдами, одною вслѣдъ за другою, Аннибалъ дѣйствительно вознаградилъ съ избыткомъ предшествовавшія неудачи свои. Вѣсть о томъ смутила нѣсколько римскій сенатъ, но была уравновѣшена извѣстіями объ успѣхахъ консуловъ. Имъ было приказано присоединить къ себѣ остатки войскъ Центенія и Фульвія. Но вслѣдъ затѣмъ было получено извѣстіе, что волоны Семпронія, считая себя освобожденными отъ данной ему присяги служить въ войскѣ, самовольно покинули свои знамена и разошлись. Однако всѣ они были перехвачены и снова приведены подъ знамена.

Хорошія же извѣстія отъ консуловъ заключались въ томъ, что по возвращеніи Аппія Клавдія, оба консула тотчасъ стѣснили Капую, опираясь на Казилинъ и Вультурнъ (см. выше), куда свезли моремъ и по р. Вултурну всѣ запасы хлѣба, собранные въ Сардиніи и Этруріи, кромѣ того, что въ Путеоли съ моря и изъ Путеоли въ армію устроенъ былъ постоянный и надежный подвозъ продовольствія. Приказавъ Клавдію Нерону оставить въ лагерѣ при Суессулѣ только необходимое для его охраненія число войскъ, а съ остальными присоединиться къ нимъ, они окружили Капую съ трехъ сторонъ тремя арміями и тотчасъ же начали устроивать контръ- и циркумвалаціонныя линіи, сильно укрѣпленныя. Капуанцы производили частыя вылазки, для замедленія или разрушенія осадныхъ работъ,

но каждый разъ были отражаемы и наконецъ заперлись въ Капуѣ, снова отправивъ къ Аннибалу пословъ съ усиленными просьбами придти на помощь имъ. А римскій сенатъ съ своей стороны приказалъ консуламъ объявить прощеніе капуанцамъ, которые сдадутся добровольно, но никто изъ нихъ не воспользовался тѣмъ.

Дѣйствія консуловъ въ этомъ году были столько же благоразумны, сколько и осторожны. Съ самаго начала года они положили осадить Капую и ничто не могло отклонить ихъ отъ этого, хотя дѣла нѣсколько разъ принимали невыгодный для нихъ оборотъ. Обезпечивъ себя со стороны Аннибала, и занятіемъ лагеря при Суессулѣ, и приказаніемъ Семпронію съ частію его арміи занять Беневентъ, они, располагая силами до 60,000 и даже 65,000 войскъ, могли спокойно осадить Капую или обратиться противъ Аннибала, въ случаѣ движенія его противъ нихъ не болѣе какъ съ 40,000 войскъ. Смерть Семпронія и очищеніе Луканіи его арміей перемѣнили положеніе дѣлъ, но консулы не измѣнили своего намѣренія, а напротивъ совершенно обезпечили себя продовольствованіемъ. Бѣгство волоновъ разстроило одну изъ ихъ трехъ армій, но только на короткое время и лишь принудило отказаться отъ занятія Беневента, а лагерь при Суессулѣ охранять только частію арміи Клавдія Нерона. Но безразсудство и малодушіе претора Фульвія снова измѣнили положеніе дѣлъ, открывъ Апулію, однако и это не отклонило консуловъ отъ твердаго намѣренія осадить Капую.

Что касается Аннибала, то проведя почти весь годъ передъ Тарентомъ и наконецъ овладѣвъ имъ, онъ не извлекъ изъ этого всей выгоды, которой ожидалъ, не овладѣвъ замкомъ города, и хотя двинулся потомъ къ Капуѣ, но былъ искусно отвлеченъ отъ нея Аппіемъ Клавдіемъ, а потомъ, хотя и разбилъ Центенія и Фульвія, но, за исключеніемъ урона, нанесеннаго римлянамъ, и очищенія отъ нихъ Луканіи и Апуліи, никакихъ особенно важныхъ и полезныхъ для себя выгодъ не пріобрѣлъ.

Такимъ образомъ, сопоставляя результаты дѣйствій съ обѣихъ сторонъ въ этомъ году, нельзя не придти къ заключенію, что они были гораздо выгоднѣе для римлянъ, нежели для Аннибала.

Послѣ сраженія при Гердонеѣ, Аннибалъ двинулся къ Таренту

и снова пытался овладѣть замкомъ, но былъ отраженъ и пошелъ къ Брундузію, но не могъ овладѣть и имъ, потому что онъ былъ хорошо укрѣпленъ и охраняемъ, а между жителями его Аннибалъ не имѣлъ приверженцевъ. Здѣсь-то прибыли къ нему послы капуанцевъ, которымъ онъ обѣщалъ въ скоромъ времени заставить римлянъ снять осаду Капуи (разумѣется—въ слѣдующемъ году, потому что въ этомъ было уже слишкомъ поздно).

Въ Сициліи Марцеллъ, какъ сказано выше, оставивъ Аппія Клавдія (въ концѣ 212 года назначеннаго консуломъ) съ частію арміи и флотомъ для обложенія Сиракузъ съ сухаго пути и моря, съ другою частію арміи двинулся внутрь острова, дабы наказать города, передавшіеся карѳагенянамъ. Овладѣвъ Мегарой, Гелоромъ, Эрбессой, Энной и др. городами и укрѣпленнымъ лагеремъ Иппократа у Аквилеи, къ концу 212 года онъ воротился къ Сиракузамъ и хотѣлъ попытаться овладѣть ими посредствомъ тайныхъ сношеній съ нѣкоторыми изъ жителей, приверженцами римлянъ. Но заговоръ былъ открытъ и заговорщики казнены. Вскорѣ одинъ изъ римскихъ воиновъ открылъ въ городской стѣнѣ, близъ трогильской гавани, такое мѣсто, гдѣ можно было взойти на стѣну посредствомъ обыкновенныхъ осадныхъ лѣстницъ. Марцеллъ положилъ воспользоваться этимъ, а случай къ тому не замедлилъ представиться. Переметчики увѣдомили Марцелла, что въ Сиракузахъ вскорѣ будетъ 3-хъ дневный праздникъ въ честь Діаны, въ продолженіе котораго народу обыкновенно раздавалось вино. Марцеллъ приказалъ войскамъ изготовиться къ приступу, избралъ для него самыхъ храбрыхъ и опытныхъ начальниковъ и воиновъ и назначилъ приступъ въ ночь передъ вторымъ днемъ праздника, въ томъ предположеніи, что бо̀льшая часть жителей и войскъ, упившись виномъ, предадутся глубокому сну. Въ назначенные ночь и часъ нѣсколько римскихъ охотниковъ тихо взобрались въ указанномъ мѣстѣ на городскую стѣну, умертвили стражу и, выломивъ городскія ворота, подали условный знакъ. Часть римскихъ войскъ немедленно вошла черезъ эти ворота въ городскую часть Тихе, а другія въ то же самое время двинулись къ Эпиполамъ на горѣ и къ Ахрадинѣ. Сонные и устрашенные жители и войска Сиракузъ въ величайшемъ безпорядкѣ метались то противъ римлянъ,

то внутрь города. На разсвѣтѣ бой въ городѣ и на стѣнахъ его сдѣлался общимъ. Начальствововавшій на островѣ Ортигіи Эпикидъ поспѣшилъ на помощь жителямъ и войскамъ Сиракузъ, но увидавъ, что Эпиполы уже были заняты римлянами, и опасаясь быть отрѣзаннымъ, отступилъ къ Ахрадинѣ. Марцеллъ, желая пощадить эту красивую часть города, предложилъ Эпикиду сдаться; но какъ войска Эпикида состояли большею частію изъ бѣглыхъ римскихъ воиновъ, то они и отказались сдаться. Тогда Марцеллъ вывелъ свои войска изъ Ахрадины къ Эпиполамъ и отрѣзалъ оттуда всѣ пути, ведшіе въ городъ. Вскорѣ сиракузскій военачальникъ Филодемъ предложилъ сдать Марцеллу замокъ (цитадель) Эвріалъ, съ условіемъ свободнаго выхода гарнизона. Но прежде, нежели Марцеллъ успѣлъ занять Эвріалъ, карѳагенская эскадра, стоявшая въ гавани Сиракузъ, воспользовалась ночью и бурей, принудившей римскій флотъ удалиться съ рейда въ море, успѣла уйти въ Карѳагенъ за помощью и дѣйствительно вскорѣ воротилась съ 100 судами и съ войсками на нихъ. Марцеллъ же, взявъ Эвріалъ, обложилъ Ахрадину войсками въ трехъ лагеряхъ, соединенныхъ укрѣпленною линіей. Сиракузцы напали на нихъ съ двухъ сторонъ: Имильконъ съ карѳагенскими войсками, слѣдуя по берегу старой гавани—на лагерь претора Криспина, а Эпикидъ произвелъ вылазку противъ лагеря Марцелла; въ то же время карѳагенскій флотъ, ставъ у самаго берега гавани, препятствовалъ римлянамъ подавать другъ другу помощь. Но оба нападенія были отражены и Имильконъ прогнанъ до городской стѣны. Осенью въ городѣ и лагеряхъ открылась сильная чума, жертвою которой сдѣлались многія тысячи гражданъ и воиновъ, однако военныя дѣйствія не прекращались. Бомилькаръ, вторично ѣздившій въ Карѳагенъ, привелъ оттуда новый флотъ въ 130 военныхъ и 70 перевозныхъ судовъ. Противные вѣтры воспрепятствовали ему обогнуть пахинскій мысъ (н. Пасѣаго). Эпикидъ, опасаясь возвращенія карѳагенянъ въ Африку, передалъ защиту Ахрадины начальникамъ наемныхъ войскъ и отправился въ Гераклею, гдѣ на морѣ стоялъ Бомилькаръ, и убѣдилъ его въ необходимости сраженія. Какъ только насталъ восточный вѣтеръ, карѳагенскій флотъ поплылъ вокругъ мыса, но едва обогнулъ его, какъ встрѣтилъ римскій

флотъ, готовый къ бою — и обратился въ бѣгство къ Таренту, а перевозныя суда въ Африку. Эпикидъ же, потерявъ всякую надежду на спасеніе Сиракузъ, удалился въ Агригентъ. Тогда жители Сиракузъ вступили въ переговоры съ Марцелломъ, который назначилъ довольно легкія и выгодныя условія. Но римскіе бѣглецы, опасаясь выдачи ихъ Марцеллу, и подговоренныя ими наемныя войска взбунтовались, умертвили начальниковъ города и, избравъ изъ своей среды новыхъ, рѣшились защищаться въ Ахрадинѣ и Ортигіи до послѣдней крайности. Между тѣмъ городская депутація, посланная къ Марцеллу для переговоровъ, воротясь, успокоила наемныя войска, начальникъ которыхъ Мерикъ тайно согласился передать Ортигію римлянамъ. По приказанію Марцелла, одна квинкверема ночью пристала къ аретузскимъ воротамъ и находившіяся на ней римскія войска были впущены въ Ортигію. На слѣдующее утро римляне произвели притворное нападеніе на Ахрадину, гарнизоны которой и Ортигіи поспѣшили къ мѣстамъ ложнаго нападенія, а между тѣмъ другія римскія войска подплыли на перевозныхъ судахъ къ Ортигіи и, впущенныя въ нее уже находившимися тамъ войсками, овладѣли ею. Мерикъ съ наемными войсками передался римлянамъ и жители города отворили Марцеллу ворота, прося пощады. Обезпечивъ государственную казну и дома приверженцевъ римлянъ охранными стражами, всѣ остальныя затѣмъ зданія Марцеллъ предалъ на разграбленіе своимъ войскамъ, которыя пріобрѣли при этомъ столь огромную и богатѣйшую добычу, что Титъ Ливій, по его словамъ, не зналъ, могла-ли бы быть пріобрѣтена бо̀льшая въ самомъ Карѳагенѣ. Къ сожалѣнію, при разграбленіи города погибъ и Архимедъ, хотя Марцеллъ строго приказалъ пощадить его жизнь. Взятіе Сиракузъ имѣло слѣдствіемъ постепенное возвращеніе большей части отложившихся городовъ къ покорности, упорствовавшіе были взяты силой, а занятые карѳагенянами, не получая помощи, сдались — и въ 210 году вся Сицилія была вполнѣ и окончательно покорена римлянами и обращена въ римскую провинцію. Поэтому дѣйствія въ Сициліи и особенно осада и взятіе Сиракузъ Марцелломъ въ 212 году были важнѣйшими въ немъ событіями.

Около того же времени Отацилій отплылъ изъ Лилибея съ 80

военными судами къ берегамъ Африки и внезапно захватилъ въ портѣ Утики 130 судовъ, нагруженныхъ хлѣбомъ, которымъ и снабдилъ нуждавшіяся въ немъ Сиракузы и римскія войска Марцелла.

Въ Испаніи въ этомъ году Сципіоны, набравъ 20 т. вспомогательныхъ войскъ у цельтиберянъ (въ сѣверной части нынѣшней Аррагоніи, на правой сторонѣ р. Эбро), положили настойчиво и дѣятельно продолжать войну, дабы воспрепятствовать движенію Аздрубала въ Италію и даже, въ случаѣ возможности, совершенно истребить или вытѣснить карѳагенскую армію. Съ этою цѣлію они раздѣлили (совершенно ошибочно) свои силы: Кнеій съ $^1/_3$ войскъ двинулся противъ Аздрубала, брата Аннибалова, къ Аниторгису (какъ полагаютъ, около н. Алькараса, въ Ла-Манчѣ), а Корнелій съ $^2/_3$ расположился лагеремъ близъ Магона, брата Аннибалова, и другаго Аздрубала, сына Гисконова. Корнелій, узнавъ, что Индибилей, вождь эдетянъ (на правомъ берегу р. Ибера, къ югу отъ цельтиберянъ) съ 8 т. войскъ шелъ на соединеніе съ Магономъ и Аздрубаломъ, сыномъ Гисконовымъ, положилъ разбить Индибилея и двинулся противъ него, оставивъ легата Фонтеія съ небольшимъ числомъ войскъ въ лагерѣ. Но Магонъ и Аздрубалъ узнали о его движеніи, и едва онъ напалъ на Индибилея, какъ самъ былъ атакованъ съ тыла Массиниссой, царемъ массессилійскихъ нумидійцевъ, поддержаннымъ остальною арміей Магона и Аздрубала. Въ происшедшемъ бою, Корнелій Сципіонъ былъ убитъ, а армія его обращена въ бѣгство и спаслась въ свой лагерь, но съ большимъ урономъ. Послѣ этого, Магонъ и Аздрубалъ, сынъ Гисконовъ, присоединились къ Аздрубалу, брату Аннибалову, который склонилъ вспомогательныя войска цельтиберянъ покинуть Кнеія Сципіона и удалиться къ себѣ. Такимъ образомъ, послѣ пораженія арміи Корнелія, обѣ карѳагенскія арміи соединились между двумя раздѣленными римскими арміями. Кнеій Сципіонъ ночью тихо двинулся на соединеніе съ арміей своего брата, не зная еще, что онъ убитъ, а она разбита. Но Массинисса, зорко наблюдавшій и слѣдившій за нимъ, двинулся вслѣдъ за нимъ, настигъ и цѣлый день тревожилъ и задерживалъ его. На ночь же Кнеій расположился на одной высотѣ, но не имѣлъ времени укрѣпиться на ней, а на другой день рано утромъ былъ атакованъ всѣми

соединенными силами кареагенскихъ армій и убитъ въ бою, а армія его разбита на голову и только остатки ея спаслись въ лагерь легата Фонтеія.

Рѣшительное пораженіе армій обоихъ Сципіоновъ грозило имъ совершенною гибелью въ Испаніи, но онѣ были спасены храбростью и искуствомъ одного молодаго римскаго всадника, именемъ Марція. Единогласно провозглашенный главнымъ предводителемъ, онъ перевелъ остатки обѣихъ армій на правую сторону р. Ибера, расположилъ ихъ въ сильно-укрѣпленномъ лагерѣ и снабдилъ продовольствіемъ, собраннымъвъ окрестномъ краѣ. Магонъ и Аздрубалъ, сынъ Гисконовъ, перешли черезъ р. Иберъ и расположились въ отдѣльныхъ лагеряхъ, первый—противъ, а второй—на флангѣ римскаго лагеря. Аздрубалъ пытался взять послѣдній открытою силой, но былъ отраженъ съ урономъ. Марцій, не довольствуясь этимъ, отважился напасть на Магона и Аздрубала, разбилъ ихъ и принудилъ съ большимъ урономъ отступить за р. Иберъ.

Такимъ образомъ счастіе, благопріятствовавшее римскому оружію на всѣхъ театрахъ военныхъ дѣйствій въ этомъ году, было неблагопріятно для него въ одной Испаніи, но Марцій спасъ въ ней остатки армій Сципіоновъ и успѣлъ удержаться въ этой важной для римлянъ странѣ.

§ 182.

8-й походъ 211-го года.

Распредѣленіе римскихъ армій;—сраженіе при Капуѣ;—движеніе Аннибала къ Риму;—взятіе Капуи римлянами;—дѣйствія въ Испаніи и Сициліи.

Въ Римѣ на этотъ годъ были избраны: въ консулы—Кнеій Фульвій Центумалъ и Публій Сулпицій Гальба Максимъ, а въ преторы—Л. Корнелій Лентулъ, М. Корнелій Цетегъ, Кнеій Сулпицій и Калпурній Пизонъ. Арміи (25 легіоновъ—около 125 т. чел. пѣхоты и 22 т. чел. конницы, а всего около 147 т. войскъ) были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: въ Италіи—16 легіоновъ (10 полевыхъ, 5 городскихъ и 2 волоновъ), именно: 6 полевыхъ, подъ на-

чальствомъ проконсуловъ Аппія и Фульвія—при осадѣ Капуи, до взятія этого города; по 2 полевыхъ въ Этруріи и цизальпинской Галліи, подъ начальствомъ пропреторовъ, въ первой—Юнія, а во второй—Семпронія;—2 прежніе городскіе легіона—въ Римѣ, 2 такіе же набраны вновь, а 2 легіона волоновъ переустроивались и вскорѣ присоединились съ консулами къ легіонамъ при осадѣ Капуи;—внѣ Италіи: въ Сициліи—2 легіона проконсула Марцелла и 2 легіона претора Сулпиція, въ Сардиніи—2 легіона претора Корнелія Лентула; въ Испаніи—2 легіона; въ Греціи—1 легіонъ М. Валерія, съ 1 морскимъ легіономъ и 50-ю квинкверемами. Отацилію было сохранено начальствованіе флотомъ и войсками на немъ у береговъ Сициліи и Италіи.

Передвиженія, дѣйствія и событія военныя конца предъидущаго года не позволили сенату въ началѣ этого года противупоставить особенную армію Аннибалу, для удержанія его вдали отъ Капуи, и побудили, дѣятельно осаждая этотъ городъ 70-ю тысячами войскъ, расположенныхъ въ сильно-укрѣпленныхъ осадныхъ линіяхъ, держаться чисто-оборонительной системы. Прежде всего положено было непремѣнно взять Капую, а потомъ уже обратиться противъ Аннибала.

Капуа была чрезвычайно стѣснена римлянами (однако одинъ нумидіецъ успѣлъ пробраться сквозь линіи и привезть Аннибалу письмо отъ капуанцевъ съ просьбой о помощи). Вся надежда капуанцевъ была только на помощь Аннибала. Вылазки ихъ были отражены и хотя конница ихъ была лучше римской, но пѣхота—такъ плоха, что атаковать съ нею линіи римлянъ съ успѣхомъ не было никакой возможности. Превосходство капуанской конницы подало римлянамъ мысль объ усовершенствованіи своей легкой пѣхоты, для поддержанія конницы и содѣйствія ей. Въ легіонахъ были выбраны самые молодые, ловкіе и проворные воины и обучены садиться на лошадей конницы позади всадниковъ, по сигналу соскакивать съ нихъ и дѣйствовать пѣшими вмѣстѣ съ конницей. Ихъ вооружили небольшими круглыми щитами и каждаго 7-ю дротиками. Когда они были достаточно обучены, проконсулы подали поводъ къ конному бою, въ которомъ новая легкая пѣхота вмѣстѣ съ конницей привела капуанскую конницу въ разстройство и безпорядокъ, опрокинула ее

съ большимъ для нея урономъ и прогнала до городскихъ воротъ, такъ что она уже не смѣла болѣе показываться. Этотъ успѣхъ побудилъ сохранить новый усовершенствованный родъ велитовъ и устроить ихъ при легіонахъ по манипуламъ, каждую подъ начальствомъ центуріона.

Между тѣмъ Аннибалъ, побуждаемый просьбами капуанцевъ о помощи и обѣщавшій имъ оную, сначала колебался, идти-ли ему немедленно къ Капуѣ или прежде еще разъ попытаться взять тарентскій замокъ? и та и другой были весьма важны и нужны для него. Но наконецъ онъ рѣшился идти къ Капуѣ и, оставивъ всѣ большія тяжести въ Апуліи, съ отборными, самыми крѣпкими и бодрыми людьми пѣхоты и конницы (всего отъ 30 до 32 т. войскъ) и съ 33-ю слонами быстро двинулся въ Кампанію. Взявъ на пути замокъ Калацію (н. Cajazza) и ея гарнизонъ, онъ расположился лагеремъ въ одной лощинѣ позади горы Тифаты, близъ Капуи, и далъ знать капуанцамъ, чтобы въ назначенные день и часъ они сдѣлали сильную вылазку, одновременно съ его атакой. Въ назначенное время онъ спустился съ горы Тифаты и двинулся противъ римскихъ линій, а капуанцы вышли изъ вултурнскихъ воротъ со всѣми своими и карѳагенскими войсками Ганнона и Бостара. Это произвело сначала нѣкоторое смятеніе между римлянами, но вскорѣ Фульвій съ своими и Клавдіевыми легіонами (всего около 42,800 чел.) противусталъ Аннибалу, а Аппій съ своими (около 23,360 чел.) — капуанцамъ; тріаріи, экстраординарная пѣхота и велиты были оставлены въ лагеряхъ и линіяхъ; Клавдій Неронъ, стоявшій лагеремъ со стороны Суессулы, оставилъ при себѣ конницу 6-го легіона (320 чел.), а легатъ К. Фульвій, братъ консула, былъ поставленъ къ сторонѣ Вултурна, съ союзною конницей легіоновъ консула и Клавдія Нерона (2400 чел.), для наблюденія и прикрытія сообщеній съ Казилиномъ. Шумная атака капуанцевъ была легко и скоро отражена, но для Фульвія дѣло было труднѣе. Онъ вышелъ изъ укрѣпленной линіи съ тяжелою пѣхотой 8-ми римскихъ и союзныхъ легіоновъ (около 25 т. войскъ) и построилъ ее недалеко впереди своего лагеря, въ исходящемъ углу циркумвалаціонной линіи, двумя полными линіями, гастатовъ въ 1-й, а принциповъ во 2-й, съ 960 чел. конницы по флан-

гамъ по-поламъ, оставивъ тріаріевъ въ лагерѣ для охраненія его. Аннибалъ съ своей стороны построилъ всю свою тяжелую пѣхоту (около 20 т. чел.) въ одну линію, слоновъ, какъ кажется, за нею, а тяжелую конницу (около 4 т. чел.) съ нумидійцами поодаль на флангахъ. Всего войскъ у него было отъ 30 до 32 т. чел. Первый ударъ онъ произвелъ съ одною своею пѣхотой и чрезвычайно сильный, такъ что одно отдѣленіе испанской пѣхоты, съ 3-мя слѣдовавшими за нимъ слонами, опрокинуло находившихся противъ него гастатовъ 1-й линіи и принциповъ 2-й. Но опрокинутыя манипулы снова построились частію передъ испанцами, частію на ихъ флангахъ. Фульвій, видя это, приказалъ атаковать пробившихся испанцевъ со всѣхъ сторонъ. Не смотря на то, испанцы проникли до самаго римскаго лагеря, гдѣ слоны были убиты и свалились въ ровъ. Еслибы у Аннибала была 2-я линія, то римскій лагерь могъ бы быть взятъ или, по крайней мѣрѣ, бывшія внѣ его римскія войска могли бы очень пострадать прежде, нежели достигли бы боковыхъ воротъ. Но какъ у Аннибала была только одна линія, а опрокинутыя манипулы заняли, кажется, промежутокъ, образовавшійся въ центрѣ римской линіи, легаты же Порцій Лициній и Попилій съ тріаріями, охранявшіе лагерь, отразили всѣ усилія испанцевъ взобраться на валъ, то наконецъ послѣдніе, атакованные со всѣхъ сторонъ, были истреблены. А Аннибалъ, не видя особеннаго успѣха атаки ни ихъ, ни остальныхъ частей своей линіи, отступилъ въ совершенномъ порядкѣ. Пѣхота его, миновавъ фланговыя части конницы, перестроилась въ колонны, а вся конница стала въ хвостѣ ея и прикрыла ея отступленіе. Фульвій не преслѣдовалъ Аннибала и также отступилъ въ свой лагерь. Между тѣмъ Аппій отразилъ капуанцевъ и опрокинулъ ихъ съ большимъ для нихъ урономъ въ Капую, но при этомъ былъ тяжело раненъ дротикомъ въ грудь.

Положеніе Аннибала было невыгодно для него. Благоразумная осторожность консуловъ, которые не вывели изъ осадныхъ линій всѣхъ своихъ войскъ для вступленія въ общее сраженіе въ полѣ, сильный отпоръ, данный ими и Аннибалу, и капуанцамъ, и неудача перваго и послѣднихъ въ атакѣ—все это убѣдило Аннибала, что онъ силой оружія не принудитъ консуловъ снять осаду Капуи. Оста-

ваться близъ этого города, въ истощенномъ римлянами и войною краю, было невозможно, а отступить отъ Капуи безъ всякаго успѣха и пользы онъ, безъ сомнѣнія, считалъ недостойнымъ и постыднымъ для себя. Въ такомъ положеніи онъ задумалъ исполнить то, чего не исполнилъ тотчасъ послѣ сраженія при Каннахъ, а именно—двинуться къ Риму, но не для того, чтобы овладѣть имъ, а для того, чтобы принудить тѣмъ одного изъ консуловъ съ половиною осадной арміи поспѣшить на помощь Риму, и, отвлекши его отъ Капуи, быстро воротиться къ этому городу и принудить другаго консула снять осаду его, а можетъ быть и разбить каждаго порознь. Но чтобы не встревожить капуанцевъ своимъ удаленіемъ и не побудить ихъ тѣмъ къ сдачѣ, онъ успѣлъ тайно дать имъ знать о своихъ намѣреніяхъ и, приказавъ собрать всѣ имѣвшіяся на р. Вултурнѣ, ниже Калатіи, суда, а арміи своей взять на 10 дней продовольствія, ночью подступилъ съ нею къ берегу рѣки, до восхода солнца переправилъ ее черезъ Вултурнъ и двинулся по направленію къ Риму.

Фульвій немедленно увѣдомилъ о томъ сенатъ и это произвело въ Римѣ сильнѣйшую тревогу. Нѣкто предложилъ немедленно призвать къ Риму всѣ арміи, но бывшій диктаторъ Фабій, угадавшій хитрость Аннибала, объяснилъ это, прибавивъ, что не было надобности никакихъ войскъ призывать къ Риму, для защиты котораго достаточно было находившихся въ немъ четырехъ вновь набранныхъ и устроиваемыхъ легіоновъ (около 24-25 т. войскъ). Тогда Валерій Флаккъ предложилъ среднее средство—дать знать консуламъ, сколько было войскъ въ Римѣ, и предоставить имъ самимъ рѣшить, могъ-ли и долженъ-ли былъ одинъ изъ нихъ прибыть къ Риму. Это предложеніе и было принято. Фульвій нашелъ возможнымъ отдѣлить отъ осадной арміи 16 т. отборныхъ войскъ (15 т. чел. пѣхоты и 1 т. чел. конницы), съ которыми и двинулся къ Риму, оставивъ раненаго Аппія съ остальною арміей продолжать осаду Капуи. Узнавъ, что Аннибалъ шелъ по латинской дорогѣ (via Latina), онъ двинулся по аппіевой (via Appiana), приказавъ всѣмъ жителямъ на ней приготовить для его войскъ продовольствіе.

Между тѣмъ Аннибалъ шелъ довольно медленно, именно съ цѣлію заставить консуловъ отдѣлить отъ осадной арміи бо́льшую часть

силъ ея. Послѣ перехода черезъ Вултурнъ, онъ небольшими переходами пошелъ черезъ Калесъ (н. Calvi), Алифу, Казинъ (н. San-Germano), Аквинъ и Интерамнію (н. Fsola) къ р. Лирису (н. Garigliano), мостъ на которой уничтожили жители Фрегеллъ, давъ знать въ Римъ о прибытіи Аннибала. Это возбудило въ Римѣ еще бо̀льшіе ужасъ и тревогу. Но сенатъ не потерялъ бодрости и твердости, приказалъ занять войсками Капитолій, городскія стѣны, выгодные пункты за городомъ, даже гору албанскую (Albanus mons) и вскорѣ узналъ о приближеніи Фульвія.

Аннибалъ перешелъ однако черезъ р. Лирисъ и, продолжая идти черезъ Лабикъ (н. Colonna) и Тускулъ (н. Frascati), повернулъ на право къ Габіи и наконецъ расположился лагеремъ на пупинійскихъ поляхъ, близъ лѣваго берега р. Аніо (н. Teverone), въ 8-ми римскихъ миляхъ или 64-хъ римскихъ стадіяхъ (болѣе 8-ми верстъ) отъ Рима. Слѣдовавшіе впереди его нумидійцы стали разорять окрестности.

Въ самый день прибытія его, консулы собирали и устроивали въ Римѣ легіоны, а Фульвій, вступивъ въ Римъ черезъ капенскія ворота, прошелъ черезъ весь городъ и расположился лагеремъ внѣ его, между эсквилинскими и коллинскими воротами, въ томъ направленіи, гдѣ стоялъ Аннибалъ. Сенатъ и консулы отправились въ лагерь Фульвія и на общемъ совѣтѣ положили: претору Пизону ввѣрить охраненіе Капитолія, а консуламъ съ ихъ арміей присоединиться къ Фульвію, что̀ должно было составить до 40 т. войскъ (слѣдовательно болѣе, нежели сколько было у Аннибала, именно отъ 25 до 30 т. войскъ).

На другой день Аннибалъ приблизился къ Риму еще болѣе и сталъ лагеремъ въ 5-ти миляхъ отъ него (болѣе 5-ти верстъ), на тибуртинской дорогѣ (via Tiburtina), на лѣвомъ берегу р. Аніо. Съ 2 т. чел. конницы онъ двинулся впередъ до храма Геркулеса у коллинскихъ воротъ, для развѣданія мѣстности. Фульвій приказалъ своей конницѣ атаковать Аннибалову, консулы же велѣли 1200 нумидійскимъ переметчикамъ пройти черезъ городъ и эсквилинскія ворота и также атаковать. Движеніе нумидійцевъ черезъ городъ произвело въ немъ такую тревогу, что сенатъ, для успокоенія жителей, прика-

залъ всѣмъ бывшимъ диктаторамъ, консуламъ и цензорамъ вступить въ права прежней власти своей, доколѣ непріятель не удалится.

Аннибалъ, окончивъ свое обозрѣніе, воротился въ свой лагерь и узналъ, что Фульвій прибылъ только съ 16 т. войскъ, а при осадѣ Капуи все еще оставалось болѣе 50 т., слѣдовательно слишкомъ много для того, чтобы онъ могъ взять осадныя линіи силой. Притомъ Фульвій и консулы съ своими 40 т. войскъ подступили на 1 милю (болѣе 1 версты) къ его лагерю, расположились противъ него лагеремъ и даже построились передъ нимъ къ бою. Вступить въ бой съ ними было невыгодно, а идти назадъ къ Капуѣ еще невыгоднѣе, потому что тогда онъ могъ очутиться между двумя римскими арміями, изъ которыхъ каждая была почти вдвое сильнѣе его собственной. Ему оставалось только уклониться отъ обѣихъ въ сторону, предоставивъ Капую своей участи, какъ ни жаль ему было этого города и какъ ни было бы невыгодно для него паденіе этого города. Но нечего было дѣлать и онъ большимъ обходомъ черезъ Самній, даунійскую или сѣверную Апулію и Луканію двинулся въ южный Бруттій, гдѣ пытался, но неудачно, внезапно овладѣть Регіемъ (н. Reggio). Консулы послѣдовали за нимъ и, при переходѣ его черезъ р. Аніо, нанесли ему небольшое частное пораженіе, но и сами претерпѣли потомъ такое же и пошли далѣе въ Апулію; Фульвій же воротился къ Капуѣ.

Диверсія Аннибала отъ Капуи къ Риму составляетъ, по соображенію, одно изъ лучшихъ стратегическихъ дѣйствій его и не удалась только потому, что какъ нарочно всѣ обстоятельства сложились противъ ея успѣха въ исполненіи. Благоразумныя же и осторожныя твердость и рѣшимость Фульвія заслуживаютъ полныхъ одобренія и похвалы.

Капуанцы, увидѣвъ возвращеніе Фульвія, но не видя Аннибала, предались отчаянію, тѣмъ болѣе еще, когда проконсулы вторично объявили имъ всепрощеніе до истеченія опредѣленнаго срока. Они не рѣшались довѣриться этому, а когда посланные Ганнономъ и Бостаромъ нѣсколько нумидійцевъ, съ письмами къ Аннибалу, были перехвачены римлянами и отосланы назадъ съ отрубленными кистями рукъ, сенатъ капуанскій собрался для совѣщанія о сдачѣ. 28 сенаторовъ, зачинщики возстанія, чтобы не попасть въ руки римлянъ,

отравили себя, а остальные сдались на произволъ побѣдителей. На другой день Фульвій ввелъ въ Капую 1 римскій и 2 союзныхъ легіона, обезоружилъ жителей, объявилъ кареагенянъ въ Капуѣ военноплѣнными, взялъ сенаторовъ подъ стражу, приказалъ квесторамъ принять въ завѣдываніе всѣ денежныя средства города (70 фунтовъ золота и 3,200 серебра). 53 сенатора, участвовавшіе въ возстаніи, были заточены въ темницы и тамъ обезглавлены. Около 300 капуанскихъ аристократовъ были также заключены въ темницы, еще большее число переселены и отданы подъ надзоръ. А сенатъ римскій приказалъ всѣхъ остальныхъ гражданъ Капуи продать въ рабство, и въ городѣ были оставлены только земледѣльцы, вольноотпущенники и художники, для управленія которыми изъ Рима былъ присланъ префектъ. Зданія же и земли города были конфискованы въ пользу римскаго народа.

Такъ взята и жестоко наказана была римлянами Капуа, первая подавшая знакъ къ отложенію союзниковъ Рима въ Италіи. Паденіе ея сохранило Кампанію во власти римлянъ—и навсегда лишило Аннибала доступа въ нее.

Въ Испанію римскій сенатъ послалъ Клавдія Нерона съ 12 т. чел. пѣхоты (римской и союзной по-поламъ) и 1100 чел. конницы (300 римской и 800 союзной) и съ порученіемъ ему начальствованія въ этой странѣ. Клавдій Неронъ, высадившись въ Тарраконѣ и собравъ армію, немедленно двинулся противъ Аздрубала, брата Аннибалова, расположеннаго лагеремъ между Илитургисомъ (н. Andujar) и Ментезой (н. San-Tome близъ Casorla) въ горахъ. Клавдій Неронъ такъ окружилъ и стѣснилъ Аздрубала, что послѣдній вступилъ въ переговоры о сдачѣ, но только для выигранія времени, и успѣлъ вывести свою армію изъ горъ скрытными и трудными тропинками. Римскій сенатъ, крайне недовольный Клавдіемъ Нерономъ, хотѣлъ, но не зналъ кѣмъ замѣнить его. Тогда 24-хъ-лѣтній Публій Сципіонъ вызвался на это и, единогласно избранный народомъ, былъ посланъ въ Испанію. Ему придали въ помощники и совѣтники пропретора Силана и дали еще 10 т. чел. пѣхоты и 1 т. чел. конницы. Высадившись въ Испаніи, Сципіонъ, по позднему уже времени года, расположилъ римскую армію на зимнихъ квартирахъ. Аздрубалъ, братъ Аннибаловъ,

уже былъ расположенъ на нихъ въ окрестностяхъ н. Валенсіи, Магонъ—около Сіерры Морены, а другой Аздрубалъ—въ Гадесѣ (н. Cadix).

Въ Сициліи, по отбытіи Марцелла въ Римъ, мѣсто его заступилъ преторъ Корнелій Цетегъ. 8 т. чел. карѳагенской пѣхоты и 3 т. нумидійцевъ высадились около пахинскаго мыса и заняли нѣсколько сосѣднихъ городовъ, но Цетегъ атаковалъ и вытѣснилъ ихъ, а города взялъ обратно. Около того же времени одна карѳагенская эскадра обложила тарентскій замокъ, но по недостатку продовольствія была принуждена удалиться.

По взятіи Капуи римляне уже гораздо менѣе прежняго опасались Аннибала и потому сенатъ, изъ двухъ консуловъ, Сулпиція послалъ въ Грецію на мѣсто Валерія Левина, а Кнеія Фульвія лично отозвалъ въ Римъ, для производства выборовъ.

И такъ походъ этого года былъ уже вполнѣ выгоденъ для римлянъ и неблагопріятенъ Аннибалу.

§ 183.

9-й походъ 210-го года.

Распредѣленіе римскихъ армій;—измѣненіе образа дѣйствій Аннибала;—2-е сраженіе при Гердонеѣ;—сраженіе при Нумистрѣ;—взятіе Новаго Карѳагена Сципіономъ.

Въ Римѣ на этотъ годъ были выбраны: въ консулы—Маркъ Валерій Левинъ, бывшій дотолѣ въ Греціи, и Маркъ Клавдій Марцеллъ, покоритель Сиракузъ, а въ преторы—П. Манлій Вульзо, Л. Манлій Ацидинъ, Лэторій и Цинцій Алиментъ. Сенатъ положилъ уменьшить число дѣйствующихъ войскъ въ Италіи: 4 легіона были признаны достаточными для дѣйствій противъ Аннибала, а 2 легіона въ Капуѣ—для охраненія Кампаніи и угроженія Луканіи. Осада Тарента была еще отложена., потому что прежде необходимо было довершить покореніе Сициліи, въ которой карѳагеняне еще занимали Агригентъ и которую разорялъ нумидійскій полководецъ Мутинъ. Цизальпинская Галлія находилась еще въ возстаніи, Этрурія колебалась, особенно жители Арреція склонялись къ возстанію. Поэтому положено

было: 1) противъ Аннибала вести только малую войну постовъ, постепенно отнимая у него города, державшіеся его стороны; — 2) замокъ Тарента предоставить его собственнымъ силамъ и оборонѣ; — 3) распустить нѣсколько римскихъ и союзныхъ легіоновъ, а изъ двухъ распущенныхъ римскихъ образовать одинъ въ 5 т. чел. пѣхоты и 300 чел. конницы, уволивъ преимущественно воиновъ, получавшихъ высшіе оклады жалованья, и то же самое исполнить въ отношеніи союзныхъ легіоновъ; — 4) консуламъ назначить 4 легіона, бывшіе въ цизальпинской Галліи и въ Этруріи; одному изъ консуловъ дѣйствовать противъ Аннибала, а другому, съ 2-мя своими и 2-мя (каннскими) претора Цинція легіонами и съ флотомъ — въ Сициліи, претору Лэторію съ 2-мя легіонами — въ цизальпинской Галліи, пропретору Пизону съ 2-мя городскими легіонами — въ Этруріи, проконсулу Квинту Фульвію съ 2-мя легіонами оставаться въ Капуѣ, проконсулу Кнеію Фульвію съ 2-мя легіонами въ Апуліи, претору П. Манлію Вульзо съ 2-мя легіонами въ Сардиніи, и Сципіону съ 4-мя легіонами — въ Испаніи; — 5) П. Сулпицію сохранить начальствованіе флотомъ съ легіономъ новаго набора; — наконецъ 6) консуламъ набрать 2 новые городскіе легіона. Такимъ образомъ Римъ имѣлъ въ этомъ году 23 легіона (около 115 т. чел. пѣхоты и 20 т. чел. конницы, всего около 135 т. войскъ). Италія досталась консулу Марцеллу, а Сицилія Левину.

По недостатку денегъ въ государственной казнѣ, сенаторы первые, за ними сословіе всадниковъ и наконецъ народъ добровольно пожертвовали имѣвшіеся у нихъ драгоцѣнные металлы въ слиткахъ и монетахъ.

Аннибалъ, съ своей стороны, вслѣдствіе взятія Капуи римлянами и измѣненія тѣмъ положенія дѣлъ на театрѣ войны въ южной Италіи, былъ принужденъ также измѣнить свой образъ дѣйствій. Такъ какъ основаніемъ дѣйствій римлянъ сдѣлалась уже Кампанія, изъ которой они могли въ одно и то же время угрожать Апуліи, Луканіи и Бруттію, и отнимать у Аннибала имѣвшіеся у него въ нихъ города, то Аннибалъ увидѣлъ необходимость покинуть многіе, занятые его войсками, пункты въ этихъ трехъ областяхъ, слишкомъ разсѣянные для того, чтобы съ успѣхомъ охранять ихъ, — болѣе сосредоточить

свою армію, для того, чтобы препятствовать соединенію противъ него римскихъ армій, и для того обращаться изъ Бруттія, по обстоятельствамъ, то въ Луканію, то въ Апулію. Къ такого рода перемѣнѣ въ образѣ дѣйствій Аннибала побуждало, кромѣ того, то обстоятельство, что безполезность движенія его къ Риму и взятіе Капуи римлянами нѣсколько устрашили и охладили къ нему союзниковъ его въ Италіи вообще и въ южной особенно, почему онъ опасался, чтобы разсѣянные и слабые гарнизоны его, въ случаѣ возстаній, не подверглись пораженію и тѣмъ не ослабили еще болѣе и безъ того не очень сильной арміи его. Вслѣдствіе того, онъ очистилъ многіе, менѣе важные города, но, дабы не оставлять ихъ римлянамъ, разрушилъ ихъ. Но это еще болѣе возбудило неудовольствіе союзниковъ его и повредило ему, а римлянамъ, напротивъ, послужило въ пользу. Первый городъ, передавшійся вслѣдствіе того римлянамъ, была Салапія въ средней, приморской Апуліи, при чемъ 500 нумидійцевъ, занимавшихъ ее, послѣ упорнаго сопротивленія были истреблены, за исключеніемъ 50 чел., взятыхъ въ плѣнъ.

И такъ положеніе римлянъ въ южной Италіи становилось все болѣе и болѣе грознымъ и наступательнымъ, а Аннибала труднымъ, опаснымъ и оборонительнымъ.

Между тѣмъ римскій гарнизонъ въ тарентсконъ замкѣ уже начиналъ сильно нуждаться въ продовольствіи и единственная надежда получить его была—моремъ на флотѣ изъ Сициліи. Префектъ Регія собралъ 20 большихъ и малыхъ военныхъ судовъ, съ которыми и отправился къ тарентскому замку, прикрывая транспортъ съ продовольствіемъ. Но въ 15-ти миляхъ отъ Тарента, римская эскадра была атакована тарентійскою и частію потоплена, частію отброшена на берегъ, перевозныя же суда спаслись бѣгствомъ. За то на сухомъ пути 2 т. чел. римскаго гарнизона разбили 4 т. тарентійскихъ фуражировъ и частію истребили, частію разсѣяли ихъ. Такимъ образомъ и римскій гарнизонъ, и жители Тарента, одинаково нуждавшіеся въ продовольствіи, были лишены полученія его.

Марцеллъ, вскорѣ послѣ взятія Салапіи, взялъ еще 2 города въ Самніѣ и въ нихъ около 3 т. Аннибаловыхъ войскъ въ плѣнъ и большіе запасы пшеницы и ячменя. Проконсулъ же Кней Фульвій распо-

ложился лагеремъ противъ Гердонеи, близъ Салапіи, въ Апуліи, намѣреваясь осадить и взять этотъ городъ, возставшій послѣ сраженія при Каннахъ, но не сильный ни мѣстностью, ни гарнизономъ, и съ нѣкоторыми изъ жителей котораго Фульвій находился въ тайныхъ сношеніяхъ. Аннибалъ, узнавъ объ этомъ отъ своихъ лазутчиковъ, оставилъ свои тяжести въ Бруттіѣ, въ надежномъ мѣстѣ, а самъ съ арміею, силой около 25 т. или 30 т. чел. тяжелой пѣхоты и около 6 т. чел. конницы, двинулся на-легкѣ усиленными переходами къ Гердонеѣ и сталъ въ боевомъ порядкѣ недалеко отъ лагеря Фульвія. Послѣдній, хотя былъ слабѣе Аннибала (20 т. чел. пѣхоты и 1840 чел. конницы), однако не уклонился отъ боя съ нимъ, вышелъ изъ своего лагеря и построилъ свою тяжелую пѣхоту по когортамъ въ 2 линіи, по одному римскому и одному союзному легіону въ каждой, велитовъ впереди, а конницу поровну по флангамъ. Аннибалъ, съ своей стороны, построилъ свою тяжелую пѣхоту (числомъ превосходившую римскую) также въ 2 линіи, съ легкой пѣхотой впереди, конницу же по флангамъ, тяжелую—въ двѣ, а легкую за нею—въ одну линію. Бой начался съ обѣихъ сторонъ сильнымъ дѣйствіемъ легкой и тяжелой пѣхоты, конница же съ обѣихъ сторонъ оставалась въ наблюденіи. Когда Аннибалъ увидалъ, что все вниманіе римлянъ сосредоточилось на боѣ пѣхоты, то приказалъ своей конницѣ 2-й и 3-й линій быстро выдвинуться на право и на лѣво и, охвативъ фланги римской арміи, атаковать ее съ тыла. Лѣвая фланговая конница атаковала экстраординарныя когорты въ римскомъ лагерѣ, правая, нумидійцы—2-ю римскую линію съ тыла, а Аннибалъ между тѣмъ сдвинулъ обѣ линіи своей тяжелой пѣхоты и усилилъ атаку 1-й римской линіи. Послѣдняя сражалась однако въ порядкѣ и упорно, но одинъ изъ легіоновъ 2-й линіи былъ приведенъ атакой нумидійцевъ въ разстройство и опрокинутъ на 1-ю линію, которую также привелъ въ разстройство. Тогда римская армія, атакованная съ фронта и тыла, подверглась совершенному пораженію: Кнеій Фульвій, 11 военныхъ трибуновъ и бо́льшая часть войскъ арміи были убиты, остальная же часть почти вся взята въ плѣнъ или истреблена въ бѣгствѣ, и только около 3 т. чел. присоединились къ Марцеллу въ Самніѣ. Аннибалъ, не довѣряя жителямъ Гер-

донеи, переселилъ ихъ въ Метапонтъ и Өурій въ Бруттіѣ, казнилъ бывшихъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Фульвіемъ, а городъ сжегъ и, воротясь въ Бруттій, расположился лагеремъ на высотахъ къ в. отъ гор. Нумистра (н. Nicastro), державшаго еще сторону римлянъ: вѣроятно онъ имѣлъ цѣлію взять его. Марцеллъ, желая вознаградить потерю 2-го сраженія при Гердонеѣ, двинулся изъ Самнія чрезъ Луканію къ Нумистру, расположился лагеремъ на равнинѣ, противъ лагеря Аннибала, и на другой же день вышелъ изъ своего лагеря и построился передъ нимъ къ бою, лѣвымъ флангомъ къ городу, тяжелая пѣхота—по когортамъ въ 2 линіи, по 2 легіона въ каждой, легкая пѣхота впереди, а конница по флангамъ. Аннибалъ также вышелъ изъ своего лагеря и построился къ бою на высотахъ, правымъ флангомъ къ городу, поставивъ тяжелую пѣхоту—въ 2 линіи, испанцевъ—въ 1-й, а африканцевъ и галловъ—во 2-й, балеарскихъ стрѣлковъ и пращниковъ и легкую пѣхоту—впереди, конницу—по флангамъ, а слоновъ—позади 1-й линіи. Когда легкія войска съ обѣихъ сторонъ завязали бой, слоны были двинуты впередъ, но, какъ кажется, отведены назадъ безъ успѣха. Обѣ первыя линіи сражались съ равнымъ успѣхомъ до вечера, когда были смѣнены вторыми линіями, между которыми произошелъ новый, упорный бой, продолжавшійся до ночи, прекратившей его безъ рѣшительнаго успѣха ни съ той, ни съ другой стороны. На слѣдующее утро Марцеллъ снова вышелъ изъ лагеря и построился къ бою, но видя, что Аннибалъ не выходитъ изъ своего лагеря, подобралъ своихъ раненыхъ и похоронилъ убитыхъ. Въ слѣдующую ночь Аннибалъ тихо и скрытно вышелъ изъ своего лагеря и двинулся въ Апулію, дабы не ослаблять своей арміи сраженіями безъ результатовъ, сблизиться съ Тарентомъ и удержать на своей сторонѣ союзниковъ своихъ въ Апуліи. Непонятнымъ кажется только то, почему онъ при Нумистрѣ употребилъ только одну фронтальную усиленную атаку, безъ обычныхъ своихъ и только-что передъ этимъ употребленныхъ при Гердонеѣ, одновременныхъ атакъ съ обоихъ фланговъ и тыла, которыя могли бы доставить ему рѣшительные результаты.

Марцеллъ на другой день, увидавъ удаленіе Аннибала, оставилъ въ Нумистрѣ своихъ раненыхъ и слабый гарнизонъ, и усиленными

переходами послѣдовалъ за Аннибаломъ, котораго и настигнулъ при Венузіи. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней онъ постоянно располагался лагеремъ противъ Аннибала и безпрестанно тревожилъ его частными нападеніями пѣхоты и конницы, при чемъ успѣхъ былъ почти всегда на сторонѣ римлянъ. Такого рода образъ дѣйствій утомлялъ и ослаблялъ армію Аннибала и потому не нравился ему, и онъ началъ передвигаться въ разныхъ направленіяхъ по Апуліи, большею частію по ночамъ, употребляя всевозможныя хитрости, чтобы вовлечь Марцелла въ невыгодный для него бой. Но Марцеллъ, столько же благоразумный и осторожный, сколько искусный и рѣшительный, продолжалъ дѣйствовать по-прежнему, неотступно слѣдуя за Аннибаломъ, тревожа его частными дѣйствіями малой войны, но остерегаясь его военныхъ хитростей, выступая въ походъ только днемъ и тщательно развѣдывая мѣстность.

Въ концѣ лѣта римскій сенатъ закупилъ въ Этруріи хлѣбъ и доставилъ его, съ подкрѣпленіемъ въ 1 т. чел. римскихъ и союзныхъ войскъ, въ тарентскій замокъ. Въ тоже время въ Римъ прибыли послы нумидійскаго царя Сифакса, для утвержденія договора, заключеннаго имъ съ Сципіонами. Три сенатора были отправлены съ этими послами въ Африку, для заключенія союзовъ съ другими, меньшими владѣтелями, а особое посольство, съ тою же цѣлію, къ египетскому царю Птолемею IV Филопатору. Отнявъ у Карѳагена Сицилію, готовясь отнять у него и Испанію, но имѣя еще Аннибала въ южной Италіи, римскій сенатъ старался возбудить противъ него въ Африкѣ и внѣ оной какъ можно болѣе враговъ.

Въ Сициліи консулъ Левинъ подступилъ съ своими легіонами къ Агригенту (въ которомъ находился Ганнонъ съ сильнымъ карѳагенскимъ гарнизономъ) и успѣлъ привлечь на свою сторону Мутила, недовольнаго Ганнономъ. Мутилъ предалъ Агригентъ Левину, и карѳагенскій гарнизонъ былъ истребленъ, за исключеніемъ немногихъ спасшихся съ Ганнономъ; зачинщики же возстанія были казнены. Затѣмъ всѣ остальные непокорные города Сициліи были взяты или сами покорились и вся Сицилія совершенно усмирена и покорена римлянами. Левинъ, отозванный затѣмъ сенатомъ въ Римъ по случаю выборовъ, передалъ управленіе Сициліей претору Цинцію, а

Валерія Мессала съ частію флота послалъ въ Африку для разоренія ея и развѣдыванія о дѣйствіяхъ карѳагенянъ. Мессала вскорѣ увѣдомилъ сенатъ, что Массинисса находился съ 5 т. нумидійцевъ въ Карѳагенѣ, гдѣ собирали и приготовляли сильную армію въ подкрѣпленіе Аздрубаловой въ Испаніи, для движенія оттуда въ Италію, и что въ то же время карѳагеняне приготовляли многочисленный флотъ для высадки въ Сицилію. Вслѣдствіе того Левинъ воротился въ Сицилію, а Марцеллъ, по приказанію сената, избралъ въ диктаторы Квинта Фульвія, находившагося въ Капуѣ, а онъ избралъ въ магистры конницы Лицинія Красса.

Въ Испаніи Сципіонъ, тайно сдѣлавъ зимою всѣ нужныя приготовленія для осады Новаго Карѳагена, весною открылъ походъ этою осадой, которую производилъ такъ дѣятельно и искусно, что взялъ Новый Карѳагенъ еще прежде, нежели карѳагенскіе полководцы въ Испаніи могли прибыть на помощь ему. Взятіе этого города — главнаго складочнаго и опорнаго пункта карѳагенянъ въ Испаніи, нанесло сильный ударъ господству ихъ въ ней и приготовило послѣдующія неудачи ихъ въ этой странѣ.

§ 184.

10-й походъ 209-го года.

Распредѣленіе римскихъ армій;—сраженія при Аскулѣ;—взятіе Тарента римлянами;—дѣйствія въ Испаніи.

Въ Римѣ на этотъ годъ были выбраны: въ консулы—Фабій, бывшій диктаторъ и консулъ, и Квинтъ Фульвій, а въ преторы—Ветурій Филонъ, Квинкцій Криспинъ, Гостилій Тубулъ и Ауранкулей. Рѣшено было осадить Тарентъ и осада его поручена Фабію. Взятіе Тарента имѣло необыкновенную важность для римлянъ, отнятіемъ у Аннибала этого главнаго опорнаго пункта его въ южной Италіи и вмѣстѣ съ тѣмъ пункта сообщеній его съ Карѳагеномъ и Филиппомъ македонскимъ, что долженствовало принудить Аннибала, стѣсненнаго со всѣхъ сторонъ въ южной Италіи, удалиться наконецъ изъ нея въ Африку. Съ перваго взгляда казалось бы, что осаду Тарента лучше было поручить Фульвію, уже доказавшему свое искуство взятіемъ

Капуи, тогда какъ Фабій имѣлъ за собою только славу уклоненія отъ боя съ Аннибаломъ, съ которымъ онъ не отважился однако вступить въ бой подобно Марцеллу. Но Фульвій былъ изъ плебеевъ и всѣ патриціи поддерживали принадлежавшаго къ нимъ Фабія, а обычная политика Рима не допускала частаго употребленія однихъ и тѣхъ же лицъ, что нерѣдко вело къ тому, что выгоды частныхъ лицъ и политическихъ партій были несогласны съ выгодами государства и даже противны и вредны имъ. Какъ бы то ни было, осада Тарента была поручена Фабію съ 2-мя городскими легіонами, которыя Пизонъ въ предъидущемъ году имѣлъ въ Этруріи. Осаду должны были прикрывать 2 арміи: консула Фульвія, въ Луканіи, изъ 2-хъ легіоновъ Левина, бывшихъ въ Сициліи, и проконсула Марцелла, въ Апуліи, съ 2-мя легіонами, съ которыми онъ дѣйствовалъ въ предъидущемъ году. Для охраненія Кампаніи, въ Капую былъ назначенъ преторъ Криспинъ съ 2-мя легіонами, бывшими прежде у Фульвія,— въ цизальпинскую Галлію—преторъ Ветурій съ 2-мя легіонами Лэторія,—въ Сардинію—преторъ Ауранкулей съ 2-мя легіонами Манлія, а въ Сицилію—проконсулъ Левинъ и пропреторъ Цинцій, съ 2-мя каннскими легіонами и 2-мя легіонами Фульвія, пополненными новыми наборами (именно нумидійцами и бывшими сиракузскими войсками), такъ что Цинцій съ половиной арміи охранялъ Сиракузы и ихъ область, а Левинъ съ другой половиной и всѣми нумидійцами остальную часть Сициліи, снабжая продовольствіемъ Римъ и армію Фабія при осадѣ Тарента, и отрядивъ 30 военныхъ судовъ къ Фабію, а 70 къ берегамъ Африки, для разоренія ихъ. Пизону было назначено оставаться въ Этруріи съ 2-мя городскими легіонами, вмѣсто которыхъ велѣно набрать 2 новые такіе же. Наконецъ въ Испаніи начальствованіе Сципіона и Силана съ 4-мя легіонами было отсрочено впредь до приказанія. Вслѣдствіе всего этого, Римъ имѣлъ въ этомъ году всего 21 легіонъ, не считая сицилійскихъ.

При наборѣ въ этомъ году войскъ между латинскими союзниками Рима и въ римскихъ колоніяхъ, недовольныхъ строгими мѣрами сената противъ легіоновъ каннскихъ и двухъ Фульвіевыхъ, тогда какъ Аннибалъ отпускалъ союзныхъ военноплѣнныхъ безъ выкупа,—12 римскихъ колоній отказались выставить людей и дать денегъ, но

18 другихъ римскихъ колоній объявили, что и люди, и деньги у нихъ готовы и что онѣ готовы доставить оныхъ, въ случаѣ надобности, еще болѣе. Сенатъ объявилъ послѣднимъ почетную благодарность, а первыхъ наказалъ — совершеннымъ забвеніемъ о нихъ.

Недостатокъ денегъ въ государственной казнѣ простирался до такой степени, что вынудилъ прибѣгнуть къ неприкосновеннымъ денежнымъ запасамъ, которые и были распредѣлены между консулами и прочими полководцами и употреблены на одежду для арміи въ Испаніи.

Оба консула, передъ отправленіемъ своимъ изъ Рима, согласились чтобы пока Криспинъ съ одною арміею будетъ охранять Кампанію, двѣ другія занимали Аннибала, Фульвіева—въ Луканіи, а Марцеллова — въ Апуліи, такъ чтобы не давать ему покоя и препятствовать ему приближаться къ Таренту. Кромѣ того консулы положили произвесть диверсію даже въ самомъ Бруттіѣ, а именно: Фабій приказалъ префекту Регія присоединить находившихся въ этомъ городѣ бруттійскихъ изгнанниковъ къ 8 т. такихъ же изъ Сициліи и послать ихъ всѣхъ въ Калабрію для осады Каулоніи (н. Castelvetere близъ Ghito), дабы привлечь туда Аннибала съ цѣлію заставить снять осаду.

Должно отдать справедливость консуламъ, что весь этотъ планъ дѣйствій ихъ былъ соображенъ весьма хорошо.

Между тѣмъ Аннибалъ расположился лагеремъ близъ Канузія (н. Canosa), которымъ хотѣлъ овладѣть, какъ для прикрытія Тарента, такъ и для того, чтобы снова войти въ Апулію, въ которой онъ не имѣлъ уже ни одного города. Тогда Марцеллъ положилъ приблизиться къ нему, тревожить и утомлять его малою войной и, въ случаѣ возможности, сразиться съ нимъ и разбить его. Вслѣдствіе того, какъ только появился подножный кормъ, онъ двинулся къ Канузію. Аннибалъ, уклоняясь отъ боя съ Марцелломъ, двинулся изъ равнинъ въ пересѣченную и лѣсистую мѣстность на правой сторонѣ р. Ауфида (н. Ofanto), между Канузіемъ и Венузіей. Марцеллъ слѣдовалъ за нимъ неотступно, располагаясь близъ него и вызывая его на бой, какъ только онъ располагался лагеремъ. Аннибалъ довольствовался только оттѣсненіемъ своего противника легкою

пѣхотой и конницей, но уклоняясь отъ сраженія, къ которому однако наконецъ былъ принужденъ. Продолжая идти вверхъ по правой сторонѣ р. Ауфида, онъ опасался очутиться между арміями Марцелла и Фульвія, и потому перешелъ на лѣвую сторону р. Ауфида и на равнины между Аскуломъ (н. Ascoli) и Гердонеей. Здѣсь Марцеллъ настигъ его въ то самое время, когда онъ укрѣплялъ свой лагерь, и напалъ на его рабочихъ съ такою силой, что Аннибалъ былъ принужденъ построить свою армію въ боевой порядокъ и вступить въ сраженіе. Оно продолжалось съ равнымъ успѣхомъ до ночи, когда обѣ арміи, прекративъ бой, наскоро укрѣпили свои лагери недалеко одна отъ другой. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня Марцеллъ построилъ свою армію впереди лагеря въ боевой порядокъ: въ 1-й линіи—правый легіонъ союзниковъ, экстраординарныя когорты и 20-й римскій легіонъ, а во 2-й линіи—18-й римскій легіонъ и лѣвый легіонъ союзниковъ. Аннибалъ, наскучивъ неотступнымъ преслѣдованіемъ Марцелла, рѣшился принять бой и построилъ свою армію также впереди лагеря въ 2 линіи. Послѣ 2-хъ часоваго упорнаго боя, правый легіонъ союзниковъ и экстраординарныя когорты были опрокинуты. Марцеллъ двинулъ 18-й легіонъ на помощь 1-й линіи, но между тѣмъ какъ онъ медленно шелъ впередъ, а опрокинутыя войска, напротивъ, отступали поспѣшно, вся римская армія пришла въ безпорядокъ и бросилась назадъ въ свой лагерь, потерявъ 2700 чел. (въ томъ числѣ 2-хъ трибуновъ и 4-хъ центуріоновъ) и 6 легіонныхъ орловъ. Марцеллъ, наказавъ бѣжавшихъ, объявилъ, что на слѣдующій день армія должна снова сразиться и загладить стыдъ пораженія. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня онъ снова вывелъ армію изъ лагеря и построилъ въ 1-й линіи лѣвый легіонъ союзниковъ, 4 когорты праваго легіона, потерявшія своихъ орловъ и 18-й легіонъ, а во 2-й—20-й легіонъ на правомъ флангѣ, экстраординарныя когорты и остальныя 6 когортъ праваго легіона союзниковъ. Марцеллъ лично начальствовалъ центромъ, а легаты его Корнелій Лентулъ и Клавдій Неронъ—крылами. Аннибалъ, увидавъ, что Марцеллъ снова вышелъ изъ лагеря и построилъ армію, и удивляясь его настойчивости, также вышелъ изъ своего лагеря и постро-

илъ свою армію въ 2 линіи: въ 1—й лучшія свои войска, испанскія, а слоновъ между 1-ю и 2-ю. Первое столкновеніе было чрезвычайно сильное съ обѣихъ сторонъ и бой долго продолжался съ равнымъ успѣхомъ. Наконецъ Аннибалъ двинулъ впередъ слоновъ: они привели первые ряды римлянъ въ безпорядокъ, который можетъ быть распространился бы на всю римскую армію, еслибы трибунъ Децимъ Флавій не схватилъ значка 1-й манипулы гастатовъ 18-го легіона и не повелъ ее туда, гдѣ слоны производили наиболѣе опустошенія въ рядахъ римлянъ. Напавъ на нихъ съ полукопьями (pilum), онъ многихъ изъ нихъ ранилъ, а раненые слоны въ бѣгствѣ увлекли нераненыхъ и всѣ вмѣстѣ привели карѳагенскую армію въ безпорядокъ. 1-я римская линія, пользуясь этимъ, атаковала карѳагенянъ, привела ихъ въ совершенное разстройство и обратила въ бѣгство. Марцеллъ преслѣдовалъ бѣжавшихъ до самаго лагеря ихъ. Такъ какъ входъ въ него загородили два убитые слона, то бѣжавшіе были принуждены лѣзть черезъ валъ, при чемъ множество изъ нихъ было убито. Карѳагенская армія потеряла около 8 т. чел. и 5 слоновъ, а римская—1700 легіонеровъ и 1300 союзниковъ. На другой день Аннибалъ отступилъ и удалился въ Бруттій, а Марцеллъ, обремененный большимъ числомъ раненыхъ и не желая слишкомъ удаляться отъ Фабія, не послѣдовалъ за Аннибаломъ.

Слѣдуя принятому ими образу дѣйствій, римляне постепенно стѣсняли Аннибала въ Бруттіѣ. Фульвій, обезпеченный съ тыла арміей, занимавшей Капую, воспользовался тѣмъ временемъ, когда Аннибалъ, ослабленный боями съ Марцелломъ, не могъ ничего предпринять, пока не пополнилъ бы свою армію—и двинулся въ земли гирпиновъ, въ южномъ Самніѣ. Гирпины покорились Фульвію и выдали ему карѳагенскіе гарнизоны, находившіеся въ ихъ городахъ. Отсюда Фульвій двинулся въ Луканію, гдѣ ему прежде всего покорились вольцы или вульцы, на тѣхъ же условіяхъ. Дабы побудить къ тому же и другія племена, Фульвій обходился съ ними съ большою кротостью, чѣмъ привлекалъ ихъ къ себѣ, и даже нѣкоторыя общины въ самомъ Бруттіѣ уже начали входить въ переговоры съ нимъ. Марцеллъ, послѣ сраженій при Аскулѣ, располо-

жился при Венузіи, откуда удобно могъ обращаться или противъ Аннибала, или на помощь тому либо другому консулу. Наконецъ Фабій вступилъ въ земли саллентинцевъ, въ средней Калабріи, гдѣ взялъ обратно Мандурію, къ ю. в. отъ Тарента, и въ ней 4 т. чел. кареагенскаго гарнизона. Отсюда онъ двинулся къ Таренту и расположился лагеремъ къ западу отъ него, при устьѣ его порта. Такъ какъ кареагенскій флотъ передъ тѣмъ удалился и море было свободно, то онъ собралъ здѣсь эскадру военныхъ и перевозныхъ судовъ и употребилъ ихъ частію для доставленія матеріаловъ, нужныхъ для осады, частію для установки на нихъ метательныхъ орудій и осадныхъ машинъ.

Между тѣмъ Аннибалъ дѣйствительно, какъ предвидѣлъ Фабій, двинулся на помощь Каулоніи (см. выше). По приближеніи его, отрядъ изгнанниковъ, осаждавшій этотъ городъ, отступилъ по близости въ сильную мѣстностью позицію на горѣ Каулонѣ, гдѣ былъ обложенъ Аннибаломъ и, по недостатку въ продовольствіи, принужденъ сдаться — потеря для римлянъ не слишкомъ важная, по составу этого отряда, который нѣкоторымъ образомъ былъ пожертвованъ.

Счастіе особенно благопріятствовало римлянамъ: Фабій готовился къ трудной и продолжительной осадѣ Тарента, а между тѣмъ городъ этотъ достался ему очень легко и безъ осады. Гарнизонъ, оставленный Аннибаломъ въ Тарентѣ, былъ почти весь составленъ изъ бруттійцевъ. Начальникъ ихъ, вслѣдствіе особенной хитрости, употребленной Фабіемъ, согласился передать римлянамъ ворота и часть стѣны, которыя охранялъ. Фабій, оставивъ часть войскъ со стороны порта, скрытно обошелъ городъ и расположился къ востоку отъ него. По данному сигналу, у порта, въ замкѣ и на судахъ разомъ заиграли на всѣхъ трубахъ и начали производить ложную атаку. Начальникъ гарнизона Демократъ обратился съ нимъ въ эту сторону, а между тѣмъ Фабій подступилъ къ городской стѣнѣ, никѣмъ незанятой, приказалъ части войскъ своихъ взобраться на нее и выломать ближайшія ворота, что и было исполнено съ полнымъ успѣхомъ, и на разсвѣтѣ всѣ войска Фабія вошли въ городъ и построились на главной площади. Демократъ обратился противъ

нихъ, но въ происшедшемъ при этомъ бою былъ убитъ, а войска его опрокинуты и разсѣялись по домамъ, но были преслѣдованы и большею частію истреблены, въ томъ числѣ множество кареагенянъ, тарентинцевъ и даже нѣсколько бруттійцевъ. Городъ былъ отданъ на разграбленіе и римляне взяли въ немъ 30 т. рабовъ, множество золота, серебра, драгоцѣнностей, статуй, картинъ и пр.

Аннибалъ же, по освобожденіи Каулоніи, но еще до взятія Тарента, двинулся усиленными переходами къ этому послѣднему городу. На пути къ нему онъ узналъ, что онъ уже взятъ, однако расположился въ 5-ти миляхъ къ з. отъ него, а черезъ нѣсколько дней отступилъ къ Метапонту. Отсюда онъ послалъ двухъ жителей города съ письмами отъ начальниковъ его къ Фабію, съ предложеніемъ сдать ему городъ, а самъ приготовилъ засаду на дорогѣ, по которой Фабій долженъ былъ идти. Но хитрость его не имѣла успѣха: осторожный Фабій не вдался въ обманъ, не пошелъ къ Метапонту и до конца года остался въ Тарентѣ, Марцеллъ же въ Венузіи, Фульвій въ Луканіи, а Аннибалъ въ Метапонтѣ, близко наблюдаемый 3-мя римскими арміями.

Въ Испаніи Сципіонъ употребилъ всю зиму на пріобрѣтеніе расположенія испанскихъ племенъ, для чего возвратилъ данныхъ ими заложниковъ, такъ что испанцы, которыхъ кареагеняне не довольно щадили, начали склоняться на сторону римлянъ. Три главные испанскіе вождя, Эдеконъ, Индибилисъ и Мандоній первые явились къ Сципіону и примѣру ихъ послѣдовали всѣ племена на берегахъ р. Ибера. Въ началѣ весны Сципіонъ положилъ немедленно открыть походъ; не опасаясь ничего со стороны моря, онъ вытащилъ суда своего флота на берегъ при Тарраконѣ, экипажами ихъ пополнилъ свои легіоны, перешелъ черезъ р. Иберъ и усиленными переходами двинулся противъ Аздрубала, брата Аннибалова, расположеннаго близъ Бэкулы (н. Baesa, въ области Iaen). Аздрубалъ былъ очень озабоченъ почти общимъ отложеніемъ испанцевъ отъ Кареагена, и эта самая причина побудила его рѣшиться на бой съ Сципіономъ и, въ случаѣ неудачи, собрать остатки своей арміи и двинуться черезъ Галлію въ Италію на соединеніе съ Аннибаломъ. Вслѣдствіе того,

узнавъ о движеніи Сципіона противъ него, онъ расположился на лѣвомъ берегу р. Бэтиса (нынѣ Гуадалквиръ), тыломъ къ ней, а передъ собою имѣя равнину, окруженную высотами, на которыхъ расположилъ передовыя стражи. Сципіонъ, приказавъ своей легкой пѣхотѣ и отборнымъ когортамъ атаковать эти высоты, подъ прикрытіемъ ихъ самъ съ половиною своей арміи, а легатъ его Лелій съ другою — обошли эти высоты справа и слѣва и атаковали армію Аздрубала съ обоихъ фланговъ въ то самое время, когда она строилась къ бою, для движенія впередъ на помощь своимъ передовымъ стражамъ на высотахъ. Результатомъ всѣхъ трехъ атакъ Сципіона было то, что армія Аздрубала была разбита и разсѣяна съ урономъ 8,000 чел. убитыми и 12,000 чел. плѣнными, въ томъ числѣ 2,000 чел. конницы. Тогда Аздрубалъ, собравъ остатки своей арміи и взявъ слоновъ и сколько можно болѣе денегъ, отступилъ къ р. Тагу, дабы оттуда идти къ Пиренеямъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ сговорился съ Магономъ и Аздрубаломъ, сыномъ Гисконовымъ, въ томъ, что онъ пополнитъ свою армію испанцами и немедленно двинется черезъ Пиренеи въ Галлію, что Магонъ сдастъ свою армію Аздрубалу, сыну Гисконову, и отправится лично на балеарскіе острова, для найма войскъ на нихъ, что Аздрубалъ, сынъ Гисконовъ, съ арміей перейдетъ въ Лузитанію (н. Португаллія), тщательно избѣгая всякаго боя съ Сципіономъ, — и наконецъ что Массинисса, съ 3,000 чел. отборной конницы, останется въ южной Испаніи, для наблюденія за римлянами и тревоженія ихъ. Все это было исполнено безъ промедленія. Сципіонъ же, занявшій лагерь Аздрубала, брата Аннибалова, видя, что лѣто приходитъ къ концу, но ни одна изъ карѳагенскихъ армій не показывается, послалъ нѣсколько войскъ къ Пиренеямъ, а самъ расположился на зиму въ Тарраконѣ и окрестностяхъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

ВТОРАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА (218—202).

(Окончаніе).

§ 185. 11-й походъ 208-го года.—Бездѣйствіе въ Италіи; — движеніе Аздрубала къ Альпамъ.—§ 186. 12-й походъ 207-го года.—Движеніе Аздрубала въ Италію;—сраженіе при Грументѣ;—движеніе Клавдія Нерона изъ Апуліи въ Умбрію;—сраженіе при р. Метаврѣ.—§ 187. 13-й походъ 206-го года.—Бездѣйствіе въ Италіи;—сраженіе при Илингѣ въ Испаніи.—§ 188. 14-й походъ 205 года.—Сципіонъ—консулъ;—планъ его, переправа въ Сицилію и дѣйствія въ ней;—дѣйствія Магона въ Лигуріи.—§ 189. 15-й походъ 204-го года.—Переправа Сципіона въ Африку, дѣйствія и побѣды его въ ней; — двукратный бой при Кротонѣ въ Бруттіѣ. — § 190. 16-й походъ 203-го года.—Дѣйствія и побѣды Сципіона въ Африкѣ;—пораженіе Магона;—удаленіе Аннибала изъ Италіи въ Африку.—§ 191. 17-й и послѣдній походъ 202-го года въ Африкѣ.—Сраженіе при Замѣ;—заключеніе мира.

Древніе источники и новѣйшія историческія пособія—указанные выше въ главѣ XXIV.

III.

Вторая половина войны (215—202).

(окончаніе).

§ 185.

11-й походъ 208 года.

Бездѣйствіе въ Италіи;—движеніе Аздрубала къ Альпамъ.

Въ Римѣ на этотъ годъ были выбраны: въ консулы — Марцеллъ и Квинкцій Криспинъ, а въ преторы—Лициній Крассъ, Лициній Варъ, Юлій Цезарь и Клавдій Фламиній. Сенатъ положилъ распустить

2 легіона, уменьшить число легіоновъ въ дѣйствовавшихъ арміяхъ до 21 и распредѣлить ихъ, по положенію дѣлъ въ Италіи и внѣ оной, слѣдующимъ образомъ: 2 легіона Марцелла и 2 легіона Криспина—въ Апуліи и Луканіи противъ Аннибала,—2 легіона претора Клавдія Фламинія—въ Тарентѣ, для занятія и охраненія его,—1 легіонъ проконсула Фульвія въ Капуѣ, 2 легіона пропретора Гостилія Тубула—въ Этруріи, 2 легіона Ветурія—въ цизальпинской Галліи, 2 легіона Ауранкулея—въ Сардиніи, 2 капнскіе легіона Юлія Цезаря—въ Сициліи, 4 легіона Сципіона—въ Испаніи и 2 городскіе легіона—въ Римѣ. Сципіону было приказано послать въ Сардинію 50 военныхъ судовъ, для увеличенія до 100 судовъ—флота, охранявшаго берега Италіи, Сициліи и Сардиніи, подъ начальствомъ проконсула Левина, которому приказано сдѣлать высадку на берега Африки. Сулпицій сохранилъ начальствованіе надъ флотомъ въ Греціи. Претору Лицинію Вару было приказано исправить 30 военныхъ судовъ, находившихся въ Остіи, прибавить къ нимъ 20 судовъ союзниковъ и оберегать съ ними берега близъ Рима.

Со стороны Аннибала, ослабленнаго и стѣсненнаго въ южной Италіи, не угрожала никакая опасность, напротивъ онъ самъ находился въ опасности;—но въ Карѳагенѣ производились большія сухопутныя и морскія вооруженія, съ какою именно цѣлію—римлянамъ извѣстно не было; на сѣверѣ же ожидалось движеніе Аздрубала въ Италію, цизальпинская Галлія была въ возстаніи, а Этрурія въ волненіи и колебаніи. Слѣдовательно съ юга и особенно съ сѣвера Риму угрожала бо̀льшая опасность, нежели со стороны Аннибала. Этрурія и въ ней особенно городъ Аррецій сильно озабочивали сенатъ, почему онъ и приказалъ Гостилію немедленно взять заложниковъ. Гостилій ввелъ въ Аррецій 1 легіонъ, занялъ ворота, взялъ въ заложники и отправилъ въ Римъ 120 дѣтей сенаторовъ города и конфисковалъ имущество 7-ми сенаторовъ, бѣжавшихъ съ своими дѣтьми. Встревоженный этимъ, сенатъ римскій послалъ въ Аррецій, для содержанія гарнизона, 1 городской легіонъ, а Гостилій съ 2 легіонами сталъ ходить по Этруріи, для содержанія ея въ повиновеніи.

Между тѣмъ Криспинъ, пополнивъ свои легіоны (бывшіе Фуль-

віевы) въ Луканіи новыми наборами, двинулся къ Локрамъ, въ южномъ Бруттіѣ, къ в. отъ Регія, и осадилъ этотъ городъ. Но узнавъ, что Аннибалъ двинулся отъ Метапонта къ Кротону, также въ Бруттіѣ, а Марцеллъ уже прибылъ къ своей арміи въ Венузіи, Криспинъ снялъ осаду Локръ, соединился съ Марцелломъ, для совокупныхъ дѣйствій съ нимъ, и оба расположились лагерями между Венузіей и Банціей (н. Santa Maria di Vanzo). Аннибалъ послѣдовалъ за Криспиномъ и расположился лагеремъ близъ Банціи, оставаясь противъ обѣихъ римскихъ армій въ оборонительномъ положеніи и только ведя малую войну легкой конницей. Консулы приказали однако части тарентскаго гарнизона и Цинцію съ эскадрой изъ Сициліи обложить и осадить Локры. Аннибалъ, увѣдомленный жителями Фурія о движеніи войскъ изъ Тарента къ Локрамъ, поставилъ на пути ихъ въ засадѣ 3,000 чел. пѣхоты и 2,000 чел. конницы — и римскія войска, шедшія безъ опасенія и предосторожностей, были разбиты: изъ нихъ 2,000 чел. были убиты, 1,200 чел. взяты въ плѣнъ, а остальные бѣжали въ Тарентъ.

Между тѣмъ Марцеллъ крайне желалъ принудить Аннибала къ бою; Аннибалъ же, будучи слишкомъ слабъ силами для вступленія въ бой съ 2-мя римскими арміями, прибѣгнулъ и противъ нихъ къ хитрости и засадѣ, воспользовавшись для этого мѣстностью между его и римскими лагерями. Именно—между ними находилась поросшая лѣсомъ высота, незанятая ни римлянами, которымъ былъ неизвѣстенъ противуположный скатъ высоты, простиравшійся до лагеря Аннибала, ни этимъ послѣднимъ, потому что онъ считалъ эту высоту болѣе выгодною для расположенія на ней засады нежели лагеря; и потому довольствовался только тѣмъ, что поставилъ въ лѣсу на высотѣ сильный караулъ нумидійцевъ, но такъ, что его вовсе не было видно. Въ обоихъ римскихъ лагеряхъ всѣ требовали занятія высоты войсками и даже построенія на ней укрѣпленія. Это побудило Марцелла предложить Криспину—имъ обоимъ вмѣстѣ отправиться на эту высоту и лично удостовѣриться и утвердиться на ней. Криспинъ согласился и оба консула, въ сопровожденіи военныхъ трибуновъ: Марцелла, сына консула, и Манлія, 2 префектовъ союзниковъ, 180 этрурскихъ

и 40 фрегелльскихъ всадниковъ, отправились къ высотѣ, при чемъ Марцеллъ приказалъ своей арміи быть готовой двинуться туда же, еслибы мѣстность на высотѣ оказалась удобною для расположенія войскъ.

Начальники нумидійцевъ на высотѣ, увидавъ, что консулы направляются къ ней, отрядили часть нумидійцевъ для занятія входа въ лощину, ведшую къ высотѣ и примыкавшую къ небольшой открытой равнинѣ передъ лагеремъ Марцелла. Когда такимъ образомъ консуламъ было отрѣзано отступленіе, нумидійцы, выступивъ изъ лѣса на высотѣ, атаковали ихъ со всѣхъ сторонъ. Небольшой отрядъ консуловъ оборонялся упорно, но этрурскіе всадники обратились въ бѣгство, и съ консулами остались только 40 фрегелльскихъ всадниковъ. Послѣдніе окружили и прикрыли консуловъ, но вскорѣ Марцеллъ былъ убитъ ударомъ копья, Криспинъ получилъ двѣ тяжелыя раны, сынъ Марцелла былъ также раненъ, Манлій, 1 префектъ и 18 всадниковъ были взяты въ плѣнъ, а остальные (въ томъ числѣ Криспинъ и сынъ Марцелла) успѣли кое-какъ спастись въ свой лагерь, гдѣ войска взялись за оружіе, но не могли оказать помощи, потому что все это дѣло произошло мгновенно. Аннибалъ, желая воспользоваться страхомъ, который это, по его мнѣнію, навело на римлянъ, расположилъ свою армію на этой самой высотѣ, и найдя тѣло убитаго Марцелла, приказалъ похоронить его съ почестями.

Такъ погибъ внезапною смертію, 60-ти лѣтъ отъ роду, одинъ изъ отличнѣйшихъ римскихъ полководцевъ, совершившій блистательное военное поприще, побѣдитель галловъ, покоритель Сиракузъ и — что всего болѣе возвышаетъ его славу — первый, положившій предѣлъ побѣдамъ и успѣхамъ Аннибала, и изъ семи большихъ сраженій съ нимъ проигравшій только одно! Смерть его была единственнымъ пятномъ въ его жизни, ибо, какъ справедливо говоритъ Титъ-Ливій, не была достойна ни его лѣтъ, ни благоразумной осторожности отличнаго полководца. Но онъ не заслуживалъ горькихъ упрековъ ему Полибія въ невѣжествѣ. Онъ дѣйствительно поступилъ крайне неосторожно, отправился самъ на развѣданіе мѣстности, вмѣсто того, чтобы послать другаго съ отрядомъ, но онъ не сдѣлалъ ничего, что могло бы подвергнуть опасности всю его армію, и смерть

его была большою потерей для римлянъ. А планъ дѣйствій его и Криспина въ этомъ году, объясненный выше, заслуживаетъ всякаго одобренія и, безъ прискорбнаго случая при Банціи, результаты его были бы, безъ сомнѣнія, весьма выгодны для римлянъ. Что касается Аннибала, то и его дѣйствія въ этомъ году вполнѣ достойны такого великаго полководца. Лишенный возможности вступать въ открытый бой съ превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ, онъ замѣнилъ силу хитростью и, отлично пользуясь мѣстностью, два раза нанесъ непріятелю частныя пораженія, изъ которыхъ послѣднее, при Банціи, сильнымъ нравственнымъ вліяніемъ своимъ, почти равнялось побѣдѣ.

Послѣ этого дѣла, Криспинъ перевелъ лагери армій въ другое мѣсто и какъ онъ, такъ и Аннибалъ, ограничились только взаимнымъ наблюденіемъ. Но Криспинъ, опасаясь, чтобы Аннибалъ, завладѣвъ перстнемъ убитаго Марцелла, не употребилъ его съ какою-нибудь хитростью, тотчасъ предостерегъ ближайшіе города объ опасности, которой они могли подвергнуться. Дѣйствительно, Аннибалъ уже написалъ отъ имени Марцелла жителямъ Салапіи, чтобы они приготовились принять римскую армію. Жители Салапіи, предваренные Криспиномъ, удвоили стражи у воротъ и на стѣнахъ, и поставили отборныя войска гарнизона у воротъ, въ которыя непріятель долженъ былъ войти. Около 4-й стражи ночи (3-хъ часовъ на разсвѣтѣ) Аннибалъ подступилъ къ воротамъ, имѣя въ головѣ римскихъ переметчиковъ. Но стража у воротъ, поднявъ опускную рѣшетку только на вышину роста человѣческаго, впустила около 600 переметчиковъ и, опустивъ рѣшетку, всѣхъ ихъ перебила, а остальныхъ отразила съ вершины стѣнъ. Такимъ образомъ Аннибалу не удалось овладѣть Салапіей посредствомъ хитрости и онъ двинулся на помощь Локрамъ, осажденнымъ Цинціемъ. По приближеніи его, Магонъ, начальствовавшій въ Локрахъ, сдѣлалъ сильную вылазку. Римскія войска оборонялись упорно, но атакованныя съ тыла нумидійцами, бросили свои осадныя машины и поспѣшно сѣли на свои суда.

Криспинъ же, узнавъ, что Аннибалъ находится въ Бруттіѣ, приказалъ Марцеллу младшему отвесть армію его отца къ Венузіи, а

самъ съ своею двинулся къ Капуѣ, испросивъ у сената обезпеченія Тарента и присылки разумныхъ людей для совѣщанія съ ними, такъ какъ самъ, по причинѣ ранъ, не могъ прибыть въ Римъ. Сенатъ поручилъ Фабію младшему принять начальствованіе надъ арміей Марцелла, къ Криспину прислалъ трехъ сенаторовъ и принялъ мѣры для обезпеченія Тарента и союзныхъ городовъ.

Впрочемъ, за исключеніемъ описанныхъ выше событій, никакихъ особенныхъ военныхъ дѣйствій въ южной Италіи въ этомъ году не было и положеніе обѣихъ сторонъ въ ней можно назвать военнымъ бездѣйствіемъ, которое съ этого времени стало все чаще повторяться.

Гораздо важнѣе были событія, приготовлявшіяся въ сѣверной Италіи, Испаніи и Африкѣ, интересъ которыхъ болѣе и болѣе увеличивается, по мѣрѣ того, какъ въ южной Италіи уменьшается.

Проконсулъ Левинъ, отправившись лѣтомъ изъ Сициліи съ 100 военными судами къ берегамъ Африки, произвелъ высадку на нихъ, разорилъ окрестности Клипеи (н. Аклибія), недалеко отъ Туниса, и, узнавъ о приближеніи карѳагенскаго флота изъ 83 военныхъ судовъ, поплылъ на-встрѣчу ему, атаковалъ и разбилъ его и взялъ 18 судовъ.

Въ Испаніи Аздрубалъ, братъ Аннибаловъ, пополнивъ свою армію испанцами и запасшись деньгами, двинулся къ Пиренеямъ и чрезъ Галлію къ Альпамъ. Но промедливъ въ Испаніи и выступивъ изъ нея довольно поздно, онъ, хотя помощью денегъ шелъ чрезъ Галлію гораздо легче и удобнѣе, нежели Аннибалъ, однако прибылъ къ Альпамъ (тамъ же, гдѣ черезъ нихъ шелъ и Аннибалъ) уже очень поздно, именно когда въ нихъ уже настала зима, и потому, не вступая въ нихъ, расположился у подошвы ихъ на зимнихъ квартирахъ. Это было—первое промедленіе его, которое, какъ будетъ объяснено ниже, имѣло для него и особенно для Аннибала весьма невыгодныя послѣдствія.

§ 186.

12-й походъ 207-го года.

Движеніе Аздрубала въ Италію;—сраженіе при Грументѣ;—движеніе Клавдія Нерона изъ Апуліи въ Умбрію;—сраженіе при р. Метаврѣ.

Въ Римѣ на этотъ годъ были выбраны: въ консулы—Клавдій Неронъ и Ливій Салинаторъ, а въ преторы—Порцій Лициній, Мамилій, А. и К. Гостиліи Катоны. Пропретору Варрону было поручено управленіе Этруріей; а два сенатора посланы въ Массилію, для развѣданія о движеніи Аздрубала въ Италію. По полученіи чрезъ нихъ свѣдѣній, изложенныхъ выше, положено было выставить 2-мя легіонами болѣе, нежели въ предъидущемъ году, такъ чтобы имѣть противъ Аздрубала двѣ консульскія арміи и даже, въ случаѣ надобности, третью въ Этруріи, а противъ Аннибала, для удержанія его въ Луканіи и Бруттіѣ, также три арміи. Вслѣдствіе того консулу Ливію назначены были цизальпинская Галлія и въ ней одна армія (2 легіона); консулу Клавдію Нерону—Бруттій и въ немъ также одна армія (2 легіона), съ приказаніемъ набрать 2 новые городскіе легіона; претору Порцію — также одна армія въ цизальпинской Галліи; пропретору Варрону также одна армія (2 легіона) тамъже; проконсулу Фульвію — одна армія (2 легіона) въ Луканіи; пропретору Клавдію—одна армія (2 легіона) въ Тарентѣ и земляхъ саллентинцовъ; претору Мамилію—одна армія (2 легіона) въ Сициліи, а претору К. Гостилію—одна армія (2 легіона) въ Сардиніи; пропретору Гостилію Тубулу — 1 легіонъ въ Капуѣ; Сципіону — 4 легіона въ Испаніи и наконецъ флотъ у Сициліи—Левину, а въ Греціи—Сулпицію. При этомъ консуламъ было предоставлено дѣлать наборы, избрать арміи и измѣнять расположеніе ихъ—по ихъ усмотрѣнію. Все это было исполнено въ наилучшемъ согласіи между консулами. Волоны были снова призваны къ оружію и распредѣлены въ 19-й и 20-й легіоны въ Этруріи. Говорятъ также, что Сципіонъ прислалъ Ливію изъ Испаніи 8 т. испанцовъ и галловъ, 2 т. легіонеровъ и 1 т. чел. испанской и нумидійской конницы, а Мамилій изъ Сициліи—4 т. стрѣлковъ и пращниковъ.

Такимъ образомъ въ этомъ году Римъ выставилъ всего 9 армій въ составѣ 23-хъ легіоновъ и 3 флота (у Сициліи, Испаніи и Греціи).

Въ началѣ весны сенатъ получилъ извѣстіе, что Аздрубалъ снялся съ зимнихъ квартиръ и переходитъ черезъ Альпы, что 8 т. лигурійцевъ вооружились съ тѣмъ, чтобы присоединиться къ нему, какъ только онъ выступитъ изъ Альповъ на равнины Италіи, и что преторъ Порцій двинулся туда для воспрепятствованія соединенію ихъ. Это побудило ускорить всѣ вооруженія и открытіе похода.

Аздрубалъ, дѣйствительно, въ самомъ началѣ весны двинулся съ зимнихъ квартиръ своихъ у подошвы западнаго склона Альповъ, черезъ этотъ горный хребетъ, тѣмъ же самымъ путемъ, которымъ шелъ Аннибалъ. Прежде, нежели изложить движеніе его черезъ Альпы, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о томъ, что̀ предшествовало ему. Полибій разсыпается въ похвалахъ Аздрубалу, признавая его великимъ полководцемъ, а движеніе его изъ Испаніи черезъ Альпы въ Италію такимъ же образцовымъ, какъ и подобное же движеніе Аннибала. Но съ этимъ мнѣніемъ, довольно страннымъ со стороны такого разумнаго историка, какъ Полибій, нельзя согласиться. Аздрубалъ былъ безспорно хорошій полководецъ, но ни въ своихъ дѣйствіяхъ въ Испаніи, ни въ своемъ движеніи оттуда черезъ Альпы въ Италію, ни наконецъ въ своихъ дѣйствіяхъ въ Италіи (какъ будетъ изложено ниже), не явилъ ничего, что̀ изобличало бы въ немъ такого великаго полководца, какъ его братъ Аннибалъ. Въ Испаніи, за исключеніемъ пораженія имъ обоихъ Сципіоновъ, которымъ онъ былъ обязанъ неосторожности ихъ и отложенію цельтиберянъ болѣе, нежели собственному искуству, всѣ прочія военныя дѣйствія его были ознаменованы только его неудачами и пораженіями, не по его несчастію, а по его винѣ. Движеніе свое изъ Испаніи въ Италію онъ предпринялъ во всѣхъ отношеніяхъ слишкомъ поздно—не тотчасъ, какъ только получилъ приказаніе о томъ карѳагенскаго сената, и не въ самое благопріятное для того время, когда въ Испаніи оба Сципіона были разбиты, а въ Италіи Аннибалъ еще владѣлъ Капуей и овладѣлъ Тарентомъ, а римляне лишились одной арміи при Гердонеѣ и другой, разсѣявшейся по смерти Семпронія, т. е. въ 212-мъ году, а лишь въ 208-мъ—4 года позже, когда дѣла въ Испаніи и

Италіи уже приняли вполнѣ выгодный для Рима и невыгодный для Карѳагена и Аннибала оборотъ. Еслибы онъ предпринялъ свое движеніе въ Италію въ 212-мъ году, то съ большою вѣроятностью и даже съ увѣренностью предположить можно, что Римъ былъ бы поставленъ на край погибели. Но въ 208-мъ году положеніе было уже совсѣмъ иное и движеніе Аздрубала могло бы быть полезно только при исполненіи его со всѣмъ требуемымъ обстоятельствами искуствомъ—вд время, сколь возможно быстро и прямо въ южную Италію, на соединеніе съ Аннибаломъ, что составляло главную и важнѣйшую цѣль этого движенія. Но Аздрубалъ, промедливъ въ Испаніи цѣлыхъ 4 года, упустивъ благопріятныя для него время и обстоятельства, присоединилъ къ этому еще слѣдующія ошибки: во 1-хъ вступилъ въ бой съ Сципіономъ при р. Бэтисѣ, въ бою этомъ, вслѣдствіе неискусныхъ распоряженій, былъ разбитъ съ большимъ урономъ, что ослабило его армію и еще задержало его въ Испаніи,— и во 2-хъ. вслѣдствіе того, двинулся черезъ Пиренеи къ Альпамъ въ такое позднее время года, что прибылъ къ западной подошвѣ Альповъ къ самому началу зимы въ нихъ (въ ноябрѣ) и потому былъ принужденъ цѣлую зиму провесть на зимнихъ квартирахъ, тогда какъ Аннибалъ двинулся изъ Новаго Карѳагена въ концѣ весны, въ концѣ октября перешелъ черезъ Альпы въ Италію, а въ декабрѣ уже разбилъ Сципіона при р. Тицинѣ и Семпронія при р. Треббіи. Но къ этимъ двумъ ошибкамъ—каковы бы ни были уважительныя причины его промедленія—Аздрубалъ, по переходѣ черезъ Альпы, присоединилъ третью и важнѣйшую, которая будетъ изложена ниже. Промедленіе же его, разумѣется, дозволило римлянамъ заблаговременно принять всѣ необходимыя мѣры предосторожности и встрѣтить его въ Италіи уже не такъ, какъ они встрѣтили Аннибала—неготовыми, а напротивъ вполнѣ готовыми.

Что касается самаго движенія Аздрубала изъ Испаніи черезъ Пиренеи, Галлію и Альпы въ Италію, то оно уже было [далеко не такъ трудно, какъ за 10 лѣтъ передъ тѣмъ для Аннибала. Аннибалъ былъ первый изъ полководцевъ древности, проходившій черезъ Альпы съ правильно-устроенною арміею, тяжестями и даже слонами, и хотя совершилъ этотъ переходъ съ неимовѣрнымъ трудомъ

и большимъ урономъ, но всего въ двѣ недѣли (отъ входа до выхода изъ Альповъ). Но для Аздрубала движеніе отъ Пиренеевъ къ Альпамъ и черезъ Альпы было уже несравненно легче: трансальпинскіе галлы, особенно арверны (н. овернцы), встрѣтили его не только не непріязненно, какъ Аннибала, но даже дружелюбно, доставляли ему продовольствіе, дали войска и провели его по всѣмъ путямъ, по которымъ шелъ Аннибалъ. Изъ нихъ пути черезъ Альпы стали уже гораздо удобнѣе и легче: безпрестанное, въ продолженіи 10-ти лѣтъ, движеніе по нимъ иноплеменниковъ уже пріучило къ нимъ галловъ и даже смягчило ихъ нравы, тѣмъ болѣе, что они уже хорошо знали, что эти иноплеменники не имѣли никакихъ враждебныхъ намѣреній противъ нихъ, а единственно только противъ римлянъ, которыхъ галлы ненавидѣли. И такъ для Аздрубала труда и опасности было гораздо менѣе, нежели для Аннибала, а времени онъ употребилъ гораздо болѣе. Но перейдя наконецъ черезъ Альпы и вступивъ въ долину р. Пада въ сѣверной Италіи, Аздрубалъ, вмѣсто того, чтобы прямо, неуклонно идти къ главной своей цѣли—соединенію на югѣ Италіи съ Аннибаломъ, избѣгая боя съ римскими арміями, сдѣлалъ третью и самую непростительную ошибку. Вообразивъ себѣ, будто взятіе имъ такой могущественной римской колоніи, какъ Плаценція (н. Piacenza), приведетъ Римъ и всю Италію въ ужасъ, онъ—осадилъ ее! Осада такого сильнаго города, разумѣется, должна была потребовать очень много труда, урона и особенно времени, а время-то и силы арміи именно и долженствовали быть драгоцѣнными для Аздрубала. За то же онъ и былъ жестоко наказанъ послѣдствіями, которыя были пагубны не для одного его, но и для Аннибала и Карѳагена.

Доказательствомъ, что движеніе его на соединеніе съ Аннибаломъ, даже при всѣхъ благопріятныхъ для Рима обстоятельствахъ, грозило послѣднему большою опасностью, служитъ то, что безпокойство и страхъ въ немъ были необыкновенные. Дабы избавиться отъ этой опасности, необходима была двойная побѣда—и надъ Аздрубаломъ, и надъ Аннибаломъ. А кто могъ ручаться, что она будетъ одержана, а въ случаѣ неодержанія ея—что Аздрубалъ и Аннибалъ не соединятся и не разгромятъ Римъ? Пораженія при

Тицинѣ, Треббіи, Тразименскомъ озерѣ, Каннахъ, и послѣдовавшія за ними, до недавней еще смерти двухъ консуловъ въ бояхъ, еще были слишкомъ свѣжи въ памяти римлянъ и они достаточно уже привыкли къ побѣдамъ однихъ, но пораженію другихъ своихъ полководцевъ. Словомъ—Римъ былъ въ большой тревогѣ и не безъ причинъ. Но, какъ увидимъ, это продолжалось недолго и самъ Аздрубалъ помогъ тому.

Аннибалъ зналъ, что братъ его двинулся изъ Испаніи въ Италію, но, судя по собственному опыту, что движеніе его потребуетъ много труда и времени, не ожидалъ скораго прибытія его, и потому открылъ походъ довольно поздно. Выступивъ съ своихъ зимнихъ квартиръ близъ Метапонта въ Бруттіѣ, онъ двинулся въ Апулію и уже дошелъ до Ларина на р. Тифернѣ (н. Larino на р. Biferno), на границѣ Апуліи и Самнія, какъ узналъ, что Аздрубалъ осадилъ Плаценцію, а потому не желая, до времени соединенія своего съ нимъ, подвергать себя стѣсненію и даже окруженію тремя римскими арміями, сталъ отступать въ южную Апулію. Преторъ К. Гостилій, узнавъ объ этомъ, двинулся противъ Аннибала и, встрѣтивъ армію его на походѣ въ безпорядкѣ, атаковалъ ее отборными войсками и нанесъ ей частное пораженіе, съ потерей около 4 т. чел. убитыми и 9 знаменъ. Пропреторъ Клавдій также двинулся изъ земель саллентинцовъ въ Апулію, такъ что Аннибалъ, уклоняясь отъ обѣихъ римскихъ армій, воротился въ Бруттій, съ урономъ, но безъ пользы. А виною этому былъ Аздрубалъ.

Преторъ Клавдій воротился въ земли саллентинцовъ, а Гостилій двинулся къ Капуѣ и въ Венузіи встрѣтилъ Клавдія Нерона, который изъ двухъ армій образовалъ одну полную и отборную для себя, а другую приказалъ Гостилію отвесть въ Капую и сдать проконсулу Фульвію.

Между тѣмъ Аннибалъ, воротясь въ Бруттій, притянулъ къ себѣ всѣ свои гарнизоны въ немъ и направился къ Грументу (н. Saponara) въ Луканіи, въ надеждѣ взять обратно города ея, передавшіеся римлянамъ. Во то же время Клавдій Неронъ двинулся отъ Венузіи также къ Грументу, съ большими предосторожностями, и расположился лагеремъ очень близко (въ 1500 шагахъ или

1 верстѣ) отъ лагеря Аннибала, расположеннаго не болѣе, какъ въ 500 шагахъ отъ стѣнъ Грумента. Между обоими лагерями была небольшая равнина; въ тылу лагеря Аннибала былъ Грументъ, справа — рѣчка Ацирисъ (н. Agri), а слѣва — совершенно обнаженные холмы, которые вовсе не казались удобными для засады; римскій же лагерь имѣлъ рѣчку слѣва, а холмы справа. На небольшой равнинѣ между обоими лагерями каждый день происходили стычки передовыхъ легкихъ войскъ, а римская армія никогда не выходила изъ своего лагеря въ полномъ составѣ, такъ какъ Клавдій Неронъ имѣлъ въ виду только задерживать Аннибала отъ движенія на соединеніе съ Аздрубаломъ. Аннибалъ же, напротивъ, видя, что ему нельзя было удалиться безъ боя, старался вызвать на него римлянъ и каждый день выстроивался къ бою. Это побудило Клавдія Нерона употребить противъ него тѣ же самыя военныя хитрости которыя онъ самъ употреблялъ съ такимъ успѣхомъ. Онъ отправилъ ночью 5 когортъ и 5 манипулъ къ подошвѣ заднихъ скатовъ холмовъ, назначивъ имъ время для произведенія ими атаки. На слѣдующій день рано утромъ вся римская армія вышла изъ лагеря, построилась къ бою и быстро двинулась къ лагерю Аннибала. Армія послѣдняго поспѣшно бросилась къ оружію и двинулась на встрѣчу непріятелю въ нѣкоторомъ безпорядкѣ. Клавдій Неронъ, желая воспользоваться тѣмъ, приказалъ конницѣ 3-го легіона атаковать передовыя войска Аннибала, дабы опрокинуть ихъ прежде, нежели они успѣютъ построиться къ бою. Конница опрокинула передовыя войска и 1-я римская линія уже вступила въ бой. Карѳагенскія войска, хотя и въ безпорядкѣ, но поддерживаемыя постепенно подходившими сзади, упорно сопротивлялись римлянамъ, которые, въ совершенномъ порядкѣ, тѣснили ихъ все болѣе и болѣе. Аннибалъ старался возстановить порядокъ въ своей арміи, и успѣлъ бы въ этомъ, еслибы боевой крикъ римскихъ когортъ, вышедшихъ изъ-за холмовъ слѣва, не устрашилъ его войскъ, опасавшихся быть отрѣзанными отъ своего лагеря. Вскорѣ всѣ они пришли въ разстройство и безпорядокъ, бросились въ свой лагерь и успѣли спастись въ немъ, хотя, атакованныя римскою конницею съ тыла, а когортами во флангъ, потеряли около 8,000 чел. уби-

тыми, 700 чел. плѣнными, 9 знаменъ, 4-хъ слоновъ убитыми и 2-хъ взятыхъ римлянами, которые съ своей стороны потеряли только около 500 чел.

На слѣдующій день Клавдій Неронъ снова построился къ бою, но видя, что Аннибалъ не выходитъ, велѣлъ похоронить убитыхъ (знакъ побѣды) и въ слѣдующіе дни разсыпалъ свою конницу вокругъ Аннибалова лагеря и даже угрожалъ атаковать послѣдній. Кончилось тѣмъ, что Аннибалъ ночью, оставивъ огни и переднія палатки, а на валу часть нумидійцевъ, около 3-й стражи (12—3 ч. утра) вышелъ безъ шума изъ лагеря и двинулся въ Апулію, безъ сомнѣнія для того, чтобы идти на соединеніе съ Аздрубаломъ. На другой день утромъ Клавдій Неронъ снова подступилъ къ карѳагенскому лагерю, но узнавъ, что Аннибалъ ушелъ, двинулся за нимъ усиленными переходами и, настигнувъ его близъ Венузіи, стремительно атаковалъ армію его на походѣ врасплохъ и нанесъ ей до 2,000 чел. урону. Послѣ этого Аннибалъ, уже слишкомъ ослабленный, отступилъ къ Метапонту, откуда послалъ Ганнона набирать войска въ Бруттіѣ. Когда они были набраны, онъ снова двинулся тѣмъ же путемъ къ Венузіи и потомъ къ Канузію. Клавдій Неронъ слѣдовалъ за нимъ неотступно, не теряя его изъ виду и приказавъ Фульвію съ его арміей стать въ Луканіи, дабы постоянно держать Аннибала между трехъ римскихъ армій.

Между тѣмъ Аздрубалъ, только напрасно потерявъ время за осадой Плаценціи, кончилъ тѣмъ, что снялъ ее, не взявъ этого города, и наконецъ уже двинулся въ южную Италію, выславъ впередъ 4-хъ галльскихъ и 2-хъ нумидійскихъ всадниковъ, чтобъ увѣдомить Аннибала о своемъ движеніи и направленіи его. Къ удивленію, всадники эти благополучно проѣхали черезъ всю Италію до самой Апуліи, но ошиблись въ дорогѣ къ Метапонту, гдѣ тогда находился Аннибалъ, и, слишкомъ сблизясь съ Тарентомъ, были перехвачены римскими войсками и отправлены подъ стражей къ Клавдію Нерону. Послѣдній, прочитавъ письма отъ Аздрубала къ Аннибалу и удостовѣряясь въ грозившей опасности, рѣшилъ, что какъ обстоятельства выходили совершенно изъ ряда обыкновенныхъ, то и мѣры въ нихъ слѣдовало принять также необыкновенныя. Онъ

отправилъ перехваченныя письма сенату, и такъ какъ Аздрубалъ приглашалъ Аннибала соединиться съ нимъ въ Умбріи, то совѣтовалъ призвать въ Римъ легіонъ изъ Капуи и послать 2 городскіе легіона въ Нарнію (н. Narni), въ южной Умбріи (что и было исполнено), а о себѣ увѣдомилъ, что немедленно двинется въ Піценъ, на соединеніе съ консуломъ Ливіемъ. Затѣмъ онъ разослалъ ко всѣмъ жителямъ, на пути его въ Піценъ, гонцовъ съ приказаніемъ приготовить для его арміи продовольствіе, повозки, лошадей, вьючныхъ животныхъ и пр., необходимые для ускоренія и обезпеченія его движенія; выбралъ изъ своей арміи отрядъ отборныхъ войскъ (6,000 чел. пѣхоты и 1,000 чел. конницы), которому приказалъ быть готовымъ къ походу въ Луканію, и, выступивъ съ нимъ ночью, быстро двинулся въ Піценъ (н. Анконская Мархія), оставивъ армію подъ начальствомъ своего легата Кація.

Въ Римѣ, къ удивленію, никто не умѣлъ достойно оцѣнить рѣшимости Клавдія Нерона, а напротивъ всѣ пришли въ страхъ и опасеніе, чтобы Аннибалъ не устремился вслѣдъ за нимъ и не подавилъ небольшаго отряда его, или не атаковалъ и не разбилъ его армію, ослабленную и начальствуемую безъизвѣстнымъ еще легатомъ, а съ другой стороны, чтобы самъ Клавдій Неронъ не былъ разбитъ тѣмъ самымъ Аздрубаломъ, который уже обманулъ его въ Испаніи и котораго, послѣ его перехода черезъ Альпы, ставили едва-ли не выше самаго Аннибала. Таковъ былъ страхъ, еще внушаемый римлянамъ Аннибаломъ и Аздрубаломъ, и который не позволялъ имъ даже вѣрно и достойно оцѣнять смѣлыя и искусныя соображенія собственныхъ полководцевъ! Послѣдствія вскорѣ доказали имъ, до какой степени они были въ ослѣпленіи.

Клавдій Неронъ, удалясь достаточно отъ Аннибала, объявилъ своимъ войскамъ истинную цѣль своего движенія, прибавивъ, что ни одинъ полководецъ никогда дотолѣ не отваживался на предпріятіе, по видимому столь смѣлое и опасное, въ дѣйствительности же столь вѣрное и ведшее къ несомнѣнной побѣдѣ, ибо армія консула Ливія была многочисленнѣе и лучше всѣхъ, сражавшихся противъ Аннибала, и потому малѣйшее подкрѣпленіе оной несомнѣнно склонитъ побѣду на ея сторону, тѣмъ болѣе, что онъ принялъ всѣ

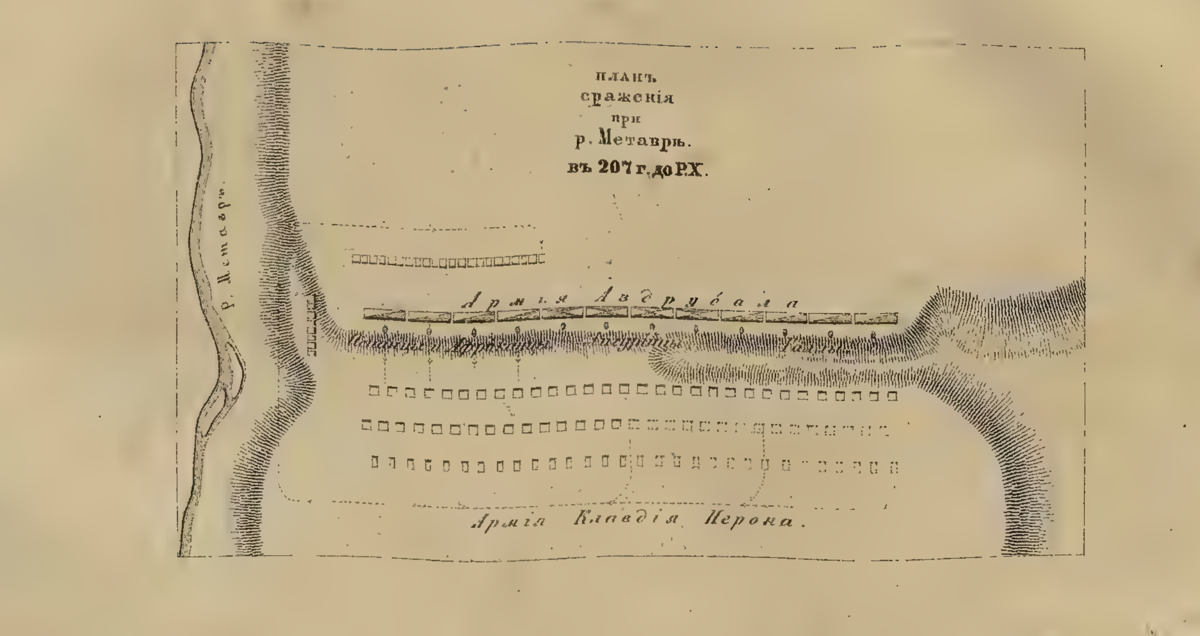
мѣры для того, чтобы непріятель не зналъ о его движеніи и чтобы появленіе его отряда въ минуту боя было совершенно неожиданное, наконецъ — что отрядъ его, имѣя подвергнуться только части опасности, могъ быть увѣренъ, что слава будетъ принадлежать ему нераздѣльно. Это чрезвычайно одушевило его войска, да и всѣхъ жителей края, встрѣчавшихъ и провожавшихъ ихъ съ восторгомъ, провозглашая спасителями отечества въ опасности.

Клавдій Неронъ не преминулъ также предварить консула Ливія и спросить у него, желаетъ-ли онъ, чтобы отрядъ его, Клавдія Нерона, присоединился къ нему днемъ или ночью и расположился въ одномъ лагерѣ съ его арміей или отдѣльно? Ливій отвѣчалъ ему, что не считалъ нужнымъ увеличивать свой лагерь и уже приказалъ своимъ войскамъ принять въ свои ряды воиновъ его, Клавдія Нерона, по оружію и чинамъ, что оказалось нетруднымъ, такъ какъ отрядъ послѣдняго, хотя и увеличился на пути присоединеніемъ къ нему многихъ ветерановъ и волонтеровъ, но, слѣдуя на-легкѣ, безъ тяжестей, долженъ былъ занимать немного мѣста. Ливій былъ въ это время расположенъ лагеремъ близъ устья р. Метавра (н. Metauro) и недалеко отъ Фана (Fanum Fortunae, въ земляхъ сеннонскихъ галловъ, н. Fano, между Римини и Анконой). Преторъ Порцій, отступая передъ Аздрубаломъ и безпрестанно тревожа и задерживая его, расположился въ отдѣльномъ лагерѣ, правѣе Ливія, ближе къ Фану, а Аздрубалъ—противъ Ливія, въ 500 шагахъ отъ него, правымъ флангомъ къ Метавру.

Клавдій Неронъ, благодаря всѣмъ мѣрамъ, заблаговременно принятымъ имъ, шелъ такъ быстро, что совершилъ весь путь—270 римскихъ миль (болѣе 270 верстъ) отъ Канузія до Фана—въ 7 сутокъ, слѣдовательно около 40 миль (болѣе 40 верстъ) въ сутки—вдвое болѣе обыкновенныхъ римскихъ суточныхъ переходовъ въ 20 миль! Скрытно приблизясь къ лагерю Ливія, къ вечеру онъ расположился за высотами, а ночью безъ шума вступилъ въ лагерь Ливія. На другой день былъ собранъ военный совѣтъ, большинство голосовъ въ которомъ полагало дать вновь прибывшимъ войскамъ отдыхъ и время осмотрѣться. Но Клавдій Неронъ возсталъ противъ этого, представивъ, что малѣйшее промедленіе могло раскрыть

глаза Аннибалу и позволить ему разбить армію его, Клавдія Нерона, оставшуюся въ Апуліи, и соединиться съ Аздрубаломъ, между тѣмъ какъ, пока Аннибалъ полагалъ еще, что передъ нимъ вся консульская армія, можно было разбить Аздрубала и уничтожить его армію. Всѣ согласились съ Клавдіемъ Нерономъ и немедленно былъ поданъ сигналъ къ бою и армія построена въ боевой порядокъ. Аздрубалова уже была также построена къ бою; но Аздрубалъ, выѣхавъ нѣсколько впередъ съ небольшимъ отрядомъ конницы, замѣтилъ, что у нѣкоторыхъ римскихъ легіонеровъ щиты не были вычищены (полированы), что между римской конницей были лошади, болѣе худыя въ тѣлѣ, нежели прочія, и что армія Ливія была какъ будто сильнѣе. Это возбудило въ немъ подозрѣніе, онъ подалъ сигналъ къ отступленію и послалъ отряды конницы, какъ для развѣданія, такъ и для того, чтобы захватить плѣнныхъ. Возвратившіеся всадники донесли, что въ римскихъ лагеряхъ не было никакой перемѣны; но позже онъ узналъ, что въ лагерѣ Порція былъ слышенъ только одинъ сигналъ, а въ лагерѣ Ливія два. Тогда уже у него не осталось болѣе никакого сомнѣнія, что передъ нимъ находились оба консула, что повергло его въ совершенное недоумѣніе и онъ подумалъ, что либо Аннибалъ былъ разбитъ, либо былъ обманутъ, либо наконецъ, что письма его, Аздрубала, были перехвачены. Подъ вліяніемъ этихъ тревожныхъ мыслей, онъ рѣшился отступить и продолжать свое движеніе въ южную Италію. Въ 1-ю стражу ночи (послѣ 6-ти часовъ вечера), приказавъ потушить огни въ лагерѣ, онъ двинулся вверхъ по лѣвому берегу Метавра. Проводники были, вѣроятно, недостаточно оберегаемы и одинъ спрятался, а другой бѣжалъ за Метавръ. Въ темнотѣ вечера и наступившей ночи, армія Аздрубала шла на угадъ и не въ надлежащемъ порядкѣ: многіе изъ воиновъ, выйдя изъ рядовъ, шли порознь полями и даже ложились на землю. Аздрубалъ, желая соблюсти порядокъ въ движеніи, приказалъ, чтобы до разсвѣта знамена двигались вдоль берега Метавра, а на разсвѣтѣ хотѣлъ перейдти черезъ рѣку въ бродъ и отдѣлить себя ею отъ римскихъ армій. Но въ темнотѣ невозможно было видѣть знаменъ, а частыя извилины Метавра только удлинняли и затрудняли движеніе, тѣмъ болѣе, что Метавръ все болѣе стѣс-

нялся горами и становился глубокимъ и неудобопроходимымъ въ бродъ. Все это крайне замедлило движенiе армiи Аздрубала, а римлянамъ дало время и возможность послѣдовать за нею. Клавдiй Неронъ первый настигъ ее со всею конницей, а вслѣдъ за нимъ прибылъ Порцiй съ легкою пѣхотой, и оба начали сильно тѣснить войска Аздрубала, шедшiя въ хвостѣ его армiи. Видя, что въ этихъ обстоятельствахъ ему уже невозможно было продолжать движенiе, Аздрубалъ выбралъ на ближайшей высотѣ (около 10 римскихъ миль или болѣе 10 верстъ отъ Фана) ровное мѣсто подъ лагерь и приказалъ укрѣплять его. Но вслѣдъ затѣмъ прибылъ и Ливiй со всею тяжелою пѣхотой и не въ походномъ порядкѣ, а въ боевомъ—въ колоннахъ по когортамъ и безъ тяжестей, и вся римская армiя тотчасъ же построилась въ боевой порядокъ. Тогда и Аздрубалъ, видя, что ему уже невозможно было избѣжать сраженiя, построилъ свою армiю тоже въ боевой порядокъ. Лѣвый флангъ свой онъ примкнулъ къ ручью и прикрылъ оврагомъ и скатомъ высоты, и потому положилъ атаку произвесть своимъ правымъ крыломъ, куда и поставилъ лучшiя и надежнѣйшiя войска свои—испанскiя и африканскiя, подъ личныхъ своимъ начальствомъ, въ центрѣ же помѣстилъ лигурiйцевъ, а на лѣвомъ крылѣ галловъ, надежныхъ менѣе всѣхъ. Впереди онъ поставилъ единственныхъ 10 слоновъ своихъ, конницу же (о которой нигдѣ не упоминается) вѣроятно позади пѣхоты, ибо на флангахъ для нея не было мѣста. Сколько именно у него было всего войскъ—въ точности неизвѣстно, но судя по тому, что Ливiй и Порцiй, имѣвшiе, до прибытiя Клавдiя Нерона, около 34,000 войскъ, не рѣшились атаковать Аздрубала, съ вѣроятностью предполагаютъ, что у него должно было находиться въ строю нѣсколько менѣе или болѣе 40,000 войскъ, у консуловъ же и у Порцiя было всего около 42,000 войскъ, слѣдовательно вообще силы съ обѣихъ сторонъ были почти равныя. Въ римской армiи, Клавдiй Неронъ, съ войсками своего отряда (около 8,000) составлялъ правое крыло противъ галловъ, легiоны Порцiя—центръ противъ лигурiйцевъ, а легiоны Ливiя—лѣвое крыло противъ испанцевъ и африканцевъ. Такъ какъ поле сраженiя было стѣснено въ ширину мѣстностью, то Аздрубалъ построилъ свою армiю въ 2,



ПЛАНЪ
сраженія
при
р. Метавръ.
въ 207 г. до Р.Х.
Армія Аздрубала
Армія Клавдія Нерона.
р. Метавръ.

а консулы свои въ 3 линіи. Римская конница (не участвовавшая въ бою) по той же причинѣ была поставлена, вѣроятно, за 3-ею линіей.

Аздрубалъ, съ рѣшимостью отчаянія твердо положившій побѣдить или погибнуть, первый открылъ бой сильною атакой Ливія своимъ правымъ крыломъ. Первый ударъ былъ чрезвычайно сильный и африканскія войска съ равнымъ успѣхомъ сражались съ 1-ю линіею Ливія. Слоны сначала привели-было ее въ безпорядокъ, но когда обѣ первыя римскія линіи сблизились, слоны, стѣсненные сражавшимися, испуганные шумомъ сраженія и крикомъ сражавшихся, и поражаемые римлянами, нанесли столько же вреда собственнымъ войскамъ, сколько и римскимъ. Между тѣмъ Клавдій Неронъ, видя что мѣстность не позволяла ему атаковать галловъ ни съ фронта, ни во флангъ, равно и галламъ атаковать его самаго, искусно воспользовался тѣмъ для произведенія движенія и атаки, которыя должны были рѣшить побѣду. Оставивъ на мѣстѣ свои когорты 1-й линіи, онъ, подъ прикрытіемъ ихъ, двинулся съ когортами 2-й и 3-й линій позади римскихъ армій влѣво и атаковалъ испанцевъ (на крайнемъ правомъ флангѣ Аздрубала) во флангъ и въ тылъ. Тогда испанцы, атакованные съ трехъ сторонъ, были совершенно разбиты, а пораженіе ихъ постепенно перешло на африканцовъ, лигурійцевъ и наконецъ галловъ; послѣдніе всѣхъ менѣе оказали сопротивленіе и, почти не обороняясь, позволяли себя убивать или брать въ плѣнъ. Изъ 10 слоновъ, 6 были убиты ихъ же вожаками, а 4 взяты римлянами. Аздрубалъ же, послѣ тщетныхъ усилій поддержать порядокъ въ своихъ войскахъ и подвиговъ отчаянной личной храбрости, видя, что все погибло, бросился въ середину римскихъ когортъ и палъ достойною сына Амилькара и брата Аннибала смертію. Армія его претерпѣла такое пораженіе, которое было подобіемъ пораженія римлянъ при Каннахъ: за исключеніемъ 5,400 чел. взятыхъ въ плѣнъ и немногихъ успѣвшихъ спастись (въ томъ числѣ, вѣроятно, и конницы), почти всѣ остальныя войска этой арміи, бывшія въ бою, были истреблены. Римляне же потеряли 8,000 чел., но освободили 4,000 римскихъ военноплѣнныхъ.

Разсматривая въ совокупности движенія и дѣйствія Аздрубала и римскихъ консуловъ, особенно Клавдія Нерона, до сраженія при

Метаврѣ и въ самомъ этомъ сраженіи, нельзя не упрекнуть перваго и не воздать полной хвалы послѣднимъ. Несчастная судьба Аздрубала невольно возбуждаетъ полное участіе къ себѣ, но Аздрубалъ самъ былъ виною ея, какъ упомянутымъ уже выше промедленіемъ въ Испаніи, Галліи и особенно при совершенно ненужной и безполезной осадѣ Плаценціи, такъ и тѣмъ, что, съ самаго начала встрѣчи своей съ Порціемъ и Ливіемъ, не отступилъ передъ ними скрытно и тихо ночью, какъ обыкновенно отступалъ Аннибалъ (не туша, а поддерживая огни, и не въ 1-ю, а въ 3-ю стражу ночи передъ разсвѣтомъ) и не двинулся быстро обходомъ въ южную Италію, словомъ—всегда и во всемъ медлилъ и поступалъ неловко, не во-время и некстати, упуская изъ виду главную цѣль свою—соединеніе съ Аннибаломъ, который, напротивъ, никогда не дѣлалъ ничего подобнаго. И притомъ, къ довершенію своего несчастія, онъ, какъ нарочно, поступалъ такъ (разумѣется, не зная того) именно въ то время, когда Клавдій Неронъ задумалъ и съ удивительными: быстротою и успѣхомъ исполнилъ свое чрезвычайно смѣлое, даже отважное, но и необыкновенно искусное движеніе отъ Канузія къ Фану, на соединеніе съ Ливіемъ,—соединясь съ нимъ, настоялъ на немедленной атакѣ Аздрубала и наконецъ въ самомъ сраженіи, искусными своими: движеніемъ на лѣвый флангъ Ливія и атакой праваго крыла Аздрубала во флангъ и въ тылъ, рѣшилъ побѣду, а съ нею и судьбу Аздрубала и даже самаго Аннибала. Планъ Клавдія Нерона, всѣ мѣры его къ успѣшному исполненію онаго, необыкновенные: быстрота и успѣхъ его движенія и вообще всѣ дѣйствія его до и во время сраженія при Метаврѣ, единогласно, справедливо и достойно восхваляются древними и новѣйшими историками и вполнѣ заслуживаютъ того. Смѣлость и отважность движенія Клавдія Нерона заключались въ томъ, что могли подвергнуть ослабленную 6-ю тысячами отборныхъ войскъ армію Клавдія Нерона при Канузіѣ пораженію Аннибаломъ, а потому требовали столько же осторожности противъ послѣдняго, сколько, и даже еще болѣе, быстроты движенія отряда его, Клавдія Нерона. Но въ томъ и другомъ отношеніи Клавдій Неронъ принялъ всѣ необходимыя мѣры—и, какъ сказано выше, въ 7 сутокъ прошелъ 270 римскихъ миль отъ Канузія до Фана! При этомъ

замѣчательно и достойно всякой похвалы также взаимное согласіе обоихъ консуловъ между собою и военнаго совѣта съ вѣрнымъ мнѣніемъ Клавдія Нерона. Наконецъ слѣдуетъ сказать, что Клавдій Неронъ расчитывалъ на нравственное вліяніе своего внезапнаго соединенія съ Ливіемъ на Аздрубала гораздо болѣе, нежели на усиленіе 34 т. войскъ Ливія своимъ 6-ти тысячнымъ отрядомъ—и не ошибся, какъ то и было объяснено выше въ отношеніи къ Аздрубалу. Такимъ образомъ вообще, во всемъ этомъ кратковременномъ, но въ высокой степени важномъ и замѣчательномъ періодѣ похода и даже войны, Клавдій Неронъ является истиннымъ героемъ его, гораздо выше Аздрубала и даже—говоря только исключительно объ этомъ времени—выше Аннибала. Дѣйствительно, совершенное бездѣйствіе послѣдняго при Канузіѣ во время отсутствія Клавдія Нерона—такая загадка, которую ничѣмъ невозможно объяснить. Правда, что письма Аздрубала были перехвачены и Аннибалъ, не получая отъ него извѣстій и не зная, гдѣ онъ находится, ждалъ только увѣдомленія о томъ, чтобы идти на соединеніе съ нимъ. Но какимъ образомъ онъ, обыкновенно столь осторожный и прозорливый, имѣвшій и многихъ лазутчиковъ, и такихъ отличныхъ развѣдчиковъ, какъ нумидійцы, цѣлыхъ двѣ недѣли (какъ увидимъ ниже) стоялъ противъ арміи Клавдія Нерона, подъ начальствомъ легата Кація, и не зналъ ничего о движеніи и отсутствіи Клавдія Нерона—по истинѣ непостижимо. Та часть исторіи Полибія, въ которой онъ въ подробности говорилъ объ этомъ, къ сожалѣнію утрачена, почему и невозможно судить о причинахъ его бездѣйствія и невѣдѣнія объ отсутствіи и движеніи Клавдія Нерона. Нѣтъ сомнѣнія, впрочемъ, что у такого великаго полководца, какъ Аннибалъ, такія причины были и не безъ основанія, и что еслибы только онъ узналъ о движеніи Нерона, то навѣрное немедленно атаковалъ бы армію Кація, и еслибы разбилъ ее, то быстро двинулся бы на сѣверъ, на соединеніе съ Аздрубаломъ. Но счастіе уже рѣшительно обратилось отъ него на сторону римлянъ—и побѣда при Метаврѣ была для него такимъ ударомъ, отъ котораго онъ уже не могъ оправиться, не такъ какъ римляне, которые, послѣ страшнаго побоища при Каннахъ, умѣли и успѣли

не только оправиться, но и склонить судьбу войны рѣшительно на свою сторону.

Вѣсть о побѣдѣ при Метаврѣ произвела въ Римѣ такой всеобщій восторгъ, что, по словамъ Тита Ливія, три легата, посланные съ нею консуломъ Ливіемъ, едва могли протѣсниться до сената сквозь многочисленныя толпы народа, вышедшія на встрѣчу имъ за городскія ворота. Сенатъ назначилъ три дня общественныхъ молитвъ, а между тѣмъ герой побѣды—Клавдій Неронъ, въ слѣдующую же ночь послѣ сраженія, двинулся съ своимъ отрядомъ тѣмъ же путемъ обратно къ Канузію и шелъ еще скорѣе, такъ что вступилъ въ свой лагерь уже на 6-я сутки! А на слѣдующее утро онъ велѣлъ бросить отрубленную голову несчастнаго Аздрубала передовымъ стражамъ Аннибала и послалъ къ нему двухъ плѣнныхъ, для увѣдомленія о всемъ происшедшемъ. Аннибалъ, при всей твердости своего духа, пораженный, какъ громомъ, этимъ страшнымъ для него ударомъ, не могъ воздержаться отъ невольнаго восклицанія, что «ясно видитъ въ этомъ злосчастную судьбу Карѳагена!» Нѣсколько дней спустя онъ двинулся въ Бруттій, гдѣ собралъ разсѣянные всюду гарнизоны свои и принудилъ жителей Метапонта и Луканіи, еще бывшихъ на его сторонѣ, покинуть свои города и послѣдовать за нимъ.

— —

Въ Испаніи Ганнонъ, прибывшій изъ Карѳагена съ войсками на смѣну Аздрубала, соединился съ Магономъ, воротившимся съ балеарскихъ острововъ, и оба вмѣстѣ расположились лагеремъ въ земляхъ цельтиберянъ, для набора въ нихъ войскъ. Сципіонъ отрядилъ противъ нихъ легата Силана съ отрядомъ войскъ силой около 10 т. чел. пѣхоты и 500 чел. конницы. Силанъ совершилъ это движеніе такъ искусно, что напалъ совсѣмъ неожиданно на Магона, стоявшаго въ отдѣльномъ лагерѣ съ 9 т. цельтиберянъ, и взялъ его лагерь приступомъ, а затѣмъ разбилъ и взялъ въ плѣнъ Ганнона съ его арміей, прибывшаго слишкомъ поздно на помощь Магону. Послѣдній, съ 2 т. чел. пѣхоты и съ конницей спасся къ Аздрубалу, сыну Гисконову, находившемуся въ области Бэтикѣ (н. Андалузія), къ с. отъ Гадеса (н. Cadix). Сципіонъ двинулся противъ Аздрубала, но онъ размѣстилъ свои войска по гарнизонамъ и заперся въ Гадесѣ. Тогда

Сципіонъ, вмѣсто осады всѣхъ этихъ городовъ, отрядилъ брата своего, Луція (извѣстнаго въ послѣдствіи подъ названіемъ азіятскаго) съ 10 т. чел. пѣхоты и 1 т. чел. конницы, для осады города Орингиса (находившагося въ нынѣшней области Севильѣ, между Ossuna и Ronda), главнаго складочнаго и опорнаго пункта карѳагенянъ. Городъ этотъ былъ взятъ приступомъ и тогда Корнелій Сципіонъ расположился на зиму въ Тарраконѣ.

Съ другой стороны Валерій Левинъ съ флотомъ направился къ берегамъ Африки, разорилъ окрестности Утики (н. Боасхатръ, близъ Туниса), атаковалъ и разбилъ карѳагенскій флотъ въ 70 судовъ, плывшій въ Сицилію, взялъ 17 судовъ и потопилъ 4. А въ Греціи Сулпицій, соединивъ свой флотъ съ флотомъ Аттала, царя пергамскаго, произвелъ съ послѣднимъ нѣсколько предпріятій противъ владѣній Филиппа македонскаго и на зиму воротился въ Эгину (н. Энгія, въ аѳинскомъ заливѣ).

Въ концѣ лѣта римскій сенатъ, получивъ донесеніе Ливія, что арміи Порція (2 легіона) достаточно для цизальпинской Галліи, постановилъ: Ливію воротиться въ Римъ съ своей арміей, а Клавдію Нерону лично безъ арміи, что̀ означало, что первый удостоивается большаго тріумфа, а второй малаго. Тріумфъ этотъ былъ тѣмъ великолѣпнѣе, что былъ первымъ со времени начала этой войны. Ливій въѣхалъ въ Римъ на колесницѣ, сопровождаемый своими легіонами, а за нимъ слѣдовалъ Клавдій Неронъ одинъ, на конѣ, но взоры всѣхъ и похвалы воиновъ были обращены къ Клавдію Нерону, котораго всѣ провозглашали побѣдителемъ Аздрубала.

§ 187.

13-й походъ 20[illegible] года.

Бездѣйствіе въ Италіи — сраженіе при Илингѣ въ Испаніи.

Въ Римѣ на этотъ годъ были выбраны: въ консулы—К. Цецилій Метеллъ и Ветурій Филонъ, а въ преторы—Сервилій, М. Цецилій

Метеллъ, Клавдій Азеллій и Мамилій Туринъ. Такъ какъ побѣда при Метаврѣ совершенно измѣнила положеніе дѣлъ въ Италіи и Аннибалъ, лишенный всякой надежды на помощь изъ Испаніи и Карѳагена, съ своею ослабленною арміей не могъ ничего предпринимать противъ Капуи и Тарента и былъ вынужденъ ограничиваться собственною обороной въ части Луканіи и Бруттія, то сенатъ призналъ возможнымъ распустить 2 легіона Ливія и 3 легіона Фульвія и уменьшить армію до числа 19 легіоновъ, изъ которыхъ только 4 (т. е. 2 арміи) имѣли быть употреблены противъ Аннибала. Вслѣдствіе того послѣднему были противупоставлены оба консула съ 2-мя арміями или 4-мя легіонами, проконсулу Ливію съ 2 легіонами волоновъ Варрона была назначена Этрурія, претору Мамилію съ 2-мя легіонами Порція—цизальпинская Галлія, претору Сервилію съ каннскими легіонами—Сицилія, претору Клавдію съ 2-мя легіонами—Сардинія, претору Гостилію съ 2-мя легіонами—воротиться въ Римъ, Сципіону съ 4-мя легіонами—оставаться въ Испаніи, пропреторамъ Гостилію и Клавдію, каждому съ 1 легіономъ—оставаться въ Капуѣ и Тарентѣ, проконсулу Левину передать претору Сервилію въ Сициліи 30 военныхъ судовъ, а съ остальными воротиться, и наконецъ Сулпицію—оставаться въ Греціи. Обоимъ консуламъ было приказано возвратить въ дома всѣхъ сельскихъ жителей, которымъ прежде было повелѣно укрыться въ городахъ. Но бо̀льшая часть этихъ сельскихъ жителей погибла во время войны или находилась въ арміяхъ, такъ что для сельскихъ работъ недоставало ни рабочихъ, ни скота. Однако многіе изъ землевладѣльцевъ воротились къ сельскимъ работамъ, особенно въ ближайшихъ къ Риму областяхъ; отдаленныя же на сѣверѣ и особенно на югѣ были болѣе или менѣе разорены войной.

Походъ былъ открытъ вступленіемъ консуловъ въ земли Консенціи (н. Cosenza), въ среднемъ Бруттіѣ, и разореніемъ ихъ. Но атакованные въ одномъ горномъ ущельѣ бруттійцами и нумидійскими стрѣлками, консулы подверглись большой опасности, однако успѣли выбраться изъ ущелья и, двинувшись противъ луканянъ, принудили ихъ покориться безъ боя.

Аннибалъ не трогался изъ Бруттія и римляне не смѣли атаковать

его въ немъ, такъ грозно еще было для нихъ одно имя его. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что образъ дѣйствій его въ томъ трудномъ положеніи, въ которомъ онъ находился теперь, заслуживаетъ еще болѣе удивленія, нежели во времена наибольшихъ счастія и успѣховъ его. Уже болѣе 12-ти лѣтъ велъ онъ войну въ самомъ средоточіи владѣній Рима въ Италіи, вдали отъ Карѳагена и Испаніи, съ разноплеменною арміей, постепенно уменьшавшеюся числомъ и силой, часто нуждавшеюся и въ жалованьѣ, и въ одеждѣ, и въ продовольствіи, переносившею неимовѣрные труды, лишенія и опасности, но, не смотря на то, никогда не разрывавшею узъ, соединявшихъ войска ея между собою и съ ихъ великимъ полководцемъ. Особенно послѣ пораженія и смерти Аздрубала Аннибалъ заслуживаетъ наибольшаго удивленія. Лишенный всѣхъ своихъ надеждъ, которыя онъ основывалъ на помощи арміи Аздрубала, вынужденный удалиться въ южную часть Бруттія и только изъ нея извлекать все, что было необходимо для содержанія своей арміи, но уменьшать эти средства отнятіемъ рукъ отъ сельскихъ работъ и собирать подъ свои знамена колебавшіяся племена, которыхъ къ военной службѣ побуждала только алчность къ деньгамъ, грабежу и добычѣ, онъ умѣлъ однако всегда содержать такую армію въ строгихъ дисциплинѣ и повиновеніи. Совершенно покинутый на произволъ судьбы своимъ правительствомъ, помышлявшимъ только объ удержаніи за собою Испаніи, откуда оно добывало деньги, Аннибалъ только величіемъ и силою своего характера и искуства еще удерживался въ Италіи, такъ что двѣ и три римскія арміи, стѣснявшія его, никогда не смѣли одновременно, совокупно и рѣшительно атаковать его, что было легко возможно имъ и каждый годъ болѣе и болѣе. И если вспомнить, что это были римскія арміи, нерѣдко предводимыя **отличными** полководцами, то удивленіе къ Аннибалу возрастетъ еще болѣе.

Но тамъ, гдѣ его не было, оружіе римлянъ торжествовало всюду, особенно тамъ, гдѣ, какъ въ Испаніи, былъ такой полководецъ, какъ уже много обѣщавшій молодой Корнелій Сципіонъ. Аздрубалъ, сынъ Гисконовъ, и Магонъ употребили всю зиму на пополненіе и преобразованіе своей арміи въ области Бэтикѣ (н. Андалузія), на лѣвой сторонѣ р. Бэтиса (н. Гвадалквиръ), имѣя въ тылу за собою глав-

нымъ складочнымъ и опорнымъ пунктомъ своимъ въ южной Испаніи приморскій городъ Гадесъ (н. Cadix). Въ началѣ весны, въ арміи ихъ уже было около 50 т. чел. пѣхоты и около 4500 чел. конницы (въ томъ числѣ, какъ кажется, около 20 т. чел. африканской пѣхоты и около 1,500 чел. нумидійской конницы). Съ этою арміей они перешли черезъ р. Бэтисъ и расположились лагеремъ на правомъ берегу ея, близъ города, который Полибій называетъ Илингой, а Титъ Ливій Сильпіей, и который, судя по описанію послѣдняго, долженъ былъ находиться на томъ мѣстѣ, гдѣ позже былъ городъ Иллипа, еще позже называвшійся Италикой (Italica) и Старой Севильей (Sevilla veta), къ в. или ю. в. отъ нынѣшней Севильи, близъ Санъ-Лукара, на правомъ берегу р. Гвадалкивира. Лагерь Аздрубала и Магона былъ расположенъ на гребнѣ высотъ, у подошвы которыхъ растилалась равнина, замыкавшаяся съ противуположной стороны такими же высотами. Но въ какомъ положеніи въ отношеніи къ Бэтису, фронтомъ, тыломъ или однимъ изъ фланговъ къ нему, изъ текстовъ Полибія и Тита Ливія не видно, однако изъ послѣдующихъ дѣйствій должно, кажется, заключить, что онъ былъ расположенъ правымъ флангомъ въ направленіи къ р. Бэтису, а фронтомъ къ сѣверо-востоку, откуда Аздрубалъ и Магонъ ожидали Сципіона.

Послѣдній также употребилъ зиму на усиленіе своей арміи (4 легіона) наборомъ вспомогательныхъ испанскихъ войскъ, однако такъ, чтобы число ихъ не превосходило числа римскихъ войскъ, потому что помнилъ бѣдственную участь отца и дяди своихъ, погибшихъ вслѣдствіе измѣны и отложенія испанцовъ. Для этого онъ послалъ легата своего Силана къ одному изъ могущественнѣйшихъ въ Испаніи владѣтельныхъ вождей, Колхасу, для полученія отъ него обѣщанныхъ имъ вспомогательныхъ войскъ, а самъ, оставивъ въ Тарраконѣ римскій гарнизонъ, двинулся на юго-западъ къ р. Бэтису, вездѣ на пути оставляя въ городахъ римскіе гарнизоны и присоединяя къ себѣ вербованныя вспомогательныя испанскія войска. Между Кастулономъ и Бэкулой на р. Бэтисѣ, къ нему присоединился Силанъ съ 3 т. чел. пѣхоты и 500 чел. конницы испанскихъ войскъ, съ которыми силы арміи Сципіона возрасли приблизительно до 45 т. чел. пѣхоты и 3 т. чел. конницы (въ томъ числѣ римскихъ отъ 23 до 24 т. чел., т. е.

ПЛАНЪ

Сраженія при Илипѣ

въ 206 г. до Р.Х.

Армія Аздрубала

Конница Нумидійск. Испан. Испанцы Африканская пѣхота Испанцы Конница Нумидійск. Испан.

Армія Сципіона

Лѣвое крыло (Юлій Силанъ)

Правое крыло (Сципіонъ)

Картографическое Зав. А. Ильина по Б. Мал. Д. № 3/2

2 легіона и около 20—22 т. испанцовъ). Съ этою арміей онъ двинулся противъ Аздрубала и Магона такъ, что отрѣзалъ ихъ отъ Гадеса и—какъ изъ послѣдующаго усмотрѣно будетъ—отъ р. Бэтиса и расположился на противуположныхъ карѳагенскому лагерю высотахъ, какъ кажется, лѣвымъ флангомъ въ направленіи къ р. Бэтису.

Едва только войска Сципіона начали укрѣплять свой лагерь, какъ противъ нихъ двинулись: Магонъ—съ тяжелою конницей, а Массинисса—съ нумидійскою. Но Сципіонъ заранѣе принялъ мѣры противъ того, поставивъ свою конницу въ засаду, независимо отъ того, что укрѣпленіе лагеря прикрывала, по обыкновенію, легкая пѣхота, поддерживаемая сторожевыми когортами. Встрѣченная этими войсками съ фронта и атакованная римскою конницей изъ засады, конница Магона и Массиниссы была отражена съ урономъ. Нѣсколько дней спустя, рано утромъ, обѣ арміи, римская прежде, вышли изъ своихъ лагерей и построились на равнинѣ, у подошвы высотъ, въ боевой порядокъ, слѣдующимъ образомъ:

Сципіонъ имѣлъ въ виду: 1-е не противупоставлять испанскимъ войскамъ испанскихъ, 2-е удерживая непріятеля въ центрѣ, сильно атаковать его съ обоихъ фланговъ римскими пѣхотой и конницей, легіонною пѣхотой—съ фронта, а легкою пѣхотой и конницей во флангъ и съ тыла. Вслѣдствіе того, онъ прежде всего двинулъ противъ непріятельскаго лагеря всю свою легкую пѣхоту и конницу, а подъ прикрытіемъ ихъ вышелъ самъ со всею тяжелою пѣхотой, которую построилъ въ серединѣ равнины противъ непріятельскаго лагеря.

Аздрубалъ, увидавъ выступленіе римскихъ легкой пѣхоты и конницы, выслалъ также и свои, а усмотрѣвъ вслѣдъ затѣмъ и выступленіе римской тяжелой или легіонной пѣхоты, поспѣшилъ самъ выйти съ своею тяжелою пѣхотой, которую и построилъ также на равнинѣ, противъ римской, въ одну линію, африканскую — въ центрѣ, а испанскую — на флангахъ. А когда Сципіонъ отозвалъ назадъ свою конницу, то и Аздрубалъ отозвалъ свою и поставилъ тяжелую на флангахъ пѣхоты, а нумидійскую на флангахъ тяжелой, слоновъ же передъ ними.

Между тѣмъ Сципіонъ съ своею тяжелою пѣхотой, прикрытой легкою, двинулся впередъ и, дойдя до линіи фронта непріятельской

тяжелой пѣхоты шаговъ на 500, быстро перестроилъ свою тяжелую пѣхоту въ тотъ боевой порядокъ, въ которомъ хотѣлъ атаковать, а именно: испанскія войска—въ центрѣ, а римскія и союзныя—попоамъ на флангахъ, всѣ въ три линіи, по манипуламъ, въ шахматномъ порядкѣ, для пропуска велитовъ и конницы. Пока онъ строилъ эти войска, впереди происходилъ бой между легкою пѣхотой, а когда кончилъ построеніе, отозвалъ своихъ велитовъ и поставилъ ихъ позади линій тяжелой пѣхоты, конницу же—за ними. Затѣмъ онъ немедленно построилъ тяжелую пѣхоту по когортамъ и двинулся впередъ, имѣя длину фронта меньшую противъ непріятельской, которая на обоихъ флангахъ своихъ была шаговъ на 150 длиннѣе римской. Подступивъ къ непріятельской линіи шаговъ на 200, онъ приказалъ испанцамъ въ центрѣ продолжать движеніе впередъ тихимъ шагомъ, а когортамъ и конницѣ сдѣлать захожденіе, правымъ—на право, а лѣвымъ—на лѣво; затѣмъ самъ Сципіонъ съ одною полною когортой на правомъ флангѣ, а Марцій и Силанъ съ такою же когортой на лѣвомъ, двинулись скорымъ шагомъ вкось, прямо къ оконечностямъ праваго и лѣваго фланговъ непріятельской арміи, а за ними тѣмъ же шагомъ и въ томъ же направленіи послѣдовали всѣ остальныя когорты праваго и лѣваго римскихъ фланговъ. Двигаясь такимъ образомъ, фланговыя когорты были уже близъ непріятеля, когда испанскія войска были еще далеко отъ него. Первыя изъ нихъ, приблизясь къ непріятелю, быстро развернули фронтъ передъ нимъ, на правомъ флангѣ—велиты и конница вправо, а тяжелая пѣхота влѣво, а на лѣвомъ флангѣ—на оборотъ, тяжелая пѣхота—параллельно испанской пѣхотѣ непріятельской арміи, вровень съ ея флангами, а велиты и конница—далѣе ея наружныхъ фланговъ. Затѣмъ велиты осыпали метательнымъ оружіемъ слоновъ, которые нанесли столько же и даже болѣе вреда собственнымъ, нежели римскимъ войскамъ, и въ одно и тоже время, на правомъ и на лѣвомъ флангахъ, римскія и союзныя войска вдругъ и стремительно атаковали фланговыя непріятельскія: испанскую пѣхоту и тяжелую и легкую конницу, тяжелая пѣхота—съ фронта, а велиты и конница—захожденіемъ и заѣздомъ на лѣво и на право—во флангъ и въ тылъ.

Здѣсь изложенъ подробно постепенный ходъ движеній и построе-

ній Сципіоновыхъ центра и фланговъ, но на самомъ дѣлѣ это было исполнено на походѣ, чрезвычайно скоро, стройно, точно, вѣрно и въ порядкѣ, такъ что, говоря вообще, пока центръ подвигался впередъ очень медленно, оба крыла быстро опередили его въ косвенныхъ направленіяхъ и атаковали оба непріятельскія крыла съ фронта, фланговъ и тыла. Результатъ всѣхъ этихъ, чрезвычайно искусныхъ и замѣчательныхъ соображеній, движеній и построеній Сципіона былъ именно такой, какого онъ желалъ и ожидалъ. Карѳагенская конница была легко и скоро охвачена, атакована, опрокинута, разбита и разсѣяна; слоны бросились на свою пѣхоту, а испанцы, которые были не въ состояніи сопротивляться римской легіонной пѣхотѣ, притомъ съ утра не ѣвшіе и не пившіе, утомленные и приведенные въ безпорядокъ и разстройство, были разбиты на голову. Еслибы африканская пѣхота въ центрѣ арміи Аздрубала не была устроена гораздо лучше испанской, то вся эта армія была бы истреблена; но пѣхота эта, дотолѣ удерживаемая испанскою въ центрѣ римской арміи, отступила въ большомъ порядкѣ, удержала преслѣдованіе римлянъ и тѣмъ спасла разбитые остатки своей арміи.

Сраженіе при Илингѣ и всѣ соображенія и распоряженія Сципіона передъ нимъ и въ продолженіе его изложены здѣсь съ нѣкоторою подробностью по той причинѣ, что во 1-хъ всѣми древними и новыми военными историками и писателями единогласно признаны образцовыми и чрезвычайно искусными и замѣчательными въ тактическомъ отношеніи, и дѣйствительно таковы,—и во 2-хъ въ стратегическомъ отношеніи также имѣли необыкновенно важные результаты и послѣдствія. Бо̀льшая часть союзниковъ карѳагенянъ въ Испаніи немедленно отложилась отъ нихъ, а Аздрубалъ хотѣлъ перейти на лѣвую сторону р. Бэтиса и отступить къ Гадесу, но расположеніемъ Сципіона былъ отрѣзанъ отъ того и другаго (доказательство, что онъ, непонятнымъ образомъ, сражался правымъ флангомъ къ Бэтису) и принужденъ идти внизъ по правому берегу Бэтиса. Но настигнутый Сципіономъ въ то время, когда хотѣлъ расположиться въ укрѣпленномъ лагерѣ на высотахъ близъ устья Бэтиса въ море, и значительно ослаблен-

ный истребленіемъ одной и бѣгствомъ другой части своихъ испанскихъ войскъ, былъ вторично разбитъ и только 6 т. остатковъ его 50-ти тысячной арміи успѣли спастить въ укрѣпленномъ лагерѣ близъ устья Бэтиса, а самъ Аздрубалъ лично спасся моремъ въ Гадесъ. Сципіонъ же, оставивъ Силана съ 10 т. чел. пѣхоты и 1 т. чел. конницы противъ лагеря 6 т. карѳагенскихъ войскъ, возвратился въ Тарраконъ. Вскорѣ Магонъ также покинулъ остатки арміи и спасся въ Гадесъ. Лишенные начальника и надежды на помощь, эти остатки карѳагенской арміи сдались Силану, который затѣмъ присоединился къ Сципіону. Послѣдній, нѣсколько времени спустя, осадилъ Илитургисъ (н. Andujar), а Марцій въ тоже время Кастубонъ по близости: изъ нихъ первый городъ былъ взятъ приступомъ, а второй сдался и Марцій былъ посланъ къ Астапѣ, близъ Гадеса (вѣроятно около н. Хереса близъ Кадикса). Вооруженные жители его вышли на встрѣчу Марцію, для боя съ нимъ, но были разбиты, а оставшіеся въ городѣ зажгли городъ и погибли въ огнѣ.

Между тѣмъ Сципіонъ, изъ Тарракона прибывшій въ Новый Карѳагенъ, заболѣлъ. Въ Испаніи распространился слухъ о его смерти, который возбудилъ возстаніе Индибилиса и Мандонія, властельныхъ вождей племенъ части нынѣшней Каталоніи, а также и 8 т. римскихъ войскъ, расположенныхъ лагеремъ близъ устья нынѣшней р. Хукаръ, къ югу отъ Валенсіи. Это послѣднее возстаніе было усмирено Сципіономъ, который, перейдя затѣмъ съ арміей на лѣвую сторону р. Ибера, разбилъ Индибилиса и Мандонія въ сраженіи и эти два вождя покорились снова. Затѣмъ Сципіонъ, оставивъ въ Тарраконѣ Силана съ частію войскъ, съ остальными двинулся къ Гадесу. Близъ этого города онъ заключилъ съ Массиниссой предварительныя условія мирнаго договора. А Магонъ, братъ Аннибала, находившійся въ Гадесѣ, получилъ отъ карѳагенскаго сената деньги и приказаніе отправиться моремъ на флотѣ въ цизальпинскую Галлію и Лигурію, набрать тамъ наемныхъ войскъ и присоединиться съ ними къ Аннибалу. Захвативъ въ Гадесѣ всѣ деньги и богатства, какія только могъ найти въ немъ, Магонъ отправился моремъ на балеарскіе острова, провелъ на меньшемъ изъ нихъ (Minorca) зиму въ укрѣп-

ленномъ лагерѣ, который въ послѣдствіи обратился въ городъ, носящій и нынѣ названіе порта Магона (Port Mahon). Аздрубалъ, сынъ Гисконовъ, еще передъ тѣмъ отправился изъ Гадеса въ Африку, а по удаленіи и Магона изъ этого города, послѣдній сдался римлянамъ. Довершивъ этимъ покореніе Испаніи, Сципіонъ оставилъ въ ней римскую армію подъ начальствомъ легатовъ Корнелія Лентула и Манлія Ацидина, и отправился въ Римъ.

Такимъ образомъ побѣда Сципіона при Илингѣ въ 206 году покорила Испанію римлянамъ, подобно тому, какъ побѣда при р. Метаврѣ въ 207 году, благодаря Клавдію Нерону, возстановила власть Рима въ Италіи, за исключеніемъ только части Бруттія и Луканіи, въ которой еще держался грозный для Рима Аннибалъ, и для окончанія войны оставалось только вытѣснить его наконецъ совершенно изъ Италіи и побѣдить Карѳагенъ въ собственныхъ его владѣніяхъ въ Африкѣ. На переходъ же перевѣса войны на сторону Карѳагена уже не было ни малѣйшей надежды.

§ 188.

14-й походъ 205-го года.

Сципіонъ — консулъ; — планъ его; — дѣйствія Магона въ Лигуріи.

Въ Римѣ на этотъ годъ были выбраны: въ консулы — Корнелій Сципіонъ, покоритель Испаніи, единогласно, и Лициній Крассъ, а въ преторы—Лукрецій, Октавій, Сервилій Цепіонъ и Эмилій Папъ. Консулу Лицинію былъ назначенъ Бруттій, а Сципіону Сицилія. Но общественное мнѣніе желало и требовало отъ послѣдняго гораздо болѣе, именно—окончанія наконецъ войны, столь долго продолжавшейся и столь для всѣхъ тягостной, единственнымъ средствомъ признавая перенесеніе войны въ Африку, для отозванія туда Аннибала на защиту Карѳагена, а единственнымъ полководцемъ, способнымъ на то, считая Сципіона. Нѣтъ сомнѣнія, что мысль эту внушилъ и поддерживалъ самъ Сципіонъ и что она была вполнѣ вѣрная. Ободренный своими успѣхами въ Испаніи, исполненный увѣренности въ самомъ себѣ, приготовившій несомнѣнныя средства

успѣха, наконецъ побуждаемый честолюбивымъ желаніемъ кончить какъ можно скорѣе войну и побѣдить дотолѣ непобѣдимаго Аннибала, а съ нимъ и ненавистный Карѳагенъ, Сципіонъ гласно возвѣщалъ, что выбранъ въ консулы для окончанія, а не для продленія войны, и что необходимо было предоставить ему перенесеніе оной въ Африку. Сенатъ подвергъ это своему обсужденію. Фабій и Фульвій, бывшіе диктаторъ и консулы, изъ зависти воспротивились предложенію Сципіона, но послѣдній опровергъ ихъ доводы, а остальные сенаторы, опасаясь, чтобъ онъ не обратился къ народу, вполнѣ сочувствовавшему ему, избрали среднюю мѣру, которая худо скрывала ихъ нерасположеніе. Положено было — дозволить Сципіону переправиться въ Африку, если польза республики того потребуетъ, но для этого ему не было назначено ни войскъ, ни денегъ для снаряженія флота, какого въ Сициліи уже не было. Въ этомъ рѣшеніи своемъ, державный сенатъ римскій явилъ очень мало патріотизма и великодушія, но очень много низкихъ побужденій и малодушія!

Сципіонъ не захотѣлъ настаивать и ссориться съ сенатомъ, а обратился къ союзникамъ Рима. Всѣ они, особенно этруски, умбры, сабиняне, марсы, пелигны, марруцины и вестины, поспѣшили отозваться на его призывъ и съ такою готовностью и въ такомъ изобиліи снабдили его людьми, деньгами, матеріалами, продовольствіемъ и проч., что уже 45 дней послѣ закладки перваго военно-морскаго судна, Сципіонъ вышелъ въ море съ 30-ю военными и 30-ю перевозными судами, на которыхъ, кромѣ морскихъ экипажей, было 7 т. волонтеровъ.

Арміи же были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: консулъ Лициній получилъ 2 легіона Ветурія, проконсулъ Метеллъ сохранилъ 2 свои легіона, проконсулъ Ливій остался въ цизальпинской Галліи съ своими 2 легіонами, преторъ Лукреций получилъ 2 легіона Мамилія въ цизальпинской Галліи, преторъ Октавій — 2 легіона въ Сардиніи, преторъ Эмилій — 2 каннскіе легіона въ Сициліи, Корнелій и Манлій сохранили свои 4 легіона въ Испаніи съ званіемъ проконсуловъ, Клавдій и Гостилій остались въ Капуѣ и Тарентѣ, каждый съ 1 легіономъ, и наконецъ, городскіе легіоны 207-го года остались въ

гарнизонѣ въ Римѣ, такъ что всего было опять 19 легіоновъ на службѣ.

Въ началѣ лѣта Магонъ переправился на 30-ти судахъ съ острова Минорки, съ набранными на немъ зимою 12 т. чел. пѣхоты и 2 т. чел. конницы, къ Генуѣ, которую нашелъ безъ войскъ и занялъ. Жители нынѣшней Албенги, воевавшіе съ прочими горными жителями приморскихъ Альповъ, призвали его на помощь. Магонъ оставилъ въ Савонѣ свои тяжести, съ 10-ю судами для охраненія ихъ, 20 остальныхъ отослалъ въ Карѳагенъ и двинулся на-легкѣ въ земли албенгцовъ, съ которыми заключилъ союзъ. Этотъ союзъ и военная извѣстность Магона вскорѣ дозволили ему усилить свою небольшую армію галлами, отовсюду спѣшившими стать подъ его знамена. Римскій сенатъ, увѣдомленный объ этомъ, приказалъ Ливію съ его 2-мя легіонами волоновъ стать въ Ариминіѣ, а Сервилію послать 2 городскіе легіона изъ Рима въ Аррецій.

Между тѣмъ въ Бруттіѣ арміи римскія и Аннибала оставались въ бездѣйствіи, вслѣдствіе свирѣпствовавшей въ нихъ чумы. Въ это именно время Аннибалъ, расположенный лагеремъ близъ Кротона, воздвигъ близъ храма Юноны луцинійской памятникъ, на которомъ приказалъ начертать, на греческомъ и пуническомъ языкахъ, свои подвиги.

Близъ Сардиніи преторъ *Октавій захватилъ 80 карѳагенскихъ* перевозныхъ судовъ съ продовольствіемъ.

Сципіонъ, прибывъ съ Сицилію, занялся устройствомъ своихъ 7 т. волонтеровъ, въ видѣ легіона, и придалъ имъ 300 чел. конницы, набранной и снабженной лошадьми, оружіемъ и пр. на счетъ знатныхъ семействъ въ Сициліи.

Въ Испаніи Индибилисъ и Мандоній снова возстали и, соединясь съ седетанами (около н. Хироны) и илергетами (на правой сторонѣ р. Сегры, въ Аррагоніи), перешли черезъ р. Иберъ съ 30 т. чел. пѣхоты и 4 т. чел. конницы. Проконсулы немедленно двинулись противъ нихъ и вступили съ ними въ сраженіе, въ которомъ сначала 12-й легіонъ сильно пострадалъ, но потомъ, когда 13-й легіонъ вступилъ въ 1-ю линію, а конница непріятельская была опрокинута, вся остальная испанская армія была разбита, съ урономъ 13 т. чел.

убитыми (въ томъ числѣ Индибилисъ) и 800 чел. взятыми въ плѣнъ. Вслѣдъ затѣмъ возставшіе испанцы покорились и выдали Мандонія и другихъ зачинщиковъ возстанія, которые и были казнены.

Между тѣмъ Сципіонъ приказалъ исправить 30 военныхъ судовъ, находившихся въ Сициліи, а своему легату Лелію сдѣлать съ ними высадку въ Африкѣ. Лелій присталъ къ Гиппонѣ (Hippone Regium, н. Бона), и тогда карѳагенскій сенатъ, устрашенный грозившею Карѳагену опасностью вторженія Сципіона, задумалъ отвратить ее диверсіей въ Италіи, ускоривъ движеніе въ нее Магона. Для этого онъ послалъ ему 25 военныхъ судовъ, 6 т. чел. пѣхоты, 800 чел. конницы, 7 слоновъ и довольно значительную сумму денегъ, съ тѣмъ, чтобы онъ какъ можно скорѣе набралъ войска и двинулся на соединеніе съ Аннибаломъ. Магонъ тотчасъ потребовалъ войскъ отъ галловъ и лигурійцевъ; но первые объявили невозможнымъ сдѣлать это открыто въ виду римской арміи, стоявшей въ Ариминіѣ, но обѣщали сдѣлать все возможное втайнѣ;—лигурійцы же, не имѣя тѣхъ же причинъ, обѣщали выставить войска черезъ два мѣсяца. А проконсулъ Ливій соединился съ Лукреціемъ и, вступивъ въ земли боіевъ, расположился такъ, чтобы наблюдать за Магономъ и преградить ему путь въ южную Италію.

Въ Гиппонѣ Лелій имѣлъ свиданіе съ Массиниссой, который, будучи изгнанъ Сифаксомъ изъ своихъ владѣній, приглашалъ Сципіона ускорить своимъ прибытіемъ въ Африку, гдѣ обѣщалъ всѣми мѣрами содѣйствовать ему, и особенно совѣтовалъ не довѣрять Сифаксу, склонявшемуся на сторону карѳагенянъ. Но приготовленія Сципіона еще не были кончены и онъ былъ принужденъ отложить до времени свою переправу въ Африку. А между тѣмъ онъ нашелъ возможность воспользоваться своимъ пребываніемъ въ Сициліи, для исполненія одного предпріятія, которое уже пытался совершить консулъ Криспинъ (см. выше) и имѣвшее цѣлію еще болѣе стѣснить Аннибала въ южной Италіи, а именно—овладѣть городомъ Локры, что̀ и удалось посредствомъ передачи ему одного изъ двухъ замковъ Локръ заговорщиками, склоненными къ тому локрійскими изгнанниками, жившими въ Регіѣ. Замокъ этотъ былъ внезапно взятъ частію римскаго гарнизона Регія, а Амилькаръ, начальствовавшій карѳа-

генскимъ гарнизономъ въ Локрахъ, отступилъ съ нимъ въ другой замокъ. Аннибалъ, узнавъ о томъ, приблизился къ этому замку и приказалъ Амилькару сдѣлать сильную вылазку въ то время, какъ онъ самъ произведетъ нападеніе на замокъ, занятый римлянами. Сципіонъ, съ своей стороны, узнавъ о движеніи Аннибала къ Локрамъ, немедленно отплылъ изъ Мессены съ частію флота и прибылъ къ Локрамъ вечеромъ того самаго дня, въ который Аннибалъ подступилъ къ этому городу. Ночью, высадившись на берегъ, Сципіонъ построилъ свои войска внутри города, позади его стѣнъ, и на слѣдующее утро, когда войска Аннибала подступили къ замку съ лѣстницами, Сципіонъ вышелъ изъ города и опрокинулъ ихъ съ урономъ. Аннибалъ, не ожидавшій этого и узнавшій о прибытіи Сципіона, въ слѣдующую ночь отступилъ отъ Локръ, приказавъ Амилькару очистить замокъ. А Сципіонъ, оставивъ въ Локрахъ гарнизонъ, воротился въ Сицилію.

Въ Греціи этоляне заключили миръ съ Филиппомъ македонскимъ (см. ч. II § 118 стр. 48). Семпроній, посланный сенатомъ, съ 10 т. чел. пѣхоты, 1 т. чел. конницы и 30-ю военными судами, въ Грецію на смѣну Сулпиція, старался помѣшать этому миру, но послѣ нѣсколькихъ незначущихъ дѣлъ съ эпирцами и ихъ союзниками, видя, что они наскучили войной, самъ склонился на мирныя предложенія Филиппа и заключилъ съ нимъ мирный договоръ, который въ слѣдующемъ 204 году былъ утвержденъ римскимъ сенатомъ (см. также ч. II § 118 стр. 48), а Семпроній воротился съ своими войсками въ Римъ.

§ 189.

15-й походъ 204-го года.

Переправа Сципіона въ Африку;—дѣйствія и побѣды его въ ней;—двукратный бой при Кротонѣ въ Бруттіѣ.

Въ Римѣ на этотъ годъ были выбраны: въ консулы—Корнелій Цетегъ и Семпроній Тудитанъ (бывшій въ Греціи), а въ преторы—Т. Клавдій Неронъ (не тотъ, что̀ былъ консуломъ, а другой), Марцій Ролла, Скрибаній Либонъ и Помпоній Мато. Такъ какъ въ римскихъ

и Аннибаловой арміяхъ въ южной Италіи свирѣпствовали чума и другія болѣзни, то положено было одну изъ двухъ армій тамъ распустить. Консулу Корнелію была назначена Этрурія, съ 2-мя городскими легіонами, консулу Семпронію съ 2-мя новыми легіонами—Бруттій, претору Помпонію съ 2-мя каннскими легіонами—Сицилія, Сципіону, съ званіемъ проконсула и съ 2-мя сицилійскими легіонами и однимъ, набраннымъ имъ, и съ его флотомъ—также Сицилія, проконсулу Лицинію съ 2-мя легіонами—Бруттій, претору Скрибонію съ 2-мя легіонами—цизальпинская Галлія, пропретору Лукрецію съ 2-мя легіонами—наблюденіе за Магономъ въ Лигуріи, проконсуламъ Корнелію и Манлію съ 2-мя (вмѣсто 4-хъ) легіонами— Испанія и наконецъ Клавдію и Гостилію, съ однимъ легіономъ каждому—Капуа и Тарентъ. Такимъ образомъ въ этомъ году на службѣ было опять 19 легіоновъ.

Въ началѣ года жители Локръ жаловались Сципіону на злоупотребленія и лихоимство назначеннаго въ этотъ городъ префекта Племинія. Но Сципіонъ, слишкомъ занятый своими военными приготовленіями или, можетъ быть, слишкомъ довѣрявшій Племинію, не удовлетворилъ жалобы локрянъ, которые тогда принесли жалобу сенату. Здѣсь враги Сципіона и въ главѣ ихъ бывшій диктаторъ Фабій (къ стыду его) и почти всѣ главные сенаторы, изъ низкой зависти къ Сципіону, требовали низложенія его и отозванія въ Римъ. Къ счастію сенатъ устыдился такого несправедливаго приговора и послалъ въ Локры и Сицилію претора Помпонія съ 2-мя народными трибунами и 10-ю слѣдователями, для изслѣдованія жалобы локрянъ. Слѣдствіемъ этого было то, что Племиній и 32 сообщника его были осуждены и заключены въ Римѣ въ темницы (первое проявленіе между римлянами общественнаго лихоимства), Сципіонъ же не только былъ вполнѣ оправданъ, но, по отзыву слѣдователей, признанъ единственнымъ человѣкомъ, который былъ въ состояніи кончить войну. Вслѣдствіе того сенатъ разрѣшилъ Сципіону переправиться въ Африку, когда и съ какими войсками онъ пожелаетъ, что приносило сенату много, а Фабію и врагамъ Сципіона очень мало чести.

Между тѣмъ въ Африкѣ Аздрубалъ, сынъ Гисконовъ, нашелъ средство отклонить Сифакса отъ союза съ римлянами, выдавъ за

него красавицу дочь свою, знаменитую Софонизбу, въ которую Сифаксъ влюбился. Подъ вліяніемъ ея, Сифаксъ послалъ сказать Сципіону, что если римляне переправятся въ Африку, то онъ будетъ принужденъ объявить себя противъ нихъ. Сципіонъ, дабы не лишиться также и помощи Массиниссы, поспѣшилъ отправиться въ Африку. Собравъ всѣ свои войска и флотъ въ Лилибеѣ, онъ уговорился съ Помпоніемъ касательно состава арміи, предназначаемой въ Африку, и охраненія Сициліи. Изъ числа всѣхъ легіоновъ въ ихъ распоряженіи, Сципіонъ выбралъ преимущественно 2 каннскіе, принявшіе №№ 5-й и 6-й, потому что они были составлены изъ самыхъ старыхъ, заслуженыхъ и опытныхъ воиновъ, приговоренныхъ служить до самаго конца войны за пораженіе при Каннахъ, въ которомъ, по мнѣнію Сципіона, не были виноваты. Выборъ ихъ произвелъ между ними восторгъ, очень понятный и тѣмъ большій, что они, какъ и всѣ прочія войска въ Сициліи, уже успѣли оцѣнить высокія достоинства Сципіона и предаться ему всею душой. Сципіонъ усилилъ эти 2 легіона до числа 6,200 чел. пѣхоты и 300 чел. конницы каждый, уволилъ неспособныхъ къ службѣ ветерановъ и замѣнилъ ихъ волонтерами изъ прежде набраннаго имъ легіона, усиленнаго до такого же числа пѣхоты и конницы. Образовавъ такимъ образомъ (съ легіонами союзниковъ) отличную армію, силой около 40 т. чел. пѣхоты и 2700 чел. конницы, онъ посадилъ ее на 400 перевозныхъ судовъ и, подъ прикрытіемъ передовыхъ 40 военно-морскихъ судовъ, раздѣленныхъ на 2 эскадры, отправился въ Африку, начальствуя лично правымъ крыломъ и имѣя подъ своимъ начальствомъ брата своего, Луція, а начальство надъ лѣвымъ крыломъ поручивъ вѣрному своему легату Лелію.

Совершивъ переѣздъ моремъ благополучно, онъ высадился на мысѣ къ западу отъ Карѳагена и подступилъ съ арміей на 1 милю (нѣсколько болѣе 1 версты) къ Утикѣ (н. Боасхатъ, близъ Туниса), а флотъ его бросилъ якорь на рейдѣ этого города. Ужасъ распространился въ Карѳагенѣ, не имѣвшемъ въ это время ни арміи, ни полководца для сопротивленія Сципіону, стоявшему почти подъ стѣнами столицы. Былъ только одинъ Аздрубалъ, сынъ Гисконовъ, но и тотъ находился у Сифакса. Сенатъ немедленно послалъ къ нему, призы-

вая его въ Кареагенъ и убѣждая склонить Сифакса къ вооруженію противъ Сципіона, а между тѣмъ началъ наскоро набирать войска и поручилъ Ганнону, сыну Амилькарову, съ 4 т. чел. конницы, наблюдать за Сципіономъ. Ганнонъ, сдѣлавъ нѣсколько развѣданій, небрежно расположился на квартирахъ въ одномъ мѣстечкѣ, миляхъ въ 15-ти отъ римскаго лагеря. Сципіонъ, желая избавиться отъ Ганнонова отряда, послалъ противъ него Массиниссу, присоединившагося къ римской арміи съ нумидійскою конницей, силой около 2 т. чел., и самъ послѣдовалъ за нимъ съ римскою конницей, которую скрылъ въ засадѣ за холмами. Конница Ганнона, поспѣшно выступивъ съ своихъ квартиръ, оттѣснила Массиниссу до засады, но стремительно атакованная изъ нея римскою конницей, охваченная и окруженная Сципіономъ и Массиниссой, была разбита, обращена въ бѣгство и преслѣдована, потерявъ около 3 т. убитыми (въ томъ числѣ Ганнона и 200 знатныхъ кареагенянъ) и взятыми въ плѣнъ. Вслѣдъ затѣмъ Сципіонъ осадилъ Утику — и едва-ли не сдѣлалъ того же, въ чемъ такъ упрекали Аннибала, когда онъ послѣ сраженія при Каннахъ не пошелъ къ Риму. Но обстоятельства были совершенно иныя: Аннибалъ справедливо не призналъ благоразумнымъ и осторожнымъ идти къ Риму, какъ было достаточно объяснено въ своемъ мѣстѣ выше;—Кареагенъ же былъ совершенно беззащитенъ, какъ внутри, такъ и извнѣ въ полѣ, и Сципіонъ, послѣ пораженія Ганнона, могъ бы съ своею отличною арміей овладѣть имъ или покрайней мѣрѣ обложить его съ сухаго пути и моря, оставивъ только часть войскъ для наблюденія за Утикой и прикрытія себя со стороны этого города. А пока онъ 40 дней осаждалъ Утику, Аздрубалъ съ 50 т. чел. пѣхоты и 10 т. чел. конницы и Сифаксъ съ 30 т. чел. пѣхоты и 3 т. чел. конницы, всего съ 80 т. чел. пѣхоты и 13 т. чел. конницы—вдвое болѣе нежели у Сципіона—расположились лагеремъ недалеко отъ лагеря сего послѣдняго. Благопріятная минута была упущена, уже приближалась зима—и Сципіонъ счелъ болѣе благоразумнымъ снять осаду Утики и расположиться на зимнихъ квартирахъ. Перейдя за р. Баградасъ (н. Мегердахъ), онъ расположилъ свою армію въ томъ мѣстѣ на берегу моря, которое съ тѣхъ поръ называлось по его имени Корнелія—Castra Cornelia (н. Гел-

лахъ), и вытащивъ суда своего флота на берегъ, оградилъ ихъ и армію укрѣпленнымъ лагеремъ. Предпочтеніе осады Утики движенію къ Карѳагену, со стороны такого полководца, какъ Сципіонъ, нѣсколько непонятно и странно; но вѣроятно Сципіонъ имѣлъ на то достаточныя причины.

Въ Италіи войны, можно сказать, уже вовсе не было. Аннибалъ, совершенно стѣсненный въ окрестностяхъ Кротона—единственнаго пункта, остававшагося у него въ южной Италіи, былъ приведенъ въ полное бездѣйствіе. Единственная надежда его была на армію Магона, которую онъ былъ принужденъ выжидать, не отваживаясь идти на встрѣчу ей. Въ арміи его уже почти вовсе не было старыхъ воиновъ, сражавшихся при Треббіи, Тразименскомъ озерѣ и Каннахъ: она была составлена изъ самаго разноплеменнаго и разнороднаго сбора войскъ и не была довольно сильна для одержанія побѣды надъ 2-мя римскими арміями, постоянно стѣснявшими ее, но все еще не отваживавшимися атаковать—Аннибала! Его безпрестанно тревожили частными дѣйствіями малой войны, но атаковать его совокупными силами 2-хъ римскихъ консульскихъ армій (силой до 40,000 и болѣе войскъ)—никто изъ римскихъ полководцевъ не отваживался, таково было могущественное нравственное вліяніе одного имени его—явленіе, болѣе или менѣе усматриваемое въ исторіи всѣхъ великихъ полководцевъ: каждый изъ нихъ, самъ по себѣ, стоилъ цѣлой арміи! Однако и Марцеллъ, и Фульвій, и Клавдій Неронъ не боялись мѣряться силами съ нимъ, и съ успѣхомъ: но не всѣ римскіе полководцы были подобны имъ и благоразумная осторожность большей части изъ нихъ едва-ли не переходила уже за предѣлы и не доходила до малодушія, рѣзко противурѣчившаго смѣлымъ до дерзости и суровымъ до жестокости дѣйствіямъ римскихъ полководцевъ противъ слабѣйшихъ—черта, не очень выгодная для римлянъ.

Однако консулъ Семпроній, едва прибывъ въ свою армію, дерзнулъ помѣряться съ Аннибаломъ и двинулся къ Кротону. Но Аннибалъ, какъ левъ, стѣсненный охотниками, атаковалъ отважнаго Семпронія врасплохъ и прогналъ его, съ урономъ около 1,200 чел., въ его лагерь, однако не счелъ нужнымъ атаковать его въ немъ. Семпроній, получивъ такого рода острастку, призвалъ на соединеніе съ со-

бой Луцинія и ночью двинулся на встрѣчу ему. Соединясь съ нимъ, онъ воротился назадъ и отважился вызвать Аннибала на бой, который и былъ припятъ Аннибаломъ, но разрѣшился въ пользу не его, а Семпронія—и разбитый Аннибалъ, потерявъ около 4,000 человѣкъ, отступилъ къ Кротону.

Между тѣмъ Магонъ еще не предпринималъ движенія въ южную Италію, но Этрурія уже была готова возстать въ его пользу, однако была удержана въ повиновеніи передвиженіями и дѣйствіями консула Корнелія.

§ 190.

16-й и послѣдній въ Италіи походъ 203 года.—Дѣйствія и побѣды Сципіона въ Африкѣ;—пораженіе Магона;—удаленіе Аннибала изъ Италіи.

Въ Римѣ на этотъ годъ были выбраны: въ консулы—Сервилій Цепіонъ и Сервилій Геминъ, а въ преторы—Корнелій Лентулъ, Квинктилій Варъ, Элій Петъ и Виллій Таппулъ. Цепіону съ 2-мя легіонами Семпронія былъ назначенъ Бруттій, Гемину съ 2-мя легіонами Корнелія—Этрурія, Корнелію съ 2-мя легіонами Скрибонія—цизальпинская Галлія, Семпронію—2 легіона Лицинія въ Бруттіѣ, претору Квинктилію Вару — 2 легіона Лукреція въ цизальпинской Галліи, претору Виллію съ 2-мя легіонами, съ 3,000 чел. новаго набора для пополненія ихъ и съ 13-ю военными судами для пополненія флота до числа 40 судовъ—Сицилія, а претору Лентулу съ 2-мя легіонами—Сардинія. Въ Испаніи были оставлены тѣ же проконсулы и та же армія. Сципіону продолжено начальствованіе до окончанія войны. Пропретору Октавію было дано 13 военныхъ судовъ и 2,000 войскъ для обороны береговъ Сардиніи, а пропретору Марцію—40 военныхъ судовъ и 3,000 войскъ для обороны береговъ Италіи. Наконецъ, были набраны 2 новые городскіе легіона, такъ что въ этомъ году всего на службѣ было 20 легіоновъ (около 185 или 190,000 войскъ) и 160 военныхъ судовъ.

Въ Африкѣ кароагеняне зимой, съ цѣлію выиграть время и замедлить дѣйствія Сципіона, поручили Сифаксу предложить послѣднему условія мира. Они надѣялись, что, затянувъ переговоры, да-

дутъ время, или Магону—предпринять рѣшительное движеніе, которое принудило бы Сципіона воротиться въ Италію, или же Аннибалу воротиться въ Африку. Сципіонъ, помышлявшій не о мирѣ, а о томъ, чтобы избавиться отъ армій Аздрубала и Сифакса, охотно согласился на переговоры о мирѣ—для того, чтобы подъ этимъ предлогомъ развѣдать расположеніе и взаимныя сообщенія отдѣльныхъ лагерей Аздрубала и Сифакса. Онъ послалъ къ Сифаксу уполномоченныхъ и даже согласился на временное прекращеніе военныхъ дѣйствій. А когда уполномоченные его, нѣсколько разъ ѣздившіе въ лагери Аздрубала и Сифакса, сообщили ему всѣ нужныя свѣдѣнія, изъ которыхъ онъ усмотрѣлъ, что оба лагеря были неправильно и дурно расположены и что служба въ нихъ исполнялась очень небрежно, тогда онъ прервалъ переговоры. Съ приближеніемъ же весны (въ февралѣ) онъ отрядилъ 2,000 войскъ для занятія того мѣста передъ Утикой, гдѣ онъ былъ расположенъ лагеремъ во время осады этого города, дабы обезпечить себя съ этой стороны, и началъ готовиться, по видимому, къ возобновленію этой осады. Аздрубалъ и Сифаксъ обратили на это все свое вниманіе, а Сципіонъ въ 1-ю стражу ночи (между 6 и 9 часовъ вечера) тихо вышелъ изъ своего лагеря, самъ съ одною половиною арміи, а Лелій съ другою, и оба, въ одно и то же время ночью, произвели внезапное нападеніе на оба лагеря, взяли ихъ съ боя и сожгли, и разбили Аздрубала и Сифакса на-голову, нанеся имъ огромный уронъ—до 40,000 чел. убитыми и до 5,000 чел. (въ томъ числѣ 11 карѳагенскихъ сенаторовъ) взятыми въ плѣнъ, съ 174 знаменами, 2,700 лошадьми и 6 слонами.

Однако, нѣсколько дней спустя, Аздрубалъ и Сифаксъ, успѣвъ поспѣшно набрать новыя войска, получить подкрѣпленіе изъ 4,000 цельтиберянъ и собрать всего до 30,000 чел. войскъ, двинулись къ Утикѣ, осажденной Сципіономъ. Оставивъ часть войскъ для продолженія осады Утики, Сципіонъ съ главными силами своими двинулся на встрѣчу Аздрубалу и Сифаксу—и вторично разбилъ ихъ. Дабы не дать имъ снова соединиться, онъ послалъ, для преслѣдованія ихъ, Лелія и Массиниссу со всею римскою и нумидійскою конницей и съ отрядомъ отборной пѣхоты, а самъ, прежде нежели воротиться къ Утикѣ, овладѣлъ городами въ окрестностяхъ Карѳагена и въ томъ

числѣ Тунесомъ, который нашелъ покинутымъ. Карѳагеняне, сильно встревоженные осадой Утики, хотѣли съ моря заставить снять ее и, собравъ большой флотъ, послали его противъ Сципіонова. Такъ какъ послѣдній былъ гораздо слабѣе, то Сципіонъ приказалъ ему отступить во внутренность рейда и заслонить его 4-мя линіями перевозныхъ судовъ, поставленныхъ бокъ-о-бокъ, скрѣпленныхъ цѣпями и покрытыхъ бревенчатою настилкой, на которую Сципіонъ помѣстилъ 1,000 человѣкъ отборной пѣхоты и особенно стрѣлковъ. Какъ ни сильна была атака карѳагенскаго флота, но оборона римлянъ была еще сильнѣе, такъ что карѳагеняне были принуждены удалиться, только успѣвъ взять и увесть съ собою 6 судовъ 1-й линіи.

Между тѣмъ Лелій, шедшій усиленными переходами, въ 15 сутокъ прибылъ во владѣнія Массиниссы, который и вступилъ безъ препятствія въ обладаніе ими. Отсюда онъ и Лелій двинулись во владѣнія Сифакса, разбили его въ сраженіи, въ которомъ онъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ, вскорѣ овладѣли столицей его, Циртой, и всею областью его и затѣмъ воротились къ Сципіону. По возвращеніи ихъ, Сципіонъ съ частію арміи воротился въ Тунесъ, гдѣ докончилъ начатыя укрѣпленія.

Стѣсненные такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ, карѳагеняне снова прибѣгли къ переговорамъ о мирѣ, чтобы только выиграть время. Уполномоченные ихъ согласились на всѣ условія Сципіона и просили перемирія, дабы отправить пословъ въ Римъ, что и было дозволено имъ. А карѳагенскій сенатъ воспользовался тѣмъ, чтобы послать Аннибалу и Магону рѣшительное приказаніе воротиться въ Африку.

Между тѣмъ Магонъ двинулся въ цизальпинскую Галлію и уже дошелъ до земель инсубровъ. Проконсулъ Корнелій и преторъ Квинктилій двинулись противъ него и вызвали его на бой, а онъ, вмѣсто того, чтобъ уклониться отъ боя, не призналъ нужнымъ отказаться отъ него. 11-й и 12-й легіоны Квинктилія были построены по когортамъ въ 1-й линіи, а 13-й и 14-й Корнелія—точно также во 2-й. Магонъ построилъ свою армію также въ 2 линіи, а слоновъ поставилъ на флангахъ за конницей. Корнелій, видя, что непріятель упор-

но выдерживалъ бой съ 1-й линіей пѣхоты, предложилъ произвесть общую атаку конницы. Квинктилій взялъ это на себя и съ сыномъ своимъ Маркомъ двинулся съ конницей всѣхъ четырехъ легіоновъ противъ непріятеля. Но Магонъ двинулъ противъ него слоновъ: испуганныя ими лошади римской конницы стали на мѣстѣ и конница эта сильно пострадала отъ нумидійскихъ стрѣлковъ. И въ 1-й линіи пѣхоты 12-й легіонъ тоже сильно пострадалъ и едва удерживался. Корнелій двинулъ на помощь ему 13-й легіонъ изъ 2-й линіи, а Магонъ, съ своей стороны, галловъ изъ своей 2-й линіи противъ этого легіона, но они были оттѣснены. Между тѣмъ гастаты 11-го легіона, построясь въ манипулы, атаковали слоновъ дротиками и опрокинули ихъ на собственныя ихъ войска, которыя отъ этого пришли въ безпорядокъ и разстройство, а общая атака обѣихъ римскихъ линій увеличила ихъ еще болѣе и принудила всю армію Магона отступить. Пока Магонъ былъ въ первыхъ рядахъ, то поддерживалъ еще порядокъ въ своей арміи и въ ея отступленіи; но когда онъ былъ тяжело раненъ въ ногу выше колѣна и вынесенъ изъ боя почти умиравшимъ, тогда вся армія его пришла въ совершенное разстройство и была разбита, съ потерей до 5,000 чел. убитыми и 18 знаменъ. Римляне потеряли 2,300 чел. убитыми, большею частію 12-го легіона, въ томъ числѣ 3-хъ военныхъ трибуновъ и 18 римскихъ всадниковъ.

Магонъ въ слѣдующую ночь отступилъ малыми переходами въ земли албенгцовъ, гдѣ и получилъ приказаніе сената воротиться въ Африку, но умеръ отъ раны на морѣ близъ Сардиніи, а часть судовъ его была взята римскимъ флотомъ.

И такъ — и послѣдняя надежда угасла для Аннибала, и онъ остался одинъ въ Италіи у Кротона! Консулъ Цепіонъ уже покорилъ многіе города Бруттія и бо̀льшую часть этой области, и даже, по словамъ римскаго историка Валерія Анціата, будто бы разбилъ Аннибала близъ Кротона, но Титъ Ливій признаетъ это показаніе ложнымъ. Въ концѣ лѣта Аннибалъ получилъ приказаніе сената воротиться въ Африку. Глубоко-прискорбно было ему покидать Италію, свидѣтельницу столькихъ побѣдъ его, изъ которой его исторгалъ молодой и счастливый римскій полководецъ, сразу отважившійся низло-

жить Кароагенъ, тогда какъ онъ, побѣдитель при Каннахъ, не отважился напасть на Римъ. Горько было ему достигнуть такого злосчастнаго результата отважнѣйшаго изъ предпріятій, задуманныхъ и исполненныхъ дотолѣ. Но—необходимо было повиноваться сенату и покориться судьбѣ, совершенно противной Кароагену—и онъ, оставивъ, лишь для виду, слабые гарнизоны въ нѣсколькихъ городкахъ Бруттія, еще бывшихъ въ его власти, съ остальными войсками своими, числомъ около 24 т. чел., сѣлъ на имѣвшіяся въ его распоряженіи суда (Кароагенъ даже не прислалъ ему флота!), въ томъ мѣстѣ къ югу отъ Кротона, гдѣ онъ стоялъ лагеремъ и которое съ тѣхъ поръ называлось лагеремъ Аннибала (castra Annibalis), а нынѣ называется li Castelli—и отправился въ Африку.

§ 191.

17-й и послѣдній въ войнѣ походъ 202-го года въ Африкѣ.

Сраженіе при Замѣ;—заключеніе мира.

Въ Римѣ на этотъ годъ были выбраны: въ консулы—М. Сервилій Гeминъ и Т. Клавдій Неронъ. Изъ нихъ Сервилію съ 2-мя легіонами была назначена Этрурія, а Клавдію Нерону—флотъ изъ 50-ти военныхъ судовъ; претору Сексцію съ 2-мя легіонами—цизальпинская Галлія, претору Ливію съ 2-мя легіонами—Бруттій, претору Тремелію съ 2-мя легіонами—Сицилія. 2 легіона были въ Испаніи, 1 въ Сардиніи, 2 городскіе въ Римѣ и 3 легіона у Сципіона въ Африкѣ. Слѣдовательно всего на службѣ было 16 легіоновъ.

Выше было сказано, что въ предъидущемъ году кароагеняне, для выигранія времени, просили и получили отъ Сципіона согласіе на заключеніе перемирія и отправленіе въ Римъ пословъ для переговоровъ о мирѣ. Послы эти, прибывъ въ Римъ, просили римскій сенатъ, чтобы миръ былъ заключенъ не на условіяхъ, указанныхъ Сципіономъ, но на тѣхъ, на которыхъ былъ заключенъ миръ, прекратившій 1-ю пуническую войну. Условія Сципіона заключались въ томъ, чтобы кароагеняне во 1-хъ возвратили всѣхъ римскихъ плѣнныхъ и перемётчиковъ, во 2-хъ отказались отъ Испаніи, въ 3-хъ отозвали

свои арміи изъ южной Италіи (Аннибала) и цизальпинской Галліи (бывшую Магона), въ 4-хъ уступили всѣ острова между Италіей и Африкой, въ 5-хъ выдали всѣ свои морскія суда, исключая 20-ти и въ 6-хъ выдали 500 т. мѣръ пшеницы и 300 т. мѣръ ячменя. Условія же мира, прекратившаго 1-ю пуническую войну, были означены въ своемъ мѣстѣ выше (ч. II гл. XXII § 144 стр. 221). Послѣ нѣсколькихъ переговоровъ и преній съ карѳагенскими послами, римскій сенатъ отослалъ ихъ въ Африку къ Сципіону, дабы онъ самъ рѣшилъ ихъ просьбу.

Между тѣмъ преторъ Лентулъ послалъ Сципіону изъ Сардиніи моремъ 100 судовъ съ продовольствіемъ, а Октавій изъ Сициліи — 200 судовъ, также съ продовольствіемъ, подъ прикрытіемъ 30-ти военныхъ судовъ. Первый транспортъ прибылъ благополучно, но второй, застигнутый бурей у береговъ Африки, былъ выброшенъ, военныя суда—на Аполлоновъ мысъ (н. Разъ-Зибебъ), а перевозныя—частію на островъ Эгимуръ, у входа въ карѳагенскій заливъ, а частію къ югу отъ него, около мѣстности, носившей названіе Aquae calidae (холодныя воды, н. Хамаметъ). Корыстолюбіе и коварство карѳагенянъ не устояло противъ удобнаго случая поживиться добычей отъ римлянъ, не смотря па перемиріе: карѳагенскій сенатъ имѣлъ недобросовѣстность приказать Аздрубалу, съ 50-ю военными судами, захватить римскій транспортъ Октавія. Сципіонъ, справедливо раздраженный такимъ низкимъ коварствомъ, послалъ въ Карѳагенъ моремъ трехъ изъ высшихъ военноначальниковъ своихъ, требовать полнаго удовлетворенія. Но не только въ немъ было отказано, а даже римскіе послы были атакованы 3-мя карѳагенскими военными судами и только по счастливому случаю успѣли спастись. Въ то же время къ Сципіону прибыли изъ Рима карѳагенскіе послы, но онъ не захотѣлъ и слушать ихъ, отослалъ въ Карѳагенъ и приготовился къ дѣятельному продолженію войны.

Это происходило еще въ концѣ 203-го года. Въ томъ же году, въ концѣ лѣта (въ августѣ) Аннибалъ, благополучно совершивъ переѣздъ моремъ изъ Италіи къ берегамъ Африки (не смотря на то, что у римлянъ въ Сициліи и у береговъ Италіи былъ большой флотъ), высадился у Лептика (н. Лемта), близъ Адрумета, на восточномъ берегу визакенской

области, къ ю. в. отъ Карѳагена. Давъ своимъ войскамъ нѣсколько дней отдыха, онъ перешелъ къ Адрумету (н. Геркла или Эркла) и присоединилъ къ себѣ остатки арміи Магона (около 12 т. чел.) и войска новонабранныя Карѳагеномъ послѣ пораженія Аздрубала (также около 12 т. чел.), такъ что у него составилась армія силой около 48 т. чел., которую онъ и сталъ устроивать какъ можно лучше.

Сципіонъ, по прерваніи перемирія, употребилъ зиму и часть весны 202-го года на овладѣніе остальными городами въ окрестностяхъ Карѳагена, дабы совершенно отрѣзать его отъ внутренности страны. Аннибалъ же, не имѣя достаточно конницы, просилъ и получилъ отъ нумидійскаго царя Тихея, союзника Сифакса, 2 т. нумидійцевъ въ подкрѣпленіе. Дабы остановить разорительныя дѣйствія Сципіона и скорѣе кончить войну, либо прочнымъ и выгоднымъ миромъ, либо рѣшительнымъ сраженіемъ, онъ перешелъ отъ Адрумета къ Замѣ, въ 5-ти переходахъ (100 верстахъ) къ западу отъ Карѳагена (положеніе Замы въ точности опредѣлить нельзя) и просилъ у Сципіона свиданія для переговоровъ. Сципіонъ, къ которому между тѣмъ Массиниса привелъ 6 т. чел. пѣхоты и 4 т. чел. конницы, расположился съ своею арміей близъ города Надогары или Наррагарры (близъ Замы, но положеніе его неизвѣстно) и изъявилъ согласіе на свиданіе съ Аннибаломъ, который и приблизился съ своей арміей къ лагерю Сципіона на разстояніе около 4-хъ миль (болѣе 4-хъ верстъ). На другой день эти два знаменитые полководца имѣли свиданіе и вели между собою переговоры, которые однако не имѣли никакого результата, потому что Сципіонъ настаивалъ на безусловной покорности Карѳагена.

На слѣдующій день (въ концѣ весны или началѣ лѣта) обѣ арміи въ одно время вышли изъ своихъ лагерей и построились на открытой равнинѣ, близъ города Замы, въ боевой порядокъ, слѣдующимъ образомъ:

У Сципіона были 3 римскіе и 3 союзные легіона, каждый въ 6,200 чел. войскъ, а всего въ нихъ: тяжелой пѣхоты 12 т. гастатовъ, 12 т. принциповъ и 6 т. тріаріевъ, и того 30 т. чел.,—легкой пѣхоты около 12 т. чел., всего пѣхоты 42 т. чел.,—конницы римской и союзной 2,700 чел., нумидійской 4 т. и того 6,700 а всего всѣхъ войскъ—

ПЛАНЪ

СРАЖЕНІЯ при ЗАМѢ
въ 202 г. до Р.Х.

3я линія

Боевой порядокъ арміи Аннибала

Конница

2я линія

Конница

1я линія

Слоны

Слоны

Слоны

2й боевой порядокъ римской арміи Сципіона

1й боевой порядокъ римской арміи Сципіона

48,700 или около 50 т. чел. — Сципіонъ построилъ свои 6 легіоновъ въ 3 линіи, по манипуламъ, гастатовъ — въ 1-й, съ промежутками въ длину фронта манипулъ, принциповъ—во 2-й и тріаріевъ въ 3-й, но не въ шахматномъ порядкѣ, а манипулы за манипулами, съ цѣлію оставить между ними промежутки для пропуска слоновъ, которыхъ у Аннибала было видно много. Лелій съ легіонною, римскою и союзною, конницей былъ поставленъ на лѣвомъ крылѣ, а Массинисса съ нумидійцами—на правомъ. Легкую пѣхоту свою Сципіонъ поставилъ въ промежуткахъ 1-й линіи гастатовъ, дабы лучше прикрыть расположеніе 2-й и 3-й линій, и приказалъ открыть бой атакой слоновъ и, въ случаѣ оттѣсненія ими, завлечь ихъ въ промежутки манипулъ 1-й линіи, откуда наиболѣе проворные велиты должны были отступить за 3-ю линію, а прочіе—на право и на лѣво за 2-ую и 3-ю линіи. Фронтъ римской тяжелой пѣхоты состоялъ такимъ образомъ изъ 60-ти манипулъ, въ 20 рядовъ каждая, на протяженіи 7,200 римскихъ футовъ (съ промежутками).

Аннибалъ, съ своей сто́роны, имѣлъ, по словамъ нѣкоторыхъ историковъ, всего около 50 т. войскъ, а по словамъ Полибія, въ 1-й линіи—12 т. войскъ, обстоятельства же сраженія свидѣтельствуютъ, что во 2-й линіи онъ долженъ былъ имѣть почти столько же, а въ 3-й вдвое, т. е. 24 т.; число конницы у него въ точности неизвѣстно, но, кажется, было равное числу Сципіоновой или нѣсколько менѣе. Прикрывъ фронтъ своей арміи 80-ю слонами, Аннибалъ построилъ за ними въ 1-й линіи около 12 т. вспомогательныхъ войскъ лигурійскихъ, галльскихъ, балеарскихъ и мавританскихъ—остатковъ арміи Магона, фалангой въ 10 шеренгъ глубины, на протяженіи нѣсколько болѣе 3.600 римскихъ футовъ (слѣдовательно—вдвое короче фронта римской тяжелой пѣхоты). Во 2-й линіи, на обыкновенномъ разстояніи за 1-ою, Аннибалъ построилъ карѳагенскую и африканскую тяжелую пѣхоту (набранную послѣ пораженія Аздрубала), почти въ томъ же числѣ 12 т. и въ томъ же строѣ. Въ 3-й линіи, въ разстояніи нѣсколько болѣе одной римской стадіи (125 геометрическихъ, 190 обыкновенныхъ шаговъ или около 70 сажень) за 2-ю линіей (слѣдовательно далѣе разстоянія между 1-ю и 2-ю линіями), онъ построилъ своихъ ветерановъ Италіи, большею частію бруттійцовъ, числомъ око-

ло 24 т. чел., также въ строѣ фаланги, въ 10 шеренгъ глубины, на протяженіи, почти равнявшемся фронту римской тяжелой пѣхоты. На правомъ крылѣ, противъ Лелія, Аннибалъ поставилъ карѳагенскую конницу, а на лѣвомъ, противъ Массиниссы—нумидійскую. Такого рода построеніе Аннибаломъ своей арміи было основано на знаніи имъ силы арміи Сципіона и обычныхъ строя и образа дѣйствій римскихъ войскъ въ бою. По протяженію фронта ихъ судя, что они построены по манипуламъ и что манипулы принциповъ станутъ, по обыкновенію, въ промежутки манипулъ гастатовъ, а тріаріи одни останутся въ резервѣ, Аннибалъ, безъ сомнѣнія, надѣялся, что оконечности римскихъ линій не будутъ въ состояніи охватить 1-й и 2-й его линій, не подвергаясь сами опасности быть охваченными его 3-ю линіей, и что поэтому первыя двѣ линіи его прорвутъ центръ римскихъ линій и что онъ довершитъ пораженіе ихъ своею 3-ю линіей еще прежде, нежели 3-я римская линія тріаріевъ успѣетъ возстановить порядокъ и бой. Въ случаѣ же пораженія первыхъ двухъ линій своихъ, онъ, безъ сомнѣнія, надѣялся, что это произойдетъ не безъ безпорядка въ первыхъ двухъ линіяхъ римскихъ, которымъ и хотѣлъ воспользоваться для атаки ихъ своею 3-ю линіей. Поэтому-то онъ и поставилъ 3-ю свою линію на такое разстояніе за 2-ю, чтобы опрокинутыя 1-я и 2-я линіи могли свободно отступить на право и на лѣво.

Коль скоро обѣ арміи были построены, Аннибалъ первый двинулъ впередъ всю линію слоновъ. Но обыкновенные у римлянъ, въ началѣ боя, звуки всѣхъ трубъ и роговъ, шумъ оружія и боевой крикъ испугали слоновъ и часть ихъ обратилась назадъ и привела въ безпорядокъ лѣвую фланговую нумидійскую конницу. Массинисса воспользовался тѣмъ и, ударивъ противъ этой конницы, легко опрокинулъ ее. Всѣ остальные слоны обратились на велитовъ, которыхъ смяли, но и сами были переранены ими и наконецъ, большею частію, въ центрѣ, были загнаны въ промежутки римскихъ линій, а на правомъ крылѣ обратились назадъ и смяли карѳагенскую конницу. Лелій также воспользовался тѣмъ и опрокинулъ эту конницу. Такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ осталась одна пѣхота, которая и двинулась одна противъ другой тихимъ шагомъ и въ порядкѣ,

исключая 3-й линіи Аннибала, которая осталась на своемъ мѣстѣ. Но Сципіонъ обманулъ надежды и ожиданія Аннибала и, угадавъ намѣреніе его, вмѣсто того, чтобы двинуть принциповъ за гастатами, сдвинулъ послѣднихъ въ сомкнутый строй фаланги, одинаковаго протяженія съ фронтомъ 1-й линіи Аннибала, и стремительно атаковалъ ими эту послѣднюю, поддерживая ихъ 2-ю и 3-ю своими линіями. Ударъ гастатовъ былъ чрезвычайно сильный, а сопротивленіе 1-й линіи Аннибала—упорное; но наконецъ, будучи не въ состояніи сопротивляться гастатамъ, лучше вооруженнымъ и устроеннымъ, и не поддержанная своею 2-ю линіей, отъ страха недвинувшеюся съ своего мѣста, 1-я линія Аннибала была принуждена уступить и, полагая, что 2-я линія ея измѣнила, съ яростью напала на нее. 2-я линія, съ своей стороны, съ такою же яростью отчаянія, оборонялась противъ нея, такъ что съ обѣихъ сторонъ было довольно много убитыхъ и раненыхъ. А между тѣмъ гастаты тѣснили ихъ болѣе и болѣе, и тогда обѣ первыя линіи Аннибала обратились наконецъ противъ нихъ и привели ихъ въ нѣкоторое разстройство. Но 2-я линія принциповъ подоспѣла на помощь 1-й и первыя двѣ линіи Аннибала были окончательно опрокинуты, разбиты и почти совершенно истреблены. Остатки ихъ бросились на 3-ю линію и ее также привели бы въ разстройство, еслибы Аннибалъ не приказалъ ей выставить свои копья противъ нихъ.

Тогда Сципіонъ положилъ употребить другой, новый строй для атаки 3-й линіи Аннибала—лучшихъ его войскъ и послѣдняго его резерва. Такъ какъ эта линія имѣла фронтъ почти вдвое болѣе длинный, нежели линія гастатовъ, и Сципіонъ не хотѣлъ, чтобы Аннибалъ охватилъ его, притомъ онъ былъ увѣренъ, что конница его воротится изъ преслѣдованія и поможетъ ему побѣдить Аннибала, то и не счелъ нужнымъ сохранять въ резервѣ свою 3-ю линію тріаріевъ, а напротивъ самъ захотѣлъ охватить Аннибала. Вслѣдствіе того, приказавъ гастатамъ отступить и пока они строились на томъ мѣстѣ, гдѣ сначала пришли въ столкновеніе съ 1-ю линіею Аннибала, онъ велѣлъ впереди ихъ убрать раненыхъ и разбросанное оружіе и очистить мѣсто, принципамъ—сомкнуть свои манипулы на-право и на-лѣво и стать въ одну линію съ гастатами, на ихъ флангахъ,

а тріаріямъ—исполнить то же самое и стать на флангахъ принциповъ. Такимъ образомъ онъ построилъ всю свою тяжелую пѣхоту, въ строѣ фаланги, въ одну линію, значительно превосходившую длиною 3-ю линію Аннибала, и атаковалъ послѣднюю, двинувшуюся между тѣмъ впередъ. Бой возобновился съ новыми силой и упорствомъ, и былъ почти равный, потому что у Аннибала было около 24 т. войскъ, а у Сципіона, уже потерявшаго отъ 3 до 4 т. чел.—около 27 или 26 т., а вооруженіе и строй были почти одинаковые. Но когда Лелій и Массинисса воротились изъ преслѣдованія и атаковали линію Аннибала съ тыла, тогда она пришла въ безпорядокъ и разстройство. Бо́льшая часть войскъ ея была истреблена, а наименьшая спаслась бѣгствомъ, но на открытой равнинѣ была преслѣдована конницей Сципіона и понесла при этомъ большой уронъ. Карѳагеняне потеряли всего до 20 т. чел. убитыми, около 20 т. плѣнными, 133 знамени и 11 слоновъ, а римляне около—2 т. чел. убитыми.

Таково было это послѣднее сраженіе при Замѣ, рѣшившее судьбу войны и Карѳагена. Побѣжденный Аннибалъ провозгласивъ: конецъ Карѳагену, спасся съ нѣсколькими всадниками въ Адруметъ, а оттуда вскорѣ отправился моремъ въ Сирію, къ царю Антіоху. Побѣдитель же—Сципіонъ, разграбивъ лагерь Аннибала, воротился къ Утикѣ, гдѣ нашелъ претора Лентула съ 50 военными и 100 перевозными судами съ продовольствіемъ. Присоединивъ эту эскадру въ 50 судовъ къ своей, онъ отправился къ Карѳагену, для обложенія его съ моря, между тѣмъ какъ легатъ его Кней Октавій долженъ былъ вести туда армію, для обложенія города съ сухаго пути (Лелій былъ посланъ въ Римъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ). Въ виду Карѳагена Сципіонъ встрѣтилъ морское судно съ карѳагенскими послами, ѣхавшими просить мира. Назначивъ имъ прибыть въ Тунесъ, онъ воротился въ Утику, откуда двинулся съ своею арміей къ тому лагерю, который прежде занималъ при Тунесѣ. На пути туда онъ узналъ, что сынъ Сифакса, Вермина, приближался съ арміей на помощь Карѳагену. Сципіонъ отрядилъ противъ него всю свою конницу и часть пѣхоты. Вермина былъ разбитъ и едва спасся, поте-

рявъ 15 т. чел. убитыми, 1,200 чел. взятыми въ плѣнъ, 1,500 лошадей и 72 знамени.

Послѣ этой вторичной побѣды, Сципіонъ предписалъ карѳагенянамъ слѣдующія условія: 1-е они имѣли сохранить за собою въ Африкѣ города, которыми владѣли въ ней до начала этой войны, равно ихъ общественныя и частныя имущества, 2-е—они имѣли сохранить также свои законы, управленіе и обычаи, и противъ Карѳагена не должны были болѣе производиться военныя дѣйствія,—3-е они должны были возвратить римлянамъ все захваченное у нихъ во время перемирія и всѣхъ римскихъ плѣнныхъ и переметчиковъ,—4-е выдать всѣ военныя суда, исключая 10-ти,—5-е не вести никакой войны безъ согласія римскаго сената,—6-е возвратить Массиниссѣ всѣ владѣнія его и его предковъ, въ объемѣ, который будетъ указанъ,—7-е выдать римской арміи продовольствія на 3 мѣсяца и жалованья до утвержденія мирнаго договора сенатомъ и народомъ римскими,—8-е заплатить 10 т. талантовъ серебра въ 10 лѣтъ времени и 9-е выдать 100 заложниковъ изъ знатнѣйшихъ родовъ Карѳагена, по выбору Сципіона.

Эти условія были приняты карѳагенянами, утверждены римскими сенатомъ и народомъ и тѣмъ прекращена 2-я пуническая война, продолжавшаяся, со времени взятія Сагунта и объявленія войны, 18 лѣтъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

§ 192. Общій взглядъ на 2-ю пуническую войну и на дѣйствія въ ней карѳагенянъ и римлянъ.—§ 193. Общій взглядъ на дѣйствія Аннибала во 2-й пунической войнѣ.—§ 194. Общій выводъ объ Аннибалѣ, какъ полководцѣ, и объ образѣ и искусствѣ веденія имъ войны.

§ 192.

Общій взглядъ на 2-ю пуническую войну и на дѣйствія въ ней карѳагенянъ и римлянъ.

Изложивъ 2-ю пуническую войну въ частныхъ подробностяхъ ея, бросимъ общій взглядъ на нее въ военномъ отношеніи.

Двѣ могущественнѣйшія въ древности, но существенно отличныя одна отъ другой, республики: *воинственная*—римская и *торговая*—карѳагенская, послѣ перваго столкновенія между собою въ Сициліи, на морѣ и въ Африкѣ въ 1-й пунической войнѣ, кончившейся торжествомъ римской и униженіемъ карѳагенской, стали въ крайне враждебныя отношенія одна къ другой. Миръ, прекратившій 1-ю пуническую войну, не былъ и не могъ быть продолжительнымъ и прочнымъ, потому что непріязненныя отношенія между Римомъ и Карѳагеномъ, постепенно усиливаемыя дѣйствіями ихъ во время мира, Рима—въ Италіи, Сициліи, Сардиніи, Иллиріи, Истріи и Греціи, а Карѳагена—въ Испаніи, росли все болѣе и болѣе и привели наконецъ, такъ сказать, къ единоборству Рима и Карѳагена на жизнь или смерть. Оба они рядомъ существовать долѣе не могли и одинъ изъ нихъ долженъ былъ погибнуть. Оба въ одинаковой мѣрѣ содѣй-

ствовали окончательному разрыву, но произвелъ его не Римъ, а Карѳагенъ, въ лицѣ представителя сильнѣйшей въ немъ политической партіи Барцинской—Аннибала, на основаніи плана, задолго передъ тѣмъ задуманнаго Амилькаромъ и на половину исполненнаго имъ, зятемъ его Аздрубаломъ и сыномъ Аннибаломъ. Взятіе и разрушеніе послѣднимъ покровительствуемаго Римомъ и союзнаго съ нимъ Сагунта послужили дѣйствительнымъ поводомъ къ явному разрыву и войнѣ, еще до объявленія оной римлянами. Затѣмъ Аннибалъ тотчасъ же двинулся черезъ Альпы въ Италію и открылъ въ ней самыя рѣшительныя наступательныя дѣйствія противъ Рима, которому въ три года времени нанесъ, одинъ за другимъ, четыре удара, одинъ другаго сильнѣе и жесточе, возстановилъ всю сѣверную и часть южной Италіи противъ Рима и привелъ послѣдній въ опаснѣйшее положеніе.

Такимъ образомъ, война была начата Карѳагеномъ и три года ведена имъ, въ лицѣ Аннибала, самымъ рѣшительнымъ наступательнымъ образомъ, въ самой Италіи, въ самомъ средоточіи владѣній Рима, даже весьма близко отъ него. Римъ же, столь воинственный, гордый и грозный дотолѣ, атакованный рѣшительно, съ такой стороны, съ которой вовсе не ожидалъ того, сразу былъ отброшенъ на чуждую ему дотолѣ почву собственной обороны. Но впавъ въ какое-то непостижимое ослѣпленіе, слишкомъ гордый своими прежними военными успѣхами, слишкомъ привыкшій не обороняться, а нападать на другихъ, и не постигая еще, что̀ за человѣкъ и полководецъ былъ Аннибалъ, явилъ не мудрость, а безразсудство и даже безуміе, избравъ, вмѣсто чистой пассивной обороны—наступательную и избирая для исполненія ея, одного за другимъ, неспособнѣйшихъ полководцевъ—грубыя ошибки, не приносившія чести воинственно-мудрому дотолѣ Риму. Но это послужило ему на пользу, хорошею военно-практическою школой—и четыре жестокихъ удара, нанесенныхъ ему, возбудили его отъ усыпленія, сняли съ него завѣсу ослѣпленія и научили его новому, дотолѣ неизвѣстному ему и не употреблявшемуся имъ образу веденія войны—сначала чисто-оборонительной, а потомъ постепенно болѣе и болѣе наступательно-оборонительной, первую мысль о которой подалъ и первыя

основанія которой положилъ диктаторъ Фабій. И съ тѣхъ поръ успѣхъ въ войнѣ тотчасъ началъ склоняться на сторону Рима противъ Карѳагена, тѣмъ болѣе, что послѣдній, съ своей стороны, сталъ дѣйствовать постепенно болѣе и болѣе, не только безразсудно, но и недостойно. Вмѣсто того, чтобы въ рѣшительной войнѣ своей съ Римомъ въ Италіи, всѣми силами, средствами и способами поддерживать великаго полководца своего, Аннибала, которому уже былъ обязанъ такими громадными первоначальными успѣхами, Карѳагенъ, всегда торговый во всемъ и алчный къ деньгамъ, въ которыхъ признавалъ главную силу, обратилъ все свое вниманіе не на Италію, Римъ и Аннибала, а на Испанію, откуда текла къ нему золотая рѣка, но не какъ на главное основаніе для военныхъ дѣйствій противъ Рима въ Италіи, а лишь съ низкими, своекорыстными цѣлями всѣхъ прежнихъ своихъ завоеваній—обогащенія посредствомъ естественныхъ богатствъ завоеванныхъ странъ и торговли.

Такимъ образомъ, въ одно и то же время, *военная политика* Рима и Карѳагена приняли совершенно противуположныя направленія, со стороны Рима—прямо и неуклонно къ главной цѣли низложенія Карѳагена, сначала посредствомъ вытѣсненія Аннибала изъ Италіи, а карѳагенянъ изъ Сициліи, Сардиніи и преимущественно изъ Испаніи, а со стороны Карѳагена—къ второстепенной и ложной цѣли завоеванія и утвержденія въ Испаніи, что̀ было не стремленіемъ къ главной цѣли войны, а уклоненіемъ отъ нея. Но и въ этихъ противуположныхъ направленіяхъ съ обѣихъ сторонъ, какая огромная разница въ характерѣ дѣйствій: необыкновенныя энергія, постоянство, твердость, рѣшительность, мудрость и искуство со стороны Рима—и, напротивъ, столь же необыкновенныя вялость, непостоянство, непослѣдовательность, медленность, нерѣшительность, слабость, неразуміе и неискуство дѣйствій со стороны Карѳагена, въ особенности же его невнимательность и даже неблагодарность къ Аннибалу, пожертвованному имъ почти совершенно на произволъ судьбы! При такого рода военно-политическихъ дѣйствіяхъ Рима и Карѳагена, могло-ли быть сомнительнымъ, на чью сторону окончательно склонится успѣхъ въ войнѣ? И онъ могъ бы склониться на сторону Рима не черезъ 18 лѣтъ войны, а гораздо скорѣе, еслибы не грозное и страшное для

римлянъ, одно имя Аннибала. 15 лѣтъ послѣ сраженія при Каннахъ, не смотря на то, что Карѳагенъ не поддерживалъ Аннибала въ Италіи, а Римъ и его искусные полководцы болѣе и болѣе стѣсняли его со всѣхъ сторонъ и наконецъ оттѣснили его въ самый южный Бруттій, онъ не только удерживался въ Италіи, но и продолжалъ держать римлянъ и ихъ полководцевъ въ постоянномъ страхѣ. Это могущественное нравственное вліяніе его личности, въ соединеніи съ его высокимъ военнымъ искуствомъ, было причиной, что римскіе полководцы, начавъ дѣйствовать по системѣ Фабія—наступательно-оборонительной, наблюдательной, въ сильныхъ мѣстностью укрѣпленныхъ лагеряхъ,—за нѣкоторыми исключеніями, говоря вообще, уже слишкомъ долго и буквально держались этой системы, и все изъ-за одного страха имени Аннибала. Имѣя, со времени сраженія при Каннахъ, постоянно отъ 20 до 25 легіоновъ на разныхъ театрахъ военныхъ дѣйствій и по 2 и по 3 арміи (отъ 4-хъ до 12-ти легіоновъ) противъ самаго Аннибала, они ни-разу не имѣли ни мысли, ни духа рѣшительно напасть на него этими совокупными арміями въ одно и то же время, чѣмъ могли бы, если и не нанести ему рѣшительное пораженіе, то во всякомъ случаѣ вытѣснить его изъ Италіи гораздо ранѣе 203-го года. Да и въ 203 году не они его вытѣснили изъ Италіи, а отозвавшій его Карѳагенъ, атакованный Сципіономъ въ Африкѣ. Удивительнымъ кажется, что нѣкоторые полководцы, какъ напримѣръ Марцеллъ, искусно пользуясь благопріятными обстоятельствами, не разъ успѣвали наносить Аннибалу частныя пораженія, но двигаться прямо и рѣшительно противъ него, съ совокупными силами 2—3 армій разомъ, у нихъ никогда не доставало смѣлости и духа. Каждый годъ противъ него выставлялись по крайней мѣрѣ 2 арміи, для наблюденія за нимъ и стѣсненія его, но не для рѣшительныхъ дѣйствій противъ него. Двѣ римскія арміи вмѣстѣ составляли до 40 т. войскъ, несравненно лучше вооруженныхъ, нежели почти то же число войскъ, которое Аннибалъ имѣлъ въ послѣдніе годы въ Италіи. Но если римскіе полководцы признавали недостаточнымъ эти 40 тыс. римскихъ войскъ противъ 40 тыс. войскъ Аннибала, то, въ виду скорѣйшаго вытѣсненія его изъ Италіи, всегда, легко и удобно могли сосредоточить противъ него не 2, а

3 арміи (60 тыс.) и даже 4 (80 тыс.) и дѣйствовать рѣшительнымъ, наступательнымъ образомъ. Но они никогда не дѣлали этого, до самаго удаленія его изъ Италіи, лишь съ 24 тыс. войскъ, по оставленіи въ Бруттіѣ можетъ быть не болѣе 5—6 тыс. въ гарнизонахъ. А причинами тому были—все та же высокая личность Аннибала, необыкновенное искуство его, нравственное вліяніе его на римлянъ и страхъ, внушаемый имъ лишь однимъ именемъ своимъ!—Можно сказать, что онъ одинъ стоилъ цѣлой многочисленной арміи и римляне даже съ 3—4 арміями не отважились бы рѣшительно дѣйствовать противъ него. А между тѣмъ они такъ же смѣло, отважно и рѣшительно, какъ обыкновенно прежде, дѣйствовали тамъ, гдѣ не имѣли противъ себя Аннибала, и въ южной, и въ средней, и въ сѣверной Италіи, и въ Сициліи, Сардиніи, Испаніи и Африкѣ. И такъ, какъ ни естественъ и понятенъ страхъ, который они питали къ Аннибалу, все-таки кажется, что эти искони воинственные и храбрые римляне, имѣвшіе такое превосходное военное устройство и многочисленныя войска, и всегда смѣлые и отважные—противъ слабѣйшихъ, были уже слишкомъ осторожными, чтобы не сказать боязливыми, передъ Аннибаломъ, котораго могли подавить двойною и тройною силой: ибо многіе случаи доказываютъ, что какъ ни великъ былъ онъ самъ лично, но войска его, особенно подъ конецъ, были болѣе или менѣе плохи и при первой неудачѣ обращали тылъ и подвергались пораженію. *Общимъ выводомъ* изъ этого можетъ быть то, что хотя римляне послѣ сраженія при Каннахъ до конца 203-го года дѣйствовали противъ Аннибала очень благоразумно, осторожно и искусно, но не довольно смѣло, отважно и согласно съ обыкновеннымъ ихъ образомъ дѣйствій, и что еслибы они съ благоразуміемъ и осторожностью дѣйствій соединили бо̀льшія смѣлость и отважность, то могли бы скорѣе вытѣснить Аннибала изъ Италіи и кончить войну. И еслибы у нихъ не явился такой достойный Аннибала соперникъ ему и искусный, смѣлый и отважный полководецъ, какъ Сципіонъ африканскій, перенесшій войну въ Африку, атаковавшій въ ней Карѳагенъ, разбившій въ ней всѣ его арміи и наконецъ самого Аннибала, то какъ знать?—можетъ быть послѣдній продержался бы еще въ Италіи и война не была бы окон-

чена такъ скоро. Примѣръ этого самаго Сципіона можетъ служить еще лучшимъ подтвержденіемъ тому. Отчего столь же искусный, сколько смѣлый и отважный планъ его перенести и кончить войну въ Африкѣ не только не пришелъ на умъ никому изъ полководцевъ Рима, но и возбудилъ въ сенатѣ и особенно въ Фабіѣ и старѣйшихъ сенаторахъ неодобреніе? Это приносило имъ столь же мало чести, сколько много Сципіону. Явись Сципіонъ ранѣе—и война была бы прекращена скорѣе. Замѣчательно, что начатая великимъ предпріятіемъ такого великаго полководца, какъ Аннибалъ, затянувшаяся вслѣдствіе недостойной политики Карѳагена, излишней осторожности и недостаточной смѣлости римскихъ полководцевъ, при необыкновенныхъ, образцовыхъ дѣйствіяхъ Аннибала и особенно вліяніи и страхѣ его имени, она была кончена, и очень скоро и рѣшительно, въ пользу Рима, такимъ же великимъ предпріятіемъ такого, не менѣе великаго полководца, какъ Сципіонъ, и притомъ такого же молодаго, какимъ Аннибалъ былъ въ началѣ войны. Много было у римлянъ искусныхъ полководцевъ въ этой войнѣ, но Сципіонъ, какъ и Аннибалъ, былъ—одинъ. Кто изъ нихъ стоялъ выше—будетъ сказано въ послѣдствіи.

И такъ вообще война, начатая Аннибаломъ и 3 года веденная имъ рѣшительнымъ наступательнымъ образомъ противъ Рима въ Италіи, а римлянами, неблагоразумно и неосторожно—также наступательно, 14 лѣтъ потомъ ведется и Аннибаломъ, и римлянами въ Италіи наступательно—оборонительно, а въ Сициліи, Испаніи и наконецъ въ Африкѣ римлянами болѣе и болѣе рѣшительно наступательно и окончательно самымъ рѣшительнымъ наступательнымъ образомъ въ Африкѣ Сципіономъ.

По самой этой причинѣ 2-я пуническая война, какъ вообще, такъ особенно въ наибольшей половинѣ своей съ 215 года до 203 включительно въ Италіи, чрезвычайно замѣчательна въ стратегическомъ отношеніи. До сихъ поръ, за исключеніемъ развѣ только походовъ Александра В., въ войнахъ древнихъ временъ главную роль играла тактика, стратегія же была очень простая и несложная. Участь войнъ рѣшалась большею частію на поляхъ сраженій боемъ, и потому обѣ стороны шли прямо на встрѣчу одна другой, вступали въ

бой и одна побѣждала, другая претерпѣвала пораженіе, большею частію соединенное съ истребленіемъ ея арміи. Еслиже и случались дѣйствія, выходившія изъ этой обыкновенной колеи, то или вслѣдствіе употребленія военныхъ хитростей, или же какихъ-нибудь особенныхъ соображеній искусныхъ полководцевъ. Но такихъ соображеній и дѣйствій, которыя проистекали бы отъ желанія не искать, а избѣгать боя, побѣдить непріятеля не силою оружія, а хитростью ума, не дѣйствіями въ бою, а движеніями въ полѣ, въ обходъ фланговъ, въ тылъ и на сообщенія, и т. п., встрѣчается очень мало и рѣдко, именно потому, что обѣ стороны одинаково дѣйствовали рѣшительнымъ наступательнымъ образомъ. Такъ дѣйствовали и народы Востока, и греки, и римляне до 2-й пунической войны и даже въ самой этой войнѣ, всегда и вездѣ, гдѣ не имѣли противъ себя Аннибала, а въ первые три года войны—даже и противъ Аннибала. Но со времени принятія ими Фабіевой системы наступательно-оборонительной войны, заставившей и Аннибала прибѣгнуть къ той же, въ южной Италіи, въ теченіи 13 лѣтъ отъ сраженія при Каннахъ до сраженія при Замѣ, мы впервые въ древности видимъ явленіе, можно сказать, совершенно новое. Обѣ стороны одинаково, или одна болѣе, другая менѣе, избѣгаютъ боя, располагаясь въ сильныхъ мѣстностью, большею частью горною, укрѣпленныхъ лагеряхъ, зорко наблюдая и слѣдя одна за другою, передвигаясь изъ одного крѣпкаго лагеря въ другой, часто въ обходъ фланговъ, угрожая и сообщеніямъ, дѣйствуя мелкими отрядами и малою войною, противъ фуражировъ и отдѣльныхъ отрядовъ, отнимая одна у другой способы продовольствованія, укрѣпленные города внутри страны или на берегахъ моря, вступая иногда въ частный бой малыми частями, а въ большія сраженія въ открытомъ полѣ—рѣдко, только тогда развѣ, когда къ тому представлялся особенно благопріятный случай или рѣшительно невозможно было избѣжать сраженія, либо одной, либо обѣимъ сторонамъ. Такого образа дѣйствій, можно сказать положительно, никогда дотолѣ не было встрѣчаемо въ войнахъ древности, и это безспорно слѣдуетъ признать явленіемъ, весьма замѣчательнымъ въ отношеніи къ искуству веденія войны, ибо ясно означаетъ преобладаніе хитрости, ума и искуства надъ простою и грубою ве-

щественною силою, словомъ—по выраженію Юлія Цезаря—ума надъ мечомъ (Julius Caesar non minus praeclarum censuit consilio quam gladio superare, см. ч. I. Введеніе стр. 39).

Разсматривая дѣйствія римлянъ во 2-ой, самой занимательной части войны, слѣдуетъ сказать, что въ это время они вели правильную войну, основанную на одномъ общемъ и на ежегодныхъ частныхъ предначертаніяхъ, измѣняемыхъ только въ подробностяхъ исполненія примѣнительно къ обстоятельствамъ. Они всегда располагали свои арміи такъ, чтобы прикрывать Римъ, ближайшія къ нему и другія, важнѣйшія по обстоятельствамъ, области Италіи, чтобы постоянно наблюдать за Аннибаломъ и постепенно стѣснять его, удерживать въ повиновеніи цизальпинскую Галлію на сѣверѣ, Сицилію на югѣ, Сардинію на морѣ и Испанію на западѣ. При этомъ каждая армія въ южной, средней и сѣверной Италіи имѣла за собою обезпеченное основаніе дѣйствій — край, въ которомъ, въ одномъ главномъ и въ нѣсколькихъ второстепенныхъ, укрѣпленныхъ пунктахъ, находились ея военные склады продовольствія, подкрѣпленія и пр., и который служилъ ей опорою дѣйствій или убѣжищемъ въ случаѣ неудачи. Такими противъ Аннибала были для нихъ: сначала—Лацій, потомъ Кампанія и Самній и позже Луканія, Апулія и Калабрія, а въ нихъ главными опорными пунктами—Капуа и Тарентъ. Опираясь на нихъ, они дѣйствовали отдѣльными арміями, которыя находились въ связи между собою и въ случаѣ надобности соединялись, а потомъ снова раздѣлялись. Онѣ двигались противъ Аннибала, смотря по обстоятельствамъ, то медленно и осторожно, то необыкновенно быстро и рѣшительно. Многія изъ ихъ передвиженій особенно замѣчательны искуствомъ соображенія и быстротою и успѣхомъ исполненія. Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ числѣ ихъ было движеніе Клавдія Нерона съ 6,000 войскъ къ р. Метавру въ 7 сутокъ и обратно въ 6. При этомъ образъ дѣйствій Аннибала, соединенный съ частымъ употребленіемъ военныхъ хитростей, засадъ и т. п., имѣлъ вліяніе и на римлянъ тѣмъ, что и они стали прибѣгать къ тому же и разставлять Аннибалу сѣти. При этомъ римскіе полководцы умѣли хранить свои намѣренія втайнѣ и проникать намѣренія своихъ противниковъ и даже нерѣдко—самого

Аннибала. Войну они вели дѣятельно, но послѣ сраженія при Каннахъ чрезвычайно осторожно, въ послѣдствіи смѣлѣе, а подъ конецъ, какъ сказано, уже слишкомъ несмѣло и даже боязливо. Военныя дѣйствія они открывали обыкновенно раннею весною, съ появленіемъ подножнаго корма, но иногда и лѣтомъ, а оканчивали ранѣе или позже осенью, располагаясь на зиму на квартирахъ или въ укрѣпленныхъ лагеряхъ. Иногда они и зимою производили частныя военныя дѣйствія отрядами, ведя малую войну. Ежегодно они выставляли въ поле, смотря по обстоятельствамъ, отъ 4-хъ до 6-ти армій (8—12 легіоновъ римскихъ и столько же союзныхъ, слѣдовательно отъ 75,000 до 111,000 войскъ въ Италіи и столько же въ Сициліи, Сардиніи и Испаніи, а всего отъ 10 до 13-ти армій, 20-ти — 24-хъ легіоновъ римскихъ и отъ 150,000 до 200,000 и 220,000 войскъ!). Въ одномъ сраженіи при Каннахъ они имѣли, какъ извѣстно, 2 арміи,—16 легіоновъ,—80,000 чел. пѣхоты и 7,200 чел. конницы. Сверхъ того они постоянно имѣли, особенно въ концѣ войны, нѣсколько флотовъ (отъ 50 до 100 военныхъ судовъ, съ большимъ числомъ перевозныхъ) у береговъ Италіи, Сициліи, Сардиніи и Испаніи. По этому можно судить, какого большаго развитія могли достигать и дѣйствительно достигали вооруженныя силы Рима, сухопутныя и морскія, во время 2-й пунической войны. Но это стоило огромныхъ издержекъ, такъ что уже въ половинѣ и даже въ началѣ войны казна государственная была въ крайнемъ истощеніи и только пожертвованіями богатыхъ сословій и частныхъ лицъ между римскими гражданами и союзниками могли быть удовлетворяемы необходимыя и весьма значительныя издержки войны. Результатомъ этого было то, что Римъ никогда не имѣлъ недостатка ни въ войскахъ, ни во флотахъ, ни въ средствахъ для содержанія ихъ. Къ концу же войны римляне уже начали уменьшать число своихъ войскъ и флотовъ въ Италіи, усиливая ихъ только въ Испаніи и наконецъ въ Сициліи и особенно въ Африкѣ. Продовольствованіе дѣйствовавшихъ войскъ производилось весьма тщательно и правильно, посредствомъ фуражировокъ и подвозовъ запасовъ продовольствія сухимъ путемъ, по рѣкамъ и моремъ. Склады продовольствія учреждались въ тылу армій, въ укрѣпленныхъ городахъ и лагеряхъ,

сообщенія армій съ которыми были тщательно оберегаемы Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны устройство и обезпеченіе подвозовъ и складовъ продовольствія до и во время осады Капуи, а также и во время дѣйствій римскихъ армій противъ Аннибала въ Луканіи и Апуліи, Бруттіѣ и Калабріи. Обезпечивая собственныя сообщенія съ своими складами запасовъ, римскіе полководцы нерѣдко прибѣгали къ дѣйствіямъ противъ сообщеній Аннибала съ его складами и даже противъ самыхъ этихъ складовъ, изъ чего съ обѣихъ сторонъ возникали вообще дѣйствія въ обходъ фланговъ и на сообщенія.

Въ отношеніи тактическихъ дѣйствій римскихъ войскъ въ бою, должно сказать, что въ сраженіяхъ Сципіона, Марцелла и другихъ лучшихъ римскихъ полководцевъ этого времени нерѣдко усматриваются болѣе или менѣе искусныя и замѣчательныя соображенія, построенія, движенія и дѣйствія. Но, вообще говоря, это были только случайныя и частныя видоизмѣненія одной и той же главной формы, остававшейся неизмѣнною, потому что и оружіе оставалось неизмѣннымъ. Въ сущности, сраженія представляютъ все одно и то же явленіе: съ одной стороны легіонъ въ три линіи, съ другой фаланга въ одну (у Аннибала съ половины войны большею частію въ двѣ линіи), съ обѣихъ сторонъ легкая пѣхота—впереди, конница—по флангамъ, а у кареагенянъ, сверхъ того, слоны впереди всей линіи или обоихъ крылъ. Слоны, которыми справедливо пренебрегалъ Александръ В., но, къ удивленію, не пренебрегалъ Аннибалъ, и въ этой войнѣ, какъ большею частію и въ прежнихъ, наносили гораздо болѣе вреда собственнымъ войскамъ, нежели непріятельскимъ, обращаясь противъ нихъ и приводя ихъ въ безпорядокъ и разстройство, отчего часто бывали причиной пораженія ихъ. Постоянное, неизмѣнное, во всякомъ случаѣ, построеніе конницы по флангамъ всегда имѣло цѣлію охватываніе непріятеля и нападеніе на него съ фланговъ и тыла, что и случалось обыкновенно съ той или съ другой стороны, на одномъ или обоихъ флангахъ, и содѣйствовало побѣдѣ. Въ дѣйствіяхъ же тяжелой пѣхоты, легіона и фаланги, одного противъ другой, усматривается почти всегда одинаково простая фронтальная, параллельная атака и только рѣдко въ косвенномъ боевомъ порядкѣ, столь любимомъ Филиппомъ и Александромъ македонскими и грека-

ми со временъ Эпаминонда, но не съ одного изъ фланговъ, а съ обоихъ, въ видѣ щипцовъ или клещей (келэмволонъ), или изъ центра, въ видѣ клина (эмволонъ), При этомъ строй легіона въ 3 линіи большею частію имѣлъ значительное и нерѣдко рѣшительное преимущество передъ строемъ фаланги, и только въ искусныхъ рукахъ Аннибала фаланга одолѣвала легіонъ. Но, вообще говоря, тактика въ этой войнѣ, какъ римская со стороны римлянъ, такъ и греческая со стороны кароагенянъ, не представляетъ ничего новаго и замѣчательнаго, и тактическія дѣйствія обѣихъ сторонъ, въ продолженіе всей войны, значительно уступаютъ стратегическимъ во 2-й половинѣ войны, со стороны Аннибала и римлянъ въ южной Италіи и Сципіона, въ Испаніи и особенно въ Африкѣ.

Преслѣдованіе побѣжденнаго послѣ боя, съ такими же или подобными напряженіемъ силъ и энергіей, какъ со стороны Александра В., въ этой войнѣ рѣдко. Большею частію побѣдитель ограничивался побѣдой въ бою, или и взятіемъ непріятельскаго лагеря, или, сверхъ того, недальнимъ преслѣдованіемъ побѣжденнаго конницей.

Въ поліорцетическомъ отношеніи, т. е. осады и обороны укрѣпленныхъ городовъ, римляне вообще стояли гораздо выше кароагенянъ и многія осады ихъ, особенно Сиракузъ Марцелломъ, а также Капуи и Тарента, отличаются большимъ искуствомъ и заслуживаютъ особеннаго вниманія. Одна только оборона Сиракузъ Архимедомъ стоитъ выше всѣхъ, и необыкновеннымъ искуствомъ своимъ еще болѣе возвышаетъ осаду и взятіе Сиракузъ Марцелломъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что изъ числа всѣхъ римскихъ полководцевъ, дѣйствовавшихъ въ этой войнѣ, выше всѣхъ стоятъ: временно, въ первые годы послѣ сраженія при Каннахъ—Фабій, какъ положившій первыя: начало и основаніе наступательно-оборонительной системы веденія войны римлянами, но потомъ не соотвѣтствовавшій болѣе потребностямъ времени и обстоятельствъ,—за нимъ Марцеллъ, положившій предѣлъ побѣдамъ Аннибала, самъ побѣждавшій его и взявшій Сиракузы, но въ особенности Сципіонъ, достойный соперникъ Аннибала, рѣшившій войну.

Что касается дѣйствій кароагенянъ и ихъ полководцевъ (кромѣ Аннибала) въ этой войнѣ, то о нихъ вообще можно сказать, что они

значительно уступали во многихъ отношеніяхъ дѣйствіямъ римлянъ на всѣхъ театрахъ войны. Даже дѣйствія безспорно лучшихъ, послѣ Аннибала, карѳагенскихъ полководцевъ, братьевъ его, Аздрубала и Магона, не отличаются особеннымъ искуствомъ, а нѣкоторыя изъ нихъ, какъ означено было при изложеніи ихъ, даже сопряжены были съ бо̀льшими или меньшими ошибками. А по смерти Аздрубала и Магона, братьевъ Аннибаловыхъ, Аздрубалъ, сынъ Гисконовъ, и Сифаксъ, до возвращенія Аннибала въ Африку, были болѣе нежели посредственными противниками Сципіона.

И такъ, по всѣмъ изложеннымъ выше причинамъ, 2-я пуническая война представляетъ изслѣдователю ея, въ военномъ отношеніи, чрезвычайную разнообразность, необыкновенную занимательность и высокую степень поучительности и заслуживаетъ полнаго вниманія и тщательнаго изученія.

Но все это возвышается въ особенности и еще болѣе—участіемъ и дѣйствіями въ ней Аннибала.

§ 193.

Общій взглядъ на дѣйствія Аннибала во 2-й пунической войнѣ.

Приведя въ исполненіе одно изъ величайшихъ военныхъ предпріятій древности, Аннибалъ былъ, отъ начала до конца, и главнымъ дѣятелемъ въ немъ, его душою и героемъ, и во все время 2-й пунической войны приковываетъ къ себѣ все вниманіе и возбуждаетъ въ высшей степени удивленіе изслѣдователя ея.

Если основная мысль движенія изъ Испаніи чрезъ Пиренеи, Галлію и Альпы и внесенія войны въ Италію была наслѣдована Аннибаломъ отъ отца и дяди своихъ, то ближайшее соображеніе и самое исполненіе ея вполнѣ принадлежали ему и уже одни достаточны были бы для увѣковѣченія его имени. Предпріятіе его поражаетъ своею необыкновенною смѣлостью, но не было безразсудною и дерзкою отважностью, потому что заранѣе было глубоко соображено, вѣрно расчитано, тщательно приготовлено и надежно обезпечено прочнымъ утвержденіемъ власти Карѳагена въ Испаніи, оставленіемъ въ ней

Аздрубала и Ганнона съ частію силъ и развѣданіемъ путей чрезъ Пиренеи, Галлію и Альпы въ Италію, свойствъ и способовъ края и расположенія жителей его на этихъ путяхъ. Затѣмъ самое исполненіе этого предпріятія было произведено съ такими необыкновенными силою воли, твердостью, мужествомъ, рѣшительностью и искуствомъ, что было увѣнчано полнымъ успѣхомъ.

По переходѣ черезъ Альпы начинается первый періодъ рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствій Аннибала въ цизальпинской Галліи, средней и южной Италіи. Веденныя съ малыми силами противъ непріятеля, превосходнаго числомъ и военными устройствомъ и духомъ, съ рѣшительною цѣлію боя, дѣйствія эти являютъ сочетаніе смѣлости и рѣшительности, благоразумной осторожности и тонкой хитрости, мудрой политики и высокаго искуства въ соображеніи и исполненіи. И плодами ихъ были четыре рѣшительныя и блистательныя побѣды при Тицинѣ, Треббіи, Тразименскомъ озерѣ и Каннахъ, которыя, вмѣстѣ съ превосходнымъ движеніемъ изъ Лигуріи чрезъ болота р. Арно, въ тылъ и на сообщенія Фламинія съ Римомъ, достойны стать на ряду съ переходомъ черезъ Альпы и придаютъ первой половинѣ войны Аннибала въ Италіи особенно яркій блескъ.

Сраженіемъ при Каннахъ оканчивается первый и начинается второй періодъ дѣйствій Аннибала въ Италіи. Счастливая звѣзда его начинаетъ меркнуть—и война, въ глазахъ историка политическаго, уже почти рѣшенная въ пользу Рима въ Италіи, отселѣ пріобрѣтаетъ болѣе важности въ Испаніи и позже въ Африкѣ, и потому Аннибалъ болѣе извѣстенъ по своимъ дѣйствіямъ до сраженія при Каннахъ, нежели послѣ него. Но военный историкъ и всякій военный человѣкъ смотрятъ на это иначе: въ глазахъ ихъ, если Аннибалъ великъ до сраженія при Каннахъ, то послѣ него онъ является еще болѣе великимъ. Съ того именно времени, когда римляне начали слѣдовать Фабіеву осторожному образу веденія войны наступательно-оборонительной и противупоставлять Аннибалу лучшихъ своихъ полководцевъ, все измѣнилось для него. Почти вовсе неподдерживаемый своимъ правительствомъ и какъ-бы совершенно предоставленный имъ на произволъ судьбы, принужденный съ слабыми силами своими,

въ болѣе и болѣе тѣсномъ кругу дѣйствій въ южной Италіи, вести трудную и опасную наступательно-оборонительную войну противъ искуснаго и безпрестанно усиливавшагося непріятеля, Аннибалъ рѣшительно превзошелъ все, что военная исторія предшествовавшихъ временъ древности представляетъ лучшаго и искуснѣйшаго въ веденіи этого рода войны. При несоразмѣрной численной слабости своей, онъ дѣйствовалъ не совокупными силами и не съ цѣлію боя, какъ въ первой половинѣ войны, но съ силами раздѣленными, съ цѣлію удерживать и охранять занятыя имъ земли и города въ нихъ, собирать въ нихъ нужныя для веденія войны средства и способы, отвлекать вниманіе и силы непріятеля отъ важныхъ для него, Аннибала, пунктовъ, держать противниковъ своихъ въ бездѣйствіи, либо утомлять и ослаблять ихъ передвиженіями и частными, при каждомъ удобномъ случаѣ, нападеніями и пораженіями. Такого рода наступательно-оборонительныя дѣйствія въ южной Италіи, мало-по-малу перешедшія въ чисто—оборонительныя въ Бруттіѣ, при чрезвычайномъ разнообразіи представляютъ преобладаніе хитрости и высокую степень искуства, и по-истинѣ должны быть названы образцовыми. Въ это именно время, внимательно слѣдя за всѣми движеніями Аннибала, среди нѣсколькихъ римскихъ армій, видимъ его уже совершенно лишеннымъ всякой помощи и всякаго пособія со стороны кареагенскаго правительства, постепенно болѣе и болѣе стѣсняются созданные имъ въ южной Италіи средства и способы, и вмѣстѣ съ отдѣльными отрядами своими, онъ самъ нерѣдко претерпѣваетъ частыя неудачи и пораженія. И завсѣмъ тѣмъ, онъ, единственно силою своего генія, почти цѣлыя 13 лѣтъ сопротивляется римлянамъ и удерживается въ Италіи, нерѣдко даже побѣждая римлянъ и постоянно заставляя ихъ страшиться одного имени своего. Видя все это, невольно проникаешься еще бо̀льшимъ удивленіемъ къ нему, нежели въ первой половинѣ войны. Въ это именно время геній его является въ бо̀льшихъ еще, нежели прежде, силѣ и блескѣ, хотя подвиги Аннибала и не столь блистательны и громки. И можно почти съ увѣренностью сказать, что еслибы онъ съ самаго начала былъ во̀-время и надлежащимъ образомъ поддерживаемъ своимъ правительствомъ и не былъ наконецъ отозванъ имъ

въ Африку, то и не былъ бы вытѣсненъ изъ Италіи и война могла бы имѣть совершенно иные результаты.

Но когда и Аздрубалъ, и Магонъ, братья Аннибаловы, были убиты, а арміи ихъ разбиты, и самъ Аннибалъ былъ отозванъ изъ Италіи въ Африку, тогда уже все было потеряно для Карѳагена и единственная надежда его заключалась въ Аннибалѣ и его арміи, или, лучше сказать, въ одномъ Аннибалѣ. И онъ сдѣлалъ все, что только было въ его власти, для облегченія судьбы Карѳагена или одержанія побѣды надъ Сципіономъ. Но счастіе рѣшительно измѣнило ему: стеченіе самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ обратило противъ него невѣрныя случайности сраженія, безсильны и тщетны были великія дарованія его противъ превратностей судьбы— и съ побѣдою надъ нимъ Сципіона при Замѣ рѣшены были и война, и участь Карѳагена.

§ 194.

Общій выводъ объ Аннибалѣ, какъ полководцѣ, и объ образѣ и искуствѣ веденія имъ войны.

Соединивъ всѣ черты характера и дѣйствій Аннибала, изобразимъ его какъ самостоятельнаго полководца, въ полномъ развитіи силъ и дѣятельности, равно образъ и искуство веденія имъ войны. При этомъ занимательно и поучительно будетъ сравнить его съ Александромъ В. и указать черты какъ сходства, такъ и различія въ характерѣ, средствахъ, обстоятельствахъ, положеніи, образѣ и искуствѣ дѣйствій обоихъ.

И прежде всего слѣдуетъ сказать, что и Аннибалъ, подобно Александру В., также являетъ въ себѣ соединеніе необыкновенныхъ дарованій, доблестей и совершенствъ военныхъ, и въ тѣлесномъ, и въ душевномъ, и въ умственномъ отношеніяхъ.

Не обладая, кажется, ни красотою, ни силою тѣлесными, которыми былъ одаренъ Александръ В., Аннибалъ, подобно ему, отличался однако необыкновенною крѣпостью тѣла и въ равной съ нимъ степени былъ въ состояніи переносить и переносилъ всевозможныя перемѣны воздуха, непогоды, лишенія и труды. Но въ зрѣломъ возрастѣ,

какъ и въ первой молодости, онъ всегда одинаково пренебрегалъ удобствами и наслажденіями жизни, соблюдалъ строгія воздержность и умѣренность, и велъ жизнь простую, суровую и дѣятельную.

Онъ былъ одаренъ душою, если и не столь пылкою и восторженною, какъ Александрова, то столь же великою, мощною и твердою, дѣятельною и неутомимою, исполненною столь же возвышенныхъ и благородныхъ чувствъ. Подобно Александру В., онъ не былъ отъ природы ни жестокъ, ни мстителенъ, не былъ также ни коваренъ, ни вѣроломенъ, какъ, изъ ненависти къ нему, оклеветали его римляне и Титъ Ливій. Еслиже въ войнѣ въ Италіи онъ и обнаруживалъ иногда мстительность и жестокость въ отношеніи къ римлянамъ, то былъ увлекаемъ къ тому своею глубокою ненавистью къ Риму, въ которой взросъ и былъ воспитанъ и которая съ ранней молодости завладѣла всѣми способностями души его. Но онъ не имѣлъ вспыльчиваго и раздражительнаго нрава Александрова, и хотя также не терпѣлъ ни противурѣчія, ни сопротивленія, но гораздо лучше умѣлъ умѣрять свои страсти и скрывать свои мысли и чувства, ни словами, ни знаками, ни даже измѣненіемъ въ чертахъ лица не обнаруживая ихъ никому, даже самымъ близкимъ къ себѣ людямъ. Эта-то власть Аннибала надъ самимъ собою, соединенная съ скрытностью нрава, и подала Титу Ливію поводъ къ обвиненію его въ коварствѣ—обвиненію, въ которомъ нѣтъ и тѣни справедливости.

Въ Аннибалѣ, какъ и въ Александрѣ, необыкновенная сила ума была соединена съ необыкновенною силою воли, но въ надлежащемъ, постоянномъ равновѣсіи, которое, по мнѣнію Наполеона I, существенно необходимо для полководца; но въ Александрѣ это равновѣсіе нерѣдко было нарушаемо избыткомъ пылкости и перевѣсомъ воли надъ разсудкомъ. Причины такого различія заключались, какъ въ личномъ характерѣ Александра и Аннибала, такъ и въ возрастѣ, въ которомъ каждый изъ нихъ совершилъ свои военные подвиги, а именно: первый—между 20-мъ и 32-мъ годами своей жизни, а второй—между 25-мъ и 44-мъ, слѣдовательно послѣдній въ возрастѣ болѣе зрѣломъ, нежели первый.

Необыкновенный умъ Аннибала отличался особенными: основательностью, глубиною, обширностью, прозорливостью и обнаруживавшимися

во всѣхъ его поступкахъ и рѣчахъ: остротою, тонкостью и хитростью. Онъ былъ также украшенъ разнообразными знаніями, потому что, какъ уже было сказано выше, Аннибалъ смолоду получилъ тщательное греческое образованіе и въ этомъ отношеніи стоялъ гораздо выше римскихъ полководцевъ, потому что греческая образованность въ это время еще не была распространена между римлянами.

Подобно тому, какъ сила ума Аннибала проявлялась во всѣхъ его дѣйствіяхъ основательностью, обдуманностью и искуствомъ соображенія, такъ и сила его воли, соединенная съ предпріимчивостью, смѣлостью и твердостью духа, обнаруживалась въ труднѣйшихъ и опаснѣйшихъ обстоятельствахъ рѣшимостью, постоянствомъ и даже настойчивостью и упорствомъ въ исполненіи.

Подобно Александру, Аннибалъ былъ неутомимъ въ трудахъ, неустрашимъ въ опасностяхъ и храбръ въ бояхъ, но, какъ замѣчаетъ Полибій, въ бою не забывалъ долга полководца и, безъ особенныхъ нужды и пользы, не бросался опрометчиво въ рукопашный бой и не подвергалъ своей жизни опасности, какъ рядовой воинъ.

Подобно Александру, и Аннибалъ имѣлъ необыкновенное нравственное вліяніе на свои войска, даръ соблюдать между ними военные подчиненность и порядокъ, излишнею строгостью не отнимая у нихъ охоты служить и не вынуждая ихъ къ побѣгамъ, и въ то же время даръ внушать имъ неограниченныя любовь и уваженіе, преданность и довѣріе къ нему, мужество, твердость и терпѣніе въ труднѣйшихъ и опаснѣйшихъ обстоятельствахъ и блистательную храбрость въ бояхъ. Подобно Александру, и онъ достигалъ этого постоянными и неусыпными: заботливостью о нихъ и ихъ нуждахъ, кроткимъ, привѣтливымъ обращеніемъ съ ними, справедливостью наградъ и наказаній, личнымъ своимъ примѣромъ и необыкновеннымъ даромъ слова. Высоко цѣня даръ этотъ въ Пиррѣ (котораго онъ особенно высоко цѣнилъ и уважалъ) и ставя этотъ даръ наравнѣ съ совершеннымъ знаніемъ военнаго дѣла, которымъ, по его мнѣнію, обладалъ этотъ государь-полководецъ, Аннибалъ и самъ отличался даромъ слова, заключавшимся не въ ораторскихъ: многословіи и краснорѣчіи, но въ глубинѣ и вѣрности мыслей, выражаемыхъ немногими словами, съ необыкновенною силою убѣжденія, если судить объ этомъ, не

столько по боевымъ рѣчамъ, приводимымъ и можетъ быть сочиненнымъ историками, сколько по многимъ остроумнымъ изреченіямъ его, изъ устныхъ преданій перешедшимъ въ исторію.

Но если и Александръ, и Аннибалъ одинаковыми средствами одинаково достигали пріобрѣтенія любви и довѣрія къ нимъ своихъ войскъ и соблюденія между ними строгихъ военныхъ подчиненности и порядка, то замѣтимъ, что для Аннибала это было несравненно труднѣе и приносило ему гораздо болѣе чести и славы, особенно во 2-й половинѣ войны. Въ Италіи онъ предводительствовалъ арміей самаго разнороднаго состава, изъ войскъ разноплеменныхъ, различныхъ между собою и по происхожденію, и по нравамъ и обычаямъ, и по языку, Александръ же въ Азіи — арміей, ядро и главную силу которой составляли народныя, отлично-устроенныя и одушевленныя войска македонскія и греческія. А между тѣмъ, въ 16 лѣтъ войны войска Аннибала ниразу не отказали ему въ довѣріи и повиновеніи (исключая, можетъ быть, передачи римлянамъ 1272-хъ чел. испанской и нумидійской конницы въ 215 году, послѣ 2-го боя при Нолѣ, и нѣкоторыхъ другихъ частныхъ случаевъ побѣговъ изъ его арміи къ римлянамъ), ниразу не обезчестили себя своеволіемъ, буйствомъ или явнымъ бунтомъ, хотя очень часто были принуждены переносить труды, терпѣть лишенія и преодолѣвать опасности, подлинно неимовѣрныя. Напротивъ того, въ арміи Александра, уже въ половинѣ его походовъ въ Азіи, стали возникать неудовольствіе, ропотъ и даже заговоры, и наконецъ явное сопротивленіе всей арміи на р. Гифазѣ идти далѣе на востокъ — принудило Александра остановить побѣдоносное шествіе свое къ Гангу и индійскому морю и предпринять обратный походъ въ Персію.

Подобно Александру, и Аннибалъ былъ честолюбивъ, но честолюбіе его, какъ и Александрово, было самое естественное и возвышенное, потому что имѣло источникомъ — любовь къ отечеству и ненависть къ Риму, цѣлію—низложеніемъ Рима возвысить Карѳагенъ. Великая душа Аннибала жаждала чести и славы, но не для себя лично и была непричастна властолюбію, корыстолюбію или другимъ какимъ-либо низкимъ побужденіямъ.

Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и Аннибалъ, подобно Александру,

являлъ политику мудрую и искусную, но притомъ тонкую и хитрую. Рѣдкимъ умѣніемъ завязывать тайныя сношенія, вести переговоры и склонять на свою сторону и силою убѣжденія, и ласкательствомъ, и дарами, и угрозами, ловко и искусно употребляемыми въ дѣйствіе, во-время и кстати, порою подкрѣпленными силою оружія, онъ умѣлъ привлекать къ себѣ и удерживать на своей сторонѣ трансальпинскихъ и цизальпинскихъ галловъ, и бо̀льшую часть народовъ Италіи. Почти вся Кампанія, Самній, Апулія, Луканія, Калабрія и Бруттій были въ союзѣ съ нимъ и оказывали ему болѣе или менѣе дѣятельныя пособіе и содѣйствіе, капуанцы изъ союзниковъ Рима превратились въ жестокихъ враговъ его, Этрурія была въ броженіи и колебалась, и изъ 30-ти римскихъ колоній, 12 отказали Риму въ содѣйствіи! И все это было плодомъ политики Аннибала, тѣмъ болѣе искусной, чѣмъ ему труднѣе было, нежели Александру, привлекать къ себѣ и удерживать на своей сторонѣ союзниковъ, отторгая ихъ отъ Рима и возбуждая противъ него, потому что, при всей ненависти своей къ нему, трансальпинскіе и цизальпинскіе галлы были народъ крайне легкомысленный и непостоянный, и потому союзники малонадежные, народы же Италіи чрезвычайно боялись Рима и мщенія его въ случаѣ неудачи Аннибала.

Несоразмѣрность силъ, средствъ и способовъ Аннибала съ громадностью и величіемъ его предпріятія, препятствіями и затрудненіями, съ которыми ему нужно было бороться, съ силами, средствами и способами Рима, съ продолжительностью войны, съ одержанными имъ успѣхами и достигнутыми имъ результатами, была еще значительнѣе и разительнѣе, нежели у Александра. Изъ 100 т. войскъ, которыя онъ имѣлъ въ Новомъ Кароагенѣ, только 26 т. перешли черезъ Альпы и открыли войну противъ сильнаго и грознаго Рима, и съ тѣхъ поръ силы Аннибала въ Италіи никогда не превышали 40—50 т. войскъ, между тѣмъ какъ римляне постоянно имѣли отъ 50 до 70 т. войскъ (а при Каннахъ даже до 90 т.) противъ него одного, не считая войскъ, дѣйствовавшихъ противъ его отрядовъ. Не имѣя ни флота, ни сообщеній моремъ съ Кароагеномъ и Испаніей, и почти не получая подкрѣпленій и пособій отъ своего правительства, Аннибалъ былъ принужденъ всѣ свои средства и способы

къ веденію войны создавать самъ, армію же свою пополнять и усиливать наборами у своихъ союзниковъ, всячески лаская и щадя ихъ и тщательно избѣгая насильственныхъ мѣръ. А потому и сбереженіе, и пополненіе, и усиленіе своихъ войскъ было для него гораздо труднѣе, нежели для Александра.

Рѣдкій полководецъ, при необыкновенныхъ военныхъ дарованіяхъ и всѣхъ правахъ на удачу, былъ болѣе Аннибала подверженъ превратностямъ судьбы и измѣнчивости счастія, — рѣдкій былъ болѣе его несчастливъ, но и болѣе великъ въ своемъ несчастіи,— рѣдкій, наконецъ, возбуждаетъ тѣмъ и болѣе участія къ себѣ. Въ этомъ именно и заключается одна изъ самыхъ разительныхъ чертъ различія между Александромъ и Аннибаломъ. Счастіе никогда не измѣняло Александру, но измѣнило Аннибалу уже послѣ сраженія при Каннахъ, въ 4-мъ году 16-ти лѣтней войны его противъ Рима. Александръ былъ всегда и надъ всѣми побѣдителемъ, Аннибалъ же только до сраженія при Каннахъ, а послѣ него, при всемъ своемъ искуствѣ, претерпѣвалъ частыя неудачи и пораженія, изъ которыхъ послѣднее при Замѣ даже рѣшило войну въ пользу Рима. Все постоянно благопріятствовало Александру въ войнѣ въ Азіи, напротивъ все постоянно неблагопріятствовало Аннибалу въ послѣднія 13 лѣтъ войны его въ Италіи и Африкѣ. Александръ былъ и полководецъ, и монархъ, неограниченно располагавшій силами, средствами и способами Македоніи и завоеванныхъ имъ странъ и отчасти Греціи. Аннибалъ же былъ только полководцемъ, подчиненнымъ карѳагенскому правительству, вполнѣ зависимымъ отъ него и не только не поддерживаемымъ имъ какъ слѣдовало, но и постоянно встрѣчавшимъ сопротивленіе и противудѣйствіе со стороны Ганнона и его партіи, и потому долженъ былъ вести войну тѣми силами, средствами и способами, которыя имѣлъ въ своемъ распоряженіи и получалъ отъ своихъ союзниковъ въ Италіи. Александръ велъ войну противъ государства, находившагося на высшей степени внутренняго, гражданскаго и военнаго, разстройства и въ которомъ господствовавшій народъ — выродившіеся, изнѣженные, невоинственные и малодушные персы имѣли самое жалкое военное устройство и самыя грубыя понятія о военномъ дѣлѣ; прочіе же народы Азіи, храбро и упорно со-

противлявшіеся Александру, были народы дикіе или полудикіе. Притомъ Александръ, за исключеніемъ одного Мемнона, не имѣлъ противъ себя ни одного способнаго, свѣдущаго и искуснаго полководца. Аннибалъ же, напротивъ, велъ войну съ государствомъ, находившимся въ полномъ развитіи силъ, имѣвшимъ превосходное военное устройство, неистощимыя силы, средства и способы и мудрое правительство,—съ народомъ мужественнымъ, воинственнымъ, храбрымъ, исполненнымъ любви къ отечеству, опытнымъ и искуснымъ въ военномъ дѣлѣ, увѣнчаннымъ славой прежнихъ побѣдъ, жаждавшимъ новыхъ успѣховъ и завоеваній, наконецъ — предводимымъ способными, опытными и искусными полководцами. И во многихъ другихъ отношеніяхъ Александръ въ Азіи находился въ обстоятельствахъ, несравненно болѣе благопріятныхъ, нежели Аннибалъ въ Италіи. Изъ этого не слѣдуетъ однако заключать, что Аннибалъ, какъ полководецъ, стоялъ выше Александра: и тотъ, и другой, какъ полководцы, равно велики, равно возбуждаютъ участіе и удивленіе, но каждый въ своемъ родѣ, и если Александръ великъ въ счастіи, то Аннибалъ, безспорно, столько же великъ въ несчастіи.

Въ отношеніи собственно къ образу и искуству веденія войны, дѣйствія Аннибала, какъ и Александра, были основаны на одинаковыхъ или покрайней мѣрѣ весьма сходныхъ главныхъ началахъ и въ этомъ отношеніи представляютъ большое сходство между собою.

И Аннибалъ, подобно Александру, велъ войну, по выраженію Наполеона I—*методическую*, т. е. основанную на извѣстной *методѣ* или способѣ, на предварительно и искусно соображенномъ предначертаніи или планѣ, неизмѣнно исполняемомъ въ главныхъ основаніяхъ, но въ подробностяхъ исполненія искусно примѣняемомъ къ обстоятельствамъ и средствамъ.

Онъ всегда имѣлъ въ тылу за собою устроенное и обезпеченное основаніе дѣйствій — страну или пространство края, въ которомъ находились его склады и подкрѣпленія, и которое служило ему опорою дѣйствій, источникомъ его силъ, средствъ и способовъ и убѣжищемъ въ случаѣ надобности или неудачи. Такими были для него: сначала Испанія, цизальпинская Галлія и Лигурія, потомъ Апулія, Кампанія, Луканія, Калабрія и наконецъ Бруттій. Онъ постоянно

содержалъ сообщенія съ ними, обезпеченныя частію гарнизонами въ городахъ, большею же частію союзами.

Имѣя такимъ образомъ тылъ свой обезпеченнымъ, онъ дѣйствовалъ до сраженія при Каннахъ совокупными, а послѣ него раздѣленными силами, присоединяя къ себѣ въ послѣднемъ случаѣ, смотря по надобности и обстоятельствамъ, отдѣльно-дѣйствовавшіе отряды свои, либо самъ съ главными силами соединяясь съ тѣмъ или другимъ изъ нихъ, словомъ—то сосредоточивая, то раздѣляя свои силы, при чемъ имѣлъ особенное искуство быстро и во время сосредоточивать главныя свои силы на важнѣйшихъ пунктахъ для рѣшительныхъ дѣйствій.

Онъ двигался и дѣйствовалъ большею частію съ быстротою и рѣшительностью, всегда соединенными съ осторожностью, скрытностью и хитростью, стараясь не только предупреждать непріятеля, приводить его въ изумленіе и замѣшательство внезапностью и нечаянностью своего появленія и поражать его стремительностью и силою своего нападенія, но и всячески обманывать его, вводить въ заблужденіе и вовлекать въ ошибки. Хитрость его ума и скрытность его нрава были причинами: во 1-хъ, что онъ особенно любилъ и употреблялъ засады, ночныя движенія, внезапныя нападенія и вообще всякаго рода военныя хитрости, особенно отличался въ нихъ, ими одержалъ побѣды при Треббіи и Тразименскомъ озерѣ и спасъ себя отъ опасности въ тѣснинахъ горы галликанской въ Кампаніи. Частымъ употребленіемъ военныхъ хитростей Аннибалъ рѣзко отличается отъ Александра В., который, напротивъ, любилъ дѣйствовать днемъ, открыто, не прибѣгая къ хитростямъ, а ночныя нападенія считалъ неудобными, невыгодными и даже недостойными его и его войска;— во 2-хъ, что онъ умѣлъ хранить свои намѣренія въ тайнѣ и дѣйствовалъ самостоятельно, не требуя и не принимая ни отъ кого совѣтовъ, и въ 3-хъ, что онъ имѣлъ особенный даръ проникать характеръ и намѣренія своихъ противниковъ, пользоваться ихъ слабостями и ошибками и сообразовать съ тѣмъ собственныя дѣйствія. Такъ побѣдилъ онъ Семпронія, Фламинія и Варрона.

Онъ велъ войну дѣятельно, но осторожно, и особенно послѣ сраженія при Каннахъ часто обстоятельствами былъ вынуждаемъ къ

медленію, выжиданію и даже болѣе или менѣе продолжительному бездѣйствію.

Онъ дѣйствовалъ преимущественно лѣтомъ (для удобнѣйшаго продовольствованія войскъ), иногда весною и осенью, и рѣдко зимою. Но когда надобность и обстоятельства настоятельно требовали того, онъ дѣйствовалъ во всѣ времена года одинаково, и вообще не затруднялся никакими препятствіями со стороны природы и людей. Ничто въ такихъ случаяхъ не могло устрашить и задержать его, и въ этомъ отношеніи для него, какъ и для Александра В., гдѣ болѣе было затрудненій и опасности, тамъ болѣе было и славы. Особеннымъ свидѣтельствомъ тому служатъ переходы его черезъ Альпы и черезъ болота р. Арно.

Искусной политикой, мудрыми военно-хозяйственными мѣрами и заботливостью о своихъ войскахъ онъ достигалъ того, что въ продолженіи войны не ослаблялся, но усиливался. Такъ въ продолженіи 16-ти лѣтъ войны въ Италіи онъ имѣлъ всегда болѣе и никогда менѣе 26 т. войскъ, съ которыми перешелъ черезъ Альпы, а по истеченіи этого времени переправился въ Африку съ 24 т. войскъ, оставивъ еще отъ 5 до 6 т. войскъ въ Бруттіѣ. Онъ пополнялъ армію свою почти исключительно наборами въ союзныхъ съ нимъ и занимаемыхъ имъ областяхъ Италіи и лишь весьма рѣдко и мало подкрѣпленіями изъ Африки.

Онъ продовольствовалъ свою армію сборомъ продовольствія съ занимаемаго имъ края, лѣтомъ — посредствомъ фуражировокъ, а осенью, зимой и весной—изъ складовъ, собранныхъ лѣтомъ. Склады эти онъ учреждалъ въ укрѣпленныхъ: городахъ, замкахъ или лагеряхъ. Въ Италіи онъ вообще былъ довольно связанъ продовольствованіемъ своей арміи, обезпеченіемъ своихъ фуражировъ, складовъ запасовъ и сообщеній съ послѣдними. Чтобы лишать непріятеля способовъ продовольствованія и доставлять ихъ собственнымъ войскамъ, онъ нерѣдко прибѣгалъ къ дѣйствіямъ противъ складовъ запасовъ непріятеля и сообщеній его съ ними

Тактическія дѣйствія его также заслуживаютъ особенныхъ вниманія и похвалы. Они всегда были сообразны съ мѣстностью и обстоятельствами, силой, свойствами, расположеніемъ и дѣйствіями

непріятеля, и болѣе или менѣе соединены съ скрытностью и различными военными хитростями, особенно съ нападеніями изъ засадъ. Въ походныхъ движеніяхъ Аннибалъ распредѣлялъ свои войска большею частью такъ, что лучшія и надежнѣйшія (испанскія и африканскія) шли въ головѣ, а менѣе надежныя (галльскія и союзныя италійскія), съ тяжестями въ серединѣ, конница же и легкая пѣхота, смотря по обстоятельствомъ, впереди, позади или съ боковъ. Въ бою онъ слѣдовалъ обыкновенно правиламъ греческой тактики, располагая въ серединѣ тяжелую пѣхоту, въ строѣ фаланги, въ одну, съ половины войны въ двѣ, а при Замѣ даже въ три линіи, легкую пѣхоту передъ нею, слоновъ впереди всего фронта арміи, а конницу по флангамъ, тяжелую на одномъ и нумидійскую на другомъ. Для удобнѣйшихъ и успѣшнѣйшихъ дѣйствій слоновъ, фаланги и конницы, онъ избиралъ для боя преимущественно ровную и открытую мѣстность, но и на ней умѣлъ искусно пользоваться малѣйшими неровностями и углубленіями, лощинами и оврагами, для скрытія войскъ и устроенія засадъ. Будучи почти всегда слабѣе непріятеля, онъ всегда старался давать собственной арміи фронтъ болѣе длинный, нежели фронтъ непріятельской арміи, чѣмъ пріобрѣталъ возможность охватывать послѣднюю, и притомъ дѣйствовалъ преимущественно наступательно-оборонительнымъ образомъ, вовлекая непріятеля въ первое съ его стороны нападеніе и затѣмъ, самъ переходя въ наступленіе, производилъ нападеніе легкою пѣхотой, слонами и фалангой въ строѣ прямолинейномъ или (какъ при Треббіи и Каннахъ) клещеобразномъ—съ фронта, конницею же охватывалъ непріятеля съ фланговъ и, вмѣстѣ съ отрядами изъ засадъ—съ тыла. При этомъ каждый родъ войскъ былъ употребляемъ имъ, соотвѣтственно оружію и назначенію, самымъ выгоднымъ образомъ, а всѣ вмѣстѣ дѣйствовали въ порядкѣ и правильно, соблюдая связь между собою и взаимно поддерживая другъ друга. Въ особенности Аннибалъ умѣлъ отлично употреблять въ бояхъ свою конницу, чрезвычайно заботился о ней и берегъ ее, и она во всѣхъ его сраженіяхъ имѣла главное участіе и нерѣдко рѣшала побѣду. Непонятно только, какъ онъ могъ употреблять слоновъ, дѣйствія которыхъ всегда и вездѣ были болѣе вредны, нежели полезны, а римскимъ войскамъ въ эти вре-

мена—уже хорошо извѣстны и не страшны. Въ этомъ онъ также отличался отъ Александра, который не употреблялъ слоновъ, справедливо пренебрегая ими, какъ средствомъ, недостойнымъ правильноустроеннаго войска и истиннаго искуства. Вообще говоря, главными отличительными чертами тактики Аннибала въ бою были: сначала—приведеніе непріятеля въ разстройство и безпорядокъ легкою пѣхотой и слонами, и пораженіе собственною конницею непріятельской, а затѣмъ — единовременное, дружное и сильное нападеніе на непріятельскую тяжелую пѣхоту съ фронта фалангой, а съ фланговъ и съ тыла конницей и отрядами изъ засадъ. Такого рода дѣйствіями въ бою онъ большею частію достигалъ самыхъ рѣшительныхъ результатовъ, не только пораженія, но почти совершеннаго истребленія непріятельскихъ армій, какъ напримѣръ при Треббіи и Каннахъ. Сраженіе же при Тразименскомъ озерѣ представляетъ рѣдкій въ военной исторіи и замѣчательный примѣръ нападенія цѣлой арміи на армію непріятельскую—изъ засады.

Основываясь на столь извѣстныхъ въ исторіи словахъ Магарбала Аннибалу послѣ сраженія при Каннахъ, нѣкоторые историки обвиняютъ Аннибала вообще въ томъ, что онъ, умѣя побѣждать въ бою, не пользовался одержанными побѣдами и не извлекалъ изъ нихъ наибольшихъ по возможности выгодъ для себя. Но эти обвиненія несправедливы, какъ и нѣкоторыя другія въ томъ же родѣ, и Аннибалъ достаточно доказалъ, кажется, что умѣлъ извлекать изъ своихъ побѣдъ всѣ выгоды, какія только могъ извлекать изъ нихъ по обстоятельствамъ, въ которыхъ находился, по силамъ, которыми располагалъ, и по главной цѣли, съ которою дѣйствовалъ. Преслѣдуя разбитаго въ бою непріятеля, когда надобность того требовала, а обстоятельства позволяли, съ быстротою, настойчивостью и силой, онъ однако, также какъ и Александръ В., не увлекался побѣдой и большею частію довольствовался только прогнаніемъ съ поля сраженія и ближайшимъ преслѣдованіемъ непріятеля послѣ побѣды. Но тутъ была еще одна причина, составляющая одну изъ отличительныхъ и замѣчательныхъ чертъ дѣйствій Аннибала въ бою и на войнѣ, а именно — усугубленіе имъ осторожности послѣ всякаго рода удачи еще болѣе, нежели послѣ неудачи.

Въ поліорцетическомъ отношеніи Аннибалъ стоитъ ниже Александра В. и даже многихъ другихъ полководцевъ древности, и ни одна изъ немногихъ его осадъ, кромѣ осады Сагунта, не заслуживаетъ особеннаго вниманія. Но это происходитъ вовсе не отъ того, что Аннибалъ не былъ искуснымъ поліорцетомъ, а отъ того, что вообще, не любя ни осадъ, ни обложеній городовъ, онъ избѣгалъ ихъ, и по нерасположенію и неспособности къ нимъ своихъ войскъ, и за неимѣніемъ при своей арміи нужныхъ для того машинъ, орудій и способовъ, и потому что дорожилъ и временемъ, и особенно войсками своими. По всѣмъ этимъ причинамъ онъ и предпочиталъ брать города либо открытою силою приступомъ, либо внезапнымъ нападеніемъ, преимущественно же посредствомъ тайныхъ сношеній или переговоровъ съ жителями, помощью измѣны и предательства и различныхъ военныхъ хитростей. Единственная большая осада его — Сагунта, въ 219 году, была ведена имъ, хотя съ большими напряженіемъ силъ и дѣятельностью, но и съ гораздо большими трудомъ и урономъ, нежели успѣхомъ, до тѣхъ поръ пока, наскучивъ ею, онъ не взялъ города и его замка пятикратнымъ, чрезвычайно кровопролитнымъ приступомъ.

Въ заключеніе нелишнимъ будетъ прибавить, что нѣкоторые писатели, основываясь на сужденіяхъ Тита Ливія и другихъ римскихъ историковъ, сравниваютъ Аннибала съ побѣдителемъ его и Карѳагена — Сципіономъ африканскимъ. Послѣдній безспорно былъ необыкновенный человѣкъ и отличный политикъ и полководецъ. Онъ былъ одаренъ превосходнымъ умомъ и прекрасными качествами души: благостью, кротостью, справедливостью и великодушіемъ, которыя, въ соединеніи съ его щедростью, снискали ему неограниченную любовь войскъ и преданность союзниковъ. Подобно Аннибалу, онъ велъ жизнь простую, воздержную и дѣятельную, постоянно содержалъ въ своихъ войскахъ строгіе военные подчиненность и порядокъ, умѣлъ хранить свои намѣренія въ тайнѣ, проникать характеръ и намѣренія своихъ противниковъ, сообразовать съ ними свои дѣйствія и искусно соединять силу съ хитростью, былъ отличный тактикъ, храбръ безъ запальчивости въ бою, неустрашимъ въ опасностяхъ, неутомимъ въ трудахъ, наконецъ имѣлъ необыкновенный

даръ слова и особенный даръ ловко и искусно управлять умами. Неоспоримымъ свидѣтельствомъ высокаго искуства его, какъ политика и полководца, служатъ всѣ дѣйствія его въ Испаніи и Африкѣ, особенно планъ его рѣшить войну перенесеніемъ ея въ Африку и исполненіе имъ этого плана. Но, подобно Александру В., онъ велъ войну въ обстоятельствахъ, несравненно болѣе благопріятныхъ, нежели Аннибалъ. Ни въ Испаніи, ни въ Африкѣ онъ не находился, какъ Аннибалъ, въ средоточіи могущественнаго государства, подобнаго римскому, и не имѣлъ противъ себя ни войскъ, столь превосходно устроенныхъ, сколько римскія, ни полководцевъ, способностями и искуствомъ равныхъ или даже подобныхъ тѣмъ, которыхъ римляне, со времени сраженія при Каннахъ, противупоставляли Аннибалу. Напротивъ, и въ Испаніи, и въ Африкѣ онъ имѣлъ противъ себя худо устроенныя или вовсе неустроенныя, хотя и храбрыя войска и, за исключеніемъ Аздрубала, брата Аннибалова, въ Испаніи и Аннибала въ Африкѣ—полководцевъ весьма посредственныхъ. Это нимало не унижаетъ впрочемъ достоинствъ Сципіона, какъ полководца, ни искуства его дѣйствій и веденія имъ войны, и онъ по справедливости долженъ быть поставленъ въ число лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ полководцевъ древности. Но, по справедливости же, его нельзя ставить наравнѣ съ Аннибаломъ, какъ усиливались это сдѣлать Титъ Ливій и другіе римскіе историки, изъ народнаго тщеславія и ненависти къ Аннибалу, даже самъ Полибій, изъ личныхъ расположенія и пріязни къ Сципіону, равно и нѣкоторые новѣйшіе писатели, слишкомъ вѣрившіе имъ въ томъ. Римскіе историки говорятъ даже, будто Аннибалъ, въ разговорѣ съ Сципіономъ, при личномъ свиданіи съ нимъ передъ сраженіемъ при Замѣ, самъ назначилъ себѣ третье мѣсто послѣ Александра В. и Пирра, и на вопросъ Сципіона: «что же бы онъ Аннибалъ) сказалъ, еслибы побѣдилъ его (Сципіона)», отвѣчалъ, будто бы, «что въ такомъ случаѣ сталъ бы выше и Александра, и Пирра, и всѣхъ прежде бывшихъ полководцевъ». Этотъ отвѣтъ, нимало не свойственный ни характеру, ни образу мыслей, ни чувствамъ Аннибала, есть не иное что, какъ лесть Сципіону и

притомъ не очень тонкая, и весьма вѣроятно—собственное изобрѣтеніе котораго нибудь изъ римскихъ историковъ.

Но потомство, болѣе справедливое къ Аннибалу, нежели римляне и ихъ историки, съ Титомъ Ливіемъ въ главѣ, и даже самъ Полибій, безпристрастнымъ приговоромъ своимъ поставило его выше и Пирра, и Сципіона, наравнѣ съ Александромъ В., въ число величайшихъ полководцевъ всѣхъ временъ и народовъ, и образцомъ, вполнѣ достойнымъ удивленія, изученія и подражанія.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

ВОЙНЫ РИМЛЯНЪ ПОСЛѢ 2-Й ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ ДО НАЧАЛА МЕЖДУУСОБІЙ (200—133 г. ДО Р. Х.).

§ 195. Характеръ войнъ, веденныхъ римлянами съ 200-го до 133-го года, образъ и искуство веденія ихъ вообще. — § 196. 1-я македонская война (200—197).—§ 197. Война съ Антіохомъ III (192—190). — § 198. 2-я македонская война (171 — 168) — § 199. 3-я пуническая война (150—146). — § 200. 3-я македонская и ахейская войны (148—146).—§ 201. Война лузитанская (149—140).—§ 202. Война нумантійская (141—133).

Древніе источники: Полибій (X—XVII, XXIII—XXX и сл.), Титъ Ливій (XXVI—LXI), Страбонъ (VIII), Плутархъ, Аппіанъ, Іустинъ (XXX—XLI), Діонъ Кассій, а также Павзаній, Евтропій и Флоръ;—новѣйшія историческія пособія: Montesquie и и др., указанны яЧ. I въ введеніи и источникахъ.

§ 195.

Характеръ войнъ, веденныхъ римлянами съ 200-го до 133-го года, образъ и искуство веденія ихъ вообще.

Бо̀льшее еще противъ прежняго усиленіе Рима, утвержденіемъ власти его въ Италіи и на морѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, власти римскаго сената, вліянія знатнѣйшей своими отличіями и заслугами во 2-й пунической войнѣ, римской аристократіи, и честолюбія того и другой—были непосредственными слѣдствіями этой войны и въ то же время ближайшими причинами рѣшительнаго съ этого времени стремленія римлянъ къ утвержденію и распространенію своей власти внѣ предѣловъ Италіи. Главнымъ средствомъ къ тому служила хитрая политика римскаго сената.

Оружіе лишь довершало то, что было искусно приготовлено политикой. Образъ и искуство веденія римлянами войны вообще распространились въ размѣрахъ и объемѣ, получили бо̀льшія: развитіе, значеніе и важность, и представляютъ уже сообразное съ обстоятельствами соединеніе хитрости съ силой и осторожности съ рѣшительностью. Постояннымъ правиломъ было — съ самаго начала вносить войну въ собственную страну непріятеля и рѣшать ее сильнымъ и рѣшительнымъ ударомъ. Поэтому римскія арміи смѣло и быстро двигались прямо во внутренность непріятельской страны или на встрѣчу непріятельской арміи и старались нанести непріятелю пораженіе либо въ бою съ нимъ, либо инымъ какимъ-либо способомъ, напримѣръ, раздѣленіемъ его силъ, ослабленіемъ его, разсѣяніемъ, обложеніемъ и принужденіемъ къ сдачѣ и т. п. Обыкновенная, бо̀льшая или меньшая малочисленность войскъ римскихъ армій и состоявшихъ при нихъ тяжестей и обозовъ, и обычай каждую ночь располагаться въ укрѣпленныхъ лагеряхъ, значительно способствовали такому образу дѣйствій римлянъ. Продовольствуясь преимущественно посредствомъ фуражировокъ и сборовъ съ края, довольствуясь малымъ, имѣя въ запасахъ, носимыхъ воинами на себѣ, достаточное на 10, 15 и болѣе дней количество продовольствія, а въ укрѣпленныхъ лагеряхъ своихъ—прикрытіе тыла, опору въ дѣйствіяхъ и надежное убѣжище въ случаѣ неудачи или пораженія, римляне не имѣли надобности въ крѣпостяхъ въ тылу за собою и въ обезпеченныхъ сообщеніяхъ съ ними, и потому могли всегда и вездѣ, во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ дѣйствовать съ совершенною свободой и съ одинаковыми быстротою, рѣшительностью и силой. Укрѣпленные лагери въ тылу ихъ доставляли имъ сверхъ того необыкновенное удобство избѣгать по произволу, въ случаѣ надобности, боя съ непріятелемъ, потому что были столь сильно укрѣпляемы, что нападать на нихъ и брать ихъ приступомъ считалось не только труднымъ, отважнымъ и опаснымъ, но и почти совершенно невозможнымъ. Если обстоятельства требовали уклоненія отъ сраженія, римляне, осторожно переходя изъ лагеря въ лагерь, дѣятельно ведя при этомъ малую войну, затрудняя или даже препятствуя фуражированію непріятеля и сбору имъ продовольствія съ края, постепенно оттѣсняли или стѣс-

няли его, ослабляли и утомляли, и принуждали наконецъ, либо вступать въ неровный бой съ превосходными силами, либо уступать поле и запираться въ города, либо покоряться. Непріятельскіе города они брали преимущественно приступомъ, внезапнымъ нападеніемъ, хитростью, предательствомъ и т. п. и только въ случаяхъ особенной важности — обложеніемъ или правильною осадой, такъ что вообще взятіе непріятельскихъ городовъ не замедляло быстроты и не ослабляло рѣшительности дѣйствій римлянъ въ полѣ, и дѣйствія эти, въ особенности бой, всегда были первенствующими, важнѣйшими, и тактика по-прежнему рѣшала судьбу войнъ и государствъ на поляхъ сраженій и была главною отраслью военнаго искуства римлянъ.

Таковы вообще были: характеръ войнъ, веденныхъ римлянами послѣ 2-й пунической войны до начала междуусобій, равно образъ и искуство веденія ихъ. Но различіе въ обстоятельствахъ, среди которыхъ онѣ были ведены, и въ личныхъ свойствахъ и характерѣ полководцевъ, предводительствовавшихъ римскими арміями, были, какъ весьма естественно, причинами, что каждая война, при общихъ имъ всѣмъ главныхъ чертахъ, имѣла и свои какія-либо особенныя. Войны этого періода времени вообще могутъ быть раздѣлены, по цѣлямъ, на веденныя для совершенія новыхъ либо для распространенія и упроченія прежнихъ завоеваній. Важнѣйшими были войны перваго рода. Сюда принадлежатъ: 1-я, 2-я и 3-я македонскія, война съ сирійскимъ царемъ Антіохомъ III или Великимъ, 3-я пуническая и ахэйская или греческая. Къ войнамъ же втораго рода принадлежатъ войны съ возставшими жителями цизальпинской Галліи, Истріи, Сардиніи и Корсики и въ особенности важнѣйшія и замѣчательнѣйшія изъ нихъ—лузитанская съ Виріатомъ и нумантійская съ жителями испанскаго города Нуманціи.

§ 196.

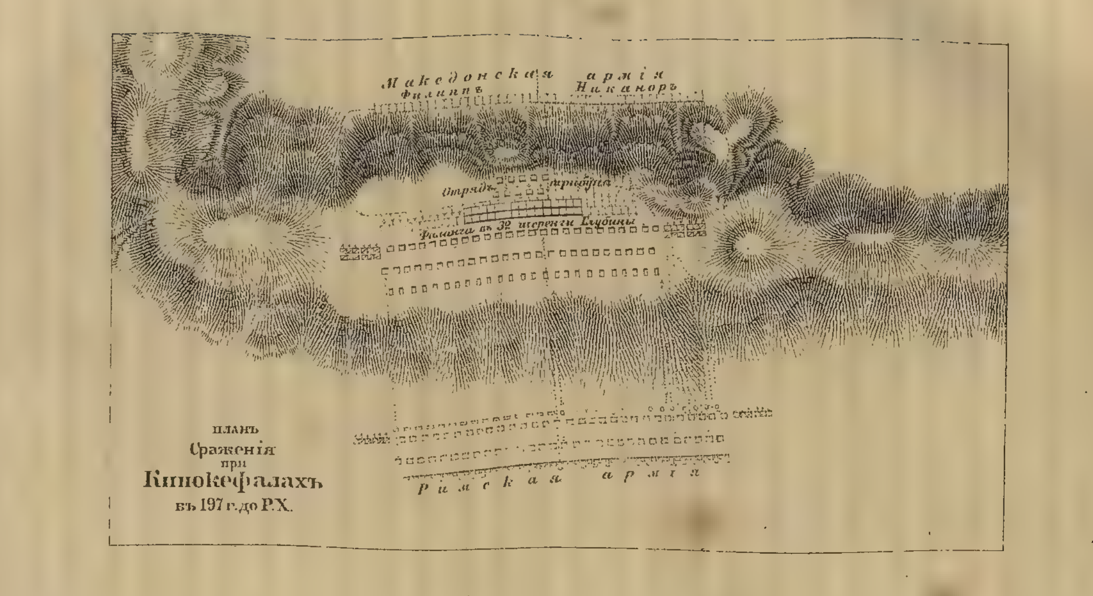
1-я македонская война (200—197).

Немедленно по окончаніи 2-й пунической войны, римляне обратились противъ Филиппа македонскаго, обнаружившаго передъ тѣмъ враждебныя противъ нихъ намѣренія, и положили совершенно вы-

тѣснить его изъ Греціи и сдѣлать его неопаснымъ на будущее время для Рима, въ Греціи же, вмѣсто него, утвердить собственныя вліяніе и власть. Въ поводахъ къ тому недостатка не было. Филиппъ, имѣя въ Греціи на своей сторонѣ ахэйскій союзъ, заключилъ союзъ съ сирійскимъ царемъ Антіохомъ III противъ Египта, находившагося подъ покровительствомъ римлянъ, и угрожалъ Аѳинамъ, Византіи и Родосу. Египетъ, Аѳины, Византія и Родосъ обратились къ Риму съ просьбой о помощи противъ Филиппа, и римляне, имѣя на своей сторонѣ этолійскій союзъ и въ немъ уже твердую опору въ Греціи, объявили себя защитниками слабѣйшихъ и угнетенныхъ и потребовали отъ Филиппа, чтобъ онъ очистилъ Грецію. Но какъ Филиппъ не хотѣлъ исполнить ихъ требованія, то въ 200 году римляне и послали противъ него консула Сулпиція Гальбу съ арміей и флотомъ. Однако ни Сулпицій, ни въ слѣдующемъ (199) году консулъ Виллій не успѣли вытѣснить Филиппа изъ Эпира и Ѳессаліи, потому что открывали дѣйствія слишкомъ поздно и дѣйствовали слишкомъ медленно и нерѣшительно, ограничиваясь веденіемъ малой войны, взятіемъ нѣсколькихъ горныхъ проходовъ, нападеніемъ на фуражировъ, отрѣзываніемъ подвозовъ и т. п. Но главною причиной неуспѣха ихъ дѣйствій было то, что они не умѣли склонить грековъ на сторону Рима, а отъ этого обстоятельства именно и зависѣлъ весь успѣхъ войны противъ Филиппа. Главнымъ источникомъ всѣхъ военносухопутныхъ силъ, средствъ и способовъ Филиппа была не Македонія, а Греція, доставлявшая ему и деньги, и продовольствіе, и войска, и флотъ. А потому на третій годъ (198) римскій сенатъ ввѣрилъ веденіе войны противъ Филиппа консулу Квинкцію Фламинину, полководцу способному, коротко знакомому съ греческимъ образованіемъ и которому хорошо извѣстенъ былъ народный характеръ грековъ. Фламининъ оправдалъ выборъ сената. Искусно нанеся Филиппу, съ самаго начала, пораженіе въ горныхъ тѣснинахъ Эпира, въ которыхъ Филиппъ укрѣпился, Фламининъ принудилъ его очистить Эпиръ и Ѳессалію и отступить въ Македонію. Затѣмъ, принявъ покорность Эпира и Ѳессаліи, Фламининъ искусно умѣлъ привлечь ахэйскій союзъ на сторону Рима, и ахэяне, вмѣстѣ съ братомъ Фламинина, Л. Квинкціемъ, немедленно осадили Коринѳъ. Однако они встрѣтили

упорное сопротивленіе и были принуждены снять осаду, и два сильнѣйшіе города ахэянъ, Коринѳъ и Аргосъ, остались еще во власти Филиппа. Въ слѣдующемъ (197) году сенатъ римскій благоразумно продолжилъ Фламинину начальствованіе въ Македоніи, и Филиппъ, видя невыгодный для себя оборотъ дѣлъ въ Греціи, вступилъ съ Фламининомъ въ переговоры, но, не соглашаясь принять тяжкихъ условій римскаго сената, рѣшился продолжать войну. Вскорѣ Фламининъ искусною политикою своею успѣлъ склонить на сторону Рима Набиса, тирана Спарты (которому Филиппъ передалъ Аргосъ), віотянъ и почти всю Грецію. Затѣмъ и Фламининъ, и Филиппъ, почти съ равносильными арміями (отъ 25 до 26,000 челов.), въ одно время двинулись съ юга и сѣвера въ Ѳессалію, сошлись близъ Лариссы при Киноскефалахъ (рядѣ отдѣльныхъ холмовъ, раздѣлявшемъ оба войска) и послали отряды войскъ, Филиппъ—для занятія этихъ холмовъ, а Фламининъ—для развѣданія о непріятелѣ. Римскій отрядъ, найдя холмы уже занятыми македонскимъ отрядомъ, напалъ на него и былъ отраженъ, но подкрѣпленный этолійскою конницей, въ свою очередь опрокинулъ его. Филиппъ и Фламининъ, постепенно подкрѣпляя сражавшихся, вскорѣ ввели въ дѣло всѣ свои войска и бой сдѣлался общимъ. Правое крыло Филиппово, дѣйствуя въ глубокомъ сомкнутомъ строѣ, на выгодной мѣстности (по ровному склону холмовъ сверху внизъ), принудило лѣвое римское крыло отступить. Но на лѣвомъ Филипповомъ крылѣ неровная, пересѣченная мѣстность произвела волненіе въ строѣ и разорвала ряды, и Фламининъ, пользуясь тѣмъ, стремительно и сильно напалъ на это крыло своимъ правымъ крыломъ, предшествуемымъ слонами, и совершенно опрокинулъ его. А затѣмъ и правое Филиппово крыло, атакованное съ фронта, лѣваго фланга и тыла, было равномѣрно опрокинуто, и вся армія Филиппа разбита на́-голову, потерявъ до 8,000 челов. убитыми и до 5,000 челов. взятыми въ плѣнъ.

Побѣда при Киноскефалахъ, явивъ новое доказательство превосходства легіона надъ фалангой, рѣшила войну. Филиппъ просилъ мира и былъ принужденъ принять его на самыхъ тяжкихъ условіяхъ, предписанныхъ римскимъ сенатомъ и имѣвшихъ цѣлью ослабить Филиппа и сдѣлать его не только неопаснымъ для Рима, но и завис-



планъ
Сраженія
при
Киноскефалахъ
въ 197 г. до Р.Х.

мымъ отъ него. Именно—онъ долженъ былъ очистить Грецію, признать ея независимость, ограничиться обладаніемъ одною Македоніей, не содержать болѣе 500 чел. войскъ, выдать всѣ свои военныя суда, не вести безъ согласія Рима внѣшнихъ войнъ, заплатить 1000 талантовъ и дать сына своего, Димитрія, въ заложники. Затѣмъ всѣ европейскіе и малоазійскіе греческіе города были объявлены независимыми, но въ трехъ изъ нихъ (Коринѳѣ, Халкидѣ и Димитріадѣ) римляне оставили гарнизоны, и вскорѣ, утвердивъ вліяніе свое въ Греціи и малой Азіи, поставили первую въ самую тѣсную зависимость отъ нихъ.

§ 197.

Война съ Антіохомъ III (192—190).

Война римлянъ съ Антіохомъ III, царемъ сирійскимъ, происшедшая 5 лѣтъ спустя послѣ 1-й македонской, представляетъ почти тѣ же явленія, что и послѣдняя. И въ ней также успѣхъ былъ приготовленъ искусною политикой римскаго сената и затѣмъ скоро рѣшенъ силою римскаго оружія, при помощи ошибокъ Антіоха и искуства римскихъ полководцевъ.

Причины этой войны заключались уже въ самомъ мирѣ римлянъ съ Филиппомъ македонскимъ. Этоляне были недовольны ничтожными выгодами, предоставленными имъ этимъ миромъ, и не успѣвъ побудить Филиппа и Грецію къ составленію общаго противъ римлянъ союза, пригласили прибыть въ Грецію, для освобожденія ея, Антіоха, не соглашавшагося, по требованію римлянъ, очистить малоазійскіе греческіе города. Въ то же время Аннибалъ, находившійся въ главѣ карѳагенскаго правительства*), со всею силою глубокой ненависти своей къ Риму, втайнѣ старался составить противъ него союзъ между Карѳагеномъ и Антіохомъ. Союзъ ихъ, къ которому легко присоединились бы Македонія и многія меньшія государства Греціи и малой Азіи, могъ угрожать Риму тѣмъ большею опасностью, что душою его

*) Выше въ главѣ XXVIII § 191 было сказано, что Аннибалъ, послѣ сраженія при Замѣ, спасся въ Адруметъ, а оттуда къ Антіоху, но послѣднее произошло лишь 10 лѣтъ позже.

былъ бы страшный и опасный для римлянъ Аннибалъ. Но политика римскаго сената уничтожила всякую возможность подобнаго союза. Прежде всего сенатъ потребовалъ отъ карѳагенскаго правительства выдачи Аннибала—и Аннибалъ, чтобъ избѣгнуть угрожавшей ему участи, спасся ко двору Антіоха. Затѣмъ сенатъ хотѣлъ переговорами склонить Антіоха къ очищенію малоазіятскихъ греческихъ городовъ. Но когда Антіохъ, побуждаемый Аннибаломъ, принялъ приглашеніе этолянъ, тогда сенатъ римскій положилъ вытѣснить его не только изъ Греціи, но и изъ малой Азіи, и сдѣлать его впредь, какъ Филиппа, не только неопаснымъ для Рима, но и зависимымъ отъ него. Съ этою цѣлью вся политика римскаго сената была устремлена къ тому, чтобъ удержать на своей сторонѣ Филиппа македонскаго, грековъ, родосцевъ и пергамскаго царя Евмена, и извлечь изъ нихъ наибольшую для себя пользу, Антіоха же ограничить ничтожнымъ содѣйствіемъ однихъ этолянъ и нѣсколькихъ другихъ неважныхъ союзниковъ въ Греціи. Римскій сенатъ имѣлъ въ этомъ полный успѣхъ, а ошибки Антіоха еще болѣе облегчили ему скорое и вѣрное достиженіе предположенной имъ цѣли. Антіохъ, повѣривъ этолянамъ, что вся Греція присоединится къ нему, лишь только онъ явится въ ней освободителемъ ея отъ римлянъ, прибылъ въ нее осенью 192 г. съ такими незначительными силами (10,000 челов. пѣхоты, 500 чел. конницы и 6-ю слонами), что ни ахэяне, ни Филиппъ не могли и думать о присоединеніи къ нему, и даже сами этоляне охладѣли въ усердіи къ нему. Въ этихъ обстоятельствахъ Антіоху нужно было по крайней мѣрѣ дѣйствовать политикой и оружіемъ такъ, чтобы съ самаго перваго шага въ Греціи одержать какой-нибудь успѣхъ и пріобрѣсть союзниковъ, или по крайней мѣрѣ не имѣть неудачи и не увеличить еще болѣе опасности своего положенія. Но всѣ его дѣйствія носятъ, напротивъ, отпечатокъ величайшихъ съ его стороны ослѣпленія и безразсудства. Самое первое предпріятіе его противъ Халкиды на островѣ Эвбеѣ не имѣло успѣха потому, что онъ взялъ съ собою для этого слишкомъ мало войскъ, и Халкида, равно и всѣ другіе города Эвбеи, сдались ему только тогда, когда онъ вторично прибылъ на этотъ островъ съ большимъ уже числомъ войскъ. Здѣсь Аннибалъ предложилъ ему немедленно сосре-

доточить въ Греціи всѣ сухопутныя и морскія силы Сиріи, часть флота послать къ Брундузію, дабы препятствовать римлянамъ переправиться въ Грецію, а другую часть—къ южнымъ и западнымъ берегамъ Италіи для угроженія имъ, самому же со всѣми сухопутными силами расположиться на берегахъ Иллиріи близъ Эпира, дабы оттуда имѣть возможность, смотря по обстоятельствамъ, или защищать Грецію, или даже вступить въ Италію съ сѣвера. Но Антіохъ ничего этого не сдѣлалъ, отчасти потому, что царедворцы и льстецы отклонили его отъ этого, отчасти же потому, что самъ хотѣлъ уклониться отъ вліянія Аннибала, дѣйствовать самостоятельно и быть обязану успѣхомъ одному себѣ. Ограничась только тѣмъ, что послалъ въ малую Азію за своими войсками и флотомъ и взялъ нѣсколько городовъ въ Ѳессаліи, всю остальную затѣмъ зиму онъ провелъ въ Халкидѣ въ пирахъ, увеселеніяхъ и совершенномъ бездѣйствіи.

Когда такимъ образомъ для римлянъ настало время рѣшить оружіемъ то, что̀ такъ удачно и выгодно для нихъ было приготовлено политикой ихъ сената и ошибками Антіоха, тогда въ Греціи немедленно явилась римская армія. Весною 191 года консулъ Ацилій Глабріонъ высадился съ 20,000 челов. пѣхоты, 2,000 челов. конницы и 15 слонами въ Эпирѣ и соединился въ Ѳессаліи съ Филиппомъ македонскимъ. Всѣ города Ѳессаліи, занятые Антіоховыми гарнизонами, покорились Глабріону и Филиппу добровольно или были взяты ими силой. Затѣмъ Глабріонъ и Филиппъ двинулись совокупно къ Ѳермопиламъ, въ которыхъ Антіохъ укрѣпился съ главными своими силами, отрядивъ 2,000 этолянъ на вершину горы Эты. Сильно атакованныя съ фронта Глабріономъ и Филиппомъ и обойденныя слѣва знаменитымъ въ послѣдствіи Порціемъ Катономъ, съ 2,000 чел. отборной пѣхоты опрокинувшимъ этолянъ съ горы Эты, сирійско-этолійскія войска обратились въ бѣгство, были преслѣдованы и частію истреблены, частію разсѣяны. Самъ Антіохъ же едва съ 500 воиновъ спасся на островъ Эвбею, а оттуда поспѣшно возвратился въ малую Азію. И такъ—однимъ ударомъ Глабріонъ вытѣснилъ его изъ Греціи и затѣмъ со всѣми своими силами обратился противъ этолянъ. Они готовы были покориться на умѣренныхъ условіяхъ и тогда Глабріону можно было бы перенесть

войну въ самую малую Азію. Но высокомѣрное и грубое обхожденіе его съ этолянами такъ раздражило ихъ, что они оказали ему упорное сопротивленіе, а онъ, вслѣдствіе того, началъ вести противъ нихъ истребительную войну. Такого рода дѣйствія его, замедляя перенесеніе войны въ малую Азію, могли также крайне повредить и вліянію римлянъ въ Греціи. А потому римскій сенатъ въ слѣдующемъ 190 году назначилъ, на мѣсто Глабріона, болѣе кроткаго консула Луція Сципіона, брата знаменитаго побѣдителя Аннибалова, Публія Корнелія Сципіона, и разрѣшилъ ему перенесть войну въ малую Азію. Луцій Сципіонъ взялъ съ собою легатомъ брата своего Публія, и это обстоятельство много способствовало къ скорому, удачному и славному для римлянъ окончанію войны. Первымъ дѣйствіемъ Луція Сципіона было заключить съ этолянами на 6 мѣсяцовъ перемиріе, а вторымъ—двинуться чрезъ Ѳессалію, Македонію и Ѳракію къ Геллеспонту для переправы въ малую Азію. Туда же направились римскій и родосскій флоты. Антіохъ цѣлую зиму провелъ въ огромныхъ сухопутныхъ и морскихъ вооруженіяхъ. Поручивъ сыну своему Селевку съ войскомъ защищать берега Геллеспонта, самъ онъ собиралъ въ Сардесѣ сильное войско, а въ сирійскихъ гаваняхъ многочисленный флотъ. Но угрожаемый Луціемъ Сципіономъ, Евменомъ и родосцами съ сухаго пути и моря, онъ, послѣ двукратнаго пораженія своего флота у западныхъ береговъ малой Азіи, пришелъ въ такой страхъ и такъ упалъ духомъ, что совершенно потерялся и приказалъ Селевку отступить отъ Геллеспонта, вмѣсто того, чтобы напротивъ усилить его и приказать ему держаться до крайности. Аннибала же онъ имѣлъ безразсудство послать—для того, чтобъ удалить его отъ себя—въ сирійскія гавани за флотомъ. Но когда флотъ этотъ былъ разбитъ римлянами и родосцами, Аннибалъ остался отрѣзаннымъ на берегахъ Памфиліи, и такимъ образомъ Антіохъ лишился совѣтовъ и помощи его въ самое трудное и опасное для себя время.

Побѣды на морѣ и отступленіе Селевка открыли Сципіону свободную переправу чрезъ Геллеспонтъ, и римская армія впервые и безпрепятственно переправилась въ малую Азію. Считая все для себя потеряннымъ, Антіохъ употребилъ всѣ средства (даже

пытался подкупить Публія Сципіона) для того, чтобы склонить Луція Сципіона къ миру на умѣренныхъ условіяхъ. Но все было тщетно: Луцій, по волѣ сената, требовалъ очищенія всей малой Азіи, какъ главнаго условія мира—и тогда Антіохъ вѣнчалъ всѣ свои прежнія ошибки новою, важнѣйшею, рѣшась судьбу свою и своего государства предоставить случайностямъ рѣшительной съ римлянами битвы, въ которой, по непостижимому ослѣпленію, надѣялся одержать побѣду единственно потому, что имѣлъ на своей сторонѣ превосходство въ силахъ (70,000 челов. пѣхоты, 12,000 челов. конницы, 54 слона, колесницы, вооруженныя косами, и верблюдовъ съ аравійскими стрѣлками). Съ этою цѣлью онъ расположился въ сильно-укрѣпленномъ лагерѣ близъ города Магнезіи, у подошвы горы Сипила. Главную силу его арміи составляли 16,000 чел. тяжелой пѣхоты, вооруженной и устроенной по-македонски, и образовавшихъ слѣдовательно тетрафалангархію или большую фалангу. Она была раздѣлена на 10 отдѣленій, каждое въ 50 рядовъ и 32 шеренги. Въ промежуткахъ ихъ было поставлено по 2 большихъ и сильныхъ индійскихъ слона, вооруженныхъ башнями съ стрѣлками. На правомъ флангѣ фаланги стояли 1,500 чел. галатской или малоазіятско-галльской конницы, 3,000 катафрактовъ и 1,000 чел. отборной мидійской и разной другой азіятской конницы, 16 слоновъ для поддержанія этой конницы, царскіе аргираспиды, 3,700 конныхъ стрѣлковъ, 3,000 чел. критской и другой легкой пѣхоты, и на оконечности праваго крыла 4,000 пращниковъ и стрѣлковъ. Лѣвое крыло было составлено и построено точно также, съ тою только разницей, что передъ частію конницы находились военныя колесницы, вооруженныя косами, и верблюды съ аравійскими стрѣлками.

Сципіонъ, имѣвшій 2 римскихъ и 2 союзнымъ легіона (21,600 чел. пѣхоты и 1,800 чел. конницы) и около 7,000 вспомогательныхъ войскъ Евмена и ахэянъ, а всего около 30,000 чел. съ 15 слонами, смѣло двинулся противъ Антіоха и вступилъ съ нимъ въ бой. Въ самомъ началѣ лошади Антіоховыхъ военныхъ колесницъ, испуганныя криками легкихъ пѣхоты и конницы римскихъ, раздѣленныхъ на малыя отдѣленія, понесли колесницы назадъ на лѣвое

Антіохово крыло и привели его въ разстройство и безпорядокъ. За ними бросились также и верблюды. Войска, стоявшія позади колесницъ и верблюдовъ, обратились въ бѣгство первыя. Катафракты лѣваго Антіохова крыла выждали нападенія римской конницы, но были опрокинуты ею и разсѣялись въ безпорядкѣ, а за ними бѣжали и всѣ остальныя войска этого крыла. Замѣшательство и разстройство распространились и въ фалангѣ. Атакованные римскою тяжелою пѣхотой и смятые бѣглецами лѣваго крыла, фалангисты не могли свободно дѣйствовать сариссами, а между тѣмъ были поражаемы сильнымъ дѣйствіемъ метательнаго оружія римлянъ. Слоны, находившіеся въ промежуткахъ фаланги, не оказали никакой пользы, потому что римляне, научившіеся уже въ Африкѣ, какъ дѣйствовать противъ нихъ, или убивали ихъ, стрѣляя въ нихъ съ боковъ, или же перерѣзывали имъ подколѣнки. Такимъ образомъ переднія шеренги фаланги были опрокинуты и римляне начали уже поражать и заднія. Но между тѣмъ самъ Антіохъ съ правымъ своимъ крыломъ напалъ на лѣвое римское съ фронта и фланга и опрокинулъ римскую конницу, за которою и пѣхота этого крыла бросилась бѣжать въ римскій лагерь. Находившійся въ послѣднемъ трибунъ М. Эмилій остановилъ однако бѣжавшихъ и, подкрѣпивъ ихъ 2 тысячами тріаріевъ, оставленныхъ для охраненія лагеря, удержалъ преслѣдовавшаго Антіоха. Въ это время пѣхота римскаго праваго крыла успѣла наконецъ опрокинуть упорнѣе всѣхъ сражавшуюся фалангу, и Антіохъ, атакованный съ фронта, лѣваго фланга и тыла, былъ принужденъ бѣжать въ свой лагерь. Римляне преслѣдовали бѣжавшихъ туда, которые, встрѣтивъ на пути военныя колесницы, слоновъ и верблюдовъ, понесли отъ нихъ огромный уронъ, потому что большею частью были раздавлены ими. Впереди лагеря и потомъ въ самомъ лагерѣ остатки ихъ оборонялись упорно и понесли еще большій уронъ, нежели въ бою и бѣгствѣ. Антіохъ былъ разбитъ на голову, и изъ 82 тысячной арміи его около 50,000 чел. пѣхоты и 4,000 чел. конницы пали въ бою, а 1,400 чел. были взяты въ плѣнъ вмѣстѣ съ 15 слонами. Одною изъ главныхъ причинъ пораженія Антіоха было дурное построеніе его фаланги. Она была составлена изъ старыхъ, опытныхъ, сильныхъ, храбрыхъ и хорошо-

вооруженныхъ и устроенныхъ воиновъ, составляла главную силу Антіоховой арміи и считалась непобѣдимою, но была построена уже слишкомъ глубоко, такъ что бо́льшая часть шеренгъ оставалась совершенно безполезною. Притомъ оба крыла по сторонамъ фаланги были бо́льшею частью составлены изъ войскъ новонабранныхъ, неустроенныхъ и малодушныхъ.

Побѣда при Магнезіи рѣшила войну съ нАтіохомъ въ малой Азіи, точно также, какъ побѣда при Ѳермопилахъ передъ тѣмъ рѣшила войну съ Филиппомъ въ Греціи. Антіохъ просилъ мира и получилъ его на такихъ же тяжкихъ условіяхъ, на какихъ онъ былъ предписанъ и Карѳагену, и Филиппу македонскому. Антіохъ былъ принужденъ отказаться отъ всѣхъ притязаній на Грецію и очистить всю малую Азію до горнаго хребта Тавра, заплатить римлянамъ, за издержки войны, 15,000 талантовъ въ 12 лѣтъ, и выдать имъ всѣ свои военныя суда (Аннибалъ, котораго онъ также былъ обязанъ выдать, успѣлъ спастись бѣгствомъ на островъ Критъ). Затѣмъ, раздѣливъ малую Азію между своими союзниками, родосцами и Евменомъ, и положивъ прочное основаніе вліянію своему въ Азіи, Антіоха же—ослабивъ, обезоруживъ и поставивъ въ зависимость отъ Рима, римляне обратились противъ этолянъ и, безъ труда принудивъ ихъ покориться, лишили ихъ и силы, и независимости, и уничтожили ихъ союзъ.

§ 198.

2-я македонская война (171—168).

Угнетеніе римлянами Македоніи и несправедливые поступки ихъ съ Филиппомъ возбудили въ послѣднемъ глубокую ненависть къ Риму и твердое намѣреніе освободить Македонію отъ римскаго ига. Втайнѣ, но дѣятельно готовился онъ нѣсколько лѣтъ съ этою цѣлью къ войнѣ и, значительно обогативъ казну свою, набралъ, образовалъ и содержалъ сильное наемное войско и приготовилъ большіе запасы оружія, продовольствія и другихъ, необходимыхъ для веденія войны, способовъ, однако умеръ (179), не успѣвъ исполнить своего намѣренія. Сынъ и преемникъ его, Персей, наслѣдовалъ отъ

него и ненависть къ Риму, и твердое намѣреніе освободить Македонію, но не имѣлъ равныхъ съ нимъ дарованій для успѣха въ этомъ трудномъ предпріятіи, и недостаткомъ прозорливости, благоразумной осторожности, рѣшимости и твердости, равно скупостью, коварствомъ и малодушіемъ своими, и важными ошибками политическими и военными только погубилъ и себя, и Македонію. Первымъ дѣйствіемъ его было возобновленіе, для выигранія времени, договора, заключеннаго отцемъ его съ римлянами. Затѣмъ онъ всячески, посредствомъ переговоровъ и льстивыхъ обѣщаній, старался склонить на свою сторону грековъ и возстановить въ Греціи прежнее вліяніе Македоніи, въ чемъ и успѣлъ въ довольно значительной степени. Между тѣмъ дарданійцы, обитавшіе на западныхъ предѣлахъ Македоніи, обратились къ Риму съ жалобой на Персея, будто бы призвавшаго изъ-за Дуная въ ихъ земли воинственное германское племя бастарновъ, и съ просьбой о помощи противъ послѣднихъ, съ которыми они находились тогда въ войнѣ. Бастарны были однако призваны не Персеемъ, а еще Филиппомъ, и по смерти его большею частью воротились за Дунай и только часть ихъ осталась въ земляхъ дарданійцевъ, но и тѣ вскоро были вытѣснены. Римскій сенатъ, знавшій уже враждебныя намѣренія Персея, на первый случай ограничился только требованіемъ отъ него точнаго соблюденія договора. Но вскорѣ свѣдавъ, что Персей и карѳагеняне находятся въ сношеніяхъ и замышляютъ составить союзъ между собою, отправилъ въ Македонію пословъ для ближайшаго развѣданія дѣлъ, и узнавъ, что въ Македоніи производятся дѣятельныя приготовленія къ войнѣ, самъ началъ готовиться къ ней. Убѣжденія пергамскаго царя Евмена, покушеніе Персея умертвить Евмена и отказъ въ потребованномъ отъ него римлянами удовлетвореніи, побудили наконецъ (171) римскій сенатъ объявить ему войну. Между тѣмъ какъ производился наборъ войскъ, въ Грецію были отправлены послы для удержанія ея на сторонѣ Рима. Съ однимъ изъ нихъ, Марціемъ, нерѣшительный Персей вступилъ въ переговоры о мирѣ. Марцій, зная, что Персей былъ готовъ, римляне же неготовы къ войнѣ, и имѣя въ виду выиграть время, склонилъ Персея къ заключенію перемирія и отправленію въ Римъ пословъ для переговоровъ о мирѣ. Такимъ образомъ

Персей, обманутый хитростью Марція и ослѣпленный надеждой на миръ, упустилъ самые удобные время и случай для предупрежденія римлянъ войною, на которую сначала рѣшился столь необдуманно. А между тѣмъ какъ послы его напрасно ѣздили въ Римъ и обратно, весь ахейскій союзъ и почти вся Віотія объявили себя на сторонѣ римлянъ и обѣщали выставить вспомогательныя войска, родосцы снарядили для римлянъ сильный флотъ, а сами римляне успѣли образовать тщательно-набранную армію (24.000 чел. пѣхоты и 1,800 чел. конницы), и консулъ Лициній Крассъ, переправясь съ нею (171 г.) въ Эпиръ, двинулся въ Θессалію. Тогда, хотя и поздно, Персей рѣшился на войну, но уже былъ вынужденъ вести не наступательную, а оборонительную войну въ Θессаліи и самой Македоніи. Впрочемъ успѣхъ въ первые три года (171—169) вообще былъ болѣе на его сторонѣ, нежели на сторонѣ римлянъ, по причинѣ не столько его искуства, сколько неспособности римскихъ консуловъ Лицинія Красса, Гостилія и Марція, равно медленности, нерѣшительности и неискуства ихъ дѣйствій. И Персей дѣлалъ частыя и большія ошибки, но римскіе полководцы дѣйствовали еще ошибочнѣе и потому неудивительно, что первый не только могъ три года держаться противъ римлянъ, но и одерживалъ надъ ними неоднократно успѣхи. Такъ въ первомъ (171) году, имѣя въ Θессаліи до 43,000 войскъ, онъ не занялъ трудныхъ проходовъ въ горахъ между Эпиромъ и Θессаліей и тѣмъ допустилъ Лицинія Красса вступить въ Θессалію и соединиться въ ней съ 5,000 войскъ, приведенныхъ Евменомъ. Но здѣсь Лициній, по оплошности своей, претерпѣлъ, въ конномъ бою на берегахъ рѣки Пэнея, пораженіе и только потому успѣлъ спасти войска отступленіемъ ночью за Пэней, что Персей послѣ боя рѣшился преслѣдовать его, а ночью не наблюдалъ за нимъ. Волнуемый страхомъ, онъ даже предложилъ Лицинію миръ, но получилъ въ отвѣтъ, что долженъ вполнѣ предоставить судьбу свою и своего государства на волю римскаго сената. Послѣ незначительныхъ дѣйствій малой войны, Персей воротился на зиму въ Македонію, а Лициній расположилъ свою армію въ Θессаліи. Между тѣмъ римскій флотъ былъ разбитъ близъ Орея (на островѣ Эвбеѣ) македонскимъ флотомъ, а Эпиръ отложился отъ римлянъ и присоединился къ Пер-

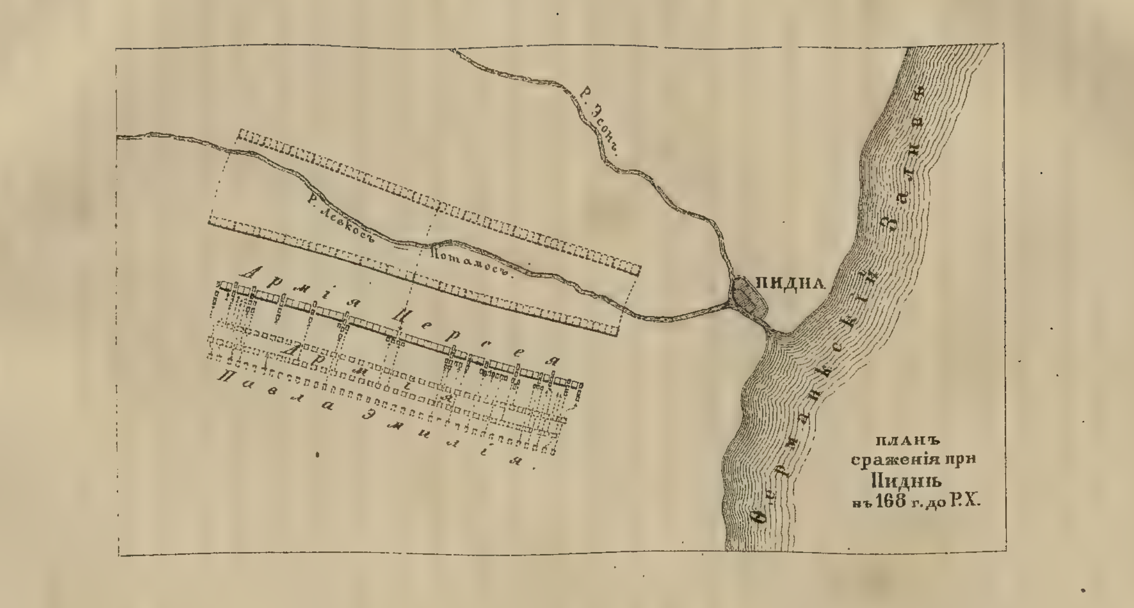
сею. Во 2-мъ (170) году Персей разбилъ въ Өессаліи и обратилъ въ бѣгство консула Гостилія и послѣ того дѣйствовалъ противъ него успѣшно; зимой же совершилъ удачный походъ въ Иллирію и покорилъ въ ней многіе города, занятые римскими гарнизонами. Предложивъ иллирійскому царю Генцію союзъ, онъ изъ скупости не согласился однако дать ему необходимыхъ для издержекъ войны денегъ и тѣмъ лишилъ себя полезнаго содѣйствія его въ слѣдующемъ году. Въ этомъ, третьемъ (169) году консулъ Марцій съ самаго начала двинулся изъ Өессаліи въ Македонію, дабы напасть на Персея въ собственной его странѣ, но едва не погубилъ всей своей арміи при необычайно трудномъ и опасномъ переходѣ съ тяжестями и слонами черезъ горы, отдѣлявшія Өессалію отъ Македоніи. Персей, расположась съ главными силами близъ города Дія, занялъ проходы въ этихъ горахъ сильными отрядами и, во-время поддержавъ ихъ, могъ запереть и уничтожить римскую армію въ горахъ. Но онъ не только не поддержалъ своихъ отрядовъ, но и отвелъ ихъ назадъ, и спасши этимъ римскую армію отъ гибели, самъ впалъ въ невыразимый страхъ и заботился только о спасеніи своихъ сокровищъ. Впрочемъ Марцій, исключая взятія Гераклеи, ничего важнаго въ Македоніи не сдѣлалъ и вскорѣ расположился въ ней на зиму.

Подобнаго рода дѣйствія Ливинія, Гостилія и Марція противъ такого жалкаго противника, какъ Персей, устыдили римлянъ и на 4-й годъ (168) сенатъ и народъ единогласно избрали консуломъ 60-ти-лѣтняго Павла-Эмилія (сына консула того же имени, убитаго при Каннахъ), способнаго, опытнаго, уже ознаменовавшаго себя искусными дѣйствіями и побѣдами, пользовавшагося общими любовью и уваженіемъ, и поручили ему веденіе или лучше сказать окончаніе войны съ Персеемъ. Первою заботою Павла-Эмилія было собрать на мѣстѣ въ Македоніи, чрезъ посланныхъ сенатомъ лицъ, самыя обстоятельныя и вѣрныя свѣдѣнія о состояніи арміи и флота римскихъ и самого Персея. По полученіи этихъ свѣдѣній, римскія арміи въ Македоніи и Иллиріи и римскій флотъ въ греческихъ водахъ были пополнены людьми и снабжены всемъ нужнымъ, и Павелъ-Эмилій отправился въ Македонію, а преторъ Аниццій въ Иллирію. Между тѣмъ Персей, устрашенный грозившею ему опасностью,

согласился наконецъ дать Генцію 300 талантовъ на военныя издержки, отправилъ пословъ къ родосцамъ, Евмену и Антіоху, дабы склонить ихъ къ союзу съ нимъ, и призвалъ 10,000 конныхъ и 10,000 пѣшихъ бастарновъ. Но когда Генцій, въ надеждѣ на полученіе обѣщанныхъ денегъ, заключилъ находившихся при немъ римскихъ пословъ въ темницу, Персей не исполнилъ своего обѣщанія, расчитывая, что Генцій и безъ того будетъ принужденъ вступить въ войну съ римлянами. Но Генцій безъ денегъ не могъ набрать войскъ, ни вооружить флота, ни противупоставить римлянамъ значительнаго сопротивленія—и вскорѣ всѣ города въ Иллиріи добровольно покорились Аницію, и самъ Генцій сдался ему въ плѣнъ. Столь же вѣроломно поступилъ Персей и съ бастарнами, которые, не получивъ впередъ, по обѣщанію, жалованья, воротились за Дунай. Что же касается родосцевъ, Евмена и Антіоха, то переговоры съ ними были начаты уже слишкомъ поздно и притомъ обѣ стороны никакъ не могли—отчасти также по скупости Персея—согласиться въ условіяхъ.

Прибывъ въ Македонію, Павелъ-Эмилій нашелъ Персея выгодно расположеннымъ на берегу моря и рѣки Энипея, у подошвы горы Олимпа, на неудободоступной мѣстности, въ укрѣпленномъ лагерѣ. Расположась противъ него по другую сторону Энипея, П. Эмилій началъ съ того, что возстановилъ въ римской арміи, во всей строгости, ослабѣвшіе въ ней: воинскій порядокъ, равно исправность и дѣятельность въ исполненіи службы, что, въ соединеніи съ вѣстью объ успѣхахъ Аниція, чрезвычайно возвысило духъ въ римской арміи, въ Персеѣ же и его войскѣ произвело безпокойство и страхъ. П. Эмилій, видя трудность и опасность нападенія на Персея въ его лагерѣ открытою силой, послалъ Сципіона Назику (зятя Сципіона африканскаго), съ 5,000 чел. отборныхъ войскъ, занять городъ Пиѳій на вершинѣ Олимпа, въ тылу Персея, а самъ между тѣмъ, для привлеченія къ себѣ вниманія послѣдняго, два дня сряду легкою своею пѣхотой завязывалъ бой съ его войсками, охранявшими берега Энипея. Пока такимъ образомъ все вниманіе Персея было обращено на Павла-Эмилія, Сципіонъ Назика успѣлъ скрытнымъ движеніемъ достигнуть пиѳійскаго горнаго прохода и, произведя внезапное

ночное нападеніе на оплошно-охранявшій его македонскій отрядъ, разбилъ и разсѣялъ послѣдній и овладѣлъ горнымъ проходомъ и городомъ Пиѳіемъ. Тогда Персей, опасаясь нападенія съ тыла, отступилъ отъ Энипея и собралъ военный совѣтъ для рѣшенія, что было выгоднѣе, принять-ли бой подъ стѣнами сосѣдственнаго, укрѣпленнаго города Пидны, или размѣстить войска по городамъ и, держась въ нихъ, ждать, чтобы непріятель, истощивъ край, былъ принужденъ отступить. Послѣднее средство было осторожнѣе и благоразумнѣе: но совѣтъ, въ непостижимомъ ослѣпленіи, полагалъ напротивъ, что принятіе боя подъ Пидною представляло многія ручательства въ успѣхѣ потому, что армія македонская (болѣе 40,000 войскъ) была сильнѣе римской (около 26,000 войскъ), что войска македонскія нетерпѣливо желали боя и, сражаясь за свою родину и за свои семейства, одушевленныя притомъ личными присутствіемъ и примѣромъ своего царя, окажутъ сугубыя мужество, храбрость и готовность побѣдить. Раздѣляя съ совѣтомъ его ослѣпленіе и не принимая въ соображеніе, съ какою арміей и съ какимъ полководцемъ онъ имѣлъ дѣло и намѣревался вступить въ рѣшительный бой, Персей расположился близъ Пидны и берега моря на равнинѣ, ограниченной справа и слѣва небольшими холмами. Павелъ-Эмилій, соединясь съ Сципіономъ, послѣдовалъ за Персеемъ въ боевомъ порядкѣ, но, приблизясь къ Персееву лагерю послѣ полудня, расположился въ укрѣпленномъ лагерѣ, благоразумно отложивъ бой до слѣдующаго дня: ибо день былъ знойный и войска римскія утомились отъ совершенаго ими перехода. На другой день бой произошелъ самъ собою, случайно и еще прежде, нежели Павелъ-Эмилій подалъ обычный сигналъ къ нему. Отрядъ ѳракійскихъ войскъ напалъ на римскихъ воиновъ, возвращавшихся съ фуражировки; съ обѣихъ сторонъ стали постепенно подкрѣплять сражавшихся и такимъ образомъ бой вскорѣ сдѣлался общимъ. Подробности его неизвѣстны, за утратой книгъ Полибія, въ которыхъ заключалось описаніе его; Плутархъ же и Титъ Ливій изображаютъ его вкратцѣ и разнорѣчиво. Достовѣрно впрочемъ то, что въ началѣ боя фаланга Персеева дѣйствовала отлично, и долго всѣ усилія римлянъ сокрушались объ эту сомкнутую, твердую, непроницаемую массу войскъ, покрытую желѣзомъ и


ПЛАНЪ
сраженія при
Пиднѣ
въ 168 г. до Р.Х.
Ѳермаикскій Заливъ
ПИДНА
Р. Эсонъ
Р. Левкосъ
Потамосъ
Армія Персея
Армія Павла Эмилія

усѣянную длинными сариссами. Вся 1-я линія римлянъ даже пришла въ разстройство и понесла большой уронъ, а 2-я колебалась и слабѣла, и римляне уже начинали отчаяваться въ надеждѣ одержать побѣду. Но Павелъ-Эмилій, замѣтивъ, что фаланга начала терять равненіе, приходить въ волненіе и разрываться въ рядахъ, раздѣлилъ свои войска на малыя отдѣленія и приказалъ имъ, отступая съ боемъ передъ фалангой, тревожить ее частными нападеніями, направляемыми преимущественно въ образовавшіеся въ ней промежутки. Такого рода дѣйствія имѣли полный успѣхъ. Фаланга, по мѣрѣ движенія за римлянами, начала постепенно болѣе и болѣе приходить въ волненіе, и когда наконецъ фронтъ ея всколебался, а ряды разорвались во многихъ мѣстахъ, отдѣленія римской пѣхоты бросились въ ея промежутки и, напавъ съ боковъ и тыла на беззащитныхъ съ этихъ сторонъ фалангистовъ, произвели въ рядахъ ихъ жестокое кровопролитіе. Фаланга была почти совершенно истреблена, и изъ всей Персеевой арміи болѣе 25,000 челов. погибло въ бою и во время преслѣдованія, 11 или 12,000 чел. были взяты въ плѣнъ и только незначительное число пѣхоты и конницы, не участвовавшее въ бою, успѣло спастись бѣгствомъ. Самъ Персей бѣжалъ на островъ Самоѳракію; но когда Павелъ-Эмилій послалъ туда претора Октавія съ флотомъ и самъ двинулся съ арміей къ Амфиполю и за рѣку Стримонъ, тогда Персей сдался Октавію въ плѣнъ, и отправленный въ Италію, былъ сосланъ въ Альбу. Македонія же и Иллирія были обращены въ республики, поставлены въ полную зависимость отъ Рима и обязаны платить ему дань.

Такимъ образомъ война, три года медленно и нерѣшительно веденная неискусными полководцами римскими, была окончена походомъ Павла-Эмилія, продолжавшимся всего только 15 дней, и рѣшена побѣдою этого полководца въ сраженіи при Пиднѣ, продолжавшемся не болѣе часа времени.

§ 199.

3-я пуническая война (150—146).

Приведеніе римлянами Карѳагена, Македоніи, Греціи и Сиріи въ беззащитное положеніе и зависимость отъ Рима, было только первымъ шагомъ римской политики къ совершенному покоренію этихъ государствъ и обращенію ихъ въ римскія области. Съ этою последнею цѣлью, политика и силы Рима, 18 лѣтъ послѣ 2-й македонской войны, были единовременно устремлены противъ Карѳагена, Македоніи и Греціи.

Въ 50 лѣтъ времени Карѳагенъ снова пришелъ въ цвѣтущее состояніе и такую силу, что въ войнѣ съ угнетавшимъ его Массиниссой, въ самомъ скоромъ времени и безъ значительныхъ усилій могъ выставить 58,000 войскъ. Этого было достаточно для привлеченія къ нему всего вниманія римлянъ, хотя, раздираемый политическими партіями, онъ и не былъ слишкомъ опасенъ для Рима. Врагъ Сципіоновъ Катонъ и его партія безпрестанно требовали уже конечнаго разрушенія Карѳагена; однако Сципіоны, изъ родовыхъ выгодъ своихъ покровительствовавшіе Карѳагену, и ихъ партія успѣшно противудѣйствовали усиліямъ партіи Катоновой. Но когда Массинисса разбилъ и окружилъ карѳагенское войско и принудилъ его сдаться на уговоръ, а сынъ его Голусса вѣроломно истребилъ сдавшіяся и безоружныя карѳагенскія войска, когда съ другой стороны Утика отложилась отъ Карѳагена и присоединилась къ Риму, тогда судьба Карѳагена была рѣшена въ римскомъ сенатѣ: Карѳагену объявлена война и втайнѣ положено сначала обезоружить, а затѣмъ и совершенно разрушить его. Коварныя и вѣроломныя средства, употребленныя для того римлянами, были недостойны такого сильнаго, военнаго государства, какъ Римъ, противъ сравнительно слабѣйшаго Карѳагена. Едва карѳагеняне узнали объ отправленіи (въ 149 году) консуловъ Манилія и Марція съ 80,000 войскъ въ Сицилію, для переправы оттуда въ Утику, какъ немедленно съ своей стороны отправили въ Римъ пословъ для заключенія мира на какихъ бы то ни было условіяхъ. Сенатъ римскій потребовалъ выдачи кон-

суламъ 300 знатнѣйшихъ заложниковъ и затѣмъ исполненія воли консуловъ. Карѳагеняне поспѣшили выдать заложниковъ, и консулы, переправясь въ Утику, потребовали, чтобы карѳагеняне выдали все оружіе и всѣ военные орудія и запасы свои. Карѳагеняне исполнили и это требованіе, выдавъ, по свидѣтельству Аппіана, 200,000 полныхъ доспѣховъ, 2,000 метательныхъ орудій, огромное количество стрѣлъ, дротиковъ и всякаго оружія. Затѣмъ консулы двинулись съ войскомъ къ Карѳагену и объявили послѣднее требованіе—чтобы карѳагеняне очистили Карѳагенъ, предназначенный римскимъ сенатомъ къ разрушенію, и построили новый городъ не ближе 80-ти стадій (14-ти верстъ) отъ моря. Тогда карѳагеняне рѣшились лучше погибнуть съ честью, защищая Карѳагенъ, нежели постыдно покинуть его, повинуясь жестокой волѣ ненавистныхъ римлянъ. Консулы, не ожидая сопротивленія со стороны обезоруженнаго города, не слишкомъ спѣшили движеніемъ къ нему, а карѳагеняне воспользовались тѣмъ для приведенія его въ сильное оборонительное положеніе. Они призвали обратно Аздрубала, котораго, изъ страха римлянъ, принудили передъ тѣмъ удалиться изъ Карѳагена, и съ необыкновенными усердіемъ и дѣятельностью изготовили новыя оружіе и орудія. Когда же консулы подступили наконецъ къ городу и открыли осаду, то совершенно неожиданно встрѣтили упорнѣйшее сопротивленіе, которое поставило ихъ въ большое затрудненіе и, въ соединеніи съ сдѣланными ими ошибками, было причиной, что осада въ этомъ году была ведена вяло, слабо и безъ успѣха. Бо̀льшая часть присоединившихся къ консуламъ африканскихъ войскъ разошлась по домамъ и въ это же самое время союзникъ римлянъ Массинисса умеръ, а изъ трехъ сыновей его, раздѣлившихъ между собою нумидійское царство, двое склонились на сторону карѳагенянъ. Не смотря однако на всѣ эти, благопріятствовавшія имъ обстоятельства карѳагеняне не могли ожидать успѣха въ войнѣ по той причинѣ, что Аздрубалъ не обладалъ необходимыми для этого рѣшимостью и дарованіями. Въ слѣдующемъ 148 году консулъ Калпурній Пизонъ не сдѣлалъ ничего важнаго и замѣчательнаго, претерпѣлъ даже многія неудачи и осада была ведена столь же вяло и слабо, сколько и въ предшествовавшемъ году. Осажденные же, напротивъ, ободри-

лись, силы ихъ безпрестанно возрастали и они даже вошли въ сношенія съ возставшими въ это время македонянами и греками, убѣждая ихъ сколь можно дѣятельнѣе вести войну противъ римлянъ. Такой ходъ дѣлъ въ Африкѣ заставилъ римлянъ въ 147 году снова прибѣгнуть къ одному изъ Сципіоновъ, именно молодому Сципіону-Эмиліану, сыну Павла-Эмилія, усыновленному Сципіонами, и высокими своими дарованіями заслужившему уже, не смотря на свои молодыя лѣта, общія извѣстность и довѣріе. Народъ единогласно избралъ его въ консулы и поручилъ ему веденіе войны противъ Карѳагена. Первою заботою Сципіона по прибытіи въ Африку было возстановленіе въ римской арміи совершенно ослабленныхъ военныхъ подчиненности и порядка и упавшаго въ войскахъ духа. Затѣмъ онъ съ сугубыми дѣятельностью и силою продолжалъ осаду Карѳагена. Осада эта, по искуству веденія ея Сципіономъ, необыкновеннымъ усиліямъ римскихъ войскъ и геройскимъ мужеству и твердости карѳагенянъ, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ въ древности. Сначала Сципіонъ овладѣлъ предмѣстьемъ Карѳагена, Мегарою, затѣмъ менѣе, нежели въ 24 сутки, окружилъ самый городъ сильною циркумвалаціонною линіей съ сухаго пути и плотиною съ моря, и тѣмъ отрѣзалъ его отъ всякихъ сообщеній съ полемъ и моремъ и подвозовъ оттуда. Въ слѣдующемъ 146 году Сципіону было продолжено начальствованіе въ Африкѣ и онъ весною произвелъ приступъ къ главной части Карѳагена, Коѳону, но только тогда совершенно овладѣлъ городомъ, когда, послѣ безпрерывнаго, упорнѣйшаго и кровопролитнѣйшаго боя въ продолженіе 6-ти дней и 6-ти ночей, взялъ приступомъ одну за другою всѣ улицы города до самой внутренней крѣпости или замка Бирсы, въ которой Аздрубалъ сдался наконецъ въ плѣнъ. 40,000 карѳагенянъ, оставшихся въ живыхъ, получили пощаду и свободный выходъ, а Карѳагенъ былъ разрушенъ до основанія, и владѣнія его обращены въ римскую область подъ названіемъ Африки.

§ 200.

3-я македонская и ахэйская войны (148—146).

Между тѣмъ, какъ въ Африкѣ римляне были заняты осадой Карѳагена, въ Македоніи и Греціи произошли возстанія противъ нихъ, послужившія поводомъ къ войнамъ: 3-й македонской и ахэйской. Нѣкто Андрискъ, выдававшій себя за Персеева сына Филиппа, съ помощью ѳракіянъ овладѣлъ въ 149 году Македоніей и частью Ѳессаліи, и македоняне, радуясь случаю освободиться отъ римскаго ига, признали Андриска царемъ своимъ, подъ именемъ Филиппа. Римляне послали противъ Андриска сначала Сципіона Назику, который и вытѣснилъ его съ помощью грековъ изъ Ѳессаліи. Но преторъ Ювенцій, противупоставленный ему послѣ того съ римскою арміей, неосторожно вступивъ съ нимъ въ бой, былъ разбитъ и убитъ, и часть арміи его истреблена, а остальная спаслась бѣгствомъ, лже-Филиппъ же снова овладѣлъ частію Ѳессаліи. Въ слѣдующемъ 148 году преторъ Цецилій Метеллъ, заступившій мѣсто Ювенція, послѣдовалъ за лже-Филиппомъ къ Пиднѣ, гдѣ послѣдній и расположился въ укрѣпленномъ лагерѣ. Нѣсколько дней между обѣими арміями происходили легкія стычки и въ одномъ конномъ дѣлѣ лже-Филиппъ одержалъ успѣхъ. Ослѣпленный имъ, онъ отдѣлилъ отъ своей арміи сильный отрядъ войскъ, для защиты покоренной имъ части Ѳессаліи, и тѣмъ неосторожно ослабилъ себя. Метеллъ воспользовался этимъ и разбилъ лже-Филиппа при Пиднѣ. Самозванецъ бѣжалъ во Ѳракію и, вскорѣ воротясь въ Македонію съ новымъ войскомъ, отважился на вторичный бой, но снова былъ разбитъ и спасся къ ѳракіянамъ, которые выдали его однако Метеллу. Другой самозванецъ, выдавшій себя за Персеева сына Александра, былъ также разбитъ Метелломъ и спасся бѣгствомъ, и тогда Македонія была уже совершенно обращена въ римскую область.

Затѣмъ римляне, вмѣшавшись въ распрю Спарты съ ахэйскимъ союзомъ, положили раздѣлить и ослабить послѣдній. Это произвело явное противъ нихъ возстаніе ахэйскаго союза. Тщетно три раза отправляли римляне пословъ для образумленія ахэянъ: непримири-

мые враги римлянъ Критолай и Діэй совершенно овладѣли умами ахэянъ и сдѣлали войну съ римлянами неизбѣжною. Къ ахэянамъ присоединились и віотяне. Тогда Метеллъ двинулся (147) изъ Македоніи въ Грецію. Критолай, бывшій въ это время стратегомъ союза, вмѣсто того, чтобы держаться въ Ѳермопилахъ, отступилъ въ Локриду, но при Скарфеѣ былъ настигнутъ Метелломъ, разбитъ и пропалъ безъ вѣсти. Діэй, принявъ начальствованіе надъ войскомъ съ званіемъ стратега, освободилъ рабовъ, вооружилъ всѣхъ, способныхъ носить оружіе и сражаться, ахэянъ и аркадянъ, собралъ такимъ образомъ 14,000 чел. пѣхоты и 600 чел. конницы, и заперся съ ними въ Коринѳѣ. Между тѣмъ Метеллъ изъ Локриды двинулся въ Віотію, истребилъ при Херонеѣ 1,000 аркадянъ, возвращавшихся въ Аркадію, и взявъ Мегару, направился къ Коринѳу. Переговоры его съ Діэемъ не повели ни къ чему и въ 146 году консулъ Муммій, принявшій начальствованіе надъ арміей Метелла, приблизился къ Коринѳу. Маловажный успѣхъ, одержанный надъ однимъ передовымъ карауломъ римскимъ, возбудилъ въ Діэѣ такую самоувѣренность, что онъ выступилъ изъ Коринѳа и предложилъ Муммію бой. Это было величайшимъ съ его стороны безразсудствомъ. Устранивъ всѣхъ людей способныхъ и опытныхъ, мятежники ввѣрили начальствованіе войсками людямъ невѣжественнымъ и малодушнымъ и вмѣсто того, чтобы упорно и долго защищаться въ такомъ сильно-укрѣпленномъ городѣ, какимъ былъ Коринѳъ, и мужественною обороной стараться по крайней мѣрѣ получить миръ на умѣренныхъ условіяхъ, они отважились выйти въ поле и вступить съ римскою арміей въ бой, долженствовавшій рѣшить ихъ судьбу. Но за то они и были жестоко наказаны. Муммій, по приближеніи ихъ, съ намѣреніемъ не выходилъ изъ своего лагеря близъ Левкопетры (на коринѳскомъ перешейкѣ), показывая видъ робости, что еще болѣе увеличило самоувѣренность и дерзкую отважность ихъ. А между тѣмъ Муммій уже заблаговременно поставилъ въ засаду часть своей конницы и она, внезапно напавъ на ахэйскую конницу съ фланговъ, немедленно опрокинула ее. Пѣхота ахэйская держалась нѣсколько времени, но лишенная прикрытія и содѣйствія своей конницы, вскорѣ была также опрокинута и обращена въ бѣгство. Діэй могъ бы

еще запереться и обороняться въ Коринѳѣ и заключить съ Муммiемъ договоръ на болѣе или менѣе умѣренныхъ условiяхъ. Но малодушно предавшись отчаянiю, онъ бѣжалъ въ родной городъ свой, Мегалополь, и тамъ отравился. Всѣ ахэяне же, бросившiеся въ Коринѳъ, и бо̀льшая часть гражданъ этого города спаслись бѣгствомъ, и Муммiй, безпрепятственно вступивъ въ Коринѳъ, предалъ его войскамъ своимъ на разграбленiе и затѣмъ сжегъ. Этимъ положенъ былъ конецъ и войнѣ, и ахэйскому союзу, и политической самобытности Грецiи. Ахэйскiй союзъ былъ уничтоженъ, каждый городъ Грецiи подчиненъ олигархiи, а вся Грецiя обращена въ римскую область подъ названiемъ Ахаiи (146).

§ 201.

Война лузитанская (149—140).

Между тѣмъ какъ римляне легко и скоро обращали владѣнiя Карѳагена, Македонiю и Грецiю въ римскiя области, въ Испанiи они встрѣтили въ Вирiатѣ и потомъ въ нумантiйцахъ страшныхъ враговъ и упорнѣйшее съ ихъ стороны, въ продолженiи 16-ти лѣтъ, сопротивленiе. Войны съ ними, извѣстныя подъ названiемъ лузитанской и нумантiйской, имѣли свой особенный характеръ, совершенно отличный отъ характера современныхъ войнъ римлянъ въ другихъ странахъ и съ другими народами, и какъ по этой причинѣ, такъ и по искуснымъ дѣйствiямъ испанцовъ и въ особенности Вирiата, заслуживаютъ особеннаго вниманiя.

Война римлянъ съ испанцами, упорнѣе и долѣе всѣхъ другихъ народовъ защищавшими противъ Рима свою независимость, началась уже въ 200-мъ году и продолжалась почти безпрерывно до самаго 133 года въ ближайшей Испанiи (Hispania citerior) и въ дальней (Hispania ulterior), изъ которыхъ въ первой самыми жестокими и страшными врагами римлянъ были цельтиберяне, а въ послѣдней лузитанцы. Война эта была чрезвычайно упорна, жестока и кровопролитна во 1-хъ уже по самому свойству гористой, пересѣченной мѣстности въ Испанiи, гдѣ слабѣйшiй на каждомъ шагу могъ легко, удобно и выгодно обороняться противъ сильнѣйшаго,—

во 2-хъ по причинѣ большой населенности Испаніи,—въ 3-хъ по необыкновеннымъ: воинственности, мужеству, храбрости испанцовъ и любви ихъ къ независимости,—наконецъ въ 4-хъ вслѣдствіе обычной политики Рима вооружать одну половину жителей непріятельской страны, преданную римлянамъ, противъ другой, непріязненной и враждебной имъ. Наибольшую степень упорства и ожесточенія война въ Испаніи представляетъ во время начальствованія римскими войсками въ этой странѣ, съ 195 года, Катона, напавшаго на цельтиберянъ, въ пространствѣ времени съ 185 по 179 годъ, въ собственныхъ ихъ земляхъ, и успѣвшаго наконецъ усмирить ближнюю Испанію. Но затѣмъ съ 155 по 150 годъ римляне вели войну въ Испаніи такъ неудачно и претерпѣвали столь частыя и жестокія пораженія, что и войска, и полководцы римскіе ничего столько не страшились, какъ назначенія въ Испанію, отправлялись туда всегда весьма неохотно и въ Римѣ Испанія даже получила прозваніе: гробницы легіоновъ. Корыстолюбіе, коварство и жестокость римскихъ полководцевъ, въ особенности претора Сульпиція Гальбы въ 150 году, довели наконецъ ожесточеніе испанцевъ до высшей степени. Опустошивъ Лузитанію огнемъ и мечомъ, Гальба коварно предложилъ цѣлому племени, изъявившему покорность, раздѣлиться на три части, отправиться въ назначенныя Гальбою три различныя мѣста и ждать тамъ поселенія на новыхъ земляхъ. Коль же скоро это было исполнено, Гальба вѣроломно истребилъ, одну послѣ другой, каждую часть порознь, и меньшую долю взятой при этомъ добычи роздалъ войску, бо́льшую же присвоилъ себѣ—такова уже была въ это время перемѣна, происшедшая въ нравахъ римлянъ!

Въ маломъ числѣ спасшихся отъ истребленія Гальбою находился Виріатъ, лузитанецъ низкаго происхожденія, но человѣкъ подлинно необыкновенный: сначала звѣроловъ, потомъ разбойникъ, онъ съ молодости провелъ жизнь въ горахъ и лѣсахъ съ шайкою подобныхъ ему отчаянныхъ удальцовъ, живя разбоемъ и грабежомъ, и свыкшись съ величайшими трудами, лишеніями, опасностями и всѣми хитростями, необходимыми въ ремеслѣ разбойничьемъ. Громкая извѣстность его имени безпрестанно привлекала къ нему новыхъ сообщниковъ и шайка его возросла наконецъ до того, что образо-

вала настоящее войско, съ которымъ онъ смѣло отважился воевать противъ римлянъ. Первымъ и замѣчательнымъ подвигомъ его противъ нихъ было спасеніе 10-тысячнаго лузитанскаго войска отъ претора Ветилія, который заперъ его въ такомъ мѣстѣ, откуда, казалось, ему невозможно было выйти, не подвергнувшись истребленію (149). Оно уже хотѣло сдаться, но Виріатъ напомнилъ ему вѣроломный и жестокій поступокъ Гальбы, и вызвался спасти его. Для этого онъ сначала построилъ войска какъ бы для боя; затѣмъ, выбравъ 1,000 лучшихъ всадниковъ и назначивъ имъ оставаться при немъ, всѣмъ прочимъ приказалъ, какъ только увидятъ, что онъ садится на коня, разсыпаться во всѣ стороны, стремглавъ бѣжать разными путями въ ближайшій городъ Трибалу и ждать его тамъ. Это было исполнено столь быстро и неожиданно для римлянъ, что они не отважились преслѣдовать бѣжавшихъ, изъ опасенія, чтобы Виріатъ съ конницей не напалъ на нихъ съ тыла, и потому обратились противъ самого Виріата. Но онъ, благодаря быстротѣ коней своихъ, избѣгнулъ всѣхъ нападеній Ветилія, и то обращаясь по виду въ бѣгство, то останавливаясь, то даже наступая противъ римлянъ, успѣлъ удержать ихъ два дня на одномъ и томъ же мѣстѣ. Во вторую же ночь онъ, знакомыми ему тропинками, пробрался съ своею конницей въ Трибалу, такъ что римляне даже не могли постигнуть, куда и какъ онъ изсчезъ. Въ такомъ родѣ, но до безконечности разнообразны были всѣ его дѣйствія противъ римлянъ въ теченіи цѣлыхъ 10 лѣтъ (149—140). Превосходно зная мѣстность и пользуясь ею, и съ необыкновенною хитростью соединяя чрезвычайныя смѣлость, быстроту и рѣшительность дѣйствій, онъ безпрестанно устроивалъ римлянамъ засады въ лѣсахъ, болотахъ, ущельяхъ горъ, ловко заманивалъ ихъ въ оныя, и внезапно, стремительно нападая на нихъ съ разныхъ сторонъ, безпощадно истреблялъ ихъ и наводилъ на нихъ невыразимый ужасъ. Нерѣдко также онъ внезапно раздроблялъ свое войско на множество малыхъ отрядовъ, которые вели дѣятельную и истребительную малую войну, пользуясь закрытою мѣстностью и нападая изъ засадъ; то вдругъ быстро сосредоточивалъ свои силы для нанесенія какого-нибудь рѣшительнаго удара. Понятно, что при такомъ образѣ дѣйствій его, рим-

ляне, вовсе незнакомые съ мѣстностью, непривычные и даже малоспособные успѣшно вести малую войну въ странѣ, пересѣченной горами, лѣсами и рѣками, среди крайне непріязненнаго имъ и ожесточеннаго противъ нихъ народонаселенія, часто предводимые плохими полководцами и страшившіеся одного имени Виріата, претерпѣвали частыя и жестокія пораженія, платя за нихъ только грабежомъ и разореніемъ края. Такъ въ 149 г., немедленно послѣ изложеннаго выше бѣгства къ Трибалѣ, Виріатъ напалъ въ лѣсу изъ засады на шедшую къ этому городу армію Ветилія, и 4,000 чел. изъ нея, въ томъ числѣ и самого Ветилія, положилъ на мѣстѣ; остальные же 6,000 съ трудомъ спаслись. Такъ въ 148 году онъ дважды на-голову разбилъ въ земляхъ карпетановъ претора Плавдія, а въ 147 и 146 годахъ преторовъ Клавдія Унимана и Нигидія Фигула.

Но въ 145 году сенатъ римскій убѣдился наконецъ, что лузитанскій разбойникъ не такой врагъ, котораго можно было бы презирать, что война въ Испаніи требуетъ особеннаго вниманія и что для веденія оной необходимо послать консула съ достаточно сильнымъ войскомъ. Выборъ палъ на Фабія Эмиліана, сына Павла Эмилія и старшаго брата Сципіона Эмиліана африканскаго. Ему дано было 15,000 чел. пѣхоты и около 2,000 чел. конницы, новаго набора. Прибывъ въ Испанію, Фабій поручилъ своимъ легатамъ заняться тщательнымъ обученіемъ войскъ, а самъ отправился въ Гадесъ (Кадиксъ) для умилостивительнаго жертвоприношенія Геркулесу. Въ отсутствіи его, Виріатъ напалъ на одного изъ его легатовъ на фуражировкѣ и разбилъ его. Фабій поспѣшилъ воротиться и сталъ уклоняться отъ боя, сколько Виріатъ ни предлагалъ ему оный. Постоянно держа войска свои въ лагеряхъ, онъ тщательно занимался ихъ обученіемъ, самъ водилъ ихъ на фуражировки со всѣми возможными осторожностями и ограничивался легкими стычками, дабы тѣмъ доставить войскамъ необходимую опытность, ободрить ихъ и пріучить смѣлѣе дѣйствовать противъ Виріата и испанцевъ. И онъ скоро достигъ своей цѣли, въ 144 году началъ уже искать боя съ Виріатомъ, разбилъ его въ нѣсколькихъ частныхъ дѣлахъ, отнялъ у него нѣсколько городовъ и тѣмъ значительно возвысилъ духъ въ собственномъ войскѣ и умѣрилъ отважность Виріата. Тогда Виріатъ прибѣгнулъ къ хитрости: возму-

тилъ три покорныхъ римлянамъ цельтиберійскихъ племени и тѣмъ сложилъ съ себя бо́льшую часть бремени войны: ибо противъ него былъ посланъ только преторъ Квинцій, противъ возставшихъ же цельтиберянъ—консулъ Метеллъ македонскій (143). Метеллъ велъ войну противъ цельтиберянъ два года съ большимъ успѣхомъ, но подробности его дѣйствій неизвѣстны. Квинцій же сначала обратилъ Виріата въ бѣгство, принудилъ его удалиться на одну гору (подъ названіемъ Венериной) и обложилъ его на ней. Но Виріатъ, улучивъ такое время, когда Квинцій былъ оплошенъ, напалъ на него внезапно и стремительно, нанесъ ему большой уронъ и преслѣдовалъ до самаго его лагеря.

Въ 142 году консулъ Фабій Максимъ, начальствовавшій въ дальней Испаніи 18,000 чел. пѣхоты и 1,600 чел. конницы, былъ атакованъ на походѣ Виріатомъ съ 6,000 лучшихъ, опытнѣйшихъ его войскъ, но выдержалъ его нападеніе, хотя и съ трудомъ, и продолжалъ походъ. По присоединеніи же къ нему 10 слоновъ и 300 нумидянъ, онъ напалъ на Виріата, разбилъ его, обратилъ въ бѣгство и преслѣдовалъ. Виріатъ, замѣтивъ въ преслѣдовавшихъ его войскахъ безпорядокъ, внезапно обратился назадъ, опрокинулъ ихъ, 3,000 положилъ на мѣстѣ, а прочихъ преслѣдовалъ до самаго ихъ лагеря, въ которомъ они заперлись и уже болѣе не смѣли выходить изъ него.

Въ 141 году консулъ Помпей Руфъ, начальствовавшій послѣ Метелла 30,000 чел. пѣхоты и 2,000 чел. конницы въ ближней Испаніи, дѣйствовалъ неискусно: осадилъ сначала Нуманцію, а потомъ Терманцію—два сильнѣйшіе города въ земляхъ цельтиберянъ-арваковъ, но, встрѣтивъ упорное сопротивленіе, снялъ осаду обоихъ городовъ и всѣ успѣхи его ограничились только тѣмъ, что онъ овладѣлъ сосѣдственнымъ съ Нуманціей городомъ Ланци или Ланикой, и то болѣе посредствомъ предательства, нежели силой оружія. Въ Лузитаніи Фабій, въ званіи проконсула, успѣшно велъ осадную войну противъ нѣсколькихъ городовъ, занятыхъ Виріатовыми гарнизонами. Во время осады одного изъ нихъ, Эризаны, Виріатъ нашелъ средство скрытно пробраться въ него съ отрядомъ отборныхъ войскъ и на другой день съ разсвѣтомъ произвелъ такую сильную

вылазку, что опрокинулъ римлянъ съ большимъ для нихъ урономъ и оттѣснилъ ихъ къ такому мѣсту, откуда имъ невозможно было спастись. Онъ не увлекся однако побѣдой, но воспользовался ею для заключенія выгоднаго мира съ римлянами. Дѣйствительно, Фабій заключилъ съ нимъ договоръ, утверждавшій миръ и согласіе между римскимъ народомъ и Виріатомъ и сохраненіе обѣими сторонами ихъ владѣній. Договоръ этотъ приносилъ очень мало чести римлянамъ, но, не смотря на то, былъ утвержденъ народомъ, до такой степени война въ Испаніи стала ему и тягостною, и противною.

Миръ продолжался однако недолго. Въ 140 году консулъ Сервилій Цэпіонъ, братъ Фабія, представилъ сенату, что договоръ съ Виріатомъ безчеститъ римскій народъ, и сенатъ разрѣшилъ ему уничтожить этотъ договоръ и возобновить войну. Виріатъ, бывъ не въ состояніи сопротивляться Цэпіону, сталъ отступать передъ нимъ усиленными переходами, опустошая, для задержанія его, край на пути Но когда Цэпіонъ наконецъ настигнулъ его, тогда онъ построилъ на высотѣ противъ римлянъ отборнѣйшихъ своихъ всадниковъ, какъ бы намѣреваясь вступить въ бой, а между тѣмъ всѣ остальныя его войска быстро отступили чрезъ находившуюся позади высоты лощину. Давъ имъ отойти достаточно далеко, онъ съ конницей ускакалъ закрытыми путями, такъ что римляне не знали даже, куда онъ дѣвался. Видя однако, что союзники его одни за другими отлагаются отъ него и что ему съ каждымъ днемъ становится труднѣе вести войну, онъ счелъ болѣе благоразумнымъ снова примириться съ римлянами, вступилъ съ ними въ переговоры и такъ желалъ мира, что даже исполнилъ первое требованіе Цэпіона, выдавъ ему знатнѣйшихъ гражданъ союзныхъ съ нимъ, Виріатомъ, городовъ. Но на второе требованіе Цэпіона выдать свое оружіе, ни Виріатъ, ни его войска ни за что не хотѣли согласиться, и война возобновилась. Между тѣмъ и Цэпіонъ не менѣе Виріата желалъ прекращенія войны, потому что былъ ненавидимъ римскою арміей за свои высокомѣріе и жестокость, и разъ едва не былъ живымъ сожженъ войсками въ своей ставкѣ. Не надѣясь однако кончить войну честнымъ образомъ, онъ прибѣгнулъ къ измѣнѣ и убійству: подкупилъ двухъ дру-

зей Виріата, которыхъ послѣдній посылалъ къ Цэпіону для переговоровъ о мирѣ—и они ночью убили Виріата, спавшаго въ ставкѣ.

Такъ погибъ этотъ необыкновенный человѣкъ, рожденный въ низкой долѣ, не получившій никакого образованія, но силою природныхъ дарованій, изъ предводителя разбойниковъ возвысившійся на чреду вождя народнаго, отважившійся вступить въ открытую борьбу съ римлянами, 10 лѣтъ съ успѣхомъ, честью и славой сопротивлявшійся имъ, заставившій ихъ трепетать передъ его именемъ и явившій въ дѣйствіяхъ своихъ дарованія, доблести и искуство отличнаго полководца! Сами римляне, презрительно называвшіе его latro, latronum dux (воръ, предводитель воровъ), не могли однако отказать ему въ должной справедливости, и историки ихъ, Титъ Ливій, Аппіанъ, Діонъ Кассій и др., отзываются о немъ съ большою похвалой. Одаренный необыкновенною крѣпостью тѣлесною, онъ былъ нечувствителенъ къ зною, холоду и непогодамъ, способенъ переносить величайшія лишенія и труды, чрезвычайно умѣренъ и воздерженъ, и велъ жизнь самую дѣятельную и простую, даже суровую. Съ умомъ тонкимъ и хитрымъ и съ способностью быстраго и вѣрнаго соображенія, въ немъ соединены были сильная и твердая воля и необыкновенныя смѣлость, предпріимчивость и рѣшительность характера. Неутомимый въ трудахъ, неустрашимый въ опасностяхъ и храбрый въ бояхъ, онъ отличался даромъ привязывать къ себѣ свои войска, внушать имъ неограниченныя любовь и довѣріе къ себѣ, равно мужество, твердость, терпѣніе и храбрость. Постоянно соблюдая между ними отличный порядокъ, онъ умѣлъ однако строгость его умѣрять кротостью и благоразуміемъ. Заботливый о ихъ нуждахъ и справедливый въ раздѣленіи между ними добычи онъ былъ любимъ ими, какъ отецъ дѣтьми, и въ цѣлыя 10 лѣтъ его начальствованія они ниразу не нарушали должнаго ему повиновенія. Въ принятомъ имъ образѣ веденія войны онъ явилъ подлинно замѣчательное искуство, и съ смѣлостью и предпріимчивостью, быстротой и рѣшительностью дѣйствій всегда соединялъ надлежащія благоразуміе и осторожность, твердость и постоянство, скрытность и хитрость, и даръ всѣ свои дѣйствія предпринимать и приводить въ исполненіе всегда во́-время и кстати, сообразно съ

мѣстностью, средствами и обстоятельствами. Словомъ — Виріатъ дѣйствительно былъ, по словамъ Діона Кассія, рожденъ полководцемъ и заслуживаетъ въ этомъ отношеніи быть поставленнымъ въ число замѣчательныхъ военныхъ людей древности.

§ 202.

Война нумантійская (141—133).

Убіеніе Виріата не положило конца войнѣ римлянъ съ испанцами, но только дало ей другой оборотъ. Малая часть Виріатова войска покорилась римлянамъ, вся остальная же раздробилась на множество шаекъ, которыя, въ соединеніи съ жителями, стали вести въ дальней Испаніи дѣятельную малую войну. Но Юній Брутъ, въ 138 году въ званіи консула, а съ 137 въ званіи проконсула, очистилъ отъ этихъ шаекъ и покорилъ всю дальнюю Испанію до самаго океана, хотя и послѣ упорнѣйшаго сопротивленія, а затѣмъ съ успѣхомъ и не безъ славы велъ войну съ племенами сѣверозападной Испаніи, вдревле вышедшими изъ Галліи (они обитали въ нынѣшней испанской области Галиціи), почему и заслужилъ прозваніе галлаикскаго (gallaicus).

Но въ ближней Испаніи повторилось почти то же самое явленіе, что̀ и прежде въ дальней, въ войнѣ римлянъ съ Виріатомъ, съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь вся война сосредоточилась въ осадѣ Нуманціи, въ земляхъ ареваковъ, и въ сопряженныхъ съ нею побочныхъ дѣйствіяхъ, почему и носитъ названіе нумантійской. Обороняемая не болѣе, какъ 8 тысячами гражданъ, способныхъ носить оружіе и сражаться, Нуманція, съ самаго начала осады ея, консуломъ Помпеемъ въ 141 году, 8 лѣтъ сопротивлялась превосходнымъ силамъ римлянъ съ такими же энергіей и успѣхомъ, съ какими передъ тѣмъ Виріатъ 10 лѣтъ сопротивлялся имъ въ дальней Испаніи. Римляне же, постоянно предводимые полководцами неспособными, корыстолюбивыми, вѣроломными, претерпѣвали только позорныя для римскаго оружія неудачи. Уже въ 141 году Помпей, какъ было означено выше, осадивъ Нуманцію и встрѣтивъ неожиданное, упорное сопротивленіе, вскорѣ принужденъ былъ снять

осаду. Въ 140 году, въ званіи проконсула, онъ снова осадилъ ее и хотѣлъ продолжать осаду даже зимой; но необыкновенная стужа и безпрестанныя, сильныя вылазки нумантійцевъ принудили его вторично и съ большимъ урономъ снять осаду. Изъ корыстолюбія онъ заключилъ съ нумантійцами договоръ, по которому принялъ ихъ покорность, заложниковъ и 15 талантовъ, въ сенатѣ же римскомъ нагло отрекся отъ заключенія какого бы то ни было договора съ нумантійцами, и дѣло это осталось безъ дальнѣйшихъ послѣдствій— таково уже было развращеніе нравовъ въ Римѣ! Преемникъ его, консулъ (139) и потомъ (138) проконсулъ Попилій Лэнъ возобновилъ, по приказанію римскаго сената, осаду Нуманціи, но былъ разбитъ въ то самое время, когда хотѣлъ овладѣть городомъ посредствомъ эскалады или всхода на стѣны по лѣстницамъ, и потерялъ половину арміи. Но всѣхъ позорнѣе для римлянъ были дѣйствія неспособнаго консула Гостилія Манцина въ 137 году. При немъ римскія войска претерпѣли со стороны нумантійцевъ столько пораженій и такъ боялись ихъ, что наконецъ не смѣли болѣе показываться имъ. Въ заключеніе всего, завлеченныя ими въ засаду въ полѣ, они были съ урономъ опрокинуты, преслѣдованы, загнаны въ мѣсто, гдѣ были почти совершенно обложены, и Манцинъ заключилъ съ нумантійцами договоръ, по которому призналъ независимость Нуманціи. Сенатъ не утвердилъ однако этого договора и, предавъ Манцина суду, послалъ на его мѣсто консула Эмилія Лепида. Этотъ послѣдній, безъ всякой основательной причины и вопреки запрещенію сената, осадилъ Паланцію, главный городъ мирныхъ ваккеянъ, но, по недостатку въ продовольствіи, вскорѣ принужденъ былъ снять осаду и отступилъ, бросивъ больныхъ и раненыхъ. Палантійцы преслѣдовали его и, напавъ на хвостъ его арміи, истребили болѣе 6,000 человѣкъ. Въ 136 году консулъ Фурій Филъ, по приказанію сената, выдалъ Манцина нумантійцамъ головой, но они не приняли его и продолжали обороняться съ прежнимъ упорствомъ и успѣхомъ; Фурій же не совершилъ ничего важнаго.

Конецъ нумантійской войны былъ однако совсѣмъ иной, нежели конецъ войны съ Виріатомъ. Послѣ 7-ми лѣтъ неудачъ, вслѣдствіе

назначенія неспособныхъ полководцевъ, сенатъ римскій положилъ наконецъ послать въ Испанію, для окончанія нумантійской войны, покорителя Карѳагена, Сципіона Эмиліана африканскаго, но не далъ ему ни подкрѣпленій, ни денегъ, а только позволилъ ему набрать вольно-служащихъ вспомогательныхъ войскъ, сколько и гдѣ ему было угодно. Набравъ такимъ образомъ около 4,000 войскъ (въ томъ числѣ 500 отборныхъ всадниковъ) и надѣясь покрыть издержки войны собственными средствами (онъ имѣлъ огромное состояніе) и средствами многочисленныхъ и богатыхъ приверженцевъ своихъ, Сципіонъ въ 134 году отправился въ Испанію. Первымъ дѣломъ его по прибытіи туда было изгнать изъ римской арміи роскошь, праздность, своеволіе, развратъ и множество находившихся при арміи купцовъ, женщинъ и разнаго рода и званія безполезныхъ и даже вредныхъ людей, и возстановить въ ней военные подчиненность, порядокъ и духъ. Онъ уменьшилъ количество тяжестей и обозовъ, заставлялъ войска дѣлать усиленные переходы съ полною ношей, копать рвы, устроивать валы, ставить тынъ, и самъ присутствуя при всѣхъ работахъ, строго требовалъ дѣятельности и повиновенія. Вскорѣ армія его стала совсѣмъ иною и тогда онъ подступилъ къ Нуманціи, но, прежде нападенія на нумантійцевъ, старался мало по малу снова пріучить римскія войска къ дѣйствіямъ противъ страшнаго для нихъ дотолѣ врага, для чего производилъ небольшія предпріятія (экспедиціи) противъ сосѣдственныхъ племенъ. Проведя въ этомъ остальное время года, онъ воротился на зиму къ Нуманціи. Здѣсь къ нему присоединился молодой внукъ Массиниссы, Югурта, присланный ему нумидійскимъ царемъ Миципсой, съ 12-ю слонами и большимъ числомъ стрѣлковъ, пращниковъ и конницы, такъ что силы Сципіоновой арміи уже возросли до числа 60 т. войскъ. Въ то же время, въ арміи Сципіона служилъ, въ нижнихъ начальническихъ чинахъ, молодой Марій, и такимъ образомъ обстоятельства случайно соединили подъ начальствомъ Сципіона двухъ, прославившихся въ послѣдствіи, противниковъ на поприщѣ войны.

Наконецъ весною 133-го года Сципіонъ приступилъ къ замѣчательному въ поліорцетическомъ отношеніи обложенію Нуманціи. Положивъ не вступать съ нумантійцами въ общій бой, но принудить

ихъ къ сдачѣ голодомъ, онъ устроилъ вокругъ всего города, на протяженіи 48 стадій (около $8\frac{1}{2}$ верстъ), контръ-валаціонную линію, а со стороны поля—циркумъ-валаціонную линію до 66 стадій (около 11-ти верстъ) въ окружности. Каждая укрѣпленная линія состояла изъ вала въ 10 футовъ вышины и въ 8 футовъ толщины, съ зубцами, наклоннымъ къ полю тыномъ, широкимъ и глубокимъ рвомъ впереди и полукруглыми, возвышенными укрѣпленіями (бастіонами), для помѣщенія наблюдательныхъ карауловъ, стрѣлковъ и метательныхъ орудій. Легіоны были расположены въ отдѣльныхъ лагеряхъ между обѣими линіями. Для соединенія линій въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ перерывались болотами, были устроены насыпи съ такимъ же, какъ выше означено, валомъ; для пресѣченія же сообщеній осажденныхъ съ окрестною страной по р. Дурію (н. Дуро), на ней были устроены пловучія укрѣпленныя плотины (эстакады), а на обоихъ берегахъ —отдѣльныя укрѣпленія (форты), чѣмъ нумантійцамъ были совершенно отрѣзаны сообщенія съ полемъ и всѣ подвозы и подкрѣпленія извнѣ. Вооруживъ стѣны, башни и укрѣпленія метательными орудіями, стрѣлками и пращниками, Сципіонъ благоразумно распредѣлилъ въ обѣихъ линіяхъ остальныя войска *) и установилъ такой порядокъ, что на какой бы пунктъ ни напали нумантійцы, войска немедленно извѣщали о томъ другъ друга днемъ и ночью условными сигналами и всегда были въ готовности взаимно одни другихъ поддерживать. Такимъ образомъ всѣ вылазки нумантійцевъ были отражаемы съ постояннымъ успѣхомъ, и вскорѣ въ городѣ произошелъ жестокій голодъ. Одинъ нумантіецъ успѣлъ однако ночью перелѣзть черезъ римскія укрѣпленія и пробраться къ племени арваковъ съ просьбой о помощи. Но арваки, изъ страха Сципіона, отказали въ ней и только въ одномъ городѣ Луціи (Lutia) молодежь изъявила готовность помочь Нуманціи. Но старѣйшіе граждане немедленно и тайно извѣстили о томъ Сципіона и онъ, необыкновенно быстро прибывъ съ сильнымъ отрядомъ войскъ къ Луціи, потребовалъ выдачи виновныхъ и, наказавъ ихъ отсѣченіемъ рукъ, столь же быстро воротился къ Нуманціи. Этимъ жестокимъ наказаніемъ онъ навелъ ужасъ

*) Изъ 60,000 т. войскъ его, 30,000 были назначены для занятія и обороны линій и укрѣпленій, 20,000 для боя, а 10,000 для поддержанія ихъ.

*

на сосѣдственныя племена, которыя съ той поры не смѣли ничего предпринимать въ помощь Нуманціи. Нумантійцы же, доведенные голодомъ до крайности и потерявъ всякую надежду на помощь извнѣ, вступили въ переговоры съ Сципіономъ, но прервали ихъ, когда онъ потребовалъ выдачи оружія и безусловной покорности, и продолжали дѣлать отчаянныя вылазки, но каждый разъ были отражаемы съ урономъ. Наконецъ голодъ въ Нуманціи достигъ до такой степени, что жители, съѣвъ всѣхъ лошадей и животныхъ, стали питаться уже кожами съ щитовъ и даже трупами убитыхъ и умершихъ согражданъ. Окончательную судьбу ихъ и Нуманціи историки разсказываютъ различно: Флоръ говоритъ, будто нумантійцы произвели послѣднюю, всеобщую вылазку и были окружены и большею частью истреблены римлянами, немногіе же остальные, спасшіеся въ городъ, зажгли его и погибли въ огнѣ; Титъ Ливій же и другіе утверждаютъ, что нумантійцы сдались наконецъ Сципіону, который 50 изъ нихъ оставилъ для своего тріумфа, всѣхъ прочихъ продалъ въ рабство, а городъ, по волѣ сената, разрушилъ до основанія и земли его роздалъ сосѣдственнымъ племенамъ.

Взятіе и разрушеніе Нуманціи положило конецъ войнѣ въ большей части Испаніи. Сципіонъ усмирилъ и покорилъ цельтиберянъ и всю ближнюю Испанію, былъ награжденъ большимъ тріумфомъ и получилъ прозваніе нумантійскаго. Дальняя же Испанія была покорена Юніемъ Брутомъ, но война продолжалась еще долго потомъ въ сѣверо-западной Испаніи (Галиціи).

ВСЕОБЩАЯ

ВОЕННАЯ ИСТОРІЯ

ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ

ОТЪ НАЧАЛА РИМСКИХЪ МЕЖДУУСОБНЫХЪ ВОЙНЪ
ДО АВГУСТА ИЛИ ОБРАЗОВАНІЯ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ

(133 г. — 30 г. до Р. X.).

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ III ПЕРІОДА ВСЕОБЩЕЙ ВОЕННОЙ ИСТОРІИ ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ, ОТЪ НАЧАЛА РИМСКИХЪ МЕЖДУУСОБНЫХЪ ВОЙНЪ ДО АВГУСТА ИЛИ ОБРАЗОВАНІЯ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ (133 г. — 30 г. до Р. Х.).

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

РИМЛЯНЕ ВО ВРЕМЕНА МЕЖДУУСОБІЙ (133—30 г. до Р. Х.).

§ 203. Военное устройство и военныя учрежденія вообще.—§ 204. Различные роды войскъ, вооруженіе и число ихъ.—§ 205. Строй и образъ дѣйствій войскъ.—§ 206. Внутреннее устройство и духъ войскъ.—§ 207. Кастраметація, фортификація, поліорцетика и баллистика.—§ 208. Состояніе военнаго искуства вообще.—§ 209. Морскія военныя силы и искуство.

Древніе источники: главные: Аппіанъ, Плутархъ, Діонъ Кассій, Веллейй Патеркулъ, Титъ Ливій, Саллустій, а также Іустинъ, Флоръ, Павзаній, Евтропій, Іосифъ Флавій и книги Маккавеевъ; — новѣйшія историческія пособія: Rollin и Crévier, Fergusson, Vertot, Lévesque, Wegner, Michelet, Mommsen, Amédée Thierry, особенно Montesquieu, Desbrosses: Histoire de la rèpublique romaine (1777), Hegevisch, Heeren, Лоренцъ,—Ottenberger, Kausler, Liskenne et Sauvan: Bibl. histor. et milit., и пр., указанные ч. I въ введеніи и источникахъ.

§ 203.

Военное устройство и военныя учрежденія вообще.

Съ началомъ междуусобій въ Римѣ, военное устройство и военныя учрежденія его совершенно измѣняются въ существѣ и духѣ, и быстро клонятся къ упадку. Главными причинами того были: всеобщее разстройство внутреннее — неизбѣжное слѣдствіе междуусобій, и незаконныя, пагубныя мѣры честолюбцевъ, домогавшихся верховной власти. Изъ нихъ Марій первый нанесъ жестокій ударъ древнимъ, превосходнымъ военнымъ учрежденіямъ Рима. Достигнувъ консульскаго званія, этотъ честолюбецъ, плебей родомъ и врагъ аристократіи, въ 107 году, во время войны съ Югуртой, набралъ армію—во-

преки кореннымъ государственнымъ учрежденіямъ — изъ бѣднѣйшаго класса и изъ вольноотпущенниковъ и рабовъ, и помощью этого, слѣпо преданнаго ему войска, завладѣлъ верховною въ Римѣ властью. Примѣру его послѣдовали и всѣ другіе знаменитые честолюбцы этого времени: Силла, Крассъ, Помпей, Цезарь, Антоній, Лепидъ, Октавій-Августъ, и такимъ образомъ главное основаніе совершенства военнаго устройства Рима—превосходный составъ римскихъ армій — было сокрушено навсегда, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самое военное устройство этого государства получило совершенно другой видъ.

Право служить въ войскѣ перестало уже считаться почетнѣйшимъ преимуществомъ римскаго гражданина и быть единственнымъ путемъ къ общественнымъ званіямъ и отличіямъ. Знатные и богатые римскіе граждане уже считали службу въ войскѣ тягостною обязанностью и всячески старались уклоняться отъ нея. Прежній же законъ о прослуженіи въ войскѣ опредѣленнаго числа лѣтъ для полученія права на общественныя званія — не былъ болѣе соблюдаемъ. Такимъ образомъ арміи римскія, не составляемыя болѣе изъ лучшей, отборнѣйшей части гражданъ, были набираемы почти исключительно изъ бѣднѣйшихъ гражданъ—пролетаріевъ (вовсе неимѣвшихъ ни состоянія, ни имущества), вольноотпущенниковъ, римскихъ данниковъ, иностранцевъ, даже преступниковъ, разбойниковъ и особенно рабовъ (Марій изъ послѣднихъ составилъ себѣ даже особую стражу тѣлохранителей). Въ составѣ римскихъ армій этого времени въ большомъ числѣ (у Помпея при Фарсалѣ до 2,000 чел.) являются также ветераны, поселенные на розданныхъ имъ полководцами (Силлою первымъ) конфискованныхъ и завоеванныхъ земляхъ, призываемые этими полководцами, въ случаяхъ особенной важности, на службу въ войскѣ, почему и назывались эвокатами (evocati) и пользовавшіеся на службѣ многими и большими преимуществами.

Раздѣленіе на римскія, союзныя и вспомогательныя войска существовало только до союзничьей войны (90—88). Съ этого же времени, по дарованіи италійскимъ союзникамъ римлянъ правъ римскаго гражданства, названіе союзныхъ войскъ исчезло, и осталось только раздѣленіе на войска римскія, набираемыя въ Италіи, и на

войска вспомогательныя или когорты аларіевъ (auxiliares vel alariae cohortes), набираемыя въ римскихъ провинціяхъ (provinciae) или подвластныхъ риму областяхъ внѣ Италіи, равно и по найму или добровольному уговору между независимыми отъ Рима народами Европы, Азіи и Африки.

Наборъ римскихъ войскъ въ Италіи производился безъ всякаго различія происхожденія, сословія, состоянія и нравственности. Вмѣсто всего этого, Марій ввелъ только два условія—ростъ и силу тѣла. Это было шагомъ къ варварству, ибо силу нравственную замѣнило грубою физическою. И для поступленія въ римскую конницу уже не требовали прежнихъ условій богатаго состоянія, но наборъ въ нее производили точно также, какъ и въ пѣхоту, и почти исключительно между подвластными Риму и независимыми отъ него народами. Граждане же изъ сословія римскихъ всадниковъ совершенно освободились отъ службы въ конницѣ и являются въ арміяхъ уже только лично при особахъ полководцевъ, въ различныхъ высшихъ и почетныхъ званіяхъ, или же въ видѣ ихъ тѣлохранителей. Наборъ войскъ вообще уже производился безъ соблюденія прежнихъ законныхъ формъ, безъ различія трибъ и большею частію по жребію. Случаи же уклоненія и освобожденія отъ набора и военной службы происходили все чаще и чаще, вслѣдствіе подкупа съ одной и продажности, лихоимства и злоупотребленій съ другой стороны.

Набранныя войска уже приносили присягу въ вѣрности, не республикѣ и отечеству, но тому полководцу, который набиралъ ихъ, и только въ отношеніи къ нему нарушеніе присяги считалось измѣной. Необходимость же веденія почти безпрерывныхъ и продолжительныхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ войнъ, поддержанія незаконнопріобрѣтенной верховной власти, содержанія завоеванныхъ странъ въ повиновеніи и защиты границъ государства отъ начавшихся уже нападеній народовъ средней Европы и верхней Азіи, побуждала полководцевъ всѣми мѣрами удерживать войска сколько можно долѣе подъ знаменами и не распускать ихъ болѣе по окончаніи войнъ, но содержать и въ мирное время.

И такъ военное званіе, столь почетное прежде, сдѣлалось уже просто ремесломъ, а арміи, дотолѣ народныя, временныя, отличав-

шіяся превосходнымъ составомъ изъ отборныхъ гражданъ, сдѣлались уже въ существѣ своемъ наемными, постоянными, только не въ силу закона, а вопреки ему,—соединяли въ себѣ всѣ недостатки дурнаго состава и неправильнаго, безразборчиваго набора, и по мѣрѣ быстраго распространенія римлянами своей власти въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, постепенно умножались числомъ. Необходимость содержать завоеванныя страны въ повиновеніи и защищать ихъ отъ нападеній внѣшнихъ враговъ заставляла постепенно занимать каждую изъ провинцій, на которыя было раздѣлено государство, особою арміей. Арміи въ провинціяхъ были подчинены правителямъ послѣднихъ—проконсуламъ, прослужившимъ уже годъ консулами, и преторамъ. Въ рукахъ проконсуловъ и преторовъ была соединена высшая въ ихъ провинціяхъ, военная и гражданская власть, и это соединеніе военной власти съ гражданскою было причиною необыкновенныхъ: самовластія, притѣсненій и лихоимства правителей.

§ 204.

Различные роды войскъ, вооруженіе и число ихъ.

Вновь введенный способъ набора и состава армій былъ естественною причиной, что войска уже не могли быть, какъ прежде, раздѣляемы, по возрасту воиновъ, на классы. Названія гастатовъ, принциповъ и тріаріевъ исчезли, и вмѣсто этихъ трехъ составился одинъ родъ тяжелой или линейной пѣхоты, безъ особеннаго наименованія. Названіе же велитовъ хотя и сохранилось, но давалось уже легкой пѣхотѣ, набираемой у подвластныхъ народовъ и не входившей въ составъ легіоновъ.

Конница была по-прежнему тяжелая и легкая, но сверхъ того Титъ Ливій и Юлій Цезарь упоминаютъ еще о среднемъ родѣ конницы (cetrati), на подобіе греческихъ пелтастовъ. Этотъ родъ конницы не принадлежалъ однако къ составу легіоновъ.

Вооруженіе войскъ было тоже, что и прежде.

Относительное число различныхъ родовъ войскъ въ легіонахъ и арміяхъ измѣнилось тѣмъ, что опредѣленный, хотя и непостоянный, составъ въ легіонахъ имѣли только тяжелая пѣхота, именно отъ 4

до 5,000 челов., и собственная легіонная конница въ числѣ 300 чел. Число вспомогательныхъ же: легкой пѣхоты и конницы тяжелой и легкой, было неопредѣленное и зависѣло отъ обстоятельствъ, однако вообще умножилось противъ прежняго. Въ особенности, съ ходомъ времени, постепенно умножалось число вспомогательной конницы, и конница эта большею частью была весьма хорошая, потому что римляне, по мѣрѣ распространенія своихъ завоеваній, постепенно усиливали собственную конницу болѣе или менѣе хорошею конницею испанскою, галльскою, германскою, греческою, азіятскою и африканскою или нумидійскою. Изъ нихъ испанская, галльская, германская и греческая большею частью была тяжелая, азіятская же и африканская—легкая. Вообще конница въ это время начала уже составлять $^1/_8$ и даже $^1/_7$ римскихъ армій.

Числительная сила легіоновъ была неодинаковая, но средняя простиралась обыкновенно отъ 4 до 6,000 чел., никогда не превышая послѣдняго числа, но часто, отъ убыли въ войнахъ, составлявшая и менѣе 4,000 чел. Такъ, напримѣръ, у Цезаря при Фарсалѣ въ 8-ми легіонахъ было только 22,000 чел., т. е. среднимъ числомъ по 2,750 чел. въ легіонѣ.

Числительная сила армій была весьма различна, потому что арміи не состояли уже, какъ прежде, постоянно изъ 4-хъ, но почти всегда изъ бо̀льшаго числа легіоновъ, даже до 10-ти, не считая вспомогательныхъ: пѣхоты и конницы, какъ, напримѣръ, у Цезаря въ Галліи, у Помпея въ междуусобной войнѣ съ Цезаремъ и у полководцевъ въ послѣдующія времена.

Къ числу особенностей этого періода должно отнести распространившееся въ римскихъ арміяхъ употребленіе метательныхъ орудій и слоновъ въ полѣ, особенно во времена Цезаря и Помпея. При каждомъ легіонѣ стали уже возить въ походѣ до 30-ти малыхъ, легкихъ или полевыхъ катапультъ и баллистъ (см. ниже § 207), на каждую изъ которыхъ полагалось по 10-ти чел. прислуги. Орудія эти были однако употребляемы не въ полевыхъ сраженіяхъ, но, какъ и прежде, при проходахъ чрезъ тѣснины, переправахъ черезъ рѣки и особенно при атакѣ и оборонѣ лагерей и укрѣпленій. Слоны, напро-

тивъ, начали уже быть употребляемы и въ полевыхъ сраженіяхъ, особенно въ концѣ этого періода, въ Испаніи, Греціи, Азіи и Африкѣ.

§ 205.

Строй и образъ дѣйствій войскъ.

До временъ Марія легіонъ римскій обыкновенно раздѣлялся, строился и дѣйствовалъ такъ же, какъ и прежде, т. е. въ квинкунціальномъ строѣ по манипуламъ, но иногда и по когортамъ, какъ означено было выше. Строй по когортамъ означалъ еще, впрочемъ, всякаго рода временное, въ видѣ исключенія, соединеніе и построеніе вмѣстѣ двухъ или болѣе манипулъ той же или разныхъ линій, въ тѣхъ случаяхъ, когда строю нужно было придать болѣе твердости.

Но введенный Маріемъ новаго рода составъ римскихъ армій сдѣлалъ уже всякій иной строй легіона невозможнымъ. Коль скоро легіоны начали быть составляемы изъ людей неопытныхъ и непріученныхъ къ дѣйствію въ строѣ по манипуламъ, коль скоро воины легіона уже не могли болѣе быть раздѣляемы на классы, то естественно, что и дѣйствіе легіона въ строѣ по манипуламъ не могло уже соединять въ себѣ условій успѣха и самый строй этотъ долженъ былъ измѣниться. Къ этому присоединилось еще и другое обстоятельство, а именно—составъ, устройство и образъ дѣйствій нѣкоторыхъ изъ народовъ, съ которыми римляне вели въ этомъ періодѣ внѣшнія войны, какъ-то: галловъ, германцовъ, войскъ понтійскихъ, парѳянъ и нумидянъ. Сражаясь преимущественно, а иные и исключительно на коняхъ, и дѣйствуя многочисленными силами, они принудили римлянъ, по необходимости, еще болѣе прежняго увеличить самостоятельность частей или отдѣленій легіона.

Такимъ образомъ, со временъ Марія квинкунціальный строй легіона по манипуламъ былъ замѣненъ квинкунціальнымъ же строемъ онаго по когортамъ въ 3 линіи. Легіонъ дѣлился уже не на 30 манипулъ трехъ родовъ тяжелой пѣхоты, но на 10 когортъ, составленныхъ каждая изъ трехъ центурій и отъ 400 до 500 и иногда 600 чел. одинаковаго рода тяжелой пѣхоты безъ особаго названія. Глубина строя, пространство, занимаемое каждымъ воиномъ въ ше-

ренгѣ и ряду, и шахматное расположеніе первыхъ двухъ линій остались тѣ же, что и прежде. Но когорты имѣли уже отъ 40 до 50 и 60 рядовъ во фронтѣ, промежутки между когортами, сначала равные длинѣ фронта ихъ, въ послѣдствіи стали все болѣе и болѣе уменьшаться, дистанціи же между линіями были гораздо больше прежняго. Линіи стали уже означаться не классами воиновъ, а номерами 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ. 1-я линія состояла изъ четырехъ, а 2-я и 3-я—каждая изъ трехъ когортъ. Когорты 2-й линіи становились противъ промежутковъ когортъ 1-й линіи, въ 3-й же линіи 1-я или правая и 3-я или лѣвая когорты позади 1-й и 4-й когортъ 1-й линіи, дабы удобнѣе прикрывать фланги легіона, а 2-я когорта 3-й линіи—въ центрѣ оной позади 2-й когорты 2-й линіи. Воины 1-й и 2-й линій назывались также, какъ и прежде, антесигнанами, т. е. впереди знаменъ стоящими; въ 3-й же или резервной линіи были помѣщаемы храбрѣйшіе, а иногда и самые рослые и сильные воины. При 1-й когортѣ этой линіи, подъ охраненіемъ ея примипила, находился и легіонный орелъ. Сверхъ того каждая когорта имѣла свое знамя или свой значекъ, на подобіе прежнихъ въ манипулахъ.

Противъ этого обыкновеннаго строя легіона по когортамъ дѣлались по временамъ слѣдующія измѣненія: 1) легіонъ дѣлили не на 10, а на 15 когортъ, соединяя не по 3, а по 2 манипулы, и располагая по 5 когортъ въ каждой изъ трехъ линій,—или же легіонъ, раздѣленный на 10 когортъ, строили въ 2 линіи, по 5-ти когортъ въ каждой. Но Юлій Цезарь и Помпей всегда дѣлили и строили легіонъ такъ, какъ было означено выше;—2) когорты строили иногда въ 5 шеренгъ, для увеличенія длины фронта, какъ напримѣръ Цезарь при Фарсалѣ;—3) промежутки между когортами уменьшали болѣе или менѣе, а иногда и вовсе уничтожали, смыкая легіонъ въ фалангу. Дистанціи же между линіями, напротивъ, увеличивали, какъ напримѣръ Цезарь до—300 футовъ или до 130 шаговъ;—наконецъ 4) легіонный орелъ часто ставили, особенно въ началѣ, не въ 3-й, а въ 1-й линіи.

Изъ особенныхъ построеній легіона въ это время гораздо чаще прежняго встрѣчаются построенія: черепахою, даже въ полѣ (какъ, напримѣръ, у Антонія противъ парѳянъ), въ видѣ пустыхъ

или полныхъ внутри четвероугольниковъ противъ непріятеля и особенно конницы, нападавшихъ со всѣхъ сторонъ (какъ, напримѣръ, у Марія противъ Югурты и у Цезаря противъ галловъ на р. Сабисѣ и въ Африкѣ при Руспинѣ), и др.

Обыкновенный походный порядокъ былъ подобенъ прежнему, но приближаясь къ непріятелю, а иногда (напримѣръ противъ галловъ, нумидянъ, пароянъ и т. п. народовъ) и постоянно въ походѣ слѣдовали въ порядкѣ, извѣстномъ подъ названіемъ agmen quadratum, т. е. въ видѣ пустаго внутри четвероугольника. Такъ, напримѣръ, слѣдовали Марій противъ Югурты, Крассъ и Антоній противъ пароянъ, легаты Котта и Титурій противъ Амбіорикса, и др. Особенно замѣчательны походныя движенія Марія противъ Югурты. Онъ двигался всегда въ колоннѣ по-легіонно; Силла съ конницей и Манлій съ пращниками, стрѣлками и вспомогательными лигурійскими когортами прикрывали колонну, одинъ—справа, а другой—слѣва. Спереди и сзади шли, подъ начальствомъ трибуновъ, по нѣскольку легіонныхъ когортъ на-легкѣ, безъ тяжестей. А впередъ и по сторонамъ были посылаемы лазутчики (speculatores) изъ туземцовъ, для развѣдыванія о непріятелѣ.

И въ этомъ періодѣ также часто встрѣчаются, особенно въ походахъ Цезаря, необыкновенно быстрыя движенія. Такъ, напримѣръ, при осадѣ Герговіи, въ Галліи, Цезарь двинулся въ полночь съ конницей и 4 легіонами на-легкѣ противъ эдуевъ или эдуитовъ, настигнулъ ихъ въ 32-34-хъ верстахъ, окружилъ, принудилъ положить оружіе, далъ войскамъ 3 часа отдыха и до восхода солнца воротился въ лагерь свой подъ Герговіей, слѣдовательно прошелъ отъ 64 до 68 верстъ въ 24 часа и сверхъ того еще сражался!

Въ боевыхъ порядкахъ армій римскіе легіоны по-прежнему становились въ центрѣ, когорты же вспомогательныхъ войскъ—по флангамъ. Велитами занимали всѣ промежутки между когортами, легіонами и турмами конницы, а также ихъ ставили впереди, по флангамъ и позади линій, словомъ—всѣ отдѣленія тяжелой пѣхоты и конницы были со всѣхъ сторонъ окружаемы легкою пѣхотой. Въ отношеніи къ употребленію конницы, въ этомъ періодѣ усматривается значительное противъ прежняго измѣненіе. Весьма часто ста-

вили ее всю въ совокупности впереди, позади или на одномъ изъ фланговъ пѣхоты. Такъ, напримѣръ, Цезарь въ Галліи часто ставилъ ее въ 1-ю линію, дабы разсѣевать многочисленную галльскую конницу и обезпечивать отъ нея свою пѣхоту. При Фарсалѣ у Помпея вся конница была сосредоточена на лѣвомъ, а у Цезаря на правомъ флангѣ. При Уцитѣ у Сципіона вся линейная конница находилась на правомъ флангѣ, а нумидійская—позади пѣхоты; у Цезаря же вся конница была на лѣвомъ флангѣ. Вообще Цезарь почти всегда держалъ всю конницу въ совокупности и употреблялъ ее въ массахъ, какъ самостоятельный родъ войскъ. Подобно галламъ и германцамъ, и римляне также постоянно имѣли въ это время обыкновеніе перемѣшивать отдѣленія конницы съ отдѣленіями легкой пѣхоты, и чаще, нежели прежде, къ каждому всаднику даже присоединяли по велиту, котораго онъ перевозилъ, въ случаѣ надобности, на лошади за собою. Такого рода соединеніе конницы съ легкою пѣхотой въ особенности усматривается у Цезаря. Конница его почти всегда была малочисленнѣе конницы его противниковъ, а потому онъ и поддерживалъ ее легкою пѣхотой и даже тяжелою, какъ, напримѣръ, при Фарсалѣ—6 когортами, а при Уцитѣ—цѣлымъ 5-мъ легіономъ и легкою пѣхотой, и въ обоихъ случаяхъ съ большимъ успѣхомъ.

Образъ дѣйствій различныхъ родовъ войскъ, легіоновъ и армій былъ подобенъ прежнему. Бой начинала легкая пѣхота; затѣмъ 1-я линія производила нападеніе, а другія двѣ поддерживали ее, либо подкрѣпляли слабѣйшіе или угрожаемые пункты, либо прикрывали фланги, или же увеличивали длину фронта. Легкая пѣхота прикрывала или поддерживала всѣ дѣйствія тяжелой пѣхоты и конницы, а эта послѣдняя производила нападенія малыми отдѣленіями и часто цѣлыми массами въ совокупности, преимущественно на одномъ изъ фланговъ. Противъ пареянъ и нумидянъ арміи часто дѣйствовали наступательно-оборонительно въ строѣ четвероугольника. Но дѣйствуя такимъ образомъ противъ пареянъ, Крассъ былъ разбитъ ими, а Антоній лишь съ трудомъ могъ отразить ихъ.

Вообще сраженія этого времени представляютъ чрезвычайное разнообразіе употребленія различныхъ родовъ войскъ въ сово-

купности и средствъ одержанія побѣды. Въ этомъ отношеніи выше всѣхъ стоятъ сраженія Цезаря, подобно тому, какъ и онъ самъ, какъ тактикъ, стоитъ выше всѣхъ предшествовавшихъ ему и послѣдовавшихъ за нимъ полководцевъ древности. Тактика же при немъ достигла высшей, можно сказать, степени развитія въ древнія времена.

§ 206.

Внутреннее устройство и духъ войскъ.

Въ начальствованіи, образованіи, содержаніи, военномъ порядкѣ и вообще во внутреннемъ устройствѣ и духѣ римскихъ войскъ въ это время усматриваются большія перемѣны.

Званіе диктатора сдѣлалось цѣлію и орудіемъ честолюбцевъ, стремившихся къ верховной власти, и давалось почти непрерывно. Легатамъ полководцы начали уже ввѣрять начальствованіе надъ однимъ или нѣсколькими легіонами. Это званіе обратилось, нѣкоторымъ образомъ, въ старшій изъ подчиненныхъ полководцу военачальническихъ чиновъ. При этомъ и число легатовъ умножилось. Такъ у Помпея въ войнѣ съ морскими разбойниками было 15, а у Цезаря при отправленіи въ Галлію—10 легатовъ, которые обыкновенно начальствовали легіонами и отрядами. Военные же трибуны начальствовали когортами, а центуріями въ когортахъ—центуріоны, изъ которыхъ примипиломъ продолжалъ называться старшій центуріонъ 1-й центуріи 1-й когорты, имѣвшій мѣсто и голосъ въ военномъ совѣтѣ.

Военныя упражненія были тѣ же, что́ и прежде, только не между гражданами, а въ войскахъ, особенно Помпеевыхъ и Цезаревыхъ. По свидѣтельству Саллустія, самъ Помпей былъ чрезвычайно искусенъ во всѣхъ родахъ гимнастическихъ и военныхъ упражненій. Войска этого времени были дѣятельно занимаемы также и разными государственными работами и постройками, особенно устроеніемъ военныхъ дорогъ въ завоеванныхъ областяхъ, укрѣпленіемъ постоянныхъ лагерей и городовъ, и т. п.

Жалованье войскамъ было удвоено Цезаремъ передъ началомъ

войны его съ Помпеемъ, т. е. передъ 1-мъ испанскимъ походомъ, и съ этого времени пѣшій воинъ получалъ 10 римскихъ ассовъ (около 21 коп. сер.) въ сутки, центуріонъ—вдвое, а всадникъ въ конницѣ—втрое болѣе. Изъ жалованья по прежнему дѣлались различные вычеты.

Въ отношеніи къ военнымъ порядку и духу, римскія войска въ это время находились, такъ сказать, въ состояніи переходномъ отъ прежняго совершенства къ разстройству и упадку, и представляютъ зрѣлище и странное, и горестное. Они безспорно отличались еще и мужествомъ, и храбростью, и порядкомъ, и благоустройствомъ, поддерживаемыми болѣе или менѣе строгостью военныхъ законовъ. Несомнѣннымъ доказательствомъ тому служатъ многочисленныя и блистательныя побѣды римлянъ, обширныя ихъ завоеванія и быстрое распространеніе ими своей власти въ Европѣ, Азіи и Африкѣ въ это время. Но, съ другой стороны, войска римскія уже были одушевлены, не благородными чувствами чести и любви къ отечеству и славѣ, но дикими: свирѣпствомъ, кровожадностью, страстью къ грабежу, алчностью къ добычѣ и самымъ гнуснымъ корыстолюбіемъ. Римскія уже только по названію, они дѣйствительно принадлежали тѣмъ честолюбцамъ, которые набирали ихъ, содержали на своемъ жалованьѣ и, всячески потворствуя ихъ грубымъ и низкимъ страстямъ, употребляли ихъ какъ слѣпое орудіе для исполненія преступныхъ своихъ замысловъ—незаконному присвоенію верховной власти въ Римѣ. Безъ стыда признавая правиломъ, что гдѣ хорошо, тамъ и отечество (ubi bene, ibi patria), они съ одинаковою жестокостью грабили и разоряли римскія и непріятельскія земли и проливали кровь ихъ мирныхъ, беззащитныхъ жителей, явно возставали, въ случаяхъ неудовлетворенія ихъ корыстолюбія, противъ правительства и самихъ полководцевъ своихъ, и не стыдились принимать дѣятельное участіе въ преступныхъ заговорахъ противъ государства, подобныхъ Катилинину, въ бунтахъ, мятежахъ и междуусобіяхъ. Даже самыя Цезаревы войска, столько же храбрыя и честолюбивыя, сколько и преданныя Цезарю, дерзнули разъ, увлеченныя корыстолюбіемъ, явно возстать противъ него, и только мудрость, твердость и присутствіе духа его могли обратить

ихъ къ чувству долга и повиновенію, и спасти Римъ отъ разграбленія и кровопролитія. И самый способъ усмиренія ихъ Цезаремъ достаточно свидѣтельствуетъ уже о нравственныхъ разстройствѣ и упадкѣ народа и войска римскихъ. Извѣстно, что Цезарь, явившись передъ бунтовщиками, спросилъ ихъ: чего хотите, товарищи? — Увольненія, отвѣчали они. — Хорошо, вы получите его, граждане, возразилъ Цезарь — и одно это названіе гражданъ, столь почетное и тѣсно связанное съ званіемъ воина прежде, считалось уже столь унизительнымъ и оскорбительнымъ для воиновъ теперь, что войска Цезаря немедленно раскаялись и смирились.

Изъ сказаннаго выше легко заключить можно, что въ римскихъ войскахъ этого времени страннымъ образомъ соединено было, изъ личныхъ выгодъ полководцевъ, съ строгостью военныхъ законовъ, самое постыдное послабленіе ихъ. А съ тѣмъ вмѣстѣ и наказанія за военные проступки и преступленія, въ иныхъ случаяхъ были не только строги, но даже и жестоки, а въ другихъ, напротивъ, слабы, несообразны винѣ и несогласны съ справедливостью и законами, словомъ — совершенно зависѣли отъ произвола полководцевъ. Награды же военныя, съ распространеніемъ роскоши, развращеніемъ нравовъ и ослабленіемъ законовъ, начали быть раздаваемы чаще, неумѣреннѣе, съ меньшею справедливостью, часто не только несогласно съ законами, но и вопреки имъ, и утративъ прежнюю, главную цѣну свою — почетность, пріобрѣли въ замѣнъ того бо́льшую или меньшую степень цѣнности, роскоши, пышности и великолѣпія. удовлетворявшихъ корыстолюбію и тщеславію. Такъ, вмѣсто прежнихъ простыхъ и скромныхъ, но необыкновенно почетныхъ вѣнковъ изъ травы и древесныхъ листьевъ, были раздаваемы почти исключительно вѣнки изъ самыхъ рѣдкихъ и дорогихъ растеній и цвѣтовъ, и вѣнцы изъ драгоцѣнныхъ металловъ. Въ видѣ наградъ (а позже и за деньги), высшихъ чиновъ стали освобождать отъ лагерной службы, а простыхъ воиновъ — отъ рытія укрѣпленій и другихъ работъ въ лагеряхъ. Въ отношеніи же къ присужденію тріумфовъ стали чаще и чаще отступать отъ законныхъ правилъ и формъ, и дѣлать противузаконныя исключенія. Такъ большаго тріумфа начали удостоивать не только проконсуловъ, преторовъ и пропреторовъ, но

даже лицъ, не имѣвшихъ никакихъ общественныхъ званій. Такъ, напримѣръ, Фульвій былъ награжденъ большимъ тріумфомъ въ званіи проконсула, а Помпей три раза въ званіи римскаго всадника и частнаго человѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно увеличились и роскошь, пышность и великолѣпіе большихъ тріумфовъ, продолжавшихся иногда по нѣскольку дней. Сверхъ того въ это время усматривается и новая у римлянъ награда полководцамъ—воздвиженіе имъ побѣдныхъ трофеевъ. Этой высокой чести удостоились впрочемъ только Помпей и Цезарь.

§ 207.

Кастраметація, фортификація, поліорцетика и баллистика.

Періодъ междуусобій безспорно составляетъ эпоху наибольшаго развитія и самаго цвѣтущаго состоянія кастраметаціи, полевой и долговременной фортификаціи, поліорцетики и баллистики у римлянъ.

Расположеніе римскихъ лагерей оставалось прежнее, но укрѣпленіе ихъ сдѣлалось гораздо сложнѣе и сильнѣе. Укрѣпленіямъ вообще давали гораздо бóльшія и сильнѣйшія профили, валы дѣлали выше и толще, а рвы, большею частію водяные—шире и глубже, усиливали укрѣпленія башнями съ бойницами, крытыми ходами между башнями надъ валомъ,—толстымъ тыномъ, волчьими ямами, засѣками и т. п. Словомъ—лагери и особенно постоянные стали совершенно уподобляться малымъ крѣпостцамъ (фортамъ).

Полевая фортификація не ограничивалась впрочемъ однимъ укрѣпленіемъ лагерей, но получила и значительное примѣненіе къ укрѣпленію боевыхъ мѣстъ. Такъ Силла устроилъ противъ понтійскихъ колесницъ прочный тынъ, съ рвами по флангамъ между 1-ю и 2-ю линіями, а Марій противъ тевтоновъ сильно укрѣпилъ боевое расположеніе свое на полуостровѣ при истокѣ Родана (Роны). Вообще полевая фортификація, болѣе сообразная съ римскими, нежели съ греческими, строемъ и образомъ дѣйствій войскъ, была и развита въ это время гораздо болѣе у римлянъ, нежели у грековъ.

Въ отношеніи къ поліорцетикѣ, римляне, сверхъ общихъ, изло-

женныхъ выше, способовъ и средствъ атаки и обороны городовъ, употребляли въ это время еще слѣдующія:

Въ приступахъ открытою силой они нерѣдко прибѣгали къ особенной машинѣ подъ названіемъ tolleno или ящичнаго ворона: она состояла изъ длинной балки, которая серединою своею была укрѣплена на поперечной перекладинѣ, лежавшей на двухъ вертикальныхъ столбахъ. На одномъ концѣ этой балки находился большой деревянный ящикъ, въ которомъ помѣщались воины, а къ другому были прикрѣпляемы канаты, посредствомъ которыхъ ящикъ съ воинами поднимали на стѣну. Открытою силой города брали также посредствомъ такъ называемой короны (urbem corona oppugnare aut capere) или вѣнца, т. е. вокругъ города располагали въ 2 линіи пѣхоту и въ 3-й конницу, и такимъ образомъ приближались къ нему, постепенно стѣсняя кругъ и подъ прикрытіемъ черепахъ и легкой пѣхоты неся лѣстницы, фашины и проч. Обыкновенные приступы производились посредствомъ черепахъ изъ щитовъ и иногда весьма успѣшно. Такъ Антоній взялъ этимъ способомъ предмѣстья Кремоны.

При обложеніяхъ городъ окружали всегда контръ-и циркумъ-валаціонными линіями, способъ укрѣпленія которыхъ вообще сходствовалъ съ способомъ укрѣпленія полевыхъ лагерей; но иногда онѣ состояли изъ укрѣпленій, еще болѣе сложныхъ и сильныхъ и для возведенія которыхъ производились огромныя работы. Особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаютъ контръ-и циркумъ-валаціонныя линіи въ обложеніяхъ и осадахъ, произведенныхъ Цезаремъ, и преимущественно при осадѣ Алезіи въ Галліи, равно и укрѣпленныя линіи его при Диррахіѣ въ Эпирѣ. При Алезіи, занятой 80-ю тысячами галловъ подъ предводительствомъ вождя ихъ, Верцинґеторикса, Цезарь вырылъ первоначально два рва, глубиною и шириною въ 20 футовъ, въ 400 шагахъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ долженствовали быть устроены контръ-и циркумъ-валаціонныя линіи. Эти рвы предназначены были прикрывать устроеніе линій отъ галловъ со стороны Алезіи и поля. Подъ ихъ прикрытіемъ и были возведены обѣ линіи, изъ которыхъ контръ-валаціонная имѣла 11,000 шаговъ (около $7\frac{1}{2}$ верстъ), а циркумъ-валаціонная 14,000 шаговъ (около

$9\frac{1}{2}$ верстъ) въ окружности. Укрѣпленія каждой линіи состояли: 1) изъ вала съ зубчатымъ груднымъ прикрытіемъ (брустверомъ), полукруглыми возвышенными укрѣпленіями (бастіонами), въ разстояніи 80-ти шаговъ одно отъ другаго, и съ наклонным къ полю тыномъ,— 2) изъ широкаго и глубокаго рва, во многихъ мѣстахъ наполненнаго водою,— 3) изъ засѣкъ впереди рва, въ 5 рядовъ деревъ, нижніе концы которыхъ были врыты въ землю, а сучья снаружи застроены,— и 4) изъ 8-ми рядовъ шахматообразно-расположенныхъ волчьихъ ямъ впереди засѣкъ; между волчьими ямами и крайними, наружными рвами были набросаны остроконечники (шосстрапы). Эти укрѣпленія могутъ дать вообще понятіе о полевыхъ укрѣпленіяхъ римлянъ въ это время.

Правильныя осады производились преимущественно посредствомъ насыпи (agger), значеніе и цѣль которой были уже объяснены выше. По мѣрѣ возвышенія насыпи, устроеніе оной прикрывали деревянными щитами (crates plutei, по нынѣшнему блиндами, мантелетами). Посредствомъ этихъ насыпей приближались къ городскимъ стѣнамъ, разбивали ихъ стѣнобитными орудіями или же разрушали посредствомъ подкоповъ. Всѣ осады Цезаря были производимы посредствомъ насыпей, и нѣкоторыя изъ его насыпей имѣли необыкновенныя вышину, ширину и толщину. Такъ, напримѣръ, при осадѣ Аварика въ Галліи (нынѣ Буржъ во Франціи) насыпь Цезаря имѣла 330 футовъ или слишкомъ 47 саженъ въ ширину. Но самою большою насыпью была, кажется, устроенная Силлою при осадѣ Массады. Она имѣла 286 футовъ вышины, на ней находилось укрѣпленіе (въ родѣ нынѣшняго кавальера) въ 70, а на укрѣпленіи—башня въ 85 футовъ вышины, что составляло всего 441 футъ (63 сажени) вышины надъ поверхностью земли!

Подкопы были употребляемы очень часто и производимы весьма разнообразно. Особеннаго вниманія заслуживаютъ подкопныя работы, произведенныя Силлою при осадѣ Аѳинъ.

Подвижныя машины, употреблявшіяся римлянами въ правильныхъ осадахъ, состояли: 1) изъ подвижныхъ крытыхъ: ходовъ (vineae musculi и др.) и щитовъ (plutei и др.),— 2) изъ черепахъ (testudines) различныхъ устройства, назначенія и именованій,— 3) изъ

подвижныхъ башенъ (turres ambulatoriae), вообще троякой величины: малыя или 10-ти-ярусныя имѣли до 180-ти футовъ въ вышину и до 50-ти въ ширину, среднія или 15-ти ярусныя — до 270-ти футовъ въ вишину и до 60-ти въ ширину, и большія или 20-ти ярусныя — до 360-ти футовъ въ вышину и до 70-ти въ ширину; размѣры эти впрочемъ измѣнялись весьма различно; въ трудныхъ и продолжительныхъ осадахъ, какъ, напримѣръ, при осадѣ Массиліи Цезаремъ, близъ городскаго рва строили даже неподвижныя, каменныя башни, — наконецъ 4) изъ стѣнобитныхъ орудій (terebrae), главнымъ видомъ которыхъ былъ таранъ (aries), уже значительно усовершенствованный въ это время въ устройствѣ и обыкновенно прикрываемый, вмѣстѣ съ дѣйствовавшими имъ людьми, посредствомъ черепахъ (testudines arieratae), или помѣщаемый въ нижнихъ ярусахъ подвижныхъ башенъ (turres arieratae): — длина тарановъ простиралась отъ 7 до 17-ти саженъ, вѣсъ до 1,000 пудовъ и болѣе, а для дѣйствія каждымъ требовалось отъ 100 до 1,000 чел., раздѣленныхъ на смѣны.

Метательныя орудія раздѣлялись: по устройству и дѣйствію—на катапульты (catapultae) и баллисты (ballistae), а по величинѣ—на большія или тяжелыя и малыя или легкія. Большія катапульты метали большія копья, пуки стрѣлъ и другихъ родовъ тѣла горизонтально, на разстояніи отъ 400 до 800 шаговъ, и были употребляемы только при оборонѣ городовъ и полевыхъ укрѣпленій. Малыя катапульты или скорпіоны метали также копья и стрѣлы горизонтально, но на разстояніи только отъ 300 до 500 шаговъ, и были употребляемы преимущественно въ полѣ. Какъ большія, такъ и малыя катапульты метали иногда даже зажигательныя стрѣлы (falaricae, malleoli), съ паклею, сѣрою, смолою и другими горючими веществами и составами на ихъ остріяхъ. Баллисты метали каменья и другія тяжелыя тѣла навѣсно, большія—вѣсомъ до 10-ти пудовъ и болѣе, на разстояніи отъ 400 до 600 шаговъ, и были употребляемы большею частію при атакѣ и оборонѣ городовъ и полевыхъ укрѣпленій, малыя же или онагры были употребляемы преимущественно въ полѣ. Сверхъ того были сложныя баллисты, дѣйствовавшія и навѣсно, и горизонтально, и ручные скорпіоны и онагры,

перевозимые и приводимые въ дѣйствіе только однимъ человѣкомъ. Большія или тяжелыя орудія и военныя машины строили внѣ городскихъ выстрѣловъ и подвозили по заблаговременно-уравненнымъ дорогамъ или деревяннымъ настилкамъ. Орудія располагали на выгоднѣйшихъ пунктахъ, сообразно съ величиною ихъ и дальностью разстоянія отъ города, для прикрытія подвоза машинъ и самой атаки города. Что касается силы дѣйствія какъ метательныхъ, такъ и стѣнобитныхъ орудій, то, если вѣрить древнимъ писателямъ, она была чрезвычайно велика, такъ что самыя высокія, толстыя и крѣпкія стѣны, преграды и тѣла не могли противустоять ей.

Всѣ означенныя здѣсь средства атаки были употребляемы въ большихъ, правильныхъ осадахъ, отдѣльно либо въ совокупности, сообразно съ обстоятельствами.

Оборона городовъ производилась такими же средствами, какъ и прежде описанныя, но значительно умноженными и усовершенствованными и чрезвычайно разнообразными. Главными изъ нихъ были: дѣйствія метательныхъ орудій, подкопы и противу-подкопы, вылазки, разрушеніе работъ и машинъ осаждавшаго или по крайней мѣрѣ затрудненіе или остановка подвоза и дѣйствія его машинъ,—разныхъ родовъ прикрытія стѣнъ и оборонявшихъ оныя воиновъ отъ дѣйствія осаждавшихъ и ихъ машинъ,—возвышеніе стѣнъ или построеніе новыхъ позади и наконецъ оборона проломовъ и внутренности городовъ.

Вообще, съ равномѣрными въ свое время успѣхами, какъ атаки, такъ и обороны городовъ, большія осады продолжались обыкновенно очень долго, ведены были съ большими усиліями и трудами, упорствомъ и искуствомъ, и рѣдко оканчивались сдачею осажденныхъ городовъ по уговору, а большею частію взятіемъ оныхъ приступомъ.

Примѣчательнѣйшими осадами этого времени были осада Аѳинъ Сиплою (87—86) и всѣ осады Цезаря, представляющія верхъ поліорцетическаго искуства въ это время, въ особенности же осады Алезіи и Массиліи.

§ 208.

Состояніе военнаго искуства вообще.

Если съ одной стороны періодъ римскихъ междуусобій ознаменованъ измѣненіемъ и упадкомъ военнаго устройства и военныхъ учрежденій Рима и нравственнымъ упадкомъ римскихъ войскъ, то съ другой стороны, въ отношеніи къ военному искуству вообще, онъ поистинѣ составляетъ любопытнѣйшую, занимательнѣйшую и поучительнѣйшую эпоху въ военной исторіи Рима и даже всѣхъ древнихъ временъ. Дѣйствительно, въ это именно время римляне, предводимые такими полководцами, какъ Марій, Силла, Метеллъ, Лукуллъ, Помпей, Антоній и въ особенности величайшій изъ нихъ— Цезарь, вели въ различныхъ странахъ и противъ различныхъ народовъ міра такія войны, какъ *внѣшнія противъ* Югурты, кимвровъ и тевтоновъ, Митридата, испанцовъ, галловъ, германцовъ и пароянъ, и внутреннія междуусобныя съ Серторіемъ, Марія съ Силлой и Помпея съ Цезаремъ, и одерживали такія побѣды, какъ при Аквахъ Секстійскихъ, Херонеѣ, Орхоменѣ, Фарсалѣ, Тапсѣ, Мундѣ, Филиппахъ и др. Въ это время тактика, логистика, кастраметація, фортификація, поліорцетика, баллистика, словомъ—всѣ отрасли военнаго искуства, *имѣя въ главѣ такихъ дѣятелей*, какъ означенные выше полководцы и надъ всѣми *ими Цезаря, являются* безспорно на высшей степени развитія, совершенства и блеска въ древности.

§ 209.

Морскія военныя: силы и искуство.

Войны, веденныя римлянами во времена междуусобій, въ странахъ, отдѣленныхъ отъ Италіи моремъ, равно и на самомъ морѣ, тѣсно соединивъ сухопутныя военныя дѣйствія съ морскими, сообщивъ послѣднимъ бо̀льшія значеніе и важность, и содѣлавъ необходимымъ содержаніе римлянами сильныхъ, постоянныхъ флотовъ, были причинами, что морскія военныя: силы и искуство у этого на-

рода достигли въ это время значительной степени развитія и совершенства, и Римъ является уже государствомъ столько же сильнымъ на морѣ, сколько и на твердой землѣ. Помпей и сынъ его, Секстій, въ особенности содѣлали римскій флотъ сильнымъ и грознымъ, а война между Антоніемъ и Октавіемъ Августомъ была ведена даже преимущественно на морѣ и рѣшена на немъ побѣдою въ знаменитой морской битвѣ при мысѣ Акціѣ.

По этимъ причинамъ, состояніе морскихъ военныхъ: силъ и искуства у римлянъ во времена междуусобій заслуживаетъ особеннаго вниманія. Не входя впрочемъ въ подробное разсмотрѣніе его, ограничимся краткимъ взглядомъ на устройство морскихъ военныхъ судовъ и морскихъ экипажей и войскъ, начальствованіе во флотѣ, военныя гавани, военныя морскія: тактику и искуство, и награды за заслуги и отличія на морѣ.

Для строенія судовъ назначены были особые, общественные, кораблестроительные лѣса (silvae publicae), а для выбора и рубки лѣса—поставлены опредѣленныя правила. Военныя суда (naves bellicae) раздѣлялись: 1) на большія, называвшіяся по числу рядовъ веселъ, биремами, триремами, квинкверемами, гексерами, октерами и т. д.; изъ нихъ наиболѣе употребительными были триремы и квинкверемы;—2) на легкія военныя суда (lusoriae naves) въ 1 или 2 ряда веселъ, употреблявшіяся большею частью для наблюденія и развѣдыванія (naves speculatoriae),—и 3) малыя суда или военныя лодки (naves actuariae). Сверхъ того были перевозныя суда (naves corbitiae), изъ которыхъ легкія назывались cimbae, а Цезарь въ Галліи употреблялъ на рѣкахъ и въ устьяхъ рѣкъ понтоны (pontones)—родъ галльскихъ тяжелыхъ рѣчныхъ судовъ. Для произведенія удара, военныя суда были вооружаемы надводными и даже подводными, желѣзомъ окованными хоботами (rostra ferramenta). Для предохраненія же отъ ударовъ непріятельскими хоботами, бока военныхъ судовъ были прикрываемы ушами или щитами изъ толстыхъ балокъ. Большія, иногда даже и легкія военныя суда имѣли палубы (tabulata, catastromata), на которыхъ становились военныя орудія и машины, 2-хъ и 3-хъ ярусныя башни и происходилъ въ битвахъ рукопашный бой. Въ числѣ военныхъ машинъ находи-

лись абордажные крюки различныхъ вида, устройства и названій (ferreae manus, harpagones, corvus и др.), опускные мосты (sambuca и др.), зажигательныя орудія и машины, метавшія зажигательныя вещества и снаряды, машины для поднятія и потопленія непріятельскихъ судовъ, разрушенія городскихъ стѣнъ и др. т. п. Римляне употребляли также особыя зажигательныя суда (брандеры).

Люди на флотѣ (морскіе экипажи) раздѣлялись на гребцовъ (remiges) или матросовъ, и на морскія войска (classiarii, epibatae, navales). Гребцы или матросы были набираемы изъ тѣхъ же сословій и такимъ же образомъ, какъ и прежде, а морскія войска—подобно легіонамъ. Тѣ и другія присягали, подобно сухопутнымъ войскамъ, въ вѣрности полководцу, набиравшему ихъ. На квинкверемахъ было по 400 гребцовъ, а на прочихъ судахъ—въ соразмѣрности. Морскія войска были вооружены также, какъ и сухопутныя, но сверхъ того имѣли длинныя копья, косы на длинныхъ древкахъ, сѣкиры о двухъ лезвеяхъ и т. п. оружіе для абордажей и боя на судахъ. Гребцы также были вооружены.

Начальствующими чинами во флотѣ были: 1) начальники рядовъ веселъ, означавшіе мѣру гребли ударами молотковъ,—2) особые чины, имѣвшіе надзоръ за канатами, рулемъ, мачтами, парусами, якорями и проч., 3) кормчіе (gubernatores, magistri navium), опытные и искусные моряки, хорошо знавшіе морскіе вѣтры, гавани и проч., 4) навархи (navarchi) — начальники судовъ,—и 5) корабельные префекты (praefecti navis), начальствовавшіе морскими войсками на судахъ. Главное же предводительствованіе флотами принадлежало консуламъ или преторамъ, либо было ввѣряемо особымъ начальникамъ съ званіемъ предводителя и префекта флота (dux praefectusque classis).

Военныя гавани были естественныя или природныя и искуственныя. Послѣднія состояли изъ плотины въ видѣ полукружія съ двумя молами, выдававшимися далеко въ море. Входъ, у котораго часто были маяки, замыкался цѣпями. Внутри гавани были устроиваемы: нѣсколько отдѣленій, отдѣленныхъ одни отъ другихъ каменными стѣнами, для лучшаго обезпеченія судовъ отъ вѣтра, верфи, склады и проч. Со стороны моря гавани были прикрываемы тыномъ изъ тол-

стыхъ бревенъ въ одинъ или нѣсколько рядовъ, и впереди его—сомкнутыми рядами старыхъ судовъ, а съ сухаго пути—земляными, деревянными или каменными валами со рвами, башнями и воротами.

Передъ отправленіемъ флотовъ въ море, сначала сажали на суда гребцовъ, а потомъ морскія войска, производили смотръ флотамъ съ разными религіозными и торжественными обрядами, и затѣмъ выходили въ море, впереди легкія, за ними большія и наконецъ перевозныя суда. При высадкахъ вытаскивали суда на берегъ и, если надобность того требовала, ограждали ихъ съ моря тыномъ, а съ сухаго пути—полевыми укрѣпленіями.

Морскія сраженія происходили большею частью близъ береговъ, почему и были тщательно наблюдаемы времена приливовъ и отливовъ. Передъ сраженіями облегчали суда по возможности отъ всего лишняго, убирали паруса и опускали мачты, дабы вѣтеръ не мѣшалъ греблѣ, и строились въ боевой порядокъ. Боевые порядки были различные: обыкновенный и болѣе употребительный (acies duplex) состоялъ въ томъ, что флотъ строился въ 2 прямыя линіи, имѣя бóльшія суда въ 1-й, а меньшія во 2-й, или же вогнутою линіею (acies lunatas falcata), имѣя бóльшія и лучшія суда по флангамъ, либо выпуклою линіею, имѣя этого рода суда въ вершинѣ дуги или впереди,—или клещами (forceps) противъ клина, или клиномъ (acies cuneata) противъ клещей. Сигналами къ бою служили, также какъ и въ сухопутныхъ войскахъ и дѣйствіяхъ, красный флагъ, который былъ выкидываемъ на преторіанскомъ (адмиральскомъ) кораблѣ, и игра на всѣхъ трубахъ и рогахъ, какіе имѣлись на флотѣ. Затѣмъ всѣ гребцы и войска на флотѣ поднимали боевой крикъ и пѣли боевой гимнъ въ честь Марса или Аполлона. Бой открывали дѣйствіемъ метательныхъ орудій и оружія; потомъ 1-я линія, поддерживаемая 2-ю, производила нападеніе на веслахъ, при чемъ каждое судно старалось обезоружить или потопить непріятельское ударомъ своего хобота въ середину или вдоль боковой части судна, такъ чтобы сдѣлать проломъ или сломать весла. Затѣмъ уже сцѣплялись на абордажъ и вступали въ рукопашный бой на палубахъ. Въ продолженіи боя бросали въ непріятельскія суда разные зажигательные матеріалы и составы и часто употребляли брандеры. Первые изъ

нихъ были съ особеннымъ успѣхомъ употреблены Октавіемъ въ сраженіи при Акціѣ.

Флотъ, одержавшій побѣду, торжествовалъ ее побѣдными кликами и музыкой, и тѣмъ, что носовыя части всѣхъ судовъ были увѣшиваемы лаврами. Наградами же за морскія побѣды были: морской вѣнецъ (corona navalis), синія знамена и морской тріумфъ (triumphus navalis).

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

ГЕРМАНЦЫ. ГАЛЛЫ, ГЕЛЬВЕТЫ, БРИТАНЦЫ И ПАРѲЯНЕ.

§ 210. Германцы.—§ 211. Галлы.—§ 212. Гельветы.—§ 113. Британцы.—§ 214. Парѳяне.

Древніе источники: Юлій Цезарь, Саллустій, Титъ Ливій, Страбонъ, Суэтоній, Аппіанъ, Іустинъ, Діонъ Кассій, Веллей Патеркулъ, Трогъ Помпей и Орозъ (о парѳянахъ),—и новѣйшія историческія пособія: Montesquieu, Vertot, De Brosses, Hegewisch, Heeren, Лоренцъ и др., указанныя выше и въ ч. I въ введеніи и источникахъ.

§ 210.

Германцы.

Распространяя власть свою въ Европѣ и Азіи, римляне пришли, во времена междуусобій, въ первое столкновеніе, въ Европѣ—съ германцами, трансальпинскими галлами, гельветами и британцами, а въ Азіи—съ парѳянами. По важности и примѣчательности войнъ ихъ съ этими народами, необходимо вкратцѣ изобразить здѣсь воинскій быть послѣднихъ и состояніе у нихъ военнаго дѣла въ это время.

Первое мѣсто въ числѣ этихъ народовъ принадлежитъ германцамъ, какъ потому, что съ ними первыми изъ всѣхъ пришли въ столкновеніе римляне, такъ и потому, что въ историческомъ отношеніи германцы были замѣчательнѣйшимъ изъ всѣхъ народовъ, съ которыми когда-либо вели войны римляне. Впрочемъ, въ періодѣ междуусобій римляне только два раза имѣли случай воевать съ германцами: въ первый—въ пространствѣ времени съ 113-го по

101-й годъ, когда кимвры и тевтоны, два племени германцевъ, произвели нашествіе на средне-дунайскія земли, Гельвецію, цизальпинскую и трансальпинскую Галлію и Испанію, но дважды разбитые Маріемъ, въ трансальпинской и потомъ цизальпинской Галліи, удалились обратно въ Германію и въ этомъ періодѣ уже болѣе не возвращались; а во второй разъ—въ пространствѣ времени съ 58 по 54 годъ, когда Цезарь, въ войнѣ галльской, совершилъ противъ германцовъ одинъ походъ (58) на лѣвой и два (55—54) на правой сторонѣ Рейна. Поэтому римляне въ это время еще очень мало знали германцовъ, и именно столько, сколько могли собрать свѣдѣній о нихъ во время дѣйствій Марія и Цезаря. Изъ этихъ свѣдѣній вообще оказывается слѣдующее:

Кимвры и тевтоны были тѣломъ необыкновенно рослы, крѣпки, сильны и бодры, а нравомъ люты, свирѣпы и запальчиво-храбры, но не могли переносить большихъ жаровъ и продолжительныхъ, тяжелыхъ трудовъ, не имѣли достаточно терпѣнія, твердости и постоянства и, дерзкіе въ удачѣ, упадали духомъ въ неудачѣ. Нашествіе свое на юго-западную Европу они произвели въ весьма значительныхъ силахъ, съ семействами и стадами своими. Они сражались отчасти на коняхъ, большею же частію пѣшими. Изъ нихъ пѣшіе были вооружены легко и дурно, самымъ простымъ и грубымъ оружіемъ, и отчасти изъ удальства и молодечества, отчасти изъ презрѣнія къ непріятелю, нерѣдко, идя въ бой, обнажались до пояса, отчего однако претерпѣвали большой уронъ ранеными и убитыми. Но всадники ихъ были вооружены очень хорошо и богато. Они носили гладко-выточенныя (полированныя) и блестящія стальныя латы, бѣлые деревянные щиты, а вмѣсто шлемовъ—головы различныхъ дикихъ звѣрей съ разверстыми пастями и съ высокими перьями въ видѣ крыльевъ, что придавало имъ страшный видъ. У каждаго всадника было по длинному и тяжелому мечу и по 2 дротика. Кимвры и тевтоны сражались обыкновенно впереди своихъ становъ, огражденныхъ со всѣхъ сторонъ повозками и въ которыхъ оставляли свои семейства и стада. Къ бою они строились большими, тѣсно-сомкнутыми, квадратными массами, а въ сраженіи съ Маріемъ при Верцеллахъ (101) кимвры въ первыхъ рядахъ были связаны

цѣпями, прикрѣпленными къ щитамъ, для того, чтобы лучше хранить равненіе, непроницаемость и твердость строя. Они и тевтоны имѣли трубы и, вмѣсто знаменъ, древки съ грубыми изваяніями звѣрей, животныхъ, птицъ и т. п. Въ бой они шли съ страшными: шумомъ и крикомъ или, лучше сказать, дикимъ ревомъ, отъ котораго, по словамъ римскихъ историковъ, кровь застывала въ жилахъ, у самыхъ храбрыхъ воиновъ и первое нападеніе производили съ неимовѣрными: запальчивостью, яростью, стремительностью и силой, но если непріятель выдерживалъ его хладнокровно и стойко и если при этомъ время было знойное, то они вскорѣ приходили въ изнеможеніе и, по словамъ римскихъ писателей, слабѣли тѣломъ и духомъ подобно женщинамъ и дѣтямъ. Еслиже они были опрокидываемы въ свои станы, то оборонялись въ нихъ съ необыкновенными: упорствомъ, ожесточеніемъ и даже остервенѣніемъ, дѣйствуя дротиками, мечами и сѣкирами изъ-за повозокъ и съ вершины ихъ. Женщины въ бояхъ помогали мущинамъ, подавая и перемѣняя имъ оружіе, вынося раненыхъ и убитыхъ, и т. п., при нападеніяхъ же непріятеля на станы принимали дѣятельнѣйшее участіе въ бою и сражались съ неменьшими противъ мущинъ храбростью, упорствомъ и ожесточеніемъ.

Цезарь, въ своихъ комментаріяхъ или запискахъ о войнѣ галльской, сообщаетъ очень мало свѣдѣній о германцахъ. Изъ нихъ видно только, что германцы были народъ мужественный, воинственный, храбрый, гордый своею независимостью, страстно привязанный къ ней и необыкновенно тщеславный. Самымъ многочисленнымъ, сильнымъ и воинственнымъ племенемъ германскимъ, по словамъ Цезаря, были суевы или союзъ 100 племенъ подъ общимъ названіемъ суевовъ. Каждое изъ этихъ союзныхъ племенъ ежегодно высылало по 1,000 воиновъ на войну. Вождь суевовъ, Аріовистъ, въ переговорахъ съ Цезаремъ объявилъ, что германцы—народъ, рѣдко живущій подъ кровлей, но все время проводящій въ войнѣ, привычный къ владѣнію оружіемъ и непобѣдимый. Другія два германскія племени, тенхтеры и узипеты или узипіяне, переправившіяся при Цезарѣ черезъ Рейнъ въ Галлію, съ женами и дѣтьми, въ числѣ болѣе 43,000 человѣкъ, гордо объявили Цезарю, что отцы и дѣды научили ихъ никогда и ни у кого не просить

пощады. Всѣ вообще германцы были, по словамъ Цезаря, огромнаго роста, имѣли звѣрскій видъ и были до невѣроятности смѣлы, отважны, даже дерзки. Они сражались большею частію пѣшими, но главную силу и лучшую часть ихъ ополченій составляла конница, хорошо вооруженная и устроенная. Каждый всадникъ перевозилъ на лошади за собою по одному пѣшему воину. Если бой становился упорнымъ, то пѣшіе воины соскакивали съ лошадей, выступали впередъ и принимали дѣятельное участіе въ бою. Если который-либо изъ всадниковъ былъ раненъ, то они выносили его изъ боя. Они были столь легки и быстры на бѣгу, что нерѣдко, держась одною рукою за лошадиную гриву, бѣжали рядомъ съ скакавшими во весь опоръ лошадьми. Къ бою германцы строились по племенамъ, поколѣніямъ и семействамъ, тѣсно-сомкнутыми квадратными частями или отдѣленіями. Нападенія они производили съ мечами въ рукахъ и въ бою нерѣдко строили черепаху, прикрытую щитами спереди, съ боковъ и сверху. Станы же свои они ограждали со всѣхъ сторонъ тѣсно-сдвинутыми повозками, не столько для обороны, сколько для того, чтобы никто не надѣялся убѣжать. Во всемъ прочемъ германцы, противъ которыхъ сражался Цезарь, представляютъ общія черты сходства съ кимврами и тевтонами.

§ 211.

Галлы.

Второе мѣсто послѣ германцовъ принадлежитъ трансальпинскимъ галламъ, покореннымъ Цезаремъ послѣ 7-ми лѣтней, упорнѣйшей войны съ ними. Въ комментаріяхъ Цезаря находимъ обстоятельныя и любопытныя свѣдѣнія объ этомъ народѣ и странѣ, въ которой онъ обиталъ. Послѣдняя заключала въ себѣ пространство между атлантическимъ океаномъ, Рейномъ, Альпами, Средиземнымъ моремъ и Пиренеями, и составляла собственную Галлію, которую римляне, въ отличіе отъ ближней (къ Риму), цизальпинской или предъальпійской (Gallia citerior aut cisalpina), назвали дальнею, трансальпинскою или за-альпійскою (Gallia ulterior aut transalpina), а также широкоплатяною (braccata)—отъ носимаго ея жи-

телями, широкаго исподняго платья, и длинноволосою (comata)—отъ длинныхъ, распущенныхъ волосъ ихъ. Цезарь раздѣлилъ ее, по различію въ нарѣчіяхъ ея жителей, на 3 главныя части: Галлію Бельгійскую или Бельгику — на сѣверовостокѣ между Рейномъ и Секваною (нынѣ Сена), Галлію Аквитанскую или Аквитанію —на югозападѣ, между Гарумною (нынѣ Гаронна), океаномъ и Пиренеями, и Галлію Кельтійскую или Кельтику — въ срединѣ, между океаномъ, Секваной, Роданомъ и Гарумной. Юговосточная часть Галліи, вдоль Средиземнаго моря, отъ Альповъ до Пиренеевъ, уже задолго до Цезаря была завоевана римлянами и обращена въ римскую провинцію, позже по главному городу своему, Нарбону, названную Галліею нарбонскою (нынѣ Провансъ во Франціи). Впрочемъ Бельгика, Кельтика и Аквитанія различались и не одними нарѣчіями своихъ жителей, но и нравами и обычаями послѣднихъ, какъ равно и собственными топографическими и климатическими свойствами.

Бельгика на сѣверѣ, по близости моря, была страна ровная, покрытая лѣсами и пересѣченная многими рѣками и болотами, а на югѣ—гористая и лѣсистая. Жители ея, по словамъ Цезаря, происходили большею частью отъ германцовъ, которые перешли черезъ Рейнъ и поселились въ этомъ краю, изгнавъ туземцовъ. По этому-ли происхожденію отъ германцовъ или по близкому сосѣдству съ ними и по отдаленности, напротивъ, отъ римлянъ, бельги, чуждые роскоши и нѣги, были самымъ сильнымъ, воинственнымъ и храбрымъ, но и самымъ необразованнымъ и грубымъ народомъ въ Галліи. Замѣчательнѣйшими, по войнѣ съ Цезаремъ, племенами ихъ были: морины и нервіи—по берегу океана, суэссоны и ремы—къ в. отъ нихъ, веромандуи и белловаки — въ срединѣ между тѣми и другими, левки—къ в. и медіоматрики — къ з. отъ вогезскихъ горъ, верозуны—по обѣимъ сторонамъ р. Мозы (нынѣ Маасъ), трибокки, неметы, убіяне и батавы—на лѣвомъ берегу нижняго Рейна, и къ з. отъ нихъ—менапіи и адуатики или тунгры.

Кельтика была страна холмистая, съ многими равнинами и обширными лѣсами. Часть ея вдоль береговъ океана называлась Аре-морикою или Арморикою: здѣсь дѣятельно производились судо-

ходство и рыбная ловля. Въ Кельтикѣ обитали одни собственно кельтическія племена, которыхъ было очень много. Примѣчательнѣйшими изъ нихъ по войнѣ съ Цезаремъ были: эдуи или эдуиты и карнуты—по всему теченію р. Лигера (нынѣ Луара), венеты, куріосолиты и унеллы—по берегу океана, отъ устья р. Лигера до устья р. Самары (нынѣ Соммъ), сеноны, лингоны и паризіяне—по теченію р. Секваны, боіи и авлерки—внутри страны, арверны, кадурки и лемовики—къ с. отъ Гарумны, и секваны и раураки—между р. Араромъ (нынѣ Саона) и среднимъ Рейномъ. Жители Кельтики, живя ближе къ римлянамъ, нежели бельги, и ведя дѣятельную внутреннюю торговлю, были богаче и образованнѣе всѣхъ прочихъ галловъ, и не имѣли дикихъ и суровыхъ нравовъ бельговъ, хотя были тоже народъ весьма храбрый.

Наконецъ Аквитанія была страна, пересѣченная множествомъ рѣкъ, но не весьма плодородная; въ ней находились также лѣса и горы. Жители ея были отчасти единоплеменники иберянъ или испанцовъ, и отчасти кельты. И тѣ и другіе во многомъ сходствовали съ испанцами. Примѣчательнѣйшими, по войнѣ съ Цезаремъ, племенами ихъ были: битуриги, конвены и ауски.

Но въ главныхъ чертахъ всѣ вообще галлы, по описанію Цезаря, сходствовали между собой. Всѣ они отличались высокимъ ростомъ, крѣпостью и силою тѣлесными, способностью переносить холодъ, прямодушіемъ и необыкновенною храбростью. Но рожденные въ странѣ сырой и холодной, они, подобно германцамъ, не переносили жаровъ и, изнемогая отъ нихъ, слабѣли тѣломъ и духомъ. Не страшась никакихъ опасностей, они боялись трудовъ и не имѣли ни твердости, ни терпѣнія, необходимыхъ для перенесенія ихъ, были легкомысленны и непостоянны, въ удачѣ являя отважность и дерзость безразсудныя, въ неудачѣ же приходя въ уныніе и отчаяніе. Необыкновенно тщеславные, они любили носить дорогія одежды и украшенія, были страстны къ золоту и деньгамъ, крайне суевѣрны, и жестоки, люты и свирѣпы на войнѣ и даже въ мирѣ.

Общественное ихъ устройство представляло слѣдующія главныя черты:

Низшее сословіе или простой народъ находился почти въ рабствѣ

и ни во что не считался. Вся власть, все вліяніе, всѣ права и преимущества, всѣ почести и отличія принадлежали двумъ высшимъ сословіямъ—друидамъ или жрецамъ, и всадникамъ, какъ ихъ называетъ Цезарь, потому что они сражались не иначе, какъ на коняхъ. Друиды судили споры и ссоры, частныя и общія, тяжбы и дѣла уголовныя, рѣшали дѣла о мирѣ и войнѣ между племенами и проч. Поэтому они имѣли большое вліяніе на общественныя дѣла и управленіе и пользовались большимъ уваженіемъ. Къ сословію всадниковъ принадлежали всѣ благородные и знатные галлы (по нынѣшнему дворянство). Главнымъ, почетнѣйшимъ ихъ занятіемъ была война — и они вели ее безпрерывно. Охота была также любимымъ ихъ занятіемъ. Имъ принадлежало и гражданское управленіе и изъ среды ихъ ежегодно были избираемы, какъ главные гражданскіе правители, такъ и главные военные вожди. Каждое племя имѣло свое особенное управленіе и своихъ особенныхъ правителей и вождей; но всѣ вмѣстѣ они составляли одинъ народъ, общія дѣла котораго рѣшались въ общенародныхъ собраніяхъ. Должно однако замѣтить, что до и во время войны съ Цезаремъ галлы вообще были постоянно раздѣлены на двѣ противныя и враждебныя одна другой политическія партіи, изъ которыхъ въ главѣ одной находились эдуи или эдуиты, давнишніе союзники римлянъ, а въ главѣ другой—то арверны, то секваны, а во время войны съ Цезаремъ—ремы. Точно также были раздѣлены каждое племя и каждая община. Цезарь тщательно поддерживалъ это раздѣленіе и весьма искусно пользовался имъ.

Военное же устройство галловъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Въ обыкновенныхъ случаяхъ на войну шли знатнѣйшіе всадники съ собственными дружинами, составленными изъ ихъ домочадцовъ, подвластныхъ имъ простолюдиновъ и солдуровъ. Такъ назывались молодые люди благороднаго происхожденія, которые добровольно поступали къ всадникамъ на службу оруженосцами, клялись имъ въ вѣрности и повиновеніи, учились у нихъ всему, что касалось военнаго дѣла, и раздѣляя съ ними военные ихъ труды, подвиги и славу, участвовали и въ ихъ забавахъ, охотѣ, пирахъ и

*

т. п. Солдуры, равно какъ и всѣ другіе благороднаго происхожденія воины дружинъ сражались на коняхъ, а простолюдины — пѣшими. Въ случаяхъ же особенной важности или опасности производилось поголовное вооруженіе одного или нѣсколькихъ соединенныхъ племенъ, и въ этихъ общенародныхъ ополченіяхъ также высшее сословіе составляло конницу, а простой народъ пѣхоту. Какъ въ обыкновенныхъ случаяхъ, такъ и въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, изъ сословія всадниковъ въ общенародныхъ собраніяхъ былъ избираемъ главный военный вождь, который имѣлъ однако весьма ограниченную власть и находился въ большой зависимости отъ предводителей частныхъ дружинъ. Главную силу и лучшую часть галльскихъ ополченій составляла, какъ естественно, отличная конница изъ сословія всадниковъ, хорошо и богато вооруженная, въ шлемахъ и латахъ, съ щитами, мечами и дротиками, и на добрыхъ коняхъ. Пѣхота была вооружена большею частью только длинными мечами и большими щитами. Въ бою всадники составляли *переднюю шеренгу*, въ строѣ разомкнутомъ, а солдуры ихъ, въ нѣкоторомъ разстояніи за ними и въ такомъ же строѣ—заднюю. Пѣхота сражалась въ болѣе или менѣе сильныхъ, тѣсносомкнутыхъ, квадратныхъ частяхъ или отдѣленіяхъ, подъ предводительствомъ своихъ родоначальниковъ, старѣйшинъ или всадниковъ. Подобно германцамъ, и галлы, идя въ бой, производили страшные шумъ и крикъ, и пѣшіе изъ нихъ нерѣдко обнажались до пояса, и точно также, какъ германцы, галлы первое нападеніе производили съ запальчивостью, но, въ случаѣ упорнаго сопротивленія непріятеля, скоро изнемогали тѣломъ и упадали духомъ. За всѣмъ тѣмъ они справедливо пользовались славою отмѣнно храбрыхъ войскъ, лучшимъ свидѣтельствомъ чему могутъ служить всѣ ихъ битвы съ Цезаремъ, и самъ Цезарь вполнѣ отдаетъ имъ въ этомъ должную справедливость.

§ 212.

Гельветы.

Гельветы, жители Гельвеціи (нынѣшней Швейцаріи), участвовавшіе въ нашествіи кимвровъ и тевтоновъ и позже сражавшіеся въ

трансальпинской Галліи съ Цезаремъ, были, по словамъ послѣдняго, народъ необразованный, грубый, гордый и жадный къ завоеваніямъ и корысти, но мужественный, воинственный и храбрый. Каждый изъ благородныхъ, знатныхъ и богатыхъ гельветовъ имѣлъ свою дружину, составленную изъ его домочадцовъ, друзей, домашней челяди и вольныхъ охотниковъ, иногда числомъ до 10—15,000 чел. Предводительствуя такого рода дружиною, онъ ходилъ на войну для отнятія чужихъ земель, обогащенія своего грабежомъ и добычей, и удовлетворенія страсти къ войнѣ и удальству. Гельветы сражались обыкновенно пѣшими, съ чрезвычайными: стойкостью, упорствомъ и настойчивостью, впереди, вокругъ или позади своихъ повозокъ и обозовъ, въ строѣ, имѣвшемъ видъ квадратной фаланги, т. е. одинаковыя ширину и глубину, и прикрываемомъ спереди, съ боковъ и сверху черепахой изъ щитовъ. Они имѣли также и конницу, хотя и въ небольшомъ числѣ. Во всемъ прочемъ они сходствовали съ германцами и галлами.

§ 213.

Британцы.

Британцы, бритоны или бриты были кельтическаго происхожденія, но болѣе дики и грубы, нежели кельты галльскіе. Они жили отчасти въ городахъ, большею же частью отдѣльными селеніями въ лѣсахъ, которыми была покрыта Британнія, въ хижинахъ, огражденныхъ земляными окопами, и красили себѣ тѣло, одѣвались въ звѣриныя шкуры, управлялись многими князьками или царьками, иногда и царицами, и жили скотоводствомъ, звѣриными и рыбными промыслами, войной и грабежомъ. Оружіе ихъ составляли длинные мечи, сѣкиры и дротики. Они носили щиты, но шлемовъ и латъ не употребляли, имѣли малорослыхъ, но сильныхъ и быстрыхъ коней, и сами были хорошими всадниками. Главную силу ихъ составляли военныя колесницы, которыя они въ бою употребляли съ большимъ искуствомъ, устремляя ихъ съ величайшими: быстротой и силой прямо въ середину или въ промежутки непріятельскихъ рядовъ, и внезапно останавливая ихъ, соскакивали съ нихъ на землю, сражались пѣшими и снова сажались на нихъ, если были слишкомъ тѣснимы.

Самъ Цезарь не пренебрегалъ такимъ образомъ дѣйствій, соединявшимъ, по его мнѣнію, легкость и быстроту конницы съ твердостью и стойкостью пѣхоты. Вообще британцы были весьма ловки, проворны и особенно искусны въ управленіи лошадьми. Впрочемъ военное дѣло у нихъ находилось въ самомъ грубомъ состояніи.

§ 214.

Парѳяне.

Парѳяне, народъ скиѳскаго происхожденія, обитали въ верхней или средней Азіи, въ странѣ, лежавшей къ ю. отъ Гирканіи и къ в. отъ Мидіи,—покрытой обнаженными горами и песчаными степями, безплодной, холодной въ горныхъ, знойной въ низменныхъ частяхъ своихъ и потому особенно способствовавшей образованію крѣпкихъ тѣломъ, суровыхъ нравами и мужественныхъ воиновъ. До Александра В. парѳяне были подвластны персидскимъ, а по смерти его—сирійскимъ царямъ. Въ 256 же году до Р. Х., воспользовавшись паденіемъ греко-бактрійскаго царства и смутами въ сирійскомъ, они образовали независимое парѳянское царство, основателемъ котораго и родоначальникомъ царственной династіи Арзакидовъ былъ Арзакъ I. Въ слѣдующія затѣмъ 100 лѣтъ, воинственные и честолюбивые Арзакиды распространили предѣлы парѳянскаго царства на в. до Инда, а на з. до Евфрата. Здѣсь, послѣ паденія царства Митридата В., они пришли въ соприкосновеніе и наконецъ въ столкновеніе съ римлянами и подобно тому, какъ германцы на сѣверѣ, въ Европѣ, такъ они на востокѣ, въ Азіи, около 300 лѣтъ (отъ 54 года передъ Р. Х. до 226 г. по Р. Х.) противупоставляли неодолимую преграду завоеваніямъ римлянъ, сильно тѣснили съ востока римскіе предѣлы и неразъ въ войнахъ съ римлянами наносили имъ жестокія пораженія, пока наконецъ не уступили своего мѣста персамъ.

По свидѣтельству Трога Помпея и другихъ историковъ римскихъ и греческихъ, парѳяне, въ періодѣ войнъ ихъ съ римлянами, были народъ коварный, жестокій, болѣе хитрый и дерзкій, нежели храбрый, притомъ тревожно-дѣятельный, безпрестанно

искавшій поводовъ къ войнамъ внѣшнимъ или внутреннимъ, и преданный роскоши, нѣгѣ и разврату. Правленіе его было монархическо-аристократическое: власть царей, избираемыхъ исключительно изъ рода Арзакидовъ, была ограничена высшимъ государственнымъ совѣтомъ, суренами или полководцами и сильною аристократіей. Царскими столицами были: лѣтнею—Экбатана, а зимнею—Ктезифонъ. Конная служба составляла почетнѣйшія преимущество и отличіе высшаго, благороднаго и свободнаго сословія. Число рабовъ было огромное и безпрестанно умножалось (потому что господа ихъ не имѣли права ихъ освобождать), и потому парѳянскія арміи всегда были составлены преимущественно изъ рабовъ, образовавшихъ весьма хорошую легкую конницу. Арміями предводительствовали обыкновенно сами цари, либо ихъ братья, сыновья или близкіе родственники, при которыхъ въ такомъ случаѣ всегда состоялъ одинъ изъ опытнѣйшихъ и лучшихъ полководцевъ: для совѣта и руководства. Вооруженіе парѳянъ и образъ дѣйствій ихъ въ бою сохраняли тѣ же черты, которыя всегда имѣли у скиѳовъ. Вооруженные преимущественно метательнымъ оружіемъ—луками и дротиками, парѳяне славились необыкновенно ловкимъ, искуснымъ, мѣткимъ и сильнымъ дѣйствіемъ ими, въ особенности же стрѣльбою изъ луковъ съ коней, на всемъ скаку, впередъ и назадъ. Поэтому они были столько же страшны въ бѣгствѣ, сколько и въ нападеніи и въ преслѣдованіи. Они имѣли впрочемъ также и пѣхоту, и тяжелую конницу, въ которой всадники—можетъ быть по примѣру прежнихъ сосѣдей и властителей парѳянъ, персовъ—были съ головы до ногъ покрыты латами. Въ полѣ, если непріятель дѣйствовалъ наступательно, парѳяне отступали въ-разсыпную, производя сильную стрѣльбу изъ луковъ и частыя нападенія съ фронта, фланговъ и тыла, отдѣльными толпами удальцовъ-наѣздниковъ, поддерживаемыхъ сильными отрядами. Ослабивъ и утомивъ этимъ непріятеля, они производили общее, дружное, рѣшительное нападеніе съ нѣсколькихъ сторонъ. При отступленіи непріятеля, они быстро и сильно преслѣдовали его, дѣйствуя впрочемъ такъ же, какъ и при его наступленіи. Посредствомъ такого образа дѣйствій, искони свойственнаго скиѳамъ, парѳяне разбили и истребили армію Красса при Каррахъ въ Мессопо-

таміи (53),—армію Антонія принудили съ огромнымъ урономъ отступить изъ Мидіи (36) и въ послѣдствіи останавливали всѣ усилія римлянъ къ распространенію предѣловъ римскаго государства на востокѣ. При такомъ образѣ дѣйствій и составѣ парѳянскихъ армій изъ конницы, весьма естественно, что парѳяне сражались всегда на равнинахъ, боя же на мѣстности пересѣченной тщательно избѣгали, стараясь заманивать непріятеля на мѣстность ровную и открытую. Вообще постоянною чертою дѣйствій парѳянъ въ полѣ и въ бою было стремленіе подавлять непріятеля числительнымъ превосходствомъ силъ, а тамъ, гдѣ одной силы было недостаточно—прибѣгать къ пособію военныхъ хитростей.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

ВОЙНЫ РИМЛЯНЪ ВО ВРЕМЕНА МЕЖДУУСОБІЙ (133—30 ДО Р. Х.).

I. Война югуртинская (118—106).—§ 215. Причины войны и дѣйствія съ 118-го до 109 года.—§ 216. Дѣйствія Метелла и Югурты (109 — 107). § 217. Дѣйствія Марія и Югурты (107 — 106). — II. Война съ кимврами и тевтонами (113—101).—§ 218. Нашествіе кимвровъ и тевтоновъ;—сраженіе при Нореѣ;—дѣйствія въ трансальпинской Галліи;—сраженіе при р. Роданѣ (114 — 105). — § 219. Дѣйствія Марія противъ кимвровъ и тевтоновъ; — сраженія при Аквахъ Секстіскихъ и при Верцеллахъ (102—101).—III. Война союзническая или марсійская (90 — 88). — § 220. Причины войны;—война въ 90-мъ году.—§ 221. Война въ 89 и 88 годахъ.

Древніе источники и новѣйшія историческія пособія—указанные выше въ главахъ XXXI и XXXII.

I.

Война югуртинская (118—106).

§ 215.

Причины войны и дѣйствія съ 118 до 109 года.

Изъ трехъ сыновей Массиниссы, старшій Миципса, переживъ младшихъ, снова соединилъ подъ своею властью нумидійское царство но умирая раздѣлилъ его между двумя своими сыновьями, Адгербаломъ и Гіемпсаломъ, и далъ также удѣлъ племяннику своему Югуртѣ. Этотъ молодой человѣкъ, одаренный необыкновенными качествами ума и души, военными способностями, смѣлостью и предпріимчивостью, снискавшими ему общія въ Африкѣ уваженіе, любовь и довѣріе, но хитрый и честолюбивый, зная, что въ Римѣ уже и совѣсть, и

честь, и все продажно, вскорѣ по смерти Миципсы (119), Гіемпсала умертвилъ, а Адгербала разбилъ и изгналъ (118). Адгербалъ обратился къ римлянамъ съ просьбой о помощи, но Югурта подкупилъ важнѣйшихъ сенаторовъ—и сенатъ отправилъ въ Африку корыстолюбиваго Л. Опимія, съ нѣсколькими другими уполномоченными сановниками, для раздѣла нумидійскаго царства между Адгербаломъ и Югуртой. Подкупленный послѣднимъ Опимій отдалъ ему лучшую часть Нумидіи (117). Югурта 5 лѣтъ (117—112) дѣятельно усиливался и утверждался въ своихъ владѣніяхъ, образовалъ многочисленное войско, пріобрѣлъ многихъ приверженцовъ во владѣніяхъ Адгербала и въ 112 году, внезапно вторгнувшись въ эти послѣднія, опустошилъ ихъ огнемъ и мечомъ и съ огромною добычей воротился назадъ, надѣясь этимъ принудить Адгербала къ отмщенію ему тѣмъ же средствомъ и такимъ образомъ имѣть справедливый предлогъ къ войнѣ съ нимъ. Но Адгербалъ ограничился тѣмъ, что отправилъ къ Югуртѣ пословъ съ жалобами, и этотъ миролюбивый поступокъ, принятый Югуртой за робость, усугубилъ только дерзость послѣдняго. Съ сильнымъ войскомъ снова вторгнулся онъ во владѣнія Адгербала, жестоко разоряя край на пути, и тогда Адгербалъ, вынужденный взяться за оружіе, собралъ войско и двинулся противъ Югурты. Оба войска встрѣтились близъ Цирты и моря, и Адгербалово, ночью внезапно атакованное въ своемъ лагерѣ Югуртой, было обращено въ бѣгство и разсѣялось, а самъ Адгербалъ спасся въ Цирту и былъ осажденъ въ ней Югуртой. Тщетно римскій сенатъ два раза отправлялъ въ Африку пословъ съ требованіемъ, чтобъ Югурта и Адгербалъ немедленно прекратили войну: послы, безъ сомнѣнія подкупаемые Югуртой, каждый разъ возвращались, не прекративъ войны и даже ничего не рѣшивъ. А между тѣмъ Югурта дѣятельно велъ осаду Цирты и наконецъ, принудивъ доведеннаго голодомъ до крайности Адгербала сдаться, умертвилъ его (112). И этотъ поступокъ Югурты остался бы безнаказаннымъ со стороны римскаго сената, еслибы демократическая партія, въ лицѣ народнаго трибуна Меммія, не возбудила неудовольствія народа противъ потворства сената и аристократіи Югуртѣ и тѣмъ не вынудила сената объявить Югуртѣ войну и послать противъ него (111)

консула Калпурнія Бестіа, полководца способнаго, но корыстолюбиваго и продажнаго, какъ и почти всѣ знатные римляне того времени. Прибывъ въ Африку, Калпурній сначала велъ войну весьма дѣятельно и взялъ много городовъ и плѣнныхъ; но подкупленный Югуртой, безъ вѣдома и утвержденія сената и народа заключилъ съ нимъ мирный договоръ, по которому римляне принимали покорность Югурты. Меммій, демократическая партія и народъ въ Римѣ возстали противъ этого, и Югурта былъ призванъ въ Римъ для оправданія. Подкупленный имъ народный трибунъ Бэбій запретилъ ему говорить передъ народомъ и такимъ образомъ дѣло это осталось безъ дальнѣйшихъ слѣдствій. Но когда Югурта дерзнулъ (110) въ самомъ Римѣ умертвить внука Массиниссы и сына Гулуссы, Массиву, объявлявшаго притязанія на нумидійскій престолъ, тогда получилъ приказаніе немедленно удалиться изъ Италіи и консулъ Постумій Албинъ возобновилъ войну противъ него, но велъ ее неискусно, слабо, вяло и неудачно, сколько по причинѣ своей неспособности и по тому, что, какъ кажется, былъ также подкупленъ Югуртой, столько же и по причинѣ искусныхъ дѣйствій этого послѣдняго. Желая единственно выиграть время, Югурта то обѣщалъ сдаться и вслѣдъ затѣмъ изъявлялъ недовѣрчивость, то искусно пользуясь мѣстностью, бѣжалъ передъ римскою арміей, либо сильно тѣснилъ ее, дабы не давать собственнымъ войскамъ упадать духомъ, и такими перемежавшимися политическими и военными хитростями только обманывалъ Албина и дѣлалъ всѣ его усилія ничтожными. Когда же Албинъ зимою отправился въ Римъ на выборы, передавъ начальствованіе арміей брату своему, неспособному, но самолюбивому претору Авлу, тогда дѣйствія Югурты имѣли еще большій успѣхъ. Корыстолюбіе заставило Авла осадить крѣпость Сутулъ, въ которой находились Югуртовы сокровища. Югурта дѣйствовалъ съ такою хитростью и искуствомъ, то вступая въ переговоры, то обращаясь въ бѣгство, что сначала увеличилъ тѣмъ самонадѣянность и ослѣпленіе Авла, а потомъ успѣлъ склонить его къ снятію осады и послѣдованію за нимъ въ отдаленное отъ Сутула мѣсто, гдѣ обѣщалъ заключить съ нимъ тайный договоръ. При этомъ онъ успѣлъ даже склонить частъ союзныхъ войскъ и нѣсколькихъ римлянъ въ рим-

ской арміи къ содѣйствію ему, и когда вслѣдъ затѣмъ ночью внезапно напалъ на лагерь этой арміи, то одинъ изъ старшихъ римскихъ центуріоновъ отворилъ ему ворота, а нѣсколько манипулъ лигурійскихъ и ѳракійскихъ немедленно передались ему. Лагерь былъ взятъ и разграбленъ, а Авлъ съ частью арміи отступилъ на сосѣдственную высоту, и, чтобы, только спасти жизнь свою, малодушно согласился на заключеніе постыднаго для римлянъ мира, съ условіемъ пройти съ войсками подъ игомъ и въ 10 дней очистить Нумидію (109). Сильное неудовольствіе народа въ Римѣ побудило сенатъ объявить договоръ Авла съ Югуртой недѣйствительнымъ и послать Албина обратно въ Африку. Но по прибытіи туда, Албинъ нашелъ римскую армію уже въ римской (бывшей карѳагенской) Африкѣ и въ такихъ ужасныхъ разстройствѣ и безпорядкѣ, что не отважился повесть ее противъ Югурты.

Наконецъ сенатъ, опасаясь народа, рѣшился послать противъ Югурты консула Кв. Цецилія Метелла, гордаго патриція, но полководца способнаго, искуснаго и главное—чуждаго разврата и корыстолюбія, честнаго и неподкупнаго. Съ этого времени война получаетъ совсѣмъ другой видъ и характеръ, и становится гораздо занимательнѣе.

§ 216.

Дѣйствія Метелла и Югурты (109—107).

Взявъ съ собою легатами Марія и Рутилія, которые оба, особенно первый, были отличными военными людьми, Метеллъ, по прибытіи въ Африку, прежде всего изгналъ изъ римской арміи роскошь и развратъ, уменьшилъ въ ней тяжести и обозы, безпрестанно переводилъ ее съ мѣста на мѣсто по труднымъ дорогамъ, заставлялъ ее постоянно и тщательно укрѣплять свои лагери и въ точности исправлять службу въ нихъ, а въ походныхъ движеніяхъ слѣдовать въ величайшемъ порядкѣ и со всевозможными предосторожностями, и всѣми этими средствами вскорѣ возстановилъ въ ней строгіе военные подчиненность и порядокъ и хорошій военный духъ.

Свѣдавъ объ этомъ и о неподкупности Метелла, Югурта пришелъ

въ сильное безпокойство и прибѣгнулъ къ переговорамъ, прося только, чтобы ему и дѣтямъ его была сохранена жизнь, а все остальное предоставляя римлянамъ. Метеллъ, дѣйствуя хитростью противъ хитрости, гласно соглашался на предложенія Югурты, но втайнѣ убѣждалъ пословъ его выдать его живымъ или мертвымъ, а между тѣмъ вступилъ въ Нумидію и шелъ по ней съ величайшею осторожностью, не смотря на то, что находилъ страну и жителей ея мирно расположенными. Въ городѣ Ваккѣ, одномъ изъ самыхъ торговыхъ и богатыхъ въ Нумидіи, онъ оставилъ гарнизонъ, дабы съ одной стороны воспользоваться выгодами этого пункта, а съ другой—проникнуть истинныя намѣренія Югурты. Вскорѣ послѣдній, видя, что Метеллъ хочетъ побѣдить его собственнымъ же его средствомъ, т. е. хитростью, принужденъ былъ снова прибѣгнуть къ оружію и, собравъ многочисленное войско, поставилъ его на берегу рѣки Мутула, на пути слѣдованія Метелла, въ засаду. Въ происшедшемъ вслѣдствіе того бою, на сторонѣ Югурты были выгоды внезапности нападенія и удобствъ мѣстности для этого и для дѣйствій конницы, а на сторонѣ Метелла—выгоды превосходныхъ: устройства, духа и храбрости его войскъ, которыя и рѣшили наконецъ побѣду въ его пользу. Въ то же время, и Рутилій, посланный Метелломъ съ частью войскъ впередъ для разбивки лагеря, былъ атакованъ Бомилькаромъ съ частью же войскъ Югурты, но успѣшно отразилъ его. Войско Югурты разсѣялось, а самъ Югурта, съ малымъ числомъ тѣлохранителей, удалился въ такую часть страны, которая была покрыта почти непроходимыми лѣсами, и началъ собирать въ ней новое, сильнѣйшее войско, но составленное большею частью изъ невѣжественныхъ въ военномъ дѣлѣ сельскихъ жителей. Метеллъ, узнавъ объ этомъ чрезъ лазутчиковъ и видя, что ему предстояло вести невыгодную войну, въ которой непріятель долженъ былъ имѣть на своей сторонѣ знаніе и всѣ выгоды мѣстности и, даже побѣжденный, терять менѣе людей, нежели побѣдитель, положилъ измѣнить свой образъ дѣйствій и не вступать болѣе въ бой. Вступивъ въ богатѣйшія области Нумидіи, онъ опустошилъ ихъ огнемъ и мечомъ, взялъ и сжегъ многіе, слабо укрѣпленные либо незанятые войсками города и замки, истребилъ все, способное носить оружіе и сражаться, народонаселеніе, и пре-

далъ край войскамъ своимъ на разграбленіе. Эта жестокая, истребительная война имѣла слѣдствіемъ то, что Метеллу отвсюду стали выдавать заложниковъ и поставлять продовольствіе и военные запасы, и всѣ города стали принимать римскіе гарнизоны.

Югурта, устрашенный этимъ еще болѣе, нежели предшествовавшимъ пораженіемъ своимъ, не упалъ однако духомъ и снова прибѣгнулъ къ обычнымъ своимъ хитростямъ. Оставивъ въ лагерѣ своемъ бо́льшую часть войска, самъ онъ съ отборною конницей усиленными ночными переходами по окольнымъ путямъ двинулся вслѣдъ за Метелломъ и, улучивъ такое время, когда римскія войска, полагая, что онъ далеко отъ нихъ, были разсѣяны въ полѣ для фуражированія, внезапно и стремительно напалъ на нихъ, множество истребилъ и взялъ въ плѣнъ и затѣмъ столь же быстро отступилъ на сосѣднія высоты, еще прежде, нежели римскимъ фуражирамъ могла быть подана изъ ихъ лагеря надлежащая помощь. Это заставило Метелла усугубить предосторожность на фуражировкахъ, поддерживая фуражировъ сильнымъ отрядомъ пѣхоты и всею конницей. Между тѣмъ, имѣя въ виду распространить разореніе и ужасъ на большемъ еще протяженіи края, онъ раздѣлилъ армію свою на двѣ половины, изъ которыхъ одною начальствовалъ самъ, а другою Марій; онѣ слѣдовали различными дорогами, но въ близкомъ одна отъ другой разстояніи, такъ что въ случаѣ боя легко и скоро могли соединиться, и обѣ все на пути предавали огню. Югурта слѣдовалъ за ними вдоль по высотамъ и безпрестанно улучалъ удобные: время, случай и мѣсто для нападенія на нихъ, тревожилъ то одну, то другую, нападалъ отъ времени до времени на заднія войска и немедленно отступалъ на высоты, и никогда не вступая съ римлянами въ общій бой, не давалъ имъ покоя, утомлялъ ихъ и сверхъ того разорялъ мѣста, чрезъ которыя они должны были слѣдовать, истреблялъ запасы и фуражъ, и приводилъ воду малочисленныхъ колодезей и ключей въ негодность къ питью.

Такого рода дѣйствія имѣли слѣдствіемъ то, что Метеллъ, утомясь и наскуча ими, былъ наконецъ принужденъ искать боя. Но Югурта тщательно избѣгалъ его, и Метеллъ, чтобы принудить его къ нему, послалъ Марія къ Замѣ и самъ послѣдовалъ за нимъ, дабы

осадить этотъ сильно-укрѣпленный городъ. Югурта, извѣщенный о томъ римскими переметчиками, быстрымъ движеніемъ предупредилъ римлянъ при Замѣ и, убѣдивъ жителей упорно обороняться, оставилъ имъ для этого всѣхъ римскихъ переметчиковъ, которые не могли ждать отъ Метелла никакой пощады, обѣщалъ имъ, въ случаѣ надобности, прибыть съ значительными силами на помощь и затѣмъ удалился въ неудободоступныя мѣста, зорко наблюдая за римлянами. По приближеніи Марія, онъ внезапно и стремительно напалъ на него, однако былъ отбитъ, а Метеллъ, соединясь съ Маріемъ подъ Замой, обложилъ этотъ городъ, расположенный въ равнинѣ, и двинулъ войска на приступъ. Пока обѣ стороны сражались съ большимъ упорствомъ, Югурта напалъ на лагерь римской арміи, ворвался въ него и часть находившихся въ немъ войскъ истребилъ или ранилъ, а всѣ остальныя бѣжали къ арміи, нападавшей на Заму. Но Метеллъ немедленно послалъ Марія съ конницей и частью союзной пѣхоты противъ Югурты, и послѣдній по приближеніи ихъ отступилъ. На слѣдующій день снова Метеллъ произвелъ приступъ къ Замѣ, а Югурта напалъ на римскій лагерь, и снова тотъ и другой безъ успѣха: ночь прекратила приступъ, а Югурта отступилъ. Приближеніе осени, сильное оборонительное положеніе Замы и образъ веденія Югуртой войны принудили Метелла снять обложеніе Замы и, поставивъ гарнизоны въ *отложившихся* отъ Югурты городахъ Нумидіи, расположиться на зиму въ римской Африкѣ. Здѣсь онъ снова прибѣгнулъ къ прежнимъ, недостойнымъ его, средствамъ окончить войну, убѣждая Бомилькара, пользовавшагося сообществомъ и особымъ довѣріемъ Югурты, выдать послѣдняго живымъ или мертвымъ. Бомилькаръ убѣдилъ Югурту безусловно покориться со всѣмъ своимъ царствомъ римлянамъ, вмѣсто того, чтобы продолжать губительную для него войну, и по требованію Метелла, Югурта выдалъ ему 200,000 фунтовъ серебра, всѣхъ слоновъ, часть оружія и лошадей, и бóльшую часть римскихъ переметчиковъ (остальные спаслись бѣгствомъ къ Бокху, царю мавританскому). Но когда вслѣдъ затѣмъ Метеллъ потребовалъ, чтобы Югурта лично прибылъ въ станъ римской арміи, тогда страхъ мщенія римлянъ принудилъ его снова прибѣгнуть къ

оружію и онъ съ величайшимъ напряженіемъ силъ началъ готовиться къ возобновленію войны (108).

Между тѣмъ Метеллу было продолжено начальствованіе въ Африкѣ съ званіемъ проконсула. Узнавъ, что жители Вакки, по наущенію Югурты, истребили весь римскій гарнизонъ, онъ немедленно двинулся туда съ однимъ легіономъ и отрядомъ нумидійской конницы, и неожиданно подступивъ къ городу, предалъ его войскамъ на разграбленіе и потомъ сжегъ, а жителей истребилъ. При этомъ случаѣ между Метелломъ и Маріемъ впервые произошелъ явный раздоръ. Гордый патрицій Метеллъ отвѣчалъ горькою насмѣшкой на просьбу Марія, родомъ плебея, дать ему отпускъ въ Римъ, дабы искать консульства, однако, по неотступнымъ его просьбамъ, наконецъ уволилъ его, въ твердомъ убѣжденіи, что онъ въ консулы избранъ не будетъ.

Югурта съ своей стороны открылъ заговоръ Бомилькара противъ его жизни и предалъ его смерти, но съ тѣхъ поръ, не довѣряя болѣе никому и опасаясь всѣхъ, безпрестанно перемѣнялъ мѣстопребываніе и лагери свои, переходилъ съ одного мѣста на другое, однихъ изъ приближенныхъ къ нему лицъ умертвилъ, а другихъ принудилъ бѣжать къ римлянамъ или Бокху, и то искалъ непріятеля и боя, то вдругъ бѣжалъ въ отдаленныя мѣста и постоянно былъ въ нерѣшимости и отчаяніи. Метеллъ дѣятельно преслѣдовалъ его (107) и, произведя на него нечаянное нападеніе, опрокинулъ и разсѣялъ его войско, а самъ Югурта спасся бѣгствомъ въ городъ Эалу, гдѣ находились его дѣти и бо́льшая часть его сокровищъ. Въ надеждѣ завоеваніемъ этого города положить конецъ войнѣ, Метеллъ двинулся къ нему вслѣдъ за Югуртой, хотя и долженъ былъ для этого довольно долго идти страною безплодною и безводною, и везти съ собою нужную воду въ мѣхахъ. Быстрое и неожиданное прибытіе его къ Эалѣ чрезвычайно изумило и устрашило Югурту и жителей города, и первый изъ нихъ, видя, что ничто не въ состояніи удержать Метелла, ночью бѣжалъ съ своими дѣтьми и большею частію своихъ сокровищъ въ степи къ гэтуламъ, народу дикому, не знавшему еще не только оружія, но даже и имени римскаго. Эала же, сильно укрѣпленная и природою, и искуствомъ, была осаждена Метелломъ и взята

имъ по 40-дневной, трудной осадѣ и мужественной, упорной оборонѣ. Богатая добыча, которую римляне надѣялись захватить въ ней, была однако потеряна для нихъ: римскіе переметчики сами сожгли себя въ царскомъ дворцѣ, съ остатками сокровищъ Югурты и всѣмъ, что ни было драгоцѣннаго въ городѣ.

Между тѣмъ Югурта набралъ изъ гэтуловъ войско, которому успѣлъ, хотя и съ большимъ трудомъ, дать нѣсколько правильное устройство и установить въ немъ военные подчиненность и порядокъ. Въ то же время онъ склонилъ и тестя своего, мавританскаго царя Бокха, къ союзу съ нимъ и войнѣ противъ римлянъ. Соединивъ свои войска, Югурта и Бокхъ двинулись къ Циртѣ, въ которой Метеллъ, по возвращеніи изъ Эалы, сложилъ свою добычу и оставилъ плѣнниковъ и тяжести арміи. Движеніемъ къ Циртѣ Югурта имѣлъ въ виду, либо взять этотъ городъ, либо принудить Метелла къ бою при немъ, и во всякомъ случаѣ поставить Бокха въ такое въ отношеніи къ римлянамъ положеніе, чтобъ ему невозможно было болѣе отступиться отъ Югурты и примириться съ римлянами. Метеллъ дѣйствительно поспѣшилъ на помощь къ Циртѣ, но уклонился отъ боя, запершись въ сильно-укрѣпленномъ лагерѣ и положивъ прежде развѣдать надлежащимъ образомъ силы и свойства войскъ Югурты и Бокха. Вскорѣ однако онъ узналъ о назначеніи Марія, избраннаго въ консулы, на его мѣсто—и глубокая горесть, причиненная ему мыслію, что плоды его побѣдъ пожнетъ плебей и личный врагъ его, Марій, заставила его совершенно измѣнить свои намѣренія и дѣйствія. Онъ немедленно вступилъ съ Бокхомъ въ переговоры, стараясь склонить его къ прекращенію войны, которая могла быть только крайне невыгодною для него, и къ предоставленію Югурты собственной, несчастной участи его. При этомъ цѣлью его было только выиграть время, привести Бокха и Югурту въ бездѣйствіе и до прибытія Марія не предпринимать ничего рѣшительнаго—и этой своекорыстной цѣли онъ достигнулъ вполнѣ.

§ 217.

Дѣйствія Марія и Югурты (107—106).

Отправивъ въ Утику легата своего, Манлія, съ продовольствіемъ и оружіемъ для арміи и съ военною казною и набравъ войска, какъ было сказано выше (въ главѣ XXXI § 203), изъ бѣднѣйшихъ гражданъ, вольноотпущенниковъ и рабовъ, Марій вскорѣ прибылъ также въ Утику (107). Здѣсь онъ принялъ отъ легата Метеллова, Рутилія, начальствованіе надъ римскою арміею, находившеюся въ Африкѣ, потому что самъ Метеллъ уклонился отъ встрѣчи съ нимъ и отправился въ Римъ, гдѣ былъ удостоенъ тріумфа и прозванія нумидійскаго.

Приведя римскіе и союзные легіоны въ полный составъ, Марій повелъ армію въ плодородную, изобильную и богатую часть Нумидіи, всю взятую въ ней добычу отдалъ войскамъ, взялъ открытою силой нѣсколько слабо-укрѣпленныхъ городовъ и замковъ, и имѣлъ съ непріятелемъ нѣсколько легкихъ, но удачныхъ стычекъ въ полѣ. Этимъ онъ въ самомъ скоромъ времени снискалъ любовь и преданность цѣлой арміи, а новонабраннымъ войскамъ доставилъ возможность пріобрѣсть нѣкоторую, необходимую, военную опытность и возвысилъ въ нихъ одержанными успѣхами духъ. Тогда уже онъ положилъ произвесть предпріятіе болѣе важное, именно овладѣть, посредствомъ нечаяннаго нападенія, городомъ Капсой, который постоянно оставался вѣрнымъ Югуртѣ и былъ для него чрезвычайно важенъ, такъ какъ по крѣпости мѣстнаго своего положенія, силѣ своихъ укрѣпленій, многолюдству и изобилію въ продовольствіи и военныхъ способахъ, считался неодолимымъ, тѣмъ болѣе, что лежалъ въ странѣ пустынной, безплодной и наполненной ядовитыми змѣями. Но Марій вѣрно сообразилъ, что эти причины именно и долженствовали способствовать успѣшному исполненію его предпріятія, удаливъ отъ жителей Капсы всякое опасеніе, а вслѣдствіе того и всякую осторожность. Поэтому онъ и хранилъ свое намѣреніе въ величайшей тайнѣ, но принялъ всевозможныя мѣры предосторожности: забралъ въ краю весь домашній скотъ и отдалъ его на сохраненіе союзной

конницѣ, съ приказаніемъ постоянно гнать его за арміей; каждый день извѣстная часть этого скота раздавалась войску въ пищу, а изъ шкуръ дѣлали мѣхи для перевозки воды. На 6-я сутки армія прибыла на берега рѣки Таны: здѣсь устроенъ былъ укрѣпленный лагерь и въ немъ оставлены всѣ тяжести, а весь вьючный скотъ навьюченъ мѣхами съ водою и сверхъ того каждый изъ воиновъ взялъ по нѣскольку оныхъ на себя, и армія, слѣдуя по ночамъ, а днемъ отдыхая, въ 3-ю ночь приблизилась къ Капсѣ и была расположена Маріемъ скрытно между множествомъ небольшихъ холмовъ и высотъ. На разсвѣтѣ же Марій приказалъ конницѣ и части легкой пѣхоты быстро двинуться къ Капсѣ и овладѣть городскими воротами. Изумленные и устрашенные такимъ неожиданнымъ нападеніемъ, жители Капсы сдались и изъ нихъ способные носить оружіе и сражаться были истреблены, прочіе проданы въ рабство, добыча раздѣлена между войсками, а городъ сожженъ. Такая жестокость, говоритъ Саллустій, была противна законамъ войны, но Марій употребилъ ее потому, что Капса была весьма важна для Югурты, подступъ къ ней былъ весьма труденъ для римлянъ, и эти послѣдніе имѣли дѣло съ народомъ непостояннымъ и невѣрнымъ, котораго невозможно было удержать ни кротостью, ни страхомъ. За всѣмъ тѣмъ Марій могъ бы, кажется, ограничиться только разрушеніемъ города или его укрѣпленій. Какъ бы то ни было, взятіе его имѣло чрезвычайное вліяніе и на нумидянъ, и на собственную его армію, устрашивъ первыхъ, усиливъ довѣріе и преданность къ нему послѣдней, и увеличивъ его славу. Послѣ того онъ силой взялъ еще многіе другіе города, а покинутые жителями сжегъ, опустошилъ край огнемъ и мечомъ и наконецъ осадилъ небольшой замокъ, расположенный близъ рѣки Мулухи (составлявшей границу между владѣніями Югурты и Бокха), посреди обширной равнины, на вершинѣ необыкновенно высокой, конусообразной скалы, и доступный только по одной узкой дорогѣ.

Въ этомъ замкѣ, въ изобиліи снабженномъ продовольствіемъ и имѣвшемъ достаточно воды для гарнизона, Югурта скрылъ свои сокровища. Чрезвычайная трудность подступа къ нему, земляныхъ работъ, подвоза и употребленія осадныхъ машинъ и орудій, и не-

обыкновенныя удобства обороны, содѣлали осаду его столь трудною, что послѣ нѣсколькихъ дней безполезныхъ усилій, стоившихъ римлянамъ значительной потери въ людяхъ, Марій нашелся въ большомъ затрудненіи и не зналъ, продолжать-ли ему или снять осаду. Но удивительное счастіе, сопровождавшее всѣ его предпріятія, благопріятствовало ему и въ этомъ случаѣ. Одинъ римскій воинъ случайно и удачно, хотя и съ трудомъ, взобрался на самый верхъ скалы и нашелъ, что за́мокъ съ этой стороны былъ безъ защиты, потому что весь гарнизонъ былъ обращенъ въ ту сторону, съ которой Марій велъ осаду. Послѣдній немедленно послалъ туда 4 манипулы, и когда онѣ безпрепятственно взобрались на скалу, онъ съ своей стороны повелъ войска на приступъ и, преодолѣвъ всѣ препятствія, ворвался въ за́мокъ въ то самое время, когда гарнизонъ, атакованный врасплохъ съ тыла, въ страхѣ и смятеніи помышлялъ только о своемъ спасеніи. Истребивъ всѣхъ, которые не успѣли спастись, Марій такимъ образомъ овладѣлъ за́мкомъ, который считался совершенно неприступнымъ.

Вскорѣ послѣ того къ нему присоединился, съ многочисленною римскою и союзною конницей, квесторъ его и знаменитый въ послѣдствіи политическій и военный соперникъ его, Силла (или Сулла). Еще молодой и неопытный въ военномъ дѣлѣ, онъ вскорѣ однако успѣлъ, какъ необыкновенными своими дарованіями, мужествомъ и храбростью, такъ и вкрадчивымъ обхожденіемъ, вполнѣ снискать довѣріе и расположеніе войскъ и самого Марія.

Между тѣмъ Югурта употреблялъ всевозможныя усилія для того, чтобы склонить Бокха къ вступленію въ бой съ Маріемъ, потому что, потерявъ лучшія свои крѣпости и за́мки и бо́льшую часть своихъ сокровищъ, видѣлъ рѣшительную невозможность вести долѣе войну и необходимость непремѣнно вступить въ общій бой съ Маріемъ, либо подвергнуться отторженію своихъ владѣній по частямъ, безъ помощи Бокха же въ бой съ Маріемъ вступить не могъ. Наконецъ, подкупомъ приближенныхъ Бокха и обѣщаніемъ ему уступки третьей части Нумидіи, если римляне будутъ изгнаны изъ Африки, Югурта успѣлъ склонить его къ вступленію въ бой. Бокхъ присоединился къ нему съ многочисленнымъ войскомъ и въ то самое

время, когда Марій находился на походѣ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ уже хотѣлъ расположить армію свою на зиму, Югурта и Бокхъ напали на него подъ вечеръ совершенно врасплохъ, окружили его армію, привели ее въ разстройство и безпорядокъ, и въ бою, продолжавшемся до поздней ночи, нанесли ей большой уронъ. Марій нимало не потерялъ однако присутствія духа, ободрялъ, устраивалъ, поддерживалъ свои войска, и успѣлъ наконецъ отвесть всю армію на два, одинъ близъ другаго лежавшіе холма, на которыхъ немедленно укрѣпился. На разсвѣтѣ же онъ вышелъ изъ лагеря и, стремительно напавъ на окружившихъ его, но оплошныхъ, полусонныхъ нумидянъ и гэтуловъ, въ свою очередь привелъ ихъ въ ужасные смятеніе и безпорядокъ, обратилъ въ бѣгство, множество истребилъ, захватилъ большое количество оружія, знаменъ и богатую добычу и затѣмъ продолжалъ походъ въ прежнемъ направленіи, но съ бо̀льшими предосторожностями. Въ этомъ случаѣ, какъ и вообще въ продолженіи всего начальствованія своего въ Африкѣ, онъ поддерживалъ въ войскѣ военный порядокъ болѣе честью и соревнованіемъ, нежели строгостью и наказаніями, и этимъ еще болѣе привязалъ къ себѣ войска. По 4-хъ-дневномъ походѣ, онъ прибылъ къ Циртѣ и здѣсь Югурта и Бокхъ снова внезапно напали на него съ четырехъ сторонъ вдругъ. Но Марій былъ готовъ къ принятію боя и съ успѣхомъ отразилъ Югурту и Бокха, нанеся имъ большой уронъ.

Это вторичное пораженіе поколебало рѣшимость Бокха и побудило его втайнѣ, чрезъ посредство Силлы и Манлія, вступить съ Маріемъ въ переговоры. Марій согласился заключить съ нимъ перемиріе и дозволилъ ему отправить пословъ въ Римъ для заключенія мира. Въ слѣдующемъ 106 году послы возвратились съ отвѣтомъ, что сенатъ и народъ римскіе не забываютъ ни услугъ, ни оскорбленій, и что такъ какъ Бокхъ раскаивается, то они даруютъ ему прощеніе; дружбу же ихъ и союзъ съ ними онъ долженъ прежде заслужить. Силла, посланный Маріемъ (которому было продолжено начальствованіе въ Африкѣ) къ Бокху для переговоровъ, объяснилъ послѣднему, какимъ средствомъ онъ долженъ былъ заслужить дружбу и союзъ съ римлянами, а именно —

выдачей Югурты римлянамъ. По долгомъ колебаніи, Бокхъ, изъ страха римлянъ, согласился и выдалъ Югурту Марію, который и отправилъ его въ Римъ.

Такъ кончилась война, въ которой Югурта, Метеллъ и Марій дѣйствовали равно искусно, но честь окончанія которой не принадлежала однако ни Метеллу, ни Марію, а Силлѣ, искуствомъ въ переговорахъ успѣвшему склонить Бокха къ вѣроломному предательству Югурты. Это и сдѣлалось причиной взаимной, непримиримой вражды Марія и Силлы и соперничества ихъ, стоившаго Риму много крови.

II.

Война съ кимврами и тевтонами (113—101).

§ 218.

Нашествіе кимвровъ и тевтоновъ;—сраженіе при Нореѣ;—дѣйствія въ трансальпинской Галліи;—сраженіе при р. Роданѣ (114—105).

Первое движеніе кимвровъ и тевтоновъ изъ сѣверной Германіи, отъ береговъ германскаго океана, гдѣ они обитали, на югъ къ среднему Дунаю, относится къ 640 году отъ основанія Рима или 114 году передъ Р. Х. Цѣлію его было переселеніе съ суроваго сѣвера въ благословенный югъ, изъ страны бѣдной въ страны, богатыя дарами природы и промышленностью людей. Поэтому кимвры и тевтоны двинулись на югъ не съ одною только вооруженною силой или войскомъ, но съ семействами и имуществомъ своими. Полагаютъ, что всѣхъ ихъ въ совокупности, съ женщинами и дѣтьми, было болѣе 300.000 душъ. Отраженные боіями, обитавшими въ нынѣшней Богеміи, они перешли черезъ средній Дунай (вѣроятно въ нынѣшней Венгріи), проникли до земель скордисковъ (на нынѣшней рѣкѣ Савѣ), а отсюда, обратясь къ западу, вступили въ земли таврисковъ (позднѣйшій Норикъ, Noricum, нынѣ Штирія) и здѣсь въ 113 году впервые пришли въ столкновеніе съ римлянами. Приближеніе ихъ

къ сѣверо-восточнымъ предѣламъ цизальпинской Галліи побудило римскій сенатъ послать консула Папирія Корбона съ арміей, для прегражденія имъ въ норическихъ Альпахъ пути въ цизальпинскую Галлію. Занявъ проходы въ этихъ горахъ и узнавъ, что кимвры и тевтоны намѣреваются идти не къ юго-западу, а къ западу, Папирій, вмѣсто того, чтобы ограничиться даннымъ ему назначеніемъ, отправилъ къ кимврамъ и тевтонамъ пословъ съ угрозами за то, что они разоряютъ земли таврисковъ, находившихся будто бы въ союзѣ съ Римомъ. Кимвры и тевтоны отвѣчали, что, не имѣя намѣренія дѣйствовать непріязненно ни противъ одного народа, союзнаго съ Римомъ, выйдутъ изъ Норика и пойдутъ въ такія земли, которыя въ связяхъ съ Римомъ не находятся. Папирій вообразилъ себѣ, что это было слѣдствіемъ страха, внушаемаго кимврамъ и тевтонамъ именемъ римлянъ, и вздумалъ произвесть на нихъ нечаянное нападеніе и разбить ихъ. Скрытно двинувшись противъ нихъ, онъ дѣйствительно напалъ на нихъ ночью врасплохъ при городѣ Нореіѣ (лежавшемъ, какъ полагаютъ, на границахъ нынѣшнихъ Штиріи и Каринтіи), но былъ мужественно отраженъ, понесъ большой уронъ и еслибы не проливной дождь, прекратившій бой, и то обстоятельство, что кимвры и тевтоны не преслѣдовали Папирія, а двинулись на западъ въ Гельвецію, то вся Папиріева армія неминуемо была бы истреблена.

Изъ дальнѣйшихъ дѣйствій кимвровъ и тевтоновъ извѣстно только то, что въ Гельвеціи къ нимъ присоединились два племени, тигуринцы и тугеніяне (обитавшіе въ нынѣшнихъ кантонахъ цюрихскомъ и цугскомъ), что затѣмъ всѣ четыре племени въ совокупности вступили въ трансальпинскую Галлію и стали жестоко грабить и разорять ее, но отраженные воинственными бельгами, обратились къ находившемуся въ римской провинціи, въ Галліи, консулу Силану съ просьбой дать имъ въ этой области земли для поселенія и съ предложеніемъ служить за то римлянамъ вспомогательными войсками. Но римскій сенатъ отказалъ въ томъ, не имѣя намѣренія водворять въ римскихъ владѣніяхъ людей столь опасныхъ. Въ отмщеніе кимвры и тевтоны напали на Силана и разбили его (109). Въ слѣдующемъ 108 году консулъ Аврелій Скавръ имѣлъ ту же участь, а въ 107 году тигу-

ринцы разбили въ земляхъ галловъ-аллоброговъ (въ юговосточной Галліи) римскую армію консула Кассія: самъ Кассій и легатъ его Пизонъ пали въ бою, а другой легатъ Попилій тѣмъ только успѣлъ спасти остатки арміи, что предоставилъ тигуринцамъ на разграбленіе всѣ тяжести и обозы, а самъ со всѣми войсками прошелъ подъ игомъ. Всѣ эти пораженія римлянъ были только началомъ другихъ, гораздо важнѣйшихъ и о которыхъ имѣется болѣе свѣдѣній. Римляне, какъ нарочно, назначили въ Галлію, въ 106-мъ году, высокомѣрнаго, запальчиваго и до крайности корыстолюбиваго консула Сервилія Цепіона, а въ 105 году — неспособнаго и порочнаго консула Маллія. Цепіонъ, овладѣвъ въ 106 году, посредствомъ тайныхъ сношеній съ нѣкоторыми изъ жителей, Толозой (нынѣ Тулуза), возставшей противъ римлянъ и присоединившеюся къ кимврамъ и тевтонамъ, разграбилъ ее и присвоилъ себѣ большую часть захваченнаго въ ней, знаменитаго въ древности, такъ-называемаго толозскаго золота, цѣною въ 15,000 талантовъ (около $18\frac{1}{2}$ *милліоновъ рублей* серебромъ). Но сенатъ не только не отозвалъ его, но и продолжилъ еще ему начальствованіе въ Галліи, съ званіемъ проконсула, а въ подкрѣпленіе послалъ Маллія съ арміей (105). Никогда согласіе между полководцами не было такъ нужно римлянамъ, какъ въ это время въ Галліи, и никогда, напротивъ, не было его менѣе, нежели между Цепіономъ и Малліемъ. Первый, хотя и проконсулъ, презиралъ послѣдняго, не смотря на то, что онъ былъ консуломъ, не хотѣлъ имѣть ничего общаго съ нимъ и совершенно отдѣлилъ себя отъ него Роданомъ. Безразсудство его было жестоко наказано. Кимвры и тевтоны, въ соединеніи съ галлами-тектосагами, ожесточенными разграбленіемъ Толозы, напали на консульскаго легата Аврелія Скавра и разбили начальствуемый имъ отрядъ, а его самого взяли въ плѣнъ. Это побудило Маллія просить Цепіона о присоединеніи къ нему, но Цепіонъ сначала грубо отказалъ, а потомъ, хотя и перешелъ черезъ Роданъ, но расположился въ отдѣльномъ лагерѣ между Малліемъ и между кимврами и тевтонами, дабы первому напасть на непріятеля и одному побѣдить его. Кимвры и тевтоны, вообразившіе, что Цепіонъ сблизился съ Малліемъ вслѣдствіе примиренія съ нимъ, послали просить мира. Цепіонъ принялъ пословъ чрезвычайно грубо

и едва не предалъ ихъ смерти. Затѣмъ, убѣжденный своими приближенными имѣть совѣщаніе съ Малліемъ, онъ не только ни въ чемъ не согласился, но и еще болѣе разсорился съ нимъ и въ спорахъ напрасно потерялъ много времени. Неизвѣстно, какъ послѣ того произошло сраженіе между римскими арміями и соединенными кимврами, тевтонами, тигуринцами, амбронами и галлами-тектосагами, и даже гдѣ именно оно произошло (полагаютъ, впрочемъ, что недалеко отъ нынѣшняго города Оранжа, Orange, на Ронѣ). Извѣстно только то, что кимвры, тевтоны и соединенныя съ ними племена, произведя жестокое въ рядахъ римлянъ кровопролитіе, истребили обѣ римскія арміи почти совершенно (въ бою легло, какъ говорятъ, до 80,000 римлянъ и союзниковъ), взяли оба ихъ лагеря и, поклявшись, передъ боемъ, принесть въ жертву богамъ своимъ все, что ни возьмутъ въ бою, золото и серебро бросили въ Роданъ, тяжести и обозы истребили, оружіе и доспѣхи переломали, лошадей потопили, а людей, оставшихся въ живыхъ, перевѣшали на деревьяхъ *). Затѣмъ они единогласно рѣшили немедленно идти черезъ Альпы въ Италію, дабы не дать римлянамъ времени опомниться, и нигдѣ не останавливаться и не водворяться, пока не разорятъ Италіи и не разрушатъ Рима. И еслибы это было въ точности исполнено, то Италіи и Риму, безъ сомнѣнія, угрожала бы величайшая опасность. Но неизвѣстно, по какой причинѣ кимвры и тевтоны, разоривъ всю страну между Роданомъ и Пиренеями, пошли въ Испанію.

Между тѣмъ вѣсть объ истребленіи арміи Маллія и Цепіона и ожиданіе, вслѣдствіе того, нашествія страшныхъ побѣдителей на Италію, произвели въ Римѣ неописанный ужасъ, увеличенный еще молвою о силѣ и звѣрскихъ видѣ и кровожадности германцовъ. Опасность и страхъ заставили однако римлянъ быть благоразумнѣе прежняго и, вопреки закону, другой годъ сряду единогласно избрать въ консулы отсутствовавшаго Марія, какъ единственнаго человѣка, который въ тогдашнихъ обстоятельствахъ былъ въ состояніи спасти

*) По Евтропію и Орозу, побѣду одержали только кимвры, тевтоны и союзные съ ними амброны и тигуринцы (тугеніяне передъ этимъ воротились въ Гельвецію), а по Плутарху наибольшая часть побѣды принадлежала амбронамъ, самымъ храбрымъ и страшнымъ изъ всего соединеннаго войска и которыхъ было 30,000 чел.

Италію и Римъ. До прибытія же его изъ Африки, консулъ Рутилій произвелъ наборъ войскъ и тщательно обучилъ ихъ (причемъ первый ввелъ обычай распредѣлять въ войска, для обученія ихъ, избранныхъ изъ гладіаторовъ учителей, подъ названіемъ cacupi doctores).

§ 219.

Дѣйствія Марія противъ кимвровъ и тевтоновъ; — сраженія при Аквахъ Секстійскихъ и при Верцеллахъ (102—101).

Прибывъ въ 104-мъ году въ Римъ и удостоенный въ немъ тріумфа, Марій вскорѣ отправился съ набранною и образованною Рутиліемъ арміей въ Галлію. Но не найдя уже болѣе въ ней кимвровъ и тевтоновъ, онъ употребилъ остальное время года на тщательнѣйшее еще обученіе войскъ и пріученіе ихъ къ трудамъ и военнымъ подчиненности и порядку, которые соблюдалъ весьма строго, всячески стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ снискать любовь и довѣріе войскъ, и во всемъ этомъ имѣлъ полный и совершенный успѣхъ. Въ это время, какъ полагаютъ, для занятія войскъ полезными работами, онъ употребилъ ихъ на вырытіе между моремъ и нижнимъ Роданомъ канала, получившаго названіе Маріева рва (Fossa Mariana). О военныхъ дѣйствіяхъ ихъ въ этомъ году извѣстно только то, что Силла, бывшій легатъ, разбилъ галловъ-тектосаговъ и взялъ въ плѣнъ вождя ихъ Копилла.

Въ 103 году Марій въ третій разъ сряду былъ избранъ въ консулы и сохранилъ начальствованіе въ Галліи. Но кимвры и тевтоны не возвращались еще изъ Испаніи и весь этотъ годъ прошелъ безъ всякихъ важныхъ въ Галліи событій, за исключеніемъ того, что Силла склонилъ марсовъ, народъ, какъ полагаютъ, германскаго происхожденія, отложиться отъ кимвровъ и тевтоновъ, и присоединиться къ римлянамъ.

Въ 102 году Марій въ четвертый разъ сряду былъ избранъ въ консулы, вмѣстѣ съ способнымъ и достойнымъ Лутаціемъ Катуломъ. Между тѣмъ какъ Марій находился въ Римѣ, кимвры, не имѣвъ успѣха въ Испаніи, гдѣ были разбиты цельтиберянами, во-

ротились съ тевтонами въ Галлію и, раздѣливъ свои силы, двинулись въ Италію по двумъ направленіямъ: кимвры и тигуринцы черезъ Гельвецію и Норикъ, а тевтоны и амброны черезъ римскую провинцію въ Галліи и черезъ Лигурію. Свѣдавъ о томъ, консулы также раздѣлили свои силы: Катулъ расположился близъ норическихъ Альповъ, а Марій при сліяніи Изары съ Роданомъ. Движеніе кимвровъ потребовало гораздо болѣе времени, нежели движеніе тевтоновъ, которые вскорѣ явились передъ Маріемъ. Чтобы пріучить войска къ страшному виду и крикамъ тевтоновъ, Марій долго не выходилъ изъ своего лагеря, не смотря ни на вызовы, насмѣшки и ругательства тевтоновъ, ни на живѣйшее желаніе римскихъ войскъ сразиться съ ними. Наскучивъ наконецъ бездѣйствіемъ, тевтоны напали на лагерь Марія, но, отраженные съ урономъ, рѣшились пройти мимо его къ Альпамъ и, по увѣренію римскихъ историковъ, шли 6 сутокъ безпрерывно, днемъ и ночью, что кажется нѣсколько преувеличеннымъ, хотя и не подлежитъ сомнѣнію, что тевтоновъ и амброновъ, съ семействами и обозами и, можетъ быть, стадами, было оченъ много. Когда они совершенно прошли и достаточно удалились, Марій послѣдовалъ за ними, располагаясь близъ нихъ всегда въ неудободоступныхъ мѣстахъ и укрѣпленныхъ лагеряхъ, и наконецъ при городѣ Аквы Секстійскія или воды Секстіевы (Aquae Sextiæ, нынѣ Aix, въ департаментѣ устьевъ Роны, во Франціи), въ недальнемъ разстояніи отъ Альповъ, рѣшился вступить съ ними въ бой. Но еще прежде, нежели армія его успѣла укрѣпить свой лагерь, бой завязался самъ собою на берегахъ рѣчки (нынѣ носящей названіе Arc), раздѣлявшей оба войска и изъ которой оба брали воду. Римляне опрокинули амброновъ съ урономъ чрезъ рѣчку къ ихъ лагерю. Здѣсь произошелъ упорный бой, въ которомъ самыя жены амброновъ сражались съ остервенѣніемъ и бо̀льшая часть амброновъ была истреблена. Наступленіе ночи принудило однако римлянъ отступить обратно за рѣчку. Ночью Марій поставилъ Марцелла съ 3,000 чел. пѣхоты въ засаду, въ лѣсахъ, оврагахъ и лощинахъ на берегахъ рѣчки, нѣсколько выше непріятельскаго лагеря, и приказалъ ему напасть на тевтоновъ съ тыла во время боя. Самъ же онъ на разсвѣтѣ поставилъ пѣхоту на высотахъ, а конницу

выслалъ впередъ въ долину, чтобы заманить тевтоновъ. Они дѣйствительно напали на римскую пѣхоту, но при всходѣ на высоты пришли въ растройство, были отражены, принуждены отступить и преслѣдованы, и въ это самое время Марцеллъ стремительно напалъ на нихъ съ тыла. Сильно атакованные спереди и сзади, тевтоны пришли въ совершенное разстройство и безпорядокъ, бросились бѣжать, были преслѣдованы и потеряли до 10,000 убитыми и взятыми въ плѣнъ (а по словамъ Тита Ливія—90,000 взятыми въ плѣнъ и 200,000 убитыми, но это, разумѣется, не заслуживаетъ никакой вѣры). Весь станъ тевтоновъ достался въ руки побѣдителей, и въ немъ огромная и богатѣйшая добыча, которую римская армія принесла, въ знакъ благодарности, въ даръ Марію, но онъ продалъ ее арміи за самую низкую цѣну и тѣмъ снискалъ еще большую любовь войскъ. Народъ же римскій избралъ его въ пятый разъ сряду въ консулы, съ назначеніемъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Катуломъ противъ кимвровъ, а сенатъ назначилъ ему большой тріумфъ (101), который онъ отложилъ однако до тѣхъ поръ, пока не побѣдитъ кимвровъ.

Послѣдніе прибыли между тѣмъ къ рэтійскимъ Альпамъ, въ земляхъ тридентинцевъ перешли черезъ этотъ горный хребетъ и двинулись внизъ по долинѣ рѣки Атезиса (нынѣ Адижъ). Катулъ, расположившійся съ своею арміей въ верховьяхъ рѣкъ, текущихъ изъ означеннаго горнаго хребта къ югу, отступилъ передъ кимврами внизъ по долинѣ Атезиса, дабы не раздѣлять своихъ силъ въ горахъ, и устроивъ одинъ большой лагерь на правомъ, а другой, меньшій, на лѣвомъ берегу рѣки, соединилъ ихъ мостомъ. Кимвры начали заваливать рѣку, для перехода черезъ нее, и тѣмъ едва не разрушили римскаго моста. При видѣ этого, войска Катула, находившіяся въ большомъ лагерѣ, пришли въ такой страхъ, что бѣжали за рѣку Падъ и увлекли за собою и Катула. Но войска, расположенныя въ маломъ лагерѣ, оборонялись въ немъ такъ храбро и упорно, что кимвры дали имъ, по свидѣтельству римскихъ историковъ, свободный пропускъ; вѣроятнѣе однако, что они успѣли пробиться сквозь окружавшихъ ихъ кимвровъ и затѣмъ отступили также за р. Падъ.

Еслибы немедленно послѣ того кимвры двинулись прямо къ Риму, то его ожидала, можетъ быть, такая же участь, какой за 300 лѣтъ передъ тѣмъ онъ подвергся при нашествіи галловъ. Но, къ счастію для него, кимвры, прельщенные изобиліемъ и богатствомъ края между Атезисомъ и Падомъ, остановились въ немъ, въ ожиданіи присоединенія тевтоновъ, о пораженіи которыхъ еще ничего не знали, и предались грабежу и невоздержности, что ослабило ихъ тѣлесныя и нравственныя силы, Катулу же и Марію дало время соединить свои арміи и перейти съ ними на лѣвую сторону р. Пада. Въ обѣихъ арміяхъ вмѣстѣ было всего 52,000 чел. пѣхоты и около 4,000 чел. конницы. Главное начальствованіе надъ ними ввѣрено было Марію.

Свѣдавъ о соединеніи Марія и Катула и о переходѣ ихъ черезъ рѣку Падъ, кимвры послали просить у нихъ земель для своего поселенія, но, получивъ отказъ и узнавъ о пораженіи тевтоновъ, потребовали назначенія времени и мѣста боя. Марій назначилъ бой на третій послѣ того день, на обширныхъ равнинахъ, носившихъ названіе равдійскихъ полей (campi Raudii), въ окрестностяхъ города Верцеллъ (Vercellae, нынѣ Верчелли, въ Піемонтѣ). Здѣсь Марій построилъ 20,000 чел. Катуловой пѣхоты въ серединѣ, а 32,000 чел. своей по флангамъ. Кимвры же, по свидѣтельству Катула, Силлы и Плутарха, построили свою многочисленную пѣхоту въ одну огромную, сомкнутую и глубокую фалангу, имѣвшую будто бы по 30-ти стадій (около $5^1/_4$ верстъ) въ каждомъ боку, что очень сомнительно. 15-ти тысячная, богато-вооруженная конница ихъ двинулась вправо, чтобы напасть на римлянъ съ лѣваго фланга въ то время, когда пѣхота ударитъ на нихъ съ фронта. При видѣ этого, часть римскихъ войскъ (вѣроятно лѣвое крыло), полагая, что конница кимвровъ бѣжитъ съ поля сраженія, бросилась преслѣдовать ее; остальныя же войска двинулись на встрѣчу пѣхотѣ кимвровъ. Поднявшаяся густая пыль, скрывавшая отъ римлянъ страшное множество кимвровъ, солнце, ударявшее послѣднимъ прямо въ лицо и ослѣплявшее ихъ, и наконецъ—сильный іюльскій зной, утомившій и ослабившій ихъ—все это чрезвычайно благопріятствовало римлянамъ. При первомъ ударѣ ихъ (большею частію пѣхоты

Катула), передніе ряды кимвровъ, связанные между собою цѣпями, были истреблены, а затѣмъ и задніе приведены въ разстройство, опрокинуты и преслѣдованы до своего лагеря. Здѣсь произошелъ вторичный и упорнѣйшій бой, въ которомъ жены кимвровъ, подобно женамъ амброновъ при Аквахъ Секстійскихъ, сражались съ яростью и ожесточеніемъ, но наконецъ кимвры были совершенно разбиты и большею частью истреблены или взяты въ плѣнъ (по свидѣтельству римскихъ историковъ, кимвровъ убито 14,000 чел., а взято въ плѣнъ 60,000 чел., но это также сомнительно, какъ и вышеприведенная потеря тевтоновъ). Наибольшая честь столь рѣшительнаго пораженія кимвровъ и столь блистательной побѣды римлянъ принадлежала Катулу и его войскамъ. Но народъ римскій приписалъ ее одному Марію и, въ признательность за спасеніе Рима и Италіи, присудилъ ему два тріумфа. Онъ удовольствовался однако однимъ и раздѣлилъ его съ Катуломъ.

III.

Война союзническая или марсійская (90—88).

§ 220.

Причины войны;—война въ 90 году.

Десять лѣтъ послѣ отраженія отъ римскихъ предѣловъ страшныхъ враговъ внѣшнихъ—кимвровъ и тевтоновъ, возстаніе противъ Рима не менѣе страшныхъ враговъ внутреннихъ — италійскихъ его союзниковъ, повлекло за собою непродолжительную, но чрезвычайно упорную и жестокую войну внутреннюю.

Давно уже италійскіе союзники Рима всячески домогались получить права римскаго гражданства, на которыя имѣли основательныя и справедливыя притязанія: ибо войска ихъ во всѣ времена составляли бóльшую часть римскихъ армій и значительно содѣйствовали завоеваніямъ римлянъ внѣ Италіи. Не смотря на то, союзники

были не только лишены этихъ правъ, но и постоянно обременяемы наборами, всякаго рода военными налогами, поставками и поборами. Кайй Семпроній Гракхъ первый предложилъ (въ 121 г.) законъ о дарованіи имъ полныхъ правъ римскаго гражданства; но сенатъ и аристократія рѣшительно воспротивились тому и онъ не успѣлъ привесть своего намѣренія въ исполненіе. После него народные демагоги, въ надеждѣ привлечь союзниковъ на свою сторону противъ сената и и аристократіи, слѣдовали его примѣру, но имѣли столь же мало успѣха. Наконецъ въ 91 году народный трибунъ Ливій Друзъ, снова предложившій законъ Гракховъ о союзникахъ, былъ убитъ, законъ, предложенный имъ, отринутъ и закономъ Варіевымъ (lex Varia) объявленъ виновнымъ въ уголовномъ преступленіи всякій, кто осмѣлится снова предложить законъ Гракховъ. Тогда пелигны, вестины, марруцины, пицентинцы, апулійцы, луканцы и въ главѣ всѣхъ ихъ марсы и самнитяне отложились отъ Рима, образовали независимую, союзную италійскую республику, главнымъ городомъ которой назначили Корфиній, подъ названіемъ Италика (Italicum), учредили въ немъ курію и сенатъ изъ 500 членовъ, избрали двухъ консуловъ: марса Силона Помпедія и самнитянина К. Папія Мутила, и въ самомъ непродолжительномъ времени собрали до 100,000 войскъ, отлично-устроенныхъ по-римски. Угрозы начальствовавшаго въ Пиценѣ Сервилія жителямъ города Аскула и убіеніе его этими послѣдними и съ нимъ всѣхъ находившихся въ Аскулѣ римлянъ (90) послужили знакомъ къ явному возстанію союзниковъ противъ Рима. Прежде однако, нежели начать войну, союзники отправили въ Римъ посольство, для представленія сенату въ послѣдній разъ справедливости своихъ требованій. Но сенатъ, вѣрный своему правилу—никогда и ни отъ кого не принимать закона, потребовалъ, чтобы союзники сначала покорились и, вслѣдствіе отказа ихъ, прибѣгнулъ къ чрезвычайнымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ. Республика была признана въ опасности, всѣ общественныя дѣла прекращены, правительственныя мѣста закрыты, гражданамъ, вмѣсто мирныхъ одеждъ (тоги), велѣно носить военныя (тунику), и Римъ превратился въ обширный военный лагерь. Оба консула, Юлій Цезарь и Рутилій Лупъ, оставивъ часть войскъ въ Римѣ, отправи-

лись—первый въ Самніи, а послѣдній въ земли марсовъ. Легатами при нихъ были Марій, Силла и многіе другіе способнѣйшіе и извѣстнѣйшіе изъ римскихъ военныхъ людей. Дѣйствующихъ полевыхъ войскъ, не считая гарнизоновъ, у римлянъ, какъ и у союзниковъ, было всего до 100,000 человѣкъ.

Союзники вели войну съ чрезвычайными упорствомъ и жестокостью, и сначала очень успѣшно. Успѣхамъ ихъ много способствовали общія усердіе и согласіе ихъ и, напротивъ, несогласія между римскими военноначальниками и отчасти оплошность и неосторожность ихъ. Марій благоразумно совѣтовалъ Рутилію противудѣйствовать союзникамъ медленіемъ и веденіемъ войны въ родѣ Фабіевой, съ одной стороны для того, чтобы дать охладѣть первому ихъ пылу, а съ другой потому, что римляне, имѣя за собою Римъ и вѣрные ему Лацій, Этрурію и Умбрію, не имѣли и впредь не могли имѣть недостатка въ продовольствіи, союзники же, напротивъ, ведя войну въ собственномъ краю, вскорѣ должны были подвергнуться голоду. Но Рутилій, человѣкъ завистливый и полководецъ неспособный, вообразивъ, что Марій хочетъ только продлить время до слѣдующаго года, дабы, бывъ избраннымъ въ 7-й разъ въ консулы, имѣть честь окончить войну, отринулъ его совѣтъ, сталъ искать боя—и былъ за то наказанъ пораженіемъ, нанесеннымъ ему изъ засады преторомъ союзниковъ, Воттіемъ Катономъ, въ бою на берегахъ рѣчки *Толена (Tolenus)*, въ земляхъ марсовъ (нынѣ Turano, въ Аббруццахъ). Въ этомъ бою погибло до 8,000 римлянъ и самъ Рутилій былъ смертельно раненъ. Но Марій, находившійся съ частью арміи по другую сторону Толена, умѣлъ вознаградить эту неудачу тѣмъ, что напалъ на беззащитный лагерь Воттія Катона и взялъ его со всѣми находившимися въ немъ тяжестями союзниковъ, такъ что Воттій Катонъ былъ принужденъ отступить, не извлекши никакой пользы изъ своей побѣды. Тѣмъ не менѣе вѣсть о пораженіи Рутилія произвела въ Римѣ сильный страхъ, увеличившійся еще, когда вскорѣ затѣмъ получено было извѣстіе, что легатъ Рутилія Цепіонъ, которому сенатъ ввѣрилъ начальствованіе надъ одною половиною Рутиліевой арміи (другую подчинивъ Марію), былъ лу-

каво заманенъ Помпедіемъ въ засаду, разбитъ и убитъ съ большею частію своихъ войскъ.

Но этимъ и ограничились успѣхи союзниковъ. Вскорѣ консулъ Юлій Цезарь одержалъ надъ ними побѣду, за которою уже послѣдовалъ почти непрерывный рядъ другихъ. Претерпѣнное Цезаремъ сначала небольшое, частное пораженіе заставило его быть болѣе осторожнымъ. Расположась въ укрѣпленномъ лагерѣ близъ осажденнаго самнитскимъ преторомъ Папіемъ города Ацерры въ Самніѣ, онъ уклонялся отъ боя, не выходилъ изъ лагеря и, атакованный въ немъ Папіемъ, отразилъ послѣдняго съ урономъ 6,000 чел. Вслѣдъ затѣмъ и въ Пиценѣ римскій преторъ Помпей разбилъ союзниковъ, и послѣ этихъ двухъ побѣдъ, въ Римѣ было велѣно снова надѣть мирныя одежды, т. е. республика признана внѣ опасности.

Между тѣмъ въ земляхъ марсовъ, по убіеніи Цепіона, сенатъ ввѣрилъ начальствованіе надъ всею Рутиліевою арміей Марію. Но или вслѣдствіе особенныхъ соображеній его, или потому, что онъ имѣлъ противъ себя марсовъ, самый воинственный и опасный изъ всѣхъ союзныхъ народовъ, или же потому, что уже начиналъ старѣть и не имѣлъ прежнихъ пылкости, бодрости и рѣшимости, только вообще Марій дѣйствовалъ весьма осторожно, медленно и нерѣшительно и не произвелъ ничего особенно замѣчательнаго. Отразивъ напавшихъ на него марсовъ, онъ опрокинулъ ихъ въ густые виноградники, но не преслѣдовалъ въ нихъ, изъ опасенія разстроить свои ряды. Силла же, находившійся по другую сторону виноградниковъ, довершилъ начатое Маріемъ и нанесъ марсамъ пораженіе и уронъ въ 6,000 чел. Вслѣдствіе того слава Марія очень упала, а слава Силлы напротивъ возрасла, и это еще болѣе усилило взаимную вражду ихъ.

Вообще всѣ происшедшія въ первый годъ (90) этой войны военныя дѣйствія, дѣла и сраженія и одержанныя въ немъ побѣды не имѣли рѣшительныхъ результатовъ, и война въ этомъ году была съ обѣихъ сторонъ ведена почти съ равными силами и успѣхомъ, но послѣ побѣды Помпея въ Пиценѣ перестала уже возбуждать опасенія римлянъ. Однако присоединеніе большей части умбровъ и части этрусковъ къ союзникамъ заставило римскій сенатъ даровать

латинянамъ и части умбровъ и этруссковъ, оставшимся вѣрными, права римскаго гражданства, дабы удержать и утвердить ихъ въ вѣрности Риму.

§ 221.

Война въ 89-мъ и 88-мъ годахъ.

Во второмъ году войны (89) перевѣсъ рѣшительно перешелъ на сторону римлянъ. Главныя дѣйствія происходили въ Пиценѣ, земляхъ марсовъ и гирпиновъ, Кампаніи и Самніѣ, и заключались въ осадахъ Аскула и Помпеи, и въ нѣсколькихъ полевыхъ сраженіяхъ, въ которыхъ успѣхъ остался на сторонѣ римлянъ. Осада консуломъ Помпеемъ (отцомъ знаменитаго въ послѣдствіи Помпея) Аскула въ Пиценѣ, мужественно и упорно обороняемаго полководцемъ союзниковъ Юдациліемъ, продолжалась почти цѣлый годъ и кончилась, по смерти Юдацилія, взятіемъ, разграбленіемъ и разрушеніемъ этого города. Другой консулъ Порцій сначала дѣйствовалъ удачно противъ марсовъ, но потомъ, при нападеніи на ихъ лагерь при Фуцинскомъ озерѣ, былъ съ урономъ отраженъ и убитъ. Однако легаты Мурена и Метеллъ Пій, послѣ многихъ, одержанныхъ надъ марсами успѣховъ, принудили ихъ подъ конецъ года покориться. Послѣ этого Помпедій, душа возстанія, перенесъ средоточіе союза въ городъ Эзерину, въ Самніѣ, и набравъ изъ свободныхъ людей и рабовъ до 50,000 чел. войскъ, не безъ успѣха держался съ ними еще нѣсколько времени.

Но особенно замѣчательны въ этомъ году дѣйствія Силлы. Начальствуя въ званіи легата войсками въ Кампаніи, онъ взялъ и разрушилъ городъ Стабіи и затѣмъ довольно долго осаждалъ Помпею. Во время этой осады, начальникъ находившагося по близости римскаго флота, Постумій Албинъ, былъ убитъ взбунтовавшимися войсками своими, и Силла, принявъ начальствованіе надъ флотомъ, оставилъ бунтъ и убійство Постумія безъ наказанія, съ своекорыстною цѣлью расположить въ свою пользу войско и народъ для выбора его въ консулы—первый подобнаго рода примѣръ, съ этого времени уже все чаще и чаще встрѣчающійся

въ военной исторіи римлянъ! Самнитское войско, подъ предводительствомъ претора союзниковъ Клуенція, прибывшее на помощь Помпеѣ, было разбито Силлой и принуждено отступить. Усилившись галльскими войсками, Клуенцій снова подступилъ къ Помпеѣ, и, снова разбитый Силлой, въ безпорядкѣ бѣжалъ къ Нолѣ. Силла преслѣдовалъ его быстро и сильно, и, не давъ ему опомниться, напалъ на него при Нолѣ и довершилъ его пораженіе, такъ что, по свидѣтельству (не совсѣмъ впрочемъ вѣроятному) историковъ этой войны, Клуенцій потерялъ въ первой битвѣ до 30,000, а во второй до 20,000 войскъ. За побѣду при Нолѣ войска Силлы поднесли ему обсидіональный вѣнокъ изъ травы (corona obsidionalis), составлявшій высшую награду полководца за спасеніе войска отъ опасности. Послѣ того Силла вступилъ въ земли гирпиновъ и, предавъ главный городъ ихъ, Экуланъ, войскамъ своимъ на разграбленіе, этимъ примѣромъ строгости принудилъ гирпиновъ покориться. Отсюда онъ двинулся въ Самній и, вступивъ съ арміей въ тѣсное ущелье близъ Эзерины, встрѣтилъ въ немъ Папія Мутила съ самнитскимъ войскомъ, но удачною хитростью успѣлъ выйти изъ этого труднаго положенія. Вступивъ съ Папіемъ въ переговоры о перемиріи, онъ произвелъ этимъ между самнитянами безпечность и оплошность, воспользовавшись которыми, ночью въ величайшей тишинѣ ускользнулъ изъ ущелья, но не удовольствовался тѣмъ, а сдѣлалъ обходъ и, напавъ на Папія съ такой стороны, съ которой онъ вовсе того не ожидалъ, разбилъ его и взялъ его лагерь. Затѣмъ онъ заключилъ блистательный походъ свой взятіемъ Бовіана въ Самніѣ. Этотъ городъ былъ сильно укрѣпленъ, имѣлъ три зáмка (цитадели) и былъ весьма важенъ тѣмъ, что въ немъ находилось общее собраніе самнитянъ. Силла произвелъ приступъ съ нѣсколькихъ сторонъ вдругъ и, черезъ три часа упорнаго боя, овладѣлъ городомъ.

Въ третьемъ и послѣднемъ году войны (88) италійскій союзъ былъ уже чрезвычайно слабъ и еще болѣе ослабѣлъ по смерти Помпедія, взявшаго обратно Бовіанъ, но потомъ разбитаго и убитаго въ большомъ бою, подробности котораго неизвѣстны. Одни вслѣдъ за другими покорились Риму всѣ (за исключеніемъ самни-

*

тянъ и луканцевъ, вскорѣ принявшихъ участіе въ междуусобной войнѣ Марія и Силлы, см. ниже главу XXXIV) возставшіе противъ него союзные италійскіе народы, достигнувшіе однако, не смотря на всѣ свои неудачи и пораженія и невыгодный для нихъ оборотъ войны, цѣли своего возстанія: по мѣрѣ того, какъ они покорялись, римскій сенатъ даровалъ имъ права римскаго гражданства.

Такъ кончилась война эта, носящая названіе союзнической или марсійской (по марсамъ, имѣвшимъ наиболѣе участія въ ней), чрезвычайно упорная, жестокая и кровопролитная, столь же замѣчательная и въ военномъ, сколько и въ политическомъ отношеніи. Ее можно считать первою междуусобною войною римлянъ, въ которой послѣдніе уже были принуждены сражаться, не съ народами и войсками, болѣе или менѣе уступавшими имъ въ военныхъ: устройствѣ, духѣ, порядкѣ и искуствѣ, но съ такими, которые стояли въ этихъ отношеніяхъ на совершенно равной съ ними степени, въ числительномъ отношеніи сначала имѣли также равныя съ ними силы и уступали имъ, можетъ быть, только въ предводительствованіи войсками. Дѣйствительно, хотя со стороны союзниковъ войсками предводительствовали болѣе или менѣе способные и искусные полководцы, какъ то: Веттій Катонъ, Мутилъ, Помпедій и нѣкоторые другіе имъ подобные, но главные дѣйствователи со стороны римлянъ въ этой войнѣ, Марій и Силла, одни изъ лучшихъ римскихъ полководцевъ этого времени, безспорно и по дарованіямъ, и по искуству стояли выше полководцевъ союзническихъ. Въ особенности отличился Силла, и ему по справедливости принадлежитъ наибольшая честь окончанія союзнической войны.

Къ сожалѣнію однако, ни объ одной, можетъ быть, изъ войнъ римлянъ во времена республики нѣтъ такихъ скудныхъ и неудовлетворительныхъ въ военномъ отношеніи свѣдѣній (не исключая даже находящихся въ исторіи Аппіана), какъ о войнѣ союзнической. Въ противномъ случаѣ изученіе оной, безъ всякаго сомнѣнія, представило бы много занимательнаго и поучительнаго.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ВОЙНЫ РИМЛЯНЪ ВО ВРЕМЕНА МЕЖДУУСОБІЙ (133—30).

(Продолженіе).

IV. 1-я война римлянъ съ Митридатомъ В. (89—85), въ связи съ 1-ю римскою междуусобною войною между Маріемъ и Силлой (88—85).—§ 222. Причины 1-й войны римлянъ съ Митридатомъ.—§ 223. Первый годъ войны въ Малой Азіи (89).—§ 224. Война между Маріемъ и Силлой въ Италіи (88—87).—§ 225. Дѣйствія Митридата въ Малой Азіи и Греціи (88).—§ 226. Дѣйствія Силлы въ Греціи (87—86);—сраженія при Херонеѣ и Орхоменѣ.—§ 227. Дѣйствія Силлы и Фимбріи въ Греціи и Малой Азіи (85);—миръ съ Митридатомъ.—V. 2-я римская междуусобная война между Силлой и маріянскою партіей (85—80).—§ 228. Силы и приготовленія къ войнѣ съ обѣихъ сторонъ (85—84).—§ 229. 1-й годъ войны въ Италіи (83).—Дѣйствія Силлы въ Кампаніи;—побѣда его при Теанѣ;—дѣйствія его и легатовъ его, особенно Помпея.—§ 230. 2-й годъ войны въ Италіи (82).—Дѣйствія Силлы и его легатовъ противъ маріянцовъ;—сраженіе при Сакрипортѣ; — осада Прэнесты; — сраженіе при Римѣ. — § 231. Окончаніе войны Помпеемъ въ Сициліи и Африкѣ (82—81).—§ 232. Возобновленіе войны Муреной противъ Митридата въ Малой Азіи (83); — бой при р. Галисѣ (82);—прекращеніе войны Силлой (81).—§ 233. Силла, какъ полководецъ.—VI. Война Серторіянская (82—72).—§ 234. Дѣйствія Серторія и Метелла въ Испаніи (82—72);—образъ и искуство веденія войны Серторіемъ.—§ 235. Дѣйствія Серторія, Помпея и Метелла въ Испаніи (77—75);—осада Лаврона;—сраженія при Италикѣ, Сукронѣ и Сегонтіи.—§ 236. Дѣйствія Серторія въ Испаніи въ 74—73 годахъ;—убіеніе его;—качества и достоинства его, какъ полководца.—§ 237. Война въ Испаніи по смерти Серторія (72—71).

Древніе источники и новѣйшія историческія пособія — указанные выше въ главѣ XXXI.

IV.

I-я война римлянъ съ Митридатомъ В. (89—85), въ связи съ -ю междуусобною войною римскою между Маріемъ и Силлой (88 — 85).

§ 222.

Причины 1-й войны римлянъ съ Митридатомъ В.

Еще не кончилась союзническая война, какъ уже одна вслѣдъ за другою возгорѣлись: 1-я война римлянъ съ понтійскимъ царемъ

Мидридатомъ VI Евпаторомъ или Великимъ и 1-я римская междуусобная война между Маріемъ и Силлой. По причинѣ современности и тѣсной связи этихъ важныхъ и замѣчательныхъ въ военномъ отношеніи войнъ, обнимавшихъ Италію, Грецію и Малую Азію, съ прилежащими къ нимъ островами, необходимо и разсматривать ихъ одновременно и въ надлежащей связи между собою. Война съ Митридатомъ открылась первая въ 89 году въ Малой Азіи и послужила поводомъ къ открытію въ слѣдующемъ 88-мъ году междуусобной войны въ Италіи. А потому разсмотримъ сначала причины войны съ Митридатомъ и военныя дѣйствія ея въ первомъ году (89).

Малое и слабое понтійское царство на юговосточныхъ берегахъ Евксинскаго Понта впервые стало возвышаться со временъ царя своего Фарнака (умершаго въ 156 году передъ Р. Х.). Но возвышенію его постоянно полагало преграду вліяніе римлянъ въ Малой Азіи. Фарнакъ завоевалъ синопскую республику, но въ войнѣ съ Евменомъ II, царемъ пергамскимъ, покровительствуемымъ римлянами, и съ его союзниками, принужденъ былъ уступить Каппадокію. Сынъ и преемникъ его, Митридатъ V Эвергетъ (156—121), союзникъ римлянъ, въ награду за участіе въ усмиреніи Аристоника, получилъ отъ римскаго проконсула въ Малой Азіи, Аквилія Непота, великую Фригію. По смерти его, царство понтійское, простиравшееся отъ р. Галиса до Колхиды, съ Великою Фригіей и притязаніями на престолъ Пафлагоніи, упраздненный смертію пафлагонскаго царя Пилэмена II, наслѣдовалъ 12-ти лѣтній сынъ Митридата V, Митридатъ VI Евпаторъ, одаренный отъ природы необыкновенными способностями ума и души. До его совершеннолѣтія (121—112) царствомъ правили опекуны и въ продолженіи этого времени два обстоятельства имѣли особенное вліяніе на Митридата и дали рѣшительное направленіе цѣлой его жизни. Первымъ было—коварство его опекуновъ, всячески старавшихся погубить его, что принудило его избѣгать жизни въ городахъ и, подъ предлогомъ тѣлесныхъ упражненій и охоты за звѣрями, проводить время въ безпрерывныхъ: дѣятельности, трудахъ, опасностяхъ и постоянной, величайшей осторожности. А это съ одной стороны развило въ немъ необыкновенныя крѣпость, силу и ловкость тѣлесныя и мужество, твердость, терпѣніе и храбрость, но съ другой

чрезвычайно ожесточило его нравъ и лишило его выгодъ хорошаго образованія. Вторымъ и еще болѣе важнымъ обстоятельствомъ было — отнятіе римлянами отъ понтійскаго царства Великой Фригіи, подъ предлогомъ, будто-бы Аквилій не имѣлъ права отдавать оной Митридату V. Этотъ насильственный и несправедливый поступокъ возбудилъ въ ожесточенной уже душѣ молодаго Митридата сильнѣйшую ненависть къ Риму, и съ этихъ поръ она сдѣлалась господствующею въ немъ страстью, а изгнаніе римлянъ изъ Азіи—главнымъ назначеніемъ цѣлой его жизни. Къ этой цѣли онъ и началъ стремиться, съ самаго вступленія своего въ совершеннолѣтіе, съ удивительными постоянствомъ, энергіей и искуствомъ. Онъ началъ съ того, что покорилъ (112—110) Таврическій Херсонесъ (нынѣ Крымъ) и скиѳскія племена, обитавшія на сѣверныхъ берегахъ Мэотическаго моря и Евксинскаго Понта, вступилъ въ сношеніе съ сарматами и даже съ ближайшими германскими племенами, и такимъ образомъ уже заранѣе готовилъ многочисленныхъ и страшныхъ враговъ Риму и замышлялъ со временемъ проникнуть въ Италію съ сѣвера. Сверхъ того, эти первыя его войны имѣли для него и ту пользу, что послужили ему практическою военною школой и еще болѣе укрѣпили его тѣло, а войска его пріучили къ войнѣ и перенесенію военныхъ трудовъ и доставили имъ необходимую военную опытность. Затѣмъ онъ два года (110—108) путешествовалъ по Малой Азіи, дабы лично, на мѣстѣ, ближайшимъ образомъ узнать положеніе ея и пріобрѣсть въ ней себѣ приверженцевъ, а Риму враговъ. Возвратясь изъ этого путешествія, онъ приступилъ уже къ постепенному, мало по малу, исполненію своихъ замысловъ и, раздѣливъ съ Никомедомъ II, царемъ виѳинскимъ, Пафлагонію, завладѣлъ, не взирая на римлянъ, Галатіей и Каппадокіей. Но продолжительныя распри его съ Никомедомъ, за послѣднюю изъ этихъ двухъ областей, принудили наконецъ римлянъ объявить и Каппадокію, и Пафлагонію независимыми и утвердить на престолѣ первой избраннаго каппадокійцами царя Аріобарзана (93—92). Тогда Митридатъ усилился союзомъ съ Тиграномъ, царемъ Арменіи, и въ то время, какъ Тигранъ изгонялъ Аріобарзана, Сократъ, младшій сынъ умершаго Никомеда II, изгналъ, съ помощью Митридата, старшаго

брата своего, наслѣдовавшаго, подъ названіемъ Никомеда III, престолъ Виѳиніи. Римляне возстановили (90) и Аріобарзана, и Никомеда, и этотъ послѣдній, по настоянію находившихся въ Малой Азіи римскихъ правителей, вторгнулся во владѣнія Митридата и разорилъ значительную часть ихъ.

Доселѣ Митридатъ, дѣйствуя противъ владѣтельныхъ государей Малой Азіи самымъ рѣшительнымъ образомъ и не разбирая средствъ, тщательно уклонялся однако отъ непосредственнаго столкновенія и явнаго разрыва съ римлянами, имѣя въ виду, съ одной стороны — еще болѣе усилиться и довершить свои приготовленія къ войнѣ, а съ другой—имѣть всю законную справедливость войны на своей сторонѣ. И онъ вполнѣ достигъ той и другой цѣли. Въ теченіи 20-ти лѣтъ времени онъ заключилъ союзы съ скиѳами, сарматами, бастарнами, галло-греками и Тиграномъ, получилъ отъ нихъ многочисленныя вспомогательныя войска и собралъ огромные, сухопутные и морскіе, военные: силы, способы и средства къ веденію войны *). Началъ же онъ ее тогда только, когда, на жалобы его о разореніи Никомедомъ понтійскихъ владѣній, римляне дали неопредѣленный отвѣтъ. Признавая это явною съ ихъ стороны несправедливостью и законною уже для себя причиной къ войнѣ, онъ послалъ сына своего, Аріарата, съ сильнымъ войскомъ въ Каппадокію, и Аріаратъ, разбивъ и изгнавъ Аріобарзана, овладѣлъ этою областью (89). Римскіе полководцы, находившіеся въ Малой Азіи, собрали въ ней отовсюду войска и, соединивъ ихъ съ войсками проконсула Азіи, Кассія,

---

*) Однихъ войскъ, набранныхъ въ собственныхъ его владѣніяхъ, у него было до 250,000 чел. пѣхоты и 40,000 чел. конницы, съ 130-ю военными колесницами, вооруженными косами,—а флотъ его состоялъ изъ 300 палубныхъ и 100 безпалубныхъ судовъ. На различныхъ пунктахъ были собраны огромные, всякаго рода военные и продовольственные запасы, а во флотъ были вызваны опытные и искусные финикійскіе и египетскіе моряки и кормчіе. Лучшими родами войскъ въ сухопутной арміи были фаланги тяжелой пѣхоты и конница. Впрочемъ вообще должно сказать, что армія Митридата, подобно всѣмъ восточнымъ, была сильна и грозна болѣе числомъ, нежели устройствомъ войскъ самаго разнороднаго состава, храбрыхъ, но между которыми не было военнаго порядка. За то съ другой стороны у Митридата были многіе способные, отважные и искусные полководцы (Архэлай, Неоптолемъ, Дорилэй, Діофантъ, Мэнандръ и др.), а надъ всѣми ими возвышался самъ Митридатъ, лично и искусно всѣмъ руководившій и управлявшій въ арміи.

раздѣлили ихъ на 3 арміи. Кассій съ одною расположился на границахъ Виѳиніи и Галатіи, Аквилій съ другою—на границахъ Виѳиніи и Пафлагоніи, а Оппій двинулся въ Каппадокію. Въ то же время при Византіи находился римскій флотъ, для преградженія Митридатову флоту выхода изъ Понта Евксинскаго, а Никомедъ съ своей стороны собралъ 60,000 чел. пѣхоты и 6,000 чел. конницы и двинулся чрезъ Пафлагонію въ Каппадокію. Но всѣ эти силы, вмѣстѣ взятыя, были, можно сказать, ничтожны въ сравненіи съ огромными силами Митридата, и война, легкомысленно и безразсудно начатая тремя римскими полководцами безъ воли сената и согласія народа, съ самаго начала приняла невыгодный и даже опасный для римлянъ оборотъ.

§ 223.

Первый годъ войны въ Малой Азіи (89).

Война открылась блистательною побѣдой Митридатовыхъ полководцевъ надъ Никомедомъ въ Пафлагоніи. 66-ти тысячная армія послѣдняго была на-голову разбита одними легкою пѣхотой и конницей Митридатовыми, безъ всякаго участія фаланги, не съ помощью выгодъ мѣстности и не по причинѣ малодушія Никомедовыхъ войскъ, но единственно вслѣдствіе искусныхъ соображеній и распоряженій полководцевъ и необыкновенной храбрости войскъ Митридатовыхъ. Слѣдствіемъ этой побѣды было то, что Митридатъ покорилъ всю Пафлагонію безъ боя, однимъ движеніемъ чрезъ нее къ границамъ Виѳиніи, гдѣ расположены были Аквилій и присоединившійся къ нему съ остатками своей арміи Никомедъ. По приближеніи Митридата и пораженіи 800 чел. виѳинской конницы сотнею передовыхъ сарматскихъ всадниковъ, устрашенныя войска Никомедовы разсѣялись, а Аквилій, ослабленный ихъ бѣгствомъ, былъ разбитъ нá-голову и бѣжалъ въ Пергамъ. Эта вторая побѣда, уже надъ римскими полководцемъ и войсками, имѣла еще болѣе важныя послѣдствія. Не смѣя держаться въ полѣ, римскіе полководцы заперлись въ Апамеѣ, Пергамѣ, Родосѣ и Лаодикеѣ, а флотъ римскій очистилъ Ѳракійскій Босфоръ, и въ нѣсколько недѣль времени Виѳинія, Фригія, Мизія,

римская область Азія, Ликія, Памфилія и Іонія отчасти покорились Митридату добровольно и даже охотно, отчасти были легко и скоро покорены имъ. Чтобы сильнѣе привязать ихъ къ себѣ, онъ употребилъ въ отношеніи къ нимъ такую же политику, какую Аннибалъ наблюдалъ въ отношеніи къ галламъ и народамъ Италіи, а именно оказалъ необыкновенныя кротость, великодушіе, щедрость и благоволеніе къ нимъ, простилъ имъ недоимки, освободилъ на 5 лѣтъ отъ податей, отпустилъ азіятскихъ плѣнниковъ и т. п.—и этимъ дѣйствительно снискалъ себѣ общія преданность и любовь. Съ римскими же полководцами Оппіемъ и Аквиліемъ, взятыми въ плѣнъ, онъ поступилъ, напротивъ, самымъ жестокимъ образомъ.

§ 224.

Война между Маріемъ и Силлой въ Италіи (88—87).

При вѣсти о внезапномъ и страшномъ переворотѣ въ Малой Азіи, римскій сенатъ немедленно положилъ (88) объявить Митридату войну и возложилъ веденіе оной, не на Марія, а на Силлу, явившаго въ союзнической войнѣ столько же искуства, сколько и удачи, избраннаго въ 88 году въ консулы и имѣвшаго на своей сторонѣ сенатъ и аристократію. Но Марій, движимый честолюбіемъ и личною ненавистью къ Силлѣ, рѣшился во чтобы то ни стало исторгнуть у него начальствованіе въ войнѣ съ Митридатомъ и наконецъ успѣлъ въ этомъ съ помощью народнаго трибуна Сульпиція и принятыхъ ими въ старыя трибы новыхъ римскихъ гражданъ. Силла, находившійся въ это время съ арміей въ Кампаніи, гдѣ былъ занятъ окончательнымъ побѣжденіемъ самнитянъ, еще державшихся въ Нолѣ и ея окрестностяхъ, равно и приготовленіями къ войнѣ съ Митридатомъ, немедленно склонилъ на свою сторону войска (исключая высшихъ военноначальниковъ) и съ 6-ю легіонами (30,000 чел. пѣхоты и 5,000 чел. конницы) двинулся къ Риму, для изгнанія Марія. Бѣгство изъ Рима въ его армію другаго консула, Помпея Руфа, спасавшагося отъ мести Марія, и тщетныя усилія послѣдняго вооружить гражданъ и рабовъ въ Римѣ, доставили Силлѣ рѣшительный перевѣсъ. Съ огнемъ и мечомъ вступилъ онъ въ Римъ и пре-

далъ Марія, бѣжавшаго въ Нумидію, изгнанію, а приверженцевъ его суду и казни или проскрипціи, однако не могъ воспрепятствовать избранію на слѣдующій (87) годъ въ консулы приверженца Маріева, Корнелія Цинны, и только заставивъ его клятвенно обѣщать, что онъ въ отсутствіи его, Силлы, не предприметъ ничего противнаго его выгодамъ, отправился въ Грецію.

Но едва онъ удалился изъ Рима, какъ Цинна снова предложилъ отмѣненный Силлою законъ о принятіи новыхъ римскихъ гражданъ въ старыя трибы. Бо̀льшая часть народныхъ трибуновъ воспротивилась этому, и между новыми и старыми гражданами, и между приверженцами Силлы и Марія произошелъ въ самомъ Римѣ кровопролитный бой, кончившійся тѣмъ, что Цинна былъ изгнанъ изъ Рима съ урономъ до 10,000 челов., лишенъ консульскаго званія и, вмѣстѣ съ знаменитымъ въ послѣдствіи сенаторомъ Серторіемъ, бѣжалъ въ Кампанію. Здѣсь онъ склонилъ на свою сторону дѣйствовавшую противъ самнитянъ римскую армію и бо̀льшую часть новыхъ римскихъ гражданъ, призвалъ обратно Марія и съ 300 когортами (что составляло силу 30-ти легіоновъ или болѣе 150,000 войскъ), раздѣленными на 4 арміи, подъ предводительствомъ его личнымъ, Серторія и Папирія Карбона, съ четырехъ сторонъ обложилъ Римъ. Сенатъ призвалъ на помощь Риму Метелла и Помпея Страбона, дѣйствовавшихъ противъ самнитянъ въ Самніи, и Помпей, прибывъ первый, вступилъ подъ стѣнами города въ бой. Марій и Цинна одержали побѣду, но не довольно рѣшительную для того, чтобы принудить Римъ къ сдачѣ, и потому отрѣзали отъ него всѣ подвозы продовольствія, какъ сухимъ путемъ, такъ и по Тибру. Затѣмъ, соединивъ главныя силы свои, они предложили бой консулу Октавію, вышедшему изъ Рима въ поле съ тремя арміями (около 70—75,000 войскъ). Но Октавій, миролюбивый и нерѣшительный, не отважился вступить съ превосходными силами противниковъ въ бой, долженствовавшій имѣть самые рѣшительные результаты и важныя послѣдствія, и вскорѣ голодъ въ Римѣ вынудилъ сенатъ сдать городъ Марію и Циннѣ. Вступивъ въ Римъ, Марій и Цинна предали его всѣмъ ужасамъ убійства и разграбленія, и послѣ 5-ти дневнаго, жестокаго кровопролитія, сами себя провоз

гласили консулами. Вскорѣ послѣ того Марій умеръ (86) и избранный на его мѣсто въ консулы Валерій Флаккъ получилъ назначеніе переправиться съ арміей въ Грецію и принять главное начальствованіе въ войнѣ съ Митридатомъ, Силла же былъ объявленъ лишеннымъ его и присужденъ къ изгнанію.

§ 225.

Дѣйствія Митридата въ Малой Азіи и Греціи (88).

Междуусобія Марія и Силлы, при самомъ открытіи Митридатомъ войны противъ римлянъ въ Малой Азіи, были обстоятельствомъ, чрезвычайно благопріятнымъ для понтійскаго царя и онъ не упустилъ случая воспользоваться имъ, распространивъ и упрочивъ свои завоеванія и вліяніе въ Малой Азіи, увеличивъ свои силы и довершивъ свои военныя приготовленія. Дабы сдѣлать всякое примиреніе съ римлянами невозможнымъ и явить твердое намѣреніе свое вести войну съ Римомъ до послѣдней крайности, онъ повелѣлъ въ одинъ и тотъ же день предать смерти всѣхъ римскихъ гражданъ съ ихъ семействами, во множествѣ обитавшихъ въ городахъ малоазіятскихъ, и такимъ образомъ погибло по меньшей мѣрѣ до 80,000 челов. Многіе римляне, и въ томъ числѣ Кассій, успѣли однако укрыться въ Магнезіи и особенно въ Родосѣ, которые одни остались вѣрными Риму. Митридатъ осадилъ оба эти города, но встрѣтилъ такое сильное сопротивленіе со стороны родосцевъ, что наконецъ принужденъ былъ снять осаду. Пергамъ, въ который онъ перенесъ свое пребываніе, сдѣлался средоточіемъ всей его политической и военной дѣятельности. Здѣсь, владѣя уже всею Малою Азіей, онъ, подобно Антіоху В., положилъ распространить свое вліяніе и въ Греціи съ Македоніей, и вслѣдствіе того, оставивъ въ Понтѣ одного своего сына, а другаго пославъ съ войскомъ чрезъ Ѳракію въ Македонію, Архелая и нѣсколькихъ другихъ своихъ полководцевъ съ войскомъ и флотомъ онъ отправилъ въ Грецію. Они покорили цикладскіе и всѣ другіе греческіе острова, въ томъ числѣ и Эвбею—и вся Греція пришла въ движеніе, въ надеждѣ освобожденія отъ римлянъ. Аѳины первыя подали примѣръ отложенія отъ

нихъ и присоединенія къ Митридату, а ихъ примѣру послѣдовали и Спарта, Ахаія, Віотія и многія другія области и города Греціи. Между тѣмъ полководецъ Митридата Митрофанъ высадился съ войскомъ на берега Өессаліи, а сынъ Митридата, посланный въ Македонію, былъ готовъ вступить въ Грецію съ сѣвера. Такимъ образомъ, единовременнымъ направленіемъ войскъ своихъ съ трехъ сторонъ въ Грецію, Митридатъ овладѣлъ бы и ею почти такъ же легко и скоро, какъ и Малою Азіей, еслибы Бруттій Сура, посланный проконсуломъ Македоніи, Сенціемъ, съ отрядомъ войскъ въ Грецію, не принудилъ Митрофана обратно сѣсть на суда и удалиться отъ береговъ Өессаліи, а затѣмъ три дня сряду сражавшись съ Архелаемъ при Херонеѣ въ Віотіи, не удержалъ дальнѣйшихъ его движенія и успѣховъ, хотя и не одержалъ надъ нимъ рѣшительной побѣды. Это было въ концѣ 88 года; весною же 87 года въ Грецію прибылъ Силла съ 5-ю легіонами и небольшимъ числомъ вспомогательныхъ войскъ, и тогда война приняла совершенно другой оборотъ.

§ 226.

Дѣйствія Силлы въ Греціи (87—86);—сраженія при Херонеѣ и Орхоменѣ.

Немедленно по прибытіи въ Грецію, Силла, получивъ въ подкрѣпленіе нѣсколько этолійскихъ и өессалійскихъ войскъ, двинулся прямо къ Аөинамъ, какъ средоточію возстанія въ Греціи, и одною половиною арміи осадилъ этотъ городъ, а другою—Пирей, соединенный съ нимъ двойною стѣною. Осада Аөинъ и Пирея принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ въ этомъ періодѣ въ поліорцетическомъ отношеніи, какъ по искуству, съ которымъ она была ведена Силлою, такъ и по отмѣнно храброй и упорной оборонѣ Пирея Архелаемъ. Не успѣвъ взять Пирея эскаладой, Силла, поспѣшая овладѣть имъ и воротиться въ Италію, употребилъ всѣ возможныя поліорцетическія средства, и насыпь, и башни, и крытые ходы, и подкопы, и противу-подкопы, и огромныя метательныя и стѣнобитныя орудія. Продовольствіе онъ получалъ въ изобиліи изъ Өивъ, а для покрытія издержекъ осады не затруднился захватить

сокровища храмовъ олимпійскаго, эпидаврскаго и даже самаго дельфійскаго. Архелай съ своей стороны производилъ съ большимъ числомъ войскъ частыя и чрезвычайно сильныя вылазки, слѣдствіемъ которыхъ всегда были упорныя и кровопролитныя битвы и нерѣдко разрушеніе работъ и сожженіе машинъ и орудій Силлы. Много способствовало Архелаю и то обстоятельство, что у него были флотъ и свободные подвозы моремъ, между тѣмъ какъ у Силлы флота не было и онъ принужденъ былъ ограничиться и осадой, и подвозами только съ сухаго пути. Хотя онъ и послалъ легата своего, знаменитаго въ послѣдствіи Лукулла, собрать флотъ у союзныхъ съ римлянами жителей острововъ и береговъ восточной части Средиземнаго моря, но Лукуллъ встрѣтилъ столько препятствій и замедленій, что успѣлъ собрать флотъ только гораздо позже.

Между тѣмъ Аѳины, обороняемыя неспособнымъ тираномъ своимъ, Аристіономъ и отрѣзанныя отъ Пирея и подвозовъ съ сухаго пути, были доведены голодомъ до крайности. Однако Аристіонъ не хотѣлъ и слышать убѣжденій гражданъ сдать городъ римлянамъ и довелъ дѣла до того, что Силла, провѣдавъ черезъ лазутчиковъ о слабомъ занятіи Аристіономъ части стѣнъ, произвелъ ночной приступъ къ этому самому мѣсту, овладѣлъ имъ, сдѣлалъ въ стѣнѣ проломъ и, вступивъ въ городъ, предалъ его войскамъ своимъ на разграбленіе (въ началѣ 86 г.) и произвелъ въ немъ жестокое кровопролитіе. Аристіонъ заперся въ замкѣ, но вскорѣ былъ принужденъ сдаться и преданъ смерти.

Архэлай же держался еще довольно долго, строя стѣну за стѣной, по мѣрѣ взятія ихъ римлянами, и только по взятіи шестой (по свидѣтельству Флора) очистилъ Пирей и удалился въ Мунихію (другую укрѣпленную гавань Аѳинъ). Силла, не имѣя ни флота, ни времени для осады въ ней Архэлая, сжегъ Пирей, со всѣми находившимися въ немъ, огромными на 1,000 судовъ морскими складами. Обезпечивъ себя такимъ образомъ съ тыла, онъ двинулся въ Віотію на встрѣчу Митридатову полководцу Таксилу, шедшему уже противъ него усиленными переходами изъ Ѳракіи и Македоніи съ 100,000 чел. пѣхоты, 10,000 чел. конницы и 90 колесницами,

вооруженными косами. У Силлы же римскихъ войскъ было только 15,000 чел. пѣхоты и 1,500 чел. конницы, а всего съ вспомогательными греческими войсками не было и трети Таксиловыхъ силъ. Не смотря на то, онъ рѣшился изъ пересѣченной Аттики идти на выгодныя для дѣйствій Таксила равнины Віотіи: во 1-хъ потому, что презиралъ непріятеля, съ которымъ долженъ былъ имѣть дѣло, и былъ увѣренъ въ успѣхѣ,—во 2-хъ потому, что Аттика не представляла никакихъ способовъ къ продовольствованію войскъ, съ моря же была заперта Архелаевымъ флотомъ,—и въ 3-хъ потому, что хотѣлъ соединиться съ легатомъ своимъ Гортензіемъ, который шелъ къ нему съ небольшимъ подкрѣпленіемъ изъ Ѳессаліи и легко могъ быть окруженъ и разбитъ непріятелемъ. Счастіе благопріятствовало Силлѣ: онъ успѣлъ соединиться съ Гортензіемъ и расположился лагеремъ противъ Таксила, недалеко отъ Херонеи, въ Віотіи. Архелай, прибывшій изъ Мунихіи, совѣтовалъ Таксилу уклоняться отъ боя и истощить Силлу голодомъ, отрѣзывая ему подвозы продовольствія. Но Таксилъ и другіе Митридатовы полководцы, твердо полагаясь на превосходство силъ своихъ, пренебрегли благоразумнымъ и осторожнымъ совѣтомъ Архелая и построились къ бою. Смущенныя многочисленностью непріятеля, римскія войска отказались идти въ бой, и непріятель, видя ихъ робость, безпечно разсѣялся по окрестностямъ для грабежа. Чтобы принудить войска свои къ бою, Силла приказалъ имъ производить самыя тяжелыя земляныя работы—отвесть рѣку Кефизъ и рыть глубокіе рвы. На третій день сами войска потребовали боя и Силла немедленно повелъ ихъ на помощь Херонеѣ, угрожаемой Архелаемъ. Здѣсь, на пересѣченной и весьма невыгодной для Архелая мѣстности, произошелъ бой, въ которомъ Силла, построившій армію въ боевой порядокъ съ резервомъ, сначала сбилъ непріятельскій отрядъ, выгодно расположенный на высокомъ и крутомъ холмѣ, господствовавшемъ надъ непріятельскою арміей, и положилъ 3,000 чел. на мѣстѣ, а остальныхъ опрокинулъ отчасти на равнину, гдѣ они были также истреблены, и отчасти на собственную ихъ армію, которую они этимъ привели въ большой безпорядокъ. Пользуясь этимъ, Силла произвелъ стремительное и сильное фронтальное нападеніе, безъ труда отра-

зилъ непріятельскія военныя колесницы и между тѣмъ, какъ центръ его находился въ упорномъ бою съ фалангой, самъ онъ, съ помощью резерва, удачно отразилъ нападенія непріятеля на оба римскія крыла съ фронта и фланговъ, разбилъ оба крыла, а потомъ и центръ непріятеля, опрокинулъ всю непріятельскую армію къ ея лагерю, ворвался въ него вмѣстѣ съ бѣжавшими и произвелъ въ немъ жестокое кровопролитіе (86). По свидѣтельству историковъ, изъ всей непріятельской арміи спаслось съ Архэлаемъ въ Халкиду (въ Македоніи) едва 10,000 чел., всѣ же прочіе были убиты или взяты въ плѣнъ *).

Едва Митридатъ узналъ о пораженіи своей арміи, какъ немедленно послалъ черезъ Ѳракію и Македонію въ Грецію новое войско, силою въ 80,000 чел., подъ начальствомъ Дорилея. Соединясь съ Архэлаемъ, Дорилей пошелъ въ Віотію. Силла, послѣ побѣды при Херонеѣ двинувшійся въ Ѳессалію на встрѣчу консулу Валерію Флакку, готовившемуся переправиться въ Грецію, немедленно обратился назадъ въ Віотію и встрѣтилъ Дорилея и Архэлая расположенныхъ при Орхоменѣ, въ обширной и открытой равнинѣ, весьма удобной и выгодной для дѣйствія многочисленной ихъ конницы, но ограниченной болотами. Силла искусно воспользовался этимъ обстоятельствомъ и посредствомъ укрѣпленныхъ линій притѣснилъ непріятельскую армію къ болотамъ. Архэлай, видя опастность, напалъ на римскихъ рабочихъ и сначала обратилъ ихъ въ бѣгство; но, ободренные личнымъ примѣромъ и блистательною храбростью Силлы и поддержанные частью арміи, они въ свою очередь отразили Архэлая, нанеся ему уронъ въ 15,000 чел. Вторичное покушеніе Архэлая и Дорилея противъ римскихъ укрѣпленій и арміи кончилось тѣмъ, что они были не только отражены, но и опрокинуты въ свой лагерь, а изъ лагеря въ лежавшія позади его болота, и въ нихъ, равно какъ и въ бою, погибла бо̀льшая часть непріятельской арміи. Архэлай съ остатками спасся въ Халкиду, а Силла расположился на зиму (съ 86-го на 85-й годъ) въ Ѳессаліи и, не имѣя еще никакихъ извѣстій о Лукуллѣ, занялся сооруженіемъ необходимаго ему для переправы въ

*) Силла въ своихъ запискахъ показываетъ уронъ римскихъ войскъ всего только въ 12 человѣкъ! Разумѣется, что это очень сомнительно.

Азію флота. А между тѣмъ Лукуллъ наконецъ успѣлъ однако, съ помощью малоазіятскихъ приморскихъ городовъ и особенно родосцевъ, собрать флотъ, съ которымъ въ слѣдующемъ (85) году и открылъ въ эгейскомъ морѣ дѣйствія противъ Митридатова флота.

§ 227.

Дѣйствія Силлы и Фимбріи въ Греціи и Малой Азіи (85);—миръ съ Митридатомъ.

Побѣды Силлы въ Греціи имѣли большое вліяніе и на Малую Азію, и на Митридата. Римская партія въ этой странѣ ободрилась и усилилась, а Митридатъ, желая устрашить ее жестокостями, тѣмъ еще болѣе озлобилъ и вооружилъ ее противъ себя. Многіе города явно возстали противъ него, и съ тѣми, которые были имъ обратно покорены силой, онъ поступилъ съ крайнею жестокостью, а слѣдствіемъ этого было то, что вліяніе его въ Малой Азіи все болѣе и болѣе упадало, а вліяніе римлянъ, напротивъ, возрастало. Это обстоятельство, въ соединеніи съ совершеннымъ почти истребленіемъ двухъ сильныхъ Митридатовыхъ армій, принудило понтійскаго царя вступить чрезъ посредство Архэлая въ переговоры съ Силлой о мирѣ. Силла и Архэлай согласились въ томъ, чтобы Митридатъ отказался отъ области Азіи и отъ Пафлагоніи, возвратилъ Никомеду Виѳинію, а Аріобарзану Каппадокію, заплатилъ римлянамъ 2,000 талантовъ, выдалъ имъ 70 вооруженныхъ военныхъ судовъ и на этихъ условіяхъ былъ утвержденъ въ прежнихъ своихъ владѣніяхъ и признанъ союзникомъ Рима. Митридатъ не отвергнулъ, но и не торопился утверждать этихъ тяжкихъ для него условій мира, потому что, узнавъ о прибытіи Флакка въ Грецію, надѣялся воспользоваться, въ случаѣ возможности, вѣроятными непріязненными дѣйствіями между Флаккомъ и Силлой.

Флаккъ, прибывшій въ Грецію въ началѣ 85 года съ двумя легіонами, былъ совершенный невѣжда въ военномъ дѣлѣ, притомъ человѣкъ корыстолюбивый, скупой и жестокій съ войсками до крайности, почему и былъ ненавидимъ ими и презираемъ легатомъ своимъ Фимбріей, человѣкомъ совершенно противныхъ качествъ, свѣдущимъ

въ военномъ дѣлѣ, щедрымъ и ласкательнымъ съ войсками и весьма любимымъ ими, а впрочемъ готовымъ на дѣйствія самыя отчаянныя и преступныя. Флаккъ и Фимбрія согласились однако удалиться отъ Силлы и чрезъ Македонію и Ѳракію прибыли въ Византію, для переправы оттуда въ Малую Азію. Но здѣсь Фимбрія возмутилъ войска противъ Флакка, и Флаккъ, бѣжавшій въ Халкедонъ и Никомидію, былъ преслѣдованъ и умерщвленъ Фимбріей. Затѣмъ Фимбрія принялъ начальствованіе надъ арміей, переправился въ Виѳинію, на-голову разбилъ въ ней Митридатова сына, Митридата же, которому отецъ поручилъ защиту этой области, двинулся прямо къ Пергаму и принудилъ самого Митридата бѣжать оттуда въ приморскій городъ Питану, обложилъ его въ немъ съ сухаго пути и предложилъ Лукуллу съ флотомъ обложить его и съ моря. Но Лукуллъ, по преданности къ Силлѣ и презрѣнію къ Фимбріи, отвергнулъ это предложеніе и тѣмъ спасъ Митридата. Не смотря на то, крайность, въ которой находился Митридатъ, угрожаемый съ одной стороны Фимбріей, а съ другой Силлою, прибывшимъ изъ Ѳессаліи къ Геллеспонту и переправившимся на Лукулловомъ флотѣ въ Малую Азію, побудила его просить личнаго свиданія съ Лукулломъ, для переговоровъ о мирѣ. Свиданіе это произошло при Дарданѣ, въ Троадѣ, и, вслѣдствіе его, Митридатъ согласился отказаться отъ всѣхъ своихъ завоеваній, заплатить римлянамъ 2,000 талантовъ и выдать имъ 70 военныхъ судовъ своихъ. На этихъ условіяхъ и былъ заключенъ миръ, положившій конецъ 1-й войнѣ римлянъ съ Митридатомъ (85).

V.

2-я римская междуусобная война между Силлою и маріянскою партіей (85—81).

§ 228.

Силы и приготовленія къ войнѣ съ обѣихъ сторонъ (85—84).

Окончивъ войну съ Митридатомъ, Силла немедленно обратился противъ Фимбріи, дабы подавить его прежде, нежели возвратиться

въ Италію. Фимбрія, жестоко разграбившій и разорившій область Азію, надѣялся тѣмъ снискать преданность своихъ войскъ. Но, по приближеніи Силлы, оба Фимбріева легіона перешли на его сторону, а Фимбрія самъ себя лишилъ жизни. Затѣмъ Силла, въ наказаніе городовъ Малой Азіи, присоединившихся къ Митридату и умертвившихъ римскихъ гражданъ, размѣстилъ въ нихъ войска свои, приказавъ, чтобы граждане, сверхъ квартирной повинности, платили каждому простому воину 16 драхмъ (около 2 р. сер.), а центуріону 50 драхмъ (около 7 р. сер.) въ сутки, кормили и одѣвали ихъ, и кромѣ того наложилъ на всѣ эти города въ совокупности огромную сумму 20,000 талантовъ пени. Этимъ онъ хотѣлъ съ одной стороны наказать ихъ за измѣну и на будущее время удержать отъ нея, а съ другой и въ особенности—наградой и обогащеніемъ своего войска и потворствомъ ему, сильнѣйшимъ образомъ привязать его къ себѣ, потому что имѣлъ въ немъ нужду для предстоявшей междуусобной войны и вполнѣ зависѣлъ отъ него. Довершивъ такимъ образомъ разореніе Малой Азіи, начатое Митридатомъ, и развративъ свои войска въ высшей степени и во всѣхъ отношеніяхъ, онъ оставилъ легата своего Мурену въ Малой Азіи съ бывшими Фимбріевыми легіонами, а самъ съ собственными отправился въ Грецію и оттуда къ Диррахію въ Эпирѣ, для переправы моремъ въ Брундузій.

Въ Римѣ между тѣмъ Цинна заставилъ избрать себя (85) въ третій разъ сряду въ консулы, вмѣстѣ съ Папиріемъ Карбономъ, и сдѣлалъ большія приготовленія къ предстоявшей войнѣ съ Силлою, объявившимъ сенату о немедленномъ возвращеніи своемъ въ Италію, какъ только кончитъ войну съ Митридатомъ. Цинна и Карбонъ собрали значительныя сухопутныя и морскія военныя силы, равно военные и продовольственные запасы. Но жестокости Марія и послѣ него Цинны принудили всѣхъ знатнѣйшихъ и способнѣйшихъ гражданъ искать убѣжища въ арміи Силлы, и хотя маріянская или демократическая партія имѣла перевѣсъ въ силахъ и средствахъ, но только Цинна и Серторій изъ среды ея могли считаться полководцами, способными искусно и удачно вести войну. Партія же Силлы или аристократическая, уступая первой въ силахъ, хотя число войскъ ея въ Диррахіѣ и возрасло уже до 50,000 чел., имѣла однако рѣшитель-

*

ный надъ нею перевѣсъ въ отличныхъ воинскихъ дарованіяхъ главы своей—Силлы и многихъ, присоединившихся къ нему, знатнѣйшихъ римскихъ гражданъ. Поэтому успѣхъ не могъ быть сомнительнымъ и дѣйствительно война въ Италіи продолжалась недолго и кончилась полнымъ и совершеннымъ торжествомъ Силлы.

Въ 84-мъ году Цинна и Карбонъ, заставивъ снова избрать себя въ консулы, отправили часть войскъ моремъ въ Иллирію и намѣревались сами съ остальною частью переправиться туда же и оттуда сухимъ путемъ двинуться въ Эпиръ противъ Силлы. Но флотъ, везшій эту послѣднюю часть войскъ, былъ отброшенъ бурею къ берегамъ Италіи, и войска рѣшительно отказались отъ переправы черезъ море и войны противъ своихъ соотечественниковъ. Цинна хотѣлъ употребить свою власть для принужденія ихъ къ тому: но они взбунтовались и Цинна, принужденный спасаться бѣгствомъ, былъ убитъ близъ Анконы однимъ изъ центуріоновъ. Такимъ образомъ, изъ двухъ способнѣйшихъ полководцевъ маріянской партіи остался одинъ Серторій: но онъ не имѣлъ довольно значенія и вѣса, чтобы стать въ главѣ маріянской партіи и управлять войною противъ Силлы. Сенатъ, чувствуя свою слабость и сознавая превосходство Силлы и его партіи, хотѣлъ примиренія съ ними: но Карбонъ, столько же неспособный, сколько честолюбивый и жестокій, хотѣлъ во что бы ни стало войны съ Силлою и одержалъ верхъ, къ несчастью для Италіи: ибо слѣдствіемъ этого были всѣ ужасы, сопровождавшіе эту междуусобную войну и торжество Силлы. 84-й годъ прошелъ однако съ обѣихъ сторонъ въ переговорахъ и приготовленіяхъ къ войнѣ.

§ 229.

1-й годъ войны въ Италіи (83).

Дѣйствія Силлы въ Кампаніи;—побѣда его при Теанѣ; — дѣйствія его и легатовъ его, особенно Помпея.

Въ слѣдующемъ 83 году новые консулы Корнелій Сципіонъ и Норбанъ уже имѣли въ Италіи (по свидѣтельству Силлы въ его запискахъ) 440 когортъ или 220,000 чел. пѣхоты, но, по непонят-

ному ослѣпленію, не приняли никакихъ мѣръ для обороны береговъ Италіи и воспрепятствованія переправѣ и высадкѣ Силлы. Вслѣдствіе того Силла весною переправился съ войскомъ (5 легіонами, нѣсколькими вспомогательными ахэйскими и македонскими войсками и 6,000 чел. конницы, всего около 50,000 чел.), на 1,200 судахъ изъ Диррахія чрезъ Адріатическое море, произвелъ высадку въ Брундузіѣ (по инымъ въ Тарентѣ, а можетъ быть и въ томъ и въ другомъ) и оттуда дошелъ до самой Кампаніи, нигдѣ ни встрѣтивъ ни малѣйшаго сопротивленія, ни даже войскъ. Повсюду, напротивъ, онъ встрѣчалъ со стороны жителей участіе и содѣйствіе, и желая явить въ себѣ освободителя Италіи, велъ свою армію съ соблюденіемъ строжайшаго военнаго порядка. На этомъ походѣ къ нему присоединились молодые: Кн. Помпей и Крассъ, столь знаменитые въ послѣдствіи, и Метеллъ Пій, образовавшій въ его пользу сильный отрядъ войскъ въ Африкѣ, часть котораго, по изгнаніи своемъ оттуда, привелъ ему въ подкрѣпленіе. Только при Теанѣ, въ Кампаніи, встрѣчены были первыя маріянскія войска, а именно армія, предводительствуемая безсмысленнымъ Норбаномъ. Столь же искусный политикъ, сколько и хорошій полководецъ, Силла отправилъ къ Норбану пословъ для переговоровъ. Но Норбанъ прогналъ ихъ самымъ грубымъ образомъ и это до такой степени ожесточило войска Силлы, что они немедленно и съ величайшею яростью напали на армію Норбана и опрокинули ее съ перваго удара, взяли ея лагерь и положили 7,000 чел. на мѣстѣ, а Норбанъ съ остальными бѣжалъ въ Капую.

Побѣда эта еще болѣе усилила преданность Силлѣ войскъ его и умножила его партію, маріянской же, напротивъ, нанесла первый и сильный ударъ. Вторымъ было ловкое и удачное склоненіе Силлою на свою сторону (въ чемъ онъ отличался особеннымъ искуствомъ) 20-ти-тысячной арміи другаго консула Сципіона, встрѣченной вскорѣ послѣ побѣды надъ Норбаномъ и также близъ Теана въ Кампаніи. Послѣ этого и Серторій, находившійся въ арміи Сципіона, удалился въ доставшуюся ему въ управленіе Испанію и положилъ приготовить въ ней и себѣ, и маріянской партіи, въ низложеніи которой не сомнѣвался болѣе, убѣжище и опору для продолженія войны съ

Силлою. По удаленіи его, Силлѣ, всегда соединявшему въ дѣйствіяхъ своихъ энергію съ необыкновенною хитростью, уже нетрудно было одолѣть остальныхъ, неспособныхъ вождей маріянской партіи. Численное превосходство силъ ихъ заставило его однако имѣть нѣсколько отдѣльныхъ отрядовъ, для противудѣйствія имъ на разныхъ пунктахъ. Съ этою цѣлью, Метелла Пія онъ послалъ въ цизальпинскую Галлію, а молодаго Красса къ марсамъ, для набора войскъ. Крассъ успѣлъ набрать у марсовъ большое число войскъ и дѣйствіями своими оказалъ большія услуги Силлѣ. Но 23-хъ лѣтній Помпей далеко превзошелъ его въ этомъ. Одаренный превосходными качествами ума и души, невольно снискавшими ему общія уваженіе и любовь, онъ пріобрѣлъ многихъ приверженцовъ въ Пиценѣ, и самъ собою, безъ всякаго приказанія Силлы, набралъ для него въ этой области 3 полныхъ легіона, снабженныхъ обозомъ и всѣми необходимыми продовольственными и военными запасами. Затѣмъ, принявъ начальствованіе надъ ними, онъ повелъ ихъ на соединеніе съ Силлою. Три маріянскихъ полководца, Брутъ, Цэлій и Каринъ, начальствуя каждый арміею, условились напасть на него соединенными силами. Но Помпей не далъ имъ времени соединиться и разбилъ Брута отдѣльно; Цэлій же и Каринъ, вслѣдствіе происшедшихъ между ними несогласій, разошлись въ разныя стороны. Консулъ Сципіонъ также двинулся противъ Помпея: но и передъ нимъ, какъ и передъ Силлою, былъ *покинутъ всею своею арміею.* Наконецъ, разбивъ сильный отрядъ конницы подъ начальствомъ *Карбона, Помпей* благополучно присоединилъ свои войска къ арміи Силлы и благодарный Силла встрѣтилъ его съ величайшими почестями и послалъ въ цизальпинскую Галлію въ званіи легата Метелла, дѣйствовавшаго слабо и вяло. Все это, возбудивъ зависть Красса, положило первое начало враждѣ его съ Помпеемъ въ послѣдствіи.

§ 230.

2-й годъ войны въ Италіи (82).

Дѣйствія Силлы и его легатовъ противъ маріянцовъ;—сраженіе при Сакрипортѣ;—осада Прэнесты;—сраженіе при Римѣ.

Въ 82 году Карбонъ заставилъ въ третій разъ избрать себя въ консулы, вмѣстѣ съ 26-лѣтнимъ сыномъ Марія, именемъ также Маріемъ, и оба выступили въ поле. Подробности дѣйствій ихъ и другихъ маріянскихъ полководцевъ противъ Силлы и его легатовъ: Метелла, Помпея, Красса и М. Лукулла (брата того, который былъ при Силлѣ въ Греціи и Малой Азіи, и столь знаменитаго въ послѣдствіи)—неизвѣстны. Достовѣрно только то, что успѣхъ почти постоянно и всюду былъ на сторонѣ Силлы, что партія послѣдняго продолжала умножаться присоединеніемъ знатнѣйшихъ граждань, бѣжавшихъ изъ Рима, городовъ и областей Италіи, и еще болѣе усилилась, когда Силла торжественнымъ договоромъ съ народами Италіи обязался вполнѣ утвердить за ними права и преимущества римскаго гражданства. И въ этихъ обстоятельствахъ побѣда, одержанная Силлою надъ Маріемъ при Сакрипортѣ (близъ Прэнесты, что нынѣ Палестина), была третьимъ ударомъ, нанесеннымъ Силлою маріянской партіи въ Италіи. Войска Силлы, атакованныя Маріемъ въ то время, когда, послѣ утомительнаго перехода, укрѣпляли лагерь, бодро и храбро бросились на нихъ съ одними мечами. Войска Марія оборонялись упорно: вскорѣ лѣвое Маріево крыло стало уступать; при видѣ этого, 5 когортъ и 2 турмы передались Силлѣ, а остальныя Маріевы войска, смущенныя тѣмъ, бѣжали въ Прэнесту. Силла преслѣдовалъ ихъ быстро и сильно и до 8,000 чел. взялъ въ плѣнъ, а до 20,000 чел. истребилъ преимущественно подъ стѣнами Прэнесты, жители которой не впустили бѣжавшихъ (Марія однако подняли на веревкѣ на городскую стѣну).

Поручивъ Лукрецію Офеллѣ осаду Прэнесты, Силла двинулся наконецъ въ величайшемъ порядкѣ къ Риму—и вступилъ въ него безъ малѣйшаго сопротивленія, потому что маріянская партія, хотя и грозная числомъ войскъ, была уже почти вполнѣ побѣждена и не

столько силою оружія, сколько недостаткомъ способныхъ съ ея стороны предводителей, и въ особенности искусною политикою Силлы. Однако партія эта пыталась еще освободить Прэнесту; но всѣ посылаемые ею съ этою цѣлью отряды были по частямъ разбиваемы либо самимъ Силлою, либо его легатами, и наконецъ главные предводители ея удалились изъ Италіи. За всѣмъ тѣмъ, у нихъ были еще значительныя силы въ Италіи, и сверхъ многихъ римскихъ легіоновъ, армія изъ 40,000 луканцовъ и самнитянъ, начальствуемая тремя храбрыми и опытными полководцами: Лампоніемъ, Гуттою и Понціемъ Телезиномъ, причинила немало безпокойства и страха Силлѣ и Риму. Тщетно пытавшись прорваться сквозь горныя ущелья, оберегаемыя Силлою, къ Прэнестѣ, и зная, что Помпей приближался съ тыла, Телезинъ, полководецъ предпріимчивый и искусный, скрытнымъ ночнымъ движеніемъ успѣлъ ускользнуть отъ Силлы и Помпея, и, быстро двинувшись прямо къ беззащитному Риму, совершенно неожиданно явился, къ неописанному ужасу его жителей, передъ коллинскими или квиринальскими воротами (porta Collina seu Quirinalis). Однако онъ не успѣлъ овладѣть Римомъ: выѣхавшіе изъ него на коняхъ, для развѣданія, знатнѣйшіе молодые граждане завязали съ Телезиномъ небольшое дѣло, а между тѣмъ изъ-подъ Прэнесты успѣли прискакать присланные Силлою 700 чел. конницы, вслѣдъ за которыми вскорѣ стали постепенно подходить и главныя его силы, и по краткомъ *отдохновеніи ихъ онъ* тотчасъ вводилъ ихъ въ бой подъ стѣнами Рима. Происшедшее вслѣдствіе того сраженіе, какъ по важности цѣли, такъ и по крайнему ожесточенію войскъ съ обѣихъ сторонъ, было самое упорное. Крассъ, начальствовавшій правымъ крыломъ Силлы, опрокинулъ и совершенно разбилъ лѣвое крыло Телезина, но, увлекшись преслѣдованіемъ, значительно удалился отъ Силлы. Лишенный его содѣйствія и сильно тѣснимый Телезиномъ, Силла, лично начальствовавшій лѣвымъ своимъ крыломъ, держался лишь съ величайшимъ трудомъ и никогда въ жизни не находился въ такой опасности. Тщетно ободрялъ и одушевлялъ онъ войска свои: съ ослабленіемъ силъ ихъ возрасталъ и безпорядокъ и наконецъ они принуждены были отступать въ разстройствѣ и съ урономъ, однако не переставали сражаться и по наступленіи ночи. Но послѣ полуночи

успѣхъ началъ склоняться на ихъ сторону (за недостаткомъ свѣдѣній—неизвѣстно, по какой именно причинѣ), а къ разсвѣту армія Телезина была отчасти истреблена и отчасти разсѣяна, лагерь ея взятъ, а самъ Телезинъ смертельно раненъ (82).

Эта побѣда была послѣднимъ и рѣшительнымъ ударомъ, нанесеннымъ Силлою маріянской партіи въ Италіи, равно и остаткамъ италійскаго союза (образовавшагося въ союзнической войнѣ). Слѣдствіями ея были паденіе Прэнесты, подавленіе маріянской партіи проскрипціями и ужаснѣйшими убійствами въ Римѣ и цѣлой Италіи *), и 2-хъ-лѣтнее, неограниченное владычество Силлы, въ званіи безсмѣннаго диктатора, надъ римскою республикой, упроченное въ Римѣ освобожденіемъ 10,000 рабовъ, принадлежавшихъ проскриптамъ, а въ Италіи—учрежденіемъ изъ ветерановъ Силловой арміи военныхъ поселеній.

§ 231.

Окончаніе войны Помпеемъ въ Сициліи и Африкѣ (82—81).

Послѣ побѣды при Римѣ, вся Италія покорилась Силлѣ; но въ областяхъ находились еще значительные остатки маріянской партіи, подъ предводительствомъ Карбона и Перперны въ Сициліи, Домиція въ Африкѣ и Серторія въ Испаніи. Подавленіе послѣдняго потребовало нѣсколькихъ лѣтъ упорной войны, но первые были скоро и удачно побѣждены Помпеемъ. По прибытіи его въ Сицилію, Перперна бѣжалъ, а Карбонъ былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ, и Помпей, справедливостью къ сицилійцамъ и соблюденіемъ строгаго порядка въ войскѣ **), вскорѣ усмирилъ и покорилъ всю Сицилію (82).

---

*) Въ числѣ лицъ, подвергшихся проскрипціямъ, находился и будущій герой, 18-ти лѣтній Юлій Цезарь, племянникъ жены Марія (отца) и зять Цинны. Онъ спасся сначала помощью денегъ, а потомъ вслѣдствіе ходатайства у Силлы могущественныхъ покровителей, которымъ Силла уступилъ наконецъ, сказавъ однако, что они спасаютъ будущаго разрушителя своего дѣла и всей аристократической партіи: ибо, прибавилъ онъ, Цезарь одинъ стоитъ нѣсколькихъ Маріевъ (Суэтоній).

**) Между прочимъ, дабы препятствовать войскамъ своимъ предаваться грабежу и убійствамъ, онъ запечаталъ ихъ мечи.

Затѣмъ онъ отправился въ Африку съ 6-ю легіонами, 120-ю военными и 800-ми перевозными судами, высадился частію въ Утикѣ и частію въ Карѳагенѣ, и вскорѣ встрѣтилъ Домиція Агенобарба, зятя Цинны, который, въ союзѣ съ Гіарбасомъ, царемъ одной части Нумидіи, собралъ многочисленное войско. Продолжительные и сильные вѣтеръ и дождь, и глубокая лощина съ обрывистыми берегами, раздѣлявшая оба войска, не позволили имъ тотчасъ вступить въ бой и заставили Домиція подъ вечеръ предпринять отступленіе. Помпей искусно воспользовался этимъ мгновеніемъ, перевелъ свою армію черезъ лощину и, ударивъ на армію Домиція, привелъ ее въ разстройство, опрокинулъ, преслѣдовалъ и уже въ совершенной темнотѣ взялъ приступомъ ея лагерь. Самъ Домицій былъ убитъ, а изъ 20-ти-тысячной арміи его спаслось едва 3,000 чел. (81). Столь рѣшительная побѣда покорила Помпею всю римскую Африку, и затѣмъ, вступивъ въ Нумидію, онъ, по убіеніи вскорѣ Гіарбаса, отдалъ эту страну Гіемпсалу, въ званіи союзника римлянъ, и возвратился въ Утику, совершивъ весь походъ въ Африкѣ и Нумидіи въ 40 дней. Изъ Утики Силла отозвалъ его въ Римъ и, въ награду за оказанныя ему услуги, почтилъ его (бывшаго только всадникомъ) большимъ тріумфомъ и прозваніемъ Великаго (80).

§ 232.

Возобновленіе Муреной войны противъ Митридата въ Малой Азіи;—бой при р. Галисѣ;—прекращеніе войны Силлой (82—81).

Между тѣмъ какъ это происходило на западѣ, Митридатъ усмирилъ возставшихъ колхидянъ и съ цѣлію усмиренія также и возставшихъ жителей Воспора киммерійскаго, собралъ многочисленные войско и флотъ. Мурена, страстно желавшій тріумфа, съ радостью воспользовался этимъ случаемъ для возобновленія войны съ Митридатомъ, подъ предлогомъ, будто собранныя имъ силы были назначены не противъ воспорцевъ, а противъ римлянъ, и, сверхъ того, что Митридатъ, вопреки договору съ Силлою, занималъ еще многія крѣпости въ Каппадокіи. Архэлай, подозрѣваемый Митридатомъ, со времени сраженія при Херонеѣ, въ измѣнѣ ему въ пользу римлянъ

и спасшійся отъ него къ Муренѣ, еще болѣе утвердилъ послѣдняго въ его намѣреніи. Въ 83 году Мурена, безъ всякаго объявленія Митридату войны, вступилъ въ Каппадокію, истребилъ небольшой отрядъ Митридатовой конницы, овладѣлъ городомъ Команою каппадокійскою и разграбилъ въ немъ богатѣйшій храмъ Беллоны. Митридатъ, не прибѣгая къ оружію, жаловался римскому сенату на Мурену (82); но сенатъ приказалъ Муренѣ, гласно—прекратить, а втайнѣ—продолжать войну, и Мурена двинулся къ р. Галису и столицѣ Митридатовой, Синопу. Митридатъ послалъ на встрѣчу ему полководца своего, Гордія, съ частью силъ и самъ послѣдовалъ за Гордіемъ съ главными силами. Встрѣтивъ Мурену на противуположномъ берегу Галиса, онъ силой перешелъ черезъ эту рѣку и вступилъ съ Муреной въ бой, который былъ весьма упоренъ и вначалѣ выгоденъ для Митридата, но кончился тѣмъ, что ни Митридатъ, ни Мурена не одержали побѣды и отступили, первый въ Колхиду, а послѣдній въ Фригію. Причины этого, по недостатку историческихъ свѣдѣній, неизвѣстны.

На слѣдующій годъ (81) Силла, принявъ званіе диктатора, запретилъ Муренѣ продолжать войну и послалъ Габинія для примиренія Митридата съ Аріобарзаномъ: то и другое было въ точности исполнено по его волѣ.

§ 233.

Силла, какъ полководецъ.

Въ началѣ 79-го года Силла добровольно сложилъ съ себя диктаторское званіе, а въ началѣ слѣдующаго 78-го года умеръ въ сельскомъ уединеніи близъ Кумъ, отъ жестокой болѣзни. Извергъ душою, онъ былъ впрочемъ столько же искусный полководецъ, сколько хитрый политикъ и замѣчательный государственный человѣкъ. Всѣ дѣйствія его, какъ политическія, такъ и военныя, всегда были основаны на глубокомъ соображеніи и вѣрномъ расчетѣ, и приводимы имъ въ исполненіе съ постоянствомъ, твердостью, энергіей и увѣренностью въ успѣхѣ. Въ этомъ отношеніи онъ стоялъ выше Марія, дѣйствовавшаго всегда и во всемъ преимущественно по побужденію бурныхъ и

измѣнчивыхъ страстей своихъ. Дѣятельный и неутомимый, хитрый и осторожный, неустрашимый и отважный, Силла соединялъ въ себѣ, по словамъ Карбона, свойства лисицы и льва, но былъ еще опаснѣе своею хитростью, нежели своею отважностью. Онъ превосходно умѣлъ содержать свои намѣренія въ тайнѣ, пріуготовлять успѣхъ своихъ дѣйствій, рѣшать оный сильнымъ, неожиданнымъ ударомъ, и искусными дѣйствіями въ полѣ и бою, ласкательствомъ, потворствомъ, подкупомъ, убѣжденіемъ склонять на свою сторону противныхъ полководцевъ или ихъ войска и снискивать любовь, преданность и довѣріе собственныхъ войскъ, соблюдая однако между ними строгіе военные подчиненность и порядокъ, и поддерживая въ нихъ отличный военный духъ. Во всѣхъ своихъ полевыхъ сраженіяхъ— какъ тактикъ, въ осадѣ Аѳинъ и Пирея — какъ поліорцетъ, и въ веденіи войны въ Греціи, Малой Азіи и особенно Италіи—какъ полководецъ, онъ явилъ первостепенныя и замѣчательныя дарованія и искуство, и по всѣмъ этимъ причинамъ достоинъ стать въ числѣ лучшихъ полководцевъ древности.

VI.

Война Серторіянская (82—71).

§ 234.

Дѣйствія Серторія и Метелла въ Испаніи (82—77);—образъ и искуство веденія войны Серторіемъ.

Вскорѣ по прибытіи въ Испанію (см. выше § 229), Серторій вполнѣ успѣлъ снискать въ ней благорасположеніе и преданность народа—уменьшеніемъ податей, вождей народныхъ—кроткимъ и ласковымъ обхожденіемъ съ ними, а всѣхъ вообще испанцовъ и особенно лузитанцовъ—необыкновенными безкорыстіемъ и справедливостью и высокими качествами ума и души. Въ то же время онъ собралъ и вооружилъ всѣхъ находившихся въ Испаніи и способныхъ

сражаться римлянъ, построилъ всякаго рода военныя орудія и машины и большое число триремъ, собралъ продовольственные и военные запасы и сверхъ того сдѣлалъ всѣ необходимыя приготовленія къ войнѣ (83).

Въ слѣдующемъ 82 году, узнавъ, что Силла, овладѣвшій Римомъ, послалъ противъ него сухимъ путемъ чрезъ Галлію Аннія съ арміей, онъ занялъ проходы въ Пиренеяхъ 6-ю тысячами чел. пѣхоты, подъ начальствомъ Ливія Салинатора. Но одинъ плѣнникъ убилъ Салинатора, и войска его разсѣялись, а Анній, перейдя черезъ Пиренеи, принудилъ Серторія, не имѣвшаго возможности держаться въ полѣ, съ 3,000 войскъ запереться въ Новомъ Карѳагенѣ. Недолго однако оставался Серторій въ этомъ городѣ, а именно столько времени, сколько ему нужно было, чтобы посадить войска свои на суда. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ высадиться на берега Испаніи и Африки, онъ успѣлъ наконецъ произвесть высадку на берега Мавританіи и взятіемъ Тингиса (нынѣ Танжиръ или Танжеръ) овладѣлъ всею окрестною страной. Здѣсь онъ получилъ посольство отъ лузитанцовъ, приглашавшихъ его принять начальствованіе надъ ними противъ римлянъ, и немедленно отправился къ нимъ съ 2,600 римскихъ и 700 африканскихъ и разныхъ другихъ войскъ. Съ этою горстью людей, усиленною 4-мя тысячами чел. легкой пѣхоты и 700 человѣкъ конницы лузитанскихъ, онъ искусно и удачно велъ войну противъ четырехъ римскихъ полководцевъ, имѣвшихъ подъ своимъ начальствомъ до 120,000 чел. пѣхоты, 2,000 стрѣлковъ и пращниковъ и 6,000 чел. конницы, разбивалъ ихъ по частямъ при каждой встрѣчѣ и частью лично, а частью чрезъ своего храбраго квестора Гиртулэя, одержалъ столь значительные и важные успѣхи, что въ скоромъ времени чрезвычайно усилился, подчинилъ себѣ бо̀льшую часть Испаніи, объявилъ власть и правленіе Силлы незаконными, образовалъ въ лагерѣ своей арміи сенатъ изъ 300 сенаторовъ и самъ дѣйствовалъ въ званіи консула.

Замѣчательнѣйшимъ изъ римскихъ полководцевъ, первоначально противупоставленныхъ ему, былъ Метеллъ Пій, хотя и онъ имѣлъ два важныхъ недостатка, а именно — былъ медленъ и не умѣлъ вести малой войны въ такой странѣ, какъ Испанія, и противъ такого про-

тивника, какъ Серторій, который велъ войну въ тѣхъ же родѣ и духѣ, что и Виріатъ въ свое время. Тщательно избѣгая общаго боя, онъ безпрестанно тревожилъ Метелла частными, внезапными нападеніями, не давалъ ему покоя, препятствовалъ ему добывать воду и фуражировать, преграждалъ ему путь въ случаѣ движенія, нападалъ на него, какъ скоро онъ останавливался гдѣ-нибудь, отрѣзывалъ ему подвозы и морилъ голодомъ, если онъ осаждалъ какой-нибудь городъ, быстро отступалъ и исчезалъ, если онъ его преслѣдовалъ, и затѣмъ снова появлялся съ другой стороны. Слѣдствіемъ этого было то, что Метеллъ и безъ боя терпѣлъ все, что терпятъ побѣжденные, а войска его, утомленныя такого рода войною, совершенно упадали духомъ. Наконецъ Метеллъ, чтобы поправить свои дѣла какимъ-нибудь важнымъ успѣхомъ, осадилъ Лакобригу (въ нынѣшней Старой Кастиліи), главное складочное мѣсто Серторія. Но Серторій умѣлъ искусно и удачно снабдить осажденныхъ водою, въ которой они имѣли недостатокъ, напалъ изъ засады и разбилъ 6-тисячный отрядъ, посланный на фуражировку Метелломъ, крайне нуждавшимся въ продовольствіи, и тѣмъ заставилъ его снять осаду и призвать на помощь Манилія, начальствовавшаго въ нарбоннской Галліи. Но Манилій съ 3-мя легіонами былъ на́-голову разбитъ Серторіемъ и бѣжалъ почти одинъ въ Илерду (нынѣ Лерида). Эта побѣда открыла Серторію входъ въ Галлію и онъ, проникнувъ до самыхъ Альповъ, *занялъ проходы* въ нихъ (77), какъ для удержанія римскихъ войскъ, которыя могли *быть посланы* противъ него изъ Италіи, такъ и для внесенія войны, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ эту страну.

Всѣ эти успѣхи Серторія еще болѣе усилили преданность и довѣріе къ нему испанцовъ и снискали ему общія съ ихъ стороны уваженіе и расположеніе, которыя онъ еще усугубилъ, дѣйствуя на ихъ суевѣріе и представляя себя подъ особеннымъ покровительствомъ боговъ. Въ особенности же онъ снискалъ любовь ихъ тѣмъ, что собралъ дѣтей знатнѣйшихъ между ними и заставилъ обучать ихъ наукамъ и искуствамъ, дабы сдѣлать ихъ со временемъ достойными высшихъ званій и должностей, а между тѣмъ дѣти эти служили ему заложниками. Пользуясь такого рода вліяніемъ своимъ

на испанцовъ, онъ далъ имъ римскія: вооруженіе и тактическое устройство, пріучилъ ихъ къ военнымъ подчиненности и порядку и образовалъ изъ нихъ отличное, правильно-устроенное и храброе войско. Высшія начальническія званія въ войскѣ онъ давалъ однако римлянамъ, потому что вовсе не имѣлъ намѣренія вооружать испанцовъ противъ Рима, но хотѣлъ только освободить Римъ, посредствомъ ихъ, отъ тиранства аристократіи. Въ отношеніи къ этой послѣдней, онъ былъ твердъ и гордъ въ неудачахъ, но, одержавъ побѣду, нерѣдко самъ предлагалъ положить оружіе, лишь бы только ему было позволено жить на свободѣ и въ покоѣ, частнымъ человѣкомъ, среди своихъ родныхъ и ближнихъ. При такихъ превосходныхъ качествахъ Серторія, неудивительно, что онъ былъ столько же любимъ римлянами, находившимися въ Испаніи, сколько и испанцами. Такъ Перперна, бѣжавшій изъ Сициліи и Сардиніи въ Испанію (см. *выше* § 231), богатый и гордый аристократъ, презиралъ Серторія, какъ человѣка низкаго происхожденія, завидовалъ его силѣ и славѣ и потому дѣйствовалъ совершенно отдѣльно отъ него. Когда разнеслась вѣсть, что противъ Серторія въ Испанію посылаютъ Помпея, тогда войска Перперны (въ числѣ 53 когортъ) потребовали, чтобъ онъ велъ ихъ къ Серторію, грозя въ противномъ случаѣ сами уйти къ нему. Перперна нашелся вынужденнымъ исполнить ихъ требованіе: но лично сдѣлалъ Серторію болѣе вреда, нежели приведенное имъ подкрѣленіе принесло Серторію пользы.

§ 235.

Дѣйствія Серторія, Помпея и Метелла въ Испаніи (77—75);—осада Лаврона;—сраженія при Италикѣ, Сукронѣ и Сегонтіи.

Въ то время, когда Серторій находился на высшей степени силы и славы въ Испаніи, Помпей, доселѣ только простой всадникъ и частный человѣкъ, былъ посланъ противъ него (77) съ арміей въ званіи проконсула (примѣръ невиданный и неслыханный у римлянъ). Онъ началъ съ того, что не только силой перешелъ черезъ Альпы, но и устроилъ въ нихъ иную и болѣе удобную дорогу, нежели та, которою слѣдовалъ Аннибалъ. Въ нарбоннской Галліи

онъ отнялъ у Серторія всѣ занятые имъ пункты и, перейдя черезъ Пиренеи, появленіемъ своимъ въ Испаніи произвелъ такое сильное впечатлѣніе на римлянъ и даже на испанцовъ, что тѣ и другіе начали колебаться въ вѣрности Серторію. Но Серторій съ первой встрѣчи одержалъ надъ Помпеемъ такой успѣхъ, который немедленно изгладилъ это впечатлѣніе и утвердилъ подчиненныхъ Серторію римлянъ и испанцовъ въ прежней и даже большей еще покорности ему. Помпей, приблизясь къ городу Лаврону (какъ полагаютъ—недалеко отъ нынѣшней Валенсіи), осаждаемому Серторіемъ, хотѣлъ овладѣть выгодною для осаждавшихъ, но незанятою ими высотою. Но Серторій предупредилъ его, и Помпей, оставшись расположеннымъ противъ него, надѣялся обложить его самого со стороны поля. Узнавъ объ этомъ, Серторій насмѣшливо обѣщалъ научить ученика Силлы, что полководецъ долженъ смотрѣть болѣе назадъ, нежели впередъ. Дѣйствительно, занявъ означенную высоту главными своими силами, онъ оставилъ въ прежнемъ своемъ лагерѣ 6,000 отборныхъ войскъ, которыя, безпрестанно угрожая напасть на Помпея съ тыла, препятствовали ему съ своей стороны нападать на Серторія, дабы не попасть между двухъ частей непріятельской арміи. Это поставило Помпея въ большое затрудненіе: удалиться отъ города, который онъ пришелъ освободить, ему было стыдно, а освободить оный боемъ было невозможно. Нападеніе же Серторіевыхъ войскъ изъ засады на отрядъ Помпеевыхъ фуражировъ и почти совершенное истребленіе какъ его, такъ и посланнаго въ помощь ему легіона, довершило неудачу Помпея и принудило осажденныхъ сдаться Серторію на уговоръ. Серторій, даровавъ имъ жизнь, сжегъ однако ихъ городъ, въ глазахъ Помпея, дабы этимъ съ самой первой встрѣчи нанести чувствительный ударъ извѣстности, славѣ и вліянію его, чего дѣйствительно и достигъ. Затѣмъ арміи съ обѣихъ сторонъ разошлись и расположились на зиму, Помпеева и Метеллова—въ Пиренеяхъ, гдѣ ихъ всю зиму тревожилъ непріятель, а Серторіева—въ Лузитаніи.

Въ слѣдующемъ (76) году Гиртулэй остался въ бэтической Испаніи противъ Метелла, а Серторій двинулся въ восточную Испанію (нынѣшнюю область Валенсію) противъ Помпея. Храбрый

но недовольно осторожный Гиртулэй, сошедшись съ Метелломъ при Италикѣ (близъ нынѣшней Севильи), съ ранняго утра вывелъ войска свои изъ лагеря и построилъ лучшія въ серединѣ, а менѣе надежныя по флангамъ. Но Метеллъ, продержавъ его подъ оружіемъ и сильнымъ зноемъ до самаго полудня, выступилъ изъ лагеря съ своими сытыми и свѣжими войсками противъ его войскъ голодныхъ и утомленныхъ, выдвинулъ оба свои крыла, легко разбилъ оба крыла Гиртулэя, затѣмъ напалъ на его центръ съ фронта и обоихъ фланговъ, и послѣ упорнаго боя разбилъ и его. Гиртулэй потерялъ до 20,000 чел. убитыми, бѣжалъ и вскорѣ въ другомъ бою былъ убитъ. Пораженіе и смерть его огорчили, но не устрашили Серторія, и онъ вскорѣ вознаградилъ неудачу съ этой стороны важнымъ успѣхомъ, одержаннымъ съ другой надъ Помпеемъ. Послѣдній, разбивъ (близъ нынѣшней Валенсіи) Перперну, двинулся противъ Серторія. Оба искали *боя*, Серторій—для того, чтобъ имѣть однимъ противникомъ менѣе, Помпей—чтобы ни съ кѣмъ не дѣлить побѣды. Близъ города Сукроны (при устьѣ нынѣшней р. Хукара, Xucar) и произошелъ упорный бой, въ которомъ успѣхъ былъ на сторонѣ Серторія вездѣ, гдѣ онъ находился лично, сначала на правомъ, а потомъ на лѣвомъ его крылѣ, въ которомъ онъ и опрокинулъ совершенно правое крыло Помпея (причемъ самъ Помпей едва не былъ взятъ въ плѣнъ). Но правое крыло Серторія, по удаленіи его, было совершенно разбито *легатомъ Помпеевымъ*, Афраніемъ, который, преслѣдуя оное, взялъ и началъ грабить лагерь Серторія. Однако Серторій, обратясь назадъ, прогналъ его, и такимъ образомъ бой кончился съ равнымъ почти урономъ и успѣхомъ, потому что съ обѣихъ сторонъ одно крыло было разбито, а другое одержало побѣду. Но успѣхъ вообще былъ скорѣе на сторонѣ Серторія, нѐжели Помпея, и первый хотѣлъ уже на слѣдующій день возобновить бой, когда присоединеніе къ Помпею Метелла заставило его уклониться отъ боя *), распустивъ свое войско, но назначивъ ему время и мѣсто сбора (что онъ дѣлалъ очень часто). Затѣмъ Метеллъ и

---

*) При этомъ случаѣ онъ насмѣшливо сказалъ: еслибы не подоспѣла эта баба (Метеллъ), то я отослалъ бы мальчишку (Помпея) въ Римъ, наказавъ его какъ слѣдуетъ (разумѣя—розгами).

Помпей, дѣйствуя совокупными силами и съ примѣрнымъ согласіемъ, долго и тщетно старались принудить Серторія къ общему бою; но онъ постоянно и искусно уклонялся отъ него, ведя малую войну, отрѣзывая Помпею и Метеллу подвозы и препятствуя имъ фуражировать. Недостатокъ въ продовольствіи принудилъ ихъ наконецъ выйти въ поле на фуражировку съ цѣлою арміей. Серторій хотѣлъ воспрепятствовать ихъ фуражировкѣ и по необходимости принужденъ былъ вступить съ ними близъ Сегонтіи въ общій бой. Опрокинувъ и разбивъ Помпея на одномъ крылѣ, онъ поспѣшилъ на помощь Перпернѣ, почти совершенно подавленному на другомъ крылѣ Метелломъ. Но войска Метелла, видя его раненымъ, съ такимъ ожесточеніемъ напали на Серторіевыхъ испанцовъ, что опрокинули и совершенно разбили ихъ. Побѣжденный Серторій снова распустилъ свою армію и самъ съ небольшимъ числомъ храбрѣйшихъ заперся въ одномъ укрѣпленномъ городѣ и держался въ немъ до тѣхъ поръ, пока не узналъ, что армія его снова собралась въ назначенномъ мѣстѣ въ достаточныхъ силахъ. Тогда, пробившись сквозь непріятелей, онъ снова присоединился къ своей арміи и продолжалъ дѣйствовать по прежнему, какъ будто вовсе не былъ побѣжденъ, ведя малую войну столь дѣятельно, что Метеллъ, долго праздновавшій побѣду надъ нимъ, наконецъ, дабы избавиться отъ него, прибѣгнулъ къ низкому и постыдному средству, назначивъ 100 талантовъ за его голову.

О дѣйствіяхъ его въ слѣдующемъ (75) году извѣстно только то, что онъ, избѣгая боя тщательнѣе, а малую войну ведя дѣятельнѣе, нежели когда-либо прежде, принудилъ Помпея снять осаду Палланціи, внезапно напавъ близъ Калагуриса (нынѣ Calahorra, въ Старой Кастиліи) на непріятельскій отрядъ, нанесъ ему уронъ въ 3,000 чел. и вообще дѣйствовалъ съ большимъ успѣхомъ, безпрестанными движеніями и передвиженіями и внезапными нападеніями изъ засадъ до крайности утомилъ арміи Метелла и Помпея, отрѣзалъ имъ всѣ подвозы и съ сухаго пути, и съ моря, и довелъ ихъ до того, что онѣ были принуждены удалиться, первая въ дальнюю Испанію, а послѣдняя въ нарбоннскую Галлію.

Въ этомъ же году Митридатъ, готовясь возобновить войну съ

Римомъ, предложилъ Серторію союзъ, деньги и военныя суда—за уступку Малой Азіи. Но Серторій ни за что не хотѣлъ согласиться на уступку страны, завоеванной римскимъ оружіемъ, хотя крайне нуждался и въ деньгахъ, и во флотѣ. Наконецъ однако между нимъ и Митридатомъ былъ заключенъ договоръ, по которому Серторій получилъ отъ Митридата 3,000 талантовъ и 40 военныхъ судовъ, а Митридатъ отъ Серторія — полководца (Серторіева сенатора Марія) и отрядъ Серторіевыхъ римскихъ войскъ, и сверхъ того Серторій обѣщалъ по окончаніи войны уступить Митридату Виѳинію и Каппадокію.

§ 236.

Дѣйствія Серторія въ Испаніи въ 74—73 годахъ;—убіеніе его;—качества и достоинства его, какъ полководца.

Дѣйствія Серторія въ 75-мъ году были послѣдними блистательными военными подвигами въ его жизни. Хотя онъ еще два года (74—73) продолжалъ вести войну въ Испаніи, но дѣйствія его въ ней уже не столько замѣчательны, сколько прежде. Силы его постоянно слабѣли вслѣдствіе частыхъ измѣнъ и строгости его для наказанія и прекращенія ихъ. Духъ мятежа, вдохновенный недостойнымъ, презрѣннымъ Перперною въ окружавшихъ Серторія римлянъ и римскія войска, принудилъ Серторія довѣрять болѣе испанцамъ, нежели римлянамъ, что произвело еще большее неудовольствіе между послѣдними и взаимную ненависть между ними и испанцами. Многіе заговоры противъ жизни Серторія, бывъ открыты, возбудили въ немъ недовѣрчивость, ожесточили его нравъ, дотолѣ кроткій и благодушный, и заставили его быть чрезвычайно строгимъ. Съ каждымъ днемъ умножалось число враговъ его, не только между римлянами, но уже и между испанцами. Наконецъ заговоръ, составленный Перперною, имѣлъ результатомъ убіеніе (въ 73 году) доблестнаго Серторія, 8 лѣтъ съ величайшими искуствомъ и успѣхомъ, честію и славой державшагося противъ двухъ лучшихъ римскихъ полководцевъ своего времени, наносившаго имъ частыя пораженія и не побѣжденнаго, но павшаго жертвой коварства и измѣны. Онъ подлинно

былъ великій человѣкъ и великій полководецъ, равно чуждый и нѣги, и страха, умѣренный въ счастіи, твердый въ неудачахъ, необыкновенно смѣлый въ соображеніяхъ и искусный въ дѣйствіяхъ въ открытомъ полѣ, въ военныхъ хитростяхъ, въ пользованіи мѣстностью, въ быстротѣ и скрытности движеній, въ веденіи малой войны, въ внезапныхъ нападеніяхъ и въ устроеніи засадъ. Въ этихъ отношеніяхъ онъ былъ вторымъ Аннибаломъ и испанцы, еще памятуя славу великаго полководца карѳагенскаго, именемъ его обыкновенно величали Серторія. Онъ превосходно умѣлъ управлять умами и испанцовъ, и войскъ своихъ, щедро награждая заслуги и отличія военныя, и кротко, съ соболѣзнованіемъ наказывая проступки. Одаренный отъ природы крѣпостью, силой и ловкостью тѣлесными, и ведя жизнь простую, воздержную и дѣятельную, онъ былъ способенъ къ перенесенію величайшихъ трудовъ, самыхъ дальнихъ и быстрыхъ походовъ и продолжительнаго бдѣнія, и даже въ досугѣ не оставался празднымъ, но занимался охотой, доставлявшей ему близкое знаніе мѣстности.

§ 237.

Война въ Испаніи по смерти Серторія (72—71).

Лучшимъ доказательствомъ высокаго достоинства Серторія служитъ то, что *по смерти его война въ Испаніи* хотя и продолжалась еще 2 года (72—71), но уже съ постояннымъ неуспѣхомъ маріянской партіи и рѣшительнымъ перевѣсомъ силланской. Немедленно по убіеніи Серторія, Перперна старался захватить власть и начальствованіе надъ войскомъ. Но привязанные къ памяти Серторія испанцы съ ужасомъ взирали на его убійцу и многія племена рѣшились лучше покориться Метеллу или Помпею. Наконецъ однако Перперна успѣлъ, отчасти ласкательствами и деньгами, отчасти угрозами и казнями, удержать войска подъ знаменами, а потомъ—и заставить признать себя главнымъ предводителемъ, но не надолго. Вскорѣ онъ вполнѣ доказалъ неспособность свою къ начальствованію войсками и управленію войною, и небольшаго труда стоило Помпею побѣдить его. Помпей устроилъ засаду—и Перперна, съ величайшею

опрометчивостью позволивъ завлечь себя въ нее, былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ, а армія его на́-голову разбита и разсѣяна (72). Послѣ этого остаткамъ маріянской партіи въ Испаніи не оставалось ничего болѣе, какъ прибѣгнуть къ великодушію Помпея — и всѣ города Испаніи, за исключеніемъ Уксамы (нынѣ Осма) и Калагуриса, поспѣшили покориться ему. Помпей осадилъ, взялъ и разрушилъ Уксаму, но Калагурисъ, осажденный Афраніемъ, держался до тѣхъ поръ, пока жестокій голодъ не принудилъ жителей его сдаться, послѣ чего городъ былъ сожженъ (71). Этимъ и кончилась Серторіянская война, а съ нею исчезли и послѣдніе остатки маріянской партіи, и партія силланская осталась одна верховною властительницею республики, хотя и не надолго,

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

ВОЙНЫ РИМЛЯНЪ ВО ВРЕМЕНА МЕЖДУУСОБІЙ (133—30)

(продолженіе).

VII. Война съ рабами въ Италіи (73—71).—§ 238. Война въ 73-мъ и 72-мъ годахъ.—Причины и начало ея;—дѣйствія и побѣды Спартака.—§ 239. Война въ 71-мъ году.—Дѣйствія Красса и Спартака въ южной Италіи;—дѣйствія на регійскомъ полуостровѣ;—сраженіе при р. Спларѣ.—VIII. Война съ морскими разбойниками и съ критянами (88—67).—§ 240. Война съ 78-го по 67-й годъ.—Начало и развитіе морскаго разбойничества;—дѣйствія римлянъ съ 87-го по 78-й и съ 78-го по 67-й годъ;—назначеніе Помпея.—§ 241. Война въ 67-мъ году.—Планъ и мѣры Помпея;—дѣйствія его въ средиземномъ морѣ и въ Киликіи, а Метелла на о. Критѣ.—IX. 2-я война римлянъ съ Митридатомъ (75—64).—§ 242. Начало войны;—дѣйствія Митридата и Лукулла въ Фригіи и Виѳиніи;—осады Халкедона и Кизика (75—73).—§ 243. Дѣйствія Лукулла въ Виѳиніи, на морѣ и въ Понтѣ;—побѣды его при о. Лемносѣ и въ Понтѣ (73—71).—§ 244. Война римлянъ съ Тиграномъ;—движеніе Лукулла въ большую Арменію;—сраженіе при Тигранопертѣ (70—69).—§ 245. Движеніе Лукулла черезъ Тавръ и къ Артаксатѣ;—сраженіе при р. Арзаніѣ;—движеніе Лукулла къ Низибу (68).—§ 246. Переворотъ войны въ пользу Тиграна и Митридата;—бой при Зелѣ (67).—§ 247. Назначеніе Помпея;—дѣйствія его и Митридата въ Понтѣ и Малой Арменіи;—сраженіе при Евфратѣ;—дѣйствія Помпея въ Большой Арменіи противъ Тиграна (66).—§ 248. Дѣйствія Помпея въ странахъ кавказскихъ (66—65).—§ 249. Движеніе Помпея въ Амизъ и Сирію;—дѣйствія Митридата въ воспорскомъ царствѣ;—планъ, смерть и качества его (64—63).

Древніе источники и новѣйшія историческія пособія — указанные въ главѣ XXXI.

VII.

Война съ рабами въ Италіи (73—71).

§ 238.

Война въ 73 и 72 годахъ.

Причины и начало войны;—дѣйствія и побѣды Спартака.

Въ самый годъ убіенія Серторія (73), въ Италіи вспыхнула страшная и опасная для Рима война римлянъ съ ихъ рабами.

Со времени распространенія римлянами своихъ завоеваній и вла-

сти внѣ предѣловъ Италіи, число въ ней и въ Сициліи рабовъ изъ военноплѣнныхъ, большею частію принадлежавшихъ къ воинственнымъ народамъ: галламъ, германцамъ и ѳракіянамъ, увеличиваясь постепенно, возрасло наконецъ до невѣроятной степени. Но положеніе этого класса людей, не смотря на ужасныя возстанія ихъ, три раза въ разныя времена происходившія въ Сициліи, нетолько не было облегчено и улучшено, но и становилось все болѣе и болѣе тягостнымъ и невыносимымъ. Наконецъ въ 73 году ничтожное сначала обстоятельство послужило поводомъ къ всеобщему возстанію рабовъ въ Италіи. Изъ числа тѣхъ изъ нихъ, которые находились въ Капуѣ, въ одной гладіаторской школѣ, 200 согласились бѣжать, но намѣреніе ихъ было открыто и только 78 успѣли бѣжать и вооружиться одними ножами. Едва они вышли изъ Капуи, какъ встрѣтили повозку, везшую гладіаторское оружіе. Завладѣвъ имъ и засѣвъ въ неприступной мѣстности, они вслѣдъ затѣмъ разбили вышедшихъ противъ нихъ капуанцовъ, вооружились отнятымъ у нихъ оружіемъ и утвердились на Везувіѣ. Первый успѣхъ значительно умножилъ число ихъ и они избрали трехъ предводителей: Спартака, Крикса и Эномауса. Изъ нихъ Спартакъ, родомъ ѳракіянинъ, превосходилъ прочихъ отличными своими дарованіями и, первый подвигнувъ товарищей своихъ къ бѣгству, вскорѣ сдѣлался главнымъ ихъ предводителемъ и душою возстанія. Дабы подавить оное въ самомъ началѣ, сенатъ послалъ противъ мятежныхъ рабовъ претора Клавдія Пульхера съ 3,000 войскъ. Клавдій занялъ у подошвы Везувія главные всходы на его вершину и былъ увѣренъ, что, обложивъ рабовъ на Везувіѣ, принудитъ ихъ сдаться. Но они связали лѣстницы изъ виноградныхъ лозъ и спустились съ той стороны Везувія, которую Клавдій, по причинѣ ея неприступности, оставилъ незанятою. Не довольствуясь этимъ, Спартакъ немедленно вслѣдъ затѣмъ произвелъ на Клавдіевы войска нечаянное нападеніе, разбилъ ихъ и взялъ ихъ лагерь. Эта первая побѣда надъ римскими войсками привлекла къ Спартаку множество италійскихъ рабовъ и вскорѣ число ихъ возрасло до 10,000 чел. Первою заботой Спартака было вооружить ихъ приличнымъ образомъ и вскорѣ онъ съ необыкновенною дѣятельностью изготовилъ нужное число щитовъ, мечей и про-

чаго оружія, равно завладѣлъ также нѣсколькими конскими заводами, для образованія конницы. Затѣмъ войско Спартака разграбило и разорило селенія и многіе города Кампаніи и, вопреки запрещенію Спартака, произвело повсюду необыкновенныя жестокости. Тогда сенатъ былъ вынужденъ послать противъ Спартака цѣлую армію подъ начальствомъ претора Варинія. Но уже тотчасъ по прибытіи Варинія, одинъ изъ его частныхъ начальниковъ, Фурій, съ 2-хъ-тысячнымъ отрядомъ, былъ отдѣльно разбитъ Спартакомъ, другой же, Коссиній, внезапно атакованный въ Луканіи, былъ убитъ, а отрядъ его разбитъ и лагерь взятъ. Но самъ Вариній вскорѣ послѣ того заперъ Спартака въ одной горной тѣснинѣ; однако Спартакъ успѣлъ уйти ночью и затѣмъ нѣсколько разъ разбивалъ Варинія. Но ни одержанные имъ успѣхи, ни сила его войска, возросшая подъ конецъ года уже до 40,000 чел., не ослѣпили его и онъ явилъ замѣчательныя умѣренность и благоразуміе. Убѣжденный въ невозможности одолѣть римлянъ и въ неизбѣжности собственной, ранней или поздней гибели, онъ вознамѣрился только идти къ Альпамъ, дабы, по переходѣ черезъ нихъ, галлы и ѳракіяне, составлявшіе наибольшую часть его войска, могли воротиться на родину свободными. Но войско его, гордясь числомъ и успѣхами своими, и жадное къ грабежу и корысти, отвергло мудрое его предложеніе и безразсудно предпочло грабить Италію.

Такимъ *образомъ въ то время, какъ* Помпей уничтожалъ остатки маріянской партіи въ Испаніи, а Лукуллъ торжествовалъ надъ Митридатомъ въ Азіи (см. ниже), мятежные рабы (число которыхъ въ 72 году возрасло уже до 70,000) въ самой Италіи, почти подъ стѣнами самаго Рима, грозили ему величайшею опасностью. Въ этихъ крайнихъ обстоятельствахъ, сенатъ выставилъ три арміи, подъ начальствомъ консуловъ Геллія Публиколы и Корнелія Лентула и претора Аррія. Отъ дѣйствій столь значительныхъ силъ можно и должно было ожидать тѣмъ болѣе успѣха, что въ войскѣ Спартака въ это самое время произошли несогласія и вслѣдствіе того — раздѣленіе силъ. Криксъ съ своими соотечественниками галлами пошелъ въ Апулію и началъ разорять ее, а Спартакъ съ ѳракіянами двинулся чрезъ Аппеннины къ сѣверу, въ намѣреніи достигнуть Аль-

повъ. Геллій и Аррій разбили Крикса въ Апуліи такъ, что изъ 30,000 его войскъ погибло 20,000 и въ томъ числѣ самъ Криксъ. Но за то Спартакъ, встрѣтивъ на пути армію столь же безразсудно-отважнаго, сколько и неспособнаго Лентула, разбилъ и разсѣялъ ее, и затѣмъ, обратясь противъ Геллія и Аррія, шедшихъ изъ Апуліи въ намѣреніи поставить его между трехъ римскихъ армій, разбилъ и ихъ также въ открытомъ бою (какъ кажется въ Умбріи). Послѣ этой побѣды, мстя униженіемъ за униженіе, онъ заставилъ 300 отборнѣйшихъ и храбрѣйшихъ римскихъ плѣнниковъ произвесть, въ честь павшаго Крикса, гладіаторскій бой и предалъ смерти всѣхъ прочихъ плѣнниковъ, а для облегченія дальнѣйшаго движенія, убилъ весь негодный къ службѣ вьючный скотъ и истребилъ всѣ ненужныя тяжести, взятыя у непріятеля, и имѣя уже 120,000 войскъ, пошелъ не къ Альпамъ, а къ Риму. Геллій и Лентулъ, двинувшіеся противъ него со всѣми войсками, какія только могли собрать въ Пиценѣ, какъ кажется, остановили его; но онъ отмстилъ за то, разбивъ и обративъ въ бѣгство проконсула Кассія и претора Манлія.

Причинами столь частыхъ и важныхъ успѣховъ рабовъ и неудачъ римлянъ были: съ одной стороны—мужество и храбрость рабовъ и искуство Спартака, а съ другой—нравственное развращеніе римскихъ армій, совершенное ослабленіе въ нихъ военныхъ подчиненности и порядка, и особенно—неспособность ихъ предводителей. А потому въ 71 году сенатъ и поручилъ веденіе войны съ рабами Крассу, уже подъ начальствомъ Силлы въ Италіи явившему опыты искуства, а теперь бывшему преторомъ и единственнымъ въ Италіи способнымъ полководцемъ, на котораго можно было положиться.

§ 239.

Война въ 71 году.

Дѣйствія Красса и Спартака въ южной Италіи;—дѣйствія на регійскомъ полуостровѣ;—сраженіе на р. Силарѣ.

Крассъ вполнѣ оправдалъ оказанное ему довѣріе. Прибывъ въ Пиценъ, онъ возстановилъ въ римской арміи строгій военный по-

рядокъ, заставилъ бояться себя въ ней и вдохнулъ въ нее новый духъ, а между тѣмъ наблюдалъ крайнюю осторожность и, избѣгая общаго боя, только препятствовалъ Спартаку идти къ Риму. Вскорѣ онъ разбилъ 10-ти тысячный отрядъ рабовъ и болѣе 6,000 положилъ на мѣстѣ, а вслѣдъ затѣмъ одержалъ частный успѣхъ надъ самимъ Спартакомъ и принудилъ его отступить въ Луканію. Отсюда Спартакъ двинулся въ южный Бруттій, съ цѣлью приблизиться къ Сициліи, переправить въ нее часть своихъ войскъ и въ ней также возжечь (въ 4-й разъ) войну рабовъ. Онъ достигнулъ Регія, но не могъ переправить своихъ войскъ въ Сицилію, ни на судахъ морскихъ разбойниковъ, которые его обманули, ни еще менѣе на устроенныхъ имъ плотахъ. А между тѣмъ Крассъ послѣдовалъ за нимъ и заперъ его на регійскомъ полуостровѣ, съ большимъ трудомъ, но въ самомъ непродолжительномъ времени преградивъ перешеекъ, соединявшій этотъ полуостровъ съ материкомъ, высокою и толстою стѣною со рвомъ впереди, глубиною и шириною въ 15 футовъ. Спартакъ, занятый вооруженіемъ своихъ войскъ, не обратилъ сначала вниманія на Крассовы работы. Но когда онѣ были кончены и въ войскѣ его произошолъ недостатокъ въ продовольствіи и наконецъ голодъ, тогда, не имѣя возможности спастись моремъ, онъ рѣшился силой прорваться сквозь Крассову укрѣпленную линію. Первыя попытки его были неудачны: онъ былъ отраженъ съ большимъ урономъ. Но наконецъ, воспользовавшись одною тёмною и бурною ночью, въ продолженіи которой дулъ сильный вѣтеръ и шелъ снѣгъ, онъ искусно и удачно успѣлъ завалить часть рва землею и фашинами, и—что всего удивительнѣе—перебрался съ цѣлымъ своимъ войскомъ не только черезъ ровъ, но и черезъ стѣну, не потерявъ ни одного человѣка (что—если только оно справедливо—не приноситъ большой чести бдительности Крассовыхъ войскъ). Такимъ образомъ онъ совершенно разрушилъ искусный планъ Красса, и Крассъ, огорченный и вмѣстѣ встревоженный тѣмъ, представилъ сенату необходимость обратить противъ Спартака, какъ Варрона Лукулла (брата того, который дѣйствовалъ противъ Митридата), такъ и Помпея, которые въ это самое время возвращались, первый—изъ Ѳракіи, а второй—изъ Испаніи. Самъ же онъ между тѣмъ, пользуясь вторич-

нымъ отдѣленіемъ галльскихъ рабовъ отъ ѳракійскихъ и Спартака, напалъ на нихъ и совершенно истребилъ бы ихъ, еслибы Спартакъ не подоспѣлъ имъ на помощь. Ободренный этимъ успѣхомъ и сожалѣя уже о призваніи Лукулла и Помпея, Крассъ положилъ предупредить прибытіе ихъ рѣшительнымъ пораженіемъ рабовъ и окончаніемъ войны съ ними, въ чемъ и имѣлъ полный и блистательный успѣхт. Такъ какъ галльскіе рабы, предводительствуемые двумя собственными вождями, располагались станомъ всегда отдѣльно отъ Спартака, то Крассъ и оставилъ часть своихъ силъ противъ послѣдняго, но расположилъ ихъ такъ, что Спартакъ принималъ ихъ за главныя силы: самъ же Крассъ съ большею частію своей арміи скрытно двинулся противъ галльскихъ рабовъ и разбилъ ихъ на-голову, положивъ на мѣстѣ (по Титу Ливію) до 35,000 чел. Спартакъ немедленно предпринялъ отступленіе въ Апулію и, воспользовавшись недовольно осторожнымъ и не въ порядкѣ производившимся преслѣдованіемъ его Крассовыми легатомъ и квесторомъ, внезапно обратился назадъ и въ выгодномъ бою съ ними обратилъ ихъ въ постыдное бѣгство, но тѣмъ только ускорилъ окончательное свое пораженіе. Войска его, гордясь одержаннымъ успѣхомъ, принудили его идти, вмѣсто Апуліи, противъ Красса, и сверхъ того самъ Спартакъ, свѣдавъ о прибытіи Лукулла въ Брундузій и о приближеніи Помпея изъ сѣверной Италіи, опасался попасть между трехъ римскихъ армій и предпочелъ лучше уже имѣть дѣло только съ одною. Съ своей стороны и Крассъ не менѣе его желалъ боя, дабы не раздѣлять съ Лукулломъ и особенно съ Помпеемъ чести побѣды и окончанія войны. Вслѣдствіе того, на р. Силарѣ, на границѣ Луканіи и Кампаніи (нынѣ р. Силаро, къ югу отъ Салерна), произошелъ упорнѣйшій и кровопролитнѣйшій бой, въ которомъ Спартакъ, твердо рѣшась побѣдить или умереть, сражался съ отчаянною храбростью и наконецъ палъ весь израненый. Вскорѣ затѣмъ все войско его было обращено въ бѣгство и римляне, преслѣдуя оное и никому не давая пощады, положили до 40,000 чел. на мѣстѣ. Остальные разсѣялись въ разныхъ направленіяхъ и стали потомъ собираться отдѣльными толпами. Самая большая изъ нихъ, силою до 5,000 чел., двинулась въ сѣверную Италію, но встрѣченная при переходѣ че-

резъ Аппеннины Помпеемъ, была совершенно истреблена имъ. Основываясь на этомъ маловажномъ успѣхѣ, Помпей присвоилъ себѣ честь окончанія войны съ рабами и заставилъ несправедливо удостоить себя большимъ тріумфомъ. Крассъ же, въ 6 мѣсяцевъ окончившій опасную для Рима войну, преслѣдовавшій, послѣ побѣды при Силарѣ, остатки Спартакова войска, очистившій отъ нихъ, къ концу года, всю Италію и всѣмъ этимъ оказавшій Риму величайшую услугу—былъ награжденъ только оваціею. Это еще болѣе усилило взаимную вражду Красса и Помпея, и послужило причиной явнаго политическаго соперничества ихъ.

Такъ кончилась война римлянъ съ ихъ рабами, страшная и опасная для Рима, и по близости своей отъ него, и по жестокости, съ которою ее вели возставшіе рабы, и въ особенности — по дарованіямъ и искуству Спартака. Этотъ вождь мятежныхъ рабовъ во многихъ отношеніяхъ представляетъ большое сходство съ народнымъ вождемъ лузитанцовъ, Виріатомъ, и подобно ему, по своимъ дарованіямъ, былъ выше своего званія. Храбрый воинъ и искусный вождь, съ равнымъ успѣхомъ умѣвшій употреблять и силу, и хитрость, неустрашимый въ опасностяхъ, твердый въ неудачахъ и умѣренный въ счастіи, смѣлый, быстрый, рѣшительный, но ни всегда благоразумный и осторожный въ своихъ дѣйствіяхъ, три года удачно и не безъ славы велъ онъ войну съ Римомъ, въ самомъ средоточіи его могущества, и былъ побѣжденъ *только стеченіемъ неблагопріятныхъ* обстоятельствъ, раздорами и несогласіями въ собственномъ войскѣ и удачею, еще болѣе нежели искуствомъ, Красса и поэтому справедливо можетъ быть поставленъ, вмѣстѣ съ Виріатомъ, въ число замѣчательныхъ военныхъ вождей древности.

VIII.

Война съ морскими разбойниками и съ критянами (78—67).

§ 240.

Война съ 78 по 67 годъ.

Начало и развитіе морскаго разбойничества; — дѣйствія римлянъ съ 87 по 78 годъ и съ 78 по 67 годъ;—назначеніе Помпея.

Война съ морскими разбойниками, происходившая въ одно время съ серторіянскою и войною съ рабами, заслуживаетъ вниманія какъ потому, что съ морскими дѣйствіями въ ней были соединены и сухопутныя, такъ и по важности и опасности ея для Рима, по участію, которое въ ней принялъ Помпей, искуству, съ которымъ онъ въ ней дѣйствовалъ, и скорости и успѣху, съ какими ее кончилъ.

Мѣстомъ происхожденія морскихъ разбойниковъ была западная или горная Киликія (иначе Исаврія) въ Малой Азіи, а началомъ его— времена внутреннихъ смутъ и междуусобій, раздиравшихъ сирійское царство Селевкидовъ въ 3-мъ и 2-мъ вѣкахъ до Р. Х. Первоначально морскіе разбойники промышляли похищеніемъ въ Сиріи и весьма прибыльною въ тѣ времена продажей на островѣ Делосѣ рабовъ. Но съ ходомъ времени, тайно покровительствуемые врагами Сиріи, царями кипрскими и египетскими, отчасти также, какъ полагаютъ, корыстолюбивыми римскими правителями въ Малой Азіи, и во всякомъ случаѣ долго оставленные со стороны римлянъ безъ вниманія, они возрасли числомъ, усилились и сдѣлались дерзкими до чрезвычайности, особенно по распущеніи въ 85 году Митридатова флота. Съ этого времени они не ограничивали уже своихъ разбоевъ восточною частію средиземнаго моря, но распространили ихъ въ водахъ Италіи и Сициліи, отрѣзывали подвозы хлѣба моремъ въ Римъ и производили частыя высадки на берега Сициліи и Италіи, даже въ окрестностяхъ самаго Рима (чему отчасти втайнѣ способствовалъ Митридатъ). Въ это время они образовали уже сильную и

грозную, морскую разбойничью республику, средоточіемъ которой была, по прежнему, горная и неудободоступная Киликія. Здѣсь находились главные ихъ притоны и морскіе склады и заведенія. Они привлекли на свою сторону даже нѣкоторые сильные и богатые города, какъ, напримѣръ, Олимпъ и Фазелисъ въ Малой Азіи, изъ которыхъ въ первомъ находились общій ихъ храмъ и казнохранилище. Они имѣли цѣлые флоты и арміи и собственныхъ предводителей, и въ числѣ ихъ были не одни киликійцы, но и представители почти всѣхъ восточныхъ народовъ, даже люди знатные родомъ, богатые, способные, свѣдущіе и опытные въ морскомъ и сухопутномъ военномъ дѣлѣ.

Римляне пришли въ первый разъ въ столкновеніе съ ними въ 87—86 годахъ, когда Лукуллъ, отправленный Силлою изъ Греціи для сбора флота, открылъ дѣйствія въ эгейскомъ морѣ. Позже (84—81) Мурена, оставленный Силлою въ Малой Азіи, пытался остановить возраставшіе успѣхи морскихъ разбойниковъ, но усилія его были слабы и тщетны. Въ 78 году противъ морскихъ разбойниковъ былъ уже посланъ проконсулъ Сервилій съ флотомъ и арміей. Разбивъ ихъ на морѣ, хотя и съ большимъ для себя урономъ, онъ преслѣдовалъ ихъ въ Киликію, взялъ и разрушилъ многіе ихъ укрѣпленные притоны и даже самые Олимпъ и Фазелисъ, проникнулъ во внутренность страны, силой, хотя съ большимъ трудомъ и опасностью, взялъ городъ Исавръ, покорилъ исаврянъ и, послѣ трехъ лѣтъ войны (78—74) возвратясь въ Римъ съ множествомъ плѣнныхъ, былъ награжденъ тріумфомъ и прозваніемъ *исаврскаго*. Но пользы отъ этого не было ни малѣйшей: морскіе разбойники возобновили свои разбои съ большею еще противу прежняго силой и въ 75 году римляне были принуждены снова послать противъ нихъ претора Марка Антонія (отца знаменитаго въ послѣдствіи тріумвира Антонія) съ сильными флотомъ и войскомъ и съ чрезвычайною властью, которою дотолѣ никогда и ни одинъ изъ римскихъ полководцевъ еще не былъ облекаемъ, а именно — ему было ввѣрено *управленіе всѣми морскими берегами, подвластными Риму*. Къ несчастію, Маркъ Антоній былъ обязанъ этимъ сильному покровительству и проискамъ, а не личному своему достоинству: Саллустій изображаетъ его безпечнымъ, нерадивымъ, расточительнымъ и въ военномъ отношеніи вполнѣ

неспособнымъ и невѣжественнымъ. А потому всѣ его дѣйствія ограничились лихоимствомъ на ввѣренныхъ ему берегахъ и нападеніемъ на островъ Критъ, за то, что онъ будто бы далъ вспомогательный отрядъ войскъ Митридату и убѣжище разбойникамъ. Но разбитый критянами на морѣ, Маркъ Антоній, къ довершенію стыда, заключилъ съ ними миръ (71). Вскорѣ послѣ того онъ умеръ и въ 69 году консулъ Цецилій Метеллъ былъ посланъ съ флотомъ и арміей противъ Крита. Критяне, подвигнутые двумя главными и знатнѣйшими предводителями своими, Ласѳеномъ и Парѳеномъ, мужественно приготовились къ упорной оборонѣ. Но Метеллъ разбилъ въ сухопутномъ бою Ласѳена, силой взялъ главные на Критѣ города и принудилъ Ласѳена и Парѳена сдаться въ плѣнъ (69—68).

А между тѣмъ, противъ морскихъ разбойниковъ римляне не принимали никакихъ рѣшительныхъ мѣръ и не производили ничего важнаго, и сила морскихъ разбойниковъ и ихъ разбоевъ достигла высшей степени, такъ что они имѣли уже болѣе 1,000 большихъ, отлично построенныхъ, вооруженныхъ и управляемыхъ судовъ, совершенно господствовали въ средиземномъ морѣ и безнаказанно, съ невѣроятною дерзостью повсюду производили самые ужасные разбои, грабежи и жестокости. Одними изъ чувствительнѣйшихъ для Рима слѣдствій ихъ разбоевъ были недостатокъ и дороговизна въ немъ продовольствія. Поэтому народъ охотно и съ радостью принялъ и поддержалъ въ 67 году предложеніе народнаго трибуна Габинія—ввѣрить очищеніе морей отъ разбойниковъ одному избранному лицу, съ неограниченною на три года властью на всемъ средиземномъ морѣ и на 400 стадій (70 вер.) отъ береговъ внутри земель, съ предоставленіемъ въ полное его распоряженіе государственной казны, флота изъ 200 большихъ военныхъ судовъ и права избрать изъ сенаторовъ 15 подчиненныхъ ему легатовъ и набирать сколько ему было нужно войскъ и людей во флотъ. Габиній не называлъ никого, но подразумѣвалъ Помпея; его же называлъ и общій голосъ народа—и, не смотря на противудѣйствіе сената и аристократіи, предложеніе Габинія было наконецъ принято, утверждено закономъ (lex Gabinia) и Помпей облеченъ властію, подлинно можно сказать — монархическою и

простиравшеюся на цѣлое римское государство. Ему были дарованы даже большіе противъ Габиніева предложенія силы и способы, а именно: 500 большихъ военныхъ судовъ, 120,000 чел. пѣхоты, 5,000 чел. конницы, 24 сенатора въ званіи легатовъ, 2 квестора и 6,000 талантовъ серебра.

§ 241.

Война въ 67-мъ году.

Планъ и мѣры Помпея;—дѣйствія его въ средиземномъ морѣ и въ Киликіи, а Метелла на о. Критѣ.

Опасное для римской республики, въ политическомъ отношеніи, предоставленіе такому способному и честолюбивому полководцу, какъ Помпей, обширной, нераздѣльной и неограниченной власти и огромныхъ силъ и способовъ, собственно въ военномъ отношеніи было единственнымъ средствомъ къ скорѣйшему и успѣшнѣйшему окончанію войны съ морскими разбойниками. И должно отдать Помпею справедливость, что онъ явилъ себя вполнѣ достойнымъ оказаннаго ему, неограниченнаго довѣрія: начальствованіе его въ войнѣ противъ морскихъ разбойниковъ приноситъ ему величайшую честь и поистинѣ составляетъ лучшую и блистательнѣйшую эпоху въ его военномъ поприщѣ. Уже самый планъ, имъ составленный, изобличаетъ первостепеннаго полководца и заслуживаетъ особеннаго вниманія. Именно Помпей раздѣлилъ все средиземное море на 13 участковъ, въ каждый изъ которыхъ назначилъ по одному либо по два легата, съ извѣстнымъ числомъ судовъ, пѣхоты и даже конницы. Всѣ легаты имѣли равную между собою, но каждый въ своемъ участкѣ—полную, одному Помпею подчиненную власть, а надъ всѣми ими Помпей являлся, по выраженію Аппіана, какъ царь царей, давая всему надлежащее направленіе и ходъ, и съ главными силами быстро обращаясь туда, гдѣ обстоятельства требовали личнаго его присутствія. Имѣя главною цѣлію вполнѣ обезпечить Сицилію, Сардинію и Африку — эти, по словамъ Цицерона, три житницы республики (tria frumentaria subsidia reipublicae), онъ открылъ дѣйствія съ запада, и дѣйствовалъ съ такими энергіей и искуствомъ, а легаты его такъ хорошо

содѣйствовали ему, что результаты были самые блистательные, важные и полезные. Морскіе разбойники, сильно атакованные всюду (на западѣ) въ одно время, нигдѣ не имѣли спасенія: избѣжавъ одной римской эскадры, они встрѣчали другую, третью и т. д., а то, что разъ было утрачено ими, уже было утрачено навсегда, потому что римскія эскадры, изгоняя ихъ изъ своихъ участковъ, прочно и надежно обезпечивали пространство въ тылу своемъ и постоянно тѣснили разбойниковъ отъ запада къ востоку. Такимъ образомъ въ 40 дней времени вся западная часть средиземнаго моря отъ Геркулесовыхъ столбовъ до Греціи была совершенно очищена отъ нихъ — и въ Римѣ и Италіи немедленно продовольственные припасы явились въ изобиліи и цѣны на нихъ упали значительно. Затѣмъ Помпей приступилъ къ очищенію и восточной части средиземнаго моря и къ истребленію разбойниковъ въ самомъ гнѣздѣ ихъ—Киликіи. Исполненіе этой второй части Помпеева плана было гораздо труднѣе, нежели исполненіе первой, по той причинѣ, что разбойники, по мѣрѣ оттѣсненія своего къ востоку, сосредоточивались всѣ болѣе и болѣе и сопротивлялись упорнѣе и отчаяннѣе. Не смотря на то, Помпей, столь же искусными и сильными мѣрами и дѣйствіями, сколько и прежде, въ особенности же великодушнымъ и кроткимъ обращеніемъ съ сдававшимися ему разбойниками, блистательно довершилъ удачно начатое дѣло. Разбойники не только сдавались ему сами собой, но даже указывали сокровеннѣйшіе притоны самыхъ отчаянныхъ изъ своихъ товарищей. Такимъ образомъ, отчасти силой, отчасти страхомъ своего имени и отчасти мѣрами кротости, онъ достигнулъ того, что очистилъ море отъ Греціи до Киликіи и прибылъ наконецъ къ киликійскому приморскому городу Каракезію, въ гавани котораго главные и могущественнѣйшіе изъ морскихъ разбойниковъ, скрывъ семейства и сокровища свои въ укрѣпленіяхъ, построенныхъ въ ущельяхъ таврскаго горнаго хребта, ожидали Помпея съ послѣдними и лучшими судами своего флота. Помпей, имѣвшій 60 большихъ, хорошо-вооруженныхъ судовъ, легко разбилъ разбойниковъ, осадилъ ихъ въ Каракезіѣ, въ которомъ они заперлись послѣ своего пораженія, и наконецъ принудилъ ихъ сдаться со всѣми ихъ городами, укрѣпленіями, островами, складами, заведеніями и всѣмъ вообще,

чѣмъ они владѣли, вслѣдствіе чего въ руки его достались несмѣтныя богатства, огромная всякаго рода добыча и множество плѣнниковъ, захваченныхъ разбойниками и которымъ онъ немедленно возвратилъ свободу. Такимъ образомъ онъ въ 49 дней времени совершенно очистилъ и восточную часть средиземнаго моря отъ морскихъ разбойниковъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ — всего безъ малаго въ три мѣсяца—съ успѣхомъ и славой окончилъ войну съ ними и навсегда избавилъ отъ нихъ средиземное море и прибрежныя его страны (67).

Между тѣмъ Цецилій Метеллъ, жестокостью своею противъ критянъ, довелъ ихъ до того, что они сначала призвали на помощь морскихъ разбойниковъ, а потомъ, когда разбойники были покорены въ Киликіи, вызвались безусловно сдаться Помпею. Основываясь на данномъ ему полномочіи, Помпей приказалъ Метеллу прекратить войну съ ними и послалъ легата своего, Октавія, принять ихъ покорность. Но Метеллъ не только не повиновался Помпею, но и осадилъ критянъ, морскихъ разбойниковъ и съ ними самого Октавія въ одномъ городѣ, въ которомъ они заперлись, и принудивъ ихъ сдаться, всѣхъ разбойниковъ казнилъ, а съ плѣннымъ Октавіемъ поступилъ самымъ унизительнымъ для него образомъ. Такъ какъ вскорѣ послѣ того (66) Помпею было ввѣрено главное начальствованіе въ войнѣ съ Митридатомъ и онъ не имѣлъ болѣе времени и возможности заниматься дѣлами Крита, то Метеллъ и довершилъ въ томъ же 67-мъ году *покореніе этого острова* и обратилъ его въ римское владѣніе, за что и получилъ прозваніе критскаго.

IX.

2-я война римлянъ съ Митридатомъ (75—64).

§ 242.

Начало войны;—дѣйствія Митридата и Лукулла въ Фригіи и Виѳиніи;—осады Халкедона и Кизика (75—73).

Четвертою, современною войнамъ: Серторіянской, съ рабами и съ морскими разбойниками, и важнѣйшею изъ всѣхъ была 2-я и по-

следняя война римлянъ съ Митридатомъ, веденная съ ихъ стороны сначала (74—67) Лукуллонъ, а потомъ (66—64) Помпеемъ, который и кончилъ ее.

Двукратнымъ заключеніемъ мира (въ 85 и 82 годахъ) и Митридатъ, и римляне имѣли въ виду прекратить войну только до благопріятнѣйшаго времени. Впрочемъ, такъ какъ оба раза миръ не былъ утвержденъ письменными договорами, то, для усыпленія римлянъ, Митридатъ и показалъ видъ, будто желалъ упроченія его, и во время диктаторства Силлы два раза отправлялъ съ этою цѣлью посольства въ Римъ, и въ первый разъ исполнилъ требованіе Силлы —предварительно вполнѣ возвратить Каппадокію Аріобарзану. Но второе посольство его прибыло въ Римъ уже по смерти Силлы, и такъ какъ римляне были слишкомъ заняты внутренними своими дѣлами и войнами, то оно и возвратилось безъ всякаго отвѣта. Довольный этимъ предлогомъ къ возобновленію войны съ римлянами, Митридатъ однако отложилъ ее еще до времени, а между тѣмъ занялся войной съ возставшими жителями Колхиды и царства воспорскаго (по обѣимъ сторонамъ Воспора киммерійскаго), покорилъ ихъ и далъ имъ царемъ сына своего, Махареса (84). Затѣмъ, пользуясь временемъ, когда римляне были заняты войнами съ Лепидомъ и потомъ съ Серторіемъ, онъ, еще не открывая войны самъ, заставилъ дѣйствовать Тиграна, который, вторгнувшись въ Каппадокію, овладѣлъ ею, разрушилъ въ ней 12 греческихъ городовъ и, плѣнивъ до 300,000 ея жителей, переселилъ ихъ въ Арменію (75). Въ это же время умеръ виѳинскій царь Никомедъ III, завѣщавъ царство свое римлянамъ, которые и поручили проконсулу Азіи, Юнію Силану, принять Виѳинію во владѣніе. Это обстоятельство заставило Митридата, давно уже домогавшагося Виѳиніи, наконецъ явно возстать противъ римлянъ. Въ 10 лѣтъ времени онъ превосходно приготовился къ войнѣ съ ними и имѣлъ уже 120,000 чел. пѣхоты, вооруженной и устроенной по-римски и раздѣленной, какъ у римлянъ, на легіоны, 16,000 чел. отличной, также хорошо устроенной, вооруженной и обученной конницы на крѣпкихъ и сносныхъ лошадяхъ, 100 колесницъ, вооруженныхъ косами, флотъ изъ 400 военныхъ и хорошо-вооруженныхъ судовъ и огромные склады продовольствія (въ

томъ числѣ одного зерноваго хлѣба до 9.000,000 мѣръ) вдоль морскихъ береговъ. Съ этими-то силами онъ и произвелъ въ 75 мъ году съ сухаго пути и моря нападеніе на Виѳинію. Римляне послали противъ него консула М. Котту и Л. Лукулла, назначивъ первому съ флотомъ и арміей оберегать Пропонтиду и оборонять Виѳинію, а второму съ другою арміей дѣйствовать противъ Митридата наступательно въ собственныхъ его владѣніяхъ. Котта былъ человѣкъ незначущій и достигнулъ консульства происками; но Лукуллъ, съ прекрасными свойствами души, кротостью, благороднымъ и твердымъ характеромъ и величайшимъ безкорыстіемъ соединялъ превосходный умъ, рѣдкую память, большую образованность и отличныя военныя дарованія. Въ союзнической войнѣ и потомъ въ званіи квестора Силлы онъ пріобрѣлъ и военную опытность, но не имѣлъ случая особенно отличиться и отъ него, какъ и отъ Котты, въ Римѣ, при отправленіи ихъ противъ Митридата, ожидали немногаго и находили, что такого рода противникъ обоимъ имъ далеко не по силамъ. Въ отношеніи къ Коттѣ это оказалось совершенно справедливымъ, но въ отношеніи къ Лукуллу римляне чрезвычайно ошиблись.

Лукуллъ взялъ съ собою изъ Испаніи только одинъ легіонъ, къ которому присоединилъ 4 находившіеся въ Малой Азіи, что составило вмѣстѣ до 30,000 чел. пѣхоты и 1,600 чел. конницы. Изъ четырехъ азіятскихъ легіоновъ, два бывшіе Фимбріевы состояли изъ старыхъ, опытныхъ и храбрыхъ, но чрезвычайно буйныхъ и своевольныхъ воиновъ. Лукуллъ съ самаго начала подчинилъ ихъ строгому военному порядку; за всѣмъ тѣмъ они причинили ему въ продолженіи войны немало заботъ, непріятностей и затрудненій.

Положивъ предѣлъ корыстолюбію и лихоимству римскихъ сборщиковъ податей и ростовщиковъ, разорявшихъ Малую Азію, и этимъ, равно какъ и своими кротостью, справедливостью и правосудіемъ, снискавъ расположеніе жителей и обезпечивъ тишину этой страны, начинавшей уже склоняться на сторону Митридата, Лукуллъ могъ свободно и безопасно двинуться въ Виѳинію. Здѣсь Котта хотѣлъ одинъ побѣдить Митридата, но вмѣсто того самъ былъ разбитъ имъ въ одинъ и тотъ же день на сухомъ пути и морѣ близъ Халкедона, съ урономъ 4,000 чел. и болѣе 60 судовъ, заперся въ Халкедонѣ и

былъ обложенъ въ немъ Митридатомъ. Многіе, въ томъ числѣ и Архелай, совѣтовали Лукуллу и убѣждали его идти не въ Виѳинію, а въ беззащитный (по ихъ мнѣнію) Понтъ, представляя, что при первомъ появленіи его въ этой области, въ отсутствіи Митридата, все въ ней немедленно покорится римлянамъ. Но Лукуллъ возразилъ, что предпочитаетъ лучше спасти отъ опасности одного римскаго гражданина, нежели завоевать всѣ владѣнія Митридата, впрочемъ и не совсѣмъ беззащитныя, потому что Митридатъ оставилъ въ Понтѣ Діофанта съ частью силъ.

Движеніе Лукулла въ Виѳинію заставило Митридата снять обложеніе Халкедона и со всѣми своими силами обратиться противъ Лукулла. Встрѣтясь съ нимъ въ Фригіи, онъ тщетно старался принудить его къ бою и не отваживался напасть на него въ собственномъ его лагерѣ. Лукуллъ, убѣжденный въ томъ, что Митридату, оставаясь неподвижно на мѣстѣ противъ римской арміи, недолго можно будетъ прокормить до 300,000 чел. (такова была сила его арміи, со всѣми неустроенными и необученными), тщательно уклонялся отъ нерѣшительного боя и не выходилъ изъ своего лагеря, въ который собралъ достаточное для прокормленія небольшой своей арміи количество продовольственныхъ запасовъ. Предположенія его оправдались вполнѣ: чрезъ нѣсколько дней голодъ принудилъ Митридата предпринять отступленіе. Скрытнымъ ночнымъ движеніемъ удалясь отъ Лукулла, онъ осадилъ въ концѣ года (74) съ сухаго пути и моря Кизикъ, большой, богатый и весьма важный городъ на островѣ Пропонтиды, соединенный съ твердою землей двумя мостами и считавшійся однимъ изъ ключей Азіи. Расположивъ свою армію вокругъ него въ 10-ти лагеряхъ, Митридатъ поручилъ веденіе осады искусному и знаменитому въ то время греческому поліоркету, ѳессалійцу Никомиду. Никомидъ употребилъ всѣ извѣстныя тогда поліоркетическія средства для овладѣнія Кизикомъ правильною осадой, построилъ на землѣ и на судахъ всякаго рода осадныя орудія и машины, а когда они были разрушены вѣтромъ, то прибѣгнулъ къ подкопамъ и подземной войнѣ. Но тщетны были всѣ его усилія и средства: счастіе рѣшительно не благопріятствовало Митридату. Граждане Кизика оборонялись столько же искусно, сколько мужественно и упорно, а Лу-

куллъ расположился лагеремъ на высотахъ въ виду города и Митридата такъ, что легко и удобно могъ отрѣзывать послѣднему подвозы продовольствія сухимъ путемъ, самъ же былъ вполнѣ обезпеченъ отъ его нападенія. Слѣдствіемъ этого было то, что многочисленность войскъ Митридата послужила не только не къ пользѣ, но и къ крайнему вреду его. Въ арміи его вскорѣ открылся сильный голодъ и сверхъ того она чрезвычайно страдала отъ снѣга и стужи, ибо время было уже зимнее. Имѣя въ виду помочь бѣдѣ, не снимая осады, Митридатъ отправилъ въ Виѳинію всю свою конницу, весь вьючный скотъ и наиболѣе пострадавшую часть пѣхоты. Но Лукуллъ преслѣдовалъ ихъ съ конницей и 10-ю когортами пѣхоты, и настигнувъ, отчасти истребилъ или взялъ въ плѣнъ съ огромною добычей, а отчасти разсѣялъ. Митридатъ продолжалъ однако осаду; но когда зимнія бури пресѣкли ему всѣ подвозы съ моря, тогда голодъ въ его арміи достигъ крайней степени и принудилъ его наконецъ (въ началѣ 73 года) снять осаду и отправиться лично на флотѣ въ городъ Парій, пославъ остатки своей арміи, въ числѣ около 30,000 чел., сухимъ путемъ въ Лампсакъ, причемъ снятіе осады и отступленіе изъ подъ Кизика были произведены съ такою поспѣшностью и такимъ безпорядкомъ, что походили болѣе на бѣгство послѣ рѣшительнаго пораженія. Митридатъ съ флотомъ успѣлъ достигнуть Парія, но сухопутныя войска его, живо и сильно преслѣдуемыя Лукулломъ, были настигнуты имъ на *знаменитомъ Граникѣ* и отчасти взяты въ плѣнъ или спаслись въ Лампсакъ и оттуда моремъ въ Парій, большею же частью (до 20,000 чел.) истреблены.

§ 243.

Дѣйствія Лукулла въ Виѳиніи, на морѣ и въ Понтѣ;—побѣды его при о. Лемносѣ и въ Понтѣ. (73—71).

По свидѣтельству нѣкоторыхъ историковъ, Митридатъ лишился въ первые два года войны почти всѣхъ сухопутныхъ войскъ своихъ.

дѣйствовавшихъ въ полѣ. Но онъ имѣлъ еще гарнизоны въ Виѳиніи и господствовалъ на морѣ: ибо у Лукулла не было флота. А потому первою заботой Лукулла въ 73 году было собрать съ малоазіятскихъ приморскихъ городовъ флотъ, а второю—совершенно вытѣснить Митридата, въ одно время съ сухаго пути и моря, изъ Виѳиніи. Легаты Лукулловы Воконій Барба и Валерій Тріарій взяли важнѣйшіе города Виѳиніи: Апамею, Прусу, Никею, а между тѣмъ самъ Митридатъ, потерявъ отъ кораблекрушенія близъ Парія множество судовъ, былъ принужденъ запереться въ Никомедіи и осажденъ въ ней Коттой, а потомъ и Тріаріемъ. Однако онъ не только не упалъ духомъ, но и послалъ часть флота въ Италію, для поддержанія Спартака и развлеченія тѣмъ вниманія и силъ римлянъ. Свѣдавъ объ этомъ, Лукуллъ немедленно отправился вслѣдъ за Митридатовою эскадрой и при островѣ Лемносѣ совершенно разбилъ ее, потопивъ или взявъ въ плѣнъ 32 военныхъ и большое число перевозныхъ судовъ. Этою побѣдой Лукуллъ оказалъ большую услугу своему отечеству, ибо лишилъ Митридата, Спартака и Серторія возможности войти въ сообщенія и заключить страшный и опасный для Рима союзъ между собою. Сверхъ того непосредственнымъ слѣдствіемъ побѣды при Лемносѣ было совершенное очищеніе Виѳиніи Митридатомъ: свѣдавъ о побѣдѣ и приближеніи Лукулла, онъ бѣжалъ моремъ въ Понтъ и успѣлъ спастись единственно благодаря безразсудству Воконія Барбы, который, вмѣсто того, чтобы исполнить приказаніе Лукулла и запереть Митридата въ Никомедіи съ моря, отправился сначала, изъ суевѣрія, на островъ Самоѳракію, для исполненія нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ. Впрочемъ Митридатъ, спасшись отъ плѣна, не избѣжалъ другой бѣды: на пути въ Понтъ внезапная и жестокая буря отчасти разсѣяла, отчасти истребила остатки его флота, такъ что онъ лично едва спасся (на рыбачьей лодкѣ) въ Гераклею, а оттуда, склонивъ жителей ея на свою сторону и оставивъ въ ней 4,000 своихъ войскъ—въ Синопъ и изъ Синопа въ Амизъ. Не имѣя болѣе ни арміи, ни флота, онъ послалъ просить помощи царей: скиѳскихъ, парѳянскаго (Синатрука или Арзака XI) и армянскаго (Тиграна). Изъ нихъ только одинъ послѣдній обѣщалъ ему помощь, но не торопился вступить въ войну съ римлянами,

такъ что Митридатъ былъ предоставленъ собственнымъ силамъ и, собравъ сколько могъ войскъ, приготовился къ оборонѣ.

Между тѣмъ Лукуллъ, занявъ Виѳинію, поручилъ Коттѣ осаду Гераклеи, Тріарію—начальствованіе надъ флотомъ, а самъ съ главными силами арміи двинулся въ Понтъ. Митридатъ выслалъ ему на встрѣчу нѣсколько легкихъ войскъ, которыя тревожили его на походѣ, замедляли движеніе его и разоряли край на пути его слѣдованія. Лукуллъ имѣлъ впрочемъ предосторожность взять съ собою 30,000 галло-грековъ (или галатовъ), несшихъ на себѣ продовольственные для арміи запасы, и вскорѣ достигнулъ изобильнаго и богатаго края, въ которомъ ни въ чемъ не имѣлъ недостатка. Пройдя чрезъ Пафлагонію и Галатію и оттуда въ Понтъ, онъ оставилъ часть войскъ для обложенія городовъ Амиза и Евпаторіи, а самъ продолжалъ идти далѣе къ Ѳемисцирѣ на р. Ѳермодонѣ. Желая спасти богатые понтійскіе города отъ разграбленія, онъ не торопился брать ихъ силой, но склонялъ сдаваться на уговоръ. Это возбудило неудовольствіе и ропотъ въ жадныхъ къ грабежу и корысти воинахъ бывшихъ Фимбріевыхъ легіоновъ, а за ними и въ другихъ войскахъ Лукулловыхъ, и подало имъ поводъ къ порицанію Лукулла за то, что онъ только даетъ Митридату время снова собраться съ силами. Но Лукуллъ пребылъ твердымъ въ своемъ намѣреніи, желая лучше, чтобы Митридатъ собралъ новыя силы, но остался по этой причинѣ въ Понтѣ, нежели чтобы онъ, не успѣвъ собрать войскъ, былъ вынужденъ бѣжать въ лежавшія въ тылу его степи и въ дикія ущелья Кавказа или—что было бы еще хуже для римлянъ—къ тестю своему Тиграну, повелителю обширнаго и сильнаго въ это время царства арменскаго. Въ Понтѣ Лукуллъ надѣялся легко и скоро побѣдить Митридата, между тѣмъ какъ перенесеніе войны послѣднимъ въ степи, горы Кавказа или Арменіи, содѣлало бы ее весьма трудною и опасною для римлянъ. По этимъ причинамъ, остальное время 73 года Лукуллъ провелъ только въ занятіи городовъ Понта, сдававшихся ему на уговоръ. А между тѣмъ Митридатъ дѣйствительно успѣлъ набрать 40,000 чел. пѣхоты и 4,000 чел. конницы (преимущественно между колхидянами и кавказскими племенами), съ которыми и двинулся весною 72 года на встрѣчу высту-

пившему противъ него Лукуллу. Но сошедшись, они долго оставались съ главными своими силами другъ противъ друга въ бездѣйствіи, наблюдая большую осторожность, выжидая удобнаго времени и случая для боя и ограничиваясь только легкими сшибками конницы, успѣхъ въ которыхъ былъ почти всегда на сторонѣ Митридата. Убѣдясь изъ этого въ превосходствѣ Митридатовой конницы, Лукуллъ расположилъ лагерь своей арміи на высотѣ, удобной и выгодной ему какъ для нападенія, такъ и для обороны. Вскорѣ однако въ обѣихъ арміяхъ произошелъ недостатокъ въ продовольствіи, и Лукуллъ началъ посылать сильные отряды для прикрытія подвозовъ изъ Каппадокіи, а Митридатъ съ своей стороны также отправлялъ войска для отрѣзыванія Лукулловыхъ отрядовъ и подвозовъ. Такимъ образомъ, одинъ хотѣлъ обезпечить свои сообщенія, а другой старался отрѣзать ихъ ему. Слѣдствіемъ этого были два дѣла, въ которыхъ, и особенно во второмъ, Митридатовы войска понесли сильное пораженіе, распространившее въ станѣ Митридата такіе смятеніе и страхъ, что вся армія его въ безпорядкѣ обратилась въ бѣгство. Лукуллъ немедленно ворвался въ ея лагерь, преслѣдовалъ бѣжавшихъ своею конницей, множество оныхъ истребилъ и едва не захватилъ самого Митридата, который успѣлъ однако спастись въ городъ Коману, а оттуда бѣжалъ къ Тиграну въ Большую Арменію.

Эта побѣда безъ боя покорила Лукуллу Кабиру—богатый городъ и складъ Митридатовыхъ сокровищъ, а затѣмъ и весь Понтъ. Преслѣдовавъ Митридата до границъ Большой Арменіи, Лукуллъ обратился назадъ, покорилъ Малую Арменію и нѣсколько сосѣдственныхъ съ Колхидой племенъ, и въ началѣ слѣдующаго 71-го года взялъ державшіеся еще Евпаторію и Амизъ, первую—эскаладой, а второй—приступомъ. Евпаторію онъ разрушилъ, а Амизъ былъ зажженъ гарнизономъ и, противъ воли Лукулла, разграбленъ его войсками, которыя даже едва не взбунтовались, когда онъ хотѣлъ удержать ихъ отъ грабежа. Лукуллъ сдѣлалъ по крайней мѣрѣ все, что отъ него зависѣло, для возстановленія Амиза и облегченія участи его жителей, а затѣмъ, воротясь лично на зиму въ Ефесъ, снова принялъ строгія мѣры для прекращенія злоупотребленій римскихъ

ростовщиковъ и сборщиковъ податей, и всѣми такого рода поступками снискалъ себѣ въ Малой Азіи общія признательность и любовь.

§ 244.

Война римлянъ съ Тиграномъ;—движеніе Лукулла въ Большую Арменію;—сраженіе при Тигранацертѣ. (70—69).

По покореніи Понта, Лукуллъ послалъ шурина своего, Аппія Клавдія, къ Тиграну, съ требованіемъ выдачи Митридата. Тигранъ не имѣлъ намѣренія, помогая Митридату, вступить изъ-за него въ войну съ римлянами: но необыкновенно гордый и оскорбленный высокомѣріемъ и суровостью, съ которыми Аппій Клавдій потребовалъ отъ него выдачи Митридата, грозя ему въ противномъ случаѣ войной, отказалъ въ выдачѣ Митридата, объявилъ, что будетъ умѣть обороняться, если римляне нападутъ на него, и затѣмъ, принявъ Митридата подъ свою защиту, началъ собирать многочисленное войско (70). Лукуллъ немедленно положилъ предупредить Тиграна и внести войну въ собственныя его владѣнія, а потому и отправился изъ Ефеса въ свою армію, находившуюся въ Понтѣ. Здѣсь онъ нашелъ, что Котта, послѣ 2-хъ-лѣтней осады Гераклеи, овладѣлъ наконецъ этимъ городомъ и отправился въ Римъ. Присоединивъ войска его къ своимъ, Лукуллъ осадилъ и взялъ Синопъ и взятіемъ Амазіи довершилъ покореніе Понта. Зимою съ 70-го на 69-й годъ онъ заключилъ союзъ съ сыномъ Митридата, царемъ воспорскимъ Махаресомъ, а весною 69-го года, оставивъ въ Понтѣ легата своего, Сорнація, съ 6,000 войскъ, самъ только съ 12,000 чел. пѣхоты и 3,000 чел. конницы двинулся въ Большую Арменію. Предпріятіе его многимъ казалось слишкомъ отважнымъ, войска роптали и шли неохотно, а въ Римѣ враги Лукулла приписывали ему только желаніе продлить свое начальствованіе и обогатиться войной. Но Лукуллъ былъ непоколебимъ въ своемъ намѣреніи, перешелъ черезъ Евфратъ и Тигръ, и двинулся прямо къ столицѣ Тиграна, Тиграноцертѣ. Тигранъ, ослѣпленный гордостью и ласкательствами своихъ царедворцевъ и намѣреваясь самъ вторгнуться въ Киликію, былъ увѣренъ, что Лукуллъ не только не посмѣетъ идти въ Арменію, но и

очиститъ немедленно Малую Азію, при первомъ появленіи въ ней многочисленнаго армянскаго войска. Поэтому, нимало не ожидая нападенія Лукулла, онъ не принялъ никакихъ мѣръ для обороны Арменіи и даже войска его не были вполнѣ собраны. Такимъ образомъ Лукуллъ шелъ по Арменіи, какъ въ собственной странѣ, не только нигдѣ не встрѣчая сопротивленія, но и всюду находя радушный со стороны жителей пріемъ, потому что велъ армію свою въ величайшемъ порядкѣ и всячески щадилъ и край, и жителей. Приближеніе его къ Тиграноцертѣ заставило Тиграна выслать ему на встрѣчу полководца Митробарзана съ 3,000 чел. конницы и сильнымъ отрядомъ пѣхоты. Лукуллъ съ своей стороны выслалъ, для наблюденія за Митробарзаномъ и удержанія его, Секстилія съ 1,600 чел. конницы и такимъ же числомъ легкой и тяжелой пѣхоты. Митробарзанъ, напавъ на Секстилія, былъ убитъ, а отрядъ его обращенъ въ бѣгство, преслѣдованъ и истребленъ. Тигранъ удалился изъ Тиграноцерты къ Таврскому горному хребту и началъ тамъ собирать свои войска. Лукуллъ послалъ противъ него нѣсколько отрядовъ, которые съ успѣхомъ вели малую войну: но этого было недостаточно для него. Проникнувъ съ горстью войскъ въ самую средину обширнаго и сильнаго непріятельскаго государства, онъ былъ убѣжденъ, что не иначе можетъ одержать успѣха въ немъ, какъ рѣшительною побѣдой въ открытомъ полѣ. А потому, чтобы принудить Тиграна къ общему бою, онъ осадилъ Тиграноцерту—городъ, сооруженный и любимый Тиграномъ, въ надеждѣ, что послѣдній поспѣшитъ къ нему на помощь—и не ошибся. Тигранъ, пока всѣ войска его не были еще совершенно собраны, соглашался слѣдовать вполнѣ благоразумнымъ совѣтамъ Митридата, заключавшимся въ томъ, чтобы отнюдь не вступать съ римлянами въ бой, въ которомъ они были непобѣдимы, но одолѣть ихъ голодомъ, употребляя многочисленную армянскую конницу для отрѣзыванія имъ продовольствія. Но когда подъ предводительствомъ Тиграна собралось до 260,000 разноплеменныхъ азіятскихъ войскъ (150,000 чел. пѣхоты, 20,000 стрѣлковъ и пращниковъ, 35,000 военнорабочихъ, 17,000 тяжелой и 38,000 легкой конницы), тогда Тигранъ, надѣясь этою массою войскъ легко подавить слабую Лукуллову армію, презрѣлъ совѣты Митридата и

двинулся къ Тиграноцертѣ. По приближеніи его, Лукуллъ оставилъ Мурену съ 6,000 чел. пѣхоты противъ Тиграноцерты, а самъ съ остальною пѣхотой, которой было не болѣе 10,000 чел., со всею конницей и 1,000 стрѣлками смѣло пошелъ на встрѣчу Тиграну и съ такими стремительностью и силою напалъ съ фронта, фланга и тыла на тяжелую его конницу, стоявшую на оконечности праваго его крыла, что съ перваго удара опрокинулъ ее на пѣхоту, привелъ тѣмъ всю Тигранову армію въ смятеніе, разстройство и безпорядокъ, обратилъ ее въ бѣгство и, живо преслѣдуя, бо̀льшую часть истребилъ, причемъ захватилъ несмѣтную добычу. Тигранъ спасся бѣгствомъ къ Тавру и вмѣстѣ съ Митридатомъ началъ собирать новое войско. Такимъ образомъ Лукуллъ побѣдилъ двухъ могущественныхъ восточныхъ царей двумя совершенно различными способами: Митридата—медленіемъ, уклоненіемъ отъ боя и голодомъ, а Тиграна—напротивъ, смѣлостью, быстротой и рѣшительностью дѣйствій.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ побѣды его было взятіе имъ Тиграноцерты. Захвативъ въ ней сокровища Тиграна, онъ предалъ ее войскамъ своимъ на разграбленіе и разрушилъ. Но съ союзниками и подданными Тиграна онъ поступалъ съ такими великодушіемъ, кротостью и человѣколюбіемъ, что снискалъ общее съ ихъ стороны расположеніе, значительно облегчившее ему содержаніе его арміи и дальнѣйшія дѣйствія въ Арменіи.

Между тѣмъ узнавъ, что *Тигранъ* и *Митридатъ* ищутъ привлечь на свою сторону сосѣдственнаго царя *парѳянскаго Синатрука* (или Арзака XI), Лукуллъ съ своей стороны также предложилъ послѣднему союзъ съ римлянами, но видя, что онъ колеблется, рѣшился немедленно напасть на него въ собственной его странѣ и приказалъ Сорнацію изъ Понта присоединиться къ нему въ Гордіенѣ, откуда намѣревался вступить въ Парѳію. Буйныя и своевольныя войска Сорнація рѣшительно отказались однако идти въ Гордіену и грозили даже уйти въ Италію. Примѣру ихъ послѣдовали и войска, бывшія съ Лукулломъ, и такимъ образомъ онъ по необходимости принужденъ былъ отказаться отъ вторженія въ Парѳію.

§ 245.

Движеніе Лукулла чрезъ Тавръ и къ Артаксатѣ;—сраженіе при р. Арзаніѣ,—движеніе Лукулла къ Низибу (68).

Вмѣсто движенія въ Парѳію, Лукуллъ положилъ обратиться противъ Тиграна и Митридата, которые зимой съ 69-го на 68-й годъ собрали по другую сторону Тавра 70,000 чел. пѣхоты и 35,000 чел. конницы, устроенныхъ и обученныхъ по-римски, равно большіе запасы оружія и продовольствія. Но и на этотъ разъ они были побѣждены Лукулломъ: лѣтомъ 68-го года онъ перешелъ черезъ Тавръ и, снова имѣя въ виду вовлечь непріятелей въ общій бой, сталъ разорять край и старался также захватывать непріятельскіе склады продовольствія. Митридатъ съ пѣхотой постоянно уклонялся отъ боя, располагаясь по высотамъ и въ неудободоступной мѣстности, Тигранъ же съ конницей безпрестанно тревожилъ Лукулла на равнинахъ, дѣятельно ведя малую войну. Въ происходившихъ при этомъ стычкахъ, со стороны римлянъ пѣхота—постоянно, а со стороны Тиграна конница—почти всегда, имѣли верхъ. А потому, дабы скорѣе принудить Тиграна и Митридата къ общему бою, Лукуллъ положилъ осадить Артаксату, другую столицу Тиграна, въ которой находилось его семейство, и двинулся къ этому городу. Тигранъ и Митридатъ преградили ему путь къ Артаксатѣ, расположась за рѣкою Арзаніемъ. Но Лукуллъ смѣло перешелъ въ виду ихъ черезъ рѣку и, построивъ 12 когортъ (6,000 чел.) въ 1-й линіи, а остальныя въ резервѣ, стремительно напалъ на непріятельскую армію и съ перваго удара опрокинулъ ее и обратилъ въ бѣгство, съ большимъ для нея урономъ. Не смотря на позднее осеннее время, онъ былъ твердо намѣренъ преслѣдовать и тѣснить Тиграна и Митридата до послѣдней крайности и довершить покореніе Большой Арменіи. Но въ то самое время, когда онъ былъ уже въ недальнемъ разстояніи отъ Артаксаты, войска его снова и рѣшительно отказали ему въ повиновеніи: ничто не было въ состояніи побѣдить ихъ упорства, и Лукуллъ, вторично принужденный отказаться отъ плодовъ своихъ побѣдъ и отъ довершенія своихъ завоеваній, перешелъ обратно че-

резъ Тавръ, взялъ осадою Низибъ—городъ, расположенный въ плодородной, изобильной странѣ и въ умѣренномъ, здоровомъ климатѣ, и расположился въ немъ на зиму (съ 68-го на 67-й годъ).

§ 246.

Переворотъ войны въ пользу Тиграна и Митридата;—бой при Зелѣ (67).

Съ 67 года счастіе рѣшительно измѣнило Лукуллу и онъ началъ на каждомъ шагу встрѣчать неодолимыя препятствія, едва не сокрушившія справедливо заслуженной имъ славы. Причинами тому были: во 1-хъ происки и козни враждебной Лукуллу въ Римѣ Помпеевой партіи,—во 2-хъ злоба и ненависть къ нему римскихъ чиновниковъ въ Азіи, за его справедливую противъ ихъ безстыдныхъ поступковъ строгость,—въ 3-хъ глубокій развратъ, алчное корыстолюбіе и буйный, мятежный духъ Лукулловыхъ, какъ и всѣхъ вообще римскихъ войскъ этого времени,—въ 4-хъ нетерпѣливое желаніе ихъ спокойно насладиться наконецъ пріобрѣтенными ими на востокѣ богатствами,—наконецъ въ 5-хъ и въ особенности—непріязнь ихъ къ Лукуллу, виною которой отчасти былъ онъ самъ. Человѣкъ отличныхъ ума и души, честный, безкорыстный, правдивый и полководецъ искусный и доблестный, казалось, онъ соединялъ въ себѣ все, что въ состояніи было снискать ему общія уваженіе и любовь. Къ сожалѣнію, одного только недоставало ему—онъ не умѣлъ пріобрѣтать любви и преданности своихъ подчиненныхъ. По свидѣтельству Діона Кассія, онъ былъ слишкомъ строгъ съ ними, требовалъ отъ нихъ слишкомъ много, былъ недоступенъ для нихъ и столь же неумолимый въ наказаніяхъ, сколько и строгій въ требованіяхъ службы, не обладалъ даромъ привязывать къ себѣ войска благоразумнымъ сочетаніемъ строгости съ кротостью и пріобрѣтать друзей побужденіями чести или дарами, и при всемъ своемъ благодушіи нажилъ себѣ только враговъ.

Поэтому, когда въ 67 году въ арміи его сдѣлалось извѣстнымъ, что бывшіе Фимбріевы легіоны получили увольненіе отъ службы и что проконсулъ Марцій Рексъ назначенъ правителемъ Киликіи, а консулъ Ацилій Глабріонъ—Виѳиніи и Понта, съ главнымъ началь-

ствованіемъ въ войнѣ противъ Митридата, тогда бывшіе Фимбріевы легіоны, а за ними и прочія войска Лукулловы, явно взбунтовались и Лукуллъ ничѣмъ не могъ усмирить ихъ. Пользуясь этимъ, Тигранъ, уже зимой съ 68 на 67 годъ успѣвшій снова завладѣть частью Арменіи, осадилъ Лукуллова легата Фаннія въ одномъ замкѣ и неминуемо принудилъ бы его къ сдачѣ, еслибы Лукуллъ не выручилъ его. Въ то же время и Митридатъ возвратился съ 4,000 собственныхъ и 4,000 Тиграновыхъ войскъ въ Понтъ, на-голову разбилъ двинувшагося ему на встрѣчу Лукуллова легата Фабія Адріана и осадилъ его съ остатками его войскъ въ Кабирѣ. По приближеніи, въ помощь Адріану, Тріарія со всѣми войсками, какія онъ могъ собрать, Митридатъ снялъ однако осаду Кабиры и былъ преслѣдованъ Тріаріемъ до Команы. Но весною 67 года, усиливъ свои войска новыми наборами, онъ снова двинулся противъ Тріарія, съ цѣлью совершеннаго изгнанія его изъ Понта, прежде нежели Лукуллъ успѣлъ бы подать ему помощь. Такъ какъ Тріарій уклонялся отъ боя, то дабы принудить его къ оному, Митридатъ сдѣлалъ приготовленія къ осадѣ одного укрѣпленнаго замка, въ которомъ были собраны всѣ тяжелые обозы Лукулловой арміи. Эта хитрость удалась ему: войска Тріарія, боясь потерять обозы, принудили его къ бою, который и произошелъ близъ города Зелы. Въ этомъ бою римскія войска понесли самое жестокое пораженіе изъ всѣхъ, претерпѣнныхъ ими въ продолженіи войнъ съ Митридатомъ. 7,000 римскихъ воиновъ, въ томъ числѣ 24 военныхъ трибуна и 150 центуріоновъ, легли на мѣстѣ, и еслибы Митридатъ не былъ тяжело раненъ, что прекратило преслѣдованіе, то и всѣ остальныя Тріаріевы войска были бы также истреблены. Лукуллъ не могъ предупредить этого пораженія, ни воспрепятствовать ему, по той причинѣ, что войска его тогда только согласились слѣдовать за нимъ, когда узнали, что Тріарій находился въ дѣйствительной опасности. А потому Лукуллъ и прибылъ въ Понтъ уже слишкомъ поздно и едва успѣлъ спасти Тріарія отъ ярости озлобленныхъ противъ него войскъ его. Митридатъ, столь же осторожный передъ Лукулломъ, сколько былъ смѣлъ и отваженъ передъ его легатами, немедленно началъ уклоняться отъ боя и ждалъ прибытія Тиграна, который, уже покоривъ обратно

бо́льшую часть своихъ владѣній, собралъ многочисленное войско и шелъ на помощь Митридату. Лукуллъ, не могши принудить послѣдняго къ бою, двинулся на встрѣчу Тиграну, въ надеждѣ разбить утомленныя походомъ войска его внезапнымъ на нихъ нападеніемъ. Но сдѣлавъ нѣсколько переходовъ и узнавъ цѣль движенія, войска Лукулловы отказались идти далѣе и даже дѣйствовать подъ его начальствомъ, не признавая болѣе его власти, такъ какъ Глабріонъ прибылъ уже въ Виѳинію. Такимъ образомъ представилось странное и рѣдкое въ военной исторіи зрѣлище искуснаго полководца, имѣвшаго при себѣ армію, но никакой надъ нею власти, и потому принужденнаго въ бездѣйствіи взирать, какъ побѣжденные имъ передъ тѣмъ враги, въ его глазахъ, можно сказать, обратно покоряли свои владѣнія, имъ завоеванныя, и даже разоряли сосѣдственныя. Дѣйствительно, Митридатъ вполнѣ завладѣлъ Понтомъ, а Тигранъ — Арменіей, и послѣдній грабилъ и опустошалъ сверхъ того Каппадокію. Такимъ образомъ, когда требованные, за годъ передъ тѣмъ, Лукулломъ изъ Рима десять уполномоченныхъ (коммиссаровъ) прибыли въ Малую Азію, для устройства дѣлъ и управленія вновь завоеванныхъ областей, то нашли ихъ въ полномъ распоряженіи Митридата и Тиграна, какъ будто вовсе не было одержано важныхъ и блистательныхъ успѣховъ надъ этими двумя царями и даже ведено войны съ ними! И этому несчастному концу предпріятія, имѣвшаго прекрасное начало, главною причиной было, какъ сказано выше, неумѣніе Лукулла пріобрѣтать любовь и преданность войскъ своихъ. Еслибы, говоритъ Плутархъ, при всѣхъ своихъ превосходныхъ качествахъ, онъ умѣлъ также заставить любить себя своими войсками, то предѣлами римскаго государства были бы, не Евфратъ, но каспійское море и дальній востокъ: ибо Митридатъ и Тигранъ были уже побѣждены, а парѳянъ, еще не сильныхъ, побѣдить было не трудно. Въ отношеніи къ послѣдствіямъ своимъ, побѣды и завоеванія Лукулла имѣли, по словамъ Плутарха, самое вредное на римлянъ вліяніе: «ибо—говоритъ онъ»—трофеи, воздвигнутые въ Арменіи, покореніе Тигранокерты и Низиба, несмѣтныя богатства и самый вѣнецъ Тиграна, привезенные съ востока въ Римъ, возбудили позже въ Крассѣ мысль и желаніе внести оружіе римское въ страны отдаленнаго вос-

тока. Но тогда парояне были уже не тѣ, что прежде, и бѣдственное пораженіе Красса доказало, что Лукуллъ былъ обязанъ своими побѣдами и завоеваніями, не изнѣженности и неблагоразумію своихъ враговъ, но собственнымъ дарованіямъ и искуству».

§ 247.

Назначеніе Помпея; — дѣйствія его и Митридата въ Понтѣ и Малой Арменіи; — [illegible] и Фраатъ; — дѣйствія Помпея въ Большой Арменіи противъ Тиграна (66).

Въ 66 году законъ, предложенный народнымъ трибуномъ Маниліемъ (lex Manilia) и, не смотря на сопротивленіе Катула и Гортензія, принятый сенатомъ, ввѣрилъ Помпею, находившемуся въ Киликіи, сверхъ власти, предоставленной ему закономъ Габиніевымъ, начальствованіе въ войнѣ противъ Митридата и Тиграна, и управленіе областями Малой Азіи, подчиненными Лукуллу, а потомъ Марцію Рексу и Ацилію Глабріону.

По видимому казалось, что Помпею нужно было начать войну совершенно съ-изнова; но на самомъ дѣлѣ ему оставалось только пожать плоды побѣдъ Лукулла, подобно тому, какъ онъ воспользовался побѣдами Метелла противъ Серторія, и Красса противъ Спартака. Дѣйствительно, хотя Митридатъ и Тигранъ и завладѣли снова, одинъ Понтомъ, а другой Арменіей, *но уже были такъ ослаблены* Лукулломъ, что никакъ не могли съ успѣхомъ и долго сопротивляться Помпею, полководцу столько же искусному, сколько и счастливому, облеченному неограниченною властью и имѣвшему въ своемъ распоряженіи многочисленное, вполнѣ преданное и покорное ему войско и сильный флотъ. За то, немедленно по принятіи Помпеемъ начальствованія, война и приняла совершенно другой оборотъ.

Первою заботой Помпея было воспользоваться сильнымъ своимъ флотомъ, для отрѣзанія Митридату и Тиграну сообщеній съ моремъ. Для этого онъ и расположилъ флотъ свой вдоль береговъ Малой Азіи, отъ Финикіи до ѳракійскаго Воспора. Затѣмъ ему удалось отторгнуть преемника Синатрукова, пароянскаго царя Фраата III (или Арзака XII), отъ союза съ Митридатомъ, и въ то же время, къ осо-

бенному для Помпея счастію, сынъ Тиграна возсталъ противъ отца своего, что лишило Митридата также и содѣйствія Тиграна. Такимъ образомъ Митридатъ остался противъ Помпея одинъ и всѣмъ силамъ послѣдняго могъ противупоставить только 30,000 чел. пѣхоты и 3,000 чел. конницы, съ которыми и расположился на предѣлахъ Понта, положивъ уклоняться отъ боя и выморить Помпея голодомъ въ странѣ, уже разоренной. Помпей, усиливъ себя всѣми войсками, находившимися въ распоряженіи Лукулла, не исключая и бывшихъ Фимбріевыхъ легіоновъ, которые сами добровольно стали подъ его начальство, быстро двинулся противъ Митридата, предлагая ему между тѣмъ сдаться лично и выдать всѣхъ римскихъ переметчиковъ *). Митридатъ, какъ естественно, отказался сдаться и, чтобы успокоить римскихъ переметчиковъ, взбунтовавшихся изъ опасенія выдачи ихъ Помпею и взбунтовавшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и собственныя Митридатовы войска, онъ *поклялся*, что никогда не выдастъ ихъ и не заключитъ съ римлянами мира.

Вскорѣ прибылъ Помпей и немедленно напалъ на Митридата, но, не успѣвъ вытѣснить его изъ неудободоступной мѣстности, на которой онъ расположенъ былъ, и опасаясь голода, двинулся въ принадлежавшую ему и войсками незанятую Малую Арменію. Митридатъ послѣдовалъ за нимъ и, расположась противъ него въ укрѣпленномъ лагерѣ на удобныхъ для обороны высотахъ, началъ успѣшно вести своею *конницей малую войну, отрѣзывая* Помпею продовольствіе, но самъ въ изобиліи добывая оное съ тыла. *Помпей искусно воспользовался* однако пересѣченною лощинами мѣстностью, поставилъ отрядъ въ засаду, навелъ на него Митридатову конницу и, истребивъ ее почти всю, лишилъ тѣмъ Митридата важнаго и полезнаго содѣйствія ея и единственнаго преимущества, которое онъ въ ней имѣлъ надъ Помпеевою арміей. Тогда уже Помпей въ свою очередь началъ успѣшно вести конницей малую войну и отрѣзывать Митридату продовольствіе, и наконецъ почти совершенно обложилъ его сомкнутыми укрѣпленіями, соединенными укрѣпленною линіей. Цѣлыхъ 45 дней

*) Въ 1-й и особливо во 2-й войнѣ Митридата съ римлянами, въ арміи его было множество римскихъ переметчиковъ, что и способствовало, безъ сомнѣнія, болѣе или менѣе правильному устройству его войскъ по-римски.

терпѣливо выдерживалъ Митридатъ обложеніе, но наконецъ голодъ и слухъ о приближеніи къ Помпею подкрѣпленій принудили его искать спасенія въ бѣгствѣ, что ему и удалось. Ночью, оставивъ въ своемъ лагерѣ разложенные огни, онъ успѣлъ обмануть Помпея и прорваться сквозь укрѣпленную его линію. Помпей на слѣдующее же утро устремился вслѣдъ за нимъ: но Митридатъ днемъ стоялъ на мѣстѣ въ укрѣпленномъ лагерѣ, а ночью дѣлалъ усиленные переходы, и такимъ образомъ Помпей днемъ не могъ принудить его къ бою въ открытомъ полѣ, а ночью не имѣлъ возможности ни напасть на него, ни даже слѣдовать за нимъ, потому что не зналъ мѣстности. Однако послѣ 40 сутокъ движенія вслѣдъ за Митридатомъ, узнавъ, что онъ готовится перейти черезъ Евфратъ и вступить въ Большую Арменію, Помпей опередилъ его скрытнымъ и усиленнымъ дневнымъ движеніемъ и къ ночи расположился на пути его, близъ Евфрата, на выгодной для дѣйствій римской арміи мѣстности. Стремительно, сильно и совершенно неожиданно атакованная на походѣ, ночью, при лунномъ свѣтѣ, армія Митридата не успѣла перестроиться изъ походнаго порядка въ боевой—и была на-голову разбита: болѣе 10,000 чел. легло на мѣстѣ, почти столько же было взято въ плѣнъ, а остальные разсѣялись. Митридатъ съ 800 чел. конницы успѣлъ пробиться и бѣжалъ къ предѣламъ Большой Арменіи, но уже—самъ-четвертый, потому что конница его разсѣялась. На пути онъ собралъ однако около 3,000 чел. пѣхоты и нѣсколько конницы; но узнавъ, что Тигранъ, подозрѣвавшій его въ возбужденіи возставшаго сына своего, обѣщалъ 100 талантовъ за его голову, рѣшился покинуть то, чего уже не въ состояніи былъ болѣе защищать — и идти сухимъ путемъ въ царство воспорское къ сыну своему Махаресу. Вслѣдствіе того, отъ верьховьевъ Евфрата онъ направился чрезъ р. Фазисъ къ Діоскурію на восточномъ берегу Евксинскаго Понта, гдѣ перезимовалъ, а оттуда весною 65-го года продолжалъ идти чрезъ хребетъ кавказскій въ Воспоръ, котораго и достигнулъ наконецъ, твердостью, терпѣніемъ, неутомимостью и, хотя побѣжденный и бѣгущій, еще страхомъ своего имени и силою своего оружія преодолѣвъ неимовѣрныя препятствія со стороны мѣстности и жителей края.

Помпей преслѣдовалъ его сначала частью конницы и легкой пѣ-

хоты, и узнавъ, что онъ перешелъ черезъ Фазисъ, обратился противъ Тиграна въ Большую Арменію. Здѣсь сынъ Тиграна, возставшій противъ своего отца, былъ разбитъ имъ, но вскорѣ, поддержанный тестемъ своимъ, пареянскимъ царемъ Фраатомъ, осадилъ Артаксату, а Тигранъ удалился изъ нея въ горы. Медленность осады и внутреннія дѣла Пареіи принудили однако Фраата возвратиться въ собственную свою страну, и Тигранъ, немедленно напавъ на своего сына, вторично разбилъ его. Послѣдній бѣжалъ къ Помпею и самъ указалъ ему путь въ Большую Арменію. Устрашенный Тигранъ, тщетно старавшись переговорами и мирными предложеніями удержать Помпея, продолжавшаго идти къ Артаксатѣ и уже перешедшаго черезъ Араксъ, принялъ наконецъ въ Артаксату римскій гарнизонъ и самъ явился въ станъ Помпея съ покорностью. Помпей сохранилъ ему родовыя его владѣнія, т. е. Большую Арменію, но объявилъ его лишеннымъ Сиріи, Финикіи, части Киликіи, Галатіи и Софены, и обязалъ заплатить римлянамъ 6,000 талантовъ.

§ 248.

Дѣйствія Помпея въ странахъ кавказскихъ (66—65).

Устроивъ дѣла Арменіи и сосѣдственныхъ съ нею областей Малой Азіи, Помпей оставилъ въ ней легата своего Афранія съ частью силъ, а самъ съ *главными силами направился* (въ концѣ 66 года) къ Кавказу, для перехода черезъ него и *движенія въ воспорское* царство. На кавказскомъ перешейкѣ онъ встрѣтилъ необыкновенныя препятствія и затрудненія со стороны мѣстности и жителей, особенно албанцовъ и иберянъ *), двухъ сильныхъ и воинственныхъ народовъ, и былъ принужденъ столько же остерегаться ихъ хитростей и коварства, сколько и бороться съ значительными силами ихъ. Сначала онъ обратился противъ албанцовъ и зимою (въ декабрѣ), въ бою на берегахъ рѣки Кира или Кура (нынѣшней Куры), разбивъ 40-ка-ты-

*) Кавказскій перешеекъ заключалъ въ древнія времена три страны: 1) Колхиду—вдоль восточнаго берега Евксинскаго Понта или Чернаго моря,—2) Албанію—вдоль западнаго берега Гирканскаго или Каспійскаго моря,—и 3) Иберію—въ срединѣ между ними, по южную сторону кавказскаго хребта.

сячное войско ихъ, даровалъ царю или вождю ихъ, Озѣру, миръ и зимовалъ въ Албаніи. Весною же 65 года онъ обратился на западъ противъ иберянъ, которые дотолѣ никогда и никѣмъ не были покорены, а въ это время были дружелюбно расположены къ Митридату и враждебно къ римлянамъ. Но царь или вождь ихъ, Артокъ, колеблясь между непріязнію къ римлянамъ и страхомъ ихъ оружія, то предлагалъ имъ свободный проходъ чрезъ Иберію, то отказывалъ въ немъ. Принужденный наконецъ къ бою и разбитый въ немъ съ урономъ 9,000 чел. убитыми и 10,000 чел. взятыми въ плѣнъ, онъ просилъ мира и получилъ его, давъ сыновей своихъ въ заложники. Затѣмъ Помпей вступилъ въ Колхиду, но встрѣтилъ въ ней такія препятствія, что принужденъ былъ отказаться отъ дальнѣйшаго движенія къ сѣверу и надежды настигнуть Митридата, а возмущеніе албанцовъ доставило ему благовидный предлогъ къ обратному походу. Поручивъ легату своему Сервилію, прибывшему съ частью флота къ устью Фазиса, отрѣзать Митридата отъ моря и совершенно запереть его въ киммерійскомъ Воспорѣ, онъ двинулся обратно въ Албанію и встрѣтилъ албанцовъ на р. Кирѣ, въ удобномъ для перехода черезъ нее мѣстѣ, которое они по этой причинѣ и преградили вбитымъ въ самой рѣкѣ тыномъ. Помпей уклонился отъ этого мѣста довольно дальнимъ обходомъ (неизвѣстно — вверхъ или внизъ по теченію) и, найдя бродъ, поставилъ поперегъ рѣки, противъ теченія, весьма быстраго и сильнаго, сомкнутый строй конницы, ниже—такой же рядъ повозокъ и вьючнаго скота, а еще ниже перевелъ пѣхоту. Такъ какъ послѣ того ему нужно было идти краемъ безводнымъ, то онъ наполнилъ водою и велѣлъ войскамъ нести на себѣ 10,000 мѣховъ и такимъ образомъ удачно достигнулъ рѣки, которую Плутархъ и Діонъ Кассій называютъ Абасомъ (вѣроятно нынѣшнихъ Іоры или Алазани) и близъ которой были расположены болѣе 60,000 чел. пѣхоты и около 2,000 чел. конницы албанскихъ, худовооруженныхъ и предводительствуемыхъ братомъ Озѣра, Косисомъ. Въ происшедшемъ здѣсь бою Помпей лично убилъ напавшаго на него Косиса, послѣ чего албанцы защищались уже слабо и отступили наконецъ въ большой лѣсъ. Помпей окружилъ оный войсками и зажегъ, такъ что часть албанцовъ погибла отъ огня, а другая, искавшая спасенія въ

бѣгствѣ, была истреблена римскими войсками. Историки говорятъ, что послѣ этой побѣды Помпей крайне желалъ проникнуть до каспійскаго моря, отъ котораго находился не болѣе, какъ въ трехъ дняхъ пути, но принужденъ былъ отказаться отъ этого по причинѣ множества змѣй и ядовитыхъ гадовъ на этомъ пространствѣ, и воротился въ Малую Арменію. Здѣсь онъ оставался до весны 64-го года, устранилъ причины неудовольствія Фраата противъ его легатовъ, слишкомъ приблизившихся къ границамъ Парѳіи и даже отчасти (Габиній) перешедшихъ черезъ нихъ, примирилъ Фраата и Тиграна, и довершилъ занятіе Митридатовыхъ укрѣпленныхъ замковъ, со всѣми находившимися въ нихъ сокровищами.

§ 249.

Движеніе Помпея въ Амизъ и Сирію;—дѣйствія Митридата въ [illegible] царствѣ;—планъ, смерть и [illegible] (64—[illegible]).

Весною 64-го года Помпей прибылъ въ Амизъ — городъ, лежавшій на восточномъ берегу Евксинскаго Понта, противъ Воспора киммерійскаго, но не для переправы въ сей послѣдній моремъ, а для устройства дѣлъ этой части Азіи, на общемъ сеймѣ созванныхъ имъ государей и представителей ея народовъ. По исполненіи же этого, давъ новыя приказанія касательно строжайшаго обложенія Митридата съ моря и *сказавъ, что оставляетъ ему врага, еще болѣе страшнаго, нежели Помпей—голодъ,* онъ направился къ юговостоку въ Сирію, съ цѣлію покоренія и этого царства (на престолъ котораго Лукуллъ, по изгнаніи Тиграна, возвелъ въ 68-мъ году Антіоха азіятскаго) и распространенія такимъ образомъ своихъ завоеваній до самаго Чермнаго или Краснаго моря.

Между тѣмъ сынъ Митридата Махаресъ, по приближеніи отца, бѣжалъ, страшась его мщенія, но по приказанію его былъ умерщвленъ, а по другимъ самъ лишилъ себя жизни. Митридатъ же, овладѣвъ Воспоромъ киммерійскимъ и таврическимъ Херсонесомъ, увѣдомилъ Помпея, что согласенъ платить римлянамъ дань, если они возвратятъ ему Понтъ. Но Помпей требовалъ, чтобы онъ лично прибылъ къ нему съ покорностью, и Митридатъ продолжалъ гото-

виться къ войнѣ: собиралъ войска, деньги, продовольственные запасы, выдѣлывалъ оружіе, строилъ военныя машины и орудія, и проч. Не смотря на сильное ожесточеніе противъ него жителей воспорскаго царства, вслѣдствіе его угнетеній, онъ успѣлъ однако набрать въ немъ до 36,000 чел. отборной пѣхоты, раздѣленныхъ по-римски на 60 когортъ въ 600 чел. каждая, и сверхъ того множество другихъ, менѣе надежныхъ войскъ. Онъ имѣлъ также военныя суда и, занявъ Фанагорію на восточномъ и Пантикапею на западномъ берегу киммерійскаго Воспора, рѣшился на отважное или, лучше сказать, отчаянное предпріятіе, а именно—сухимъ путемъ, чрезъ земли скиѳовъ и германцовъ внести войну въ Италію съ сѣвера—планъ, составленный имъ, какъ полагаютъ, еще въ началѣ его царствованія. Но это намѣреніе возбудило неудовольствіе и ропотъ въ его войскахъ и вскорѣ, подвигнутыя къ явному бунту противъ него сыномъ его Фарнакомъ, они отложились отъ него и провозгласили Фарнака царемъ. Обложенный ими въ Пантикапейскомъ зáмкѣ и тщетно пытавшись склонить ихъ на свою сторону, 72-хъ лѣтній Митридатъ, слишкомъ слабый для умерщвленія себя собственною рукою, упросилъ одного изъ своихъ приближенныхъ пронзить его мечомъ (въ началѣ 63-го года).

Такъ кончилъ жизнь свою этотъ знаменитый врагъ римлянъ, 17 лѣтъ (не считая промежутковъ мира) ведшій войну противъ нихъ съ упорною настойчивостью. Древніе писатели, въ особенности римскіе, превознесли его чрезвычайными похвалами *), а исторія назвала его Великимъ. Дѣйствительно, ему нельзя отказать ни въ умѣ, способномъ на самыя смѣлыя и великія предпріятія, ни въ мужествѣ, ни въ твердости души, преодолѣвавшей всѣ затрудненія и неудачи, ни въ неистощимости средствъ къ возстанію послѣ величайшихъ неудачъ и пораженій, ни въ личной храбрости. Крѣп-

*) Между прочимъ, Цицеронъ называетъ его величайшимъ изъ царей послѣ Александра В., а Веллей Патеркулъ, всегда напыщенный, сказавъ, что о немъ нельзя ни умолчать, ни говорить равнодушно, прибавляетъ, что онъ былъ неустрашимъ въ войнѣ, изумителенъ своими доблестями, великъ по временамъ—своимъ счастіемъ, всегда—своими чувствами, умомъ—полководецъ, дѣлами рукъ—воинъ, второй Аннибалъ—по своей ненависти къ Риму.

кій и сильный тѣломъ, ловкій и искусный во всѣхъ тѣлесныхъ и военныхъ упражненіяхъ, въ наѣздничествѣ и управленіи военными колесницами, и въ бою воинъ столь же страшный врагамъ, сколько и лично храбрый, онъ былъ и полководецъ весьма искусный и замѣчательный, отличаясь особенно военными хитростями своими, а также и умѣніемъ сообразовать свои дѣйствія съ обстоятельствами и съ характеромъ и дѣйствіями противныхъ полководцевъ. Но, побѣждая народы азіятскіе и даже самихъ римлянъ, когда они были предводительствуемы посредственными или неспособными полководцами, онъ претерпѣвалъ лишь безпрестанныя неудачи и пораженія, когда имѣлъ противъ себя Лукулла и Помпея. Поэтому, едва ли онъ имѣетъ право на званіе великаго полководца и во всякомъ случаѣ не можетъ, по искуству, быть поставленъ на одномъ ряду не только съ Аннибаломъ, но даже и съ Лукулломъ и Помпеемъ.

Вѣсть о смерти его, полученная Помпеемъ въ Іудеѣ близъ Іерихона, возбудила въ Помпеевой арміи, равно и въ Римѣ, живѣйшую радость. Помпей немедленно возвратился въ Понтъ, принялъ покорность Фарнака и сохранилъ ему воспорское царство (за исключеніемъ Фанагоріи), Тиграну—Большую Арменію, Аріобарзану—Каппадокію и Софену, Гиркану—Іудею и нѣкоторымъ мелкимъ, подвластнымъ Риму въ Азіи владѣтелямъ—ихъ земли. Изъ Виѳиніи же, Пафлагоніи и Понта онъ образовалъ одну большую область подъ названіемъ Виѳиніи, изъ Памфиліи и Киликіи—другую подъ названіемъ Киликіи, а изъ отнятыхъ у Тиграна остатковъ прежняго царства сирійскаго—третью подъ названіемъ Сиріи. Всѣ эти три области были обращены въ римскія и такимъ образомъ предѣлы римской республики распространены до Евфрата, и сосѣдями римлянъ по другую сторону этой рѣки содѣлались парояне, столь страшные для нихъ въ послѣдствіи.

ОПЕЧАТКИ.

Въ текстѣ:

СТРАН.	СТРОКИ.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
18	6-я снизу	короагенскія	кароагенскія
29	4-я сверху	на жалованьи	на жалованьѣ
35	8-я снизу	принадлежащихъ	принадлежавшихъ
49	6-я—5-я снизу	раз- зорявшихъ	раз- орявшихъ
53	7-я сверху	къ союзникамъ своимъ.	къ союзникамъ своимъ,
64	3-я »	окончивались	оканчивались
69	3-я снизу	продожали	продолжали
89	16-я »	послужилн	послужили
95	13-я »	но имени	по имени
102	7-я сверху.	по выраженію римлянъ?	по выраженію римлянъ)?
103	6-я снизу	послѣднимъ	послѣднимъ
110	13-я »	къ с. отъ Кумъ.	къ с. отъ Кумъ).
116	15-я »	угрожанія	угроженія
131	11-я сверху	для угроженія Капуѣ,	для угроженія Капуѣ.
147	3-я »	(н. Fsola)	(н. Jsola)
149	8-я снизу	скрытными и трудными	скрытными и труднымъ
150	3-я »	Мутинъ.	Мутилъ.
151	8-я »	измѣненія	измѣненія
153	15-я »	римлянъ	римлянъ
157	9—10-я сверху	которыя	которые
166	11—12-я снизу	{неи- {звѣстенъ	{не- {извѣстенъ
187	1-я снизу	(н. Гвадалквиръ),	(н. Гуадалквиръ),
188	12-я сверху	р. Гвадалквира.	р. Гуадалквира.
200	17-я »	ого же	того же
203	3—4-я »	{Анни- {балу	{Анни- {бала
218	5-я снизу	искуссный	искусный
224	12-я сверху	Сципіона, въ Испаніи и особенно въ Африкѣ	Сципіона въ Испаніи и особенно въ Африкѣ.
231	14-я »	воины	войны
239	15-я »	съ бо̀льшими	съ большими
—	16-я »	съ гораздо большими	съ гораздо бо̀льшими
253	7-я »	съ нАтіохомъ	съ Антіохомъ
270	16-я »	на пути	на пути.
303	6—7-я »	въ жилахъ, у самыхъ храбрыхъ воиновъ	въ жилахъ у самыхъ храбрыхъ воиновъ,
304	13—14-я »	отделѣ- ніями	отдѣ- леніями
311	15-я »	полководцевъ: для совѣта	полководцевъ, для совѣта
339	въ заглавіи	336 (страница)	339
346	въ заглавіи	римляны	римлянъ
351	въ заглавіи	Дѣйс силлы	Дѣйст. Силлы
367	въ заглавіи	349	367.